

СЛОВО И КУЛЬТУРА БЕЗ ГРАНИЦ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Сборник статей

Владивосток
2022

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Дальневосточный федеральный университет
Восточный институт – Школа региональных и международных исследований
Кафедра русского языка как иностранного

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук
Центр истории культуры и межкультурных коммуникаций

Хулуьбуирский университет (Китайская Народная Республика, АРВМ)

Российское общество преподавателей русского языка и литературы

Азиатско-Тихоокеанская ассоциация преподавателей
русского языка и литературы

СЛОВО И КУЛЬТУРА БЕЗ ГРАНИЦ: Аксиологический аспект

Сборник статей

Владивосток

2022

© ФГАОУ ВО ДВФУ, 2022
ISBN 978-5-7444-5268-1

УДК 81(082)

ББК 81я43

*Рекомендовано к изданию
учёным советом Восточного института –
Школы региональных и международных исследований
Дальневосточного федерального университета;
учёным советом Института истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН*

Редколлегия:

канд. филол. наук *О.П. Кормазина* (отв. ред.),
д-р филол. наук *Т.В. Краюшкина*, канд. филол. наук *А.А. Осипова*,
канд. филол. наук *Л.Е. Фетисова*.

Рецензенты:

канд. ист. наук *Р.В. Гвоздев*,
канд. филол. наук *Н.С. Милянчук*.

Слово и культура без границ: аксиологический аспект : сборник статей / редкол.: О.П. Кормазина (отв. ред.), Т.В. Краюшкина, А.А. Осипова, Л.Е. Фетисова. – Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2022. – [370 с.]. – ISBN 978-5-7444-5268-1. – DOI <https://doi.org/10.24866/7444-5268-1>. – URL: <https://www.dvfu.ru/science/publishing-activities/catalogue-of-books-fefu/>. – Дата публикации: 25.04.2022. – Текст. Изображение : электронные.

Сборник статей посвящён Году народного искусства и нематериального культурного наследия народов России. Основное внимание сосредоточено на решении актуальных для современной гуманитарной науки задач: исследовании художественной литературы в аксиологическом аспекте, изучении фольклора как сокровищницы национальных ценностей, осмыслении духовно-ценностных ориентиров в культуре народов мира с позиции взаимодействия традиций и новаций, рассмотрении актуальных проблем преподавания русского языка в условиях многоязычия.

Издание представляет интерес как для филологов, культурологов, этнологов и специалистов в других гуманитарных областях знаний, так и для всех, кто неравнодушен к проблемам сохранения и развития языка и культуры.

Ключевые слова: словесное искусство, культура, аксиология, художественная литература, фольклор, национальные ценности, духовно-ценностные ориентиры, традиции и новации, преподавание русского языка как иностранного.

Текстовое электронное издание

Минимальные системные требования:
Веб-браузер Internet Explorer версии 6.0 или выше,
Opera версии 7.0 или выше, Google Chrome версии 3.0 или выше.

Компьютер с доступом к сети Интернет.
Минимальные требования к конфигурации и операционной системе
компьютера определяются требованиями перечисленных
выше программных продуктов.

Размещено на сайте 25.04.2022 г.

Объем 6,10 Мб

Дальневосточный федеральный университет
690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10.

E-mail: prudkoglyad.sa@dvfu.ru

Тел.: 8 (423) 226-54-43

© ФГАОУ ВО ДВФУ, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	8
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В АКСИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	10
<i>Бадыева Г.Ц.</i> Аксиология семьи и рода в русской и бурятской литературе второй половины XX–XXI в.	10
<i>Бестолков Д.А.</i> А.Б. Есин о системе ценностей в художественном мире А.Т. Твардовского.....	15
<i>Валуев О.С.</i> Детективная антропология Эркюля Пуаро как персоналистическая практика экзистенциальной психологии.....	19
<i>Духнова М.А.</i> Особенности перевода русской поэзии на китайский язык: на примере стихотворения О. Мандельштама «Раковина».....	26
<i>Иванченко А.В.</i> Представление о традиционном празднике Пасхи в русской поэзии XIX–XX вв.	31
<i>Касьянова В.М.</i> Современная книжная интернет-реклама как способ привлечения новых читателей.....	38
<i>Кириллова Е.О.</i> Духовно-ценностные ориентиры дальневосточной поэзии Серебряного века: на примере темы любви и эротики в сборнике С. Алымова «Киоск нежности» (Харбин, 1920).....	45
<i>Кривошапова Н.В.</i> Ономастикон в лирике приднестровского поэта А.А. Мельничук.....	51
<i>Поповкина Г.С.</i> Аксиологические аспекты художественной литературы для подростков: болезнь и здоровье, жизнь и смерть.....	55
<i>Севостьянов Д.А.</i> Художественная литература и системные инверсии.....	61
<i>Седова О.В.</i> Проблема сохранения русских традиций празднования Пасхи в эмиграции в рассказе Саши Чёрного «Пасхальный визит».....	65
<i>Старостина Ю.С.</i> Аксиологическая специфика коммуникативных реакций в англоязычном драматургическом диалоге.....	67
<i>Суровцева Е.В.</i> Исторические повести и рассказы в современной русской литературе (на материале иерейской прозы).....	72
<i>Фадеева И.А.</i> Лексико-семантическое поле «ВЕРА» как маркер разрушения базовых ценностей в романе И.У. Басаргина «Дикие пчёлы».....	78
<i>Шетэля В.</i> Слово <i>гондола</i> в поэтической строке В.Я. Брюсова и И.А. Бунина.....	84
<i>Яковлева Е.Л.</i> Ценность автобиографических текстов творческой личности в качестве источника исследования.....	87
ФОЛЬКЛОР КАК СОКРОВИЩНИЦА НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ	92
<i>Агафонова М.А.</i> Свадебная обрядность в преданиях семейских – старообрядцев Восточного Забайкалья.....	92
<i>Го Цзинхань.</i> Фольклор как сокровищница национальных ценностей.....	96
<i>Коньшева А.В., Го Чанцзе.</i> Национальное своеобразие пословиц с зооморфизмами китайского и русского языков.....	99

<i>Кочнова К.А., Кирюшина М.В.</i> Полевая лексико-семантическая модель «волк» в русском языковом менталитете	106
<i>Лучкина Н.В., Мирзоева С.А., Проценко И.Ю.</i> Знакомство иностранных учащихся с фольклором при обучении русскому языку	109
<i>Мартынова М.А., Боровикова М.В.</i> О синтезе различных видов искусства при знакомстве с русским фольклором на уроках РКИ.....	115
<i>Мингазова Л.П., Зайнутдинова А.Р.</i> Современные условия бытования песенного фольклора мари Параньгинского района Республики Марий Эл.....	121
<i>Рассоха М.Н., Тимченко С.Д.</i> Аксиологические характеристики фрейма «путешествие» в английской и русской сказке.....	125
<i>Тропина И.А., Черненко Е.В., Гандболд Батбайгаль.</i> Добро и зло в русских и монгольских сказках.....	131
<i>Фетисова Л.Е.</i> Ценностные императивы экологического сознания коренных народов Амуро-Сахалинского региона (по данным фольклора)	136
ДУХОВНО-ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ В КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ МИРА: ВЗАМОДЕЙСТВИЕ ТРАДИЦИЙ И НОВАЦИЙ.....	142
<i>Алексеева Е.А.</i> О роли фоновых знаний и символической компетенции в изучении иностранного языка. Китайско-русские полюсы взаимодействия.....	142
<i>Волков В.В.</i> Приставка <i>post-</i> в русских неологизмах как лингвоментальный каузатор влечения к смерти	147
<i>Гайдук Л.Д.</i> Аксиологическое поле научной рецензии.....	151
<i>Гучетль З.Х.</i> Нравственные императивы адыгов в современном обществе (на материале социологических исследований)	155
<i>Дашутина М.В.</i> Коммуникативные особенности фламенко: социокультурный аспект	159
<i>Долин В.А.</i> Взаимодействие традиций и новаций в современном российском православии	163
<i>Заболоцкий В.О.</i> Взаимодействие традиций с инновациями в японской культуре питания.....	169
<i>Золотарёва Л.А., Андреева И.Г.</i> Номинации российских продуктов питания в экспортном позиционировании России	174
<i>Китанина Э.А., Цзоу Тяньци.</i> Интерпретация образа Китая в социальной сети «VK» ..	180
<i>Кормазина О.П., Карамышева Д.Ю.</i> Аксиологическая специфика репрезентации модуса воспоминания в русском романсе	186
<i>Корчевская Г.П.</i> Контент-анализ чата интернет-сообщества (на материале интернет-сообщества «Байки лаовая»).....	191
<i>Кравцова К.И., Демченко В.И.</i> Лингвокультурологический аспект межкультурной коммуникации в испанском языке	196
<i>Краюшкина Т.В.</i> Мужчина как ценность (по материалам пожеланий Владивостокского Новогоднего дерева желаний-2020 на русском языке).....	201
<i>Кускарова О.И.</i> Проблемы культурной идентичности у современной городской молодёжи (на материале социологического исследования).....	207

<i>Лойко А.И.</i> Духовно-ценностные ориентиры в культуре народов Дальнего Востока в исследованиях представителей ориентализма	211
<i>Лу Цзыи.</i> Культурно-коннотативный смысл в некоторых глагольных фразеологических единицах с субстантивом <i>мысль</i> в современном русском языке	215
<i>Ляшева М.Н.</i> К вопросу о репрезентации аксиологем в текстах Рунета.....	221
<i>Москаленко М.Р., Леоненко Е.Г., Юдин И.В.</i> Духовно-ценностные ориентиры и культурная память общества в эпоху глобализации: вопросы изучения со студентами	224
<i>Огдонова Ц.Ц.</i> Об экологоцентризме диалектной картины мира	228
<i>Осипова А.А.</i> Аксиологический аспект речевого поведения дошкольников	232
<i>Пигалева М.В.</i> Название произведений искусства в языковой картине мира русской и китайской молодёжи.....	237
<i>Сагатчук С.П.</i> Эстетические особенности творческого наследия В.М. Шукшина	241
<i>Стрельцова И.В.</i> Актуальные проблемы сохранения и репрезентаций традиционного костюма как транслятора этнокультурных традиций украинских и белорусских переселенцев в Приморье.....	247
<i>Тимошкина Н.А.</i> Духовное развитие личности студентов педагогических учебных заведений в ходе проектной деятельности	253
<i>Чжан Цзин.</i> Проблемы терминологии при исследовании традиционного фарфора Цзиндэчжэнь.....	258
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО	262
<i>Баско Н.В.</i> Роль «Учебного русско-китайского фразеологического словаря» в формировании коммуникативной и культурной компетенций у китайских студентов	262
<i>Батраева О.М.</i> Проектная деятельность в иностранной аудитории при обучении русскому языку	268
<i>Воронова Л.В.</i> Управленческие решения при построении модели поликультурного образования мигрантов в мультинациональном Приморском крае	273
<i>Ву Тхи Тху Тхюи, Попова Т.Н.</i> Положение русского языка во Вьетнаме в условиях многоязычия	275
<i>Гладун Н.И.</i> Экскурсия как фактор формирования социокультурной компетенции иностранных студентов	278
<i>Жукова Т.А.</i> Изучение аббреогонимов как способ формирования социокультурной компетенции иностранных студентов при обучении русскому языку (на примере аббреогонимов Владивостока).....	281
<i>Завадская А.В.</i> Социальные сети как инструмент обучения русской грамматике иностранных студентов медицинского вуза	289
<i>Зубанова Е.А.</i> Организация проектной деятельности в многоязычной аудитории	294
<i>Кан Инань, Мамонтов А.С.</i> Методика работы с учебным художественным текстом в китайской аудитории: лингвокультурный аспект	298

<i>Капицына С.А.</i> К вопросу о трудности восприятия синтаксических фразеологизмов китайскими учащимися	303
<i>Крапивник Л.Ф., Ло Янян.</i> Лексический аспект обучения русскому языку в условиях отсутствия языковой среды.....	309
<i>Крапивник Е.В., Сюй Хуань.</i> Особенности перевода русских лингвистических терминов на китайский язык.....	314
<i>Крапивник Е.В., Чжу Цзыцзя.</i> Особенности изучения русских глаголов движения в китайской аудитории	317
<i>Кудрявцева О.И.</i> Применение компьютерных технологий в процессе обучения иностранному языку на начальном этапе	323
<i>Лебедев А.А., Мамонтов А.С.</i> Художественный текст в аспекте диалога культур как объект лингводидактики.....	328
<i>Нурутдинова А.Р.</i> Активизация металингвистического (фонологического) сознания у билингвов: стратегии развития билингвальной грамотности	331
<i>Павлова Ю.А.</i> Обучение иностранных студентов-лингвистов основам морфологического анализа глагольных форм.....	336
<i>Семёшина П.В.</i> Анимационный фильм «Алёша Попович и Тугарин Змей» на уроках РКИ	340
<i>Сироткина Т.А.</i> Лексикология русского языка как иностранного в аспекте обучения активной коммуникации	345
<i>Содномтунрэв Бархас.</i> Обогащение словарного запаса студентов посредством использования идиом	349
<i>Сугирбекова С.Р.</i> Методы и приёмы работы с текстом в практике обучения русскому языку в Республике Казахстан.....	353
<i>Трофимова Е.И.</i> Мотивационный потенциал паремиологического фонда русского языка в условиях современной многоязычной узбекской школы	357
<i>Харитонова О.В.</i> Речевой этикет как составляющая педагогического дискурса преподавателя русского языка как иностранного в новых образовательных условиях	361
<i>Шульман Н.А.</i> Использование произведений русской драматургии в преподавании русского языка как иностранного	366

ПРЕДИСЛОВИЕ

2022 г. объявлен в Российской Федерации Годом народного искусства и нематериального культурного наследия народов России. Этому значимому событию посвящена Международная научно-практическая конференция «Слово и культура без границ: аксиологический аспект» (25–26 апреля 2022 г.), организованная кафедрой русского языка как иностранного Восточного института – Школы региональных и международных исследований ДВФУ, центром истории культуры и межкультурных коммуникаций ФГБУН ИИАЭ ДВО РАН и Институтом иностранных языков Хулуьнбуирского университета при информационной поддержке Ассоциации преподавателей русского языка и литературы «РОПРЯЛ» и Азиатско-Тихоокеанской ассоциации преподавателей русского языка и литературы «АТАПРЯЛ».

Сборник статей, сформированный на основе материалов конференции, подготовлен в рамках сотрудничества вузовской и академической науки Дальневосточным федеральным университетом (г. Владивосток) и Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток).

Слово и культура, как вновь было подтверждено, действительно не знают границ: участие в сборнике принял широкий круг исследователей, в числе которых научные сотрудники и преподаватели высших учебных заведений, средне-специальных учебных заведений и средних школ, аспиранты, студенты и независимые исследователи из Российской Федерации, Республики Беларусь, Приднестровской Молдавской Республики, Республики Казахстан, Республики Узбекистан, Китайской Народной Республики, Монгольской Народной Республики, Тайваня.

Обширна география участников из России. Она представлена НИИ, вузами и другими образовательными организациями от Владивостока до Санкт-Петербурга. В числе участников представители Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток) и Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН (г. Санкт-Петербург), Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток), Уральского федерального университета (г. Екатеринбург), Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань) и Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону).

Активно отозвались на приглашение представители вузов Москвы: Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Московского педагогического государственного университета, Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Российской академии музыки им. Гнесиных, Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Национального исследовательского университета «Московский энергетический институт», Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Московского государственного университета геодезии и картографии.

Впечатляет и перечень представителей других организаций России: Донского государственного технического университета и Ростовского государственного медицинского университета (г. Ростов-на-Дону), Казанского государственного института культуры и Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязова (г. Казань), Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск), Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ), Новосибирского государственного медицинского университета (г. Новосибирск), Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (г. Елец), Тверского государственного университета (г. Тверь), Пермского государственного национального исследовательского

университета (г. Пермь), Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева (г. Майкоп), Саратовской консерватории им. Л.В. Собинова (г. Саратов), Иркутского государственного университета (г. Иркутск), Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королёва (г. Самара), Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии (г. Нижний Новгород), Башкирского государственного аграрного университета (г. Уфа), Ульяновского государственного технического университета (г. Ульяновск), Оренбургского государственного медицинского университета Минздрава РФ (г. Оренбург), Сургутского государственного педагогического университета (г. Сургут), Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина (г. Белгород), Филиала Удмуртского государственного университета в г. Нижняя Тура (г. Нижняя Тура), Промышленно-технологического колледжа (г. Мичуринск), Центра культуры и творчества «Родники» (г. Волоколамск) и других организаций.

Интерес к научной проблеме, вынесенной в заглавие сборника, проявили представители Белорусского государственного экономического университета, Белорусского национального технического университета и Белорусской государственной академии искусств (г. Минск, Республика Беларусь), Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (г. Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика), Алматы менеджмент университета (г. Алматы, Республика Казахстан), Хулуьбуирского университета (г. Хайлар, КНР), Хейлунцзянского университета (г. Харбин, КНР), Монгольского государственного университета науки и технологий (г. Улан-Батор, Монголия), Университета китайской культуры (г. Тайбэй, Тайвань), средней общеобразовательной школы № 10 (г. Карши, Республика Узбекистан).

Столь дружный отклик представителей восьми государств на приглашение к участию в сборнике свидетельствует об актуальности проблемы исследования слова и культуры в аксиологическом аспекте для современной мировой гуманитарной науки. На обширном материале решались такие задачи, как исследование художественной литературы в аксиологическом аспекте, изучение фольклора как сокровищницы национальных ценностей, осмысление духовно-ценностных ориентиров в культуре народов мира с позиции взаимодействия традиций и новаций, рассмотрение актуальных проблем преподавания русского языка в условиях многоязычия. Эти четыре задачи и вынесены в заглавия рубрик сборника.

Выполненные в рамках заявленных задач статьи сборника обладают не только актуальностью, научной новизной, наделены теоретической значимостью для конкретных научных областей, но и показывают важность заявленной проблемы в практической сфере: помогают осмыслить ценность словесного искусства и культуры народов России и мира для современников и грядущих поколений в мировом культурном пространстве, осознать высокую востребованность русского языка мировым сообществом.

Настоящий сборник позволил объединить усилия большого числа исследователей, занимающихся изучением словесного искусства и культуры в аксиологическом аспекте, слово и культура рассмотрены с позиций междисциплинарного подхода. Сборник статей стал уникальной площадкой, объединившей в едином научном поле представителей восьми государств, академической и вузовской науки, опытных и начинающих исследователей.

Думается, издание привлечёт внимание не только узких специалистов, но и всех интересующихся особенностями функционирования словесного искусства и культуры в аксиологическом аспекте.

Редколлегия сборника статей

«Слово и культура без границ: аксиологический аспект»

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В АКСИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

УДК 82.09 (=512.31)

Аксиология семьи и рода в русской и бурятской литературе второй половины XX–XXI в.

Гунсэма Цыдыповна Бадueva

Бурятский государственный университет
им. Доржи Банзарова
badgu@mail.ru

В статье рассматривается амбивалентность темы семьи и рода в русской и бурятской литературе второй половины XX – XXI в., её аксиологические доминанты. Если в произведениях второй половины XX в. в основном крепка модель традиционной семьи и неоспорима её значимость, то в прозе рубежа веков и начала XXI в. семейные ценности постепенно утрачиваются, множатся сюжеты распада семьи и потери нравственных ориентиров. Но современные писатели, в том числе бурятские авторы, в своих художественных решениях ищут положительные примеры, верят в то, что процесс разрушения и потери семьи и рода возможно остановить.

Ключевые слова: русская литература, бурятская литература, аксиология семьи, сюжет распада семьи, одиночество ребёнка.

Axiology of Family and Clan in Russian and Buryat Literature of the 2nd Half of 20th Century – 21st Century

G.Ts. Badueva

Dorzhi Banzarov Buryat State University

The article deals with the ambivalence of the theme of family and clan in Russian and Buryat literature of the 2nd half of the 20th century – 21st century, its axiology. If in the works of the second half of the 20th century the model of the traditional family is basically strong and its significance is undeniable, then in the prose of the turn of the century and the beginning of the 21st century, family values are gradually lost, plots of family breakdown and the loss of moral guidelines are multiplying. But modern writers, including Buryat authors, in their artistic decisions are looking for positive examples of the family, they believe that the process of destruction and loss of the family and clan can be stopped.

Keywords: Russian literature, Buryat literature, axiology of the family, plot of family breakup, child's loneliness.

Семья и род традиционно считаются общезначимыми нравственными ценностями – фундаментом аксиологической системы общества. Семейные ценности лежат в основе понятий «жизнь», «любовь», «счастье», «свобода», «ответственность» и др. По И.А. Ильину, семья является «*первичным лоном человеческой культуры* (здесь и далее курсив автора. – Г.Б.)»; это «первый, естественный и в то же время священный союз, <...>. Он (человек. – Г.Б.) призван строить этот союз на любви, на *вере* и на *свободе*; научиться в нём первым *совестным* движениям сердца; и подняться от него к дальнейшим формам человеческого духовного единения – родине и государству» [Ильин 2008, с. 5]. Мыслитель подчёркивает важность роли семьи в жизни человека, её теснейшую связь с родиной и государством, что особенно актуально в современном глобализирующемся мире.

В русской и бурятской литературе XX–XXI вв. раскрываются ценностные ориентиры создания и сохранения семьи: любовь, дети, преемственность поколений, следование идее жизненного круга; в центре внимания писателей находится патриархальная семья с несколькими поколениями, с двумя родителями, дедушками и бабушками, главенствующей ролью мужчины как хозяина и защитника, с детьми (не одним ребёнком. – Г.Б.), многочисленными родственниками со стороны отца и матери: дядями, тётями, двоюродными и троюродными братьями и сёстрами, основанная на любви, уважении и доверии (трилогия о детстве, «Война и мир» Л. Толстого, «Привычное дело» В. Белова, «Конь с розовой гривой» В. Астафьева, «Братья и сёстры» Ф. Абрамова, «Родительский дом», «Пара осенней обуви» Б. Екимова, «Ева и Мясоед» А. Варламова, «Бабушка, осы, арбуз», «Грех» и другие рассказы З. Прилепина, «Фёклина роща», «А дедушке Шулуну скажу...» К. Балкова и др.).

В русской и восточной культурах важную роль играет родовое начало, которое на протяжении второго тысячелетия теряло свою авторитетность. В бурятской прозе второй половины XX в., в частности в произведениях Ч. Цыдендамбаева («Доржи, сын Банзара»), Д. Эрдынеева («Аргамак ищет хозяина», «Большая родословная», «В этой жизни», «Нравы Тубэргэнов»), А. Ангархаева («Вечный цвет») и др., сюжетообразующая проблема рода играет важную роль. В контексте советского времени непреклонность родовых традиций оспаривается, происходит разрыв связей, в том числе поколенческих, но родовое начало по-прежнему имеет сильные позиции. В современной русской и бурятской литературе аксиология рода, вписанность героя в семейную и родовую цепь даёт возможность сохранять корни и, соединяя времена, с надеждой смотреть в будущее. Так, в повести Б. Ширибазарова «Метис» Алексея сравнивают с отцом, которого он почти не помнит, многочисленные родственники по отцовской линии сразу считают его своим; в пьесе Е. Бондаренко «Женщины и дети» проблема рода связана с наследственными психологическими травмами, родовым «проклятием», которое, по сюжету, возможно преодолеть; в романе В. Шарова «След в след» семейно-родовые связи показаны на примере четырёх поколений рода Крейцвальдов, чьи судьбы вписаны в историю страны.

Как видим, в русской и бурятской литературе второй половины XX–XXI вв. семья и род, аксиологические аспекты семейных отношений значимы, как и в предыдущие периоды, но всё больше сюжетов строится на ситуации их обесценивания и разрушения, что ведёт к амбивалентности изображения.

Современные авторы осмысливают проблемы взаимодействия семьи с государством, внешней социальной средой, выявляют социокультурные причины возникновения семейных конфликтов, в том числе непонимания, распада отношений, разрыва связей. Заметим, что кризисное ощущение семьи возникло не сегодня, а ещё в русской классической литературе, например, в произведениях Ф. Достоевского.

В современной жизни и литературе патриархальная семья с традиционными ценностями уступает место:

– неполной/нуклеарной семье с одним родителем и детьми (отец-одиночка – актуальная тенденция последних лет: всё чаще матери оставляют детей на попечение отцам): «Где папа?» Ю. Кузнецовой, «Весёлые похороны», «Пиковая дама», «Сквозная линия» Л. Улицкой, рассказы З. Прилепина, «Женщины и дети» Е. Бондаренко, «Брисбен» Е. Водолазкина, «Трамвайный зайчик» А. Мухраева, «Тохёолгон» («Равноденствие») Ц. Цырендоржиева, «Метис» Б. Ширибазарова и др.;

– кризисной семье, например, накануне развода («Географ глобус пропил» А. Иванова, «Калечина-Малечина» Е. Некрасовой и др.);

– семье, где ребёнок – единственный, вследствие чего одинок, в том числе из-за занятости (карьерой, комфортом, отношениями) или невозможности/нежелания родителей уделить внимание, поэтому вынужден «самовоспитываться», не всегда правильно («Женский разговор» В. Распутина, «Калечина-Малечина» Е. Некрасовой, «По-другому» С. Баженовой и др.); где личность ребёнка подавляется или, наоборот, ребёнок воспитывается эгоистичным и инфантильным («Алька» Ф. Абрамова, сборник рассказов Л. Петрушевской «Детский праздник»);

– семье, где дети не нужны своим родителям и родственникам и поэтому попадают в приёмные семьи, социальные центры и детские дома или уходят на улицу (тема сиротства при живых родителях);

– семье, где рвутся/разорваны родственные отношения («Время ночь», «Свой круг» и другие произведения Л. Петрушевской, «Самая любимая» Т. Толстой, «Елтышевы», «Зона затопления» Р. Сенчина, «Перемать» А. Кизиковой и др.), где распад кровнородственных связей ведёт к ситуациям, когда родные по крови люди, например, двоюродный брат, могут обмануть и отобрать родовой дом («Пропаший» Г. Башкуева);

– семье, где происходит трансформация традиционных семейных ролей, в том числе мужчина и женщина меняются исконными ролями хозяина, добытчика, защитника («Дочь Ивана, мать Ивана» В. Распутина, «Жанна» Я. Пулинович и др.), становятся партнёрами в выполнении семейных функций (тандемный тип семьи), а также происходит отчуждение близких людей;

– семье, где пожилые родители остаются одни («Продаётся дом и старая женщина» Б. Екимова, «Стройка бани» М. Тарковского и др.), где не только размышляют о возможности отдать родителей в дом престарелых, но и претворяют в жизнь («Сирота» А. Мухраева, «Дом П» Ю. Кузнецовой и др.).

Современная проза отражает и другие реалии времени, острые социальные проблемы:

– изменение института и статуса семьи;

– новые, в том числе указанные выше, формы: приёмная семья, дистантная семья, неолокальная семья (меняет место проживания), брак по расчёту («Голубчик» Л. Улицкой), гражданский («Гойота-Креста» М. Тарковского), гостевой, однополый брак («Концлагеристы» В. Шергина) (нами использована классификация видов семей, представленная в работе М. Жуковой, В. Запорожец, К. Шишкиной: [Жукова, Запорожец, Шишкина 2014]);

– девиация внутрисемейных отношений («Первый мужчина» Е. Исаевой);

– снижение рождаемости;

– бездетность («Рождение» А. Варламова и др.), зачастую сознательная («Орловы-Соколовы» Л. Улицкой и др.);

– установка на материальные ценности («Географ глобус пропил» А. Иванова, «Жанна» Я. Пулинович) и др.

В произведениях частотны сюжеты распада семьи, точнее, брака, созданного не по любви, а в силу традиций или сложившихся обстоятельств. Так, в романах «Елтышевы» Р. Сенчина, «Географ глобус пропил» А. Иванова, «Женщины Лазаря» М. Степновой показан брак как союз случайных людей, семья как губительная рутина, захватывающая человека, заглушающая его мысли и чувства. Подчеркнём, что указанные темы, мотивы,

сюжеты свидетельствуют о тесной связи темы семейного неблагополучия с проблемами всего общества. Наряду с сюжетом девиации и распада семьи современные художники слова, как и классики, показывают сохранение/обретение родственных связей, преодоление кризиса и созидание семьи в условиях слома культурных эпох с опорой на духовно-нравственные и религиозные ценности («Сонечка» Л. Улицкой, «Манюня» Н. Абгарян, «Чемодан из Хайлара» Г. Башкуева, «Метис» Б. Ширибазарова, «Танец орла» Б. Молонова и др.).

Как никогда справедливы по отношению к нашему времени слова русского религиозного философа И.А. Ильина: «Бывают эпохи, когда эта небрежность, эта беспомощность, эта безответственность родителей начинает возрастать от поколения к поколению. Это как раз те эпохи, когда духовное начало начинает колебаться в душах, слабость и как бы исчезать; это эпохи распространяющегося и крепнущего безбожия и приверженности к материальному, эпохи бессовестности, бесчестия, карьеризма и цинизма. В такие эпохи священное естество семьи не находит себе больше признания и почёта в человеческих сердцах; им не дорожат, его не берегут, его не строят. <...> Отец и мать перестают “понимать” своих детей, а дети начинают жаловаться на “абсолютную отчуждённость”, водворившуюся в семье <...>» [Ильин 2008, с. 7]; «Семья распадается совсем не от ускорения исторического темпа, но вследствие переживаемого человечеством духовного кризиса» [Ильин 2008, с. 8]. Ильин точно указал болевые точки современного общества и индивида, находящиеся, как отмечено выше, отражение в современной литературе.

Одна из болезненных общественных проблем и тем – одиночество ребёнка – сегодня весьма востребована в литературе. В романе Е. Некрасовой «Калечина-Малечина» данная тема тесно связана с темой семьи в состоянии кризиса: родители маленькой героини находятся в ситуации назревающего развода. Третьеклассница Катя постоянно, кроме времени, проведённого в школе, находится одна. Автор показывает её опыт взаимоотношений с окружающим миром, и этот опыт травматичен. Писательница затрагивает множество социальных проблем, связанных с семейным неблагополучием: работа в соседнем городе из-за невозможности трудоустроиться в месте проживания, маленькая зарплата и нехватка денег, разобщённость членов семьи (отец, которого раздражает собственная дочь, после работы смотрит телевизор и никак не взаимодействует не только с ребёнком, но и с женой), отсутствие психологической и моральной поддержки, амбиции родителей относительно своих детей и разочарование, доходящее до физического и психологического отталкивания нелюбимого ребёнка, из-за несоответствия ожиданий взрослых реальным результатам в учёбе и увлечениях (подобное поведение отца описывается и в рассказе Л. Петрушевской «Свой круг»), издевательства одноклассников вплоть до буллинга, презрение учительницы и др. Можно провести параллель с героиней повести В. Железникова «Чучело», которую класс, куда она пришла, не принял, более того, объявил бойкот. Но в жестоком противостоянии у Лены Бессольцевой был друг и защитник – её дедушка и весь их род: «Мужчины Бессольцевы, как и полагалось, уходили на разные войны и не возвращались. Род Бессольцевых частично рассыпался по России, а частично погиб в борьбе за свободу» [Железников 2017, с. 7]. Прапрадед Лены был крепостным художником, его картины дед Николай Николаевич сумел сберечь и подарил городу; прадед-врач расстрелян фашистами за то, что лечил раненых русских; дед сохраняет преданность их рода родному городу и дому: «Он как-то особенно остро ощущал, как важно для него, чтобы не порвалась тоненькая ниточка, связывающая его с прошлым, то есть – с вечностью» [Железников 2017, с. 8]. И светящийся по ночам дом Бессольцевых, ставший в городе «своеобраз-

ным маяком, ориентиром для запоздалых путников, издалека возвращавшихся в темноте домой. Ночью дом был как свеча в непроглядной мгле» [Железников 2017, с. 16], поддерживает Лену. Ощущая за собой силу и любовь рода, девочка сумела выстоять, сохранить честь и достоинство, благородство и жертвенность.

У героини повести 1981 г. есть защита рода, у Кати, живущей в 2000-е гг., этой опоры, ниточки с прошлым (предками) и даже с настоящим (родителями) нет. Два типа семьи предстают в данных произведениях: семья, опирающаяся на традиционные ценности, и семья, где преобладают разрушительные тенденции, которые определяются эгоистической сосредоточенностью взрослых на себе и своих желаниях. Живущая в мире «невыросших», которые дразнят, и «выросших», у которых нет на неё сил и времени, мечтательная и нерасторопная девочка Катя, нелюбимый ребенок, чьё детство искалечено, мечтает о друге. И воображаемый друг появляется, но в контексте времени Кикимора (говорящее имя-прозвище. – Г.Б.) несёт не только тепло дружбы, но и разрушение и жестокость. Е. Некрасова, раскрывая тему одиночества ребёнка, осмысливает и такие важные аспекты «семейной» темы, как родительский долг и судьба молодого поколения.

Трагичность анализируемой темы отражена в фильме А. Звягинцева «Нелюбовь», при создании замысла которого изначальной была «идея о катастрофе в семье, о разрушении супружеских связей, о разводе» [Андрей Звягинцев...]. Сюжетная ситуация в фильме трагичнее, чем в романе Е. Некрасовой. 12-летний Алёша стал обузой матери и отцу, которые, как и родители Кати, мучительно разводятся и решают вопрос, с кем из них останется сын. Женя и Борис считают ребёнка обузой в своих дальнейших отношениях (Катя из «Калечины-Малечины» хотя бы для матери обузой не является), и однажды звучит мысль о том, что их сын отправится в детдом. Мальчик, случайно подслушав разговор и чувствуя свою абсолютную ненужность родителям, уходит из дома и исчезает. В открытом финале через два года поисков «нелюбимый свидетель распада семьи» Слепцовых (говорящая фамилия. – Г.Б.) [Разлогов 2017] по-прежнему числится пропавшим без вести. К. Разлогов считает: «История пропажи ребёнка у распавшейся семьи служит основанием для глобального приговора современному обществу (далеко не только российскому), где подлинные чувства подменяются симулякрами» [Разлогов 2017]. Вопросы аксиологии семьи отражены не только в литературе, но и в других видах искусства, что свидетельствует об актуальности анализируемых проблем.

Наиболее быстро и остро на изменения, происходящие в целом в обществе и отдельно взятой семье в частности, откликаются драматургия и театр. В произведениях многих современных драматургов показаны непростые отношения в семьях, трагизм семейной жизни, связанный с недостатком или отсутствием истинной близости, разрозненностью душ, различные родительские практики. Приведём в пример пьесы, в которых конфликт построен на трагедии разобщённости («Пить, петь, плакать» К. Драгунской), одиночестве женщины («Жанна» Я. Пулинович), бабушек и дедушек («По-другому» С. Баженовой), детей, брошенных на самовоспитание («По-другому» С. Баженовой); на сложных отношениях в семье («Как я стал разговаривать с Толиком» Йоси Олишевского), в том числе ненависти между дочерью и матерью («Перемать» А. Кизиковой) или инцеста («Первый мужчина» Е. Исаевой); на проблемах рода, прабабушек, родовом «проклятии» («Женщины и дети» Е. Бондаренко).

Но, несмотря на преобладание в современной русской и бурятской литературе пессимистического взгляда на семью и род, писатели оставляют надежду на лучшее. Так, в пьесе А. Кизиковой «Перемать» ненависть двух самых близких людей – дочери и матери – оказывается не замечаемой в потоке обыденной жизни любовью; в рассказе В. Распутина «Женский разговор» молоденькая Вика после беседы с бабушкой засыпает с надеждой на лучшую, правильную жизнь с опорой в виде семьи; герой повести Б. Ширибазарова «Метис» находит свою семью, свой род, принимает свою национальность, приходит к истинной вере. Художники слова ищут и воплощают в своих произведениях «позитивную» модель семьи, опирающуюся на вечные нравственные и духовные основы. Они верят в духовное возрождение современников, в том числе через обретение семейного счастья как завершающей составной полноты бытия.

Литература

1. Андрей Звягинцев: «Я не просто свыкся с “Нелюбовью”, я понял – это лучшее, что можно было придумать»: [Беседа О. Кентон с А. Звягинцевым]. URL: <https://pulse-uk.org.uk/interview/loveless/> (дата обращения: 31.03.2022).
2. Ильин И.А. О семье [Из книги И. А. Ильина «Путь духовного обновления»] // Семья – величайший дар: [антол. произведений русских писателей]. М.: Центр книги, 2008. С. 5–11.
3. Железников В. Чучело. М.: Изд-во АСТ, 2017. 224 с.
4. Жукова М.В., Запорожец В.Н., Шишкина К.И. Психология семьи: конспекты лекций. Челябинск: Цицеро, 2014. 224 с.
5. Разлогов К. В конкурсе Каннского кинофестиваля показали «Нелюбовь». 19.05.2017. URL: <https://iz.ru/news/711761> (дата обращения: 31.03.2022).

УДК 82

А.Б. Есин о системе ценностей в художественном мире

А.Т. Твардовского

Дмитрий Александрович Бестолков
Промышленно-технологический колледж
dima7intellact@mail.ru

В докладе представлен опыт концептуализации представлений литературоведа А.Б. Есина о системе ценностей в художественном мире А.Т. Твардовского. Объяснена природа категории «ценность», актуализирован её субъективный характер и социальный генезис. В заключении доклада высказана мысль о том, что идентификация системы ценностей в художественном мире А.Т. Твардовского осуществлена А.Б. Есиным с учётом национального характера мировоззрения поэта.

Ключевые слова: А.Т. Твардовский, А.Б. Есин, система ценностей, аксиологический подход.

A.B. Yesin on the System of Values in the Art World of A.T. Tvardovsky

D.A. Bestolkov

Industrial Technology College

The report presents the experience of conceptualizing the ideas of literary critic A.B. Esin about the system of values in the artistic world of A.T. Tvardovsky. The nature of the value category is explained, its subjective nature and social genesis are actualized. The conclusion of the report suggests that the identification of the value system in the artistic world of A.T. Tvardovsky was carried out by A.B. Yesin, taking into account the national character of the poet's worldview.

Keywords: Tvardovsky, Esin, value system, axiological approach.

Аксиологический подход в отечественном литературоведении XXI в. занимает важное место [Хализев 2000; Попова 2004; Свительский 2005; Петров 2016]. В этой связи и более опытные и молодые исследователи в последние годы активно обращаются к вопросам о формах актуализации художественной аксиологии в творчестве М.Ю. Лермонтова [Власкин, Зайцева 2017]; Л.Н. Толстого [Абдуллина 2005]; Ф.М. Достоевского [Власкин 2009; Кузнецова 2009]; М.А. Булгакова [Петров 2003]; Н.С. Гумилёва, С.М. Городецкого, О.Э. Мандельштама [Филатов 2020]; М. Горького, В.М. Шукшина [Глушаков 2017] и др. Применение аксиологического подхода к осмыслению творческого наследия А.Т. Твардовского также представляется продуктивным. Интересный опыт в этой связи представляют наблюдения талантливого литературоведа А.Б. Есина (1954–2000), представленные им в публикации «О ценностной системе А.Т. Твардовского (“Василий Тёркин”))». Обратимся к упомянутой работе и предпримем попытку концептуализировать размышления литературоведа в указанном направлении.

Изучая природу ценности, А.Б. Есин указал на её социальный генезис: «Категория ценности образуется в человеческом сознании путём сравнения разных явлений. Осмысливая мир, человек решает для себя, что в жизни для него представляется важным, а что нет ... Естественно, что разные люди (и разные культуры) определяют свой ценностный мир по-своему. Таким образом, ценность не есть вещь, а есть отношение к вещи, явлению и т.п.» [Есин 2003, с. 256].

Очевидно, что отношение к вещи, к явлению у личности формируется в процессе социальной практики. Акцентируя внимание на этом обстоятельстве, А.Б. Есин отметил, что ценностями «обусловлено состояние эмоционального комфорта или дискомфорта личности», поскольку «ценности выполняют ориентирующую функцию» [Есин 2003, с. 258].

В основе представлений А.Б. Есина о системе ценностей в художественном мире А.Т. Твардовского:

- 1) идентификация типа преобладающей в нем эмоционально-ценностной ориентации («эпико-драматическая» согласно классификации литературоведа) [Есин 2003, с. 241];
- 2) актуализация связи художественного мышления поэта с русским национальным мирозерцанием [Есин 2003, с. 237–238, 240–242];
- 3) раскрытие в художественном мире поэта граней слияния материальных и духовных ценностей [Есин 2003, с. 235–236].

Указанные тезисы, в сущности, раскрывают концепцию ценностной системы А.Т. Твардовского в том виде, в каком её представлял А.Б. Есин.

Обратимся подробнее к каждому из заявленных тезисов.

Первый тезис. Пояснение о преобладающем типе эмоционально-ценностной ориентации в художественном мире А.Т. Твардовского следует предварить краткой характеристикой той классификации типов эмоционально-ценностных ориентаций, которая представлена в работах литературоведа. Вот она:

0	1	2	3	4	5	6
	эпичность	трагизм	героика	романтика	сентиментальность	ирония
	драматизм	юмор	инвектива	сатира	цинизм	

Обращаясь к творческому наследию А.Т. Твардовского, по мысли А.Б. Есина, возможно утверждать, что художественным произведениям этого автора «в целом была присуща несомненная эпико-драматическая ориентация» [Есин 2003, с. 268–269], которая основана на том, «что всё в мире идет своим правильным, законным порядком, включая и отдельные отступления от этого порядка ... Противоречия и ненормальности мира – естественная форма его жизни, но форма преходящая, а смысл человеческого бытия именно в том, чтобы этот порядок мироздания вернуть, сохранить». Вместе с тем, рассуждал А.Б. Есин, «осваивая те или иные жизненные явления, он (Твардовский. – Д.Б.) обнаруживал в своём творчестве и трагизм, и юмор, и героику, и сатиру» [Есин 2003, с. 268–269]. В подтверждение этой мысли исследователь обратился к многочисленным примерам из «Василия Тёркина» А.Т. Твардовского [Есин 2003, с. 236–237, 241–243].

Второй тезис об актуализации связи художественного мышления поэта с русским национальным мирозерцанием. Это у А.Б. Есина угадывается в следующих размышлениях: «Великая Отечественная война, как и её предшественница – война 1812 года, была с нашей стороны войной преимущественно национальной. И не последнюю роль в победе сыграла естественно сложившаяся в русском народе особая система ценностей – простых, немногочисленных, укоренённых в житейском и в то же время поднимающаяся до неподдельного пафоса. А об этом грядущим поколениям “Книга про бойца” расскажет, конечно, не меньше, чем строки учебников, потому что её автор был велик – редкая судьба! – в ту меру, в которую был велик полвека назад русский народ» [Есин 2003, с. 243].

Третий тезис о раскрытии в художественном мире поэта граней слияния материальных и духовных ценностей. Доказывая это предположение, исследователь отметил следующее: «У Твардовского вода – не с неба, и не в арыке, например, перед которой только и остаётся, что почтительно преклониться, а тоже, так сказать, русская: из ручья, из-под льда. Не о круговороте сущностей в природе идёт речь, не о философии, а просто о солдате с запёкшимися губами». Вместе с тем «вода у Твардовского приобретает совершенно определённый нравственный смысл: например, про солдата, выходящего в сорок первом из окружения, говорится: “И по горькой той привычке, / Как в пути велела честь, / Он просил сперва водички, / А потом просил поесть”. Так неожиданно смыкаются и взаимопереливаются ценности материальные и духовные» [Есин 2003, с. 235–236].

Таким образом, идентификация системы ценностей в художественном мире А.Т. Твардовского осуществлена А.Б. Есиным с учётом национального характера мировоззрения поэта, специфики его творческого мышления и масштаба социального опыта художника.

Литература

1. Абдуллина Д.А. Художественная аксиология в автобиографической трилогии Л.Н. Толстого: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2005. 19 с.
2. Власкин А.П. Поле аксиологической напряжённости в романе «Преступление и наказание» // Достоевский и современность: материалы XXIII Международных Старорусских чтений 2008 г. Ч. I. Великий Новгород: Новгородский государственный объединённый музей-заповедник, 2009. С. 57–64.
3. Власкин А.П., Зайцева Т.Б. Аксиологическое содержание романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Гуманитарно-педагогические исследования. 2017. Т. 1. № 1 (1). С. 108–114.
4. Глушаков П.С. «Как-нибудь включиться в народную жизнь» (аксиологические поиски М. Горького и В.М. Шукшина) // Труды и дни: Памяти В.Е. Хализева: Сб. / отв. ред. Л.В. Чернец. М.: Макс Пресс, 2017. С. 171–194.
5. Есин А.Б. Литературоведение. Культурология: Избранные труды. М., 2003. 352 с.
6. Кузнецова Е.В. Художественная аксиология в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2009. 23 с.
7. Петров В.Б. Историко-философские основания художественной аксиологии // Цивилизационные перемены в России: сб. науч. трудов по материалам научно-практической конференции. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Урал. гос. лесотехн. ун-т. Екатеринбург: УГЛТУ, 2016. URL: <https://elar.usfeu.ru/handle/123456789/56660> (дата обращения: 04.02.2022).
8. Петров В.Б. Художественная аксиология Михаил Булгакова: автореф. дис. ... доктора филол. наук. Москва, 2003. 40 с.
9. Попова Е.В. Ценностный подход в исследовании литературного творчества: автореф. дис. ... доктора филол. наук. М., 2004. 48 с.
10. Свительский В.А. Личность в мире ценностей: (аксиология рус. психол. прозы 1860–1870-х годов). Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2005. 231 с.
11. Твардовский А.Т. Собрание сочинений. В 6-ти томах. Т. 2. Стихотворения (1940–1945). Поэмы. Василий Тёркин. Дом у дороги. М.: Худ. лит., 1977. 431 с.
12. Филатов А.В. Мифопоэтические стратегии акмеистов: аксиологический аспект (Н.С. Гумилёв, С.М. Городецкий, О.Э. Мандельштам): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 27 с.
13. Хализев В.Е. Теория литературы. Учебник. М.: Высш. шк., 2000. 398 с.

Детективная антропология Эркюля Пуаро как персоналистическая практика экзистенциальной психологии*

Олег Сергеевич Валуев

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
o.valuev@yandex.ru

На основании понимания литературного творчества А. Кристи как детективной теологии в статье рассматривается детективная антропология Э. Пуаро как экзистенциальная психологическая практика творческого преобразования жизни. Проанализирован детективный образ жизни Пуаро и его метод, выделены экзистенциальные основания его бытия в работе с антропологическими типами. Обоснована реальная эффективность персоналистической практики детективной антропологии.

Ключевые слова: детективная антропология, персоналистическая практика, экзистенциальная психология, исследование, Эркюль Пуаро.

Hercule Poirot's Detective Anthropology as a Personalistic Practice in Existential Psychology

O.S. Valuev

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

Based on the understanding of A. Christie's literary work as detective theology, the issue examines the E. Poirot's detective anthropology as an existential psychological practice of life's creative transformation. Poirot's detective lifestyle and his method are analyzed. The existential foundations of his being in psychological work with anthropological types are highlighted and theoretically substantiated. The real effectiveness of the detective anthropology's personalistic practice is justified.

Keywords: detective anthropology, personalistic practice, existential psychology, research, Hercule Poirot.

Сравнивая произведения А. Кристи и А. Конан-Дойла, Д.Л. Быков говорил, что Шерлок Холмс – совершенный человек, который сталкивается со страшными и иррациональными тайнами, в то время как герои Кристи объясняют происходящее рационально, потому менее интересны; иррациональная разгадка представляется очень простой, а рациональное разрешение многосложным [Быков 2020, с. 187–188]. Это не совсем так: Пуаро и мисс Марпл принимают иррациональное и рациональное в мире и человеке как целое, поэтому решение загадки для них – пусть разными методами – жизненное, психологичное, реалистичное. Пуаро работает своим бытием и присутствием, меняя уровень и планы жизни окружающих, сохраняя трепетное отношение к иному как особый путь исследования и проживания жизни [Шнайдер 2018]. Интерес к чтению детективных произведений А. Кристи не в том, что мы бесконечно приближаемся к иррациональной и даже мистической тайне, всегда непостижимой и закрытой, а в том, что это взаимное движение, ведущее к усложнению картины мира изнутри и к изменению отношений и связей человека снаружи, – к их творческому взаимопроникновению. Поэтому А. Кристи необходимо было создать художественные образы сложных, иногда непогрешимых и в то же время очень живых людей, таких как мисс Марпл и месье Пуаро.

* Статья подготовлена в рамках выполнения исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Как интересно писал Б. Паскаль, «человек для самого себя – самый загадочный предмет во всей природе, ибо он не может представить себе, что такое тело, и ещё меньше – что такое дух, а менее всего – как тело может соединиться с духом. Вот предел сложности, а между тем это его собственное существо: *modus que corporibus adherent spiritus comprehendere ab homine non potest, et hoc tamen homo est*» [Паскаль 1995, с. 136]. Пуаро как человек уже не представляет для себя как для детектива такой очевидной загадки: соединение, которое он собой представляет, есть единство бытия и действия, раскрывающееся в центре существования, т.е. в личности. Здесь интересно понимание личности по Н.А. Бердяеву как «соединение универсально-бесконечного и индивидуально-особого» [Бердяев 2010, с. 22]. Личность Эркюля Пуаро – это сложное соединение духовного, душевного и физического в высоком ценностно-смысловом плане. Пуаро как живой человек старается «самодистанцироваться» [Франкл 1990] и выйти из этого плана бытия, организуя пространство для взаимодействия со своим методом и предназначением. Его существование внутренне не противоречиво, поскольку осмыслено и направлено к достижению жизненных целей, выполнению некоторой миссии. Он постоянно ведёт образ жизни, подготавливающий интеллектуально-творческую работу детектива; это жизнь, связанная привычками, гастрономическими предпочтениями, кулинарным и артистическим мастерством, консультативным общением и т.д. Поэтому Пуаро и представляется обывателям странным: у него сложное мировоззрение, благодаря которому это существо, живущее принципиально иначе – иначе думающее, действующее, чувствующее, говорящее и относящееся к миру.

Цитата, приведённая Паскалем из Святого Августина, одновременно о способе соединения духа с телом, его непостижимости, непонятности человеку и о факте отождествления человеческого существа с этим соединением. Качество изменения последнего раскрывает разнообразие отдельных антропологических типов в жизни и судьбе реальных людей. В художественной литературе данные типы проявлены в характерах, манерах, репликах персонажей и описаниях событий, связываемых с ними, создают в своём взаимодействии интригу произведения, активизируя переживания читателя в поисках себя, представлениях о мире и его изменениях. Дж. Фаулз называл соединение первым принципом в развитии всего сущего: «Быть – значит соединяться, и чем выше уровень бытия, тем теснее соединение» [Фаулз 2002, с. 177]. В отношении Пуаро это соединение означает, что свою профессиональную деятельность он обратил к бытию, сделав их не просто комплементарными, но соединёнными в живое целое. Его элегантность в одежде и манерах, изящность в обращении с вещами, тонкость, чуткость, мягкость в общении с людьми при глубокой проницательности и богатой эрудиции, многократно описанные и показанные на экране эксцентричность, педантичность, перфекционизм, эгоцентричность, высокий профессионализм и эстетичность создают колоритный образ почти нереального, невозможного человека. Он всегда такой, каким был в предыдущей истории, но именно с ним, в его присутствии читателям (позднее и зрителям) буквально открываются тайны человеческой души, разворачиваются самые странные, запутанные и драматические проблемы бытия. Так, часто взаимодействующие с ним капитан Гастингс, инспектор Джепп, мисс Лемон оказываются охваченными и поражёнными его утончённой и не всегда внешне видимой интеллектуальной работой, постепенно раскрывающей им обстоятельства произошедшего, потаенную логику поведения преступника, сложные изменения самого сюжета детективной истории. Быть детективом для Пуаро означает вести детективный образ жизни.

Анализируя детективы А. Кристи, Д.Л. Быков показал, что она входит в круг писателей, занятых в своих произведениях богоискательством, что связано с настоящим и неподдельным интересом, поиском смысла и определением жизни как непрерывного поиска в мире следов Бога. В этом смысле детективная теология Кристи, основанная на идеях любви, справедливости и милосердия, тайны и её активного постижения, обосновывает выбор детективного жанра и сюжетных схем. Лекция Д.Л. Быкова называлась «Агата Кристи ищет Бога» [Быков 2020, с. 203], причём, надо добавить, ищет его в мире и человеке. Для А. Конан-Дойла неизведанное, чудесное и загадочное как атрибуты божественного были сокрыты в мире, поэтому Холмсу часто приходилось находить ответы на странные вопросы жизни именно в природе, а не в социуме. Для Кристи на первый план выходит человек и его психологические тайны [Кристи 1995а]. В отличие от Эркюля Пуаро, Шерлок Холмс значительно большее внимание уделял логике и работе с самими фактами [Конан Дойл 1984]. Не отрицая дедукцию, Пуаро многократно подчёркивал, что его интересует психология [Кристи 2019].

Бельгийский детектив открывает в мире, полном загадок и тайн, область человеческого и работает с антропотипами, восстанавливая те связи и соединения, о которых писал в своё время Б. Паскаль. Здесь можно легко понять, что если Агата Кристи ещё ищет Бога, то Эркюль Пуаро Его уже нашёл и теперь следует Его заповедям. Чем старше становится детектив, тем более он религиозен, тем более в нём раскрывается жизненная мудрость и высокий трепет перед миром как Божьим творением. Если Агата Кристи искала Бога в человеке, то Эркюль Пуаро ищет Человека в Боге. Как говорил В. Франкл: «Я утверждаю, что человек не может развиваться, пока не доберётся до основ бытия и там, в глубине, он не наполнится верой в конечное предназначение. Без этого ему придётся перестать дышать» [Франкл 2015, с. 128]. Такая «вера в конечное предназначение» связана с поисками в человеческом божественного и в божественном человеческого, т.е. с раскрытием в их соединении экзистенциальной диалектики божественного и человеческого [Бердяев 2005]. Эти поиски восходят к «христологии человека» по Н.А. Бердяеву: «Христология есть единственная истинная антропология» [Бердяев 2007, с. 88]. Следовательно, на основе детективной теологии Агаты Кристи строится детективная антропология Эркюля Пуаро.

В диалектике божественного и человеческого раскрываются бездны экзистенциального опыта [Бердяев 2007], в котором участвует всё существо исследователя, делающего антропологическое изучение частью своей жизни, своей веры и своей судьбы. В современной эволюционной психиатрии прослеживаются взаимосвязи природного, социального и культурного в развитии человека, утверждается сложность человеческого существа и специфика его возможностей [Медикус 2020]. Многообразие проявления этих возможностей при обращении человека к человеческому, выраженному в экзистенциальных состояниях, к его основаниям в структуре существования прекрасно описано в экзистенциальном искусствознании [Ступин 2020]. Р. Мэй обобщённо определил экзистенциализм как «установку» и «особый подход к человеческому бытию» [Теория... 2014 с. 18], как «стремление понять человека, не разделяя его на субъект и объект» [Теория... 2014, с. 98]. Таким образом, экзистенциальный подход представляет собой антропологию существования, а попытки отрефлексировать и вписать его в актуальные социокультурные условия исторического развития человечества [Леонтьев 2019] уже представляют собой работу по выявлению экзистенциального потенциала данной антропологии. Экзистенциализм – это антропологический взгляд из предельных оснований бытия. В этом смысле Э. Пуаро – антрополог и экзистенциальный детектив.

Для экзистенциализма важнейшим временем человеческой жизни является будущее [Теория... 2014]. В этом смысле логика расследования Пуаро совершенно экзистенциальна. В «Вечеринке в Хеллоуин» он говорит: «Мы движемся от прошлого к будущему... И поэтому должны подумать, кто в Вудли-Каммон среди людей, присутствовавших на вечеринке, мог быть связан с более давним преступлением» [Кристи 2016, с. 84]. В одном из самых известных произведений А. Кристи «Убийство в “Восточном экспрессе”» Пуаро размышляет так: «Вы ошибаетесь – и пытаетесь поставить телегу впереди лошади. Прежде чем спросить себя: “Куда исчез этот человек?” – я спрашиваю себя: “Существует ли этот человек на самом деле?”. Потому что, как вы понимаете, заставить исчезнуть человека, который является фикцией и не существует в действительности, не составит большого труда. Поэтому я и стараюсь прежде всего понять, существует ли такой человек из плоти и крови на самом деле» [Кристи 2019, с. 116]. Эти пояснения раскрывают в экзистенциальной логике самого Пуаро и используемый им метод. В своей детективной практике он вызывает поисковую и исследовательскую активность в отношении Человека и человеческого.

Э. Пуаро работает своим присутствием и диалогом, которые активизируют духовное начало, поднимая бытие на более высокие уровни [Шумский 2010], меняя напряжение и качество жизни всех, кто с ним взаимодействует. Гастингс начинает больше прислушиваться к себе, обретает множество полезных жизненных умений и навыков, женится. Дети Симеона Ли из «Рождества Эркюля Пуаро» признают друг друга и начинают проводить вместе время. Мистер Харрингтон из «Осиного гнезда» отказывается от злодеяния и осознанно принимает отведённый ему жизненный период, «исцеляется». Героиня «Тайны “Голубого поезда”» взрослеет и становится осознаннее. Пуаро работает с ними как практический психолог и психотерапевт экзистенциального направления, и это имеет весомые результаты.

Пуаро вступает в диалог с другими, выявляет, собирает, анализирует факты и, используя теоретическую и практическую психологию, обнаруживает и устанавливает смысловые связи между ними. В практическом отношении для него значительно важнее знание человека, чем знание о нём: «Если мы хотим знать человека, знание о нём должно быть подчинено превосходящему по важности факту его актуального существования» [Теория... 2014, с. 133]. Это особый исследовательский путь встречи личностей, личностной встречи в диалоге, где достигается «диалогическое единство» [Колпакова 2013, с. 54]. Для Пуаро расследование преступления становится исследованием человеческих отношений и культурных миров, в которых они разворачиваются, антропологическим исследованием. Ему интересны поступки и события, смысловые связи и характеры, внутренние силы и внешние обстоятельства, в которых он обнаруживает взаимодействие разных антропологических типов. Расследование здесь вплетено в само существование детектива и его окружающих: «Личность допускает лишь соотношение, как встречу и общение» [Бердяев 2010, с. 44]. Таким образом, детективная антропология действительно представляет собой экзистенциальную психологическую практику.

Бытие детективом для Пуаро есть личностный поиск истины и правды: «Вам нужна красота, – промолвил Пуаро. – Красота любой ценой. Ну а мне необходима правда» [Кристи 2016, с. 212]. При этом ему нужна вся правда, вне зависимости от степени её горечи, трудностей в понимании и принятии, личного отношения к лицам, вещам и событиям. Однако, это не та духовная правда и истина, о которой писали и говорили русские религи-

озные философы и богословы. Это экзистенциальная правда. Как точно было выражено в юридическом названии последних глав «Убийства Роджера Экройда», «и ничего, кроме правды» [Кристи 1993, с. 664], что отсылает к той клятве, которая произносится свидетелями до их судебных показаний. Поэтому обнаружение правды, её раскрытие, связано у А. Кристи с обязательным установлением справедливости в отношении потерпевших и наказанием виновных. В этих целях Пуаро, по М. Чиксентмихайи, снимает «завесы майи» [Чиксентмихайи 2013, с. 89], порождённые страхами [Бердяев 2010]. Для этого он развивает в себе честность и мужество видеть истину, т.е. «человек переживает истину, не останавливаясь в своём движении вперёд в качестве мысляще-чувствующе-действующего единства» [Мэй 2020, с. 216], о котором Б. Паскаль, Дж. Фаулз и Н. Бердяев писали как о соединении.

Если детективная теология Кристи была художественным методом и одновременно культурным способом отыскания собственных жизненных смыслов, ценностей жизни и их разделения с другими в утверждении христианских идей в XX в., то детективная антропология является персоналистической практикой Пуаро в работе с диалектикой божественного и человеческого, разворачивающейся в живой драме личной судьбы и свободы. Обращаясь к различению онтологического и персоналистического направлений экзистенциальной психологии, В.Б. Шумский утверждает, что важнейшим отличием последнего из них является выдвижение личностного начала, прерывающее субъект-объектную разобщённость, открывая возможности проживания и воплощения человеком самого себя [Шумский 2010], творческого изменения жизни [Бердяев 2010], поиска себя как творческого самосознания [Мэй 2020]. Пуаро – пример литературного персонажа, который благодаря мастерству своего создателя обладает житнетворческими практиками, представляя собой житнетворческую личность [Валуев 2019б]. Последнее не связано с художественной деятельностью, историей, религией или наукой, хотя всем этим Пуаро крайне заинтересован, проникнут, глубоко вовлечён. Например, в «Третьей девушке» он стал автором книги по критическому анализу детективной беллетристики [Кристи 1991, с. 3]. Персоналистическая практика Пуаро связана с преодолением объективации и различных форм духовного рабства человека, его духовным освобождением как направленностью к свободе, истине и любви [Бердяев 2010]. Поэтому его иногда приглашают не только для расследования запутанных дел, но и для наблюдения, составления психологических характеристик, изучения отношений и поведения людей, как, например, в «Унесённых потоком» или «Кошке среди голубей». Детективная антропология Э. Пуаро как персоналистическая практика решает высшую задачу человека по Н.А. Бердяеву – «творчество новой жизни» [Бердяев 2007, с. 267], – осуществляемую как переход «за пределы культуры к новому бытию» [Бердяев 2007, с. 255]. Эркуль Пуаро в духе рыцарства [Валуев 2019а], в культурном героизме [Валуев 2021] творит новую жизнь, меняя сознание, отношения, поведение и общение, открывая лицо бытия, личностно иное. Подтверждением этого служит высокая заинтересованность других персонажей в его консультации, профессиональном мнении [Кристи 1995а], неординарном опытным взгляде, дружеском совете [Кристи 1995б], активном внимании, присутствии, нестандартном решении [Кристи 1993], осознанном участии и личностном поступке [Кристи 1998]. Детективная антропология делает и самого Пуаро более живым, позволяя читателям и зрителям не только сопереживать ему, но и проживать вместе с ним, делиться своим присутствием и способами творческого преобразования жизни. Поэтому Эркуль Пуаро является единственным в истории художественным персонажем, в связи со смертью которого в газете «Нью-Йорк Таймс» был выпущен реальный

некролог. Это документальное свидетельство творческой мощи детективной антропологии как персоналистической практики экзистенциальной психологии и психотерапии.

Таким образом, можно сделать ряд **выводов**:

1. Детективная антропология Э. Пуаро является производной от детективной теологии А. Кристи. Когда Агата Кристи ищет Бога, Эркюль Пуаро ищет Человека. Свою жизненную миссию он связывает с творчеством жизни, выраженным в бытии детективом, расследовании преступлений и изменении человека. Его расследование является антропологическим исследованием человеческой природы, включающим личностное присутствие и диалог, творчески изменяющие уровень и качество бытия других.

2. Детективная антропология Э. Пуаро есть уникальная персоналистическая практика творческого преобразования бытия в антропологическом исследовании и самоисследовании возможностей реального проживания личностного начала.

3. Детективная антропология отрефлексирована в логике экзистенциальной философии и психологии как экзистенциальная практика поиска человеком себя и другого в пространстве человеческих миров, культурных систем, взаимоотношений и личностных поступков. Поэтому детективная антропология есть психологическая практика исследования, выстроенного в постнеклассическом идеале научной рациональности.

Литература

1. Бердяев Н.А. Диалектика божественного и человеческого. М.: АСТ, 2005. 620 с.
2. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. М.: АСТ, 2010. 316 с.
3. Бердяев Н.А. Смысл творчества: опыт оправдания человека. М.: АСТ, 2007. 668 с.
4. Быков Д.Л. Иностранная литература: тайны и демоны. М.: АСТ, 2020. 458 с.
5. Валуев О.С. Культурный героизм в искусстве психологической работы с антропологическим вызовом (80-летию А. А. Миронова) // Психология в системе социально-производственных отношений: сб. материалов IV Междунар. науч.-практ. конф. (Красноярск, 23 апреля 2021 г.). Красноярск: СибГУ им. М. Ф. Решетнева, 2021. С. 13–17.
6. Валуев О.С. Национальный духовно-психологический проект Н.А. Бердяева: от романтики русской души к романтизму «России Духа» // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: материалы III Междунар. науч. конф. (Москва, 19 апреля 2019 г.). М.: МХПИ, 2019а. С. 67–72.
7. Валуев О.С. Студенческий дискуссионный клуб как саморазвивающаяся группа жизнетворческих личностей (к 110-летию А. Маслоу) // Психологическое благополучие современного человека: материалы Междунар. заоч. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 20 марта 2019 г.) / отв. ред. С. А. Водяха. Екатеринбург: УрГПУ, 2019б. С. 645–651.
8. Колпакова М.Ю. Введение в диалогическую психологию. М.: Канон⁺, 2013. 256 с.
9. Конан Дойл А. Записки о Шерлоке Холмсе: рассказы и повесть. Л.: Детская литература, 1984. 623 с.
10. Кристи А. Вечеринка в Хеллоуин: роман / пер. с англ. Ярославль: ЯПК АРВАТО, 2016. 254 с.
11. Кристи А. Знаменитые расследования Эркюля Пуаро / пер. с англ. М.: Эксмо, 2019. 720 с.

12. Кристи А. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 1. Таинственное происшествие в Стайлз; Таинственный противник; Убийство на поле для гольфа / пер. с англ., сост. А. Титов. М.: Артикул, 1995а. 671 с.
13. Кристи А. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 2. Человек в коричневом костюме; Тайна замка Чимниз; Убийство Роджера Экройда / пер. с англ., сост. А. Титов. М.: Артикул, 1993. 671 с.
14. Кристи А. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 6. Смерть в облаках; Убийства по алфавиту; Убийство в Месопотамии; Невероятная кража; Родосский треугольник / пер. с англ., сост. А. Титов. М.: Артикул, 1995б. 686 с.
15. Кристи А. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 9. Раз, два, пряжка держится едва...; Печальный кипарис; Зло под солнцем; Икс или Игрек / пер. с англ., сост. А. Титов. М.: Артикул, 1998. 734 с.
16. Кристи А. Третья девушка: роман / пер. с англ. Н.Н. Уманца. М.: Имидж, 1991. 223 с.
17. Леонтьев Д.А. К экзистенциальной антропологии // Седьмая Всерос. науч.-практ. конференция по экзистенциальной психологии (Москва, 29 апреля – 1 мая 2019 г.) / под ред. Д.А. Леонтьева, А.Х. Фам. М.: Смысл, 2019. С. 5–10.
18. Медикус Г. Быть человеком: преодоление разрыва между науками о теле и науками о душе / пер. с англ. А.Б. Кутлумуратов. М.: ЯСК, 2020. 244 с.
19. Мэй Р. Человек в поисках себя / пер. с англ. Е. Овчинникова, Е. Абрамова. СПб.: Питер, 2020. 240 с.
20. Паскаль Б. Мысли. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995. 480 с.
21. Ступин С.С. Искусство и пределы человеческого. Опыт экзистенциального искусствознания. М.: ЦГИ, 2020. 256 с.
22. Теория и практика экзистенциальной психологии. М.: ИОИ, 2014. 336 с.
23. Фаулз Дж. Аристос / пер. с англ. В. Нугатова. М.: Эксмо-Пресс, 2002. 432 с.
24. Франкл В. Воля к смыслу / пер. с англ. М.: ИОИ, 2015. 144 с.
25. Франкл В. Человек в поисках смысла / пер. с англ. и нем. Д.А. Леонтьева, М.П. Папуша, Е. В. Эйдмана. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
26. Чиксентмихайи М. Эволюция личности / пер. с англ. Е. Алексеев, А. Шварц. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. 420 с.
27. Шнайдер К. Пробуждаясь к трепету. Опыт глубинной трансформации – истории из жизни / пер. с англ. А. Багрянцевой. М.: Корвет, 2018. 224 с.
28. Шумский В.Б. Экзистенциальная психология и психотерапия: теория, методология, практика. М.: ВШЭ, 2010. 183 с.

Особенности перевода русской поэзии на китайский язык: на примере стихотворения О. Мандельштама «Раковина»

Мария Александровна Духнова
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
mariyafei@gmail.com

В статье рассматриваются особенности перевода русской поэзии на китайский язык на примере стихотворения О. Мандельштама «Раковина». Сопоставляются два варианта перевода, анализируются лексика и приёмы, используемые переводчиками.

Ключевые слова: перевод, русская поэзия, метафора, китайский язык.

Features of the Translation of Russian Poetry into Chinese: On the Example of Mandelstam's Poem "Shell"

M.A. Dukhnova
Perm State University

The article examines the features of the translation of Russian poetry into Chinese on the example of O. Mandelstam's poem "Shell". Two translation options are compared, vocabulary and techniques used by translators are analyzed.

Keywords: translation, Russian poetry, metaphor, Chinese.

При переводе художественного текста, особенно текста поэтического, насыщенного метафорой, эпитетами, сравнениями и другими средствами художественной выразительности, переводчик зачастую сталкивается с проблемами лингвистического, содержательного и культурологического характера. Национально-культурный компонент, как и общечеловеческий, универсальный, находит отражение в языке, в национальной языковой картине мира [Валеева 2018, с. 32]. Различия в культуре представителей разных народов обуславливают и различия в восприятии метафорических образов. Образы, значимые и ценные для одной культуры, могут разительно отличаться в другой культуре или вовсе отсутствовать в ней. Связь между понятийными сферами в сознании носителей языка существует в виде метафорических моделей, представляющих своего рода схемы, по которым человек мыслит и действует. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична [Лакофф 2004, с. 25]. В связи с этим перед переводчиком встаёт задача сохранить при возможности изначальный метафорический образ, который вложил автор в строки своего произведения, но при этом донести авторскую мысль в контексте культуры иноязычного читателя.

Перевод поэзии требует и основательной подготовительной работы, подразумевая вплетение оригинального текста произведения в канву другого языка, обладающего своими культурными и эстетическими особенностями. В каком-то смысле перевод поэзии – это процесс сотворчества. Чтобы верно истолковать авторскую мысль, а затем раскрыть её для читателя, переводчику необходимо не только определить значения одного языка через значения другого, но и иметь представление о ценностных ориентирах представителей двух культур. В ходе решения эвристических задач переводчик использует определённые

аксиологические стратегии текстопорождения и интерпретации текста, в процессе выбора которых он реализует свою творческую функцию как создатель текста художественной литературы на языке перевода [Карпухина 2012, с. 125].

В данной статье рассматриваются особенности перевода русской поэзии на китайский язык на примере стихотворения О. Мандельштама «Раковина» и вариантов его перевода Ван Чжиляна (王智量) и Ли Шудуна (李树冬).

Осип Мандельштам – выдающийся поэт XX в. и непревзойдённый мастер слова и образа. Поэзия Мандельштама насыщена метафорами настолько, что этот вид тропа может быть основой фактуры мандельштамовского стиха. Одна из особенностей поэзии Мандельштама состоит именно в том, что метафора здесь выступает не только как поэтический образ, но интимно связана с самим содержанием стихотворения [Успенский 2018, с. 8]. Метафора для поэта не просто троп, это способ восприятия действительности, способ диалога с внешним миром. Мандельштаму свойственны рационализация значения слова, игра с многообразием его оттенков, предметность значения, обретение словом индивидуальности [Черашняя 2011, с. 13].

Стихотворение «Раковина» написано в 1911 г. и относится к раннему периоду творчества поэта. Идею своеобразия стихотворения раскрывается через монолог лирического героя, которого Мандельштам уподобляет «раковине без жемчужин», обращённый к внешнему миру. В первой же строфе выделяется слово «ночь», используемое как обращение, к тому же ощущение таинственности, глобальности происходящего усиливается и далее: «Быть может, я тебе не нужен, / Ночь; из пучины мировой, / Как раковина без жемчужин, / Я выброшен на берег твой». Слово «пучина» имеет в толковом словаре Ожегова несколько значений: 1. Водоворот, а также провал в болоте. 2. Морская бездна. 3. Сосредоточение чего-нибудь угрожающего, губительного. Разные значения слова дополняют друг друга, взаимодействуют, мрачный образ неотвратимой бездны совмещается с образом моря – то спокойного, то бушующего. Лирического героя автор сравнивает с «раковиной без жемчужины» – лишь оболочка, лишившаяся или ещё не обрётшая своей ценности. При этом раковина – это маленькое замкнутое пространство, хрупкая оболочка, отличающаяся необычностью, причудливостью формы. Образ раковины также неотрывно связан с образом моря. Сохраняется ощущение незримого присутствия силы свыше, герой не волен в своей судьбе, он лишь «выброшен» на берег.

В вариантах перевода на китайский язык оба переводчика используют сочетание 宇宙的深渊 ‘мировая бездна’, при этом слово 深渊 толкуется в китайском словаре как 新华字典 ‘очень глубокая вода’ – тоже метафора сложных и опасных ситуаций [<http://xh.5156edu.com/html5/z17m94j133052.html>]. Оба переводчика использовали приём полного перевода с подбором максимально подходящей по смыслу к оригиналу лексики, однако русскоязычное слово имеет больше значений и, вследствие этого, более широкую смысловую и эмоциональную окраску. При переводе третьей строки Ли Шудун сохраняет приём сравнения: 仿佛一只不含珍珠的贝壳 ‘как ракушка без жемчуга’, а Ван Чжилян опускает сравнение: 一只不带珍珠的贝壳 ‘ракушка без жемчуга’, отдавая предпочтение сохранению мелодичности стиха. Перевод последней строки первого четверостишия идентичен, оба автора сохраняют пассивный залог и обращение к незримому собеседнику: 我被抛上了你的海岸 ‘меня выбросило на твой берег’.

При переводе следующих строф расхождения в вариантах перевода становятся всё заметнее. Лирической героиней продолжает обращаться к незримому и молчаливому собеседнику, при этом тема моря становится всё шире и глубже: «Ты равнодушно волны пенишь / И неговорчиво поёшь, / Но ты полюбишь, ты оценишь / Ненужной раковины ложь». Пенящееся море, стихия, вода – это всё образ самого существования, жизни, с её равнодушным естественным течением времени, которое не зависит от людских тревог и забот. В варианте Ван Чжиляна 你淡漠地揉取泡沫, 用那浪花 ‘ты апатично замешиваешь пену, используешь брызги волн’ (подстрочник) глагол «пенишь» заменяется на сочетание 揉取泡沫 ‘вымешивать, растирать пену’. Слово 浪花 имеет несколько значений: и барашки волны, и брызги морской воды, и пена волн, прослеживается образ моря, как и в оригинале. Вариант Ли Шудуна отличен: 你冷漠地吐着 泡沫的浪花 ‘ты равнодушно выплевываешь пенящиеся волны’, переводчик выбирает другой глагол с более негативной окраской – 吐 ‘плевать, извергать, выплевывать’, тем самым усиливая равнодушное отношение стихии не только к лирическому герою, но и ко всему внешнему. При переводе словосочетания «неговорчиво поёшь» Ван Чжилян отходит от приёма полного перевода, вводя фразу 你只顾自己在固执地歌唱 ‘ты, заботясь только о себе, упрямо поёшь’. В другом варианте перевода используется фраза 并自以为是地歌唱 ‘самодовольно поёшь’, при этом словосочетание 自以为是 имеет значение ‘считать себя всегда правым, непогрешимым, не сомневаться в своей правоте’.

Героиня будто уговаривает, убеждает стихию быть терпимее и снисходительнее к «ненужной раковине». Эта фраза перекликается с первой строкой стихотворения, однако если изначально героиня ещё сомневался в своей «ненужности», то здесь уже уверенно заявляет об этом, используя метафору «ненужной раковины ложь». Образ раковины без жемчужин дополняется ещё и словом «ложь», в этом видится не только неуверенность и сомнение в себе, но и горечь, тоска, разочарование. В этой строфе также используется приём повтора личного местоимения «ты» – «ты полюбишь, ты оценишь». Ван Чжилян в своём переводе сохраняет этот приём, также используя в одной строке двукратное повторение местоимения 你: «但是你会爱的 · 你会评价» ‘но ты полюбишь, ты оценишь’. Кроме того, структура последней строки второй строфы полностью изменена переводчиком: 这只无用的贝壳对你所说的谎 ‘этой бесполезной раковины тебе сказанная ложь’, таким образом, вводится третье личное местоимение «ты», которого нет в оригинальном варианте. Ли Шудун в свою очередь отказывается от подобного приёма, используя личное местоимение лишь один раз: 但是你会爱上 且会评价 / 一只无用贝壳的说谎 ‘Но ты влюбишься и оценишь / Бесполезной раковины ложь’.

Третья строфа в аспекте перевода особенно интересна использованием лексики, аналоги которой проблематично подобрать в иностранном языке. Например, «оденешь ризою своей»: «риза» – это одеяние священника при богослужении, однако этимологический словарь Н.М. Шанского приводит в качестве первоначального значения следующее: «одежда не из цельного полотна, а из резанных его частей» [<http://www.slovorod.ru/etym-shansky/shan-r.htm>]. В строках «Ты на песок с ней рядом ляжешь, / Оденешь ризою своей» автор меняет ранее используемое слово «берег» на слово «песок» – слово более мягкое, тёплое. Стихия уже не столь равнодушна к раковине, она ложится рядом, она наделяет

раковину одеянием, в этих строках чувствуется надежда на гармоничное сосуществование, надежда на будущее. Обратимся теперь к переводу Ли Шудуна: 你将和它在沙滩上并躺, 并会穿着自己的盛装 ‘Ты с ней на пляже ляжешь, / Будет носить свои одежды’. Слово «риза» заменяется переводчиком на слово 盛装 ‘торжественная одежда, праздничный наряд’, ориентируясь на церковное значение слова. В переводе Ван Чжиляна 你会紧贴着它, 仰卧在沙滩, / 身上还裹着你原先的衣裙 ‘Ты ляжешь вплотную к ней, будешь лежать на спине, / Тело обернуто в твою изначальную одежду’ (подстрочник) предпочтение отдается сочетанию 原先的衣裙 ‘первоначальная одежда’ с явной ориентацией на исконный смысл слова. В отличие от Ли Шудуна, здесь автор перевода также заменяет простой глагол 躺 ‘лежать’ на глагол 仰卧 ‘лежать на спине, лежать навзничь’, при этом добавляя слово 紧贴 ‘плотно прилипнуть, пристать, вплотную’; глагол 穿 ‘надевать, носить’ заменяется автором на глагол 裹 ‘обёртывать, заворачивать’. Образ раковины здесь более податливый, лишённый собственной воли, более пассивный.

В следующих строках создаётся ощущение глобальности происходящего, торжественности: «Ты неразрывно с нею свяжешь / Огромный колокол зыбей». Зыбь – мельчайшее, практически незаметное колебание – соединяется с образом огромного колокола. Колокол – громкий, резкий, мощный – диссонирует с употреблением слова «зыбь», но при этом и колокол, и зыбь – это колебания, импульсы. В контексте произведения «зыбь» можно воспринимать как «колебания» жизни, её изменения, жизненный импульс. В то же время колокол – как чаша моря, через прикосновение к раковине происходит единение с морем и стихией. Переводчик вынужден отойти от полного перевода из-за насыщенности текста средствами выразительности. Ван Чжилян в своём варианте перевода 你会和它连结在一起, 要分也难, / 被那水浪奏出的洪亮钟声 ‘Ты будешь с ней связана вместе, разлучиться трудно, / Играемый волнами воды громкий колокол’ использует пассивный залог, а также глагол 奏出 ‘играть на музыкальных инструментах’. Ли Шудун в свою очередь переводит эти строки так: 你将牢固地把它 / 系在波涛的巨钟之上 ‘Ты будешь прочно её привязывать к водяному гигантскому колоколу’. Если в первом варианте присутствует музыкальный образ (колокол, как инструмент, используемый глагол – играть на музыкальном инструменте), то во втором варианте даже сам колокол водяной, созданный из огромных волн.

Последняя строфа стихотворения отличается от предыдущих отсутствием тяжело-весной, торжественной, высокой лексики. Наоборот, от глобальности происходит резкий переход к образу хрупкой раковины: «И хрупкой раковины стены, / Как нежилого сердца дом, / Наполнишь шёпотами пены, / Туманом, ветром и дождём...». В этих строках уже нет огромного колокола, нет громких звуков, только шёпот, туман, звуки дождя. Прилагательное «нежилой», которое чаще всего употребляется по отношению к помещению, здесь относится к слову «сердце». «Нежилое сердце», сердце, лишённое жизни, соединяется с образом хрупкой раковины без жемчужин. И всё же в финале стихотворения оно станет заполненным, обретёт смысл. Автор не ставит точку в конце последней строфы, предпочитая многоточие, недосказанность. Это сохранено и при переводе произведения на китайский язык. Подчёркивая близость развязки, Ван Чжилян начинает строфу с введения слова 于是 ‘и тогда, в результате’: 于是, 一只外壁松脆的贝壳, / 恰似一间空荡的心的小屋 ‘и

тогда, одна раковина с хрупкой стенкой, / Словно пустого сердца хижина'. Подчёркивая слабость внешней оболочки, переводчик использует слова 外壁 'внешняя стенка' и 松脆 'слабый и хрупкий, мягкий и ломкий'. В качестве слова «нежилой» Ван Чжилян выбирает слово 空荡 'пустой, опустелый, безжизненный'. В переводе Ли Шудуна 这脆弱的 贝壳的 墙壁, / 犹如无人居住的心房 'Стены этой хрупкой раковины, / Подобно тому, как если бы никто не жил в доме сердца' автор использует прилагательное 脆弱 'ломкий, хрупкий, немогущий', существительное 墙壁 'стена' и сочетание слов 心 'сердце' и 房 'дом, жильё', что можно трактовать как «дом сердца, жилище сердца», т.е. в этом переводе нежилым, необитаемым остаётся именно жильё.

В последних двух строках, где в оригинале нет ни одного прилагательного, Ван Чжилян предпочитает добавить эпитеты для создания звукового образа: 被你充满了 · 用喃喃的泡珠, / 用轻风 · 用细雨 · 用海上迷雾 'Тебя наполнит пузырящейся пеной, лёгким ветром, морозящим дождём, туманом над морем'. Помимо того, что автор многократно повторяет слово 用 'использовать', которое вводит инструментальное дополнение, он ещё «окрашивает» каждое существительное из оригинального текста: у слова «пена» появляется эпитет 喃喃的 'бормочущий, невнятный', у «ветра» — 轻 'лёгкий', «дождь» становится 细雨 'морозящим дождём', а просто «туман» превращается в 海上迷雾 'туман над морем'. Всё это помогает сохранить музыкальный образ, возникший ещё в предыдущей строфе, подчёркивает переход от громких и резких звуков к мягким и слабым. Вариант Ли Шудуна более конкретен, хотя также не лишён дополнительных эпитетов: 你让它充满波涛的絮语 / 还有迷雾、急风和暴雨 'Ты наполняешь её бормотание волнами, / Туманом, резким ветром и проливным дождём'. Интересно, что автор использует словосочетание 波涛的絮语, которое можно перевести как 'болтовня, докучливые разговоры волн'. Ветер здесь становится 急风 'порывистым', а дождь — 暴雨 'шквалистым, проливным'. Если в варианте Ван Чжиляна картина создавалась вполне мирная и спокойная, то в варианте Ли Шудуна подчёркивается сила стихии.

Таким образом, из анализа переводов стихотворения О. Мандельштама на китайский язык следует, что наиболее частотным является приём приблизительного перевода, при этом варианты перевода лексики, авторских метафор и образов различны. Стремясь как можно точнее донести до читателя метафорические образы, оба переводчика отклоняются от оригинала стихотворения, вводя дополнительные эпитеты, причём, чем больше оригинальный текст насыщен метафорическими образами, тем большие расхождения в вариантах переводов на китайский язык мы можем обнаружить. Несмотря на то, что оба переводчика принадлежат одной культуре, им присущ индивидуальный взгляд на ценностную ориентацию и внутренние переживания лирического героя стихотворения. Каждый из вариантов перевода представляет свой взгляд на поэзию Мандельштама, раскрывает новые грани в восприятии его стихов.

Литература

1. Валеева Н.Г. Теория перевода: культурно-когнитивный и коммуникативно-функциональный аспекты: монография / 3-е изд., испр. и доп. М.: РУДН, 2018. 244 с.

2. Карпухина В.Н. Аксиологический аспект исследования перевода как творческого процесса // *Филология и человек*. 2012. № 1. С. 116–126.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живём*. М.: УРСС Эдиториал, 2004. 256 с.
4. Мандельштам О.Э. *Избранное / сост., автор предисл. и коммент. П.М. Нерлер*. М.: СП Интерпринт, 1991. 480 с.
5. Успенский Б.А. *Исследования по русской литературе, фольклору и мифологии*. М.: Common place, 2018. 288 с.
6. Черашняя Д.И. *Лирика Осипа Мандельштама: проблема чтения и прочтения*. Ижевск, 2011. 288 с.

УДК 821.161.1

Представление о традиционном празднике Пасхи в русской поэзии XIX–XX вв.

Анастасия Валериевна Иванченко

Дальневосточный федеральный университет
ivanchenko.av@dvfu.ru

В статье рассматривается праздник Пасхи, один из главных праздников традиционной русской культуры, и его отражение в стихах русских поэтов XIX–XX вв. Акцент делается на мотиве связи воскресения и весеннего пробуждения природы, а также на мотиве колокольного звона. В ряде стихотворений обращает на себя внимание связь с праздником Пасхи личных переживаний авторов.

Ключевые слова: русская традиционная культура, праздник Пасхи, русская поэзия, пасхальные мотивы.

Notion of the Traditional Easter Holyday in Russian Poetry of the 19th – 20th Centuries

A.V. Ivanchenko

Far Eastern Federal University

The article deals with the Easter holyday, one of the main holidays of traditional Russian culture, and its reflection in the poems of Russian poets of the 19th–20th centuries. The emphasis is on the motif of the connection between the resurrection and the spring awakening of nature, as well as on the motif of the ringing of bells. In some verses, the connection with the Easter holiday of the personal experiences of the authors attracts attention.

Keywords: Russian traditional culture, Easter holiday, Russian poetry, Easter motifs.

В последние десятилетия в филологической науке активно исследуются проблемы литературного фольклоризма. «**Фольклоризм** – свойство художественной литературы, неравномерно проявляющееся у разных писателей и характеризующееся идейно-эстетическим освоением фольклора (как в формах его живого бытования, так и через его публикации и опосредованно – через предшествующую литературу) и использованием в собственном творчестве, которое может ограничиваться простым воспроизведением

фольклорного материала, а может сопровождаться его глубокой художественной трансформацией – в зависимости от типа фольклоризма» [Михнюкевич].

Исходя из широкого понимания фольклора как «традиционной культуры в целом, её художественных и нехудожественных формы, вербальных и паравербальных (акциональных, предметно-материальных и др.) способов выражения» [Ларионова 2006], одной из важных его составляющих являются праздники. Нас интересует вопрос о том, как традиционные праздники представлены в стихах русских поэтов XIX–XX вв., что именно поэты берут из смысловых составляющих праздников для создания своих произведений. В этой статье рассмотрим праздник Пасхи.

«Пасха – христианский праздник Воскресения Христова, в мифологии и обрядности которого актуализируются сюжеты и мотивы, характерные для народного календаря весны и начала лета (поминальные, метеорологические, аграрно-хозяйственные и мн. др.). Большое место в народных пасхальных праздниках занимают мотивы воскрешения, обновления и процветания, связанные с мировоззренческим концептом этого главного христианского праздника». Так определяет главный смысл праздника Т.А. Агапкина [Славянские древности 2012, т. 3, с. 641–642].

Пасха не имеет точной даты, это «преходящий» праздник, он выпадает на период от 22 марта до 25 апреля по старому стилю, который получил название «Пасхального предела» [Леонтьева 1994, с. 224]. Это значит, что Пасха охватывает большую часть весеннего периода и, таким образом, одна из важнейших тем этого праздника – весна.

Практически все русские традиционные праздники имеют комбинированный характер: они соединяют в себе языческие и христианские черты. Это стало следствием объединения двух религиозных систем: языческой, связанной с природой, и христианской, связанной со священной историей.

Важное место в языческом календаре занимал мотив возрождения природы весной после долгой зимы, ассоциирующейся со смертью. Это совпало со значением христианского праздника Пасхи, где также важнейшим смыслом является воскресение Христа после смерти. Немаловажно, на наш взгляд, то, что сам образ Христа стал результатом трансформации образа умирающего и воскресающего бога, который имел свои истоки в смене времён года, наступлении земледельческого сезона [Мифы народов мира 1994, с. 547–548].

Многие поэты предают именно эту связь Пасхи с весенним пробуждением природы.

Так, А.Н. Майков (1821–1897) в стихотворении «Христос воскрес!» связывает приход весны и праздник Пасхи: *Повсюду благовест гудит, / Из всех церквей народ валит. / Заря глядит уже с небес... / Христос воскрес! Христос воскрес! / С полей уж снят покров снегов, / И реки рвутся из оков, / И зеленеет ближний лес... / Христос воскрес! Христос воскрес! / Вот просыпается земля, / И одеваются поля, / Весна идёт, полна чудес! / Христос воскрес! Христос воскрес!* [Майков].

Автор использует приём олицетворения, чтобы описать оживающую природу: «реки рвутся из оков», «земля просыпается», «поля одеваются». Рефрен «Христос воскрес!» указывает на то, что пробуждение природы связано с воскресением Христа.

Стихотворение В.Н. Ладыженского (1859–1932) также начинается словами «Христос Воскрес!»: *Христос Воскрес! Скворцы поют, / И, пробудясь, ликуют степи. / В снегах, журча, ручьи бегут / И с звонким смехом быстро рвут / Зимнюю скованные цепи. / Ещё задумчив тёмный лес, / Не веря счастью пробужденья. / Проснись! Пой песню Воскресенья – / Христос Воскрес! / Христос Воскрес! В любви лучах / Исчезнет скорби мрачный*

холод, / Пусть радость царствует в сердцах / И тех, кто стар, и тех, кто молод! / Заветом благодатных Небес / Звучит нам песня Воскресенья, / Любви, и счастья, и прощенья, – / Христос Воскрес! [Ладыженский].

Мы видим, что стихотворение создано по той же схеме. Автор с помощью олицетворений описывает связанную с воскресением Христа пробуждающуюся природу: «ликует степи», «ручьи звонким смехом рвут цепи». Правда, во второй части стихотворения возникает третья линия в этой параллели: В.Н. Ладыженский описывает пробуждающуюся радость «в сердцах и тех, кто стар, и тех, кто молод». Радость эта также связана с воскресением Христа.

С.С. Бехтеев (1879–1954) в стихотворении «Воскресенье» (1924) также большое внимание уделяет описанию природы в день Пасхи: *Христос воскрес, сестры-братья. / Прошла печаль и скорбь поста, / Раскроем жаркие объятия, / Сомкнем горячие уста!.. / Сегодня праздник Воскресенья, / Сегодня благовест гласит / О дне великом всепрощенья, / Забвенья горя и обид. / Ликует лес, поля и доли, / Весенней негою дыша, / И слышит тайные глаголы / Благоговейная душа. / И эта радость Воскресенья / Звучит и в рокоте ручья, / И в каждом шорохе растенья, / И в каждой трели соловья* [Бехтеев].

В этом тексте мы можем увидеть ещё и фиксацию некоторых пасхальных обрядовых действий: «раскроем жаркие объятия, сомкнём горячие уста». На Пасху было принято христосоваться, т.е. троекратно целоваться в честь праздника. Здесь же автор указывает на то, что Пасхе предшествует Великий пост, создавая в тексте оппозицию «печаль и скорбь поста» и «радость Воскресенья».

Как разновидность сравнения воскресения Христа с пробуждением весенней природы можно воспринимать стихотворение «Христос воскрес!» И.А. Бунина (1870–1953), написанное в 1896 г.: *Христос воскрес! Опять с зарёю / Редеет долгой ночи тень, / Опять зажётся над землёю / Для новой жизни новый день / Ещё чернеют чащи бора; / Ещё в тени его сырой, / Как зеркала, стоят озёра / И дышат свежестью ночной; / Ещё в синюющих долинах / Плывут туманы... Но смотри: / Уже горят на горных льдинах / Лучи огнистые зари! / Они в выси пока сияют, / Недостижимой, как мечта, / Где голоса земли смолкают / И непорочна красота. / Но, с каждым часом приближаясь / Из-за алеющих вершин, / Они заблещут, разгораясь, / И в тьму лесов, и в глубь долин; / Они взойдут в красе желанной / И возвестят с высот небес, / Что день настал обетованный, / Что Бог воистину воскрес!* [Бунин].

Здесь параллель проводится не с пробуждением всей природы в целом, а с пробуждением «нового дня», зарёй, причём лучи, которые её несут, появляются из «выси, недостижимой, как мечта» и явно связанной с Богом, поскольку там «голоса земли смолкают и непорочна красота».

А вот стихотворение Л.А. Чарской (1875–1938) возвращается к прежней схеме: *Земля и солнце, / Поля и лес – / Все славят Бога: / Христос Воскрес! / В улыбке синих / Живых небес / Всё та же радость: / Христос Воскрес! / Вражда исчезла, / И страх исчез. / Нет больше злобы – / Христос Воскрес! / Как дивны звуки / Святых словес, / В которых слышно: / Христос Воскрес! / Земля и солнце, / Поля и лес – / Все славят Бога: / Христос Воскрес!* [Чарская].

Здесь по-прежнему присутствует олицетворение природы и рефрен «Христос Воскрес!»

Княжна Е.С. Горчакова (1824–1897) в стихотворении «Воскресение Христово» также сохраняет прежнюю схему: *В день Пасхи, радостно играя, / Высоко жавронок*

взлетел, / И в небе синем, исчезая, / Песнь воскресению запел. / И песнь ту громко повторяли / И степь, и холм, и тёмный лес. / «Проснись, земля, – они вещали, – / Проснись: Твой Царь, твой Бог Воскрес! / Проснитесь, горы, доли, реки, / Хвалите Господа с Небес. / Побеждена им смерть вовеки – / Проснись и ты, зелёный лес. / Подснежник, ландыши серебристый, / Фиалка – зацветите вновь / И воссылайте гимн душистый / Тому, Чья заповедь – любовь» [Горчакова].

Особенностью этого стихотворения является то, что в нём мы не видим обычного формульного пасхального восклицания «Христос Воскрес!», оно заменено на слова «Твой Царь, твой Бог Воскрес!». Ещё одна особенность состоит в том, что в стихотворение включается цитата из 148 псалма: «Хвалите Господа с Небес».

Г.В. Иванов (1894–1958) в стихотворении «Пасха», созданном в 1916 г., сохраняет уже известную нам схему соединения пробуждающейся природы и праздника Пасхи: *Опять серебряный апрель / Сияет нам улыбкой ясной, / Поёт весенняя свирель / О Пасхе радостной и красной. / Скорей в весёлые леса! / Ликут горы, реки, веси; / Ручьи и птичьи голоса / Поют светло Христос Воскресе! / Свети, весна, и ветер вей, / Пылай, восток, светлее розы! / Засвищет в поле соловей / И шумно загрохочут грозы. / Как хмурая зима прошла, / Пройдут сомнения и беды; / И засияет нам, светла, / Заря нетленная победы!* [Иванов].

Неожиданно в конце текста возникает дополнительная параллель. Время написания стихотворения объясняет её: как Христос воскрес после смерти, как приходит новый день после ночи, как приходит весна после зимы, так и после поражений будет победа. Эта параллель связана с Первой мировой войной, в которой к 1916 г. Россия участвовала уже три года, и, конечно, мысль о скорейшей победе была важна для автора.

Я.П. Полонский (1819–1898) в стихотворении «Пасхальные вести» (1886–1898) усложняет мотив связи воскресения Христа с пробуждением природы: *Весть, что люди стали мучить Бога, / К нам на север принесли грачи... / Потемнели хвойные трущобы, / Тихие заплакали ключи... / На буграх камня обнажили / Лысины, покрытые в мороз... / И на камни стали падать слезы / Злой зимой очищенных берез. / И другие вести, горше первой, / Принесли скворцы в лесную глушь: / На кресте распятый, всех прощая, / Умер Бог, Спаситель наших душ. / От таких вестей сгустились тучи, / Воздух бурным зашумел дождем... / Поднялись, морями стали реки / И в горах пронёсся первый гром. / Третья весть была необычайна: / Бог воскрес, и смерть побеждена! / Эту весть победную примчала / Богом воскрешённая весна... / И кругом леса зазеленели, / И теплом дохнула грудь земли, / И внимая трелям соловьиным, / Ландыши и розы зацвели* [Полонский].

В этом стихотворении рассматривается не только само воскресение, но и предшествовавшие ему страдания Христа и его смерть на кресте. Состояние природы соответствует этим событиям, и, на наш взгляд, передаёт чувства большинства верующих людей. Об этом можно говорить потому, что в стихотворении автор активно использует олицетворения. В то время, когда «люди стали мучить Бога», «тихие заплакали ключи», «стали падать слёзы ... берёз». В тот момент, когда Христос умер на кресте, «сгустились тучи», «воздух бурным зашумел дождём», «поднялись реки», «пронёсся гром». Здесь автор уже не использует олицетворения, но печальное, грустное, настроение, состояние страха, которое связано с дождём, громом, наводнением является распространённым стереотипом. Когда же Христос воскрес, с ним вместе воскресла и природа.

Отметим, что из многих мотивов, связанных с Пасхой, поэты особое внимание обращают на пасхальный колокольный звон.

Этот мотив встречаем в небольшом стихотворении А.Н. Плещеева (1825–1893):
Как солнце блещет ярко, / Как неба глубь светла, / Как весело и громко / Гудят колокола. / Немолчно в Божьих храмах / Поют «Христос Воскресе!» / И звуки дивной песни / Доходят до небес [Плещеев].

У Л.А. Чарской (1875–1938) стихотворение так и называется – «Колокола». *Гулко звуки колокольные / Улетают в твердь небес / За луга, за степи вольные, / За дремучий тёмный лес. / Миллиардом звуков радостных / Льёт певучая волна... / Вся мгновений дивных, сладостных / Ночь пасхальная полна, / В них, в тех звуках – миг прощенья, / Злобе суетной – конец. / Беспредельного смиренья / И любви золотой венец, / В них – молитвы бесконечныя, / Гимнов дивные слова. / В них печаль и слёзы вечныя / Смыты кровью Божества. / В них земли восторг таинственный / И святой восторг небес, / В них Бесмертный и Единственный / Бог воистину воскрес! / [Чарская].*

Колокольный звон является главным мотивом стихотворения, в нём сосредоточены все пасхальные смыслы.

Г.В. Иванов (1894–1958) в стихотворении «Опять заря горит светла» также делает мотив колокольного звона центральным:

Опять заря горит светла / Всех зорь чудесней, / Опять гудят колокола / Весенней песней... / О, Пасха красная, твой звон / Так сердцу сладок, / Несёт нам разрешение он / Всех, всех загадок!.. / И утоление скорби, бед, / Земных печалей: / Мы видим незакатный свет / Янтарных далей. / О, час, едва пропет тропарь / Христос Воскресе. / И радостью полны, как встарь, / Леса и веси. / О, час, когда чужой дарит / Лобзанья встречным, / Он наши души озарит / Сияньем, вечным. / А поутру как сладко встать / В пасхальном свете, / И радостью затрепетать / Светло, как дети. / Весна и солнце — даль светла, / Прошло ненастье. / Пасхальные колокола / Поют о счастье. / Земля и небо, водоём, / Леса и веси, / И люди — вместе все поём: / Христос Воскресе! [Иванов].

Кроме мотива колокольного звона, автор включает в стихотворение уже знакомый нам мотив связи праздника Пасхи с природой, и традиционный в таком случае приём олицетворения: *Земля и небо, водоём, / Леса и веси, / И люди – вместе все поём.*

Короткие упоминания этого мотива также можно встретить в стихотворениях А.Н. Майкова, С.С. Бехтеева, Ф.И. Тютчева, М.И. Цветаевой, М.А. Кузмина.

В стихотворениях ряда авторов праздник Пасхи оказывается связан с личными переживаниями. Так, Ф.И. Тютчев (1803–1873) 16 апреля 1872 г. написал стихотворение «День Православного Востока» и послал его своей дочери М.Ф. Тютчевой, умиравшей в то время в городе Рейхенгалле (Бавария).

День Православного Востока, / Святись, святись, великий день, / Разлей свой благовест широко / И всю Россию им одень! / Но и святой Руси пределом / Его призыва не стесняй: / Пусть слышен будет в мире целом, / Пускай он льётся через край, / Своею дальнею волною / И ту долину захватя, / Где бьётся с немощию злою / Моё родимое дитя, – / Тот светлый край, куда в изгнание / Она судьбой увлечена, / Где неба южного дыханье / Как врачевство лишь пьёт она. / О, дай болящей исцеленья, / Отрадой в душу ей повеи, / Чтобы в Христосе Воскресенье / Всецело жизнь воскресла в ней [Тютчев].

Тютчев обращается к празднику Пасхи, используя приём олицетворения: «разлей свой благовест», «дай исцеленья». На наш взгляд, таким образом он обращается к Богу с просьбой воскресить его больную дочь так же, как Бог некогда воскресил Христа.

В.В. Набоков (1899–1977) в 1922 г. в стихотворении «Пасха. На смерть отца» выражает надежду на то, что если воскрес Христос, если воскресает природа, то и отец, который умер может воскреснуть, хотя бы в памяти автора: *Я вижу облако сияющее, крышу / блестящую вдали, как зеркало... Я слышу, / как дышит тень и каплет свет... / Так как же нет тебя? Ты умер, а сегодня / сияет влажный мир, грядёт весна Господня, / растёт, зовёт... Тебя же нет. / Но если все ручьи о чуде вновь запели, / но если перезвон и золото капели – / не ослепительная ложь, / а трепетный призыв, сладчайшее «воскресни», / великое "цвети", – тогда ты в этой песне, / ты в этом блеске, ты живешь!..* [Набоков].

Если предыдущие два стихотворения были связаны с темой жизни и смерти, то стихотворение М.И. Цветаевой (1892–1941) «Пасха в апреле» (1910) связано, вероятно, с темой какого-то переломного момента в жизни автора: *Звон колокольный и яйца на блюде / Радостью душу согрели. / Что лучезарней, скажите мне, люди, / Пасхи в апреле? / Травку ласкают лучи, догорая, / С улицы фраз отголоски... / Тихо брожу от крыльца до сарая, / Меряю доски. / В небе, как зарево, вешняя зорька, / Волны пасхального звона... / Вот у соседей заплакал так горько / Звук граммофона, / Вторят ему бесконечно-уныло / Взвизги гармоники с кухни... / Много было, ах, многое было... / Прошлое, рухни! / Нет, не помогут и яйца на блюде! / Поздно... Лучи догорели... / Что безнадежней, скажите мне, люди, / Пасхи в апреле?* [Цветаева].

В начале стихотворения М.И. Цветаева описывает радость, связанную с Пасхой, а слова «брожу от крыльца до сарая, / Меряю доски», вероятно, говорят о том, что героиня стихотворения с нетерпением ждёт чего-то. Затем, постепенно, радость сменяется грустью: «заплакал так горько звук граммофона», «взвизги гармоники» «вторят ему» «бесконечно-уныло». Слова «Много было», «прошлое, рухни!» могут означать, что закончилось что-то что было в прошлом. Таким образом, в течение одного пасхального дня М.И. Цветаева переживает переход от радости к грусти и прощание со своим прошлым.

Особым представляется нам стихотворение «Пасха» (1916) М.А. Кузмина (1872–1936): *На полях черно и плоско, / Вновь я Божий и ничей! / Завтра Пасха, запах воска, / Запах тёплых куличей. / Прежде жизнь моя текла так / Светлой сменой точных дней, / А теперь один остаток / Как-то радостно больней. / Ведь зима, весна и лето, / Пасха, пост и Рождество, / Если сможешь вникнуть в это, / В капле малой – Божество. / Пусть и мелко, пусть и глупо, / Пусть мы волею горды, / Но в глотке грибного супа – / Радость той же череды. / Что запомнил сердцем милым, / То забвеньем не позорь. / Слаще нам постом унылым / Сладкий яд весенних зорь. / Будут трепетны и зорки / Бегать пары по росе / И на Красной, Красной горке / Обвенчаются, как все. / Пирог на именины, / Дети, солнце... мирно жить, / Чтобы в доски домовины / Тело милое сложить. / В этой жизни Божья ласка / Словно вышивка видна, / А теперь ты, Пасха, Пасха, / Нам осталась одна. / Уж её не позабудешь, / Как умом ты ни мудри. / Сердце тёплое остудишь? – / Разогреют звонари. / И поют, светлы, не строги: / Дили-бом, дили-бом бом! / Ты запутался в дороге? / Так вернись в родимый дом* [Кузмин].

Предстоящий праздник Пасхи вызывает у автора целый ряд воспоминаний о других праздниках и обрядах, календарных и семейных, которые остались в прошлом. Как вспоминает автор, это была «светлая смена точных дней», в этих праздниках, обрядах, даже некоторых бытовых деталях М.А. Кузмину видится Бог: «в капле малой – Божество», «в этой жизни Божья ласка...». А теперь Пасха остаётся единственным воспоминанием о прежней жизни и, по мнению автора, ориентиром для запутавшихся в жизни людей. Сме-

на образа жизни, вероятно, происходит по причине Первой мировой войны и надвигающихся потрясений, ведь стихотворение написано в 1916 г.

Таким образом, мы можем отметить, что представление о традиционном празднике Пасхи у русских поэтов связано, прежде всего, с соединением мотива воскресения Христа с мотивом воскресения природы. Группа этих текстов самая многочисленная. Немаловажным оказывается мотив колокольного звона, который широко развёрнут в нескольких примерах, а кратко упоминается ещё в целом ряде стихотворений. Третья группа стихотворений даёт представление о том, что Пасха связана с событиями личной жизни авторов и в какой-то мере может повлиять на неё.

Литература

1. Бехтеев С.С. «Воскресенье». URL: <https://www.pravmir.ru/sergey-behteev-voskresene/> (дата обращения: 01.03.2022).

2. Бунин И.А. «Христос воскрес! – Опять с зарёю...» // Стихотворения: В 2 т. / Вступ. статья, сост., подг. текста, примеч. Т. Двинятиной. СПб.: Изд-во Пушкинского дома, Вита Нова, 2014. Т. 1. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%A5%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%81_%D0%B2%D0%BE%D1%81%D0%BA%D1%80%D0%B5%D1%81!_%E2%80%94%D0%9E%D0%BF%D1%8F%D1%82%D1%8C_%D1%81_%D0%B7%D0%B0%D1%80%D1%91%D1%8E_\(%D0%91%D1%83%D0%BD%D0%B8%D0%BD\)](https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%A5%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%81_%D0%B2%D0%BE%D1%81%D0%BA%D1%80%D0%B5%D1%81!_%E2%80%94%D0%9E%D0%BF%D1%8F%D1%82%D1%8C_%D1%81_%D0%B7%D0%B0%D1%80%D1%91%D1%8E_(%D0%91%D1%83%D0%BD%D0%B8%D0%BD)) (дата обращения: 01.03.2022).

3. Горчакова Е.С. «Воскресение Христово». URL: <https://strong2gether.ru/library-up/poetry/read/article/178735> (дата обращения: 01.03.2022).

4. Иванов Г.В. «Опять заря горит светла». URL: <https://stihi.deti.guru/opyat-zarya-gorit-svetla/> (дата обращения: 01.03.2022).

5. Иванов Г.В. «Пасха». URL: <https://www.culture.ru/poems/24432/paskha-1916> (дата обращения: 01.03.2022).

6. Кузмин М.А. «Пасха». URL: <https://libverse.ru/kyzmin/pashaa.html> (дата обращения: 01.03.2022).

7. Ладыженский В.Н. «Христос воскрес». URL: <https://strong2gether.ru/library-up/poetry/read/article/178668> (дата обращения: 01.03.2022).

8. Ларионова М.Ч. Архетипическая парадигма: миф, сказка, обряд в русской литературе XIX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2006. 48 с.

9. Леонтьева Г.А., Шорин П.А., Кобрин В.Б. Ключи к тайнам Клио. М.: «Просвещение», 1994. 286 с.

10. Майков А.Н. «Христос воскрес!». URL: <https://www.culture.ru/poems/10893/khristos-voskres> (дата обращения: 01.03.2022).

11. Мифы народов мира. Энциклопедия / под ред. С.А. Токарева. М.: Российская энциклопедия, 1994. Т. 2. 719 с.

12. Михнюкевич В.А. Фольклоризм. URL: <https://fedordostoevsky.ru/research/aesthetics-poetics/122/> (дата обращения: 01.03.2022).

13. Набоков В.В. «Пасха. На смерть отца». URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/stihi/177.htm> (дата обращения: 01.03.2022).

14. О жизни православных святых иконах и праздниках / сост. О.А. Попова. Свердловск: Независимое изд. предприятие «91», 1991. 255 с.

15. Плещеев А.Н. «Как солнце блещет ярко...». URL: <https://www.culture.ru/poems/7766/kak-solnce-bleshet-yarko> (дата обращения: 01.03.2022).
16. Полонский Я.П. «Пасхальные вести». URL: http://halkidon2006.orthodoxy.ru/poetry/polonskiy_1.htm (дата обращения: 01.03.2022).
17. Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5 т. М.: Международные отношения, 2012.
18. Терещенко А.В. История культуры русского народа. М.: Эксмо, 2007. 736 с.
19. Тютчев Ф.И. «День православного Востока...». URL: <https://www.culture.ru/poems/46222/den-pravoslavnogo-vostoka> (дата обращения: 01.03.2022).
20. Цветаева М.И. «Пасха в апреле». URL: https://www.tsvetayeva.com/poems/pasha_w_aprele (дата обращения: 01.03.2022).
21. Чарская Л.А. «Земля и солнце...». URL: https://pochemu4ka.ru/publ/zemlja_i_solnce_polja_i_les_vse_slavjat_boga_khristos_voskres_1_a_charskaja/104-1-0-1776 (дата обращения: 01.03.2022).
22. Чарская Л.А. «Колокола». URL: <https://stihi.deti.guru/kolokola-3/> (дата обращения: 01.03.2022).

УДК 808.5

Современная книжная интернет-реклама как способ привлечения новых читателей

Вера Михайловна Касьянова

Московский государственный университет

им. М.В. Ломоносова

vkasianova@mail.ru

В статье рассматривается современная книжная реклама, представленная на различных интернет-сайтах; отмечается значимость книги как одной из величайших культурных ценностей; показываются примеры современной книжной рекламы; анализируется содержательный аспект рекламных слоганов в плане их приближения к духовному миру современных молодых читателей.

Ключевые слова: социальная реклама; книга как культурная ценность; содержательный аспект рекламного слогана.

Modern Book Online Advertising as a Way to Attract New Readers

V.M. Kasyanova

Lomonosov Moscow State University

The article discusses modern book advertising, presented on various Internet sites; There is significance of the book as one of the greatest cultural values; Examples of modern book advertising are shown; An informative aspect of advertising slogans is analyzed in terms of their approach to the spiritual world of modern young readers.

Keywords: social advertising; book as cultural value; the meaningful aspect of the advertising slogan.

В жизни современного человека реклама играет особую роль. При этом особую значимость имеет реклама социальная, которая «представляет общественные и государственные интересы и направлена на достижение благотворительных целей» [Федеральный Закон РФ «О рекламе»...]. Социальная реклама как специфическая форма воздействия на массовую аудиторию должна «создать новые социальные ценности, изменить поведенческую модель общества, сформировать позитивное отношение к государственным структурам» [Кортава 2015, с. 304]. К социальной рекламе можно отнести и книжную рекламу.

Книга, являясь одной из основных духовных ценностей человека, позволяет ему, абстрагировавшись от мира реального, выстроить некий иллюзорный мир, наполненный новыми – часто странными и необычными – образами и воплощающий в себе те или иные идеалы или, наоборот, разрушающий их. Будучи одним из наиболее распространённых и реальных источников расширения словарного запаса, определяющего успешность коммуникации с носителями языка, книга даёт читателю знания из самых разных областей жизни, заставляя его примерить на себя тысячи разнообразных ролей и почувствовать себя участником событий.

В течение последних десятилетий наблюдается резкое снижение (особенно среди молодёжи) интереса к чтению художественной литературы, что вызывает стремление активизировать внимание к книге разными способами, в том числе и путём социальной рекламы в виде плакатов или постеров, посвящённых книгам и пользе их чтения.

Анализ книжной рекламы, представленной на сайтах mail.ru и Yandex.ru, позволяет сделать определённые выводы относительно её содержания и соответствия поставленным целям.

В количественном отношении преобладает реклама, где декларируется **польза чтения**. Чаще всего акцент ставится на количестве причин, определяющих важность книги в жизни человека: *10 причин, по которым следует читать книги // 17 причин регулярно читать книги // 5 причин, по которым надо читать книги // 15 причин читать книги* и т.д. Как правило, в подобной рекламе просто перечисляются всем известные истины, например: *8 причин, почему книги читать полезно*: (раскрывается каждый из пунктов, но особенно интересен № 8): *1. Чтение книг увеличивает словарный запас. 2. Чтение помогает общаться с людьми. 3. Чтение добавляет уверенности. 4. Чтение снижает стресс. 5. Чтение делает нас более творческими. 6. Чтение делает нас моложе. 7. Чтение расширяет кругозор. 8. Чтение улучшает сон (Если вы систематически будете читать перед сном, то вскоре организм привыкнет к этому, и тогда чтение станет своеобразным сигналом для организма, который говорит о скором отходе ко сну).*

А в одном из советов содержится пункт, вызывающий ироническую улыбку: *Чтение выгодно для вашего кошелька. Во-первых, книги дешевле, чем компьютерные игры. Во-вторых, ваши знакомые не будут мучиться с выбором подарка, если узнают, что вы любите читать. (Есть одно «но»: составляйте списки пожеланий, иначе придётся довольствоваться одними только бестселлерами.) А в-третьих, для тех, кто не получил книгу в подарок, всегда существуют библиотеки – книги там ничего не стоят.*

Более конкретный и одновременно более пространственный вариант – *Почему важно читать именно художественную литературу? Расширение кругозора. Моральные уроки. Развитие воображения и фантазии. Успех на экзамене. Развитая речь. Грамотность. Сопереживание. Внимание, наблюдательность. Эстетический вкус и высокий уровень культуры* – вряд ли вызовет желание обратиться к беллетристике. Канцелярский стиль,

смешение грамматических конструкций и логических оснований способствуют обратному эффекту, нежели тот, на который рассчитывали авторы рекламы.

Попытка привлечь к чтению молодых людей реализуется в рекламе другого типа, представляющей собой: 1) текст, состоящий из коротких, отрывистых фраз: *Читать классно. Чтение – учит. Читать – это важно. Книга – это полезно. Читать – развитие. Читать – весело. Чтение – это важно. Книжки – это важно. Чтение – развитие. Чтение – объединяет.* Безусловно, стилизация под разговорную речь делает рекламу легко читаемой, но вряд ли заставит полюбить русскую классическую литературу; 2) текст с ключевыми словами *мода, модный*: *Книга – часть твоего стиля // Читать – это круто! Читать – это модно! Читайте повсюду! Читайте свободно! В автобусе, дома, в кафе, на природе, книги, журналы, учебники – в моде! // Читать – это модно? Читать – это круто! Самые интересные книги для молодёжи!* и др.

Пробудить интерес к чтению могут, по мнению авторов, рекламные тексты, включающие в себя отсылки к конкретным произведениям, к примеру: 1) реклама из серии «Читать не вредно, вредно не читать!» с использованием цитаты из текста: *А судьба кто? ...А дальше? // Быть или не быть? вот в чём вопрос. ...А дальше? // Я вас любил. Любовь ещё, быть может... А дальше?* 2) серия текстов с общей заставкой («Если бы ты читал книгу, то знал бы, что»), преследующей цель заинтриговать потенциальных читателей, краткий пересказ пропущенного в экранизации эпизода и вывод: *А ты просто лишь посмотрел фильм.* При этом рекламируются произведения зарубежной литературы, известные именно по фильмам «Крёстный отец», «Гарри Поттер», «Парфюмер» и др. Единственное исключение – «Иван Васильевич меняет профессию», но вряд ли современного читателя заинтересует подчёркнутый авторами рекламы факт: *Если бы ты читал книгу, то знал бы, что у Шурика и Шпака была одна общая коммунальная квартира, на двери которой висел навесной замок.*

На фоне приведённых выше реклам куда убедительнее звучит простой слоган: *Прочитанные книги – это то, что останется у человека, когда он забудет, чему его учили.*

Многие рекламные объявления восходят к высказыванию М. Горького «Любите книгу – источник знаний». Отмечаются как стилистически нейтральные призывы *Читай и познавай! // Чтение расширяет кругозор*, так и эмоционально окрашенные *Читай. Наполняй мозги* (с неба, подобно дождю, сыплются в голову буквы), в том числе рифмованные (*Чтобы знания получить, надо книжку изучить! // Хочешь эрудитом стать – должен много ты читать!*). Графическое оформление повторяет рекламные плакаты 30-х гг.: могучий кулак с поднятым большим пальцем. Забавна аллюзия на широко известную сказку «Три поросёнка»: *Фундаментальные знания спасли поросенка Наф-Нафа!* (из серии «Читать не вредно, вредно не читать!»).

Нередко подчёркивается, что чтение способствует **расширению словарного запаса**. При этом возможны разные варианты: 1) *Незнакомое слово: Читайте книги. Пополняйте словарный запас.* И крупным шрифтом выделяется одно из таких слов, например: *Инженю. Агноним. Симулякр. Цугундер*; 2) *Чтение даёт возможность узнать много новых Кельвыражансов* (рядом портрет А.П. Чехова) или *Чтение детерминирует вербальную аддитивность** (здесь же примечание: *увеличивает словарный запас); 3) набор слов: чёрным по белому – лексикон образованного человека (*Эзотерика. Трюизм. Эклектика. Конгруэнтность. Дискуссия. Гипербола. Декадентство*); белым по чёрному –

словарь тех, кто не читает книг (*Фигня. Банальщина. Быдло. Базар. Ниже плинтуса*). Необходимо отметить, что в рекламе подобного типа слишком много слов, не входящих в активный запас рядового носителя языка в силу весьма узкого и специфического употребления.

Современная реклама предпочитает не видеть связи между **чтением книг и развитием грамотности**. Одно из немногих рекламных объявлений такого типа отличается и нарушением ритма, и сомнительной иллюстрацией в виде стилизованного коричневого гусиного пера: *Если будешь много ты читать – станешь грамотно писать!*

Следующий аргумент сторонников чтения сводится к тому, что книга – это **окно в новый мир**: *Читай и путешествуй! // Книги открывают двери в новые миры. Расширь границы своей жизни! Читай книги! // Читай книги – путешествуй во времени*. Именно книга помогает получить новые впечатления: *Чтение даёт эмоции и впечатления зачастую недоступные в обычной жизни*. Несколько двусмысленна реклама *Книги делают человека свободнее* (читающие молодые люди с крыльями летят над городом). Возможно, по мнению авторов, книга освобождает от всех забот и мелочей быта и позволяет обратиться к постижению иных материй.

Продолжает занимать лидирующие позиции известный постулат о том, что **книга – друг человека**: 1) *Книга – лучший друг человека!* (из серии «Читать не вредно, вредно не читать») – девочка ведёт на поводке книгу (обыгрывание известного выражения *Собака – друг человека* приземляет образ книги); 2) *В час работы иль досуга книга – лучшая подруга!* – текст явно неудачен: во-первых, вряд ли чтение допустимо во время работы; во-вторых, представляет собой явный плагиат, ср. плакат 1928 г. с изображением счастливой кормящей матери, читающей толстую книгу: *Для работы иль досуга книга – лучшая подруга!*

Книга выступает как средство **объединения людей** – эта высокая цель реализуется в рекламных текстах типа: *Книги нас объединяют!* (книжные листы образуют форму сердца) // *Чтение объединяет!* (рисунок отражает аллюзию на сказку «Репка») // *Читай с семьёй // Мы читаем, чтобы знать, что мы не одиноки*. А вот утверждение о том, что книга помогает укрепить отношения между людьми весьма спорно. Вряд ли всерьёз может восприниматься такая, к примеру, реклама: 1) *Моя мама всегда говорила: «Путь к сердцу мужчины лежит через книги». Чтение книг сближает!* 2) диалог между юношей и девушкой: – *Я помогаю ей носить книги. – За это я позволяю ему держать меня за руку*. Далее вывод: *Галантные мальчики предпочитают читающих девочек!* 3) девушка с раскрытой книгой чётко формулирует своё желание: *Хочу познакомиться с умным*. Далее вывод: *Читайте книги, парни* (неясно, о каких книгах идёт речь!).

Большая группа рекламных слоганов так или иначе подчёркивает роль книги в **формировании личности**. Бесспорность этой мысли не подлежит сомнению, но намёки, которыми пронизаны, например, рекламные слоганы, объединённые призывом «*Читай книги – будь Личностью!*» в совокупности с фотографиями весьма неоднозначно воспринимаемых социумом медийных персон, обесценивают книгу, в том числе классику: *Ночь с «Мартином Иденом» была незабываема!* (Ксения Собчак) // *Вчера проснулся в обнимку с «Тремя сёстрами»* (Антон Комолов) // *Люблю прилечь с «Госпожой Бовари»* (Артемий Троицкий) и др.

Трудно спорить с тем, что **книга изменяет человека** в лучшую сторону: *Лекарство от глупостей уже существует... читайте книги!* Но явно оскорбительно и отталки-

вающе звучит сравнение человека нечитающего с рыбой: *Ты чувствуешь себя рыбой? Потому что книги не читаешь.*

Книга **спасает от жизненных ошибок** – такая идея объединяет серию рекламных плакатов под общим слоганом «Учись на чужих историях» из серии «Читать не вредно, вредно не читать». Но очень странно выглядят иллюстрации: портрет И.С. Тургенева сопровождается неясной абстракцией, портрет Ф.М. Достоевского – малиновым пятном с брызгами (видимо, символ невинно пролитой крови старухи-процентщицы), М.А. Булгакова – изображением бутылки на жёлтом расплывающемся фоне.

Именно книга способствует **развитию личности** человека: *С книгой мы растём всегда!* (интересно показана эволюция выбора книги в зависимости от возраста: *Сказки. Повести и рассказы. Классическая литература. Энциклопедии. Научная литература*) // *Хорошие книги поднимут тебя до небывалых высот* (картинка: молодой человек сидит на книге, как на ковре-самолёте, среди белых облаков).

Лишь в одном рекламном объявлении встретилось сопоставление **книги и интернета** (к счастью, в пользу первой), стилистически не совсем безупречное, так как включает соединение разнородных лексем и грамматических конструкций: *Интернет-зависимость. Этому не учат в интернете: Креативность. Успех. Ты можешь. Вежливость. Трудолюбие. Уважение. Честность.*

Количество прочитанных книг, безусловно, определяет культурный уровень человека, степень его эрудиции. Примечательна реклама, в которой рядом со схематичными портретами известных людей указано, сколько книг они прочитали (кстати, эти данные вызывают большие сомнения, так как источник информации не указан; кроме того, в ряды русских писателей вклинились А. Эйнштейн и А. Вассерман!): *Эйнштейн – 4531, Ломоносов – 3120, Толстой – 4830, Лермонтов – 931, Вассерман – 5991, Гоголь – 1211, Пушкин – 1128, Чехов – 1748.*

Многие рекламные слоганы включают в себя слова *книги, которые должен прочитать каждый*. Варьируется только количество книг, возраст читателя, гендерная ориентированность и тематическая отнесенность, например: 1) *15 книг, которые должен прочитать каждый // 13 книг, которые должен прочитать каждый // 100 книг, которые должен прочитать каждый // Книги, которые должен прочесть каждый человек*; 2) для школьников: *25 книг, которые должен прочитать каждый школьник // Книги, которые должен прочитать каждый до 15 лет // 7 книг, которые нужно прочесть до конца каникул*; 3) для девушек: *10 книг, которые должна прочитать каждая девушка // 27 книг, которые должна прочитать каждая девушка до 27 лет*; 4) возрастное ограничение: *Топ книг, которые должен прочитать каждый до 50 лет*; 5) личностная ориентация: *10 книг, которые тебе нужно читать, когда плохо // Книги, которые учат никогда не сдаваться // Лучшие книги для саморазвития, которые должен прочитать каждый человек*; 6) профессиональная направленность: *5 книг, которые должен прочитать каждый юрист* и др.

На этом фоне забавно выглядят плакаты из серии «Занимайся чтением», где авторы призывают следовать «советам» современных классиков русской литературы: 1) А.С. Пушкин: *Начинай с небольших текстов и постепенно увеличивай нагрузку*; 2) А.П. Чехов: *3 подхода по 7 страниц ежедневно. И результат заметен уже через неделю*; 3) Л.Н. Толстой: *Не сдавайся. На 500-й странице откроется второе дыхание*. Правда, внешний вид писателей в спортивных костюмах, с мячом и свистком вызывает, мягко говоря, недоумение; не указаны, кстати, и инициалы Л.Н. Толстого (только внешность позволяет быть уверенным в том, что именно Лев Николаевич).

В ряде рекламных слоганов книга воспринимается как неотъемлемая **часть жизни** – не случайно в них актуализируются лексемы *есть, еда, завтрак, обед* и т.д.: *Накорми голодную душу хорошей книгой // Не забыть завтра купить хлеб, молоко, яйца муку, мясо, сыр, макароны, что-нибудь почитать*, – размышляет задумчивая домохозяйка, одетая в стиле 30–40-х гг XX в. и делает вывод: – *Помни о пище для ума // Есть книги на любой вкус. Книгой наслаждаешься дольше, чем тортом*. Иногда авторы рекламы опираются на конкретные имена и фамилии писателей и поэтов. Такова, например серия плакатов «А что ешь ты?»: *Книга на завтрак. Мы то, что мы читаем. Марина Цветаева. Стихотворения и поэмы // Книга на обед. Мы то, что мы читаем. Дарья Донцова. Фокус-покус от Василисы ужасной // Книга на ужин. Мы то, что мы читаем. Достоевский. Преступление и наказание* (при этом названные книги – их выбор остаётся на совести создателей рекламы! – лежат на тарелках, а рядом находятся столовые приборы). Оригинально рекламное объявление, сопоставляющее булочки и книги: *От чтения не толстеют. 1000 страниц – 0 калорий. Пирожное – 1000 калорий. Глотай книги, а не булочки!*

Книга как лучший подарок – данное выражение сейчас звучит несколько иронично, однако авторы слоганов пытаются не только возродить в сознании это восприятие книги, но и объяснить причины такого отношения к ней. Частотны утверждения, представляющие собой распространенные предложения, типа: *Книга – это подарок, который можно открывать снова и снова. // Подарить книгу – отличный способ выразить свои чувства. // Подарить книгу – это прекрасный способ показать свою настоящую заботу и любовь*. Встречаются более «конкретные» плакаты, подробно рассказывающие, почему книга – лучший подарок. Эти причины часто просто перечисляются с нарушением единообразного оформления текста, например: *5 причин почему книга – лучший подарок! Легко упаковывается. Радует дольше, чем конфеты. Книга всегда в моде. Имеет правильный размер. Перенесёт вас куда угодно*. Забавно, что нет даже намёка на содержание, главные факторы – радость, мода, размер, упаковка.

Безапелляционностью и прямолинейностью отличаются многие слоганы, подчёркивающие любовь к книге: 1) *Скажи книге ДА* (нарисованы две девушки с непомерно длинными ногами, отвернувшиеся от компьютера, а перевёрнутая буква А, видимо, должна сближать книгу с современными её потребителями); 2) малыш ясельного возраста радостно восклицает: *Люблю маму. Люблю папу. Люблю книгу*; 3) изображение красного сердца вместо глагола: *Я ♥ книги* (подобное выражение положительной оценки стало популярным с 90-х гг. и призвано показать истинное отношение человека к разнообразным объектам, но его неумеренное тиражирование свело на нет заложенный высокий смысл).

Книга существует несколько тысяч лет, но доказательство этой истины на страницах интернета выглядит слишком развёрнуто и само по себе уже воспринимается как законченный текст, а не реклама: *Она существует более 4000 лет. Когда-то её делали из кожи телянка. В средние века её приковывали цепями к полке. Где-то её сжигают на ритуальном огне. А где-то обожествляют. Кто-то её любит. А кому-то внушили, что общаться с ней – это не модно. Но все мы знакомы с ней с детства. Потому что она существует более 4000 лет*. Главное – без книги невозможно представить себе жизнь современного человека: *Это нужно человеку: Воздух. Вода. Еда. Книга* – в данном утверждении перечисляются самые важные составляющие человеческой жизни.

Вместе с тем отмечаются и примеры негативной рекламы, в которой намеренно снижается ценность книги, её важность для развития личности человека.

Современное «остроумие» во всей красе обнаруживается в рифмованной рекламе с использованием жаргонизмов, намёков и даже призыва к насилию: *Долой голливудских фильмов засилие – У Пушкина тоже есть сцены насилия!* или *По тёмным Люберцам шляться не бойся – бей гопоту величием Джойса!*

Другой вариант – намеренное низведение значимости книги, подчёркивание того, что книга может служить в других, более «полезных», утилитарных целях: 1) *Хватит читать! Книга – это всего лишь традиционное место для записки. Занимайся делом* (реклама сопровождается осовремененным портретом Б. Франклина в спортивной форме и с надписью «100 долларов» на футболке); 2) *Используй книги по назначению* (девочка сидит на стопке книг перед телевизором); 3) реклама на грани фола – *Книга спасёт тебя, если вдруг кто-то войдёт в комнату, а ты голый. Оп-ля! Примечание. Если ты девочка, тебе придётся отрастить ещё одну руку* – вряд ли оправданно заигрывание с молодёжью на столь примитивном уровне; 4) сомнительно высказывание героини: *Я звоню своим друзьям, чтобы рассказать им об этой замечательной книге, которую сегодня купила на распродаже. Читать дешёвые книги не стыдно*; эта реклама неудачна уже потому, что коннотативно окрашенная лексема *распродажа* снижает образ книги и не вызывает запрограммированных положительных эмоций.

Неуместным выглядит сарказм в рекламе с использованием классического высказывания *Книга – лучший подарок*, проиллюстрированного изображением толстой книги, листы которой есть не что иное, как 50-рублевые купюры. Странно воспринимается и акцент на низкой стоимости как основном «достоинстве» книги: *Книги дешевле бриллиантов*. Наконец, апофеоз безвкусицы – реклама из серии «Читать не вредно, вредно не читать»: *Читай с пользой* (рисунки: девочка сидит на горшке и читает книгу).

Таким образом, анализ представленной в интернете рекламы книг и пользы их чтения показывает, что в подавляющем большинстве случаев реклама демонстрирует традиционное в обществе отношение к книге и её положительную оценку в жизни человека, хотя не всегда способы подачи данной информации соответствуют культуре речи, в частности её нормативному и этическому аспектам. Примеры рекламных текстов, авторы которых в погоне за ложной популярностью без должной требовательности выбирают некорректные лексические средства и вызывающий недоумение или негодование иллюстративный материал, сознательно или, скорее, бессознательно снижая роль книги и заставляя молодёжь, являющуюся основным адресатом такой рекламы, относиться к литературе и книге как к чему-то несерьёзному, встречаются всё же очень редко, и это позволяет надеяться, что книга сохранит свою роль духовного проводника человечества ещё на долгие тысячелетия.

Литература

1. Кортава Т.В. Русский язык и культура речи. М.: Московское отделение издательства «Учитель», 2015. 335 с.
2. Федеральный Закон РФ «О рекламе» от 13.03.2006 N 38-ФЗ (с изменениями на 30 декабря 2021 года). URL: <https://docs.cntd.ru/> Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации (дата обращения: 03.03.2022).

**Духовно-ценностные ориентиры
дальневосточной поэзии Серебряного века:
на примере темы любви и эротики в сборнике
С. Алымова «Киоск нежности» (Харбин, 1920)**

Елена Олеговна Кириллова

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока
ДВО РАН;
Дальневосточный федеральный университет
sevia@rambler.ru

Статья продолжает анализ темы плотской любви и эротики в творчестве дальневосточного поэта-модерниста С.Я. Алымова. Объектом обращения стал поэтический сборник «Киоск нежности», опубликованный в Харбине в 1920 г. В результате репрезентации данной темы у С. Алымова отмечены вполне традиционные мотивы страсти, влечения, вожделения, плотских радостей, автор обращается к поэтическому воспеванию сексуальной энергии природной – дионисийской – стихии (сексуальный пантеизм, экстатические мотивы). Однако эротический мир авторских фантазий самобытен и оригинален. Авторская метафора вечно пробуждающейся весны как эротически заряженной силы, рождающей и оплодотворяющей, соединяется у С. Алымова с гедонистическим мотивом наслаждения, заимствованным из живописи Галантной эпохи.

Ключевые слова: Сергей Алымов, «Киоск нежности», эротика, дальневосточная модернистская поэзия, Серебряный век, Китай, Харбин, русская дальневосточная эмиграция.

**Spiritual and Value Guidelines of the Far Eastern Poetry
of the Silver Age: On the Example of the Theme
of Love and Eroticism in S. Alymov's Collection
“The Kiosk of Tenderness” (Harbin, 1920)**

E.O. Kirillova

Institute of History, Archaeology and Ethnology
of Peoples of the Far East, FEB RAS;
Far Eastern Federal University

The article continues to analyze the theme of carnal love and eroticism in the work of the Far Eastern modernist poet S.Y. Alymov. The subject of the appeal was the poetry collection “Tenderness Kiosk”, published by the author in Harbin in 1920. The presented piece of work made it possible to formulate the following conclusion. As a result of the representation of this topic, S. Alymov noted quite traditional motives of passion, attraction, lust, fleshly joys, also the author addresses the poetic singing of the sexual energy of the natural – Dionysian – elements (sexual pantheism, ecstatic motifs). However, the erotic world of copyright fantasies is original. The author's metaphor of the ever-awakening spring as an erotically charged force that gives birth-and fertilizes, is combined by S. Alymov with the hedonistic pleasure motive, coupled with an appeal to the images of ancient mythology borrowed from the Gallant era.

Keywords: Sergey Alymov, “Kiosk of Tenderness”, erotica, Far Eastern modernist poetry, Silver Age, China, Harbin, Russian Far Eastern emigration.

В поэтическом мире С. Алымова эротика присутствует во всём – это своего рода сексуальный пантеизм. Энергия соития наблюдается в том числе и в неистовстве природ-

ных оргий: «А ветер льёт рыдания, / Стоя от желания / Слить с небом океан» [Алымов 2014, с. 82] (здесь и далее при цитировании архивных текстов сохраняется орфография и пунктуация источника). Примечательна в этом смысле, на наш взгляд, «Тайфунная сказка», где дальневосточный Бог-Тайфун отказывает ненасытным волнам в любовных ласках: «В жажде ласки простирают волны руки, – / “Поласкай нас и забудь нас юный Бог! / После мига, пусть придут столетья муки, / Ах, упругие тиски мохнатых ног!.. / В нашем море те же будни, те же страхи. / Те же страхи, что у жизни на земле – / Ах, позволь сорвать нам пенные рубахи / И отдаться каждой, влажной на скале”» [Алымов 2014, с. 83]. Сюжет этого произведения незамысловат, но романтичен. Безумный Бог-Тайфун не хочет любви жаждущих ласк, обезумевших от сексуального желания волн, он пресытился ими, он хохочет над ними. Объектом его влюблённости становится другой образ, непорочный и чистый, и это закладывает будущий драматизм сюжета. Замечая на горизонте белый парус, Тайфун теряет покой, он влеком нежной, белокрылой мечтой: «Парус белый над дымом / Заплясавшего моря. – / Как крыло херувима, / Как улыбка застывшего горя... / Как улыбка печали, / Превратившейся в лёд. – / Белый парус из ладанной дали / Зовёт и зовёт» [Алымов 2014, с. 83].

С первого знакомства с произведением не сложно заметить у поэта явные лермонтовские аллюзии и реминисценции. У алымовского паруса «девственны воздушно-ярус», «белый парус желаньем выгнут», он, как «невеста под фатой», и для Тайфуна его видение сравнимо с «девушкой почти любимой, но недостигнутой» [Алымов 2014, с. 83–84]. Но создатель «Тайфунной сказки» и тут усиливает сексуальный накал: «Волны жадные бросались, как пантеры <...>. / Волны звали в изумрудные пещеры» [Алымов 2014, с. 83]. Волны в произведении предстают почти как безумствующие, неистовствующие вакханки-фиады, участвовавшие в оргиях, проходивших на горе Парнас и посвящённых Дионису. С той лишь разницей, что перед читателем водная стихия. Финал алымовской поэмы тоже вполне предсказуем. Взбешённые, ревнивые волны остервенело разрывают парус и топят его, превращая парусину в саван: «Белый парус они разорвали, / И пред Богом вертясь шаловливо, / Смертным саваном счастья махали» [Алымов 2014, с. 84]. Однако романтический накал достигается двойной трагической развязкой – закономерной смертью Тайфуна – от горя: «Но я помню твой трепет, / Когда / Я летел к тебе. В скорби склепе / Он мне будет – звезда / Всегда» [Алымов 2014, с. 84]. Вышло время морского Бога, так как закончился жизненный срок его ураганной стихии, исполинские силы Тайфуна иссякают, рыдающий, он улетает к земле, чтобы там умереть: «Тише море... Глуше ветер... Даль светлее... / Замирает, / Доживает / Песня струн» [Алымов 2014, с. 85]. Но и умирая, Тайфун поёт последнюю песню, в которой прославляет свою несбывшуюся, невозможную «райскую» любовь: «И бледнея, / Цепенея, / Холодея, / Умирает / С грёзой рая / Бог-Тайфун» [Алымов 2014, с. 86].

Отметим, что, судя по датировкам, поэма была написана во Владивостоке, в районе Эгершельда, 15 сентября 1919 г. Предположим, что вдохновляющим стимулом к её созданию послужила встреча поэта воочию с дальневосточной стихией. Район Эгершельда и исторически, и географически, и климатически весьма примечателен для нашего морского города, он находится на полуострове Шкота, который далеко врежется в море и омывается водой с трёх сторон. Родившийся и выросший на Украине, вероятно, потрясённый неистовством и величием приморских сентябрьских тайфунов – обычного явления для этого времени года и юга края, С. Алымов обожествил и очеловечил природные стихии, облёк невиданное зрелище в лиро-эпический жанр.

Несложно заметить, что в поэме само рождение Тайфуна связано с музыкой стихии, урагана, демонической силы. Предстает в полную свою мощь некий первородный хаос, который будит всё низкое, глубинное, стихийное, и читатель будто испытывает вакхический восторг от трепета опьянения и экстаза. Исходя из дихотомии аполлонизм/дионисийство, обозначенной в знаменитой статье Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки» (1871), и используя размышления об искусстве литераторов Серебряного века (В. Вересаев «Аполлон и Дионис. О Ницше», 1914; Вяч. Иванов «Дионис и прадионисийство», 1921), можно констатировать, что С. Алымов реализует дионисийскую концепцию искусства. «Валы освирепелые / Взметают гривы белые / В далёкую лазурь. / И с хохотом, / И грохотом, / С протяжно-медным рокотом / Бушует демон бурь. – / Седое море пенится... / Чуть миг – оно изменится / В сапфир и изумруд. – / И катится стремительно. / В безумьи упоительном, / Плетя узор причуд. <...>. / И мнится: небо клонится, / В пучины вод уронится; / Так крепок ураган! / Всё море – арфа грозная, / Гирлянда белорозная / На изумруде струн. / Грудь арфы разрывается / И радостно рождается / Безумный бог – Тайфун» [Алымов 2014, с. 82]. В оппозиции двух начал – искусственного (аполлонического) и естественного (дионисийского) или, по-другому, культурного/природного (порядка/экстаза) богемный поэт отдаёт предпочтение второму. Экстатические мотивы в поэзии С. Алымова часто сопрягаются с музыкой А. Скрябина, которая, как уже неоднократно нами отмечалось в предыдущих статьях, была близка дальневосточному автору. В поэме образ Тайфуна раскрывает буйство и неукротимость природных энергий Диониса, становится символом физиологической жизни, основанной на инстинкте и глубинной оптимистической воле. Дионис – бог экстатического мгновения, его стихией закономерно является музыка, поскольку это самое свободное, а потому и высшее из искусств. Алымовский дальневосточный Бог-Тайфун олицетворяет демоническое начало, изначально далёкое от аполлонической пропорциональности, светоносного назначения, размерности, покоя, гармонии. Любовь, встреченная Тайфуном, погублена хаосом жизни, над жизнью всегда довлеет мотив неизбежной смерти, и действующие лица становятся обречёнными на страдания. Две противоположные, борющиеся между собой тенденции можно выразить и на языке психоанализа. «Аполлонизм – это Эрос (по З. Фрейду, жизнесозидающие, сексуальные влечения), а дионисизм – Танатос (смертные, жизнеразрушающие влечения). Можно вскрыть их и через другой аспект: аполлонизм – это сознание, а дионисизм – бессознательное. Если Аполлон – это разумное, рациональное начало, иллюзорно-оптимистическое, то Дионис – начало инстинктивное, иррациональное, трагико-героическое» [Аполлоническое и дионисийское начала]. Культура представляет собой борьбу двух начал, с ними связано поступательное развитие, антитезис рождает единство.

Эротический мир поэзии С. Алымова весьма разнообразен. «Я знаю, что вы – сатириесса, / А я – притаившийся Пан» [Алымов 2014, с. 41]. Это мир авторских фантазий, который густо населён античными панами, сатириессами, нимфами, наядами, дриадами и другими персонажами древнегреческой и римской мифологии, сернами, газелями, вакханками, пасторальными пастушками. «Девы, для юношей будьте Эдемами!.. / Сердце исполнено тонкой буколки» [Алымов 2014, с. 68], – взывает поэт. Находящаяся посередине между эпосом и драмой буколическая поэзия, которая возникла из сицилийско-греческих пастушьих песен, была посвящена поэтическому изображению пастушеского образа жизни. «Для большинства живописцев рококо мифологические Венеры, Дианы, нимфы и пухленькие амурсы затмевают все остальные божества. Временем Купидона и Венеры

называется период рококо во Франции. Всевозможные “купания”, “утренние туалеты” и мгновенные удовольствия являются чуть ли не главным предметом изображения» [Можно ли назвать Буше...]. «Вы помните... / Час сложный и огромный... / В атласной комнате / Дуэт... / И ваш нескромный / Туалет» [Алымов 2014, с. 23], – восклицает дальневосточный поэт. Вечная молодость и красота, галантное и меланхолическое изящество, бегство от действительности, стремление укрыться от реальности в пастушеской идиллии становятся идейными основами стиля рококо. На некоторые близкие для этого стиля постулаты опирается в своих поэтических экспериментах и С. Алымов. Так, в середине XVIII в. «в моду входят экзотические названия цветов: “цвет бедра испуганной нимфы” (телесный), “цвет розы, плавающей в молоке” (бледно-розовый), “цвет потерянного времени” (голубой)» [Можно ли назвать Буше...]. У С. Алымова есть стихотворение «Четверг» из «семи-дневного» цикла «Радуга дней». Оно посвящено четвергу – «голубому шевалье», как называет его автор. На наш взгляд, это звучит как апофеоз потерянного времени: «Потом, голубой променад / В резном, золотом паланкине... / Потом – возвращенье назад / И чай в надушённой гостиной... / Варенье из роз, марципан... / Ликёр из цветов незабудки, / И, вот уж, альковный капкан / Поймал голубую малютку. / Уродливый снят кринолин... / Рассыпался жемчуг подвязки... / В четверг – у самих Мессалин / Госка по сапфировой ласке» [Алымов 2014, с. 8]. Неслучайно стиль рококо в эпоху Просвещения французский писатель и философ Д. Дидро зло назвал «временем испорченного вкуса».

XVIII в. с его жеманным аристократизмом, роскошью быта и идеализмом любовной пасторали необыкновенно привлекателен для С. Алымова. Как и в изящных, утончённых рисунках живописца Галантного века Франсуа Буше, в стихах С. Алымова находим изображение фривольных сцен, героями которых становятся жеманные, застенчивые, трогательные прелестницы. Можно согласиться, что стихи С. Алымова, как и картины Ф. Буше, «изобилуют двусмысленными намёками, пикантными деталями: поднятый подол атласной юбочки у пастушки, кокетливо приподнятая ножка купающейся Дианы, пальчик, прижатый к устам, красноречивый, призывный взгляд, символически целующиеся голубки и т.п.» [Можно ли назвать Буше...]. «Ваше тело – фривольность и гимн, / Как монах и вино... / Капризная линия вашей ноги – / Гипноз. / Ваши туфли атласные – гриф. / Каблучки их – колышки скрипки... / Вы вся – эротический миф / Рассказанный с детской улыбкой!» [Алымов 2014, с. 35].

Согласимся, что в стихах С. Алымова находит отражение излюбленная брюсовско-бальмонтская теория мига, волшебного мгновения и столь же присущая поэту склонность к словотворчеству: «И дни, и ночи одинаковы, / Пьянее пьяного вина. / Аллюрность дней – напиток маковый, / А мигобег – фиал без дна» [Жаворонкова 2007, с. 14]. Или, как заявляет поэт в «Киоске нежности»: «Не дадим никому белокурых мгновений!» [Алымов 2014, с. 63]; «Вы были миг моею / Виконтеса» [Алымов 2014, с. 24]. Известно, что вслед за К. Бальмонтом и его «мимолётностями» В. Брюсов неоднократно формулировал стремление запечатлеть «миги», «мгновения»: «Пусть же в строфах, пусть в искусстве / Этот миг навеки дышит!» («Вечер», 1896). У С. Алымова в стихотворении «Новогодье нежного грешника» находим: «Душа!.. Устроим Воскресение Нежности... / Если не во всех, то хоть в нас самих, / Весело выскользнув из лап Неизбежности / В – по-новому – мигающей миг» [Алымов 2014, с. 99]. Отметим здесь, к слову, что мотив нежности, давший название всей книге, достоин отдельного описания в перспективе.

В стихотворении С. Алымова «Крещенский май», на наш взгляд, видна очередная реминисцентная отсылка к К. Бальмонту и одному из значительных мотивов в поэзии как

самого старшего символиста, так и его последователей, – мотиву солнца и молодости: «Словно я во власти магика-гашиша, / Словно я не видел солнца никогда» [Алымов 2014, с. 66]; «Солнцу отдаваться, солнечно смеяться, / Солнечные миги, солнечно, ковать... / Солнце гарцевало на панелях белых. – / Солнце призывало: “радости поймай!”» [Алымов 2014, с. 67]. Подобный мотив молодости, безусловно, по-своему наполнен особой эротикой, красотой и витальностью. Стихотворения двух поэтов отмечены художественно-смысловой близостью. «Будем как солнце! Забудем о том, / Кто нас ведёт по пути золотому, / Будем лишь помнить, что вечно к иному – / К новому, к сильному, к доброму, к злому – / Ярko стремимся мы в сне золотом. / Будем молиться всегда неземному / В нашем хотеньи земном! / Будем, как солнце всегда молодое, / Нежно ласкать огневые цветы, / Воздух прозрачный и всё золотое. / Счастлив ты? Будь же счастливее вдвое, / Будь воплощеньем внезапной мечты! / Только не медлить в недвижимом покое, / Дальше, ещё, до заветной черты, / Дальше, нас манит число роковое / В вечность, где новые вспыхнут цветы. / Будем как солнце, оно – молодое. / В этом завет красоты!» [Поэты Серебряного века, с. 48], – так звучит призыв в манифесте К. Бальмонта 1902 г. А брюсовский мотив юности, юни находит зеркальное отражение в строках С. Алымова: «Мы оба бессловны, как струны / Которым звучать не пора... / Мы юны! мы юны!. мы юны!. / Сегодня... сейчас... и вчера» [Алымов 2014, с. 41].

С. Алымов реализует бальмонтковский и брюсовский заветы жить ярко, интенсивно, вечно молодо в своих исканиях. В алымовском «Солнценабате» приказ: «Солнце шампанское всех оянтарило. / Бледные щёки покрасило холода – / Звонким набатом по спячке ударило / И приказало, чтоб было всё молодо... / Будьте же молоды – солнцем приказано! / Будьте пылающи, разве не слышите?! – / Солнцем приказано и пересказано, / И на сугробах топазами вышито» [Алымов 2014, с. 69]. Однако по К. Бальмонту и В. Брюсову в стремлении к жизни можно совершать как добро, так и зло. Для декадентства добро и зло, прекрасное и безобразное вообще мало различимы, часто – равны. Истина и ложь, добродетель и порок, радость и страдание, эгоистическое и альтруистическое и другие подобные противоположности, вслед за Ф. Ницше, не абсолютизированы, подвижны [Ницше 1990, с. 726]. Важно соблюдать лишь главный призыв: не останавливаться ни перед чем. Отстаивая свободу человека быть разным, поэт должен руководствоваться не принципами и вечными ценностями, а своим сегодняшним настроением, вести «“весёлую игру” всеми ценностями культуры» (Ф. Ницше) [Бычков 2004, с. 316–317]. «Цирцея человечества, мораль, извратила – обморалила – все *psychologica* до глубочайших основ, до ужасной бессмыслицы» [Ницше 1990, с. 726], – звучала ницшеанская философия. Подобный аморализм времени, как известно, пропитал эстетику, религию, искусство рубежа XIX–XX вв. По Ф. Ницше, главные предпосылки и причины «декаданса культуры и человечества выразились в полном кризисе культуры и смертельной болезни человечества, сделавшего своими идеалами господство “стадного человека”, массовое сознание, ложь в философии и морали» [Бычков 2004, с. 311–312]. Этот кризис философ-атеист усматривал в господстве разума над инстинктом, гипертрофированного аполлоновского начала над дионисийским; в культе разума, души, духа, духовного; в признании приоритета духовного над телесным; в изобретении идеи Бога, особенно – страдающего христианского Бога. Во всём этом Ф. Ницше видел изначальную ошибочную установку – подмену истины ложью и последующее построение на этой лжи всей европейской культуры [Бычков 2004, с. 311–312]. Серебряный век основывается на «духовности наоборот», когда нравственный критерий отходит на второй план, уступая место эстетическому. Впоследствии этот факт станет ха-

рактерной чертой эротики всего стиля модерн. Можно согласиться с формулировкой об «уничтожении духовного основания образов Прекрасного, когда духовная пустота неизбежно вела к метаморфозе Прекрасного в Безобразное» [Бартош 2008, с. 140].

Однако в отличие от призыва индивидуального и поэтического ухода в вечные, горние сферы или символистской идеи соперничества с Творцом С. Алымов по своим установкам больше эпикуреец, гедонист. Для дальневосточного поэта-эмигранта нет миггов чудесней тех, что связаны с любовной истомой. Поэтому в «Фиалковой симфонии» – своеобразном любовном посвящении некой «Виольно-виолетовой Виоле-Люлю» – обнаруживается: «Я сказал упрямо сердцу: “миг придёт!”» [Алымов 2014, с. 14]. Плотско-эротическая тема у поэта акцентируется на «весенних», пробуждающих любовно-сексуальную силу, моментах: «Солнце – не белое... Солнце – червонное! – / Солнце – не зимнее... Солнце весеннее... / Солнышко бухает ландышезвонное, / Громко венчая желанье с волнением. – / Снег разрыхляется в хрупкое кружево... / Кружево льдистое, плача, ломается. – / Девушки томные, грезьте о муже вы!.. <...>. / Близится время безумия парами. – / Сердце онежилось... сердце интимнее <...>. / – Грёзы изгрызли все хмурости зимние / И кувыркаются, резво, как кролики» [Алымов 2014, с. 68]. Поэт даже прибегает к образу кроликов как своеобразному символу спаривания. А в стихотворении «Сирень триольная», включающем пять триолетов, и вовсе звучит призыв – наказ молодой девушке смелее идти в новую, взрослую жизнь, в страсть, в плотские наслаждения: «Теперь вам двадцать... В жизнь! смелее!.. / Смелее в ласки!.. в счастье! в страсть! – / Пора покоя скинуть власть, / Мечтавший долго, любит злее... / Спешите насладиться властью. / К цветам идите по аллее... / Пора покоя скинуть власть, / Теперь Вам двадцать... В жизнь!.. Смелее!» [Алымов 2014, с. 61]. Если счастье «нового» человека, по Ф. Ницше, «равно инстинкту» – это «аристократ природного инстинкта, забывший о всяческих морально-духовных бреднях» [Бычков 2004, с. 312–315], то и вполне закономерным выглядит подобное обращение С. Алымова к своей современнице.

Сергей Яковлевич Алымов самобытный литератор. Поэтический ураган его страстей и поисков сравним с лихим и трагическим временем, в котором поэт родился и жил. Он будто сходил с ума от всего, что его переполняло изнутри в эпоху колоссальных историко-культурных трансформаций рубежа веков, революций, смены власти, гражданской войны, эмиграции, ориента, возвращения, лагерей, патриотических песен Великой Отечественной войны... Поэтому разговор о его творчестве ещё не окончен.

Литература

1. Алымов С. Киоск нежности: стихи (Факсимильное издание). Б.м.: Salamandra P.V.V., 2014. 160 с.
2. Аполлоническое и дионисийское начала. URL: <https://bookforucheba.ru/apollonicheskoe-i-dionisijskoe-nachala.html> (дата обращения: 15.05.2021).
3. Бартош Н.Ю. К вопросу о мифологизме в литературе и искусстве английского модерна (архетип Великой богини в произведениях О. Уайльда и О. Бердслея) // Вестник Вятского государственного университета. 2008. № 2 (2). С. 138–141.
4. Бычков В.В. Эстетика: Учебник. М.: Гардарики, 2004. 556 с.
5. Жаворонкова Т.Ф. Поэтическое наследие С.Я. Алымова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 25 с.
6. Можно ли назвать Буше подлинным учеником Ватто. История галантного жанра. Живопись Галантного века // Rastorguevopark.ru: Развлечения. Стиль жизни. Светская

хроника. URL: <https://rastorguevopark.ru/mozhno-li-nazvat-bushe-podlinnym-uchenikom-vatto-istoriya-galantnogo-zhanra.html> (дата обращения: 13.05.2021).

7. Ницше Ф. Эссе Homo. Как становятся сами собою // Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. / пер. с нем.; сост., ред. и авт. примеч. К.А. Свасьян. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 693–770.

8. Поэты Серебряного века: поэзия, воспоминания: сборник. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 384 с.

УДК 81

Ономастикон в лирике приднестровского поэта

А.А. Мельничук

Наталья Викторовна Кривошапова

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко

krivoshapova2022@gmail.com

В статье описываются стилистические ресурсы ономастической лексики приднестровского автора Аллы Мельничук с опорой на авторитетные труды по ономастике и при классификации и анализе соответствующих групп лексики. Обращается внимание на гражданскую, философскую лирику поэта, на частотность онимов, на образованные от онимов имена прилагательные.

Ключевые слова: ономастикон, поэтика, полиязычный регион.

Onomasticon in the Lyrics of the Pridnestrovian Poet

A.A. Melnichuk

N.V. Krivoshapova

Pridnestrovian State University

named by T.G. Shevchenko

The article describes the stylistic resources of the onomastic vocabulary of the Pridnestrovian author Alla Melnichuk, relying on authoritative works on onomastics in the classification and analysis of the corresponding groups of vocabulary. Attention is drawn to the poet's civil, philosophical lyrics, to the frequency of onyms, to adjectives formed from onyms.

Keywords: onomasticon, poetics, multilingual region.

Поэтика приднестровских авторов опирается на уже сложившиеся литературные традиции постсоветского пространства и Российской Федерации.

Согласно «Закону о языках» в регионе на равных правах функционируют три официальных языка: русский, молдавский, украинский. Полиязычное Приднестровье терпимо относится и к представителям других 20 национальностей. Русский язык продолжает оставаться языком межнационального общения [Закон Приднестровской Молдавской Республики...].

Приднестровские авторы пишут стихи и прозу на русском, молдавском, болгарском, украинском языках, публикуют свои творения на электронных ресурсах типа <https://stihi.ru/>, на личных страницах в социальных сетях [Мельничук].

Для исследования ономастикона мы опираемся на соответствующие работы по региональной ономастике В.И. Супруна, В.И. Теркулова, на свои собственные наработки по данной теме [Супрун 2000].

Поэтическое творчество Аллы Антоновны Мельничук, известного историка, директора Тираспольского объединённого музея, опирается на законы поэтики лирических произведений, наполнено знаковыми онимами, связанными с Приднестровским краем.

Как презентации звучат её «Гимн Тирасполю» и «Наш Пушкин», где топонимы *Днестр*, *Тирасполь*, *Кишинёв* позволяют читателю на карте найти те места, о которых говорит автор.

Строки *Над гладью днестровской мелодией чистой / Покровские звоны свободно летят* обозначают день основания города – 14 октября, праздник Покрова Пресвятой Богородицы, а относительное прилагательное *днестровской* образовано от топонима (гидронима) *Днестр*. Гидроним происходит от двух формантов: скифо-сарматского *-dānu* – «вода, река» и осетинского *-стр* (в осетинском «стыр» звук «ы» настолько краток, что в некоторых случаях между согласными его практически не слышно) – «большой, великий». Таким образом, значение гидронима – «большая река (вода)» [Мурзаев 1984].

Фраза *Рубежный форпост под суворовским флагом / Заставой великой страны возвели, / Для добрых деяний и ратной отваги, / Надёжной защиты славянской земли.* позволяет читателю понять, что город-крепость основан А.В. Суворовым на границе Российского государства для защиты славян от недругов: *Край далёкий южного предела, / Только что Россией обретен / Что-то ждёт в далёком Кишинёве, / Не парадный, промелькнул Тирасполь / Бессарабский предварив кордон.*

«При земляной крепости Срединной и был основан город Тирасполь. Название города происходит от греческих слов *Tyras* – Днестр и *polis* – город. Греческое название Тирасполю и некоторых других городов региона связано с “греческим проектом” Екатерины II» [Топонимическая азбука 2018, с. 31].

Ойконим *Кишинёв* этимологически восходит к старомолдавскому названию *Кишла ноуэ* – ‘новый хутор’. Само слово «кишла» является заимствованием турецкого слова *kışla* со значением ‘барак’. В Бессарабии это слово употребительно и означает ‘небольшой посёлок, хутор’. По другой версии, *кишин-эу*, *кишинэу* – ‘колодец, родник, источник’ [Поспелов 2001].

Топонимы *Днестр*, *Тирасполь* часто встречаются в лирике А. Мельничук как в названиях стихотворений, так и в самих текстах. Так, находим стихотворения «*Тирасполь. Собор Рождества Христова*», «*Утренний Тирасполь*», «*Гимн Тирасполю*», «*Родному Тирасполю*» и строки «*Ты с нами, Тирасполь, навеки родной!*», «*Из наших лет сложился образ твой, / Тирасполь, – общим ликом неспесивым*».

Днестр как корень относительного прилагательного фигурирует более сотни раз в стихах разных лет, например в стихотворении «Гимн Тирасполю»: «*Над гладью днестровской мелодией чистой покровские звоны свободно летят*»; «*И помнит боль днестровская волна*» из одноимённого стихотворения.

Топоним *Приднестровье* образован морфологическим аффиксальным способом от основы *-днестр-* с помощью конфикса *при-...j-*, означающего принадлежность и приближённость к какому-либо объекту.

Приднестровье, *Тирасполь* важны для А.А. Мельничук как в настоящее время, так и с точки зрения прошлых событий. Многие стихотворения посвящены военным годам,

защите Приднестровской Молдавской Республики от молдавских захватчиков. Описывать эти события и передавать свои чувства, эмоции, отношения позволяют поэту соответствующие прилагательные:

«Пусть невелика моя страна под зелёно-красным, гордым флагом.

Переливы птиц, тепло лучей щедрой южной, ласковой природы!» (Приднестровье, край мой дорогой...);

«Мы никогда не будем беззаботны,

И помнит боль днестровская волна» (И помнит боль днестровская волна...);

«Победа над врагами неизбежна» (Памяти защитников Приднестровья).

Часто обращается А.А. Мельничук к прославлению России и словами благодарности к ней за помощь и защиту Приднестровья. Например, в стихотворении «Российским миротворцам...»: «Россия нам была веками – мать родная», а в стихотворении «Памяти защитников Приднестровья» поддержку России называет «братской».

Ценностная роль и аксиологический аспект лирики у автора на первом месте. Будучи историком и краеведом, Алла Мельничук своим творчеством завуалировано и перифрастически стремится рассказать молодому поколению историю края, привить любовь к родной земле, к истокам.

Поэт быстро и остро реагирует на события современной ей истории, в таком случае её лирика потомками сможет восприниматься как летопись. Например, находим стихотворение «Цхинвал. Октябрь 2008 года».

Бои за Цхинвал – один из этапов противостояния в зоне южноосетинского конфликта, когда грузинские правительственные силы предприняли в ночь на 8 августа 2008 г. штурм столицы Южной Осетии Цхинвала с использованием реактивной артиллерии, в ходе которого погибли гражданское население и российские миротворцы.

Алла Мельничук в стихотворении «Цхинвал, октябрь 2008 года» показывает, что печать войны отражается и на лицах людей, и в осенних пейзажах:

Поверх – улыбка, а под нею страх,

Тревога, не оставившая вовсе.

Так долго мира не было в горах,

Что, кажется, робеет даже осень.

Несмелой медью тронут виноград,

В багрянце сливы, катятся орехи.

И тишина, ценимая стократ,

Надежды светлой пройденная веха.

Топоним *Цхинвал* (от аланского *синх/сых* ‘квартал, поселение’ и *уал* ‘верхний, верховный’, т.е. ‘верховное обиталище’) читателем воспринимается не просто как географическое название, но и как место судьбоносного для южноосетинского края события: принуждение сторон конфликта к миру с последующим признанием региона Россией:

Чтоб было место им и языку,

Достоинству и гордости за предков.

И нет прощенья вражьему стрелку,

Убившему на древе жизни ветку.

Гражданская лирика А. Мельничук охватывает и тему Великой Отечественной войны. Топоним *Берлин* как веха в мировой истории встречается в стихотворении «Чтоб

помнили...», очень актуальном сейчас. Всё больше отдаются последующие поколения от Советского Союза, от Великой Победы над фашистской Германией и освобождения Европы от нацизма, поэтому важно, говорит автор, напоминать о Великой Отечественной войне для правильного понимания ценности человеческой жизни и устремлений молодых людей:

*Четыре года боли и тревоги
Вы до Берлина шли. И вы дошли!*

...

*Чтоб помнили и чтоб не повторили
Кровавых лет, убийственных путей*

В стихотворении «Всесильному – и правый виноват» топоним (название страны) у А. Мельничук представлены расхожим перифразом: *Разъединились, сели по углам / И ждут от «дяди Сэма» одобренья...*

Перифраз образован от аббревиатуры географического названия USA и стал названием персонифицированного образа США из карикатуры Т. Наста ещё с середины XIX в.

Как видим, ономастикон в лирике Аллы Мельничук имеет концептуальное значение для автора и для читателя. Благодаря своему прототипическому характеру онимы в лирических текстах воспитывают, просвещают, аксиологически настораживают и заставляют читателя задуматься. Как и любое слово в тексте, оним всегда на своём месте, это семиотически заряженная языковая единица, требующая трактовки и обогащающая текст.

Литература

1. Закон Приднестровской Молдавской Республики «О языках в Приднестровской Молдавской Республике». URL: <http://zakon-pmr.com/DetailDoc.aspx?document=36286> (дата обращения: 04.03.2022).

2. Мельничук А. URL: <https://stihi.ru/avtor/allamelnichuk> (дата обращения: 04.03.2022).

3. Мельничук А. URL: <https://www.facebook.com/alla.melnychuk.37>* (дата обращения: 04.03.2022).

4. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.

5. Поспелов Е.М. Географические названия мира: Топонимический словарь. М.: АСТ. 2001. 512 с.

6. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 76 с.

7. Топонимическая азбука Приднестровья. Справочное пособие / сост. В.Г. Фоменко, И.В. Мисякова и др. Тирасполь: ГОУ ДПО «ИРОиПК», 2018. 40 с.

* Организация Meta, продуктом которой является социальная сеть Facebook, признана экстремистской на территории РФ.

**Аксиологические аспекты
художественной литературы для подростков:
болезнь и здоровье, жизнь и смерть**

Галина Сергеевна Поповкина

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН
galina.popovkina@gmail.com

В статье рассматриваются аксиологические аспекты болезни, здоровья, жизни и смерти в рассказах для подростков Ю. Кузнецовой и Н. Назаркина. Феномены болезни, жизни и смерти раскрываются в жизненном мире подростков, находящихся в больнице, с помощью описания болезни и связанных с ней пространства, людей и событий, окружающих детей и взрослых. Ценность болезни определена тем, что, ограничивая подростков в жизненных возможностях, она делает их изобретательными, чуткими, рассудительными, требовательными к себе и окружающим, заставляет раньше взрослеть. Болеющие дети обострённо чувствуют несправедливость болезни и смерти, ощущают хрупкость жизни. В то же время болезнь учит их ценить здоровье и любую возможность быть обычным здоровым человеком. Исследованные рассказы демонстрируют жизненный мир болеющих подростков и их отношение к здоровью, болезни, смерти, жизни, имеющих для них особую ценность.

Ключевые слова: жизненный мир, болезнь, здоровье, подростки, литературные произведения.

**Axiological Aspects of Fiction for Teenagers:
Illness and Health, Life and Death**

G.S. Popovkina

Institute of History, Archaeology and Ethnology
of the Peoples of the Far East, FEB RAS

The article deals with the axiological aspects of illness, health, life and death for teenagers in the stories of Yu. Kuznetsova and N. Nazarkin. The phenomena of illness, life and death are revealed in the life world of adolescents in the hospital through the description of the illness and the associated spaces, people and events surrounding children and adults. The value of the disease is determined by the fact that, by limiting adolescents in life opportunities, it makes them inventive, sensitive, reasonable, demanding of themselves and others, and makes them grow up earlier. Sick children acutely feel the injustice of illness and death, feel the fragility of life. At the same time, the disease teaches teenagers to appreciate health and any opportunity to be an ordinary healthy person. The studied stories demonstrate the life world of ill adolescents and their attitude to health, illness, death, and life, which are of particular value to them.

Keywords: life world, illness, health, adolescents, literary works.

Художественная литература для подростков, в силу специфичности читательской аудитории, отражает острые, волнующие детей аспекты жизни. Именно в подростковом возрасте человек, часто впервые, начинает задумываться о ценностных аспектах окружающего мира, их связи с личностью и обществом. Особенно сильно переживают этот период дети, попавшие в трудную жизненную ситуацию, например, в связи с проблемами со здоровьем. И литературные произведения, дающие полную, детальную картину переживаний болеющего подростка, способны помочь ребёнку разобраться в собственных чувствах и переживаниях. В этом случае здоровье и болезнь могут быть рассмотрены как жизненные смыслы, на важность исследования которых указал акад. В.А. Тишков, по-

скольку у человека есть «потребность в самих жизненных смыслах. А значит и есть потребность в их изучении» [Тишков 2011].

Для анализа выбраны рассказы Юлии Кузнецовой «Выдуманный жучок» и Николая Назаркина «Изумрудная рыбка» о детях, страдающих тяжёлыми или неизлечимыми заболеваниями и вынужденных проводить много времени в больнице. «Выдуманный жучок» написан мамой юной пациентки нейрохирургического отделения, а «Изумрудная рыбка» – самим болеющим мальчиком. Эти книги биографичны, больничные будни и переживание их детьми изображены очень точно, часто показывая незначительные, на первый взгляд, детали, которые тонко описывают не только настроение и характер героев, но и сам мир болезни, в котором оказались дети.

Героини книги «Выдуманный жучок» – девочки Таша тринадцати лет и Аня четырнадцати лет. В «Изумрудной рыбке» главное действующее лицо – мальчик Коля Кашкин, ему и его друзьям около тринадцати лет. Этим детям приходится жить и взрослеть, проходя испытание болезнью, нередко неизлечимой и с неизвестными прогнозами на будущее. Существование ребят, с одной стороны, ограничено пространством и обществом больницы, с другой – это ограничение по-особому влияет на осмысление ребятами жизни и своего места в ней. Феномены болезни, жизни и смерти раскрываются в жизненном мире подростков, находящихся в больнице (другое время их жизни в рассказах не показано), с помощью описания болезни и связанных с ней пространства, людей и событий, окружающих детей и взрослых.

В жизни тяжелобольных детей болезнь занимает очень много места. Таша вынуждена менять раз в четыре года шунт, встроенный в головной мозг; Аня ложится в больницу каждые четыре недели для прохождения химиотерапии. Коля Кашкин количество своих посещений больницы не считал и о болезни не рассказывал, в больнице у него есть друзья, которые попадают на лечение каждый в разное время, но так часто, что мальчики успевают друг друга запомнить и подружиться. Болезнь сковывает ребят, лишает многих занятий, свойственных их возрасту. Особенно горько это осознаётся детьми, когда они сравнивают себя с другими. Так, в отделении общей хирургии «здоровые слонята по сравнению с нами, нейрохирургическими. Особенно с теми, кто худой от химиотерапии ...» [Кузнецова 2011, с. 15]. Однако, несмотря на разницу в диагнозах, болезнь уравнивает детей, лишая их чего-то важного: дети из хирургического отделения завидуют нейрохирургическим, потому что те лежат с мамами. А нейрохирургические завидуют, потому что у них нет сил развлекаться так, как дети из общей хирургии.

Однако эти неудобства, хоть и сильно ограничивают жизнь ребят, не прерывают их стремления жить полной жизнью: мальчики собрались убежать из больницы на рыбалку и взять с собой друга на коляске, Коля на костылях переходит в другой корпус для того, чтобы купить мороженое, юный ухажёр Серый (10 лет) предлагает Ане уехать в Грецию, когда они выздоровеют, и т.п. Дети пытаются расширить скудный арсенал больничных развлечений: кроме чтения книг, разговоров по телефону или игры на планшете, придумывают новые способы занять себя [Назаркин 2018, с. 18–23, 44, 13; Кузнецова 2011, с. 99]. Стремление играть и смеяться свойственно и здоровым, и больным детям. По меткому наблюдению медсестры Тоси, «да они вас сами с удовольствием посмешат... такие уж они дети. С ними не соскучишься» [Кузнецова 2011, с. 78]. Часто развлечения либо оканчиваются неудачей, либо вовсе срываются, их не доделывают: поход на рыбалку ребята проспали, мороженое в буфете невкусное, плетёная рыбка получилась не того цвета,

как ожидалось [Назаркин 2018, с. 7–11, 72, 23], новогодний розыгрыш оказался глупой шуткой [Кузнецова 2011, с. 65–83]. Само наличие болезни делает полноценные забавы детей невозможными, отчасти потому, что в больнице «времени полно. Просто оно рваное какое-то... Потому что постоянно дёргают... Никакой личной жизни» [Назаркин 2018, с. 82]. Порой в развлечениях проскальзывает горечь от осознания своего положения: «В нашем отделении, кстати, любят игрушечный транспорт: малышня запускает в коридоре радиоуправляемые катера, ребята постарше собирают объёмные пазлы с истребителями. Словно все верят, что картонный и пластмассовый транспорт может увезти нас подалее отсюда» [Кузнецова 2011, с. 96]. Дети хотят покинуть мир болезни: «...когда-нибудь нарисованный робот возьмёт нас с Аней и унесёт туда, где нет уколов и запаха лекарств» [Кузнецова 2011, с. 104].

Болезнь заставляет ребят думать о своём состоянии, анализировать его и свою жизнь. Недуг делает из детей маленьких взрослых, которые рефлексируют о происходящем и терпеливо, разумно относятся к своему заболеванию: «Я никому не завидую и никому не хочу рассказывать свой секрет... Многим тяжелее... А теми, кто борется и не сдаётся, я восхищаюсь» [Кузнецова 2011, с. 11], – думает Таша, а Коля считает: «Сегодня пляшем, завтра ляжем», «Вчера скакал, а сегодня лежит. Чего тут такого-то? Мы все здесь такие. Ничего, все на седьмом побывали (на этом этаже находится реанимационное отделение. – Г.П.) и пока вот скачем. Рыцарь должен уметь смотреть в глаза своей судьбе. Нормальная жизнь» [Назаркин 2018, с. 180, 29].

Осознание своей болезни иногда приводит ребёнка к бессильной злости, обиде на всех: «Я не хочу быть самой собой, а хочу быть кем-то другим.... Вот бы... всем отомстить за всё!» [Кузнецова 2011, с. 124]. Однако это состояние даёт импульс размышлениям о своём месте в жизни, становится своего рода рубежом, с которого начинается новая страница бытия: «Но получалось, что я своего конца дожидаясь, постоянно ною и жалуясь на жизнь. Уборщица права – надо чем-то заниматься. Но чем-то хорошим, радостным. Не нытьём. Радостные дела дадут силы. Надо же, как просто. С чего начать?..» [Кузнецова 2011, с. 130]. Мысли о болезни влекут за собой раздумья о смысле крови, о жизни и смерти. Собственная болезнь словно является толчком для раннего взросления и совсем не детских размышлений.

Тяжелобольные дети очень рано видят смерть рядом с собой, ощущают хрупкость человеческой жизни, поэтому смерть занимает важное место в их жизненном мире. Страх смерти у Таши связан с заботой о матери, она решает, что умирать страшно: «Как это маму можно одну на белом свете оставить?» [Кузнецова 2011, с. 27]. Смерть видится чем-то страшным, неправильным, несправедливым. Близость смерти является для подростка поводом осмыслить свою жизнь, определить своё дальнейшее поведение и отношение к себе и миру, свою жизненную стратегию. Как правило, эта стратегия основана на необходимости действовать быстро, пока жизнь не оборвалась: «Я же в спецколле учусь (там учатся дети со слабым здоровьем. – Г.П.)... а там все считают, что нужно всё делать сегодня, потому что завтрашнего дня может и не быть», – говорит Аня. Но со временем к девочке приходит мудрое понимание жизни: «Я не считаю, что надо успеть всё сегодня переделать. Жизнь похожа на вязание. Если вяжешь спокойно, будет красивая вещь. А если торопишься и пропускаешь петли, получится неровно и с дырками» [Кузнецова 2011, с. 52–53]. Таким образом, смерть воспринимается детьми как событие страшное, непоправимое,

ошибочное, но она же учит их рассуждать о жизни, вырабатывать собственное отношение к жизни и смерти и существовать в соответствии со своими убеждениями.

Мир собственных переживаний больного ребенка тесно связан с его восприятием больничного окружения. Обстановка вокруг детей нерадостная, неприятная. Больничный корпус видится замком злого волшебника «тухлого розового цвета», в палатах – уныло и темно, «глаза сломать можно» [Кузнецова 2011, с. 134, 62]. Днём раздражает «свет верхних сине-белых ламп», а ночью на потолке отражается синий свет фонаря, который наводит тоску [Назаркин 2018, с. 78]. Обстановка коррелирует с настроением: «Я, наверное, хорошо выгляжу. Особенно на унылом фоне унитазов и баков с надписью “1-е нейрохирург”». Впрочем, на душе у меня было так же отвратительно» [Кузнецова 2011, с. 129]. Раскрасить больничное окружение можно только с помощью своей фантазии. Когда ребятам довелось идти вместе с медсестрой по подвалу, они с удовольствием сочиняли небылицы про секретную военную краску, секретные провода до «самых главных» ракет, про секретную лабораторию и про специальную еду [Назаркин 2018, с. 49–52]. Чтобы скрасить новогодний вечер, который они вынуждены проводить в больнице, Таша и Аня представляют себя древнегреческими богинями [Кузнецова 2011, с. 66–67], а Коля Кашкин – оказавшимся на необитаемом острове [Назаркин 2018, с. 174–175]. Во время таких игр детям приходит горькое осознание своего одиночества: «... никто из них не придёт. Потому что они там. А мы – тут. Такова судьба» [Назаркин 2018, с. 174]. Таким образом, обстановка больницы усугубляет мрачное восприятие болезни детьми, которые, хоть и понимают свое печальное положение, тем не менее стараются придать красок жизни, придумывая разнообразные фантастические истории про себя самих и своё окружение.

Важной составляющей в проживании болезни ребёнком становится медицинский персонал. Врачи в глазах детей подразделяются на хороших и плохих. Хороший врач – профессионал высокого класса, как например, Игорь Маркович, на которого «пол-Москвы молится». Он заботливый, внимательный, самоотверженный [Кузнецова 2011, с. 24, 28, 30]. Лечащий врач, как правило, хороший или даже лучший: «... моя Елена Николаевна самая красивая докторша на нашем этаже. Из двух... моя Елена Николаевна в маске и шапочке на космонавтских врачей из кино похожа...» [Назаркин 2018, с. 13, 170, 49, 101, 62]. Хороший врач обладает признаками героя («космонавтский врач» – особенная, почти героическая профессия) и похож на «самого лучшего, самого доброго волшебника на свете» [Кузнецова 2011, с. 141]. Плохой врач, напротив, глуп, непрофессионален, равнодушен, труслив, старается обвинить в своих ошибках коллег, ему не доверяют сложные случаи [Кузнецова 2011, с. 25, 61, 28].

«Хорошие» медицинские работники в жизни детей и в их восприятии болезни имеют более важное значение, чем «плохие». Описанию «хороших» врачей и сестёр уделяется гораздо больше внимания, выявляется больше причин для характеристики медработника как «хорошего». Однако у маленьких пациентов отчётливо ощущается страх оказаться в руках «плохого» врача, понимание, что от проведения операции зависит слишком многое: либо продление жизни и надежды, либо смерть или тяжёлые последствия лечения. Само существование непрофессионалов и «плохих» медработников кажется чем-то неправильным, что необходимо исправить. Для этого дети используют свои, доступные им способы: «обезвреживают» злую медсестру Лидку с помощью куклы вуду, прячут в шкафу Александра Степановича [Кузнецова 2011, с. 45–51, 25–27]. Думается, такие факты свершения «правосудия по-детски» не могли иметь место в реальной жизни, но совер-

шенно очевидно, что «плохой» врач или сестра – один из главных страхов ребенка в больнице, от которого он хочет избавиться любым способом.

Особая категория в окружении больных детей – взрослые (родители и посторонние). Прежде всего, внимание детей обращено на их матерей. Они словно не понимают, почему матери беспокоятся о них [Назаркин 2018, с. 10]. Им не нравится, что любимая тема «разговора мамаш» – диагноз ребенка [Кузнецова 2011, с. 17]. Нередко мама в глазах ребёнка предстаёт в детской роли: «Мама всё слушает, что Андрей Юрьич говорит. Как маленькая, честное слово!» [Назаркин 2018, с. 34]. Мама нередко проявляет слабость: плачет перед операцией, способна расплакаться из-за незначительного повода, например, из-за того, что не успела в душ [Кузнецова 2011, с. 107, 109, 38] и т.п. Болезнь детей давит на родителей, это видят и дети. Так, Таша заметила, что её мама про шунт всегда говорит шёпотом [Кузнецова 2011, с. 86]. В такой ситуации дети берут на себя роль взрослого. Например, за мамой приходится присматривать: её нужно поддерживать и подбадривать: (повзрослеть) «пришлось пораньше: у меня мама – как ребенок. Мне приходится её поддерживать. Ей очень тяжело», стараться проявлять внимание и заботу, успокаивать [Кузнецова 2011, с. 21, 9, 19, 33]. Следует ответственно относиться к подаркам: «Только я в него играть не хотел, я в самолёты хотел. А набор взял, потому что нельзя же маму огорчать. Она же старалась» [Назаркин 2018, с. 66–67]. Матери других детей также надломлены, их силы уничтожает болезнь ребёнка. Дети ощущают тоску, сопровождающую взрослых в больнице. Однако маскировка горьких чувств взрослыми воспринимается подростками с раздражением: «Ненавижу враньё» [Кузнецова 2011, с. 67].

Обременённые собственной болезнью дети нуждаются в поддержке и помощи, прежде всего, со стороны родителей. Они помнят, что «мама и так должна быть сильной», могут на некоторое время забыть о своей взрослой роли: «Теперь я ныла, а мама меня утешала» [Кузнецова 2011, с. 38, 133], способны грустить, не увидев в группе других мам свою [Назаркин 2018, с. 37]. Родители остаются для детей опорой, которая даёт надежду, что всё будет хорошо, например, потому что мама или папа помолятся за них. Тема молитвы периодически возникает в рассказах детей. Это всегда – надежда и успокоение [Кузнецова 2011, с. 33, 108]. «Все умеют молиться», – заключает Таша. Видимо, груз болезни настолько тяжёл, что дети приучаются очень зорко видеть лучики надежды. Иногда дети сами придумывают ободряющие сигналы надежды: «Анька не успела довязать шарф. Значит, всё у всех только начинается» [Кузнецова 2011, с. 57].

Взрослые вокруг болеющих детей нередко бывают неприятными, особенно если они стараются отгородиться от мира тяжело больных. Таковы были соседи Таши по палате, которые всячески подчёркивали, что в отделение попали только на обследование. Не понравилась девочкам и студентка актёрского факультета, пришедшая играть роль Снегурочки, но признавшаяся другу: «Вот только ЭТИХ не люблю. У которых химия» [Кузнецова 2011, с. 32, 71]. Эти люди лгали сами себе, стараясь отгородиться от мира тяжёлых болезней и детей, страдающих ими. Однако неприязнь к этим людям исчезает, как только они принимают существование сложных больных [Кузнецова 2011, с. 35–36, 78]. Дети хотят правды: в эмоциях, отношениях, поведении взрослых. Взгляд подростков на неприятных людей меняется, как только те начинают воспринимать их такими, какие они есть.

Герои рассказов – дети среднего и старшего возраста, подростки. У них по-разному складываются отношения друг с другом. Обычно они – компаньоны в играх и развлечениях, вместе переживают ответственные моменты в своей жизни. Приветствуется равенство воз-

можностей, щедрость. Недопустимыми в поведении считаются жадность, желание воспользоваться чужими идеями [Назаркин 2018, с. 70–72, 24–29, 65–68, 34], особенно – слабость, нетерпение болезни: так, Коле, Толику и Серому не нравится, что стонет Тёпочкин. В рассказе даётся много объяснений, почему не нравится, одно из них следующее: «И сочувствия у нас никакого нету, потому что мы ничего всё равно сделать не можем. И незачем ему на нас стонать» [Назаркин 2018, с. 53–55]. Подростки хоть и относятся к сверстникам доброжелательно, но не делают послабления, предъявляют «взрослые» требования.

В условиях больницы они взаимодействуют не только со своими ровесниками и взрослыми, но и с маленькими детьми. В большинстве случаев малыши выступают фоном в рассказах подростков: то они пытаются развлечься с помощью игрушечного транспорта, то устраивают гонки на колясках [Назаркин 2018, с. 7, 9; Кузнецова 2011, с. 74] и т.д. Подругам жаль маленьких детей, попавших в больницу, но они думают, что крохи находятся в выигрышном по отношению к ним положении, потому что не понимают, что происходит [Кузнецова 2011, с. 64], а Коля завидует «чёрно-белой завистью. В полосочку» беспечному малышу Славке [Назаркин 2018, с. 127]. В рассматриваемых рассказах маленькие дети для старших – не только неотъемлемая часть больничных будней, но и повод задуматься о жизни, о месте в ней болезни и своём отношении к ней.

Таким образом, литературные произведения представляют достаточно полную картину переживаний тяжелобольных подростков. Ситуация болезни заставляет их задуматься о ценности таких важных феноменов, как болезнь и здоровье, жизнь и смерть, оценить своё отношение к жизни, окружающим людям, родным и к самому себе. Недуг лишает детей обычных способов проживания жизни, ограничивает в возможностях обучения, развлечений и общения, в то же время делая их изобретательными, чуткими, рассудительными. Все происходящее в жизни ребят носит отпечаток болезни, больничной повседневности. Болезнь видится им чем-то неприятным, безрадостным, скучным, смерть – несправедливым, неправильным, жизнь – хрупкой. Болезнь заставляет подростков рано становиться взрослыми: они чувствуют себя способными взять на себя ответственность за маленьких соседей по палате, друзей, своих уставших родителей. Болезненное состояние обостряет в детях чувство справедливости, правдивость, открытость, в некоторых случаях – жёсткую требовательность к себе и окружающим. В то же время болезнь не способна окончательно стереть детство из их жизни: ребятам необходимы детские развлечения, внимание и помощь именно родителей – в такие моменты они могут ненадолго забыть о бремени своей болезни. Аксиологическая направленность подростковой литературы помогает понять специфику ценностного восприятия детьми таких важных феноменов, как жизнь, смерть, болезнь и здоровье.

Литература

1. Кузнецова Ю.Н. Выдуманный жучок. Рассказы о больничной жизни. М.: Центр Нарния, 2011. 160 с.
2. Назаркин Н.Н. Изумрудная рыбка. Мандариновые острова: Сборник рассказов. М.: Эгмонт Россия Лтд., 2018. 184 с.
3. Тишков В.А. Об антропологии жизненных смыслов // Новые российские гуманитарные исследования. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/2011/> (дата обращения: 03.12.2021).

Художественная литература и системные инверсии

Дмитрий Анатольевич Севостьянов

Новосибирский государственный медицинский университет
dimasev@ngs.ru

В статье рассматривается отображение в художественной литературе такой формы отношений в иерархиях, как системные инверсии. Системная инверсия присуща любым сложным иерархиям: социальным, биологическим, мотивационным, ценностным. Парадокс заключается в том, что в литературе по теории систем инверсивные отношения не нашли отображения, но художественная литература вся наполнена изображением системных инверсий.

Ключевые слова: художественная литература, системная инверсия, организационный принцип, ордер.

Fiction and Systemic Inversions

D.A. Sevostyanov

Novosibirsk State Medical University

The article considers the representation in fiction of such a form of relations in hierarchies as system inversions. Systemic inversion as a form of relations is inherent in any complex hierarchies: social, biological, motivational, value. The paradox lies in the fact that in the literature on the theory of systems, inverse relations have not found a display, but fiction is all filled with the image of systemic inversions.

Keywords: fiction, systemic inversion, organizational principle, order.

Анализ литературных произведений непременно включает в себя исследование нарратива, используемого в литературном творчестве [Татару 2008]. Одно из примечательных свойств нарратива заключается в неперменном отображении в нём системных инверсий, или инверсивных отношений, представленных в реально существующих сложных иерархиях. Однако данное положение не является для всех очевидным и, по всей видимости, нуждается в пояснениях.

Начнём с того, что практически любая реальная система, будь то система социальная, биологическая, мотивационная или аксиологическая (система ценностей), непременно представляет собой иерархию. Конечно, не все отношения и связи в таких системах обязательно являются иерархическими, но таковым всегда является общий порядок организации любой наблюдаемой нами системы (с теми или иными частными отступлениями от этого общего порядка). Отношения между людьми, которым по факту и посвящена главным образом художественная литература, в реальности также иерархичны – либо полностью, либо с некоторыми исключениями, но общий порядок этих отношений опять-таки таков всегда. Не раз уже высказывалась мысль, что если даже и декларировать равенство всех людей, то равенство это возможно только лишь до того момента, когда перед этими людьми будет поставлена любая задача, требующая положительных усилий. Результаты решения этой задачи немедленно приведут к формированию в данном сообществе иерархических отношений.

Общим свойством сложных иерархий является их способность к формированию системных инверсий (инверсивных отношений). Системная инверсия означает отношения, при которых некоторый низший, подчинённый элемент иерархии приобретает главенствующее значение, не покидая при этом, однако, своей невысокой иерархической пози-

ции. Тем самым формируется противоречие между формальной позицией этого элемента в иерархической системе и его реальной ролью в ней.

Системные исследования, которые проводятся (и результаты которых публикуются) уже много десятилетий, по существу, почти не отображают инверсивных отношений в иерархических системах – и это притом, что в реальных иерархиях инверсивные отношения приобретают часто весьма большое значение. В этом, однако, нет ничего странного. Инверсия обычно не возникает сразу же в момент формирования иерархической системы; она, как правило, проявляется позднее, когда данная система уже имеет некоторый стаж существования (и, возможно, уже успела стать объектом исследовательского внимания). Более того: системный подход исторически применялся главным образом к искусственно созданным системам (например, к системам производственным, военным, логистическим); при проектировании подобных систем инверсивные отношения (т.е. внутренние противоречия, угрожающие дальнейшему функционированию данной системы) никем, как правило, специально заранее не проектируются. В результате системные инверсии проявляются лишь позднее, в виде более или менее неприятной неожиданности, и создают условия, при которых рассматриваемой системе угрожает распад, или же она ставится перед необходимостью существенной трансформации. Однако «лицо» системы изначально определяют исходные, базовые иерархические отношения, которые обозначаются как отношения ордера (от лат. *ordo* – ряд, порядок). Если в системе действуют одни только отношения ордера, то это означает, что инверсивных отношений в ней в настоящий момент нет.

Само возникновение системных инверсий становится возможным потому, что сложные иерархии (с которыми мы обычно имеем дело в социальных системах) формируются на основании сразу нескольких организационных принципов, каждый из которых (в отдельности) определяет взаимное расположение элементов в иерархической системе. Пока эти организационные принципы действуют совместно и согласованно, в данной системе остаются актуальными отношения ордера, а инверсии не возникают. Однако если при определении иерархической позиции какого-либо элемента данные одновременно действующие принципы начинают противоречить друг другу, то становятся реальностью инверсивные отношения: в соответствии с одним таким принципом элемент продолжает пребывать на подчинённой, второстепенной позиции в иерархии, другой же организационный принцип позволяет ему претендовать на большее. Например, некий субъект может обладать весьма скромным материальным достатком (и потому, на основании имущественного организационного принципа, занимать в социальной иерархии невысокое положение). Однако по своему образованию он может значительно опережать большинство своих современников, и потому, на основании образовательного организационного принципа, будет иметь в этом случае весьма серьёзные социальные претензии.

Парадокс заключается в том, что если в системных исследованиях, как уже говорилось, инверсивным отношениям в иерархических системах уделяется непозволительно мало внимания, то в художественной литературе ситуация фактически обратная: нарратив при создании литературного произведения направлен на отображение инверсий, почти исключительно одних только инверсий, и ничего иного [Севостьянов 2009].

Действительно, инверсия предполагает коллизию, противоречие, столкновение, конфликт, т.е. это именно те социальные отношения и отношения в аксиологической иерархии, без изображения которых литературный нарратив становится едва ли не бессмысленным. Отношения ордера, взятые в отвлечённой форме, составляют залог длитель-

ного, стабильного, неизменного и бесконфликтного существования. Будучи отражёнными в литературном произведении, они не пробуждают какого-либо интереса.

Здесь уместно вспомнить хрестоматийную фразу Льва Толстого о том, что все счастливые семьи похожи друг на друга, а каждая несчастная семья несчастлива по своему. Описывать счастливую семью в литературном произведении – занятие для писателя неблагодарное (у самого Толстого это, например, не слишком хорошо получилось). Читать такое описание едва ли кому-либо будет интересно: отсутствие коллизий, конфликтов, противоречий, а следовательно – и системных инверсий никак не привлекает читателя. Но это не означает, однако, что все поголовно семейные пары несчастны; будь так, никто в реальности не заключал бы браков. Тем самым литературное творчество обречено отображать не реальность как таковую, а лишь некоторую избранную часть реальности – ту, в которой наблюдаются инверсивные отношения.

Существует одно свойство системных инверсий, которое применительно к рассматриваемому предмету представляется критически важным. Если системная инверсия имеет в данной иерархии уже определённый стаж существования, то сама система адаптируется к ней. В результате данная инверсия, которая формально может расцениваться как некоторое нарушение порядка в иерархической системе, фактически приобретает «узаконенные» черты. Система настолько «привыкает» к инверсивным отношениям, что уже не может без них существовать. Именно такую картину, как будет показано далее, можно увидеть при структурном анализе литературного нарратива.

Приверженность литературному изображению системных инверсий основана на самой сущности художественного творчества. Одним из сущностных свойств литературного творчества в современном его понимании является передача реципиенту (читателю) эмоциональной информации, отображающей личностные свойства автора. «Чистая», незамутнённая передача картины той или иной социальной реальности не представляет в литературном отношении никакого действительного интереса. Интерес представляет лишь картина реальности, получившая преломление через личность автора литературного произведения (а реальная ценность произведения обуславливается уникальными качествами этой личности).

С другой стороны, передача исчерпывающей картины когда-либо бывшей или наличествующей (или конструируемой на будущее) социальной реальности физически невозможна; передать социальную реальность во всей её полноте – это всё равно, что сотворить ещё одну такую реальность. А возможности писателя, сколь бы ни был велик его талант, всё равно не могут равняться гипотетическим способностям Бога-творца. Мало того: если бы такое воссоздание социальной реальности и было возможным, то перспектива адекватного восприятия этой реальности ограничивалась бы уже способностью читателя к такому восприятию. Попросту говоря, когнитивные возможности читателя всё равно не позволили бы именно так, во всей её полноте, воспринять эту воссозданную реальность. Восприятие это в любом случае оказалось бы выборочным, тенденциозным.

Тенденциозным является и восприятие «настоящей» социальной реальности со стороны автора художественного произведения, и её представление в рамках этого произведения. От автора зависит не фактическое наличие, а лишь направление и глубина этой тенденциозности. И даже в том случае, когда перед нами реальность, казалось бы, совершенно вымышленная (условная «страна Oz»), она неизбежно составляет более или менее отдалённую аллюзию на реальность подлинную (а самый вымысел предстаёт как результат упомянутой тенденциозности при передаче условной реальности). Тенденциозность же предстаёт как результат эмоционального отношения автора к реальности, ибо служеб-

ная роль эмоций состоит, среди прочего, именно в обращении внимания субъекта на наиболее значимые для него объекты реальности.

Если исходить из отношений порядка в иерархической системе человеческой деятельности, то эмоции изначально составляют в ней подчинённый, служебный компонент [Пырьев 2015]; но весьма часто в результате системной инверсии эмоциональный компонент выходит в деятельности человека на первый план; в этом случае сама деятельность, как это нередко случается, приобретает иррациональные черты. Однако в художественном творчестве (не только литературном) такая инверсия давно «узаконена» и фактически стала нормой. Эмоциональный фактор, таким образом, приобрёл в структуре литературного нарратива главенствующее значение.

Основная функция литературного произведения (как результат «узаконенной» системной инверсии) состоит в том, чтобы вызывать у читателя эмоциональную реакцию. Однако ситуация осложняется тем, что передача эмоциональной информации во всяком виде изобразительного искусства (а литература – искусство, несомненно, изобразительное [Каган 1972]) осуществляется минимум по двум относительно независимым каналам. Один из них может быть назван специфическим, поскольку специально присущ художественной литературе (или, как её обозначали прежде, – «изящной словесности») – это лексикон писателя. Неспецифический фактор, передающий информацию от автора произведений к реципиенту (читателю) – это фабула произведения. Различие их воздействия состоит в том, что лексикон писателя непосредственно порождает искомую эмоциональную реакцию читателя (находящегося с этим автором в одном языковом пространстве). Фабула же произведения приводит к определённой эмоциональной реакции лишь опосредовано, через столкновение двух ситуаций, одну из которых представляет автор в своём произведении в излагаемой фабуле, в другой же пребывает читатель. Уникальное, индивидуальное сочетание воздействия этих двух факторов и формирует поток передаваемых и воссоздаваемых эмоций.

Таким образом, художественная литература формирует и поддерживает инверсивные отношения в структуре деятельности субъекта, в ходе которых эмоциональное (а по существу, иррациональное) отношение к действительности выдвигается на первый план, притом что в повседневной жизни обстоятельства требуют от нас рационального поведения, при котором не допускается идти на поводу у собственных эмоций. Эта закономерность, разумеется, присуща не только литературному творчеству, но и искусству в целом. Однако наличие таких инверсий лишь обогащает человеческую жизнь и формирует содержательное наполнение художественной культуры. Одновременно (и неизбежно) приверженность к отображению системных инверсий делает художественную литературу весьма кривым зеркалом реальности, ибо в реальности системные инверсии отнюдь не определяют изначальный облик любой системы, в том числе и системы социальной.

Литература

1. Каган М.С. Морфология искусства. Л.: Искусство, 1972. 440 с.
2. Пырьев Е.А. Мотивационная функция эмоций в «Теории связей» // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2015. № 177. С. 35–42.
3. Севостьянов Д.А. Героическая коллизия: иерархия и инверсия // Армия и общество. 2009. № 3. С. 57–64.
4. Татару Л.В. Когнитивная логика нарратива // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2008. № 9. С. 58–60.

Проблема сохранения русских традиций празднования Пасхи в эмиграции в рассказе Саши Чёрного «Пасхальный визит»

Олеся Валерьевна Седова

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

olesja-kas@yandex.ru

В статье рассматривается проблема сохранения русских традиций празднования Пасхи в условиях эмиграции в рассказе Саши Чёрного «Пасхальный визит». Главная героиня – девочка Нина, проявлявшая живой интерес ко всему русскому, оказывается связующим звеном в процессе передачи культурных ценностей из поколения в поколение. В пасхальном посещении медведя Ниной и её матерью воплощаются основные идеи рассказа, заключающиеся, с одной стороны, в сохранении русских пасхальных традиций в эмиграции, с другой, – в воплощении евангельских истин, в частности, милосердия, в жизнь.

Ключевые слова: Саша Чёрный, «Пасхальный визит», Пасха.

The Problem of Preserving Russian Traditions of Celebrating Easter in Emigration in the Story “Easter Visit” by Sasha Chorny

O.V. Sedova

Bunin Yelets State University

The article deals with the problem of preserving Russian traditions of celebrating Easter in emigration in the story “Easter Visit” by Sasha Chorny. The main character is a girl Nina, who showed a keen interest in Russian traditions. She is a link in the process of transferring cultural values from generation to generation. Nina and her mother's Easter visit to the bear embodies the main ideas of the story, which consist, on the one hand, in preserving Russian Easter traditions in emigration, on the other, in bringing to life gospel truths, in particular, charity.

Keywords: Sasha Chorny, “Easter Visit”, Easter.

Рассказ «Пасхальный визит», написанный Сашей Чёрным в 1926 г. в эмиграции, повествует о жизни семьи русских эмигрантов в Италии, избравших местом жительства улицу Porta Nomentana на северо-восточной окраине Рима, где в 1923–1924 гг. проживал сам писатель. В центре внимания повествователя житейские перипетии Варвары Петровны, оставшейся после смерти мужа-художника одной с двумя детьми на чужбине. В условиях постоянной нехватки денег ей приходится браться за любую работу, чтобы обеспечить достойное существование себе и своим детям. Работа медсестрой в местном госпитале не оставляла времени для полноценного общения с детьми, старший из которых «как-то незаметно от рук отбился» [Чёрный 1996, с. 380] и «вечно в своей суеде толочся» [Чёрный 1996, с. 380]: что-то перепродавал, обменивал, покупал лотерейные билеты. Все дела, которыми он занимался, выдавали в нём зарождавшееся стремление к коммерции, расчёту, обогащению. Тот факт, что он «по-русски говорить не любил» выявляет в мальчишке равнодушие к отечеству и родной культуре.

Его младшая сестра Нина, напротив, проявляла живой интерес ко всему русскому. Безусловно, здесь сильно повлиял переход мамы на домашнюю работу: Варвара Петровна вспомнила своё старое рукоделье и «стала на продажу расшивать платки, платья и шарфы павлиньими русскими узорами» [Чёрный 1996, с. 380]. Дочка, проводившая с мамой всё время, переняла от неё всё лучшее. Нина очень интересовалась русскими обычаями. Она на итальянский мотив пела русскую песню, слова которой слышала от матери, и досадова-

ла, когда та не могла дать определение русскому слову. Девочка любила рассматривать старую русскую хрестоматию. Ещё не умея читать, она любовалась картинками русской зимы, еловых снежных веток и берёзок. Любимая картинка Нины – «Генерал Топтыгин». Она была уверена, что так в России называют медведя.

Одна из основных идей рассказа – сохранение традиций празднования Пасхи в эмиграции. Мы видим, что девочка воспринимает от мамы атрибуты праздника: христосование, пасхальный кулич, крашеные яйца, чистая одежда, нежелательность работы, не случайно на вопрос «Ты ведь сегодня не вышиваешь» звучит ответ: «Кто же сегодня вышивает?» [Чёрный 1996, с. 381].

Другая ключевая идея рассказа заключается в воплощении евангельских истин в жизни. Эта идея раскрывается в кульминации рассказа, каковой является посещение Нины и её мамы на Пасху русского медведя с Урала, запертого в клетку в Зоологическом саду, где были также обезьяны, пантеры, тигр. Девочка угощает медведя специально принесёнными для него яйцами и куличом и разговаривает с ним по-русски, в то время как к другим обитателям Зоологического сада она обращается исключительно по-итальянски.

Примечательно, что девочка, пожелавшая посетить, поздравить с Пасхой и утешить русского медведя – пленника клетки, продолжает древний пасхальный обычай навещать узников в тюрьме. «Обычай навещать на праздник Пасхи обездоленных и узников существовал на Руси ещё с древности. Представители всех сословий в этот день приносили заключённым свое угощение, прося их молитв о себе, поскольку верили, что страждущий человек ближе к Богу» [Белова 2011, с. 76].

Тоскующий медведь, запертый в клетку, вызывает живое сочувствие у маленькой Нины. Но она совершает милосердный поступок неосознанно, с детской непосредственностью и простотой. Стоит отметить, что её мама, которая постоянно борется с нуждой и для которой отданные медведю четыре яйца и кулич – расточительство, не укоряет дочку, понимая, что на Пасху необходимо совершать дела милосердия, пусть даже это касается всего лишь зверя. Для взрослой женщины поступок дочки – неожиданный, и её реакция такова: «Варвара Петровна опустилась на скамью и закрыла глаза. Ну, вот, только этого не доставало... Слёзы... “Всё съел, Ниночка? Вот и отлично!”» [Чёрный 1996, с. 382]. Конечно, ей жалко съеденных медведем продуктов, но она осознаёт, что нельзя ругать ребёнка за проявленное милосердие. В этом плане её можно сопоставить со вдовой из евангельской притчи, отдавшей свои последние две лепты.

Таким образом, в пасхальном посещении медведя дочерью и матерью воплощаются основные идеи рассказа, заключающиеся, с одной стороны, в сохранении русских традиций празднования Пасхи в эмиграции, с другой, – в воплощении евангельских истин, в частности, милосердия, в жизнь. При этом имплицитно содержится мысль о том, что пока соблюдаются евангельские заповеди, будут сохраняться и традиции.

Литература

1. Белова Н.А. Русская православная церковь и тюремные учреждения: традиции взаимоотношений // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. № 3 (15). С. 75–81.

2. Чёрный Саша. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5: Детский остров / сост., подгот. текста и коммент. А. С. Иванова. М.: Эллис Лак, 1996. 672 с.

Аксиологическая специфика коммуникативных реакций в англоязычном драматургическом диалоге

Юлия Сергеевна Старостина

Самарский национальный исследовательский
университет имени ак. С.П. Королева
juliatim@mail.ru

В статье представлены результаты исследования, направленного на систематизацию и анализ диалогических реакций на вербализованную оценку с позиций дискурсивно-коммуникативного лингвоаксиологического подхода. Представлена двухуровневая типология, отражающая многообразие вариантов ответного речевого поведения, идентифицированы дискурсивные параметры, определяющие выбор коммуникантом типа реагирования. Особое внимание уделено аксиологическому аспекту реплик-реакций, которые демонстрируют способность к актуализации ценностных доминант в речи реципиента оценочного сообщения.

Ключевые слова: лингвоаксиология, ценность, оценочное высказывание, реплика-реакция, драматургический дискурс.

Axiological Specifics of Communicative Reactions in English Drama Dialogue

J.S. Starostina

Samara National Research University

The article presents the results of the research aimed at systematisation and analysis of dialogical reactions to verbalised evaluation from the standpoint of discourse-communicative linguoaxiological approach. A two-level typology is presented, reflecting the variety of options for respondent speech behaviour; discourse parameters which determine the choice of the communicative response are identified. Particular attention is paid to the axiological aspect of reactive remarks that demonstrate the ability to actualise value dominants in addressee's speech.

Keywords: linguoaxiology, value, evaluative utterance, reactive remark, drama discourse.

В современных лингвистических исследованиях наблюдается повышенный интерес к изучению различных вариантов коммуникативного взаимодействия в пределах множественных дискурсивных практик. Изучение коммуникативных паттернов при этом может концентрироваться исключительно на вопросах их структурно-содержательного наполнения [Яковлев 2020], а может быть нацелено на идентификацию принципов межличностной интеракции [Сиротинина 2018], категоризацию речежанровых феноменов в коммуникативном пространстве [Петрова, Кормазина 2020] и анализ ментальных структур, формирующих глубинную основу коммуникативного процесса, т. е. его ценностно-когнитивный базис [Сидорова, Лопатина 2018]. Обозначенные векторы научного внимания определяют актуальность исследования, направленного симультанно на выявление механизмов коммуникативного реагирования и интерпретацию их аксиологических аспектов. Ценностные установки, которыми руководствуется индивид в своей жизни, находят отражение в его речевой деятельности, особенно при непосредственной межличностной коммуникации. Поскольку вербальная репрезентация ценностных доминант как когнитивных конструкторов происходит при помощи лингвоаксиологической категории оценки, правомерным кажется обращение к проблеме аксиологической специфики коммуникативных реакций именно на оценочные высказывания, ядерной функцией которых выступает выражение позитивной или негативной оценочной позиции

говорящего. В ходе диалогического взаимодействия, в том числе в его стилизованном варианте, представленном в пределах англоязычного драматургического дискурса, каждое сообщение выполняет роль реплики-стимула, что особенно справедливо для оценочных реплик, поскольку они как вербализованные ценностно-ориентированные суждения напрямую апеллируют к аксиологическим доминантам участников диалога, а значит, обязательно провоцируют ответную реакцию собеседника. Целью нашего исследования выступила идентификация, систематизация и типологизация полного спектра вариантов коммуникативного реагирования на оценочные высказывания в англоязычном драматургическом дискурсе, интерпретируемом в русле дискурсивно-коммуникативного лингвоаксиологического подхода. Подчеркнём, что выявленная парадигма коммуникативных реакций на оценку рассматривается нами как один из аспектов формирования лингвоаксиологической специфики диалога, что детерминирует отбор исследовательского инструментария, ключевыми компонентами которого выступили методы лингвоаксиологического анализа и дискурс-анализа. Фактологическим материалом послужила выборка, включающая в себя фрагменты коммуникативных ситуаций с оценочным высказыванием и ответной репликой, соединённых по принципу «стимул-реакция». Все диалогические модули были отобраны из произведений современных британских и американских драматургов. Уточним, что при формировании выборки мы намеренно не ограничивались диалогическими единствами, поскольку для достижения поставленной цели необходим учёт более широкого коммуникативного контекста.

Нужно отметить, что на сегодняшний день дискурсивные лингвоаксиологические исследования в основном нацелены на изучение характеристик оценочной репрезентации, что объясняется диверсифицированным множеством способов её языкового оформления. Анализ же типов реагирования на высказывание оценки можно в определённой мере считать пространством исследовательской лакунарности, поскольку имеющиеся на настоящий момент научные результаты заключаются в качественной и значимой, но узконаправленной идентификации реакций на комплименты [Ионкина 2017] и оскорбления [Кусоцкая 2017], представляющие собой специфичные функциональные разновидности оценочных сообщений в дискурсивных практиках, характеризующихся высокой степенью жанрового своеобразия. Представленное в данной статье исследование предлагает новый, несколько более широкий взгляд на проблему коммуникативного реагирования в межличностной коммуникации, что реализовано в формате разработки единой типологии реплик-реакций на оценку в стилизованном диалоге.

При рассмотрении англоязычного драматургического диалога в ракурсе его подобия спонтанной коммуникации [Mandala 2020], т.е. как сферу речевого взаимодействия языковых личностей, было выявлено, что позитивная и негативная оценка как рационального, так и эмоционального типов является не только частотным коммуникативным явлением, но и структурирующей характеристикой диалогической речи. Итоги исследования показывают, что избираемый адресатом оценочного высказывания вариант реагирования в конкретной коммуникативной ситуации зависит, прежде всего, от специфики восприятия данного сообщения и собственной оценочной позиции реципиента относительно обсуждаемого объекта, что, в свою очередь, определяется иерархически организованной индивидуально-личностной лингвоаксиосферой как комплексным когнитивным феноменом. Кроме того, тип коммуникативной реакции на вербализованную оценку обусловлен рядом дискурсивных факторов, в том числе социальным опытом говорящего, уровнем его интел-

лектуальной и эмоциональной зрелости, психическим состоянием в момент общения и его собственными коммуникативными целями.

Все выявленные варианты коммуникативных реакций на оценку в пределах англоязычного драматургического диалога можно представить в виде двухуровневой типологии, которая включает в себя четыре типа первого яруса и восемь подтипов второго яруса. Типами и подтипами соответственно выступают: 1) несогласие с оценочным высказыванием, которое может быть реализовано в одном из четырёх форматов, а именно а) краткое несогласие без сопутствующего комментария, б) несогласие с приведением экспланационного комментария, в) ответная оценка противоположного знака, г) ответная оценка равного знака; 2) согласие с оценочным высказыванием, репрезентированное двумя подтипами: а) согласие без сопутствующего комментария, б) согласие с приведением оценочного комментария; 3) игнорирование оценки, представленное двумя подтипами: а) реакция на информационную составляющую оценочного высказывания, б) уклонение от темы; 4) сомнение в оценке.

Первый выделенный нами тип коммуникативного реагирования является наиболее объёмным в плане количества зафиксированных подтипов и подразумевает выражение собеседником неприятия высказанной адресатом оценки в одном из четырёх номинированных выше форматов. Данный показатель обусловлен, на наш взгляд, несколькими причинами, первой из которых является способность реплик, выражающих несогласие с прозвучавшей оценкой, к контрастной трансляции индивидуально-личностных аксиологических установок реципиента. В пределах данного типа ответная реплика может представлять собой эксплицитное неприятие оценки, высказанное коммуникантом как в предельно сжатой форме, т.е. односложно, без каких-либо пояснений (подтип 1а), так и содержащее экспланационный комментарий (подтип 1б) в виде мотивации, объясняющей позицию адресата при помощи аргументации. Отметим, что наличие мотивации обычно способствует сглаживанию коммуникативного противоречия, которое потенциально возникает при вербализированном несогласии с оценочным высказыванием-стимулом, что детерминирует возможность использования данного подтипа коммуникативного реагирования в диалогических модулях разной степени формальности. Коммуникативная же реакция подтипа 1а фиксируется в основном в ситуациях неформального общения между близкими родственниками или друзьями, отношения которых настолько устойчивы и длительны, что краткое категоричное несогласие адекватно интерпретируется продуцентом оценочного сообщения и в большинстве случаев не требует дальнейших уточнений. Реакция данного подтипа является подготовленной всем дискурсивным контекстом диалога и вследствие этого не является внезапной или непонятной для собеседника. Иллюстрацией может выступить коммуникативный фрагмент из пьесы современного британского драматурга Кевина Фегана: *IFFY (TO EMLEY): Why do you play? You strike me as a bit of a "girly girl". EMLEY: I am not* [Fegan 2017, p. 8] – разговор происходит между девушками-игроками одной футбольной команды; репликой-стимулом выступает деинтенсифицированное оценочное высказывание, провоцирующее краткое несогласие адресата, не содержащее эксплицитных оценочных маркеров. В данном случае вербализированное неприятие оценки не манифестирует столкновения индивидуально-личностных ценностных доминант коммуникантов; наоборот, фиксируется аксиологическая общность, обеспечивающая бесперебойное коммуникативное взаимодействие и способствующая укреплению межличностных отношений. При помощи несогласия с высказанной Иффи оценкой, в которой по сути отражено негативное

отношение девушки к гламуру и актуализирована ценностная доминанта «сильная женщина», Эмли обозначает присутствие той же ценности в её собственной аксиологической иерархии, что акцентуализирует аксиологическую общность коммуникантов и обеспечивает дальнейшую стабильность их дружеских отношений.

Помимо этого, несогласие с оценкой может актуализироваться при помощи её опровержения через выражение оценки противоположного знака (подтип 1в). Подтип 1г, объединяющий реакции в формате несогласия через выражение оценки равного знака, является единственной зафиксированной группой, в пределах которой стимулирующей репликой всегда выступает негативно-оценочное сообщение: реакция неприятия в таком случае осуществляется посредством контр-трансляции отрицательной оценки, что потенциально катализирует конфликтную ситуацию в диалоге. При реализации ответных реакций подтипов 1в и 1г в пределах диалогического модуля наблюдается повышенная плотность оценочных высказываний, поскольку и реплика-стимул, и реплика-реакция представляют собой последовательное выражение оценки от разных собеседников, каждый из которых озвучивает собственную позицию, коррелирующуюся со спецификой его индивидуально-личностной лингвоаксиосферы.

Согласие с оценочным высказыванием в качестве следующего типа реагирования тактически нацелено на поддержание положительной или нейтральной фатики и способствует стимулированию атмосферы коммуникативного сотрудничества. Приятие оценки может репрезентироваться в дуалистической вариации, как без сопроводительного комментария (подтип 2а), так и с оным (подтип 2б), причём специфичным в данном случае будет то, что комментарий обязательно содержит оценочную маркированность, что обосновывает его номинацию в представленной типологии. Важным аксиологическим аспектом выступает тот факт, что наличие обозначенного оценочного комментария в реплике-реакции может дополнительно акцентуализировать общность ценностных ориентиров коммуникантов, что в терминах межличностной коммуникации гарантирует ситуацию взаимопонимания, определяемую солидаризацией участников диалогической интеракции.

Игнорирование оценки собеседником как коммуникативное реагирование не всегда приравнивается к игнорированию полного оценочного высказывания, т.е. оценочная реплика-стимул провоцирует ответное речевое поведение, однако адресат сознательно предпочитает обратить внимание на информационный компонент сообщения, а не на аксиологический смысл (подтип 3а). При актуализации реакции подтипа 3б коммуникант полностью уклоняется от темы разговора, в пределах которой собеседником произносится оценочное высказывание, никоим образом не манифестируя ни согласия, ни несогласия, т.е. речевая тактика адресата фактически заключается в интенциональной смене тематики диалогического взаимодействия. Обозначенные реакции могут быть детерминированы принципиальной значимостью для реципиента именно фактологической составляющей оценочной реплики, но также могут быть обусловлены его малой заинтересованностью в объекте оценки на момент развития диалогического модуля; в таком случае коммуникант принимает оценку к сведению, но не считает целесообразным реагировать на неё. В ряде ситуаций это может быть обусловлено подчёркнутым безразличием участника стилизованного диалога к объекту оценки и его незаинтересованностью в речевом взаимодействии с конкретным собеседником. *LEX: You were focused on doing something you loved instead of noticing me. It was the beginning of a trend. COLT: So, I have to eat all of these by myself?* [Saracci 2017, p. 22] – разговор происходит между мужчиной и женщиной, которые

какое-то время были парой, т.е. находились в романтических отношениях, но теперь (по инициативе женщины) встретились в месте первого свидания, чтобы символично завершить роман. Оценочное высказывание Лекс, по сути, раскрывает причину затяжного кризиса, предшествовавшего разрыву, а также отражает подавленное эмоциональное состояние девушки, что транслирует идею ценности любовных отношений для данного коммуниканта, указывает на ценность внимания со стороны партнёра как условие длительной и устойчивой связи между мужчиной и женщиной. Полное игнорирование выраженной оценки Колтом в его ответной реплике, уклонение от выяснения отношений, концентрация на постороннем предмете (пирожном) при выражении собеседницей оценки вполне недвусмысленно указывает, что мужчина не воспринимает любовные отношения с Лекс как ценные и не видит в их финализации повода для расстройства.

Сомнение в оценке как четвёртый тип реагирования обычно подразумевает вербальную экспликацию неуверенности адресата в собственных аксиологических установках, что, например, может быть спровоцировано неожиданностью прозвучавшего оценочного высказывания и вызванными им чувствами удивления или недоумения. В таком случае коммуникант сам ещё не сформировал индивидуальной оценочной позиции, в то время как продуцент оценочного сообщения предлагает собственный ракурс осмысления обсуждаемой проблематики, причём тот, который собеседником ранее не рассматривался: *WILFRED: Dad, are you sorry I didn't go in for something scientific? That I'm not a doctor, for instance? DR. KIRBY: Not if you're happy as you are. WILFRED: Well, I don't know that I'm happy* [Priestley 1973, p. 104]. В приведённом фрагменте участниками диалога выступают отец и взрослый сын, приехавший в родительский дом из другой страны на время отпуска по службе. С одной стороны, Уилфред (сын) гордится занимаемой должностью, но с другой – сомневается в правильности избранного профессионального пути, анализируя его с точки зрения достижения общественного признания, т.е. его оценка объекта основывается на ценностной доминанте «социальный успех». Отец же с учётом своего жизненного опыта рассматривает ситуацию в другом ракурсе и оценивает выбор профессиональной сферы с опорой на ценностную доминанту «счастье». В результате Уилфред внезапно осознаёт саму возможность иного осмысления ситуации, и его реагирующая реплика отражает сомнение в оценке в силу новизны подхода к значимому для него вопросу.

Таким образом, высказывая оценку и тем самым воздействуя на интеллект и эмоции реципиента, адресант получает от него реакцию одного из зафиксированных подтипов, выбор которого обусловлен не только содержательным компонентом оценочного высказывания, но и особенностями ценностной системы адресата, а также дискурсивной характеристикой коммуникативной ситуации. Как показал анализ эмпирического материала, определяющими факторами при выборе вектора реагирования являются такие параметры как значимость объекта оценки для реципиента оценочного сообщения, степень близости и устойчивости межличностных отношений говорящих, уровень формальности диалога, общая тональность коммуникативной ситуации. Лингвоаксиологической спецификой следует признать то, что при реализации в англоязычном драматургическом дискурсе оценочные высказывания обладают потенциалом к актуализации ценностных ориентиров в речи собеседника, что может осуществляться даже при отсутствии эксплицитных оценочных маркеров. В практике англоязычного драматургического диалога реализуемый участником стилизованной коммуникации тип и подтип реагирования в значительной степени детерминируется его индивидуально-личностной лингвоаксиосферой как системно организованным когнитивным образованием.

Литература

1. Ионкина Е.Ю. Похвала и комплимент в портретном интервью: некоторые особенности коммуникативного поведения адресата (на материале немецкого языка) // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. 2017. Вып. 107. № 8 (404). С. 34–39.
2. Кусоцкая Е.С. Типология и языковая репрезентация коммуникативных реакций на оскорбления в контексте американского общественно-политического дискурса // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14. Вып. 4. С. 583–598.
3. Петрова Т.И., Кормазина О.П. Категория авторизации в некодифицированных сферах русской речи: к вопросу об онтогенезе речежанровой компетенции // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. С. 98–114.
4. Сидорова Н.А., Лопатина Ю.Д. Ценностно-когнитивные основания речевой коммуникации // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сб. науч. тр. Вып. 2. М., 2018. С. 481–483.
5. Сиротинина О.Б. Эффективность общения как одна из важнейших проблем современной коммуникативной практики // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 1 (12). С. 59–71.
6. Яковлев А.А. Значение и смысл слова в структуре высказывания // Горизонты психолингвистики: сб. науч. тр. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2020. С. 48–52.
7. 105 Five-Minute Plays for Study and Performance / ed. by J. Capacci, I. Ziegler. Hanover: Smith and Kraus Inc., 2017. 525 p.
8. Fegan K. The Ruck. 2017. URL: <http://www.kevinfegan.co.uk/wp-content/uploads/2020/04/THE-RUCK-by-Kevin-Fegan-final-draft-for-book-converted.pdf> (дата обращения: 12.02.2022).
9. Mandala S. Drama Dialogue and Talk // Twentieth-Century Drama Dialogue as Ordinary Talk. Routledge, 2020. P. 15–32.
10. Priestley J.B. The Plays in Three Volumes. Vol. 1. London: Heinemann, 1973. 480 p.

УДК 821.161.1

Исторические повести и рассказы в современной русской литературе (на материале иерейской прозы)

Екатерина Владимировна Суровцева

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова
surovceva-ekaterina@yandex.ru

В статье отмечается необходимость выделения такого направления современной русской литературы, как иерейская проза. Некоторые произведения данного направления написаны на историческую тему – рассказы вологодского священника Николая Толстикова «Державные братья» и «Красный архиерей», рассказ саратовского священника Николая Агафонова «Красное крещение» и его же повесть «Да исправится молитва моя». Наша история оценивается в перечисленных произведениях с религиозной точки зрения.

Ключевые слова: современная русская литература, иерейская проза, историческая проза, жанр, православие.

Historical Stories and Short Stories in Modern Russian Literature (Based on the Material of Priests Prose)

E.V. Surovtseva

Lomonosov Moscow State University

The article notes the need to highlight such a trend of modern Russian literature as priests prose. Some works of this direction are written on a historical theme – the stories of the Vologda priest Nikolai Tolstikov “The Sovereign Brothers” and “The Red Bishop”, the story of the Saratov priest Nikolai Agafonov “Red Baptism” and his story “May My Prayer be Corrected”. Our history is evaluated in these works from a religious point of view.

Keywords: modern Russian literature, priestly prose, historical prose, genre, Orthodoxy.

В настоящее время в рамках современной русской православной прозы активно работают священники. Некоторые критики (например, В. Каплан [Каплан 2010], Ю. Кононенко [Кононенко]) даже заговорили о феномене иерейской прозы. По мнению В. Каплана, выделение этого направления связано отнюдь не с «профессиональной» принадлежностью авторов, но в первую очередь с их особым взглядом на жизнь: «... для “иерейской прозы” характерно стремление высветлить в душе героя доброе начало, которое связывает его с Богом. Потому-то даже чисто светский сюжет здесь всё равно подаётся в духовной перспективе» [Каплан 2010]. На настоящий момент нами выявлено 26 пишущих иереев [Суровцева 2020], однако этот список не является исчерпывающим. В основном тексты данного направления написаны на современном материале, однако существуют несколько текстов, относящихся к исторической прозе. Именно их мы и рассмотрим в данной статье (отметим, что все найденные нами произведения написаны в 2000-х гг.).

Начнём с рассказа вологодского священника Николая Толстикова «Державные братья» (публикацию рассказа см. в [Толстиков 2012]). В этом рассказе описаны княжеские междоусобицы конца XV – начала XVI в. – славной и трагической эпохи нашей страны, когда клонилось к концу татаро-монгольское иго. Небольшой по объёму текст разбит на пять микроглавок. В первой из них «(В лето 1491 от Р.Х.) Сыновья» описывается арест двух малолетних княжичей – Ивана и Дмитрия. Во второй главке «(В лето 1491 от Р.Х.) Отец» речь идёт о посещении князем Андреем Угличским своего старшего брата Иоанна Васильевича и об аресте Андрея Иоанном. Третья главка «(В лето 1493 от Р.Х.) Испитая чаша» повествует об арестованном князе Андрее, которого посещает и отравляет боярин Семён Ряполовский (ведь Андрей не поторопился к Иоанну на Угру, «с Литвою вместе с Борисом ... якшался» и вполне может затеять очередную междоусобицу ради московского престола). В четвёртой главке «(В лето 1527 от Р.Х.) Страдальцы без вины» говорится о содержащихся в заключении в монастыре под Вологдой Иване и Дмитрие (речь идёт о Дмитриевом Спасо-Прилуцком монастыре близ Вологды – он в рассказе не назван), об их надеждах на то, что прибывающие в Вологду государь Василий Иоаннович и его супруга Елена вспомнят о них и освободят, о смерти Ивана (он скончался в кандалах в 1523 или 1525 г. под именем схимонаха Игнатия, позднее православная церковь причислила его к лику святых [Анишина 2009; Жития... 2008]). В последней, пятой, главке «(В лето 1528 от Р.Х.) Крест» рассказывается о приезде великого князя с женой в Вологду на Рождество и о скором отъезде четы, так и не вспомнившей об узниках (отметим, что кандалы с Дмитрия были сняты только в 1540 г., но вскоре он умер, не позднее 1544 г., – в заточении [Богуславский 2001; Тарасов, Виноградова 2007]).

Другой рассказ Николая Толстикова «Красный архиерей» (текст рассказа см. в [Толстикова]) посвящён совсем другой эпохе нашей страны. Краткая сюжетная канва рассказа такова. Уроженец Вологды Александр Надеждинский закончил семинарию и поступил в Петербургскую духовную академию, помолвлен с девушкой по имени Серафима – дочерью настоятеля того же вологодского храма, где отец Александра служил псаломщиком. Во время одного из зимних приездов в родной город он пустил переночевать некоего человека, представившегося отставшим от обоза купеческим работником. На следующее же утро к нему в дом пришёл урядник, сообщивший, что разыскивается опасный преступник – бомбометатель, и точно описавший ночного посетителя. Александр не выдал своего гостя, однако случившееся не давало ему покоя, и он рассказал о нём на исповеди духовнику академии. Тот донёс на Александра, и его, не вникая в суть произошедшего, сразу же отчислили из академии. Одновременно с ним отчислили его однокурсника Василия Красницкого по прозвищу Революционер, дерзившего преподавателям и посещавшего тайные кружки и демонстрации рабочих. По приезде домой Александр получает «отставку» от предполагаемого тестя, не желающего иметь в зятях «смутьяна». После этого Серафима уходит в монастырь. Через некоторое время произошла революция, Александр присоединился к обновленческой церкви, принял там «постриг» в монастыре под Петербургом (слово «постриг» взято автором рассказа в кавычки – с намёком на раскол), там встретил Красовицкого, ставшего членом Высшего Церковного Управления. Он убедил Александра стать живоцерковным епископом, и уже в этом качестве Надеждинский был отправлен в родную Вологду. Его попутчиком в поезде оказался спасённый им же бомбометатель, который, приехав на место, занялся изъятием церковных ценностей, отмахиваясь от протестов Александра. Кроме того, «бомбометатель» принял участие в изнасиловании и расстреле монахинь (в их числе была и Серафима, бывшая невеста Надеждинского). Вместе с ними были расстреляны и священники, и церковный староста. Обо всём произошедшем Александр узнал от чудом спасшегося иподиакона убитого епископа Варсафония. Это стало последней каплей – Надеждинский решил бежать к Тихону Белавину и принести покаяние, однако недалеко от Вологды его нагнал конный отряд – и его убил спасённый им когда-то бомбометатель. В рассказе, как мы видим, речь идёт в том числе о церковном расколе, последовавшем после революции – большевики пытались создать «обновлённую» церковь под названием Живая Церковь во главе с упомянутым в рассказе «митрополитом» Александром Введенским, – её немногочисленные (что тоже нашло отражение в рассказе) сторонники назывались живоцерковниками и обновленцами. Представители традиционной церкви, возглавляемой Тихоном Белавиным, подвергались репрессиям вплоть до физического уничтожения. В рассказе также нашёл отражение факт изъятия церковных ценностей. Революция в рассказе прямо не называется, а обозначается как «Великая Смута» и просто «Смута».

В одном ряду с «Красным архиереем» – и в тематическом, и в жанровом плане – стоит рассказ саратовского священника, лауреата Патриаршей премии по литературе Николая Агафонова (1955–2019) «Красное крещение» (2002) (публикацию текста см. в [Агафонов 2011]). Действие произведения происходит в январе 1920 г. (в тексте указывается точная дата) и повествует о том, как православный праздник Крещения, справляемый в одной из деревень (с этого и начинается рассказ), превращается в «красное крещение» для священника отца Петра Трегубова, застреленного прямо в иордани красноармейцами, прибывшими в деревню для проведения продразвёрстки. Особого

анализа заслуживает эпизод, когда арестованного отца Павла заставляют публично отречься от веры под угрозой расправы с его семьёй – и он сдался и сделал всё, что от него требовали. Данная коллизия напоминает, например, рассказ А.И. Солженицына «На краях» (1995) – в одной из частей этого текста речь идёт о Павле Васильевиче Эктове, народолюбце, примкнувшем к движению под руководством А.С. Антонова, выданном чекистам и сдавшем весь антоновский штаб под угрозой расправы над женой и дочерью. Ещё одна параллель – рассказ Л.И. Бородина «Ради деток» (2008) о Семёне Кускове, который во время Великой Отечественной Войны невольно стал виновником гибели целого партизанского отряда – попав в руки гитлеровцев, он предал свой отряд, когда штурмфюрер начал угрожать оружием его беременной жене (подробный анализ этого произведения содержится в [Сухих 2020]). При всех отличиях в сюжете и проблематике названных нами текстов мы видим общий трагический конфликт: персонаж каждого из рассказов готов пожертвовать собой, но не погубить близких им людей, и в силу этого становится невольным предателем. Перед сходкой, на которой и должно было состояться отречение, отец Пётр сидит в сарае: «Ошарашенный и подавленный отец Пётр, когда его привели в сарай, молча уселся на бревно и, обхватив голову руками, стал лихорадочно размышлять. В сознании стучали слова Христа: “Кто отречётся от Меня перед людьми, от того и Я отрекусь перед Отцом Моим небесным”. “Но ведь апостол Пётр тоже трижды отрёкся от Господа, а затем раскаялся, и я, как уедут эти супостаты, покаюсь перед Богом и народом, Господь милостивый – простит и меня. А то как же я матушку с детьми оставлю, а могут и её... Нет, я не имею права распоряжаться их жизнями”». Прочитанные слова Христа приводятся в Евангелии от Матфея (глава 10, стих 33). Думается, не зря священнику автор дал то же имя, что и апостолу Петру – этот сельский батюшка отрёкся и потом не только покаялся, но и искупил свой грех мученической кончиной: он был застрелен при попытке заступиться за пономаря Степана, которого красноармейцы пытались также принудить к отречению и «перевоспитать», окуная нагишом в прорубь. В конце рассказа описана смерть Степана, за которым ухаживает жена отца Петра, и перед смертью он видит своих давно ушедших в добровольческую армию родителей и дядю архимандрита монастыря Тавриона, убитого большевиками, они все одеты в белые одежды, среди них – и отец Пётр, из чего Степан делает вывод, что он прощён Богом. Интересно также, что отец Пётр несколько раз повторяет слова апостола «Ты веси, яко люблю Тебя...», которые тот произнёс после отречения и перед тем, как Христос послал его на проповедь Своего слова (в Евангелии от Иоанна – глава 21, стихи 15–17 – содержится описание разговора Христа с Петром: Иисус трижды спросил своего апостола, любит ли тот его и на подтверждение любви сказал: «Паси овец Моих»). Упомянутый выше пономарь Степан в детстве под влиянием житий мечтал о мученической кончине, о том, как он пойдёт к императору и скажет, что он тоже христианин; однако его мать объясняла, что «мученики были давно», что император сам христианин, и читала ему жития совсем иных святых – преподобных Сергия Радонежского и Серафима Саровского. Теперь же, после революции, после свержения и убийства православного царя и прежней власти пришли новые правители – и мученичество за веру приняли многие верующие, как в языческом Древнем Риме (видимо, недаром уполномоченный губЧК по подразвёрстке Илья Соломонович Коган сравнивается со стервятником).

Повесть Николая Агафонова «Да исправится молитва моя» (2009–2010) [Агафонов 2010] рассказывает о судьбе Анны Берестовой, дочери директора мужской классической гимназии уездного города Кузьминска, после ранней смерти сестры ставшей монахиней, пережившей нелёгкое вхождение в монастырскую жизнь, революцию, первый арест в губернском городе и работу медсестрой в городской больнице, второй арест за противодействие обновленческому «епископу», Соловецкий лагерь и ссылку в Ташкент, Отечественную войну. Начало повести датируется Агафоновым точно – в доме Берестовых идёт подготовка к Рождеству и новому 1906 году (главной героине – пять лет), в конце произведения речь идёт о 1990-х, когда в Введенском женском монастыре Кузьминска с помощью Анны начинает восстанавливаться монашеская жизнь. Именно в этом монастыре Анна и вступила в юности на иноческий путь. Анализируемая нами повесть даёт возможность задуматься о нашей нелёгкой истории, особенно относящейся к началу XX в. и первым послереволюционным годам (об этом периоде в повести говорится наиболее подробно). Следует указать на то, как многими нашими современниками оценивается революция – в повести она названа переворотом (глава 8 – «Послушница»). Впрочем, в повести отчасти объясняются причины революции – отношение нашей интеллигенции к религии прямо выражено в словах родителей Анны, отговаривавших её от монашества: «Надо жить как все. Всему должна быть мера... Одно дело безграмотная старуха (имеется в виду няня Анисия Егоровна, простая деревенская женщина, рассказывавшая дочерям Берестовых Ане и Оле о Боге, певшая им колядки. – *Е.С.*), которой, кроме как в религии, не в чем больше проявить свои духовные запросы, другое дело ты – образованная и начитанная девушка. Ты собираешься похоронить себя заживо в монастыре, а о нас ты подумала? Мы только что потеряли Олю (сестра Анны умерла от чахотки, именно после её смерти Анна и решила пойти в монастырь. – *Е.С.*), есть ли у тебя хоть какое-то чувство к нам, твоим родителям?» (глава 3 – «Решение»). В главе 15 («Война») майор Степан Афанасьевич Коновалов, ставший героем войны, дослужившийся до высоких чинов и позднее помогший Анне выкупить домик в её «родном» монастыре, признаётся ей, что он был одним из тех, кто заживо сжёг во время Гражданской войны богатого уездного помещика Петра Константиновича Тураньева с супругой, – как говорит Коновалов, «Да сами не понимали, что творили. Словно нашло какое-то безумие. Один крикнул: “Давай спалим помещиков”, и все пошли, и я тоже. Вроде как игра такая», и далее рассказывает, как этот помещик его же научил читать и определил в школу. Особого комментария заслуживает глава 12 («Яшка-галифе»), повествующая о стимулированном новой властью обновленческом церковном расколе, ставшем возможным отчасти и в силу недостойного поведения некоторых священнослужителей. В эпилоге повести речь идёт о бывшей студентке филологического факультета Екатерине Капустиной, пришедшей в Введенский монастырь, однако собравшейся уйти из него – она готова к любой тяжёлой работе, но не к постоянным придирикам излишне строгой, как ей кажется, монахини Наталии. По той же самой причине сама Анна тоже чуть было не ушла из монастыря, в чём ей «помешала» схимонахиня Антония, предсказавшая, что Анна доживёт до времени открытия монастыря, если будет в келье Антонии молиться за всех сестёр. Точно так же Берестова «помешала» Екатерине уйти. Таким образом, несмотря на различие эпох, человеческие проблемы остаются прежними. Особо отметим «двойственность» восприятия Соловков в современной русской культуре: Соловки – это и святое место, один из известнейших в России и вообще во всём православном мире монастырей, и страшный советский лагерь, в котором было безвинно замучено большое количество людей.

В этом смысле показателен диалог Анны с бывшей эсеркой, членом террористической организации, Верой Самойловой: «Так нас на Соловки везут? – как-то обрадованно прошептала Анна. – Там же святые мощи преподобных Зосимы и Савватия. – Из нас там будут мощи делать, – зло усмехнулась Самойлова» (глава 13 – «Боль памяти»). Отдельная тема для разговора – это цитатный потенциал повести. В произведении цитируются молитвы, псалмы, богослужебные тексты, Священное Писание, а также песни – народные, колядки, интернационал. Молитва «Да исправится молитва моя», название которой вынесено в заглавие повести, приводится в тексте трижды – в прологе при описании сна раненой на Отечественной войне Анны; в главе 7 («Искушения») при описании переживаний Берестовой из-за того, что её не благословляют петь на клиросе, хотя в гимназии её всегда выделяли для пения этой молитвы в городской соборе; в главе 13 («Боль памяти») Анна и её подруга Акулина, с которой она вместе несла послушание в монастыре, поют эту молитву Вере Самойловой. Смысл этой фразы в том, что молитва должна направиться к Богу, однако Самойлова церковнославянский глагол «да исправится» поняла неверно – в том значении, в каком это слово употребляется в современном русском языке: «Мне понравились слова о том, что молитва должна исправиться. Мы молились не тем богам, вот наступила расплата». Берестова не стала её разубеждать – «Может быть, понятие бывшей эсерки намного глубже самого правильного перевода».

Таким образом, такие разные по тематике и по жанру тексты объединяет общий знаменатель: наша история оценивается в перечисленных произведениях с религиозной точки зрения, духовная высота героев напрямую связана с их верностью православию.

Литература

1. Агафонов Н. Да исправится молитва моя [Звукозапись]. М.: Русский паломник, 2010. CDmp3.
2. Агафонов Н. Свет золотой луны: Повести. М.: Никая, 2011. 384 с.
3. Анишина А.П. Игнатий // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла. М.: Православная энциклопедия, 2009. Т. 21. С. 96–103.
4. Богуславский В.В. Дмитрий Андреевич // Славянская энциклопедия. Киевская Русь – Московия: в 2 т. М.: Олма-Пресс, 2001. Т. 1. С. 352.
5. Жития Игнатия Вологодского, Игнатия Ломского, Герасима Вологодского и Кассиана Угличского: тексты и словоуказатель. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2008. 192 с.
6. Каплан В. Иерейская проза: Станет ли она литературным явлением? // Фома. 2010. № 1 (81). С. 70–73.
7. Кононенко Ю. Феномен «священнической прозы». URL: <https://dm-jurevch-67.livejournal.com/52847.html> (дата обращения 24.12.2021).
8. Суровцева Е.В. Иерейская проза в контексте духовно-нравственного воспитания на уроках литературы // Духовно-нравственные и идеологические проблемы в современном обществе: сб. ст. / под общ. ред. Н.А. Саркаровой. Махачкала: АЛЕФ, 2020. С. 253–260.
9. Сухих О.С. Трагический конфликт в рассказе Л.Бородина «Ради деток» // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 2. С. 680–682.
10. Тарасов А.Е., Виноградова Е.А. Дмитрий Андреевич // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла. М.: Православная энциклопедия, 2007. Т. 15. С. 107–109.

11. Толстиков Николай, протоиерей. Пожинатели плодов. Избранные повести и рассказы. М.: Традиция, 2012. 82 с.

12. Толстиков Н. Красный архиерей. URL: <https://proza.ru/2017/11/03/2199> (дата обращения 24.12.2021).

УДК 81

**Лексико-семантическое поле «ВЕРА»
как маркёр разрушения базовых ценностей
в романе И.У. Басаргина «Дикие пчёлы»**

Ирина Анатольевна Фадеева

Дальневосточный федеральный университет
fadeeva.ia@dvfu.ru

В статье мы рассматриваем особенности функционирования лексем лексико-семантического поля «ВЕРА» в романе приморского писателя И.У. Басаргина. Рассмотрение семантического пространства басаргинских текстов позволяет увидеть региональную языковую и этнографическую специфику мира, воссоздаваемого на страницах его произведений. Лексика ЛСГ «Вера» даёт представление о базовых ценностях субкультуры старообрядцев часовенного согласия, чья община прототипически воспроизведена в романе. Наблюдение над использованием лексем данной группы персонажами романа позволяет дать как аксиологические оценки этой социальной общности, так и проследить расслоение в данной социальной среде

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, «вера» как аксиологическое ядро, художественный текст, И.У. Басаргин, старообрядцы.

**The Lexico-Semantic Field “Faith” as a Marker
of the Destruction of Basic Values
in the Novel by I.U. Basargin “Wild Bees”**

I.A. Fadeeva

Far Eastern Federal University

The article studies the features of the functioning of the lexemes of the lexical-semantic field “Faith” in the novel by the seaside writer I.U. Basargin. Consideration of the semantic space of Basargin’s texts allows us to see the regional linguistic and ethnographic specificity of the world recreated on the pages of his works. The lexicon of LSG “Faith” gives an idea of the basic values of the subculture of the Old Believers of chapel consent, whose community prototypically is reproduced in the novel. Observation of the use of lexemes of this group by the characters of the novel allows us to give both axiological assessments of this social community and trace the stratification in this social environment.

Keywords: lexico-semantic field, “faith” as an axiological core, literary text, I.U. Basargin, Old Believers.

Аксиологически человеческое бытие и культура при всём разнообразии ценностей чаще всего определяются несколькими базовыми: Вера/Бог, Добро-Зло, Красота, Истина и Свобода, маркирующими как отношение к миру, так и способ взаимоотношений с миром и отношения в социуме.

И.У. Басаргин (1929–1976) – приморский писатель, чьи произведения богаты не только с точки зрения языковых особенностей его стиля, но и этнографически. В романе «Дикие пчёлы» автор, «опираясь на собственные представления о старообрядчестве и воспользовавшись различными историко-социальными этнографическими и географическими источниками, представил картину староверческой общины» [Заплавный 2016, с. 8].

Роман «Дикие пчёлы» – это произведение о раскольниках, бежавших от нововведений патриарха Никона, которые ожидали спокойной жизни вдаль от «мирской толкотни» [Заплавный 2016, с. 8] и пытались сохранить традиции отцов, однако территория Приморья в это время активно заселялась людьми, которых подселяли на уже обжитые старообрядцами территории, что стало причиной религиозных споров и беспокойства в этом обществе.

Поскольку роман полифоничен и насыщен диалогической речью, рассмотрим функционирование лексем поля «Вера» в речи главных персонажей: деда Михайло, Макара Булавина, Степана Бережного, Степана Безродного.

Если рассмотреть глагольную лексику, связанную с лексемой «Бог», то можно разделить её условно на две группы:

1. Действие человека: *воспеть, отвергать, показывать кукиш, надо быть чище перед..., чисты перед, отринуть от, отречься от, не отречься от, уповать на, верить в, тянуться к, клянуться перед, чист перед, грешен перед, неверие в, умирать с богом на устах, искать, молить, заставлять, бояться, идти с., помянуть, катиться с., забыть, дать обет;*

2. Действие Бога: *разрешить, каяться, жить, прибывать звёзды, создать Землю, продолжать (богом продолжены), простить, видеть, глаголе, наказать, подать, послать, покарать, рассудить, прибрать, поставить Херувима, не наложить таинство, отвергать, править.*

Данные результаты помогают нам сделать вывод о том, что образ Бога в романе возвышен над человеком, наделён особой силой, которая способна на любое действие (*создать Землю, прибывать звёзды*), Бог стоит над человеком и способен как наказать, например, *покарать, наказать, отвергать*, так и простить (*простить, рассудить, подать*).

Если говорить о человеке по отношению к Богу, то, с одной стороны, он понимает свою беспомощность перед ним (*грешен перед богом, боится, клянуться перед богом, уповать на бога*), так и способен с ним спорить (*отвергать, не верить*), так и показывать своё крайнее неуважение (*показывать кукиш, катиться с богом*). Сюда же можно отнести употребление *Иисусик*.

Номинативной и адъективной лексикой Бог определяется так: существительными: *завет, тема, порождение* и адъективной лексикой *совершенен; свет, а не тьма; человек есть Бог; Господь; Бога нет; люди и Бог; щедр; Боги и цари* (Басаргин объединяет лексемы, например: *ад и рай, Адам и Ева, боги и цари, люди и бог*), а также работает с антитезой: *свет, а не тьма; милосерден, вездесущ, всегда радуется, матюгать на все корки, будущий, скуп, бог-природа*.

Проанализировав употребление лексемы *божий*, мы пришли к выводу, что наиболее употребительными являются сочетания *раб божий* и *божье слово*.

Частотным также является обращение к богу *Боже (прости мя, молю ты...)*.

Наиболее употребительными являются противопоставления веры как «новой» (6) и «старой» (10); также отмечены лексемы *наша* (7), *та* (2), *ваша, одна и другая*, что демонстрирует противостояние понимания веры разных героев романа.

Рассмотрим другие лексемы ЛСП «Вера», в которых также разнообразно представлена сочетаемость лексем с другими лексемами.

Сочетаемость лексемы *грех* представлена адъективной лексикой: *великий, большой, людские, твои, тяжкий*, большинство этих лексем указывают на степень греха. Глагольная лексика *смыть, бояться, бросать, убивать, печалиться, погрязнуть*, которая указывает на ментальное состояние человека. Для лексемы *душа* характерна сочетаемость: *продать душу, перепродать, помощники, убить*.

И для лексемы *грех*, и для лексемы *душа* характерна сочетаемость с глаголом *убивать*.

Для лексемы *ад* наиболее характерна сочетаемость с глаголами (*гореть, уволочь, мучать, пойти, запугать*), словосочетания со связью управление (*исчадие, врата, муки*) и сочетания с прилагательным *адский* (*вино, скучища, муки*).

Лексемы *молитва, молиться* сочетаются со следующими лексемами: *шептать, читать, богу, за царя-антихриста, за царя и его дом*. Данная лексема демонстрирует, с одной стороны, сакральное отношение к молитве, на что указывает лексема *шептать*, но и носит несколько негативное отношение (*молиться за царя-антихриста, за царя и его дом*), так как образ антихриста в романе И.У. Басаргина сопоставлен с лексемами *царь* и *власть*.

С лексемой *крест* И.У. Басаргин использует в основном *никонианский, господень, иноверцу, дубовый, целовать*. Образ креста представляется, с одной стороны, как нечто святое (*господень, целовать*), а с другой стороны, как нечто противоположное (*никонианский, иноверцу*).

Христос: лексемы связаны с воскресением и рождением Христа (*воскрес, рождение, Пасха*), характерно употребление *ради Христа, спаси*.

Церковь: *святая, православная, Владимира, Суздаля; школа или церковь, церковно-приходская школа*. Церковь в романе – это нечто святое, связанное со знанием.

Для составления ЛСП «Вера» мы рассмотрели речь нескольких главных героев романа.

Дед Михайло – учитель каменцев, который учил детей наукам, что не поддерживалось в обществе, в частности, Степаном Бережновым, так как это вносило смуту в их сознание.

Наиболее употребительная лексема в его речи – *Бог* (35 употреблений). Является олицетворением Добра, но Бог не истина в последней инстанции. В данных словоупотреблениях можно увидеть преобладание категорий нравственности и морали, например:

Вначале была душа человеческая, а потом Бог [Басаргин 2016, с. 18].

Бог в душах наших, бог в добре [Басаргин 2016, с. 18].

И не Бог через слово создал человека, а человек Бога через душу свою создал, бо душа хотела в Боге видеть доброту [Басаргин 2016, с. 18]. В данном случае это выражается лексемами *душа* и *доброта*.

Кроме того, в речи деда Михайло часто используются определения Бога и его характеристика, однако, как было сказано в романе, дед Михайло вносил смуту в головы детей, так как его учение «шло в противоречии со Святым Писанием» и его называли богохульным. В представлении деда Михайло, не Бог создал человека, а человек Бога, как было отмечено в последнем примере.

Итак, образ Бога представляется для него, с одной стороны, абсолютным авторитетом и святым, неприкосновенным образом, например:

Иже совершенен Бог и совершенен человек [Басаргин 2016, с. 24].

Однако даже в этом примере видно, что если бог и совершенен, то связано это только с человеком.

А с другой стороны, он указывает на его несовершенство:

И не верьте тому, что Бог создал Землю. Не всесилен он, не всеведущ. Создал землю, населил её всякими тварями, а не узрел в душах Адама и Евы, что они скоро совершат грех великий [Басаргин 2016, с. 20].

Ежли Бог не может узреть такое, то куда ему до создания Земли и Вселенной? [Басаргин 2016, с. 20].

Есть человек, а человек есть Бог [Басаргин 2016, с. 251].

Таким образом, эти примеры объединяет то, что в сознании деда Михайло понятие *Бог* тесно связано с понятием *человек*. В данном случае понятие связано с такими категориями, как *сила* и *знание* (*создать, всесилен, всеведущ, узреть*).

Другая лексема, которая также часто используется героем, – лексема *Вера*. Для данной категории характерно использование антонимов *новая* и *старая*:

Новая вера пошла от zelo грамотных людей, как Арсентия Грека, так и от Никона патриарха [Басаргин 2016, с. 20].

Похерили старую веру, не вняли гласу народному [Басаргин 2016, с. 21].

Тот бунт был бунтом глупцов, ибо новая вера свела старые огрехи на нет [Басаргин 2016, с. 23].

Присутствует оценка, он оценивает старообрядчество как глупость.

Среди других особенностей употребления лексики этим персонажем в рамках данной парадигмы можно отнести то, что именно для его высказываний характерно использование лексики, связанной с историческими деятелями: *патриарх Никон, протопоп Аввакум, царь Алексей Михайлович, патриарх Паисий, Арсентий Грек, Никита Пустосвят*. Упоминает он и такие имена, как *Иисус, Иуда, Богородица, Ной*. Эти лексеммы также составляют ЛСП «Вера» в речи данного персонажа.

Таким образом, ядром данного ЛСП является лексема *Вера*, приядерную зону образуют лексеммы *Бог, Писание, иконы, ад, рай, молитва, раскольник, патриарх, дьявол, ересь, анафема, грех, крест, молиться, отречься, небеси, христиане*. К ближней периферии можно отнести антитезу *новый* и *старый*, а также такие сочетания, как *Божье слово, Святое Писание, райская обитель, грех великий, царство небесное, дьявольское учение, Господь Бог, протопоп Аввакум, Никита Пустосвят, Богородица дева, конец Света, бесовское зелье, завет отцов*. Среди паремий, встречающихся в речи деда Михайло, можно выделить выражения *авгиевы конюшни, воскрешение из мёртвых*:

Лопнула старая вера, как переспелый арбуз.

Никон сказал, что будет чистить авгиевы конюшни, а сам блудословил и стал врагом Христовым [Басаргин 2016, с. 24].

К дальней периферии можно отнести лексику, которая относится к другим микрополям, выражает нестандартную оценку, однако связана с ЛСП «Вера»: *душа, человек, добро, человек, ребёнок, словеса, вселенная, звёзды, Земля, Вселенная, отцы, царь, лес, болото, книги, человечество, мир, свет, тьма, солнце, небо*. Таким образом, главным микрополем, с которым соприкасается ЛСП «Вера», является микрополе, которое можно определить как «Мироздание». На основе анализа речи деда Михайло мы можем сделать вывод о том, что он стремится показать глупость старообрядчества, недостаток знаний последователей этой веры.

Главным героем романа является Степан Бережнов, бывший ученик деда Михайло – «умный, но двоедушный наставник, глава староверческой общины». Мы рассмотрели 50 его высказываний и можем сделать выводы, необходимые для составления ЛСП «Вера» на основании его речи. В речи данного героя преобладает лексема *Вера*, являющаяся основным понятием. Для этой лексемы характерно сочетание с глагольной лексикой:

– Да, умеем. Спасать веру уже в открытом бою не могли, а вот в скрытом – ещё можем. И спасём, коли что! [Басаргин 2016, с. 260].

– ... Хотя и злobilся наш народ на Макара, что отринул веру, но могут за Макара тебе отомстить [Басаргин 2016, с. 300]. Как видим, в речи персонажа наблюдаются вкрапления лексики высокого стиля.

Как и лексема *Вера*, широко представлена лексема *Бог*, которая связана в речи данного персонажа с лексемами *люд*, *смута*, *неверие*, *бояться*, *клянуть*. Также достаточно употребляемой является лексема *грех*. Данная лексема сочетается с лексемами *смута*, *бояться*, *замолить*.

Таким образом, ядро данного микрополя составляет лексема *Вера*. Приядерную зону образуют лексемы *Христос*, *псалмы*, *никонианцы* и *староверы*, *антихрист*, *старовер*, *обет*, *монастырь*, *молитва*, *святой*, *смута*, *неверие*, *церковь*, *безверие*, *раб*, *дьявол*, *покаяние*, *срамник*, *сатано*, *двоедушник*, *колдун*. Ближнюю периферию составляют такие лексемы и стандартные сочетания, извлечённые из текста, как *Божье слово*, *Христа ради*, *молись и кайся*, *царство ему небесное*, *грешным делом*, *Господи помилуй*. Дальнюю периферию составляют лексемы *дети*, *псалмы*, *запрет*, *книги*, *сказ*, *люд*, *опасность*, *мирские*, *тело*, *чистота*, *душа*, *доброта*, *деньга*, *смерть*, *жизнь*, *смута*, *сказки*, *блуд*, *наставник*, *власть*, *пьянство*, *риторика*, *космография*, *бег звёзд*, *царь*, *тайга*, *снег*. Таким образом, в дальнюю периферию войдёт лексика микрополей «Знание» (*книги*, *риторика*, *космография*), «Мироздание» (*душа*, *жизнь*, *смерть*, *бег звёзд*), отрицательные понятия, в первую очередь «грех» (*пьянство*, *блуд*, *власть*; в данном романе для героев власть – это главный образ зла, как и царь, который в репликах Степана характеризуется как антихрист), и противопоставленные им понятия (*чистота*, *душа*, *доброта*).

Степан Безродный – отрицательный персонаж романа, купец-убийца, для которого не существует норм морали и чести.

Было проанализировано 7 его высказываний, в которых поднимались бы вопросы веры, и сделаны основные выводы о ЛСП «Вера» в речи этого персонажа. Ядро составляет лексема *Вера*, приядерную зону можно описать лексемами *молитва*, *исповедь*, *поп*, *церковь*, *крещёный*, *Святое Писание*, *каяться*, *Евангелие*, *Библия*, *распятие*. Ближнюю периферию составляют высказывания *грешни и кайся*, *в Бога мать*, *целовать крест*, *живьём в землю закопаю*. Дальнюю периферию составляют лексемы *человек*, *бабка*, *праведность*, *пост*, *рысак*, *ошейник*, *ублюдок*.

Учи Груню днём, да не вздумай перед сном ей читать Библию аль «Жития святых», узнаю, живьём в землю закопаю [Басаргин 2016, с. 211].

Помолюсь, – чуть усмехнулся Безродный [Басаргин 2016, с. 330].

Ты, Груня, людей не слушай, я крест целовал! [Басаргин 2016, с. 202].

Лексемы, образующие ЛСП «Вера» в речи Безродного, употребляются в том же значении, что и у других персонажей. Однако контекст демонстрирует его насмешку (*усмехнулся*), неискренность (*людей не слушай*), неприятие веры (*не вздумай читать Библию*).

Таким образом, на основании данных высказываний мы можем сделать вывод о том, что в речи данного персонажа присутствуют основные понятия, связанные с верой, однако лексика, которая присутствует на ближней и дальней периферии будет уже эмоционально окрашена (*ублюдок, в землю закопаю*).

Далее рассмотрим речь ещё одного героя – Макара Булавина. Речь его будет отличаться от речи Степана Бережного и Степана Безродного, так как его представления о жизни более праведные.

Макар Булавин – охотник, которого неоправданно жестокие догмы староверческой общины вынудили уйти из общины, человек светлой души.

Для него главная лексема – *Бог*. Рассмотрим, с какими категориями связано это понятие в сознании и речи героя. Речь Макара Булавина ярко демонстрирует тот факт, который мы рассматривали при описании глаголов: *Бог всемогущ (рассудит, вразумит, поможет, радуется за люд своих, разгневался, ополоумел, наказал)*; также это выражается и адекватной лексикой (*милосерден, вездесущ*).

Таким образом, ядро данного микрополя составляет лексема *Вера*. В приядерную зону войдут лексемы *погрешить, дьявол, каяться, прелюбодействовать, святой, Писание, грех, блуд, Содом и Гоморра, заповедь, безбожие, Ной, ковчег, Христиане, лютеране, католики, рай, старовер, божество, церковь, колдун*, часто повторяется понятие *старовер*. В ближнюю периферию войдут следующие лексические единицы: *уповать на Бога, не убий, Великий потоп*. В дальнюю периферию войдут лексемы *братия, разум, надея, каменный дождь и сера, люди, душа, скот, зверь, гад, земля, закон, милосердие, сердце, книги, животный мир, сказочка, ребяташки-проворышки, инородцы, ум, семья, прорехи, дурачок, предатель, чистота, погибель, народ, дружба, добро, строгость*.

На основании проведённого анализа можно составить общее лексико-семантическое поле «Вера».

Поле «Вера» неоднородно в силу того, что в романе много героев, у каждого из которых своё представление о правильности Веры, несмотря на то что все они живут в поле старообрядчества. В законченном виде полевая структура будет выглядеть следующим образом. Ядро лексико-семантического поля «Вера» составляет лексема *Вера*, архисема на основе толковых словарей. Приядерную зону образуют синонимы *бог, божество, верования, вероучения*; антонимы *безверие, иноверец (иноверный), гипонимы христиане, старовер* и родственные слова – *веротерпимость*.

К ближней периферии мы относим следующие лексемы: к лексеме *Бог – Господь Бог, Божье слово, конец Света*; к лексеме *Верования – Христианство, Библия, райская обитель, царство небесное, Великий потоп, Святое Писание, Христос, Евангелие, Богородица дева, Христа ради, грех, не убий*; к лексеме *Староверие – протопоп Аввакум, смута, дьявольское учение, грех великий, завет отцов*.

Дальняя периферия обусловлена контекстами, в которых используется лексика ядерной зоны, приядерной и ближней периферии. Мы выделяем две группы:

1. Человек:

Бог – человек – душа – доброта – сердце – дружба;

Бог – человек – мирские – пьянство – бесовское зелье – деньги – власть – царь – предатель;

Бог – человек – инородцы;

Бог – человек – семья – отцы – ребёнок.

2. Философские категории:
Бог – душа – добро – милосердие – чистота;
Бог – свет – тьма.

Литература

1. Басаргин И.У. Дикie пчёлы. Владивосток: Тихоокеанское изд-во «Рубеж», 2016. 607 с.
2. Заплавный С. Жизнь без повторов (предисловие) // И.У. Басаргин И.У. Дикie пчёлы. Владивосток: Тихоокеанское изд-во «Рубеж», 2016. С. 3–10.

УДК 81'282.2

Слово *гондола* в поэтической строке В.Я. Брюсова и И.А. Бунина

Виктор Шетэля

Московский педагогический государственный университет
szetela@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению слова *гондола*, активно употреблявшегося в путевых записках путешественников из России, посетивших Венецию. Даны примеры употребления этого слова в разных литературных источниках. Слово *гондола* в стихотворной строке выдающихся поэтов В.Я. Брюсова и И.А. Бунина привлекает внимание по причине особых оттенков, с которыми оно употребляется.

Ключевые слова: литературный источник, словари, составное наименование, текст.

The Word *Gondola* in a Poetic Line by V. Bryusov and I. Bunin

V. Szetela

Moscow Pedagogical State University

The article is devoted to the consideration of the word *gondola*, which was actively used in travel notes of travelers from Russia who visited Venice. The report gives examples of the use of this word in various literary sources. Our attention was attracted by the word *gondola* in the poetic line of the outstanding poets V. Bryusov and I. Bunin because of the special shades with which they used this word.

Keywords: literary source, dictionaries, compound name, text.

Темой данной статьи является слово *гондола* (итал. *gondola, gondoliere* от *gondolar* – «предаваться безделью») в основном значении «венецианская шлюбка, лодка; ялбот; до 30 ф. длн., 4 шир.» [Даль 1880, с. 374]; «лёгкая лодка, употребляемая на венецианских каналах» [Гавкин 1912, с. 145], которое можно встретить как единичное употребление уже в текстах Петровской эпохи [Фасмер 1986, с. 436], а ближе к нашему времени в газетах за 1808 и 1814 гг.: *гондоли* [СПб. ведомости 1808, с.110]; «По полудни знаменитые Гости ездили на великолепных гондолах на остров Маргариты» [Санкт-Петербургские ведомости

1814, с. 932], а затем активно употреблявшимся во второй половине XIX в. и в начале XX в. путевых записках путешественников из России, посетивших Венецию.

Отметим употребление этого слова в художественной литературе, например, у А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова: «С венецианкой младой, То говорливой, то немой, Плывая в таинственной гондоле» [Пушкин 1983, с. 34]; «Студёная вечерняя волна Едва шумит под вёслами гондолы И повторяет звуки баркаролы» [Лермонтов 1986, с. 201].

Персонажи Н.В. Гоголя, Ф.В. Булгарина, И.С. Тургенева путешествуют по Венеции и упоминают это слово. См.: «[Жевакин:] Перевозка тоже очень дешева; там всё почти вода и везде гондолы» [Гоголь 1959, с. 119]; «Переехав в гондоле на площадь Св. Марка, я вошёл в кофейный дом, под аркады, надеясь там найти моего приятеля...» [Булгарин 1990, с. 159]; «Француженка согласилась; приделалась получше и поехала с ним в гондоле» [Тургенев 1955, с. 109]; «По широкой лагуне, отделяющей Венецию от узкой полосы наносного морского песку, ... скользила острогрудая гондола, мерно покачиваясь при каждом толчке падавшего на длинное весло гондольера» [Тургенев 1955, с. 424].

Вполне естественно употребление в таких текстах слова *гондольер* – «лодочник, гребец гондолы, весельщик» [Даль 1880, с. 374]: «Мой гондольер Джиузеппе...» [Вяземский 1886, с. 7].

Наше внимание привлекло слово *гондола* в стихотворной строке выдающихся поэтов В. Брюсова и И.А. Бунина по причине контекста, в каком употреблено у них это слово, а также особых оттенков его значения.

«Скользя в свободной гондоле, Себя я чувствую в склепе, Душа томится по воле И любит звучные цепи», 2 сентября <1895> [Брюсов 1983, с. 32].

«“Не заснул, Энрико?” – Он беззвучно выводит Длинный чёрный катафалк гондолы», 30.VIII.1913 [Бунин 1985, с. 167].

Приводимые строки И.А. Бунина и В. Брюсова со словом *гондола* показывают далеко не оптимистическое, а мрачное видение окружающего мира. Это видение значительно отличается от полной романтики путешествия каналами Венеции на гондоле авторов и их персонажей – А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева.

Следовало бы ещё добавить, что вместе с развитием в конце XVIII в. воздухоплавания гондола применяется и в качестве воздушного вида транспорта. Слово *гондола* употребляется в значении «подвесная лодка (корзина) у воздушного шара, аэростата» [Черных 1993, с. 202]. Описание подобных гондол отражено в русской лексикографии, см.: «Аэростатическая машина, иначе называемая Монголфиеров шар... Верхняя часть ея до половины покрывается сеткой, а к нижней привешивается Гондола, в коей помещаются люди» [Яновский 1803, стб. 297]. Информацию на эту тему даёт и санкт-петербургская газета «Северная пчела» за 1859 г.: «Под гондолою будет подвешена металлическая запасная лодка, в которой поставят Эриксонову машину с нагретым воздухом. И так изобретение Норвежского учёного, имевшее столь мало успеха на воде, будет испытано ещё раз, чтобы узнать, не пригодится ли оно в воздушных пространствах» [Северная пчела 1859, с. 858].

Газеты отмечают и совершенно другое назначение гондолы и создание на её основе того вида спортивного снаряда, который мы называем буером. См.: «На реке Двине катаются теперь у нас в гондолах, подбитых снизу тремя рядами подрезов железных, наподобие коньков. При сем употребляются паруса и езда происх. без лошадей» [Московские ведомости 1811, с. 257].

Как видим, гондола это не только «лёгкая лодка, употребляемая на венецианских каналах», но и техническое приспособление – кабина для полётов на воздушном шаре или снаряд для катания по льду.

Эти приспособления и их названия не отмечены в представленных здесь фрагментах мрачных стихотворений В. Брюсова и И.А. Бунина.

Стихотворные строки В. Брюсова и И.А. Бунина с участием слова *гондола* позволили произвести культурологический комментарий к этим поэтическим произведениям и пояснить историю слова *гондола* в русском языке.

Литература

1. Брюсов В.Я. Избранное: Стихотворения. Лирические поэмы / сост. Н.А. Трифонов. Переиздание. М.: Московский рабочий, 1983. 287 с.
2. Булгарин Ф.В. Иван Иванович Выжигин // Булгарин Ф.В. Сочинения. М.: Современник, 1990. С. 23–366.
3. Бунин И.А. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1985. 254 с.
4. Вяземский П.А. Старая записная книжка // Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского. Издание графа С.Д. Шереметева. СПб., 1886. Т. X. 417 с.
5. Гавкин И.И. Краткий словарь иностранных слов. СПб.; Киев; Харьков, 1912. 745 с.
6. Гоголь Н.В. Женитьба. Совершенно невероятное событие в двух действиях (Писано в 1833 году) // Гоголь Н.В. Собрание сочинений в шести томах. М.: Гос. изд. худ. лит., 1959. Т. 4. С. 97–155.
7. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1880. Т. 1. 699 с.
8. Лермонтов М.Ю. Венеция // Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в четырёх томах. М.: Правда, 1986. Т. 1. С.201 – 202.
9. Московские ведомости. М., 1811. № 9.
10. Пушкин А.С. Евгений Онегин: Роман в стихах. М.: Советская Россия, 1983. 280 с.
11. Санкт-Петербургские ведомости. СПб., 1808. № 9.
12. Санкт-Петербургские ведомости. СПб., 1814. № 92.
13. Северная пчела. СПб., 1859. № 214.
14. Тургенев И.С. Рудин // Тургенев И.С. Рудин. Дворянское гнездо. Накануне. Отцы и дети: Библиотека для юношества. М.: Московский рабочий, 1955. С. 5–129.
15. Тургенев И.С. Накануне // Тургенев И.С. Библиотека для юношества: Рудин. Дворянское гнездо. Накануне. Отцы и дети. М.: Московский рабочий, 1955. С. 293–440.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986. Т. 1. 576 с.
17. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Русский язык, 1993. Т. 1. 622 с.
18. Яновский Н.М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. СПб.: Тип. Импер. Акад. Наук, 1803. Т. 1. Стб. 297.

Ценность автобиографических текстов творческой личности в качестве источника исследования

Елена Людвиговна Яковлева

Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова
mifoigra@mail.ru

Объектом исследования стали автобиографические повествования деятелей искусства. Целью их написания является прояснение основ существования и поиск смысла жизни, что придаёт тексту субъективизм и определённую долю мифизирования. Автобиографии обладают гносеологической и экзистенциально-аксиологической ценностью, помогая воссоздать портрет творца, несмотря на множество интерпретаций текста.

Ключевые слова: автобиография, творческая личность, текст, воспоминания, мифизации.

The Value of Autobiographical Texts of a Creative Person as a Research Source

E.L. Iakovleva

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov

The object of the study was autobiographical narratives of artists. The purpose of their writing is to clarify the foundations of existence and search for the meaning of life, which gives the text subjectivism and a certain amount of mythization. Autobiographies have epistemological and existential-axiological value, helping to recreate the portrait of the creator, despite the many interpretations of the text.

Keywords: autobiography, creative personality, text, memories, mythicizations.

Среди огромного потока литературы устойчивым интересом со стороны читателей пользуются автобиографические произведения, особенно написанные людьми, связанными с миром культуры и искусства. Несмотря на популярность жанра, обладающего направленностью на массовую аудиторию, тем не менее, *он обладает гносеологическим и экзистенциально-аксиологическим потенциалом.* Данный факт обусловил цель исследования – поиск доказательств в пользу выдвинутого тезиса, что делает автобиографическое повествование творческой личности востребованным со стороны читателей и ценным с точки зрения научного познания. Метод исследования избран аналитический. Методологической основой статьи стали идеи Х.-Г. Гадамера, М. Мерло-Понти, В. Налимова, М. Хайдеггера.

Автобиография представляет собой особый жанр литературы, в котором обнаруживаются элементы документально-публицистического и художественного описания. При этом по своей форме и содержанию автобиографии творческих людей в большей степени относятся к художественной литературе. Принадлежность к миру искусства накладывает отпечаток на стиль изложения текста. Как правило, он художественно детализирован и эмоционален, насыщен яркими описаниями образов людей, встречаемых творцом при его взаимодействии с окружающим миром.

Обращение к написанию автобиографического повествования со стороны знаменитой личности неслучайно. Оно осуществляет ревизию существования и индивидуального опыта, олицетворяет своеобразное подведение итогов жизни или отдельных этапов творческого пути, раскрывает содержание историй успеха и провалов/славы и забвения, пере-

числяет достигнутые цели и непокорённые вершины, оставшиеся в списках желаемых. Автобиография помогает автору показать его жизнь в динамике, противоречиях и метаниях, сопровождающихся меланхолическими состояниями, периодами отрешения, удовлетворения и/или недовольства от сделанного. Воспоминания, к которым прибегает автор при написании автобиографического текста, удовлетворяют потребность, связанную с постоянным взглядыванием в прошлое и желанием удостовериться в своем бытийствовании. Автобиографический текст способствует упорядочению жизни, удовлетворяя одновременно ностальгию по прошлому. Среди предпочитаемых тем, к которым (явно/прозрачно) обращается творческая личность при написании автобиографии, выделим следующие: сосредоточенность на Я, история семьи (нередко в контексте культурно-исторического ландшафта), упоминания о современных социальных событиях, процесс получения образования и вхождения в мир искусства, жизненные трудности и их преодоление, напряжённая деятельность и становление стиля, взаимоотношения с современниками, интриги мира искусств, плоды славы, эпизоды непризнания или забвения. Написание автобиографии свидетельствует об отсутствии у творца *экзистенциальной пустоты*, его постоянной работе над собой, внутреннем напряжении и включенном бытийствовании, не имеющем ничего общего с отчуждённостью. В автобиографии творец «берёт в руки собственную судьбу» и «становится ответственным за... историю благодаря рефлексии» [Мерло-Понти 1999, с. 21]. Неслучайно автобиографические тексты с раскрытием судьбоносной тематики привлекают внимание к ним.

Для исследователя автобиографические тексты выполняют роль своеобразного документированного источника сведений о художнике, людях, с которыми он пересекался, а нередко и эпохе, в которой жил автор. Ценность подобных повествований заключается в том, что они, сочетая документальную публицистичность с художественностью, дают информацию о культурно-исторической эпохе, особенностях её повседневности и личности творца. Именно в контексте исторического фона, его перипетий художник демонстрирует себя, своё становление, круг общения и специфику творчества.

Перечисленное свидетельствует в пользу многоаспектной установки: *человек – это текст*. Согласно ей, не только личность, но и то, что она производит, есть тексты. Индивид, обращающийся к воспоминаниям эпизодов собственной жизни, их фиксации и описанию внутреннего опыта в автобиографии, пытается не только документально, но и художественно преподнести их. Данный факт выдаёт неявное желание подчеркнуть и продемонстрировать эстетический аспект своей жизни, тяготение к совершенству, гармоничности и даже идеальности, что характерно для творческой личности и её шкалы ценностей. Ввиду того, что автобиографический жанр не имеет шаблонов, строгих канонов и правил, автор обладает полной свободой в самовыражении. Он может последовательно описывать вехи своей жизни, нарушать последовательность, перескакивать с одного эпизода на другой и даже комбинировать их между собой, (неожиданно) обнаруживая связи и закономерности в своём существовании. Индивид на страницах своих автобиографических повествований словно исповедуется перед аудиторией, желая рассказать о жизни, поделиться размышлениями и наблюдениями, объяснить свои концепции, истоки зарождения идей и динамику их становления в творческом процессе, а нередко оправдать себя и свою жизнь в глазах людей (из-за скандальных/неблаговидных ситуаций).

За всем перечисленным скрывается главная причина написания автобиографического произведения творческой личностью – *прояснение смысла жизни и понимание всего, что можно понять* («облечение смыслом чувственного хаоса») [Мерло-Понти 1999,

с. 45]). Основой бытия творческой личности оказывается мотивационная сила в виде *воли к смыслу* (В. Франкл). Как заметил В.В. Налимов, «архитектоника личности – это архитектоника смыслов, воплощённых в личности» [Налимов 2011, с. 160]. При написании развёрнутой автобиографии творец восполняет лакуны незнания о себе знанием, что (нередко) заставляет его удивляться открываемому и заново переосмысливать пройденный путь/некоторые эпизоды. Переживая вновь экзистенциальные ситуации, творец по-другому проясняет их для себя и видит собственное Я в ином ракурсе. Рефлексивное пытается схватить ускользающее от рефлексивного. В экзистенциальном опыте художника встречаются и Другие, обладающие собственным опытом. Во взаимном пересечении Я и Других также имеется смысл, который творец обнаруживает (возможно, с опозданием).

Отвечая на фундаментальный вопрос «кто я?», творец демонстрирует собственную смелость в желании понять себя и передать найденные ответы людям. Рассуждая в духе М. Хайдеггера, подчёркнув *значимость понимания* в существовании человека, постоянно вопрошающего о себе и событийности (в) своей жизни, что помогает ему подойти к раскрытию глубин бытия. Х.-Г. Гадамер заключил, что понимание есть «подлинный опыт, то есть встреча с чем-то, что утверждает себя в качестве истины» [Гадамер 1988, с. 445]. В этом высвечивается гносеологический характер автобиографического повествования и процесса понимания жизненных событий, что влечёт за собой и прояснение экзистенциально-аксиологических оснований индивидуального бытия.

При этом индивид в поиске смыслов, в том числе в своих автобиографических повествованиях, сталкивается с парадоксальной ситуацией: *чем больше он приближается к ним, тем они больше удаляются от него* [Налимов 2011, с. 15]. Смысл раскрывается через личность, событийность её жизни, индивидуальный опыт и его пересечение с опытом Другого. Написанные творцом тексты помогают распаковать смысл не только автору, но и читателям. Автобиография перед творцом и читателем развёртывает «панораму развития представлений человека о самом себе», «свободное раскрытие человеческой мысли, идущее из глубин самосознания» [Налимов 2011, с. 15–16].

Описание экзистенциальных ситуаций субъективно, осуществляется с позиций Я и желанием определённым образом представить себя в них, что способно исказить социальный/повседневный дискурс и адекватное понимание событий. Оправданием тому выступает тезис, что у каждого художника собственный *культурный фильтр*, своё художественное видение, через призму которого он воспринимает мир и текущие события. Обратим внимание и на идеологический аспект эпохи, вследствие чего накладываются запреты на определённые идеи/темы либо личность (прозрачно/явно) принуждают писать по клишированным формулам.

Автобиографическое повествование преподносится творцом в субъективном ключе, исходя из его мировидения и миропонимания, знаний и опыта, воспитания и культуры. «Субъект – это бытие-в-мире», «мир не отделим от субъекта», поэтому его «мир остаётся субъективным» [Мерло-Понти 1999, с. 543]. Я, заброшенное в мир, пропускает через свою субъективность встречаемые на жизненном пути ситуации, явления и феномены. Событийность жизни конституируется в субъективном восприятии. Художник, следуя индивидуальной жизненной логике, выстраивает собственное понимание происходящего вокруг. Он схватывает ситуацию одновременно снаружи и изнутри, переживает её и впоследствии воссоздаёт в своих текстах. Именно Я оказывается не только ключевым субъектом экзистенциального опыта, но и источником значений, что переносится и в автобиографическое повествование. Как подчёркнула И.С. Вдовина, «художник со всеми его достоинствами и

недостатками, силой и слабостью является безоговорочным сувереном в своём постижении мира» [Вдовина 1999, с. 596].

Автобиографический текст предполагает ретроспективный взгляд в прошлое с оптикой внимания на собственном Я, что влечёт определённую долю *искажений* и *мифизаций*. Текст «свободен от жёсткого разграничения истинности и ложности» [Налимов 2011, с. 150]. Восстановленные посредством памяти эпизоды жизни оказываются нередко несоответствующими реальности и/или неадекватно интерпретированными. Прошлое творца «не может быть дано... через сохранение состояний сознания» [Мерло-Понти 1999, с. 464]. Дело в том, что автор подходит субъективно к своей жизни, а время приглушает в памяти неприятные/травматические/драматичные/трагические черты и даже стирает некоторые из них. Воспоминания оказываются несколько трансформированными, потому что память не способна детально сохранять все эпизоды. Они оказываются ускользающими от личности. «Любое прошедшее постепенно полностью переходит в недавнее прошлое, которое непосредственно следует за первым, благодаря сцеплению интенциональностей прошлое искажается» [Мерло-Понти 1999, с. 424].

Более того, собственный образ индивид понимает и раскрывает в качестве мифического. В его сознании миф возникает не только из опыта, но и из глубин подсознательного. Вспоминающая творческая личность намеренно укрывает неприятные ей моменты, приукрашивает некоторые элементы и позиционирует себя в качестве ключевой фигуры. Элемент мифизирования оказывается созвучным индивиду, пускающемуся в воспоминания. Личность постоянно соотносит своё настоящее и будущее с прошлым, осмысляя происходящее и пытаясь ситуативно корректировать опыт. Автор посредством мифизаций превращает себя в *героя*, преодолевающего преграды и достигающего любые поставленные цели.

Фиксируемые в тексте автобиографические воспоминания, сосредоточенные на внутреннем мире автора, могут быть как яркими, так и расплывчатыми. Особую роль здесь играет *память* художника, пытающегося вспомнить, осмыслить и зафиксировать в автобиографии экзистенциальные эпизоды. Ещё М. Хайдеггер заметил, что «память – это собрание мыслей. Мыслей о чём? О том, что держит нас в нашей сущности постольку, поскольку мы его мыслим. В какой мере мы должны мыслить держащее нас? А в той, в какой оно испокон века является тем, что должно осмысляться. Когда мы осмысливаем его, мы одариваем его воспоминанием. Мы отдаём ему воспоминание, потому что оно желанно нам как зов нашей сущности» [Хайдеггер 1991, с. 135]. Обратим внимание, память в греческой мифологии олицетворяла Мнемозина. Она стала матерью девяти муз (в переводе с греческого – *мыслящие*), которые покровительствовали искусству – поэзии, музыке, трагедии, комедии, танцам. Данная ремарка опосредованно указывает на сущностную взаимосвязь автобиографического повествования творческой личности и его художественности, где посреднические функции выполняет память и воображение.

Чем интересны автобиографические повествования для читателя?

Они раскрывают многогранность творческой личности, жизненный стиль, единство и уникальность её мира. Автобиографические тексты и их автор обретают своё место в экзистенции читателя. Но одновременно их прочтение рождает множество вопросов о художнике, чья натура и творческий процесс оказываются до конца не прояснёнными и ускользающими от понимания: Я читателя/воспринимающего и Я творца/воспринимаемого оказываются заключёнными в своей имманентности, обладая собственными способами овладения миром. Как справедливо заметил М. Мерло-Понти, «восприятие Другого и интерсубъективный мир составляют

проблему», так как «эстетическое выражение придаёт тому, что оно выражает, существование в себе» [Мерло-Понти 1999, с. 452, 239]. Необходима определённая *разомкнутость* Я читателя миру, чтобы открыть Я творца. Тем не менее многое в жизни художника, его творческом процессе оказывается непостижимым или трудным для понимания людям, далёким от мира искусства. Художник, создавая новое, всегда выходит за границы привычного/традиционного, осуществляя прорыв в ткани бытия. Но исток подобного прорыва остаётся до сих пор загадкой. Тот, кто осмысляет, и Другой, кого осмысляют, обладают различными экзистенциальными пространствами. Бытие-в-себе Другого/творца способно лишь немного приоткрыться читателю. Для полного понимания Другого, как считает М. Мерло-Понти, необходима *соприродная* созвучность сознаний: только в этом случае «восприятие Другого... не представляют больше никаких трудностей» [Мерло-Понти 1999, с. 448]. Но подобная соприродность, скорее, редкое исключение, чем правило.

Несмотря на вуалирование негативных/неприятных экзистенциальных эпизодов, в том числе посредством мифизаций, в автобиографии можно выделить значимые метки и идеи автора, которые помогают реконструировать его образ. Как известно, в экзистенциальных/критических ситуациях в бытии «приоткрывается скрытая от нашего взора сокровенная сторона личности» [Налимов 2011, с. 228]. Чем глубже и отчётливее в тексте «зарисован образ личности, тем отчётливее выступают перед нами паттерны того, чего мы не знаем» о творце [Налимов 2011, с. 23]. При распаковке смыслов читателем в тексте можно найти незамеченные автором детали, которые помогают обнаружить его потаённое. Более того, сам текст содержит гораздо большее количество смыслов, чем вкладывал в него творец, что свидетельствует и о его бессознательном, и интуиции, активно подключенных к процессу написания автобиографического повествования. Нельзя пройти мимо и личности читателя, чьё понимание «задаётся состоянием сознания» и «подвержено постоянному изменению в зависимости от жизненной ситуации» [Налимов 2011, с. 205]. Чтение автобиографической литературы позволяет посредством познания Другого прояснить читателю знание не только о творце, но и о себе. Тем не менее автобиографическое повествование порождает множество интерпретаций. Данный факт обусловлен его субъективностью, замкнутостью Я творца на себе, мифизациями, имеющими место быть в тексте, личным горизонтом читателя.

В заключение выделим следующие моменты. Автобиографическая литература, представляя собой исповедь личности, помогает ей запечатлеть себя в культурно-историческом ландшафте и заново пережить эпизоды своей жизни. Автобиография служит источником для воссоздания портрета творческой личности и интерпретации её произведений. Фиксированные автобиографические тексты несут в себе гносеологический и экзистенциально-аксиологический потенциал. Они играют роль следа, оставленного творцом для Других.

Литература

1. Вдовина И.С. М. Мерло-Понти: от первичного восприятия – к миру культуры // Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Наука, 1999. С. 582–596.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. 700 с.
3. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Наука, 1999. 608 с.
4. Налимов В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Академический Проект, 2011. 399 с.
5. Хайдеггер М. Разговор на просёлочной дороге. М.: Высшая школа, 1991. 192 с.

ФОЛЬКЛОР КАК СОКРОВИЩНИЦА НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

УДК 392.51

Свадебная обрядность в преданиях семейских – старообрядцев Восточного Забайкалья

Маргарита Андреевна Агафонова

Дальневосточный федеральный университет
margarita.agafonova.1501@mail.ru

Картина культурной и бытовой жизни старообрядцев в прошлом по большей части утрачена, однако она может быть восстановлена благодаря фольклору. В статье через призму преданий и устных рассказов рассматривается один из ключевых аспектов традиционного быта – свадебная обрядность семейских, старообрядцев Восточного Забайкалья. Основным источником послужили материалы, собранные в рамках этнографических экспедиций МУК МКДЦ в с. Красный Чикой Забайкальского края.

Ключевые слова: семейские, старообрядцы, свадебная обрядность.

Wedding Ceremony in Tradition of Semeiskie – Old Believers of Eastern Transbaikalie

M.A. Agafonova

Far Eastern Federal University

A picture of the cultural and everyday life of Old Believers in the past for the most part has been lost, but it can be restored through folklore. The article considers one of the key aspects of people's lives in the past – the process of wedding ceremonies among Semeiskie – Old Believers of Eastern Transbaikalia through the prism of traditions. The article is written with the help of notes from the words of representatives and descendants of the culture, collected in the framework of ethnographic expeditions of the Municipal Cultural Center in the village Krasny Chikoy of the Trans-Baikal Territory.

Keywords: semeiskie, Old Believers, wedding ceremony.

В 2008 г. устное творчество семейских Забайкалья вошло в «Список шедевров устного и нематериального культурного наследия человечества» ЮНЕСКО, что обуславливает важность сохранения и изучения фольклорных материалов данной этноконфессиональной группы русского народа. В связи с особенностью географического расселения семейских в стороне от основных транспортных путей Сибири и Дальнего Востока, а также в связи с изолированностью старообрядческих общин их фольклор достаточно хорошо сохранился, и исследователи имеют возможность работать с непосредственными носителями культуры.

В народной памяти семейских сохранились элементы свадебной обрядности, которые помогают восстановить почти утраченную картину этой стороны жизни народа в прошлом. В многочисленных этнографических экспедициях, проводившихся фольклорным отделением Муниципального учреждения культуры Межпоселенческого культурно-досугового центра (МУК МКДЦ) с. Красный Чикой, был собран ценный материал, на основании которого и написана данная статья.

В рамках свадебной обрядности стоит рассматривать не только сам процесс заключения брака и гуляния свадьбы, но и несколько предшествующих этапов: воспитание и, в

его рамках, формирование приданого, знакомство с будущим супругом, сватовство, сборы жениха и невесты на свадьбу. Все эти аспекты так или иначе отражены в записях этнографических экспедиций.

Стоит начать с детства будущей невесты, так как именно тогда девочку уже начинают готовить к будущему замужеству. Со слов Н.Н. Родионовой (1963 г.р., с. Архангельское), прямого потомка семейских, воспитанием детей почти всегда занималась бабушка, а внучка, наблюдая за её работой, «всё зрительно впитывала в себя» [Полевые материалы автора 2021]. И это касается не только ежедневных домашних дел (готовка, уборка и т.д.), но и рукоделия, которое в дальнейшем ляжет в основу приданого. Примерно в возрасте 8–12 лет девочка начинала формировать свой сундучок с приданым. Основная его часть – предметы рукоделия: рушники для свадьбы, кружевные скатерти, покрывала, вязаные носки и варежки. «И мужику будущему, хоть она его ещё не знает, она и носки свяжет, и варежки, и всё лежит там» [Полевые материалы автора 2021]. Кроме сундука, невеста в качестве приданого должна была иметь корову.

До замужества девочка носила так называемую девичью повязку. Когда мать понимала, что дочь повзрослела, к повязке крепилась особая кисточка, которая была сигналом, что за девушкой позволено ухаживать. Нет кисточки – ни один парень не подойдёт. Прикрепление кисточки означало, что девушке разрешено посещать вечёрки. Это традиционная форма молодёжного досуга, где присутствовали как девушки, так и юноши. Вечёрки можно рассматривать как один из вариантов знакомства с будущим супругом, об этом свидетельствуют рассказы представителей старшего поколения, например Е.А. Игорниковой (1930 г.р., с. Альбитуй): «Я-то замуж ушла в 57 году (1957). Дружить не дружила, даже его сильно не знала. Он, видно, меня на вечёрке подсмотрел...» [Архив фольклорного отделения МУК МКДЦ с. Красный Чикой 2012, л. 4]. На вечёрках девушки сначала занимались рукоделием. Появившиеся парни мешали работе: спутывали нитки, скидывали струны у прядки и пр. Эти действия служили сигналом к началу общения, которое сопровождалось играми, танцами, исполнением песен и частушек. Молодёжь постарше, разбившись на пары, укрывалась за печкой.

По поводу возраста вступления в брак имеется разная информация. Н.Н. Родионова называет возраст 12–14 лет для «невинного брака» (сговор), а уже с 16 лет – свадьба. Она же приводит следующую историю: «Вот с тётей Панной разговаривала, это пошто на хор-то не ездила, она вот с 38 году (1938), а хор был в 57 году (1957), а она говорит: “Ты чо, у меня Нинке уже полтора года было”. Это во сколько она замуж вышла? – Ещё 17 не было» [Полевые материалы автора 2021]. П.Ф. Леонова (1929 г.р., с. Урлук) замуж вышла в 1952 г. (23 года), а Е.А. Игорникова (1930 г.р., с. Альбитуй) – в 1957 году (27 лет). Видимо, возраст был всё же разный.

Свадьбы были по сговору, согласию и «самоходка». Брак по сговору заключался по инициативе родителей жениха и невесты, молодые люди могли даже не знать друг друга. Основанием брака по согласию служили взаимные чувства жениха и невесты, получившие одобрение родителей обеих сторон. «Самоходка» – отдельное явление, когда брак заключается без согласия родителей, зачастую сопровождается побегом из дома, особенно в случае договорённости между старшим поколением, которую не одобряет невеста. Форму заключения брачного союза определяли родители, однако, независимо от выбора, ключевая роль в процессе сватовства и гуляния свадьбы принадлежала крёстным.

Судя по материалам этнографических экспедиций, наиболее распространённым вариантом была именно свадьба по согласию (даже если родители невесты были против, как правило, в итоге они соглашались). Приведём пример из экспедиционных материалов: Е.И. Резникова (1921 г.р., с. Урлук): «Подружку как раз пропивали, и он мне предложил. Я домой пришла, объявила, мама ажно с лавки соскочила, ругалась, никак не хотела. Но ничо, потом смирилась») [Архив фольклорного отделения МУК МКДЦ с. Красный Чикой 2012, л. 3].

Чаще всего парень и девушка знакомились на вечерке, а когда парню приходило время жениться, его родители отправлялись свататься в дом невесты. Сватовство не обходилось без участия крёстных, всё обсуждалось с ними. Сторона невесты сначала мешкала, ради приличия, но потом, как правило, давала согласие. После этого обговаривали день свадьбы, отмечали сговор. Независимо от даты сговора, празднование свадьбы всегда намечалось на осенне-зимний период, когда заканчивались все полевые работы. Свадьба не должна была совпадать с постом, и обязательно обращали внимание на положение луны, чтобы месяц «нарождённым» был.

На следующий день после сговора были «заручены» – своеобразный пропой невесты, где уточнялся день свадьбы. По данным Т.М. Зенковой, полученным от А.С. Ивановой (1936 г.р., с. Малоархангельск), которая, в свою очередь, описывала «заручены» со слов матери (1910 г.р.), этот день представлял собой катание невесты с подружками на тройке по селу: дважды их катал жених с друзьями, потом по приезду в дом невесты всех угощали, и далее невесту с женихом катал брат невесты на паре лошадей. «Невеста как бы прощается с девичьей жизнью» [Зенкова 2010, с. 36].

С приближением даты свадьбы крёстная девушки шила новую кичку, затем шла в церковь, чтобы батюшка освятил её и благословил невесту на брак. В исключительных случаях, если не было новой освященной кички, брали кичку женщины, которая была счастлива в браке.

Накануне свадьбы либо утром в день свадьбы у невесты был девишник. Обязательно топили баню, куда девушка отправлялась с одной-двумя подружками. Они её мыли, парили берёзовыми ветками. Девичью единую косу расплетали и заплетали две косы, укладывали их на голове и покрывали платком. Потом мать надевала кичку. Всё это сопровождалось пением-причитанием («плач невесты»). С этого момента женщина никогда не снимала кичку в присутствии людей, по некоторым данным, даже включая мужа. Н.Н. Родионова (1963 г.р., с. Архангельское) приводит следующую историю: «Вот у нас бабушка Гоши Леонтьева жила, я её ещё помню, вот она овдовела, но кичку не снимала до смерти, сказала грех большой снимать, и умирала в кичке, это вот ещё при мне, какие там, 60-е (1960-е) годы» [Полевые материалы автора]. Верх гнева мужа на жену в ссоре – это сбросить кичку и «опростоволосить» супругу, особенно прилюдно – позор для женщины.

Свадьбу праздновали 3 дня: первый день у жениха, второй – у невесты, третий («тушение свадьбы») – снова у жениха. Позднее гулять стали 2 дня.

В первый день проходило венчание и одновременно выкуп приданого. «Свадебный поезд на лошадях был, на первой лошади брат невесту везёт, жених дорогу перегораживает и невесту забирает» (А.К. Черных, 1930 г.р., с. Жиндокон) [Архив фольклорного отделения МУК МКДЦ с. Красный Чикой 2012, л. 4]. Пока молодые были в церкви на венчании, родственники устраивали выкуп приданого. Этот элемент свадебной обрядности представлен со слов И.Д. Андреевской (1930 г.р., с. Барахоево): «Со стороны невесты

назначались “бойкие продавцы”, обычно тётки, дяди, родные невесты, садились на телегу, позже на машину, придумывали разные шутки, наряжались и ехали с ящиком (вероятно, имеется в виду сундук. – М.А.), узлами к сватам, там их ожидали возле ворот и начинали торговаться. Невестина сторона нахваливала «товар», старались подороже продать, сторона жениха пыталась выкрасть так, без денег, всё это обыгрывалось шутками. В конце концов сговаривались, “кляли” деньги на четыре угла по 25 рублей и на середину 50 рублей. Деньги шли в кассу молодых» [Архив фольклорного отделения МУК МКДЦ с. Красный Чикой 2012, л. 3].

С возвращением молодых из церкви в доме жениха убирали все рушники свекрови и заменяли их рушниками из приданого невесты. Во время гуляний молодые не сидели за общим столом и никогда не пили алкоголь. И это правило строго соблюдалось даже во второй половине XX в. Первую рюмку молодые всегда наливали крестным с обеих сторон, от них же звучал первый тост.

В первый день свадьбы у жениха «продавали МЫС (мясо скотское). Кляли копейки, кто сколь может» (Е.И. Резникова, 1921 г.р., с. Урлук). Подарки тоже дарили в первый день гуляний.

Второй день свадьбы традиционно проходил в доме невесты. Родственники жениха приезжали на наряженных санях или телегах. Существовал обычай «машкаратиться» – ярко и пестро наряжаться [Зенкова 2010, с. 40]. Одним из наиболее ярких и интересных элементов второго дня свадьбы был похожий на продажу МЫСа в доме жениха выкуп яичного блина в доме невесты. По заработанной выручке судили, как будут жить молодожёны. К слову, обычай выкупа яичного блина до сих пор сохраняется в отдельных сёлах района.

Третий день – завершающий. Его обычно проводили в доме жениха. Главное событие этого дня – «тушение свадьбы». Возле ворот разжигали костёр, гуляние проводилось около него: песни, танцы, сценки, прыжки через огонь. Когда костёр догорал, его затаптывали в ходе танцевальных движений. Далее, по одним источникам, было прощание – гости расходились [Зенкова 2010, с. 41]. По другим данным, «после тушения костра молодые угощали общую родню, уже как хозяева. Пели песни, заканчивалось свадебное гуляние» (И.Д. Андреевская, 1930 г.р., с. Барахоево) [Архив фольклорного отделения МУК МКДЦ с. Красный Чикой 2012, л. 3].

Свадьба «убёгом» или «самоходка» случалась редко. По некоторым сведениям, такой вид свадьбы был популярен в с. Укыр Красночикойского района. Молодые тайно, без сватовства, без согласия родителей, договаривались жить вместе, и невеста в тот же день уходила к жениху [Зенкова 2010, с. 42]. В этом случае крестная активно пыталась вернуть невесту в отчий дом, просить прощения у родителей. Через несколько дней девушка с юношей приходили к родителям невесты, и справлялись «простины». Цель мероприятия – просить прощения у родителей и попрощаться с девичьей жизнью. Жених приходил в дом невесты с родственниками, «с вином, сколь девке годов, столь бутылок вина» (Ф.Д. Алтынникова 1935 г.р., с. Быково). Подруги невесты требовали выкуп для сестры невесты и не пускали жениха за ворота. «До заката солнца мать невесты благословляет дочку с иконой, хлебом-солью и провожают из своего дома. Молодые уходили в дом жениха, а остальные родственники продолжали гулять» [Архив фольклорного отделения МУК МКДЦ с. Красный Чикой 2012, л. 2].

Как видим, фольклорные источники, семейные предания и рассказы-мемораты донесли до наших дней наиболее яркие и важные элементы свадебной обрядности старооб-

рядцев-семейских Забайкалья. Устно-поэтическое творчество данной этноконфессиональной группы русского народа является важной составляющей отечественной культуры, показателем её разнообразия, и его необходимо сохранить для последующих поколений.

Литература

1. Зенкова Т.М. Народная традиционная культура семейских Восточного Забайкалья: история и современность. Чита: Экспресс-издательство, 2010. С. 34–47.
2. Архив фольклорного отделения МУК МКДЦ с. Красный Чикой. Описание элементов свадебного обряда семейских Красночикойского района (записано в 2012 году) / из экспедиционных записей ОНК и Э МУК МКДЦ с. Красный Чикой.
3. Архив фольклорного отделения Муниципального учреждения культуры Межпоселенческий культурно-досуговый центр (МУК МКДЦ) с. Красный Чикой. Свадьба семейских села Архангельское (Качон) со слов Н.Н. Родионовой / из экспедиционных записей Отдела народной культуры и этнографии МУК МКДЦ с. Красный Чикой.
4. Полевые материалы автора (информация основателя музея «Дом-усадьба крестьянина-семейского», потомка старообрядцев Н.Н. Родионовой).

УДК 398

Фольклор как сокровищница национальных ценностей

Го Цзинхань

Хулуьбуирский университет
1026645976@qq.com

Фольклор относится к языковому риторическому искусству и устным традициям, которые передаются и распространяются от поколения к поколению. Национальная литература порождена самой жизнью, и одновременно она выше жизни, так как является кристаллизацией духовного богатства трудящихся. Фольклор глубоко укоренён в народной бытовой культуре. Его социальная функция существенно отличается от задач профессиональной письменной литературы. Часть фольклорных жанров тесно связана с трудовой деятельностью. В народном быту используется множество пословиц и поговорок, которые являются обобщением жизненного опыта и руководством в поведении простых людей – земледельцев, рыбаков, ремесленников. Это их учебник жизни и труда.

Ключевые слова: фольклор, народная литература, письменная литература, общественная жизнь.

Folklore as a Treasury of National Values

Guo Jinghan

Hulunbuir University

Folk literature refers to the oral tradition and language rhetoric art inherited, spread and shared by the people in the living culture and world. National literature originates from life and is higher than life, it is the crystallization of the spiritual wealth of the laboring people. Folk literature, as its name implies, is an oral tradition and language rhetoric art that comes from folk life and spreads among the people. In terms of genre, it includes myth, epic, folklore, folktale, folk ballad, folk narrative, folk drama, rap literature, proverbs, riddles, folk art and so on. Folk

literature is deeply rooted in life culture. Its social function is quite different from the professional written literature, it sticks more tightly to life. There are numerous folk proverbs circulating in our life, these proverbs are the life experience and work guide of ordinary people such as farmers, fishermen and craftsmen. It is also a textbook of their life and work.

Keywords: folklore, folk literature, people, public life, written literature.

Фольклор относится к устным традициям и языковым риторическим искусствам, которые распространяются и передаются от поколения к поколению, выполняя важную функцию в живой культуре и жизненном мире. Устное творчество исходит из жизни, но одновременно оно выше жизни, являясь кристаллизацией духовного богатства народа. Народная литература глубоко укоренена в культуре традиционного быта. Её социальная функция также заметно отличается от задач профессиональной письменной литературы. Жанровый состав фольклора богат и разнообразен: он включает в себя мифы, героический эпос, сказки, песни, народные драмы и т.д.

Древние мифы и легенды не только передают определённые исторические знания, но и воспитывают чувство национального единства. Героические предания о защите Родины всегда будут вдохновлять народ. Рассказы о сопротивлении, песни и баллады о борьбе угнетённых и униженных на протяжении долгого времени воспитывали благородные чувства и характеры. Часть фольклорных жанров тесно связана с трудовой деятельностью. Многие трудовые песни исполняются, чтобы скоординировать дыхание и движения, а также чтобы проявить свои эмоции во время различных работ.

Важную часть народной литературы составляет сказочный эпос. В повседневной жизни также используется бесчисленное множество пословиц и поговорок, которые являются обобщением жизненного опыта и руководством в работе простых людей – земледельцев, рыбаков, ремесленников. Это их учебник жизни и труда.

Особенности фольклора

Главной особенностью народной литературы является **устный характер** её создания и бытования. В прошлом большинство трудящихся не знали письменности, они могли использовать только устную речь для осмысления и выражения своих чувств. Обыденные ситуации находили отражение в легендах и преданиях. В Китае до настоящего времени пользуется популярностью древнее предание о верной дружбе между музыкантом и дровосеком. Рассказывают, что *Юй Боя* и *Чжун Цзыци* были выходцами из штата Чу в период Весны и Осени Периода Сражающихся царств. *Юй Боя* был известным скрипачом, он очень хорошо играл на *гуцине*, а *Чжун Цзыци* был обычным дровосеком. Столь разные люди смогли подружиться благодаря музыке. Однажды ночью на Праздник Луны *Юй Боя* пребывал в одиночестве у реки Хань и смотрел на яркую луну в небе, играя на *гуцине*. В это же время *Чжун Цзыци* рубил дерево поблизости. Его привлекли звуки музыки. Когда *Юй Боя* закончил играть, *Чжун Цзыци* похвалил его мастерство. Оценка *Чжун Цзыци* соответствовала чувствам, которые *Юй Боя* хотел выразить звуками *гуцина*, Мужчины подружились и очень дорожили этой дружбой. Они договорились встретиться здесь же год спустя. Через год *Юй Боя* долго ждал *Чжун Цзыци*, но тот так и не появился. Позже музыкант узнал, что его друг скончался. Он был очень опечален и разбил свой *гуцин*. Мы часто используем эту историю как символ глубокой дружбы.

Ещё один признак фольклора – **коллективность**. Коллективное творчество включает в себя не только общие мысли и чувства, но также их художественное воплощение и

весь процесс создания и распространения. Большинство фольклорных текстов в процессе активного бытования постоянно подвергаются переработке, поэтому, как правило, они не имеют конкретного автора. Некоторые произведения первоначально создавались талантливыми певцами и сказителями, имеющими богатый опыт, но их индивидуальность была интегрирована коллективным исполнением, поэтому фольклор часто называют кристаллизацией народной мудрости.

Не менее важным признаком является **вариативность** устного творчества. В силу разных обстоятельств, в том числе из-за нестабильности разговорного языка, художественные тексты подвергались изменениям. Существенное влияние на этот процесс оказывали и такие факторы, как время, регион, этническая принадлежность, субъективное восприятие текста новым исполнителем и эмоциональный настрой аудитории. По этим причинам в Китае бытует множество версий разных фольклорных текстов, в том числе приведённого выше предания.

Под **традиционностью** фольклора понимаются исторически сложившиеся и передаваемые от поколения к поколению идеи, художественные средства и способы изображения мира. Эта массовая коллективно унаследованная культура обладает жизненной силой, которую нельзя недооценивать. Например, немецкая легенда XVI в. о докторе Фаусте была не только глубоко любима народом, но с тех пор получила широкое распространение, став источником материала для более поздних авторов (в частности, И.-В. Гёте).

При оценке значимости литературы часто используется понятие «народная природа» (иначе – «народность»). В этом смысле устное творчество имеет большие преимущества. Создатель устной литературы – народ, творец и свидетель истории. Фольклор излучает благородные мысли и представляет образцы достойного поведения, формируя в людях такие качества, как героизм, патриотизм, оптимизм, человеколюбие и целеустремлённость.

Наконец, фольклор, безусловно, обладает высокой **художественностью**. Это особый вид искусства, в котором реализуется синтез слова, напева и пластики. Фольклорные произведения, созданные представителями не коренной национальности, проживающими в КНР, также обладают уникальными и превосходными художественными достоинствами. Открытые в последние годы в Китае братские эпические традиции удивили мир своими художественными достижениями. Что касается бесчисленных любовных песен и лирических баллад, то они часто превосходят аналогичные произведения профессиональных авторов. Легенды и предания, устные рассказы и размышления о жизни, пословицы и поговорки сгущают мысль, опыт и мудрость, как пять пальцев, сжатые в кулак. С точки зрения стиля, простота и лаконичность являются общими характеристиками народной литературы. Одним словом, художественные возможности и достоинства народной литературы многогранны, а некоторые до сих пор недостижимы.

Связь фольклора с общественной жизнью. Фольклорная культура – продукт многовековой истории народа. Она создаётся и распространяется в соответствии с потребностями общественной жизни, отражает все её аспекты и связанные с ними мысли и чувства. Устно-поэтическое творчество даёт знания, вдохновение и надежду. В силу многочисленности авторов, представляющих разные социальные слои, фольклор способен шире, глубже и точнее отражать общественную жизнь, что мы и называем «искусством выше жизни».

Фольклор и письменная литература, несмотря на существенные различия, находятся в постоянном взаимодействии. Древнее искусство слова, возникшее в бесклассовую эпоху, – их общий корень. В классово-дифференцированном обществе появились профес-

сиональные общественные и религиозные деятели, литераторы и художники, служившие правящему классу, и произошло деление искусства на «высокое» и «низкое». Однако большинство представителей низшего сословия, не имея доступа к «высокому искусству», продолжали пользоваться произведениями устной традиции, внося свои корректировки в соответствии с изменяющейся действительностью. С течением времени природа и художественная форма этих двух родов литературы, восходивших к общему источнику, обнаруживали всё большие различия и приходили к взаимному противостоянию.

Вместе с тем эти два вида литературы постоянно влияли друг на друга. Многие жанры книжной поэзии и прозы обязаны своим происхождением фольклору. В то же время письменная литература оказала определённое влияние на народное творчество в области как содержания, так и формы. В новое и новейшее время, в связи с коренными изменениями в общественном устройстве, политике, экономике, культуре, наблюдается новый виток взаимодействия между фольклором и профессиональной литературой. В наши дни активизировались процессы межэтнических коммуникаций. В Китае фольклорное наследие народности *хань* оказалось тесно связанным с устно-поэтическими традициями других народов, причём не только населяющих нашу страну, но и проживающих в соседних государствах. Это естественный закон межкультурного общения.

Заключение

Ценность нации неотделима от предтечи народной литературы, и национальный дух является костяком и духовной опорой нации, а также идейной основой и внутренней движущей силой её непрерывного развития. Народная литература всегда находилась в потоке истории, передавалась от поколения к поколению, став со временем частью национального духа и культурной сокровищницей национальных ценностей.

УДК 811.581.17

Национальное своеобразие пословиц с зооморфизмами китайского и русского языков

Ангелина Викторовна Конышева,

Го Чанцзе

Белорусский государственный
экономический университет

linavik@yandex.ru; 1341705030guo@mail.com

В данной статье сравниваются пословицы с зооморфизмами в китайском и русском языках. Совпадения, расхождения и специфика употребления зооморфизмов в русских и китайских пословицах свидетельствуют о том, что языковая картина мира при её объективности и целостности является интерпретацией отображения мира, причём специфичной для каждого из языков.

Ключевые слова: пословицы, зооморфизмы, типология образов, картина мира, национальное своеобразие.

National Peculiarity of Proverbs with Zoomorphisms of Chinese and Russian Languages

A.V. Konysheva,
Guo Changjei

Belarusian State Economic University

This article compares proverbs with zoomorphisms in Chinese and Russian languages. Coincidences, discrepancies and specificity of the use of zoomorphisms in the proverbs of the Chinese and Russian languages indicate that the linguistic picture of the world with its objectivity and integrity is an interpretation of the reflection of the world, and specific to each of the languages.

Keywords: proverbs, zoomorphisms, image typology, picture of the world, national peculiarity.

В настоящее время трудно представить современного человека, не владеющего иностранным языком, т.е. общество становится всё более и более многоязычным. Подобная ситуация является благоприятной для повышения роли сопоставительного анализа при изучении языков: их характеристик, закономерностей, нюансов употребления, сходств и различий и т.д. Важным элементом является определение национального своеобразия анализируемых языков, что помогает исследователям в осмыслении языковой картины мира.

В современной лингвистике отдаётся определённое предпочтение изучению пословиц различных народов и проведению сравнительного лингвокультурологического анализа. И это не является случайным, так как именно в пословицах хранится память о глубокой древности, отражаются особенности архаического сознания и мышления.

Пословицы являются одним из малых (паремиологических) жанров фольклора. Под жанром понимается «устойчивый тип высказывания, объединённый единой коммуникативной функцией и сходными композиционными и стилистическими признаками» [Гайдук 2019, с. 16]. С этим положением трудно не согласиться, так как пословицы действительно являются устойчивыми выражениями, их объединяет единая коммуникативная функция. Они отражают совокупность мнений, выработанных народом как лингвокультурной общностью. Исследование пословиц даёт возможность не только обнаружить и понять значимые ментальные свойства и ценности, которые находят отражение не в философии и истории каждой нации, но и определить психологические особенности этого народа. А главное назначение пословиц заключается в передаче народом определённых явлений действительности. Этот жанр с достаточной глубиной отражает мышление, свойственное народу, а также его склад ума. В пословицах мы встречаем проявление народного быта и обихода, дух и характер этноса, его нравы, обычаи и традиции и, конечно, верования и суеверия.

Китайский филолог Мо Пэнлин называет пословицы «живыми окаменелостями» [Мо 2007, р. 182]. Мнение этого учёного достаточно интересно. С одной стороны, пословицы нашли широкое употребление в современном быту. Именно в этом и состоит «живое» общение народов. Но, с другой стороны, они хранят следы древней языковой культуры. Именно этим, с точки зрения Мо Пэнлина, и объясняется причина их «окаменелости». Поэтому китайские пословицы, являясь носителями культурной информации, так живо отражают национально-культурные традиции, которые определяются уникальной психологической составляющей китайской нации. В них отражается способ мышления китайцев.

Иную точку зрения представляют российские учёные Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров. На вопрос о том, как осуществляется связь языка с национальной культурой, они справедливо замечают, что пословицы могут отражать национальную культуру трояким образом: нерасчленённо, расчленённо и прототипически [Верещагин 2014, с. 45].

В свою очередь, китайский лингвист Йо Пэнци уточняет, что «связь между пословицами и национальной культурой проявляет себя с двух сторон: со стороны отражения культуры в пословицах и со стороны пословиц, несущих в своей внутренней форме ту или иную культурную информацию» [Yao 2001, p. 38].

Целью нашего исследования является сопоставление русских и китайских пословиц с зооморфизмами.

Естественно, что китайцы и русские – это народы, которые проживают достаточно далеко друг от друга, т.е. их природные и социальные условия различны. Отсюда вытекает положение, что история развития, нравы и принципы морали, психология у них также существенно различаются. То же можно сказать о культуре, образе мышления и религии.

Зооморфизмы присутствуют в культуре древних народов, в частности скифов, сарматов, китайцев. Как показатели археологических культур зооморфизмы соответствуют «звериному стилю», который представляет собой тончайшее ювелирное и металлургическое искусство [Хао 2009, с. 14].

Рассматривая историю любого этноса, можно обнаружить многочисленные упоминания об обитателях животного мира. Это связано с тем, что люди изначально сосуществовали вместе с животными, поэтому каждое упоминание о них имеет определённый эмоциональный смысл. Архаическое сознание наделяло животных теми качествами, которые человеку были близки и/или он хотел бы ими обладать. Иногда подобные качества он хотел бы искоренить в себе. Поэтому пословицы с зооморфизмами являются очень интересным и значимым материалом для анализа национального характера того или иного этноса. Они, как можно судить по вышесказанному, несут в себе национальные традиции, в которых отражается многовековой опыт общения человека не только с другими людьми, но также с окружающими его животными.

По русской традиции зооморфизмы широко используются в пословицах, поговорках, присказках. В китайской культуре это малые жанры *чэньюй* (成语), *сехоуэй* (歇后语), *гуаньюньюй* (惯用语), *яньюй* (谚语). Зооморфный компонент в них возникает на основе человеческих ассоциаций и эмоций, но для каждого народа они являются абсолютно разными [Чен 2007, с. 8]. Примерами служат пословицы китайского и русского языков, имеющие близкое значение, но использующие образы разных животных. По этой причине чаще всего передать смысл поговорки путём простого перевода почти невозможно, так как за каждой из них стоит реальный и художественный опыт данной нации, без знания которого порой теряется не только эстетическая привлекательность текста, но частично и его смысл. Кроме того, китайские пословицы звучат ритмично и рифмуются только на родном языке, а в переводе на русский они представлены прозой, поэтому очень часто приходится использовать интерпретацию, чтобы не потерять основной смысл.

Как известно, одним из самых популярных и глубоко почитаемых животных в Китае является дракон – мифологический персонаж. Его изображение можно часто встретить на различных плакатах, картинках, предметах и т.д. Китайцы считают дракона своим тотемом. Он занимает священное место в национальной истории и культуре. В древние времена он представлял собой силу и благо, а потому стал символом императорской власти.

Это отражено в следующей пословице: “遥远的东方有一条龙，他的名字就叫中国” – «На древнем Востоке есть дракон, а имя его – Китай» [Ли и др. 2007, с. 124]. Судя по этой пословице, можно сделать вывод, что дракон олицетворяет власть и большую любовь народа к нему: он не просто животное, но целое государство.

Этот образ используется и в бытовых паремиях:

– “龙生龙 (*long sheng long*)” – «У дракона рождается только дракон».

Близки по смыслу русские пословицы: «У хорошего отца и сын хороший» или «Какков отец – таков и молодец». И даже может быть такой вариант: «У бобра родится бобрёнок, а у свиньи, конечно, поросёнок».

В Китае многие родители стараются зачать ребенка так, чтобы его рождение пришлось на год дракона. Они и детям дают имя Дракон. В год дракона статистика неоднократно отмечала всплеск рождаемости в странах азиатского региона [Решетнёва 2010, с. 16].

Пословица “希望我的孩子能成为龍” – «Надеюсь, что мои дети станут драконами» означает: родители надеются, что их дети будут талантливыми, успешными и такими же сильными, как дракон, когда вырастут.

И сегодня дракон является великим символом китайской нации. Китайцы на родине и за границей называют себя “龍的後代” – «потомками дракона».

Образ тигра, которого любят китайцы, также можно встретить в их пословицах. Он, правда, по значимости уступает дракону. В китайской культуре тигра именуют королём джунглей и зверей. В азиатских странах его любят за силу и храбрость, считая, что он может принести счастье и удачу. Подтверждением этого может быть тот факт, что символом Олимпийских игр, проходивших в Сеуле в 1988 г., был тигр как олицетворение счастья и удачи [Семинас 2010, с. 210].

Тем не менее, судя по китайским пословицам, образ тигра связан также с чем-то рискованным и опасным. Примером могут служить следующие тексты:

– “打老虎” – буквально: «бить тигра». Соответствующая русская пословица, на наш взгляд, может быть следующей: «Не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел».

– “入虎穴” – перевод этого текста: «войти в логово тигра» – в значении «подвергать себя опасности». Среди русских пословиц соответствием является: «Не клади пальцы волку в рот».

– “不入虎穴，焉得虎子” – в переводе с китайского означает: «Не забравшись в логовище тигра, не поймаетшь тигрёнка». Здесь имеется в виду, что не стоит бояться хищников. Тогда русский вариант будет следующим: «Волков бояться – в лес не ходить».

Говоря о волке при анализе китайских пословиц, можно привести такой пример: “引狼入室”, что в переводе означает: «Впускать волков к себе в дом». Ничего подобного встретить в русском языке невозможно. Но данное выражение в понимании китайцев означает: «Доверять тому, кто на самом деле не достоин этого и имеет корыстные цели». Поэтому русским эквивалентом будет: «Пускать козла в огород».

Говоря об интерпретации китайских пословиц с зооморфизмом «тигр», можно заметить, что в русских смысловых вариантах появляется зооморфизм «собака»:

– “老虎的屁股摸不得” – «Не трогайте задницу тигра». А русский человек в этом случае скажет: «Не будите спящую собаку»;

– “老虎的尾巴抓不得” – «Не наступай тигру на хвост». Китайской паремии соответствует русская: «Не дразни собаку, так и не укусит»;

– китайское выражение “雌老虎 (*ci laohu*)” – буквально «тигрица», в значении «сварливая женщина, мегера», в русском языке имеет соответствие: «И так в жизни бывает, что кошка и собаку съедает»;

– китайская пословица “一山不容二虎” – «Два тигра не могут жить в одной норе» соответствует русской: «Два медведя в одной берлоге не живут».

В русской культуре тигр не является культовым животным. В русском паремиологическом фонде ему соответствует медведь. Например, китайской пословице “逃離狼窩，擊中老虎的嘴” – «Бежал от волчьего гнезда, а попал в рот тигра» – соответствует русская: «От волка бежал, да к медведю попал», т.е. имеется в виду, что персонаж, казалось бы, только что избежавший опасности, пострадал ещё больше [Цзюй 2018, с. 136].

Если говорить об отношении к медведю, то оно будет разным у китайцев и у русских. Сравнение с этим зверем имеет у китайцев неоднозначную оценку. Например, можно встретить пословицу, в которой медведь выступает как спокойное и доброжелательное животное: “熊一隻爪子吮吸，但整個冬天都吃得住”. Русский аналог: «Медведь одну лапу сосёт, да всю зиму сыто живёт».

Также медведь может ассоциироваться с хозяином и господином, как в русском тексте: «Медведь в лесу, что боярин в городе» – “熊在樹林裡，博亞林在城裡”.

А вот пословица “熊是壞鄰居” – «Медведи – плохие соседи» говорит о негативном отношении китайцев к этому зверю. Такое же отношение прослеживается и в пословице:

“宁要一条龙，不要十只熊” – «Лучше кормить одного дракона, чем десять медведей».

Из этих примеров следует, что китайцы видят только пугающий внешний образ медведя, в то время как русские ценят его характер и силу [Моценюк 1998, с. 25].

Медведь у русского народа – царь леса. И хотя это однозначно опасное дикое животное, россиянам он очень нравится. «Медвежонок Мишка» – не только любимая детская игрушка, но и распространённый талисман в России. Неслучайно, он являлся символом XXII Олимпийских игр, проведённых в Москве в 1980 г. И достаточно интересным моментов в этой связи является то, что в России это животное также может символизировать жениха: если девушка видит медведя во сне, значит, собирается замуж.

Из вышеприведённых примеров следует вывод, что значения китайских и русских пословиц частично совпадают, когда речь идёт об опасном и коварном звере. Но у китайцев – это тигр (иногда медведь), у русских – это волк или медведь. Таким образом, при сходной назидательной составляющей паремии может меняться её содержательный компонент, т.е. пословицы, использующие зооморфизмы, отличаются разным символическим и эмоциональным смыслом, что зависит от культурных традиций и предпочтений того или иного народа.

В китайской культуре достаточно популярным зооморфизмом является змея. Пословицы, содержащие этот образ, в обеих культурах всегда показывают неприязнь по отношению к змее. Для примера можно рассмотреть следующие пословицы:

– “在胸前加熱蛇” – «Пригреть змею на груди»;

– “蛇被加熱了，她把你塞在脖子後面” – «Пригрели змейку, а она тебя за шейку».

Обе пословицы означают, что мы иногда помогает кому-то, кто не благодарит за помощь, а оплачивает за добро злом. Другими словами, «пригреть змею на груди» – это иносказательное выражение коварства и предательства.

В русском языке часто встречается выражение «змея подколотная», когда говорят о женщине с дурным и зловещим характером. Похожее значение имеется и в китайских пословицах:

– “雖然蛇在新的皮膚，她的心臟是相同的” – «Хоть змея и в новой коже, а сердце у неё то же»;

– “蛇換蛇皮不改蛇性” – «Змея линяет, но естество не изменяется».

Следующая пословица имеет достаточно интересное значение. Именно в ней прямо говорится о коварстве и подлости змеи: “蛇咬的不是為了飽腹感，而是為了瀟散” – «Змея кусает не для сытости, она кусает ради лихости».

Как видим, и в китайском языке, и в русском все поговорки о змее указывают на её коварство. Это свойство обнаруживается у людей, чьи уловки мы не всегда замечаем.

В нашем исследовании мы столкнулись с тем, что китайцам присуща боязнь власти. С древности так сложилось, что чем теснее были контакты у простолюдина с властью, тем сильнее он её боялся [Ма 2017, с. 13]. Нами была обнаружена следующая пословица с зооморфизмом:

– “人怕春明，豬怕壯” – «Для свиньи опасно быть упитанной, а для человека опасно быть прославленным». В пословице нашла отражение хозяйственная деятельность китайцев.

В Китае животноводство было традиционным занятием. В связи с этим достаточно интересным фактом является тот, что одно из видных мест на подворье китайского крестьянина занимает курица. В китайских пословицах эта птица может символизировать хорошую, заботливую жену: “嫁雞隨雞，嫁狗隨狗” (досл. перевод: «Выйдешь замуж за петуха – станешь курицей, если за собаку – станешь собакой»). Среди русских поговорок такое значение практически не встречается. В русском языке находим: «Носиться как курица с яйцами» – при определении заботливости и домовитости как главной черты характера человека, безотносительно к его гендерному признаку.

Рассматривая тексты, где в качестве зооморфизмов приводятся птицы, стоит обратить внимание на следующую пословицу: “一石二鳥 (Yī shí èr niǎo)” – «Две птицы одним камнем». Русским эквивалентом будет: «Убить двух зайцев одним выстрелом». Русская пословица имеет то же значение, что и китайская, но используют иной образ.

– “跑出去的吗好抓，说出去的话难追” – «Бегущую лошадь можно ещё поймать, а сказанное слово нет». В русском языке эквивалентом этой пословицы будет: «Слово не воробей, вылетит – не поймаешь». В данном примере, как и в приведённом выше, значения совпадают, а вот зооморфизмы различаются.

В заключение следует сказать, что результаты проведённого исследования позволяют говорить о межъязыковом и межкультурном пространстве, в котором осуществляется использование зооморфизмов китайских и русских поговорок. Случаи полного совпадения зооморфизмов в пословицах этих народов достаточно редки, так как животный мир и восприятие того или иного представителя фауны у них разные, следовательно, их роль в жизни народа тоже разная.

Поиск национального своеобразия пословиц традиционно идёт по пути выявления уникальных черт, присущих каждой нации. Культурная специфика каждого народа заключается в особом, только ей свойственном наборе общечеловеческих черт, в неповторимом их сочетании и в самобытной их реализации. Культура каждого народа уникальна

и неповторима. Может, именно эта уникальность и создаёт таинственную русскую душу и загадочную китайскую действительность. Вслед за М.А. Шолоховым мы утверждаем, что «ни в одной из форм языкового творчества народа с такой силой и так многогранно не проявляется его ум, так кристаллически не отлагается его национальная история, общественный строй, быт, мировоззрение, как в пословицах» [Шолохов 2003, с. 170]. Характер народа вытекает из его национально-культурных особенностей.

Литература

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 2014. 204 с.
2. Гайдук Л.Д. Понятия речевого, риторического и дискурсивного жанров в современной лингвистике // Современные вопросы лингвистики, переводоведения и педагогики: традиции и инновации: ФГБОУ ВО «Брянский гос. тех. ун-т», 2019. С. 16–20.
3. Ли Синьцзянь, Ло Синьфан, Фань Фэнчжэнь. Чэньюй хэ яньюй: Идиомы и пословицы. Чжэнчжоу: Дасян чубаньшэ, 2007. 185 с.
4. Ма Лин. Фразеологизмы, характеризующие психоэмоциональное состояние человека как репрезент русской и китайской языковой картины мира: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Уфа, 2017. 24 с.
5. Моценюк М.П. Китайские легенды, сказки, басни, пословицы, поговорки. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1998. 127 с.
6. Решетнёва У.Н. Этнопоэтика китайских пословиц и поговорок: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2010. 20 с.
7. Семинас А.Л. Лексика китайского языка. М.: Муравей, 2010. 320 с.
8. Хао Хуэйминь. Фразеобразующий потенциал зоонимической лексики в русском и китайском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2009. 20 с.
9. Цзюй Чуаньтин. Эмоционально-оценочная характеристика паремий с компонентом «животное» в китайском и русском языках // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та, 2018. № 5. С. 135–140.
10. Чен Я Фан. Сопоставительный анализ русских и китайских пословиц в языковом и культурном аспектах: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Тайфэн, 2007. 18 с.
11. Шолохов М.А. Сокровищница народной мудрости. Русское устное народное творчество: хрестоматия по фольклористике / под ред. Ю.Г. Круглова. М.: Высшая школа, 2003. С. 167–177.
12. Mo Pengling. New Discussion on the Chinese Proverbs // Nanjing: Journal of Jiangshu Social Science. 2007. No. 6. P. 181–184. (In Chinese)
13. Yao Pengci. Notes on the Idiom and Culture. Hangzhou: Zhejiang Education Press, 2001. 398 p. (In Chinese)

**Полевая лексико-семантическая модель «волк»
в русском языковом менталитете**

**Ксения Александровна Кочнова,
Марина Владимировна Кирюшина**

Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия
kochnova08@list.ru; marina.kiryushina.75@mail.ru

Статья посвящена исследованию семантемы «волк» в русском языковом менталитете на пословицном материале. Строится полевая модель, репрезентирующая стереотипные представления русских о волке, его роли в жизни человека. При анализе культурно-этнической составляющей модели семантемы выявлена её бивалентность (отрицательная и положительная оценочность), на основе которой формируются устойчивые менталитетные связи.

Ключевые слова: менталитет, языковая картина мира, паремия, семантема, лексема, сема, волк.

**The Field Lexical and Semantic Model “Wolf”
in the Russian Language Mentality**

**K.A. Kochnova,
M.V. Kiryushina**

Nizhny Novgorod State Agricultural Academy

The article is devoted to the study of the semanteme “wolf” in the Russian language mentality on proverbial material. A field model is being built that represents the stereotypical ideas of Russians about the wolf and its role in human life. When analyzing the cultural and ethnic component of the semanteme model, its bivalence (negative and positive evaluation) was revealed, on the basis of which stable mental bundles are formed.

Keywords: mentality, language picture of the world, paremia, semanteme, lexeme, sema, wolf.

Пословицная концептуализация мира в современном языкознании остаётся одним из самых актуальных и не изученных вопросов [Иванова 2003]. Обращение к концепту *волк* обусловлено тем, что он отражает культурно-значимые, стереотипные представления русского этноса о зооморфизме [Гура 1997; Селивёрстова 2000; Третьякова 2014; Фролова 2005].

Построение модели предполагает выявление лингвоментальных особенностей этноса, наиболее ярко представленных в паремиологическом творчестве [Кочнова, Кирюшина 2016]. **Материалом** для исследования послужили пословицы и поговорки русского языка о волке.

Создание модели (инварианта) употребления данных единиц в паремиологии начинается с анализа их семантики, особенностей функционирования в народной речи. Сопоставляются ценностные суждения, зафиксированные в словарях, значениях слов, а также в устойчивых выражениях, семантико-структурной организации паремий. Построенная лексико-семантическая модель раскрывает культурно-этническое содержание семантемы, стереотипы её употребления.

Построим модель с семантическим центром «волк». Структура модели основана на ведущих семемах, семах, связках-синонимах, связках-оппозициях, в которых фиксируются важные синонимические и антонимические связи. Ёмкость главной семанте-

мы обусловлена краткостью структуры паремий, особенностями их семантики, метафоричностью языковых единиц. Всё это приводит к повышению значимости каждой семы в составе семантемы.

В русской паремиологии волк – это одно из самых популярных животных. Ядром рассматриваемой семантемы служит название опасного животного – волка, которое произошло от слова «волочь, волочить, уволакивать». В основе лежит метафора: зверь, волк, свою добычу тащит за собой в логово, не оставляет на месте охоты.

Семантическим центром модели становится центральная лексема *волк* и её дериваты, а также семемы, входящие в бинарные оппозиции с ключевым словом.

Важный внешний признак волка – окрас шерсти – ‘серый’, что становится отличительной чертой, придающей семантеме ключевую, экспрессивную оценку: «Вали на серого, серый всё снесёт», «Что серо, то и волк», «Серее волка на четверть».

В ядерной семантеме актуализируются семы ‘злой’, ‘страшный’, ‘опасный’: «Волка пожалей – искусает ещё злей», «Волка бояться – и от белки бежать», «Волка бояться, так и в лес не ходить». Мы видим, что часто в паремиях выстроена оппозиция сем ‘жалость’, ‘боязнь’ – ‘злой’, ‘страшный’. Это закреплено и семантически, и синтаксически. Можно ли бороться со страшным зверем? Да. Ему можно противостоять только всем миром: «В согласном стаде волк не страшен», «С волком можно бороться только всем миром».

В исследуемой модели представлена бинарная оппозиция сем ‘свой – чужой’, в которой последняя является ведущей: «Сколько волка ни корми, он всё равно в лес смотрит». Русскому человеку ясно, что невозможно изменить природные инстинкты и склонности другого человека. Он (человек) свой среди своих: «Волк волку хвоста не отдавит», «Сер волк, сед волк, а всё ему волчья честь». При вступлении в какое-либо сообщество нужно жить по его принципам: «С волками жить – по-волчьи выть».

В главной семантеме актуализирована семы ‘верность’, ‘постоянство’, ‘обычай’: «Волк и каждый год линяет, да обычая не меняет», «Волк каждый год линяет, а всё сер бывает», «Волк не сменит натуру, пока не снимут шкуру». Старый волк опытный, мудрый: «Старого волка в тенета не загонишь»

Бинарная связка «обман – хитрость» относится к универсальным категориям человеческой жизни, конструирующим основу семантемы. В семеме ‘обман’ актуализированы семы ‘недоверие’, ‘слёзы’, имплицитные или потенциальные: «Верь волчьим слезам», «Дёшево волк в пастухи нанимается, да мир подумывает», «Кобыла с волком мирилась, да домой не воротилась», «Взаймы деньги давать – что волка накормить». В русском менталитете закреплено за волком полное недоверие этому жестокому животному: «Волку верь убитому».

Часто виновником обмана является не сам герой – волк, но этому служит предвзятое отношение к нему, ассоциативные связи: «На волка поклёп, а зайцы кобылу съели», «На волка помолвка, а пастух телёнка украл», «На волка слава, а овец таскает Савва».

Отсюда и сам волк оказывается наказан, пойман с помощью обмана: «Таскал волк – потащили и волка», «Ловит волк, да ловят и волка», «Ловит и волк, поколе волка не поймут», «Волков ловят не гонкой, а уловкой».

Хитрому волку (человеку) нельзя верить: «Не клади волку пальца в рот». В составе семемы актуальна сема ‘безжалостность’: «Пожалел волк кобылу: оставил хвост да гриву». В волке проявляется воровская сущность: «Волк по утробе вор, а человек – по зависти».

В русской паремиологии волк выступает сильным животным. Актуализированы семы 'сила', 'выносливость', 'скорость', 'быстрота': «Волка ноги кормят», «Волк рядом, скорый, быстрый». Для того чтобы выжить, заработать, надо двигаться, активно действовать, не сидеть на месте. Человек с ярко выраженными лидерскими, волевыми качествами управляет или командует остальными: «Один волк гоняет овец полк».

Модель содержит бинарную оппозицию сем 'смелость' – 'трусость': «Волков бояться – в лес не ходить». Нельзя бояться трудностей или опасных последствий, иначе не стоит и начинать какое-либо дело.

Необычна связка «речь, слово – волк»: «Про волка речь, а он навстречь», «Помянули волка, а он и тут», «Серого помянули, а серый здесь», «Сказал бы словечко, да волк недалечко».

В бинарной связке «сытый – голодный» важна оппозиция сем 'сытый' – 'смирный', 'довольный', а 'голодный' – 'злой', 'безжалостный': «Сытый волк смирнее завистливого человека», «У голодного волка из зубов кости не вырвешь», «Волки сыты, и овцы целы». Особо выделяется сема 'ненасытность': «Волчья пасть да поповские глаза – ненасытная яма», «Волчья утроба из семи овчин сшита». В русской картине мира волк – это добытчик, сильный, неутомимый: «Волк рыщет, хлеба ищет», «Волка ноги кормят».

По мере перехода от ядра к периферии в полевой модели *волк* у конститuentов поля наблюдается усложнение значения, что связано с наличием дифференциальных сем. Периферия строится на связках-оппозициях, часто связанных с другими животными: овца, коза, конь, кошка, курица, лиса, медведь, собака.

В связке «волк – овца», построенной на контрасте, актуализированы семы 'сытый', 'целый', 'больной', 'съесть', 'битый', 'худой', 'слёзы': «Волк и больной с овцой управится», «И волки сыты, и овцы целы», «Выть тебе волком за твою овечью простоту», «И то бывает, что овца волка съедает», «Волк остаётся волком, даже если он не съел твоей овцы», «Любит, как волк овцу», «Не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел», «Овце с волками худо жить», «Отольются волку овечкины слёзки», «Стать овцою – волки найдутся», «Сделайся только овцою, а волки готовы». В поговорке «Волк в овечьей шкуре» подчёркнуто двуличие: жестокий, свирепый – притворяющийся кротким, безобидным.

В бинарной связке «волк – лиса» также лежит антитеза синонимических и антонимических связей. Семемы волк и лиса объединяют семы 'одинаковый', 'родня', что сближает их в значении «хитрое животное», где волк чаще всего жертва обмана: «Волк лисе не родня, а повадка одна», «Глядит лисой, а пахнет волком», «Где лисой, где волком», «Лиса семерых волков проведёт», «Кто волком родился, тому лисой не бывать».

Связка «волк – собака» строится на контрасте. Собака – животное верное, домашнее, волк – чужое, ему нет доверия: «Волк не собака, в помощь не зови», «Куда соваться в волки, коли хвост собачий», «Кабы волк заодно с собакой, так человеку и житья бы не было». То же самое и в связке «волк – конь»: «Волк коню не товарищ».

В русском менталитете волк оказывается жестоким и беспощадным хищником. Для человека это страшный зверь. Поэтому в семанте ярко проявляется негативная оценка. Хотя сам образ и неоднозначен: сильный, хитрый, независимый, часто страдает по чужой вине. Модель «волк» репрезентирует стереотипные представления русских о данном феномене, его роли в жизни человека. При анализе ценностной составляющей семантемы выявлена её прежде всего отрицательная оценочность, на основе которой формируются устойчивые менталитетные связки, часто построенные на антитезе с другими образами животных.

Литература

1. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Изд-во Индрик, 1997. 912 с.
2. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997. 614 с.
3. Жигарина Е.Е. Современное бытование пословиц: вариативность и полифункциональность текстов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2006. 25 с.
4. Иванова Е.В. Пословичная концептуализация мира (на материале английских и русских пословиц): дисс. ... д-ра филол. наук. СПб., 2003. 416 с.
5. Кочнова К.А., Кирюшина М.В. Бинарная модель «жена – муж» в русском языковом менталитете // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 53 (59). С. 100–102.
6. Сборник народной мудрости. URL: <http://sbornik-mudrosti.ru/poslovicy-i-pogovorki-o-pravde/> (дата обращения 31.03.2022).
7. Селивёрстова Е.И. Сопоставительный анализ русской и китайских пословиц с зоосемантическим компонентом // Вестник факультета русского языка и литературы. Тайpei. 2000. Вып. 2. С. 74–91.
8. Третьякова И.Ю. Культурные смыслы фразеологических компонентов-зооморфизмов медведь и волк (к вопросу о национально-культурных особенностях русских фразеологизмов) // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2014. № 6. С. 192–197.
9. Фролова О.Е. Переносные значения названий животных в толковых словарях (антропоцентрический аспект) // Русский язык в научном освещении. 2005. № 2 (10). С. 137–158.

УДК 811.161.1:398:378.193

Знакомство иностранных учащихся с фольклором при обучении русскому языку

**Наталья Владимировна Лучкина,
Сусанна Амбарцумовна Мирзоева,
Ирина Юрьевна Проценко**

Ростовский государственный медицинский университет
luchkina7@mail.ru; samirzoeva@yandex.ru; ir.protsenko@yandex.ru

В статье рассматриваются паремии, анекдоты, сказки, былины в качестве дидактического материала на занятиях по русскому языку как иностранному. Знакомство иностранных учащихся с фольклором происходит как на практических занятиях, так и на конференциях, что позволяет им лучше понять ценности русского народа, его характер и культуру страны.

Ключевые слова: фольклор, ценности, культура, русский язык как иностранный.

Introducing Foreign Students to Russian Folklore When Teaching the Russian Language

N.V. Luchkina,
S.A. Mirzoeva,
I.Yu. Protsenko

Rostov State Medical University

The article deals with sayings, anecdotes, fairy tales, epics as a didactic material in Russian as a foreign language classes. Foreign students are introduced to folklore both in practical classes and at conferences, allowing them to better understand the values of the Russian people, their character and the culture of the country.

Keywords: folklore, values, culture, Russian as a foreign language.

Знакомство иностранных учащихся с фольклором на занятиях по русскому языку начинается на подготовительном факультете, когда происходит приобщение к новой для них языковой и культурной среде, к новой системе ценностей. Аксиологический подход в преподавании иностранных языков требует поиска ответа на вопрос: что носители языка считают ценностно-значимым для себя? Полученный ответ даёт возможность систематизировать уникальные и универсальные ценности, выявить национально-специфическое в иерархии ценностей изучаемого языка.

Из поколения в поколение передаётся мудрость, сохраняемая в пословицах и поговорках. На страницах учебных пособий всегда уместно привести те из них, которые соответствуют теме занятия. Например, приступая к первому занятию базового курса, при подготовке рассказов о себе иностранные учащиеся, знакомятся со следующими поговорками:

Я – последняя буква в алфавите.

Себялюб никому не люб.

Каков характер, таковы и поступки [Лучкина 2018, с. 19].

При изучении лексической темы «Мои друзья» иностранные учащиеся знакомятся со следующими пословицами:

Человек без друзей, что дерево без корней.

Человек без друзей, что левая рука без правой.

Друзья познаются в беде.

Самый верный друг – это друг в нужде.

Друга ищи, а найдёшь – береги.

Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты.

Старый друг лучше новых двух.

Не имей сто рублей, а имей сто друзей.

Если хочешь узнать человека, посмотри на его друзей.

Есть друг – береги, потерял – ищи.

Друг дороже денег [Лучкина 2018, с. 34].

Обсуждая проблемы семьи и рассказывая о собственных семьях, учащиеся высказывают своё мнение о следующих русских пословицах:

Дружная семья – счастливая семья.

Где любовь и совет, там и горя нет.

Что даёт рука матери, то вкусно и сладко [Лучкина 2018, с. 45].

Каждый раз преподаватели обращаются к своей иностранной аудитории с вопросом, есть ли подобные пословицы в их родных языках. Сравнивая свои пословицы и погов-

ворки с русскими, учащиеся постепенно делают вывод о существовании неких универсальных ценностей, которыми дорожат люди, принадлежащие к разным культурам.

Надо сказать, что тематически русские пословицы и поговорки настолько разнообразны, что преподаватели, являющиеся авторами учебных пособий, без труда находят необходимый паремиологический материал для занятий: гостеприимство, щедрость, ценность знаний, любовь к родине и т.д. – всё это получило отражение в русских паремиях.

В филологических исследованиях *паремию* определяют как устойчивое высказывание, представляющее собой целостное предложение дидактического содержания [Ильина 2017, с. 25]. Иностранному учащемуся предлагается самим сформулировать дидактическое правило, заключённое в пословице или поговорке, и сказать, о каких качествах и ценностях русских людей они говорят.

Кто рано встаёт, тому бог даёт.

Терпение и труд всё перетрут.

Волков бояться – в лес не ходить.

Без соли, без хлеба худая беседа.

В 20 лет силы нет – и не будет; в 30 лет ума нет – и не будет, в 40 лет достатка нет – и не будет.

В родном доме и стены помогают.

В тесноте, да не в обиде.

Всех денег не заработаешь.

Вся семья вместе – и душа на месте.

Не выноси сор из избы [Лучкина 2018, с. 149].

Эти пословицы включены в урок, посвящённый характеру русских людей, Лексическая тема данного урока: «Страна – это её люди».

Предлагая такое задание в учебной аудитории, мы опираемся на утверждение, что важнейшим моментом в осмыслении паремий «является их интерпретация, понимаемая как самая главная универсальная операция, пронизывающая духовную деятельность человека, обеспечивающая бытие человека в культуре и коммуникациях» [Ильина 2017, с. 28].

В последнее время в исследованиях по когнитивной лингвистике всё большее внимание уделяется анализу юмористического дискурса. В работах отечественных и зарубежных учёных доказывалось, что анекдоты и тексты другого жанра, имеющие юмористическое содержание, представляют собой большую ценность в области лингвокультурологии, помогают понять, каким видит мир тот или иной народ, какой системой ценностей он обладает, что осуждает, что им подвергается осмеянию, а к чему, напротив, он относится с одобрением.

На занятиях по РКИ учащиеся знакомятся с анекдотами как одним из жанров устного народного творчества. Особенный интерес вызывают анекдоты о повседневной жизни студентов, о взаимоотношениях с преподавателями, об отношениях между родителями и детьми. Например:

Два студента Виктор и Мохамад жили в общежитии в одной комнате. Однажды они поссорились и несколько дней не разговаривали друг с другом. Однажды вечером Виктор написал записку Мохамаду и положил её на стол. «Мохамад, разбуди меня завтра в 7 часов». Утром Виктор проснулся и увидел, что уже 9 часов. На столе лежала записка. Мохамад написал: «Вставай, уже 7 часов» [Лучкина 2018, с. 67].

Объём учебника не позволяет познакомить учащихся с большим количеством таких произведений устного народного творчества, как сказки, былины, песни, но в учебно-методический комплекс входят разного рода пособия, в том числе пособия по обучению чтению, аудированию и письму, в которых вполне найдётся место для знакомства иностранных студентов с интересными произведениями устного народного творчества.

Не оставляет равнодушными учащихся, выбравших медицинскую профессию, знакомство с повестью о Петре и Февронии – девушке, обладавшей талантом к целительству.

Значимость знакомства иностранных обучающихся с народным литературным творчеством как средством постижения русских национальных приоритетов неоспорима. Происходит это знакомство как в рамках учебных занятий, когда в качестве учебных текстов, например, используются пословицы, анекдоты и русские народные сказки, так и во время конференций, на которых учащиеся представляют свои доклады о героях сказок, былин, народных песен и т. д.

Эмоциональный отклик у учащихся находит обнаружение общих мотивов в сюжетах сказок, песен, легенд разных народов, сходство ценностных ориентаций, что служит рождению взаимопонимания и приятию другой культуры.

Желание преподавателей дать иностранным учащимся как можно более полное представление о русском фольклоре и о ценностях русского народа мотивировало коллектив кафедры русского языка № 1 Ростовского государственного медицинского университета на организацию в 2020 г. научной конференции «Русское народное творчество». Основной задачей конференции явилось развитие исследовательской активности обучающихся в социокультурном аспекте. Материалы конференции послужили раскрытию многообразия русского народного творчества через восприятие носителями инокультур и порой через сравнение, например, сказочных образов. В работах исследовались такие жанры и направления фольклора, как народные предания, сказки, былины, пословицы и поговорки, песни, актёрское и прикладное искусство, отражающие культурные ценности нашего народа, которые зачастую расцениваются как универсальные, общечеловеческие.

Любопытно было проанализировать сказочные персонажи как близких нам культур, так и не вполне близких. Так, было обнаружено много сходных фантастических персонажей в русских и сербских народных сказках: у нас Мальчик-с-пальчик – у сербов Биберице. Это мальчик, которого из-за его маленького роста называли как зерно перца. Но Биберице доказал, что он намного умнее и сильнее всех тех, кто над ним смеётся. Когда никому не удавалось победить дракона, он убил его и спас принцессу и благодаря своей храбрости и доброте стал царём.

Мальчик-с-пальчик и Биберице показывают детям, что нельзя останавливаться перед трудностями, не нужно обращать внимание на свою внешность, а необходимо доверять памяти, уму и доброте своего сердца.

Популярный страшный персонаж русских сказок – Баба Яга. В большинстве русских народных сказок Баба Яга выступает в роли похитительницы детей. В сербских сказках «сестрой» русской Бабы Яги является Бабарога. В большинстве сербских сказок, в которых главными героями являются дети, Бабарога – главный злодей.

Самый любимый мужской персонаж русских народных сказок – Иван-дурак. Часто этот герой является искателем, отправляясь в трудный путь, чтобы добыть волшебный предмет или невесту, расправиться с чудовищем. При этом изначально он может занимать низкое социальное положение. Как правило, это крестьянский сын, самый младший ребё-

нок в семье. Ему не достаётся наследства от родителей. Старшие братья в сказках успешны и практичны. Иван же проводит время на печи, так как его не интересуют бытовые условия. Он не ищет денег или славы, терпеливо переносит насмешки окружающих. Однако именно Ивану-дураку в итоге улыбается удача. Он непредсказуем, способен разгадать нестандартные загадки, хитростью побеждает врага. Этому герою свойственны милосердие и доброта.

В сербских сказках собратом Ивана-дурака является Йовица Будалица. Он младший сын богатого господина. Образы Ивана-дурака и Йовицы Будалицы показывают, что в жизни материальные ценности не самое главное. Даже если многие люди в нашей жизни обращают большое внимание на материальный достаток, важно то, что всегда ценится людьми: доброта, стремление прийти на помощь, верность, бесстрашие, находчивость и т.д.

Не менее популярен в русских народных сказках Иван-царевич. В древнем эпосе любого народа найдётся герой, которому можно поручить любое, даже самое сложное задание по спасению чьей-то жизни. В русском фольклоре эту роль играет Иван-царевич. Ему всегда помогают редкие и умные животные: Серый Волк, Сивка-бурка, а в награду достаётся самая красивая девушка – Елена Прекрасная, Василиса Премудрая или Марья Моревна. Иван-царевич является прототипом настоящего богатыря, он может и победить Кощея Бессмертного, и вернуться живым из загробного мира, и оживить мёртвую царевну. Если многие литературные герои сегодня представляют собой нечто среднее между добром и злом, то Ивана-царевича называют исключительно положительным персонажем.

В сербском фольклоре роль всемогущего супергероя играет Марко Кралевич. Особенно в то время, когда Сербию завоевала Оттоманская империя, сербскому народу нужен был персонаж, который сможет победить любого турка. Марко Кралевич выполнял эту миссию несколько веков. Он и его надёжный конь Шарац побеждали турков, которые хотели причинить вред сербскому народу. Но, конечно, такой персонаж не был бы интересен, если бы у него не было соперника, похожего по силе. Заклятый враг Марка Кралевича – это сильнейший турок Муса Кеседжия. Борьба этих персонажей вызывает землетрясение, которое может продолжаться несколько дней, но в конце сражения Марко Кралевич всегда является победителем.

Образы Ивана-царевича и Марка Кралевича очень важны в фольклоре русского и сербского народов. Они созданы, чтобы учить детей патриотизму, учить защищать свою родную землю и становиться на сторону слабых, различать добро и зло, показывая им, что всегда существует надежда на победу светлых сил над тёмными.

Славяне верили, что любая сказка – ложь только для нашего, видимого, мира, но истина для мира духов. В сказках содержится урок, который каждому предстоит познать в течение своей жизни.

Рассуждая о таких вечных категориях, как добро и зло в русских и монгольских сказках, учащаяся из Монголии Оюун Хулан приходит к выводу, что для подрастающего поколения граница между добром и злом должна быть чёткой и ясной: именно так дети смогут разглядеть, что плохо, а что хорошо. Поэтому в народных сказках зло и добро всегда выглядят ярко, они очень хорошо заметны и вызывают эмоциональный отклик у читателей. В сказках нет героев, которые наполовину плохие или наполовину хорошие. Их рисуют с самого начала тёмными, злыми, завистливыми, либо же светлыми, добрыми, великодушными, сочувствующими другим персонажам. В фольклоре злые персонажи всегда чётко противопоставлены добрым. Когда ребёнок слушает сказку, то он практически сразу

определяет для себя доброго героя для подражания, на которого он стремится быть похожим. В монгольских сказках добрые богатыри сражаются со злыми мангасами, т.е. чудовищами. Народная фантазия наделяет мангасов необычайной силой и свирепостью. Другие злые персонажи монгольских сказок – шуламы (ведьмы), враждебные людям сверхъестественные существа. Изображается шулам чаще всего в виде старухи с пепельно-серыми волосами, коровьими рогами, с оскаленной пастью, из которой торчат огромные клыки, с подбородком до колен, двенадцатисаженной грудью и животом величиной с юрту.

Устное народное творчество монголов связано с кочевым образом жизни народа, имеет свою специфику, и потому его значительную часть составляют мифы о животных: «О верблюде и олене», «О ласточке и шмеле», «О голубе и воробье» и др. Монгольские сказки – творение кочевника-скотовода. Только скотовод мог с такой трогательной любовью рассказывать сказки о сироте-верблюжонке, об отставшем при перекочевке ягнёнке, о преданном хозяину коне. В монгольской сказке, как и в русской, конь разделяет со своим хозяином и горести, и радости. Народная фантазия даёт ему и крылья.

Положительный герой бытовых сказок рисуется добряком, балагуром, ловкачом, который не даст спуску дурному человеку, а хорошему в трудную минуту поможет. Видное место в фольклоре принадлежит фигуре бадарчина-странника. Монголы беспредельно гостеприимны к бадарчинам – скитальцам, которые везде находят себе кров и пищу. Бедняк арат охотно принимает их, делит с ними всё, чем богат. В сказках бадарчины чаще всего играют положительную роль, вступают в конфликт с ханами, чиновниками, ламами, и те нередко вынуждены им уступать. Жертвой остроумия и выходок сплошь и рядом становятся те, кто угнетает и эксплуатирует народ. Люди их высмеивают, ставя на каждом шагу в неловкое положение.

Каждый год на обучение в Ростовский государственный медицинский университет приезжают дети от смешанных браков, в которых, как правило, русские мамы, а отцы, получившие образование в России, – из других стран. У таких учащихся возникает особый интерес к русской культуре, и они начинают сравнивать героев, принадлежащих к разным культурам. Так, учащийся из Ливана Ел Харраше Дани Шарлесович заинтересовался причинами особого отношения к образу былинного богатыря Ильи Муромца в русской культуре. Он пишет: «Являясь представителем не только арабского, но и русского народа, я всегда интересовался обычаями, традициями, фольклором родины моей матери, слушал и читал российские сказки, а недавно познакомился и с былинами» [Русское народное творчество... 2020, с. 27]. Проведя своё исследование, ливанский учащийся приходит к выводу, что «Илья Муромец всегда останется героем для всех россиян, он никогда не будет забыт. Этот богатырь наделен не только силой и отвагой, но и рассудительностью, справедливостью, крестьянской основательностью и спокойствием. Илья Муромец не хвастлив, не безрассуден. Он знает свою силу, источником которой является “мать сыра-земля”, и защищает родную землю и простых людей, поэтому до сих пор любим русским народом» [Русское народное творчество... 2020, с. 29].

В настоящее время в преподавании РКИ актуальность приобрела проблема разработки аксиологических моделей, позволяющих у изучающих иностранный язык формировать аксиосферу, приближенную к той, которой носители языка овладевают с детства при помощи всего арсенала средств обучения и воспитания на разных стадиях социализации.

Исследуя ценности устного народного творчества, И.А. Голованов выделяет три аксиологические константы: константу соборности как чувства общности всех членов социума; софийность, включающую Любовь, Красоту и Добро, и константу справедливости. «Все аксиологические константы выражают типичное для русского человека представление о нор-

мальном бытии, соответствующем принятому людьми порядку. В фольклорных произведениях данные смыслы неразрывны, обуславливают друг друга, что подчёркивается цельностью образов, которые их воплощают», – пишет И.А. Голованов [Голованов 2020, с. 23].

Важность обращения к изучению фольклора на занятиях по РКИ определяется тем, что в произведениях устного народного творчества в ярких образах предстаёт духовный опыт народа и система его ценностей.

«Фольклор выполнял и продолжает выполнять интегративную функцию, сохраняя и транслируя последующим поколениям заключённый в образах и мотивах духовный опыт, ценностные ориентиры, критерии поведения, способствуя формированию этнического самосознания, обеспечивая возможность культурного единения живших и живущих. Благодаря этому остаётся неизменным и главное предназначение фольклора – быть духовной основой устойчивого существования социума и человека» – так определяет значимость фольклора И.А. Голованов [Голованов 2020, с. 24], с чем нельзя не согласиться.

Литература

1. Голованов И.А. Фольклор как мир устойчивых ценностей // Художественный текст: проблемы чтения и понимания в современном обществе: сб. материалов II Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), посвящённой 80-летию СФ БАШГУ. Уфа, 2020. С. 20–24.

2. Ильина Л.Е. Паремии в русском и французском языках: сопоставительный анализ // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 1 (201). С. 25–33.

3. Мы учимся в России: учебник / Н.В. Лучкина, И.Ю. Проценко, Т.Н. Прокудайло и др. Ростов-на-Дону: Изд-во РостГМУ, 2018. 246 с.

4. Русское народное творчество: сб. материалов научной студенческой конференции / ФГБОУ ВО РостГМУ Минздрава России. Ростов-на-Дону: Изд-во РостГМУ, 2020. 75 с.

УДК 372.881.161.1

О синтезе различных видов искусства при знакомстве с русским фольклором на уроках РКИ

Маргарита Александровна Мартынова

Московский государственный университет геодезии и картографии;

Российский экономический университет им. Плеханова

bilingualconnect@mail.ru

Марина Владиславовна Боровикова

Российская академия музыки им. Гнесиных

marinborovikov@yandex.ru

В статье говорится об опыте использования русского фольклора на занятиях РКИ. Рассматриваются различные жанры устного творчества (народные сказки, пословицы, поговорки, былины). Показывается влияние русского фольклора на различные виды искусства. Отмечается необходимость привлечения к учебной ра-

боте данного иллюстративного материала. Подчёркивается, что реализация такого аксиологического подхода предполагает расширение знаний учащихся о культуре, истории, музыке, изобразительном искусстве.

Ключевые слова: русский фольклор, синтез искусств, поликультурная среда, аксиологический подход, методика РКИ.

On the Synthesis of Various Types of Art When Getting Acquainted with Russian Folklore at the Lessons of the Russian as a Foreign Language

M.A. Martynova

Moscow State University of Geodesy and Cartography;
Russian Plekhanov Economic University

M.V. Borovikova

Russian Gnesins Academy of Music

The article talks about the experience of using Russian folklore in Russian as a foreign language. Various genres of folklore are considered (Russian folk tales, proverbs, sayings, epics). The influence of Russian folklore on various types of art is shown. The need to involve this illustrative material in the educational work is noted. It is emphasized that the implementation of such an axiological approach involves the expansion of students' knowledge about culture, history, music, and fine arts.

Keywords: Russian folklore, synthesis of arts, multicultural environment, axiological approach, RFL methodology.

О важности связи обучения языку с культурой говорили в своих исследованиях многие учёные-лингвисты: Е.И. Зиновьева, С.Г. Тер-Минасова, Г.В. Елезарова, К.Н. Хитрик и др. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, считали, что, «усваивая язык, человек одновременно проникает в новую национальную культуру, получает огромное духовное богатств, хранимое изучаемым языком» [Верещагин, Костомаров 2019, с. 4].

О.В. Харитоновна рассматривает ядерные концепты русской языковой картины мира как средство формирования лингвистической межкультурной компетенции у иностранных учащихся [Харитоновна 2020]. При взаимодействии культуры обмениваются важными понятиями – укладом другого быта, а это приводит к образованию нового культурного синтеза. Прекрасным наглядным материалом, в котором особенно ярко проявляется культура русского народа, служит фольклор. Однако некоторые исследователи считают, что в методике до сих пор недооцениваются возможности использования фольклорных текстов. По словам О.А. Игошиной, в национально-ориентированной парадигме обучения русскому языку в русле коммуникативно-культуроведческой концепции такие тексты, особенно сказки, имеют большой обучающий потенциал [Игошина, 2003]. «Познавая чужую культуру и язык, учащийся глубже погружается в собственную культуру, историю, начинает лучше понимать законы построения родного языка» [Мартынова 2020].

О.Д. Митрофанова говорила о «методическом сопряжении родной и изучаемой культуры в практическом курсе РКИ» [Митрофанова 2004]. Интересным представляется исследование её ученицы из Монголии Бадаарчийн Туяи. Она подбирала к монгольским пословицам синонимичные русские, сделав интересный вывод, что смысл пословиц и поговорок монгольского и русского языка идентичен, но основывается на собственной лексике, тесно связанной с бытом народа.

Другими исследователями было выделено несколько категорий монгольских пословиц и поговорок: 1) монгольский вариант полностью соответствует русскому: *Семь раз отмерь, один отрежь*; 2) монгольский вариант несколько отличается от русского, но пословицы имеют одинаковый смысл: *Яблоко от яблони недалеко падает = У пегой кобылы жеребёнок тоже пегий*; 3) русские пословицы и поговорки, при переводе на монгольский язык не имеющие эквивалентов: *Язык до Киева доведёт*. Таким образом, становится понятным, что, складываясь в различных исторических условиях, монгольские и русские поговорки и пословицы для выражения одной и той же мысли часто использовали различные образы, которые, в свою очередь, отражают различный социальный уклад и быт двух народов и часто не являются абсолютными эквивалентами.

Другой пример можно привести из опыта преподавания РКИ в России мьянманским студентам. Они с большим удовольствием принимаются за работу, в которой могут пересказать свои мьянманские легенды, пословицы и поговорки, которые старательно переводят на русский язык. Такой вид творческой работы расширяет рамки изучения русской лексики, помогает также освоить грамматику и синтаксические модели построения предложений. Важно подчеркнуть, что малые формы фольклора или фрагменты более объёмных форм (былины, сказки) помогают мотивировать студента на более глубокое изучение русского языка. Однако необходимо помнить о методической целесообразности введения такого материала с учётом этапа обучения и будущей специализации студентов. Например, нефилологов вряд ли нужно перегружать устаревшими словами, мало употребляемыми в современном русском литературном языке, однако для филологов знание таких слов можно считать профессионально значимым.

На занятиях РКИ преподаватель использует различные формы фольклора: это могут быть не только пословицы, поговорки, но и скороговорки. Скороговорки хорошо помогают при постановке звуков русского языка. Не секрет, что студентам-иностранцам с трудом даются звуки [Б], [Р], [Л], [Щ], [Ц], [Ж] и некоторые другие. Поэтому, подбирая соответствующие скороговорки, преподаватель работает со студентами над произношением: *Испугался грома Рома, заревел он громче грома; Саша шапкой шишку шиш; Жук упал и встать не может. Ждёт он, кто ему поможет* и др. Для иллюстрации может быть привлечена и наглядность: рисунок, или же звучащая скороговорка с рисунком и текстом, или видео [<https://lenmosart.ru/pregnancy-and-childbirth/raznye-skorogovorki-dlya-detei-russkie-skorogovorki-video/>; <https://www.youtube.com/watch?v=3ZhZCIPbefs> и др.]. Это даёт возможность проводить фонетическую коррекцию для учащихся увлекательно и легко. Для фонетической зарядки можно использовать также пословицы и поговорки, например: *Тише едешь – дальше будешь*. Этот материал можно использовать и при знакомстве студента-иностранца с русской лексикой и грамматикой, например: *Не имей сто рублей, а имей сто друзей; Дело мастера боится* и др. Паремнологические тексты могут стать хорошим обучающим материалом при изучении видовременной системы глагола; предложно-падежной системы; числительных; сравнительной степени наречий и прилагательных и т.д.

С большим интересом относятся студенты-иностранцы к выполнению работы по русским народным сказкам, например, «Снегурочка». Преподаватель предлагает адаптированный текст сказки, даёт предтекстовое задание, в котором обращает внимание на новые для студента слова, и только после тщательного разбора трудных для понимания слов, приступает к чтению сказки. Приводим фрагмент сказки:

Жили-были дед да баба. Не было у них детей. Смотрят они в окно и видят: дети из снега снежную бабу лепят. Наступил вечер. Дети домой идут. На дворе никого нет. Вышли дед и баба во двор и из снега слепили девочку. Назвали её Снегурочкой ...

Предтекстовая работа заключается в разборе лексики и грамматики:

Жили-были – обычное начало всех сказок. Глаголы: повторяем спряжение глаголов *жить, быть*. // Союз *да = и* // *Смотрят и видят* – близкие по лексическому значению глаголы, но различаются нюансами // предлог *из + Р.п.* // *идти (куда?)* домой // *никого нет* – двойное отрицание и т.д.

После прочтения текста, т.е. на послетекстовом этапе работы, можно: 1) задать вопросы к тексту и предложить студентам самостоятельно написать свои вопросы; 2) подготовить текст для пересказа, а потом и для письменного изложения.

Работая с текстом сказки «Снегурочка», обращаемся к богатому наглядному материалу: мультипликационный фильм, опера Н.А. Римского-Корсакова, балет П.И. Чайковского, художественный фильм, картины художников В.М. Васнецова, М.А. Врубеля, Н.К. Рериха, которые в своих произведениях уделяли много внимания русскому народному творчеству. Такой богатый иллюстративный материал из разных видов искусств делает знакомство и понимание русского фольклора более доступным и интересным. Сказка как элемент культурного наследия, отражающий менталитет и душу русского народа, становится ближе и понятнее носителю другой культуры посредством привлечения разных форм восприятия: зрительного, слухового.

Такая же работа, но уже на материале адаптированной китайской сказки «Волшебная кисточка» была проведена и в группе китайских студентов, изучающих музыку как основной предмет. Естественно, что здесь упор делался на будущую специальность, выбранную студентами-музыкантами. Слушая оперу, смотря балет, студенты:

- определяли по звучанию музыкальный инструмент и записывали его название;
- отмечали, какие инструменты звучат громче;
- вспоминали струнные и духовые инструменты;
- называли профессии музыкантов;
- повторяли специальные музыкальные термины;
- готовили монолог об игре оркестра и исполнении партий отдельными музыкантами.

Насколько важна помощь преподавателя-носителя языка в понимании не только текста, но и экранизации сказки, можно понять из примера, приведённого Ю.Е. Прохоровым и Н.А. Маркиной в учебном пособии «Мы родом из сказки». В конце 90-х гг. в США на видеокассетах был выпущен фильм по русской сказке «Морозко» (режиссёр А. Роу, 1964 г.). Неожиданно эта сказка вызвала у американцев бурю эмоций и сразу вошла в список 100 худших фильмов всех времён на крупнейшем киносайте Интернета – www.Us.Imdb.Com. Авторы приводят некоторые из отзывов пользователей сайта, посмотревших этот фильм: «Самый странный фильм в истории кино! Вероятно, группа русских сценаристов наелась наркотиков...»; «Какая-то придурковатая фантазия/сказка про хвастливого парня, превратившегося в медведя, одиннадцатилетнюю аутистку, которую он хочет соблазнить, идиотский дом с ногами, неблагополучную семью уродливых русофиннов, длиннородого уродливого парня, который замораживает деревья и убивает птиц, санки, похожие на свинью, грибообразного гнома» и т.д. [Прохоров, Маркина 2004, с. 4–5]. А вот как в 1899–1900 гг. написал о сказке, по мотивам которой был снят этот фильм, А.Н. Толстой: «Морозко – поэтическая сказка, в которой выводится, что смирили-

ем и кротостью можно умиловить самые силы природы: добрая падчерица награждается Морозкой, злую дочь он замораживает» [Боровяков 1984].

Чтобы возникло взаимопонимание между людьми разных национальностей и культур, воспитания и образования, необходимо делать поправку на национально-историческую систему понятий и ценностей, т.е. учитывать, что представитель другого народа может видеть мир несколько иначе, чем мы.

Богатый культурологический материал даёт прочтение фрагментов русских былин. И по сей день былины привлекают внимание не только исследователей фольклора, но и писателей, композиторов, художников, кинематографистов, мультипликаторов и других деятелей искусства, так как в былине заложен мощный потенциал исконной культуры народа. Многие современные исследователи считают, что русский язык для иностранных обучающихся является метапредметом, и предлагают использование метаметодического подхода, ориентирующегося на положительное отношение к языку «как феномену в языковой картине мира, как языку литературы, науки, техники и т.д.» [Дейкина 2018, с. 9]. «По своей художественной силе былины могут быть поставлены в ряд с величайшими шедеврами мирового словесного искусств» [Пропп 1955, с. 403].

Заметим, что в культуре любого народа есть близкие по жанру и сюжету тексты, герои которых храбры, сильны, отважны [Русский фольклор 1980]. У них острый ум, они позитивны, добры и часто великодушны. Студенты-иностранцы могут вспомнить и рассказать о своих фольклорных героях. Былина помогает увидеть, как и из чего складывался русский менталитет, какие изменения можно наблюдать в нём сегодня. Однако, несмотря на обширный лексико-грамматический материал и большой лингвокультурологический потенциал былин, методически целесообразен для изучения он может быть преимущественно с филологами.

Былина предоставляет нам богатый выбор работы с лексикой и грамматикой. Так, приступая к изучению былины как одного из жанров древнерусской литературы, можно рассказать учащимся о её величавом слоге, о стихах, в которых сказители напевно вели повествование. Здесь можно: 1) попросить учащихся определить, от какого слова происходит «сказитель», какой глагол напоминает и кого это слово могло обозначать в Древней Руси; 2) спросить: Как вы думаете, было ли записано это повествование? Почему оно получило название «былина»? Скажите, как оно связано с глаголом «быть»? и т.д. Кроме того, при знакомстве с былинами, непосредственно связанными с происходившими на Руси событиями, для наглядности можно привести впечатляющие факты, которые произведут на учащихся сильное впечатление и подготовят их к восприятию порой непростого текста былин. По подсчётам известного русского историка В.О. Ключевского, за 234 года (с 1228 по 1462 г.) Русь пережила 160 внешних войн [Мартынова 2020].

Среди имён в русской литературе, так или иначе связанных с былинами, можно назвать В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого и др. Образ Руслана в поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» связан с образами русских богатырей. «Песня про купца Калашникова» М.Ю. Лермонтова также представляет собой поэтическую обработку народного эпоса. Таким образом, от эпоса есть возможность «перебросить мостик» к именам известных писателей и поэтов другой эпохи.

Вдохновляли былины и многих русских композиторов, достаточно вспомнить произведения, созданные на основе русского героического эпоса. Н.А. Римским-Корсаковым была написана опера «Садко», названная по имени главного героя новгородского цикла былин.

Говоря об отражении былинного эпоса в изобразительном искусстве, можно вспомнить имена таких живописцев, как В.М. Васнецов, В.П. Верещагин, М.А. Врубель, Н.К. Рерих, К.А. Васильев, И.С. Глазунов. Эти художники создали целую галерею былинных героев. Произведения изобразительного искусства смогут стать прекрасной иллюстрацией для понимания образов, показанных в русской былине.

Особое место былины заняли в киноискусстве. Образ Василия Буслаева в картине «Александр Невский» создан на основе образа былинного богатыря. Кинокартины «Садко», «Илья Муромец», «Князь Владимир» и другие посвящены ратным подвигам русских богатырей. Сегодня эта тема находит отражение и в мультипликации. В последнее десятилетие создан ряд российских мультфильмов, героями которых являются русские богатыри: «Три богатыря. Ход конём», «Илья Муромец и Соловей разбойник», «Добрыня Никитич и Змей Горыныч» и др. К.С. Аксаков в своей книге «Богатыри времён великого князя Владимира: по русским песням» даёт характеристику каждого из них [Аксаков 1981].

Материалы, «оживляющие» былины в творчестве русских композиторов и художников, вернут учащихся к современности и продемонстрируют преемственность традиций. Они покажут будущим зарубежным русистам «идею, вложенную в краски, музыку или линии» (Н.К. Рерих).

С помощью русского фольклора студенты могут погрузиться в мир русской культуры, а следовательно, и в мир русского языка, осознать язык как феномен культуры, понять культурно-историческую среду народа, язык которого они изучают. Произведения фольклора определяют правила поведения человека, оказывают влияние на формирование национальных черт характера, определяют нравственные, эстетические, познавательные ценности личности.

Когнитивная база народа всегда отражена в его национальном языке. Знание любого национального языка представителем другой культуры на уровне языка-системы, не дополненное владением когнитивной базой этого народа, приводит к коммуникативным сбоям, когда иностранец не может понять смысла фраз, состоящих даже из известных ему слов. Осознанию смысла, содержащегося в коннотациях русского фольклора, которые очевидны для носителей языка и скрыты от иностранца, может помочь использование в учебных целях всех возможных дополнительных материалов различных видов искусства: музыки, балета, оперы, кинематографии, мультипликации, изобразительного искусства. Это раскроет смысловые оттенки, эмоции и идеи, которые были первоначально в фольклоре заложены.

Литература

1. Аксаков К.С. Богатыри времён великого князя Владимира: по русским песням // Литературная критика. М., 1981. 384 с.
2. Боровяков С.А. Толстой. М., 1984. 192 с.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990. 248 с.
4. Дейкина А.Д. Принципы аксиологического подхода в преподавании русского языка // Актуальные проблемы современной методики преподавания русского языка в школе и вузе. Сб. трудов III Междунар. науч.-практ. конф., посвящённой 100-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки, профессора Г.Н. Приступы / науч. ред. О.А. Скрябина. Рязань, 2018. С. 7–11.
5. Игошина О.А. Лингвокультурологический анализ фольклорного текста при обучении русскому языку немецкоязычных студентов: дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2003. 210 с.

6. Маркина Н.А., Прохоров Ю.Е. Мы родом из сказки ... Учебное пособие для иностранных студентов-филологов. СПб.: Златоуст, 2004. 116 с.
7. Мартынова М.А. Лингвокультурный потенциал русской былины и возможности его использования в практике преподавания РКИ // Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания (Материалы XXV Международной научно-практич. конференции). Венгрия. Будапешт (15 мая 2020 г.). Будапешт, 2020. С. 114–125.
8. Митрофанова О.Д. О методическом сопряжении родной и изучаемой культуры в практическом курсе РКИ // Русский язык в культурном пространстве Европы и мира: век, сознание, коммуникация, «Интернет». Варшава, 2004.
9. Пропп В.Я. Русский героический эпос. Ленинград, 1955. 248 с.
10. Харитоновна О.В. Ядерные концепты русской языковой картины мира как средство формирования лингвистической и межкультурной компетенций у иностранных учащихся // Русский язык, литература и культура в пространстве АТР. Материалы III междунар. форума. Владивосток, 2020. С. 97–99.
11. Русский фольклор. М.: Художественная литература, 2007. 416 с.

УДК 78.08:801.81

Современные условия бытования песенного фольклора мари Параньгинского района Республики Марий Эл

**Луиза Петровна Мингазова,
Алсу Рустамовна Зайнутдинова**
Казанский государственный институт культуры
nur-luiza@mail.ru; asyliar@mail.ru

Статья посвящена современному состоянию традиционной песенной культуры в Республике Марий Эл. Рассмотрена деятельность фольклорных коллективов Параньгинского района республики по сохранению и популяризации марийской музыкально-поэтической культуры. Отмечен семейный характер сельских ансамблей. Авторы подчёркивают определяющую роль марийской деревни в сохранении родного языка и народных традиций.

Ключевые слова: марийцы, восточные и луговые мари, музыкально-песенный фольклор, фольклорный ансамбль.

Modern Conditions of Existence of the Song Folklore of Mari Paranginsky District of the Republic of Mari-El

**L.P. Mingazova,
A.R. Zaynutdinova**
Kazan State Institute of Culture

The article is devoted to the current state of the song culture of the Republic of Mari-El. The authors consider the activities of folklore groups of Paranginsky district of Republic for the preservation and popularization of

the Mari musical culture. The family character of country ensembles is shown. The authors note the important role of the Mari village in preserving the native language and folk traditions.

Keywords: Mari, eastern and meadow Mari, musical and song folklore, folklore ensemble.

На земном шаре проживает около двух тысяч народов, которые отличаются друг от друга по языку, обычаям, традициям, а также по культуре, в том числе и по музыкально-песенной. Причины этих отличий имеют глубокие исторические корни: особенности заселения различных территорий, специфика их жизненного уклада. Марийцы являются древним автохтонным народом Среднего Поволжья и имеют богатейшую песенную культуру.

Начало изучения музыкально-культурных традиций в Марийском крае исторически было связано с вхождением Марий Эл в состав Русского государства. После завоевания Казанского ханства в середине XVI в. в Среднем Поволжье началась политика христианизации нерусских народов. Но, несмотря на христианизацию, марийцы сохранили свою архаичную традиционную культуру.

В 1804 г. был открыт Казанский университет, ставший для народов Поволжья центром, где были заложены основы для развития культуры, просвещения, хотя доступ основной массе трудящихся, особенно крестьянскому населению, был закрыт; только единицам представителей «инородцев» удалось до революции получить здесь образование

Усилиями прогрессивных профессоров и преподавателей университета началось изучение быта и культуры марийцев. Результатом многолетней работы больших знатоков марийского музыкального фольклора В.А. Богородицкого, М.И. Берг и В.М. Васильева стало издание (после революции) сборника марийских песен «Марий муро» (Песни народа мари, собранные В.М. Васильевым. Казань, 1919–1920). Школа давала марийскому народу основы музыкальной культуры.

Особое развитие в марийском фольклоре получил жанр песни. Песенный фольклор марийцев делится на две большие группы – обрядовый и необрядовый.

Обрядовые песни (йула дене кылдалтише муро) – это песни, которые связаны с календарными народными праздниками и семейно-родовыми торжествами: календарные, венчальные, свадебные, колыбельные, поминальные, гостевые, рекрутские песни, а также песни жрецов и трудовые песни.

Вторая большая группа марийского песенного фольклора не связана с обрядами. **Необрядовые песни (йула дене кылдалтдыме муро)** исполняются, в отличие от приуроченных, в неопределённое время и при любых условиях.

В прошлом песенный фольклор передавался из уст в уста, от старшего к младшему, т.е. присутствовал такой элемент, как преемственность поколений. В настоящее время намного легче, благодаря современным возможностям, техническим средствам, воспроизводить и передавать музыкально-поэтическую культуру. Песенный фольклор записывается, транслируется с помощью СМИ, компьютеров, диктофонов, магнитофонов. Ретрансляцией традиций занимаются ансамбли, которые перенимают родной фольклор и исполняют на сцене. Но, к сожалению, в современном мире естественная передача этнокультурных традиций прервана. Активную работу по сохранению, изучению и популяризации традиционного фольклора ведёт кафедра этнохудожественного творчества и образования Казанского государственного института культуры. Каждый год преподаватели и студенты этой кафедры выезжают в экспедиции, проводят конкурс-фестиваль «Этномириада», в котором активно участвуют марийские ансамбли и фольклорные коллективы других наро-

дов Республики Марий Эл. Именно фестиваль сохраняет и пропагандирует лучшие традиции народного искусства.

В ходе исторического развития к середине XVIII в. марийцы разделились на три этнические группы: луговых, горных и восточных мари. Каждая из этих групп географически расположена локально и обладает своими специфическими особенностями, многие из которых появились в результате тесного и многовекового общения с культурой окружающих народов. Так, у горных мари много общего с русской культурой, у восточных – с башкирской и татарской, у луговых – с татарской и чувашской. Эти особенности заметны как в лингвистическом, этнографическом отношениях, так и в фольклоре, в том числе музыкальном.

Музыкальный фольклор, особенно горных мари и в меньшей степени восточных, можно сказать, однороден и целостен (что, кстати, облегчает задачу его изучения), чего нельзя сказать о музыкальной культуре луговых мари. Когда к 50–60-м годам XX в. был накоплен достаточный материал (и более совершенный по средствам записи), его исследователи обратили внимание на различие музыкального фольклора, и даже языка, в разных районах проживания луговых мари. Это послужило основанием для разделения луговых мари ещё и на подгруппы, среди которых особо выделяются три:

1) Моркинская – марийцы некоторых населённых пунктов Моркинского района, а также марийцы Звениговского и Волжского районов;

2) Йошкар-олинская – марийцы Медведевского, Оршанского и части Советского районов Марий Эл и марийцы Яранского, Санчурского, Тужинского районов Кировской области;

3) Сернурская – марийцы Сернурского, Мари-Турекского, Новоторъяльского, Куженерского, Параньгинского районов Марий Эл и марийцы Уржумского, Шурминского и Малмыжского районов Кировской области [Марийское музыкальное народное творчество 2008, с. 65].

Республика Марий Эл расположена в центре европейской части России, преимущественно на левобережье реки Волги; столица Йошкар-Ола. В республике 14 районов. Один из них – Параньгинский муниципальный район (мар. *Параньга кундем*, тат. *Баранге районы*) – находится в восточной части республики. После падения Казани часть беглого татарского населения была принята марийцами на своей территории, вследствие чего татары составили около половины населения района [Параньгинский район].

Несмотря на влияние процессов глобализации, жители Параньгинского района стараются возродить, сохранять и пропагандировать традиционный песенный фольклор. В своей деятельности руководители большинства самодетельных фольклорных коллективов сталкиваются, с одной стороны, с проблемами, касающимися вокальной техники, с другой стороны, – с проблемами фольклористического плана, прежде всего такими, как разработка и реконструкция фольклорно-этнографических материалов, освоение особенностей звучания и говора той или иной локальной традиции, специфика внедрения элементов народных традиций в современную культурную жизнь, особенности показа фольклорных образцов и обрядовых фрагментов на сцене и т.д.

Различия фольклорных традиций разных районов касаются не только репертуара певческих сельских ансамблей, но главным образом особенностей поэтического диалекта (говора), музыкальных закономерностей фольклорных образцов (фактура, ритмика, интонационный строй, исполнительские приёмы), видов хореографического движения, структуры обрядовых комплексов и т.д. Именно поэтому на современном этапе самое при-

стальное внимание должно быть направлено на выявление специфических закономерностей местных традиций одного района, сельсовета и даже одной деревни. Рассмотрим два народных коллектива, которые наиболее популярны в Параньгинском районе, ни одно мероприятие не обходится без их участия.

Вокальный женский ансамбль *«Мурпеледыш»* («Песенный венок») был создан в 1997 г., на протяжении двух десятков лет им руководит Заслуженный работник культуры Республики Марий Эл Лопкина Вера Анатольевна, окончившая колледж культуры и искусств в Йошкар-Оле (отделение народных инструментов). В составе ансамбля женщины разных профессий, проживающие в деревне Усола, среди них люди пенсионного возраста.

Коллектив ведёт активную творческую работу, с каждым годом обновляя репертуар, улучшая исполнительское мастерство, добиваясь высоких результатов в различных конкурсах, смотрах, фестивалях. Ансамбль выступает не только перед односельчанами, но и радуется своим талантом жителей других районов республики, неоднократно выезжал за пределы Марий Эл: в Ульяновскую, Кировскую области, Чувашию, Удмуртию. Его репертуар богат и разнообразен: марийские обрядовые песни, частушки, песни других народов (маар., рус., укр., тат.). В прошлом песни сопровождали все трудовые процессы и праздники. В наши дни обрядовые песни стали исполняться вне связи с ритуалом, но это позволило продлить их жизнь в народном быту. Необрядовый репертуар пополнился трансформированными мелодиями обрядовых (трудовых, календарных, семейных) песен. Необрядовая лирика имеет широкую область применения, она может звучать при любых обстоятельствах, в различной обстановке: на пиру, на гулянии, на работе, на отдыхе и т.д., что открывает большие возможности для проявления индивидуальности исполнителя, давая простор для его фантазии.

Средний возраст участников ансамбля 50 лет. Они очень активны, инициативны. Костюмы сами шьют и вышивают. С 2013 г. *«Мурпеледыш»* носит высокое звание «Народный коллектив».

Фольклорный коллектив *«Поро кас»* («Добрый вечер») начал свою работу в 1984 г. в деревне Яндемирова, которая находится в трёх км от Параньги. Основатель ансамбля – Артём Яковлевич Данилов. Сегодня его руководителем является Смирнов Эрик Васильевич. В репертуаре ансамбля марийские народные песни и танцы. Песенный репертуар в основном местный, обработки делают сами. На сегодняшний день состав коллектива 25 человек (женский и мужской состав), среди них есть члены одной семьи: братья и сестры, мужья и жёны, отцы и дети. Возрастная категория участников от 20 до 65 лет. Коллектив много гастролирует. В штате есть баянист, вокалист, хореограф. В 1990 г. ансамблю присвоено звание «Народный самодеятельный коллектив».

Таким образом, в Параньгинском районе республики марийская культура не утратила своего облика: люди дорожат традициями предков, общаются на родном языке, проводят обряды, исполняют народные песни. Можно утверждать, что в Марий Эл деревня до сих пор остаётся хранительницей родного языка и традиционной культуры: семейно-бытовых, календарных обрядов и обычаев, народных праздников, национальной кухни, традиции гостеприимства, уважительного отношения к природным силам, стихийно-реалистического отношения к жизни. В условиях современности марийская деревня продолжает играть определяющую роль в сохранении духовной культуры народа.

Литература

1. Марийское музыкальное народное творчество: учебное пособие. Йошкар-Ола: Учебно-методический центр «Камертон», 2008. 108 с.
2. Параньгинский район. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Параньгинский_район (дата обращения: 31.03.2022).

УДК 811.1/8

Аксиологические характеристики фрейма «путешествие» в английской и русской сказке

**Марина Николаевна Рассоха,
Софья Дмитриевна Тимченко**

Дальневосточный федеральный университет
rassokha.mn@dvfu.ru; sonyadrebitt@gmail.com

Исследование направлено на выявление аксиологических смыслов, актуализируемых фреймом «путешествие» в текстах русской и английской сказок. Метод фреймового анализа показал достаточно большую степень сходства в организации фреймовой структуры, а также наибольшую плотность ценностных значений в слотах «события во время путешествия» и «помощь». В то же время расхождения отмечены в вербальном наполнении слотов и некоторых языковых формулах, актуализирующих ценностные установки.

Ключевые слова: фрейм «путешествие», фреймовый анализ, сказка, ценностные смыслы и ориентиры.

Axiological Features of the Frame “Travelling” in English and Russian Folk Tales

**M.N. Rassokha,
S.D. Timchenko**

Far Eastern Federal University

This study investigates axiological meanings embodied in the frame “travelling” in the texts of English and Russian folk tales. Frame analysis demonstrates a marked similarity in the frame structure as well as the highest concentration of axiological meanings in the slots “events on the trip” and “help”. In contrast, there are obvious differences in verbal representation of slots and lexico-grammatical structures linked to values patterns.

Keywords: frame “travelling”, frame analysis, folk tale, axiological meaning, values patterns.

Сказка – это один из основных жанров устного народного творчества, в котором, как правило, находят отражение донаучные представления людей об окружающем мире. В то же время значимость текстов сказок для культуры неоспорима, поскольку они хранят и передают последующим поколениям определённые жизненные ценности – важность взаимопомощи, смелости и доброты, веру в добро, справедливость, силу любви и т.д. Являясь прецедентными текстами, сказки входят в ядро базовых текстов лингвокультуры, а заключённые в них смыслы и значения хранятся в национальной когнитивной базе.

Сказки как объект исследования давно привлекают внимание учёных. Интереснейшие данные по жанровому своеобразию сказок, стилистике сказочного нарратива, по

образам и языку сказки накопили, к примеру, исследователи фольклора, давно и плодотворно занимающиеся сказками как явлением народной культуры.

Ключевым этапом в изучении сказок стали работы В.Я. Проппа, создавшие теоретический фундамент для исследования сказок любой культурной традиции [Пропп 1984, 1986]. Выдающийся учёный выявил семантико-функциональную организацию сказочного повествования и важнейшие элементы сказки, из которых хотя бы один обязательно присутствует в сюжете. Он назвал их функциями, выделив вредительство (функция, с помощью которой создаётся движение сказки); посредничество как соединительный момент (функция, которая вводит в сказку героя); начинающееся противодействие (функция, характерная для сказок, где герой выступает искателем) [Пропп 1986, с. 27–32]. Помимо этого, в своих работах В.Я. Пропп подробно описывает развитие сюжетов сказок (ходы). Данные ходы могут быть применены в качестве основы для исследования сказок.

С развитием когнитивной лингвистики стали появляться исследования, которые применяли к текстам сказок научные методы данной области [Бурцева 2013; Петрова 2011]. Приведём в качестве примера работу О.И. Бурцевой, в которой автор в рамках фреймового подхода анализирует структурный и содержательный план сказки В.А. Жуковского «Сказка о Иване-царевиче и Сером Волке» [Бурцева 2013]. Анализ выявил типичные и вместе с тем отличительные черты волшебной сказки на уровне её структурного плана в виде стереотипных схем действий [Бурцева 2013, с. 52].

Целью настоящего исследования является структурирование фрейма «путешествие» как совокупности слотов с их культурно-специфическим языковым наполнением, характерным для волшебных сказок русской и британской лингвокультур. Особое внимание будет также сосредоточено на выявлении аксиологических смыслов, актуализируемых данным фреймом. Следует указать, что тема путешествий нередко является сюжетообразующей для сказок разных народов мира, однако в сопоставительном ключе исследование данной темы, насколько нам известно, ещё не проводилось, особенно с акцентом на выявлении аксиологической и лингвокультурной специфики структур представления знаний о мире.

Необходимо отметить, что в настоящее время значительно активизировался интерес исследователей к теории фреймов и расширению сфер применения фреймового анализа. Предположительно, это связано с относительной новизной понятия «фрейм» и пока ещё небольшим количеством работ в данной области. Это связано также с тем, что фреймовая теория разрабатывается целым рядом наук как междисциплинарное исследовательское поле и, согласно российскому социологу В. Вахштайну, «не является целостным теоретическим построением, а представляет собой совокупность концепций, развивающихся в рамках социологии, психологии, когнитивистики, кибернетики и лингвистики. Все эти концепции организованы вокруг проблемы контекстуализации события действия (или высказывания, т.е. события коммуникации). Собственно, термин “фрейм” и является собирательным обозначением контекста» [Вахштайн 2011, с. 41]. Понимая, почему наука подошла к широкой трактовке фрейма (она обусловлена, в первую очередь, междисциплинарным подходом к развитию теории фрейма), важно не упускать то существенное, что было отмечено основоположниками фреймового метода. Для нашего анализа существенно замечание М. Минского о стереотипности ситуаций, отражаемых фреймами: «Фрейм является структурой данных для представления стереотипной ситуации. С каждым фреймом ассоциирована информация разных видов» [Минский 1979, с. 2]. Не менее важно описание фрейма Ч. Филлмором, прежде

всего с точки зрения его лексического наполнения и взаимообусловленности лексических единиц, представляющих фрейм. Таким образом, фрейм, по мнению Ч. Филлмора, представляет собой некую семантическую схему мира, элементы которого описываются определёнными лексическими единицами [Филлмор 1988].

Дальнейшее развитие фреймового анализа заключается в появлении новых исследований, в основе которых лежит данный метод анализа. При этом лингвисты стали также делать акцент на сопоставительном аспекте для выявления общих и специфических характеристик фреймов разных лингвокультур [Айвазова 2011; Бабичева 2006].

В данном исследовании мы обратимся к материалу русских и британских сказок и на основе фреймового анализа продемонстрируем структуру фрейма «путешествие», актуализируемого их текстами. Фрейм «путешествие», как форма представления знания, существует в каждой культуре, но в текстах разных жанров (например, для сравнения жанр путевых заметок) он репрезентируется как совокупность определённых слотов с их культурно специфическим языковым наполнением и глубинным оценочным уровнем.

Фреймовому анализу в рамках исследования подверглись тексты четырёх сказок – русских народных «Финист – Ясный сокол» и «Гуси-Лебеди» и британских народных сказок «The Black Bull of Norraway» и «The Two Sisters». Общие данные проведённого фреймового анализа учитываются при интерпретации результатов исследования, однако, в качестве иллюстрации из-за ограничений объёма статьи подробно проанализируем фреймы двух сказок – русской «Гуси-Лебеди» и английской «The Two Sisters». Применение фреймового анализа для реализации цели нашего исследования обусловлено определёнными достижениями данного подхода, позволяющего выявить на материале сказки способы художественного освоения мира и представить их в виде неких обобщённых схем знаний.

Прежде чем перейти к структурированию фреймов, кратко опишем сюжеты сказок «Гуси-Лебеди» и «The Two Sisters». Основой сюжета русской народной сказки «Гуси-Лебеди» служит история путешествия девочки, которая не уследила за младшим братом, и его похитили гуси-лебеди, находящиеся на службе у бабы-яги. Главной героине предстоит отправиться на поиски брата, найти его у бабы-яги, убежать с ним и с помощью печи, яблони и речки с кисельными берегами благополучно привести его домой. В английской народной сказке «The Two Sisters» речь идёт о двух сестрах из очень бедной семьи, которые были вынуждены отправиться на поиски работы в неизведанные края. Первой отправилась добрая сестра, которая находит работу у ведьмы. Проработав какое-то время у ведьмы, она убегает от неё, захватив мешочек с золотом в счёт заработанных денег. Уйти от ведьминой погони и невредимой добраться домой помогают печь, корова и яблоня. Другая сестра – злая, узнав о золоте, отправилась в такое же путешествие, но в дороге никому не помогла, и никто, в свою очередь, не стал её спасать и прятать от ведьмы.

Можно наблюдать удивительное сходство отдельных речевых формул и некоторых основных сюжетных линий русской и английской сказки и ещё большее сюжетное сходство английской сказки «The Two Sisters» с немецкой сказкой «The Old Witch» братьев Гримм. Возможно, в основу лёг один общеевропейский сюжет, который отчасти трансформировался в народном пересказе, обрстая отличающимися деталями повествования.

Конструирование фреймов сказок включало два этапа. Применяв метод фреймового анализа, мы сначала выделили протофрейм «путешествие», общий для всех сказок. Он включает в себя следующие слоты: «путешественник», «причина путешествия», «цель путешествия», «способ путешествия», «путь/местность», «испытания во время путеше-

ствия», «помощь», «события во время путешествия», «длительность путешествия», «конец пути». Затем на основе протофрейма мы разработали экзофреймы «путешествие» для каждой сказки. Далее мы определяли языковое наполнение слотов, устанавливая при этом сходство и отличия двух сказок.

В результате анализа было обнаружено, что не совпадает наполнение слотов «путешественник» (девочка и two sisters), «причина путешествия» (найти брата и going to service), «цель путешествия» (вернуть брата и good wages), «длительность путешествия» (один день и some time) и «конец пути» (она прибежала домой, да хорошо ещё, что успела прибежать, а тут и отец и мать пришли и the kind, obliging little girl got safe home with her bag of money).

В то же время, сходными (или отчасти сходными) характеристиками обладают слоты «способ путешествия» (бросилась догонять, бежала, бежала и she went, she journeyed, но на *обратном пути*, спасаясь от погони, и девочка, и сестры бегут/run), «испытания во время путешествия» («погоня» и участники погони – гуси-лебеди и the witch-woman coming after her on her broomstick) и «путь/местность» (чистое поле, тёмный лес и she went farther afield into the country). Относительно вербализации слота «путь/местность» непременно следует указать, что сказочный мир имеет признаки как реального, так и волшебного мира. Например, в русской сказке «Гуси-Лебеди» у местности больше характеристик волшебного мира: бежит молочная речка, кисельные берега, стоит избушка на курьих ножках, стоит-поворачивается. В то же время, и в русской, и в английской сказках волшебное проявляется в том, что печка, корова, речка, яблонька разговаривают, печка сама печёт ржаные пирожки или хлеба среди поля, потом – уже в английской сказке – с печкой неожиданно рядом оказывается пекарь, и тогда уже он прячет младшую сестру в пекарне.

Слоты «события во время путешествия» и «помощь» представляют, на наш взгляд, особый интерес. В целом здесь более всего параллелей. Так, в русской народной сказке «Гуси-Лебеди» слот «события во время путешествия» содержит в себе следующее: встречу с бабой-ягой, побег с братом, погоню и помощь печке, яблоне, речке, которые, в свою очередь, помогают детям уйти от погони. Наполнение этого же слота в английской народной сказке «The Two Sisters» определяется встречей с ведьмой, затем побег с золотом, погоня, помощь (или отказ в помощи) печки, коровы и яблони.

Анализируя слот «помощь» в двух сказках, можно прийти к выводу, что одно из самых заметных и важных совпадений в исследуемых текстах заключается во второстепенных персонажах – волшебных помощниках, которые встречаются на пути главных героинь. Два из них – печь/oven и яблоня/apple-tree играют похожую роль, третий помощник – река и корова, хотя и отражают изменение в сюжете, тем не менее сохраняют сходство функции всех помощников – героиням нужно выполнить их просьбу. Данная степень сходства в наполнении слота приводит к мысли, что он является центральным в структуре фрейма, и в нём сосредоточены самые важные ценностно-смысловые отношения.

Здесь фрейм, вслед за Н.И. Жинкиным, полезно рассматривать не только как средство организации опыта и инструмент познания, но и как инструмент описания и объяснения лексического и грамматического значений [Жинкин 2017]. Значения слов, выделяемых во фрейме, следует трактовать на фоне контекста, поэтому А. Шюц обозначает фрейм как систему категорий, структурированных в соответствии с некоторым мотивирующим контекстом. Мотивирующий контекст – корпус пониманий, структура практик или история социальных установок, на фоне которых понятным является создание той или иной

категории в истории языкового сообщества [Шюц 2013, с. 54]. В истории человеческих сообществ мотивирующие контексты с их репертуаром повседневных социальных практик и установок стали определять поведение и отношения людей. Характерно, что эти отношения строятся на основе важнейших «нравственных ценностей – *Добродетели, Благородства, Отзывчивости, Готовности помочь другому* (выделено автором) [Каган 1997, с. 111]. В основе сказки очень часто лежат мотивирующие ситуации для напоминания о важнейших житейских истинах, устойчивых нормах нравственности, опыте «ценностно-смыслового познания» [Алефиренко 2010, с. 8], фиксируя их средствами языка, которые в совокупности формируют его ценностно-смысловое пространство [Алефиренко 2010, с. 9].

Языковая репрезентация фрейма «путешествие» показывает, что слот «помощь» является самым вербально выразительным и наполненным, а объективирующие его языковые выражения нередко имеют характер речевых формул. Диалогические вербальные конструкции расположены линейно-последовательно и – это крайне значимо – воспроизводятся несколько раз. «“Печка, печка, скажи, куда гуси полетели?” – “Съешь моего ржаного пирожка, скажу”. – “О, у моего батюшки и пшеничные не едятся!” Печь не сказала». Похожий диалог повторяется три раза, с тремя разными волшебными объектами, при этом спрашивающий не получает очень важного для него ответа, таким образом возникает случай коммуникативной неудачи и пример антиповедения. Ещё три раза проигрывается подобный диалог: «“Речка-матушка, спрячь меня!” – “Съешь моего киселика!”. Нечего делать, съела. Речка её посадила под бережок, гуси пролетели. Вышла она, сказала: “Спасибо!” – и опять бежит с братцем». Данным эпизодом сказки актуализируется этический концепт, определяющий *правильное* поведение, правильные с точки зрения сообщества людей отношения и реакции на просьбу.

Обратим здесь также внимание на то, как меняется стилистика диалога. Получив и запомнив урок, девочка во второй раз обращается к волшебным помощникам ласково и с уважением: «матушка», «сударыня», «Яблонь, яблонь-матушка, спрячь меня!», «Сударыня печка, спрячь меня!». Таким образом, этическое и неэтическое, неприемлемое социумом поведение очень чётко описано в сказке в виде коммуникативных образцов.

Мы отмечаем гораздо большую степень формульности языковых выражений в коммуникативных ситуациях в русской сказочной традиции, хотя и в английской сказке также используется принцип речевых формул. Например, так звучит отказ от предлагаемой еды в сказке «Гуси-Лебеди», который каждый раз мотивируется тем, что угощение слишком простое: «О, у моего батюшки и пшеничные не едятся!», «О, у моего батюшки и садовые не едятся!», «О, у моего батюшки и сливочки не едятся!». По прагматической силе, это не очень категоричный отказ, но всё равно отказ, и это, конечно, не одобряется культурой с её системой регулятивных правил.

Более разнообразные причины отказа помочь отмечаются в английской сказке. Так, ответ хлебам был таким: «...I should burn my fingers to save you crusts! No, thank you!». Ещё более грубо старшая сестра ответила корове: «You may wait another seven years for all I care, I am not your dairymaid!». С яблоней разговор был совсем короткий, девушка рассмеялась и сорвала себе спелое яблоко, оставив дерево гнуться под тяжестью плодов: «she only giggled, and plucking one ripe apple, said: “One is enough for me, you can keep the rest yourself”». Такого рода примеры являются яркой иллюстрацией «языкового измерения» этики [Тхорик, Фанян 2006, с. 86]. Воспроизведенные формульно или в более разнообразном языковом облике, этические концепты и актуализируемые ими ценности помощи,

доброто отношения постигаются нравственным сознанием естественно и становятся доступными даже самому маленькому слушателю волшебной сказки. Этому способствует организация сказочного повествования, построенная на контрасте. В английской сказке – это две героини, добрая и злая, и их роли, по сути, однозначны. В русской сказке девочка проходит через поведенческую трансформацию. Беспечная и не очень ответственная, она убегает гулять, оставив маленького брата, но пройдя через испытания, она становится самоотверженной, способной на многое ради родного человека. Помимо прочего, здесь присутствует ещё один урок поведения для крестьянских детей, которым зачастую приходилось сидеть с младшими детьми, пока родители были в поле. Таким образом, в сказочной форме передаётся система конвенционального поведения: будь добрым, внимательным и заботливым, если кто-то отнёсся к тебе по-доброму, помог, непременно нужно сказать «Спасибо!» В английской сказке, кстати, это выражено более эксплицитно: *one good turn deserves another. She thanked the tree politely.*

Аксиологические словесные модели, создаваемые в тексте сказки, помимо того, что выполняют важную дидактическую функцию, также выстраивают идеальный образ мира, существующего на основе этических и нравственных правил, – мира, в котором наказывается жадность и эгоизм, как в финале сказки «The Two Sisters», и поощряется взаимопомощь и доброта.

И последнее замечание. Сказка как носитель народной мудрости и знаний, безусловно, является и хранителем этических и нравственных ценностей, поэтому у неё сохраняется такая значимая роль в ценностно-смысловом пространстве культуры. Этические концепты – «добро», «помощь другому», вербализуемые в рассмотренных сказках, не являются исключительно характеристиками фрейма «путешествие». Фрейм лишь выступает как мотивирующий контекст (по А. Шюцу), способствующий воспроизводству социальных практик и культурно-ценностных установок. В то же время их актуализация в рамках данного фрейма позволяет показать их важность и значимость как для достижения поставленной цели, так и вообще для сохранения жизни в ситуации, когда человек оказывается за пределами своего мира. В этом случае они могут стать надёжными ценностными ориентирами, руководством в действиях и поступках уже не только в волшебном, а в совершенно реальном мире.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2010. 288 с.
2. Айвазова В.В. Когнитивное исследование фрейма-сценария «благодарность» в различных видах англоязычного и немецкоязычного дискурса: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2011. 19 с.
3. Бабичева А.С. Фрейм «свадьба» в английской и русской лингвокультурах // Известия ВГПУ. Сер. Филологические науки. 2006. № 3 (16). С. 80–82.
4. Бурцева О.И. Фреймовый анализ сказочного повествования (на примере сказки В.А. Жуковского «Сказка о Иване-царевиче и Сером Волке») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2013. № 7. Ч. 2. С. 52–54.
5. Вахштайн В.С. Социология повседневности и теория фреймов. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. 334 с.
6. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Политиздат, 2017. 156 с.

7. Каган М.С. Философская теория ценностей. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. 205 с.
8. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 151 с.
9. Народные русские сказки из собрания А.Н. Афанасьева. М.: Астрель, 2012. 302 с.
10. Петрова Е.Е. Способы лингво-прагматической репрезентации фантазийных концептов: на материале английских волшебных сказок: автореф. ... дис. канд. филол. наук. СПб, 2011. 25 с.
11. Пропп В.Я. Русская сказка. Л.: ЛГУ, 1984. 336 с.
12. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. СПб.: Азбука-Аттикус, 1986. 730 с.
13. Тхорик В.И., Фанян Н.Ю. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. Учеб. пособие. М.: ГИС, 2006. 260 с.
14. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике: когнитивные аспекты языка. Вып. XXIII. М.: Прогресс, 1988. С. 52–92.
15. Шюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. 2013. Т. 3. № 2. С. 3–34.
16. English Fairy Tales. The Macmillan Company. L., 1918. 363 p.

УДК 398.21

Добро и зло в русских и монгольских сказках

**Ирина Анатольевна Тропина,
Елена Владимировна Черненко,
Гандболд Батбайгаль**

Ростовский государственный медицинский университет
i.a.tropina@yandex.ru; and6531372@ya.ru; gbatbaigal@gmail.com

В статье проанализированы представления о добре и зле, отражённые в фольклоре Монголии и России. Сказочные произведения русского и монгольского народов сопоставлены по жанровым особенностям, характеру образов добрых и злых героев и окружающих их персонажей, культурно-бытовому контексту и пропагандируемым нравственным ценностям.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, фольклор, тема добра и зла, русские народные сказки, монгольские народные сказки.

Good and Evil in Russian and Mongolian Fairy Tales

**I.A. Tropina,
E.V. Chernenko,
Handbold Batbaigal**
Rostov State Medical University

The article analyzes the ideas about good and evil, reflected in the folklore of Mongolia and Russia. Fairy-tale works of the Russian and Mongolian peoples are compared in terms of genre features, the nature of the images

of good and evil heroes and the characters around them, the cultural and everyday context and the moral values promoted.

Keywords: intercultural communication, folklore, the theme of good and evil, Russian folk tales, Mongolian folk tales.

Добро и зло существуют с древних времён, это одни из главных моральных понятий в жизни. Добром считается нравственная ценность, которую относят к образу человеческих отношений и поступков, и потому призывают беречь и развивать. Его противоположностью является зло, которое нужно уничтожить, его нельзя вообще допускать. Понятия добра и зла, а также веру в то, что добро всегда побеждает, помогают формировать сказки разных народов. Эту веру сказки вселяют в душу человека с детства.

В фольклоре злые персонажи всегда резко противопоставлены добрым. Для подрастающего поколения граница между добром и злом должна быть чёткой и ясной: именно так дети смогут разглядеть, что плохо, а что хорошо. Поэтому в народных сказках зло и добро всегда очень хорошо заметны. В сказках нет наполовину плохих или хороших героев. Они либо с самого начала тёмные, злые, завистливые, либо же полностью светлые, добрые, великодушные, сочувствующие другим персонажам. Когда ребёнок слушает сказку, он практически сразу определяет для себя доброго героя для подражания. Таким простым образом устное народное творчество закладывало в ребёнке понимание плохого и хорошего.

Жанровые особенности сказки, т.е. установка на вымысел, особую реальность, в которой знания и фантазии человека об окружающем его мире тесно переплетаются, характерны как для русских, так и для монгольских народных сказок. Это всегда законченное повествование не только с чётко выраженным противопоставлением добра и зла, но и обязательным торжеством последнего. Добро и зло в сказках борются, сказочный мир живёт на этой вражде. Злые персонажи пытаются одержать верх, они придумывают различные козни, создают опасности для добрых героев. В начале сказки зло имеет, казалось бы, непобедимую силу и власть, навевает страх, создаёт чувство полной незащитности, но в конце обязательно проигрывает. Отпечаток времени придаёт этим константам непреходящую ценность.

Одна из самых известных русских сказок в Монголии – это «Сказка об Иване Царевиче и Сером Волке». В ней три брата борются за расположение и наследство царя. Чтобы доказать свою преданность отцу, Иван отправляется в путешествие, во время которого встречает множество препятствий, но каждый раз упорно их преодолевает. Младший сын царя всегда старался изо всех сил, творил добро. Другой персонаж, являющийся воплощением добра в этой сказке, – Серый Волк; он во всём помогает Ивану. Вместе они показывают, что честность и мудрость всегда востребованы.

Тема зла показана на примере старших братьев. Эти персонажи противоположны Ивану, они постоянно пытаются найти лёгкий способ достижения своей цели. Мы видим, что оба брата завидуют его успеху и, в конце концов, убивают Ивана, забирают Жар-птицу, коня и принцессу, привозят к отцу и получают обещанную награду. Однако Волк спасает Ивана ещё раз, и справедливость торжествует над подлостью и предательством. Иван прибывает домой и объясняет царю, что случилось. Братья наказаны, а Иван награждён. Сказка имеет счастливый конец. Это произведение показывает читателям, что доброта, честность и настойчивость приносят успех, а ложь и мошенничество наказываются.

В монгольских сказках добрые богатыри сражаются со злыми *мангасами*, т.е. чудовищами. Народная фантазия наделяет *мангасов* необычайной силой и свирепостью. Дру-

гие злые персонажи монгольских сказок – *шуламы* (ведьмы), враждебные людям сверхъестественные существа. Изображается *шулам* чаще всего в виде старухи с пепельно-серыми волосами, коровьими рогами, с оскаленной пастью, из которой торчат огромные клыки, с подбородком до колен, двенадцатисаженной грудью и животом величиной с юрту. Есть в монгольском сказочном мире и другие чудовища: драконы, птица *хангарид*, гигантский змей, но они играют второстепенную роль. Например, в сказке «Находчивый старик» драконы служат главе небожителей *Хурмаст-хану*. На земных богатырей они нападают редко, и нападения эти легко отражаются. *Хангарид* – гигантская волшебная птица, способная унести в клюве жеребят и даже людей. Изредка в сказках и былинах встречается гигантский змей (*аврага могой*). Он враждует с *хангарид*, людям же вреда не причиняет.

Злые персонажи, наделённые магическими способностями, и в русских сказках всегда имели безобразную, отталкивающую внешность. Баба Яга, Змей Горыныч, Кашей Бессмертный, Кикимора болотная, Леший и другие несут народу только беду, горе и слёзы. Существа, олицетворяющие зло, обитают в дремучих лесах, в подземельях, норах и пещерах. В русской сказке плохие и злые персонажи никогда не могут исправиться, они оказываются побеждёнными безоговорочно. Злые существа обладают силой, огромным войском разной нечисти, но добрые герои всё равно побеждают их благодаря уму, смелости, доблести и отваге, своим хорошим поступкам, уму, находчивости или трудолюбию.

В русских народных сказках тот, кто несёт с собой зло, обязательно будет наказан. А добро, наоборот, будет вознаграждено. Носители добра – это смекалистые и бескорыстные герои: Василиса Премудрая, Елена Прекрасная, Марья-искусница, Алёнушка или Настенька, Иванушка-дурачок, Емеля или Иван-царевич и др. Все эти сказочные персонажи обладают положительными качествами: отзывчивостью, настойчивостью, смелостью, терпением, умом, наблюдательностью, трудолюбием, скромностью. Например, Иванушка-дурачок – объект для насмешек своих братьев. Но, несмотря на это, герой лучше всех справляется с отцовскими поручениями, потому что он более ответственен, более наблюдателен, наделён храбростью и смекалкой. За свои поступки Иванушка получает красавицу царевну в жёны и полцарства в приданое. В сказке «Морозко» злая мачеха и завистливая сводная сестра заставляют отца увезти Настеньку в лес и «оставить там на съедение волкам». Добрый персонаж Морозко помогает вежливой, трудолюбивой и скромной девушке, награждая за труд и доброе отношение, тогда как её ленивая, жадная и грубая сестра наказана и высмеяна.

Особенно ярко это проявляется в бытовых сказках («Как мужик гуся делил», «Умная дочь» и др.), где высмеиваются глупые богачи, а хитрые и умные бедняки вознаграждаются по заслугам. Особенно популярна в Монголии русская сказка «Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что». Она повествует о царском охотнике Андрее, который подстрелил дивную птицу, умолявшую не убивать её. Необычная птица оказалась прекрасной царевной Марьей. Они поженились и счастливо жили. Марья во всём помогала мужу. Царь и его советник влюбились в прекрасную царевну и решили известить Андрея, считая его недостойным такой красавицы. Со всеми, даже трудно выполнимыми, заданиями охотник справился. Царь не успокаивался, искал новые возможности погубить стрельца. Однако это ему не удалось: Андрей с помощью жены побил армию злого царя и взошёл на его трон. В очередной раз добро, мудрость, сила и смирение победили зло, ревность, трусость, высокомерие. Андрей и Марья заслужили своё счастье.

Положительный герой монгольских бытовых сказок также рисуется добряком, балагуром, ловкачом, который не даст спуска дурному человеку, а хорошему в трудную минуту поможет. Видное место в фольклоре принадлежит фигуре *бадарчина*-странника. Монголы беспредельно гостеприимны к *бадарчинам* – скитальцам, которые везде находят себе кров и пищу. Бедняк арат охотно принимает их, делится с ними всем, чем богат. В сказках *бадарчины* вступают в конфликт с ханами, чиновниками, ламами, и те нередко вынуждены им уступать. Это их *бадарчины* высмеивают, ставят на каждом шагу в неловкое положение. Так, совершенным глупцом выглядит «образованный» лама, принимающий бестолковые речи *Царцаа-Намжила* за верх мудрости.

У разных монголоязычных народов сюжет претерпел некоторые изменения: если в халха-монгольской сказке «Семьдесят небылиц» события разворачиваются в реальной обстановке, то в бурятском варианте ярко проявляются элементы фантастичности. Но везде сатирическая сказка находит сочувствие у слушателей, победа сил добра в лице обманщика, доставлявшего неприятности и проблемы высокомерным, жестоким, несправедливым и глупым представителям господствующего класса, проецируется на реальную жизнь, возрождая надежду на справедливость и благополучие. Помимо исконно монгольских сюжетов, широко известны среди монгольских народов сказочные циклы «Волшебный мертвец», «Рассказы из Панчатантры», «Сказания об Арджи Бурджи хане». Они имеют индо-тибетское происхождение и проповедуют идеи буддизма. Адепты буддизма преследовали цель произвести на своих приверженцев такое впечатление, чтобы те даже не помышляли совершить недобродетельный поступок.

Добрым сказочным героям России приходят на помощь силы природы: Светлый Месяц, Ясное Солнце, Река с кисельными берегами или журчащий Ручеёк, деревья, волшебная Щука, Медведь или Серый Волк. Также в этих сказках подчёркивается важность взаимовыручки. Например, когда Гуси-лебеди помогают Бабе Яге украсть Иванушку, Алёнушка с помощью своей смелости и находчивости справляется с коварной злодейкой и возвращает братика домой. Ей помогают Мышка, Яблоня, Река и Печка, но всем девочка сначала делает доброе дело. Баба Яга оказывается ни с чем.

Ещё одна знаменитая русская сказка – «Царевна-лягушка». Царь поставил перед сыновьями задачу: найти себе невест там, куда упадёт стрела, выпущенная из лука. Казалось бы, меньше всего повезло младшему: его стрела попала в болото, Ивану пришлось жениться на лягушке. Царь даёт задания невесткам, и лучше всех справляется с ними жена младшего сына: самая красивая рубашка, великолепный хлеб – дело её рук. Последнее задание – предстать во время пира во всей красе – удаётся именно Василисе, жене Ивана-царевича. Оказалось, что лягушонка – прекрасная царевна, заколдованная злыми силами. Иван допускает роковую ошибку – сжигает шкуру, царевна оказывается во власти Кощея.

Иван-царевич долго ищет свою жену Василису Премудрую. На пути он встречает медведя, селезня, зайца и щуку. Несмотря на голод, он сохраняет им жизнь, и благодарные животные оказываются рядом в трудную минуту, помогая добыть иглу с Кощеевой смертью. Сказка учит доброте, умению держать своё слово и приходить на выручку тем, кто оказался в беде. Также она показывает, что даже за самой некрасивой внешностью может скрываться настоящее сокровище.

В монгольских сказках также силы природы помогают сказочным героям в их непрерывной борьбе добра со злом за справедливость. Богатыри наделяются сверхъестественными силой и умом, а часто и небесным происхождением. Всё это помогает

им одержать победу. В Монголии до последнего времени был популярен миф о метком стрелке Большой Палец (*Эрхий Мэргэн*), который бросает вызов богам и стихиям ради блага своих соотечественников. Он стреляет из лука по шести лишним солнцам и спасает людей.

Устное народное творчество монголов связано с кочевым образом жизни, имеет свою специфику, и потому его значительную часть составляют мифы о животных: «О верблюде и олене», «О ласточке и шмеле», «О голубе и воробье» и др. Монгольские сказки – творение кочевника-скотовода. Только скотовод мог с такой трогательной любовью рассказывать сказки о сиротинке-верблюжонке, об отставшем при перекочёвке ягнёнке, о преданном хозяину коне. В монгольской сказке, как и в русской, конь разделяет со своим хозяином и горести, и радости. Народная фантазия даёт ему и крылья.

Немало и в русском фольклоре произведений, где персонажами являются только животные. Они, как и люди, отчётливо подразделяются на положительных и отрицательных. «Теремок», «Заячья избушка», «Лиса и дрозд» – герои этих и других сказок олицетворяют человеческие достоинства и пороки. У монголов тоже популярны сказки о животных. В них фигурируют не только дикие, но и домашние животные, наделённые свойствами человека. Самые любимые герои таких сказок – мудрый заяц, умная мышь, глупый и алчный волк, хитрая лиса и др.

Народная сказка – это не только развлечение, скрашивающее долгий вечер, а ещё и урок того, как должен вести себя человек, к чему он должен стремиться. Вспомним слова А.С. Пушкина: «Сказка – ложь, да в ней намёк, добрым молодцам урок!» Вот почему каждая народная сказка приводит пример противостояния добра и зла. Какими бы сильными ни были злые герои, их всегда побеждают сильные, смекалистые, удачливые добрые персонажи.

Изучение народного творчества особо значимо в кризисный для государства период. Именно сейчас актуальны все аспекты возрождения национальной культуры, восстановления традиций и обычаев, возрастает интерес учёных к своеобразию национального менталитета, специфике духовной культуры разных народов. В их истории, системе ценностей можно найти опору, ответы на вечные вопросы: как сложится наша жизнь, будем ли мы успешными после испытаний или, выбрав дорогу зла, потеряем всё. Человек должен помнить, что добро – вечная, высшая цель существования.

Литература

1. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. Полное издание в одном томе. М.: Альфа-книга, 2014. 1087 с.
2. Монгольские сказки. Л.: Детгиз, 1954. 144 с.
3. Монгольские сказки. URL: Mongolskie-skazki.larec-skazok.ru (дата обращения: 31.03.2022).
4. Русские народные сказки. М.: Олма Медиа Групп, 2013. 322 с.

**Ценностные императивы экологического сознания
коренных народов Амуро-Сахалинского региона
(по данным фольклора)**

Лидия Евгеньевна Фетисова

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН
fetisova.lidie@yandex.ru

На материале традиционного фольклора коренных народов Амуро-Сахалинского региона рассмотрены аксиологические установки, связанные с формированием экологического сознания. Актуализация традиционного художественного наследия может стать одним из эффективных приёмов современной педагогики, однако при этом необходимо опираться на данные науки и учитывать специфику архаического мышления.

Ключевые слова: Амуро-Сахалинский регион, коренные народы, ценностные императивы, экология, фольклор.

**Value Imperatives of Ecological Thinking
of Indigenous Peoples of the Amur-Sakhalin Region
(according to Folklore)**

L.E. Fetisova

Institute of History, Archeology and Ethnology
of the Peoples of the Far East, FEB RAS

Based on material of the traditional folklore of the indigenous peoples of the Amur-Sakhalin region, axiological attitudes related to the formation of ecological behavior are considered. Actualization of folklore heritage can become one of the effective methods of modern pedagogy, however, it is necessary to rely on the achievements of science and take into account the peculiarities of archaic thinking.

Keywords: Amur-Sakhalin region, indigenous peoples, value imperatives, ecology, folklore.

В наши дни проблема воспитания экологического сознания, связанная с сохранением нравственного здоровья общества и сопряжённая с проблемой экологической безопасности человечества в целом, не случайно становится объектом внимания гуманитариев, прежде всего философов, психологов, социологов. Большое беспокойство вызывает складывающаяся ситуация экологической депривации – отсутствия полноценного общения детей с объектами природы [Зебзеева 2009, с. 4]. В поисках решения проблемы учёные всё чаще обращаются к традиционным мировоззренческим установкам, характерным для интуитивного космизма архаического мышления. Научные основания такого взгляда на мир и человека в нём, заложенные трудами русских космистов – К.Э. Циолковского, А.Л. Чижевского, Н.Ф. Фёдорова, В.И. Вернадского и др., находят поддержку у современных исследователей [Пахомов 2003].

Опыт успешного природопользования, базирующийся не только на практической деятельности, но также на мифологическом восприятии действительности, представлен в работах этнологов, посвящённых аборигенному населению Дальнего Востока. Экологическая парадигма традиционной культуры ряда народов Северной Евразии в качестве само-

стоятельного объекта исследования получила освещение в публикациях таких авторов, как В.Д. Косарев [Косарев 2007] и В.О. Татаринцев [Татаринцев 2010]. Цель данной статьи – выявить ценностные императивы экологического сознания, зафиксированные устным творчеством коренного населения Амура-Сахалинского региона – тунгусо-маньчжуров (нанайцев, ульчей, орочей, удэгейцев, эвенков, негидальцев, уйльта) и палеоазиатов-нивхов.

Как известно, традиционная этническая культура предполагает использование природных ресурсов без существенных изменений среды обитания. Такая установка входила в число универсальных ценностей, рождённых первобытным социумом. Считалось, что она, как и другие аксиологические доминанты, получена первопредками от высших сил, а потому имеет силу закона. Свою задачу сообщество дальневосточных народов видело в поддержании традиционного образа жизни, основу которого составляли охота, рыболовство, собирательство. Часть тунгусоязычных этносов (уйльта, эвенки, негидальцы) совмещала таёжный промысел с оленеводством.

В фольклоре тунгусо-маньчжуров и нивхов представлены различные аспекты взаимодействия человека с природным окружением, куда включались не только флора и фауна, но также многочисленные духи-хозяева: огня, воды, промысловых угодий и проч. Считалось, что от них в значительной степени зависело благополучие человека. Перед началом промысла (охоты или рыбалки) обязательно совершались жертвоприношения духу-хозяину тайги или водоёма. За общей поддержкой тунгусо-маньчжуры обращались к верховному божеству *Эндури / Эндули*. Столь же значимым адресатом молений являлся *Буга / Бога*, также считавшийся ответственным за сохранение миропорядка. Этим общетунгусским словом обозначали не только главное божество, но и конкретную территорию, а также небо, космическое пространство и природу. У негидальцев обращённые к нему просьбы назывались *бугамат / богамат*. Оставив угощение, охотник говорил: «*Буга, я (это) дарю тебе, позволь добыть зверя, дозвожь хорошо жить*» [Хасанова 1997, с. 38]. Иногда моление имело форму развёрнутого обращения-требования, как, например, в орочском тексте: «*Небо, дай нам жить получше! Хорошо дай нам жить! Небо, пошли нам пищу! Мы голодаем, продуктов у нас мало. Дай мне убить лося, дай поймать рыбы! Не заставляй нас голодать! Не доводи нас до болезней! Когда мы ходим на охоту, дай нам всё видеть! Пищи нам дай! Соболя дай убить! Посылай соболей в наши петли! Дай мне поймать соболей, чтобы продать их куцу! Белок, выдр, хорьков, лис дай нам убить...*» [Аврорин, Лебедева 1978, с. 127].

Традиционным ритуальным подношением служили рисовая или пшённая каша, хлеб, табак, водка. Для угощения духов использовали посуду, вырезанную в форме птиц, зверей или рыб [Березницкий 2003, с. 180–183]. После всеобщего умиловительного ритуала непременно угощали духа-хозяина огня *Подя / Пудя*.

Оптимальные в экологическом плане принципы хозяйственной деятельности заключались в комплексности и сезонном чередовании занятий, в безотходном потреблении продуктов промысла. Строго запрещалось добывать рыбы и зверя больше необходимого. Русские переселенцы отмечали эти особенности аборигенного образа жизни, что нашло отражение и в дальневосточной литературе. В частности, герой романа И. Басаргина ороч Арсё Заргулу говорил своему побратиму-старообрядцу: «*Кто берёт от земли больше, чем может съесть, тот хунхуз*», т.е. разбойник, грабитель [Басаргин 2021, с. 21].

Значительное число фольклорных текстов посвящено наказанию людей, нарушивших законы неписаного промыслового кодекса: как правило, их преследовали неудачи на

охоте или рыбалке. В нанайском предании говорится: *«В далёком прошлом мы жили, питаясь рыбой и мясом. Еда была всегда, голода не знали. И вот однажды пришло такое время: рыба гуляет, но ни одна не попадает. Так соскучились по рыбе: бывало, зачерпнут воду в том месте, где рыба выпрыгнула из воды, и пьют. Как проживёшь на одном мясе?»* [Нанайский фольклор... 1996, с. 419]. Нанайцам помог их соплеменник, отправившийся к морскому божеству и узнавший о причине постигшего людей несчастья. Оказалось, они были наказаны из-за того, что некая старуха *Доро* не использовала весь улов и много рыбы испортилось. О наказании людей за неиспользованную добычу говорится во многих рассказах, бытовавших у всех народов региона.

Рассматриваемый нанайский текст интересен ещё и тем, что наряду с прямым разъяснением ситуации в нём даётся образец правильного промыслового поведения. Так, герой ежедневно выбирал такую дичь, чтобы хватило ровно на сутки пути: *«Идёт он, в полдень подстрелит утку, приготовит её на костре, поест»* [Нанайский фольклор... 1996, с. 421]. Косвенным свидетельством экологически значимых ограничений может служить этнографический контекст других фольклорных произведений. Так, героиня эвенкийской сказки «Три сестры» была обескуражена, когда получила от свекрови задание обработать козьи шкуры. Девушка никогда этим не занималась, потому что *«отец её сроду не убивал диких коз»* [Булатова 1987, с. 95]. Он охотился преимущественно на крупных животных – оленей, лосей, причём главным образом – на самцов. Как видим, воспитательную функцию произведения устного творчества выполняли и прямо, и опосредованно.

Промысловый этикет включал правила поведения на охоте и рыбалке, которые не являлись простой рекомендацией, но были обязательными для исполнения. Различные случаи некорректного поведения описаны в фольклорных текстах, завершающихся морализаторскими концовками. Молодым людям внушалась мысль, что промысловое пространство – не место для игр и забав. Старые орочи учили молодёжь: *«Не следует забавляться зверями, птицами, рыбами, не нужно их обижать. Это тоже плохо – может постигнуть несчастье. После этого ничего не убьёшь, добыча перестанет попадаться»* [Аврорин, Лебедева 1978, с. 121].

В лесу нельзя было свистеть, громко разговаривать, хвастать своими успехами, непочтительно отзываться о животных. Нанайцы говорили: *«Никогда не дразни его [зверя], не насмехайся над ним. Услышит он, что ты дразнил его и насмехался, сделает тебя неудачливым охотником, станет преследовать и пугать тебя»* [Нанайский фольклор... 1996, с. 417]. Подтверждением данного тезиса обычно служил рассказ о человеке, которого постигла подобная участь. Удэгейцы также предостерегали молодых охотников: *«Если кто-то, хвастаясь, начнёт говорить: “Я медведя не боюсь!”, а дух медведя услышит, то тому человеку будет плохо»* [Фольклор удэгейцев... 1998, с. 315].

Дети с раннего возраста запоминали истории о том, как наказывались люди, не соблюдавшие законов тайги. Так, ульчи рассказывали, что хозяин лесных угодий *Пудя-амбан* любит языки лжецов. *«Увидит тот Пудя-амбан, что идёт такой человек, свою летучую собаку посылает. Как залает такая собака, лопаются большие деревья и из трещины выходит Пудя-амбан, один бок его красный, другой – чёрный. Вырвет Пудя-амбан язык такого человека и съест»* [Вальдю 1972, с. 50].

Строго запрещалось брать добычу хищников – тигра, медведя, волка. Эвенки утверждали, что рассерженный зверь будет преследовать человека и не даст ему охотиться [Мазин 1984, с. 54]. Правила поведения в лесу предусматривали также противопожарные меры, в частности не разрешалось использовать искрящее топливо. Этому запрету

посвящено негидальское предание о встрече двух братьев с «лесным духом» *Сагды адихани*. Сначала в тайгу отправился младший брат. «*Утром он встал, взял лыжи и пошёл. Идёт, идёт. Встретил ключ. Пошёл по ключу вверх. Увидел маленькое зимовьё. Там сидит дед*». Это был *Сагди адихани*. Он попросил юношу заготовить ему дров, но предупредил, что следует брать только пихту, не ёлку и лиственницу. Молодой охотник выполнил просьбу старика и в награду получил множество шкурок соболя, росوماхи и других пушных зверей. Дома он рассказал о том, что с ним случилось. Тогда в лес отправился старший брат и тоже увидел старика в зимовье, однако не стал искать пихту, а нарубил дров из ёлки и лиственницы, которые при горении сильно искрят. Дед испугался искр и убежал, так что старший брат не получил ничего [Березницкий 2003, с. 181].

Вмешательство в установленный порядок вещей, в том числе попытки изменить существующий природный ландшафт, представлялись опасными для мироздания в целом. Так, нивхская версия известного мифа о множественности солнц соотносила появление лишнего светила с намерением одного из действующих лиц осушить море. Именно тогда на небе появились два солнца, грозившие гибелью всему живому [Пилсудский 2003]. Слушателям внушалось, что неразумное поведение человека вызвало катастрофу космического порядка. Герой, уничтоживший второе солнце, восстановил нарушенное равновесие.

Существовали строгие правила умерщвления зверя. Считалось недопустимым убивать спящее животное. Нельзя было калечить и разделять ещё живую добычу. Этому детей обучали с раннего возраста. Удэгейцы рассказывали: «*Детей учили тому, что сами умели. Сына учил отец: убивать острогой рыбу, убивать стрелой из лука маленького зверька и копьём – большого зверя*» [Фольклор удэгейцев... 1998, с. 287]. В промысловом мифе уйльта Сахалина рассказывается о человеке, который «неправильно охотился на медведя». Он ударил зверя топором по голове. После этого мужчина попал в землю медведей, и там ему разъяснили правила охоты: «*Зачем ты рубишь, копьём надо убивать прямо в шею возле грудины*». Назвали и другой способ – копьём прямо в сердце: «*Грех медведя топором убивать, копьём надо бить. Потом медведей больше не будет*» [Роон 1996, с. 22]. Считалось, что нарушение целостности костяка животного служит препятствием для его нового возрождения и тем самым наносит ущерб будущему промыслу. В науке это представление известно как «миф об умирающем и воскресающем звере».

Особенно суровому осуждению подвергалась немотивированная жестокость. У коренных народов бытовало большое число рассказов о наказании тех, кто истязал животных. Жертвами нередко становились грызуны – зайцы и крысы, а также амфибии – лягушки, жабы и др. Такое поведение считалось недопустимым ещё и потому, что эти представители фауны наделялись функцией посредников между мирами. В фольклорных сюжетах месть животных могла проявляться по-разному, в том числе в форме физического уничтожения насильника, причём ответственность возлагалась на всех членов рода. Так, согласно преданию, ульчский род *Губату* вымер после того, как его люди замучили зайца [Золотарёв 1939, с. 86]. В нивхском предании рассказывается о мести крысы: «*Молодые парни, когда в их ловушку попадала крыса, взяв её, мучили. Старики не разрешали, но они не слушали их*». И вот однажды утром парни обнаружили мёртвой свою собаку-передовика: «*Крыса, увеличившись, пришла и собаку убила. Чтобы этого не случилось, нивхи крыс не мучают*» [Нивхские мифы и сказки... 2010, с. 143].

Вместе с тем существовали запреты, появление которых трудно объяснить прагматическими мотивами. Например, у орочей запрещалось убивать лесного голубя, но не счи-

талось наказуемым убийство самца зелёной кваквы, которого называли *хойла-ухажёр*. Его шкурку использовали с магическими целями: «*Сняв шкурку, кладут её в брюки. Тогда все женщины и девушки сами идут к такому мужчине...*» [Аврорин, Лебедева 1978, с. 121]. По-видимому, архаическое сознание оправдывало действия, направленные на совершенствование способностей человека.

В этом ряду находим нарративы, в которых люди оказывались победителями некогда могущественных «хозяев» промысловых угодий и сами становились носителями охотничьей удачи. Таково, например, нанайское предание об «одном человеке», убившем обитателя водных глубин *пуймура*. По словам информанта, это существо, напоминающее гигантского сома, до сих пор живёт в озере Туссэр Хабаровского края. «*Толицной он – с лодку, длиной – в четыре сажени. Если раскроет пасть, то она огнём горит. Живёт в тёмной-тёмной воде, трава по берегу вся от него выгорает. Лодку вместе с человеком проглатывает, втягивая её в себя при вдохе*» [Нанайский фольклор... 1996, с. 409]. Согласно преданию, «один человек» обманом выманил *пуймура* из воды, отчего его чешуя высохла, а тело покрылось песком. Тогда герой ударил чудовище между глаз острой и убил, затем вынул хрусталики из его глаз. «*С той поры и до самой смерти тот человек был сильным, удачливым охотником*» [Нанайский фольклор... 1996, с. 409].

Нередко несоответствие экологическим установкам людей, живущих в тесном контакте с дикой природой, обнаруживается и в поведении эпических героев, которых принято считать положительными. Например, *Мэргэн*, главное действующее лицо нанайского эпоса, великан ростом с пихту, медведей убивал, как пауков [Сем 1974, с. 193]. Популярный герой эвенкийского фольклора *Хурукучон* также отличался необычайной силой: «*...медведя убьёт к пуговице привяжет, лося убьёт – опять здесь привяжет. Такой великан Хурукучон. Лосей, ещё кого-либо – всех убивал*» [Булатова 1987, с. 112]. В этих случаях надо принимать во внимание специфику художественного мышления: нарушение эпическим героем норм поведения, обязательных для обычного человека, является особым приёмом, который должен подчеркнуть его исключительность и убедить слушателя, что только такому герою вполне по силам совершить подвиги, о которых в дальнейшем пойдёт речь.

Реальное же поведение на промысле, как было показано ранее, строго регламентировалось, в том числе императивными формулами-наказами. Большое число фольклорных произведений посвящено тому, что охотничья удача была заслуженной наградой человеку, оказавшему помощь попавшему в беду животному, чаще всего – тигру: охотник вынул занозу из лапы зверя, освободил его из развилки дерева, вырастил осиротевших тигрят и т.п. В результате он становился необыкновенно удачливым добытчиком, так как благодарное животное гоняло зверей на его охотничью тропу [Нанайский фольклор... 1996, с. 413–415].

Таким образом, традиционный фольклор коренных народов Амуро-Сахалинского региона являлся хранителем ценностных установок, которые в конечном счёте обеспечивали благополучие человека и социума в целом. Правила не только экологически верного, но и осуждаемого поведения представлены как в малых жанрах – паремиях, так и в крупных фольклорных формах – героическом эпосе, сказках, несказочной прозе. Следует подчеркнуть, что в настоящее время идея экологически ориентированного образа жизни получает всё большее признание. Безусловно, это вызвано осознанием того факта, что репродуктивные возможности среды обитания человека не безграничны. Фольклорное наследие, на протяжении длительного времени успешно служившее целям воспитания экологического сознания, может стать одним из эффективных приёмов современной педа-

гоики, но использовать этот материал надо без ложной идеализации, с учётом противоречий первобытного мышления.

Литература

1. Аврорин В.А., Лебедева Е.П. Ороческие тексты и словарь. Л.: Наука, 1978. 264 с.
2. Басаргин И.У. Распутье: роман. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерального ун-та, 2021. 332 с.
3. Березницкий С.В. Этнические компоненты верований и ритуалов коренных народов амуро-сахалинского региона. Владивосток: Дальнаука, 2003. 486 с.
4. Булатова Н.Я. Говоры эвенков Амурской области. Л.: Наука, 1987. 167 с.
5. Вальдю А. Сказки бабушки Лайги. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1972. 96 с.
6. Варламова (Кэптукэ) Г.И. Мировоззрение эвенков: отражение в фольклоре. Новосибирск: Наука, 2004. 186 с.
7. Зезеева В.А. Субкультура детства как источник экологического развития детей в дошкольном образовании: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Екатеринбург, 2009. 46 с.
8. Золотарёв А.М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск: Дальгиз, 1939. 207 с.
9. Косарев В.Д. Тропами предков меж сопок и морем: Экологический опыт и традиционное природопользование коренных народов Сахалина. Южно-Сахалинск: Институт наследия Бронислава Пилсудского, Сахалинское кн. изд-во, 2007. 216 с.
10. Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочононов. (Конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1984. 201 с.
11. Нанайский фольклор: нингман, сиохор, тэлунгу / сост. Н.Б. Киле. Новосибирск: Наука, 1996. 478 с.
12. Нивхские мифы и сказки из архива Г.А. Отаиной / сост. А.М. Певнов. М.: Энерджи пресс, 2010. 160 с.
13. Пахомов Ю.Н. Экочеловек как субъект социо-природного развития: автореф. дис. ... д-ра соц. наук. СПб., 2003. 53 с.
14. Пилсудский Б.[О.] Фольклор сахалинских нивхов / подготовка к публ. и коммент. А. Б. Островского. [Южно-Сахалинск]: Сахалинское кн. изд-во, 2003. URL: www.icrap.org/folklore_sachalinskich_nivhov-4.html (дата обращения: 04.06.2021).
15. Роон Т.П. Уйльта Сахалина: Историко-этнографическое исследование традиционного хозяйства и материальной культуры XVIII – середины XX веков. Южно-Сахалинск: Сахалинское обл. кн. изд-во; Сахалинский обл. краевед. музей, 1996. 176 с.
16. Сем Л.И. Устное народное творчество уссурийских нанайцев // Материалы по истории Дальнего Востока. Владивосток: [б/и], 1974. С. 189–200.
17. Татаринцев В.О. Экологическая парадигма традиционной культуры (на примере коренных народов Северной Евразии): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Белгород, 2010. 24 с.
18. Фольклор удэгейцев: ниманку, тэлунгу, ехэ / сост. М.Д. Симонов, В.Т. Кялундзюга, М.М. Хасанова. Новосибирск: Наука, 1998. 561 с.
19. Хасанова М.М. Негидадьские паремии // Вопросы исследования и преподавания тунгусо-маньчжурских языков в национальной школе / сост. А.А. Кудря. М.: ИНПО, 1997. С. 35–42.

ДУХОВНО-ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ В КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ МИРА: ВЗАМОДЕЙСТВИЕ ТРАДИЦИЙ И НОВАЦИЙ

УДК 81-139

О роли фоновых знаний и символической компетенции в изучении иностранного языка. Китайско-русские полюсы взаимодействия

Екатерина Александровна Алексеева

Саратовская государственная
консерватория им. Л.В. Собинова
alex_univer_26@hotmail.com

Знания людей об истории и культуре имеют большое значение для изучения семантики слов. Некоторые исследователи языка стремятся отыскать в слове наряду с лексическими, денотативно-сигнификативными и коннотативными особенностями такие элементы, специфика которых находится за пределами самого слова. В данном случае речь идёт о фоновых знаниях и символической компетенции. Символическое значение слова не всегда фиксируется в словарной статье, поэтому информацию о нём часто можно получить опираясь на фоновые знания носителей культуры того или иного народа. Нас будет интересовать, как эти вышеобозначенные особенности проявляются в русском и китайском языках и культурах.

Ключевые слова: лингвострановедение, символы языка, символическое значение слова, культурная компетенция.

The Role of Background Knowledge and Symbolic Competence in Learning a Foreign Language. Chinese-Russian Interaction Poles

E.A. Alexeeva

Saratov State Conservatory named after L.V. Sobinov

People's knowledge of history and culture is of great importance for the study of word semantics. Some language researchers seek to find in a word, along with lexical, denotative-significative and connotative features, such elements, the specificity of which is outside of the word itself. In this case, we are talking about background knowledge and symbolic competence. The symbolic meaning of a word is not always fixed in the dictionary article. Therefore, information about it can be obtained on the basis of background knowledge of carriers of national culture. We will be interested in how these features are manifested in the Russian and Chinese languages and cultures.

Keywords: linguo-country studies, language symbols, symbolic meaning of a word, cultural competence.

При изучении иностранного языка учащемуся важно развивать культурно-символическую компетенцию, а также понимать, каким образом культурная информация проявляется в словесных единицах в литературе и в бытовом общении. Учебные программы по преподаванию иностранных языков разрабатываются с той целью, чтобы иностранные и русские студенты смогли максимально быстро адаптироваться к жизни в зарубежной стране, адекватно реагировать и общаться на иностранном языке. Это возможно лишь при условии наличия хорошего запаса знаний культурного порядка. Именно поэтому, на наш взгляд, в преподавании иностранных языков следует уделять особое внимание освоению студентом лингвострановедческой информации.

Как известно, человек регулирует свои взаимодействия посредством сложной системы знаковых представлений, связанных в сознании с объектами внешнего мира. К этим системам относятся и образные, и словесные, и эмоциональные представления. Каждая национальная культура вырабатывает свою систему национальных образов, которые характеризуются яркостью и экспрессивностью взгляда на мир, на его объекты и явления. Примечательно, что сами образы могут служить формой для выражения символов, которые, в свою очередь, также формируют в совокупности свою символическую систему. В каждой национальной культуре создается своя система символов. В ней разные объекты и явления могут быть рассмотрены в ракурсе мифологического или религиозного мышления. Символы являются важными механизмами и средствами концентрации культурной информации. Они продуктивно используются в искусстве, литературе и даже в повседневной практике общения между людьми, обладая большей информационной ёмкостью, чем все остальные знаковые и незнаковые сущности. «Вообще вся повседневная жизнь человека наполнена символами, которые напоминают ему что-либо, разрушают или запрещают, поражают и покоряют. Всё можно считать только символом, за которым скрыто ещё нечто другое» [Гёте 1987, с. 81]. Благодаря наличию свойств многозначности и тесной связи с культурой, систему символов (символику) можно оценить как «экономное» и вместе с тем «ёмкое» средство обозначения, которым человечество с успехом пользуется на протяжении тысячелетий.

В качестве средств выражения самих символических представлений могут служить элементы разных семиотических систем. Приоритетное место принадлежит языковой системе, обладающей организованным и разнообразным набором семантических механизмов.

Недаром некоторые исследователи языка стремятся отыскать в словесных единицах наряду с лексическими, денотативно-сигнификативными и коннотативными особенностями такие элементы, специфика которых находится за пределами самих слов. Эти внеязыковые сведения, относящиеся к лексическому понятию, исследователи называют лексическим фоном [Верещагин, Костомаров 1976, с. 200]. В свою очередь, лексический фон состоит из совокупности семантических долей, к которым можно отнести культурно-символическую компетенцию. Без принятия во внимание этой информации семантика слова оказывается не до конца раскрытой.

В.Г. Гак отмечал, что при анализе структуры функционирования языкового знака обычно идут от означающего (слово как совокупность фонем и графем) к означаемому – сигнификату, т.е. понятию, выражаемому в слове, и денотату – предмету, экстралингвистическому элементу, на который указывает слово [Гак 1998, с. 466–467]. Однако, говоря о присутствии экстралингвистического элемента в семантике слов, стоит указать на то, что он часто связан с обозначением некоторым словом объекта, взятого в культурно-символической перспективе, и проявляется особым образом в слове. Данная информация особым образом фиксируется в языке, т.е. в словах, в сочетаниях слов. Иначе говоря, слово может соотноситься непосредственно с некоторым объектом, т.е. передавать референтное содержание, а также способно обозначать этот предмет в качестве символа и передавать содержание данного символа в контексте европейской культуры.

Важной особенностью такого культурно-символического значения слова является тот факт, что оно не всегда содержится в словарной статье, посвящённой соответствующей лексической единице. Поэтому информацию о нём часто можно получить опираясь на фоновые знания носителей культуры. Отмечая своеобразие символического значения, исследователи

единодушно признают тот факт, что оно не развивается из прямого: причины его возникновения лежат в экстралингвистической сфере. Это обусловлено прежде всего тем, что символ связан с представлениями общества за пределами логических систем. Он наблюдается в ритуалах, обычаях, мифах, в самой истории общества, в его сегодняшней жизни, в религиозных и других идеологических представлениях.

Существенной особенностью символического значения слова является то, что обозначаемый символ имеет нечётко очерченное содержание. Слово переполняется тем количеством информации, которое заключено в обозначаемом символе. Иначе говоря, символическое значение такого слова отличается полиденотативностью, поскольку потеряна чёткость предметной отнесённости между словом и содержанием, которое передаётся в обозначаемом символе. Сигнификат также чрезвычайно многоаспектен и связан с множеством понятий, так как символ соотносится сразу с множеством других символических подсистем и идей. В то же время коннотат символического значения также очень разнонаправлен, так как обозначаемый символ связан с множеством разнообразных эмоций.

Экстралингвистическая обусловленность символического значения подтверждается анализом его становления в языке. Е.В. Шелестюк, исследуя особенности обозначения символов в языке и речи, следующим образом описывает этот процесс: с эволюцией мышления вокруг соответствующих понятий интегрируются «символические» семы, заключающие основные мифологические представления и образующие своеобразные наслоения смыслов – «символическую ауру». Эта аура носит древний, архетипический характер или обусловлена стереотипичными для данной культуры ассоциациями. При актуализации имени в соответствующем контексте аура воплощается в переносном символическом значении. Возможно воплощение различных семантических слоёв ауры, в этом случае в слове реализуются «сразу несколько символических значений». Таким образом, заключает исследователь, символ может принадлежать и языку, и речи [Шелестюк 1997, с. 140].

Общеизвестно, что основная функция лексической единицы заключается в обозначении (назывании, номинации) предметов, явлений действительности. Каждое слово прежде всего обозначает предмет в его исконном, прямом значении. Например, слово *солнце* обозначает «небесное светило, раскалённое плазменное тело шарообразной формы, вокруг которого вращается Земля и другие планеты» [ССРЛЯ 1990–1994, с. 744]. В данном случае это есть денотативно-сигнификативное значение данного слова, т.е. совокупность тех признаков предмета, которые существенны для правильного именованя этого предмета в системе данного языка и которые раскрывают его понятийное содержание.

Говоря о том, что единицы языка могут обозначать символы, мы имеем в виду, что, например, слово *солнце* обозначает небесное светило не только в качестве предмета, но и в качестве символа. Речь идёт о первичном и вторичном значениях этого слова, когда оно выражает, с одной стороны, идею существования небесных светил, а с другой – идею божественного мира, Добра, Света, Бессмертия (так как спускается каждую ночь в царство мёртвых и опять поднимается утром на небо), Воскрешения и даже Смерти (так как может испепелить, превратить в пустыню, иссушить) [Chevalier 1992, с. 708].

Иначе говоря, речь идёт о семантической структуре слова, в которой первичное значение обозначает некоторый денотат в качестве референта, а вторичное – как определённый символ. Первое значение связано с системой предметного мира и с системой понятий, выработанных в определённой культуре, во втором случае – с

системой национально-культурных символов. В данном случае вторичное значение слова *солнце* мы будем называть символическим значением этого слова, чтобы подчеркнуть наличие в семантической структуре словесного знака той его части, посредством которой в нём устанавливается и выражается отношение с национальной системой символов. Обнаружение и наличие данного компонента значения слова является важным условием удачной письменной и устной коммуникации между людьми. Оно представляет собой отношение между лексической формой слова и соответствующим символом, выработанным данной национальной культурой. Символическое значение – это также система его сигнификативного и денотативного компонентов. Сигнификативный компонент символического значения закрепляется за словом как единицей языка, а денотативный компонент проявляется в слове на уровне речи.

Сигнификативный компонент символического значения представляет собой концепт, т.е. культурно-значимое для данного общества понятие в системе концептосферы. Что касается денотативного компонента, то он отражает всё многообразие как основных, так и дополнительных характеристик данного концепта в речи, как правило, за пределами его структурных взаимосвязей с другими концептами. Например, сигнификативный компонент символического значения слова *солнце* представляет собой структуру отношений, которые связывают данный символ с другими символами в символической системе соответствующей культуры. Что касается денотативной части символического значения слова *солнце*, то здесь проявляются такие его черты, как *Жизнь, Возрождение, Бессмертие*.

В качестве другого примера приведём случай именованного французского короля Людовика XIV «королём-солнцем». Известен факт, что в 1662 г. во время бала он появился в костюме лучезарного бога. По мнению самого короля, солнце являлось самым живым и прекрасным подобием великого монарха, ибо оно распределяет свой свет повсюду и творит добро и жизнь. Об этом свидетельствовал и девиз короля: «*Au-dessus du reste des hommes*» (*Быть выше всех остальных*). В данном случае мы имеем прямую соотнесённость значения символа *солнце* с именованием человека. Ведь солнце, как мы видели, в европейской культуре соотносится с идеями Власти, Света и Добра.

Слово *солнце*, т.е. иероглиф, обозначающий его, имеет свою историю в китайской культуре. Известно, что раньше он напоминал солнечный диск с точкой посередине. Позднее вместо точки появилась горизонтальная черта и более овальная форма. С появлением кисти иероглиф стал похож на окошечко (日). Данный иероглиф обозначает собой «солнце», а также слова, связанные с ним по смыслу: «день», «воскресенье», «праздник».

Символ *солнце* чрезвычайно значим в китайской культуре. Он относится к природной группе символов культуры Китая, возможно, потому что даосское направление философии было связано с гармоничным взаимодействием человека и природы. Прежде всего, в китайской культурной традиции *солнце* – воплощение энергии Ян. Оно символизирует всё, что связано с жизнью (свет, тепло, весну) и с востоком (восход солнца). Это также символ императорского могущества и всевышней божественной власти. Недаром солнце является основным символом буддийской доктрины «трёх веков» (*сань ши, 三世*), в которой мировая история подразделялась на три этапа: «прошлое», «настоящее» и «будущее». Идеологи буддийского «учения Белого лотоса» (*Байлянь шэ, 白蓮社*) превратили его в религиозную концепцию «трёх солнц». Эра синего солнца символизировала «прошлое», в котором миром правил Будда прошлого Кашьяпа (*Цзяефо, 迦葉佛*). Эра красного солнца – воплощение «настоящего», т.е. время власти Будды

Шакьямуни. Эра белого солнца трактуется как «будущее», в котором воцарится Будда Майтрейя. Он и создаст идеальное общество [см.: Левина 2018, с. 36–37].

Исходя из значения символа *солнце* в китайской культуре, следует с вниманием относиться к его использованию в художественной литературе и в поэзии. В соответствующей ситуации слово, обозначающее его, будет активно коррелировать с культурным контекстом и выражать символическое значение. Важно, что символическая аура словесных единиц до сих пор осознаётся современными людьми, а её наличие подтверждается мифологической и этимологической реконструкцией. Вместе с тем значение символа может быть знакомо далеко не всем представителям данной культуры или часто в его неполном объёме. Такое положение заставляет говорить о так называемой *символической компетенции* членов общества.

Итак, изучение символического значения, выраженного словом или сочетанием слов в соответствующем контексте, представляется одним из способов обнаружения как универсальных, так и национально-специфических черт, связанных с особенностями видения картины мира, социокультурного пространства и ментальности.

Вполне закономерным оказывается стремление исследователей детально разработать структуру семиотических категорий, которыми человек оперирует в процессе познания и оценки фактов объективной действительности. К их числу среди остальных относят символы, в описание которых внесли свой вклад представители многих отраслей науки, а также философии. Для лингвистической науки особую важность приобретают вопросы отношения символов к языковой системе, а именно то, как символы обозначаются с помощью языковых единиц, в частности с помощью метафоры, метонимии, фразеологизма. Изучение вопросов разграничения символического значения слова и приобретения символической компетенции в процессе освоения иностранного языка по-прежнему остаётся актуальным для исследователей лингвокультурологического направления науки.

Литература

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1976. 246 с.
2. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1998. 763 с.
3. Гёте И.В. Избранные философские произведения. М.: Наука, 1964. 520 с.
4. Левина В.В. Символика красного цвета в культуре Китая: выпускная квалификационная работа по направлению подготовки 51.03.01 Культурология, основная образовательная программа «Китайская культура». Санкт-Петербург, 2018. 57 с.
5. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.–Л., 1948–1965. Изд. 2-е. Т. 1–6. М., 1990–1994.
6. Шелестюк Е.В. О лингвистическом исследовании символа // Вопросы языкознания. 1997. № 4. С. 125–142.
7. Chevalier J., Geerbrant F. Dictionnaire des symboles. Paris, 1992.

Приставка *post-* в русских неологизмах как лингвоментальный каузатор влечения к смерти

Валерий Вячеславович Волков

Тверской государственной университет

volk7valery@yandex.ru

В ряде русских образований с приставкой *post-* просматривается неявная манипулятивная установка на формирование семантической сферы, основывающейся на морфосемах ‘через / сквозь’ и ‘после’, которые далее трансформируются в представление о наличии пространства вне связи с настоящим. Это искусственно сконструированное лингвоментальное пространство неосознанно воспринимается как содержательное, но в действительности его следовало бы идентифицировать как ‘ничто’. «Ничто» ассоциируется со смертью, а следовательно, образования с приставкой *post-* выступают как лингвоментальные каузаторы влечения к смерти.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, морфосемантика, герменевтика, поствитализм, техно-бытие.

The Prefix *Post-* in Russian Neologisms as a Linguoamental Causative Agent of the Attraction to Death

V.V. Volkov

Tver State University

A number of Russian lexical complexes with prefix *post-* reveal a hidden manipulative attitude, which aims at forming semantic sphere, based on morpho-semes ‘across / through’ and ‘after’, with the former’s further transformation into a notion of a certain space existing without any connection with the present. This artificially constructed linguoamental space is implicitly suggested to be perceived as bearing some significance, while in reality it can be identified with ‘nothingness’. “Nothingness” is associated with death, and therefore lexical complexes with prefix *post-* act as linguoamental causative agents of the attraction to death.

Keywords: cognitive linguistics, morpho-semantics, hermeneutics, postvitalism, techno-being.

Биофилия и некрофилия – так предельно компактно вслед за Эрихом Фроммом характеризуют в гуманистике противонаправленные ориентации как отдельного человека, так и целых народов и цивилизаций, с одной стороны, на любовь к живому и созидание, с другой стороны, на любовь к мёртвому, на сознательную или (чаще) бессознательную устремлённость к (само)разрушению и смерти. Синонимичные именованья в психоанализе – *либидо* и *мортидо*, с которыми соотносятся соответственно древнегреческий бог любви и созидания *Эрос* и его антиподы – бог смерти *Танатос* и его брат-близнец *Гипнос*, божество сна и забвения.

В русских образованиях с приставкой *post-*, число которых на протяжении XX–XXI вв. постоянно расширяется, отчётливо просматриваются обе эти (лингво)ментальные ориентации, – а в параллель к ним и соотносительные тенденции социально-психологического и социально-исторического развития. При этом тенденция, связанная с либидо, с созиданием и развитием, фиксируется преимущественно образованиями XX в., – противоположная (мортидо) характерна для новообразований рубежа XX–XXI вв. и вплоть до настоящего времени.

Рассмотрим эти две группы образований, особое внимание уделяя второй (технология исследования – как в нашей работе [Волков, Волкова, Тогоева 2018]).

Тенденция первая. Эрос: поступательное движение жизни, истории.

В рамках данной тенденции – два основных лингвоментальных представления: общее представление о некоем «дальнейшем движении» в пространство будущего и/или конкретизированное представление о «благополучном преодолении» чего-либо (неприятного, опасного и т.п.) на пути в будущее.

Русский заимствованный префикс *post-* выступает во временном значении «совершающийся / совершившийся / наблюдающийся после того, что названо (непосредственно или опосредованно) мотивирующим», ср.: *постоперационный, постгриппозный, постинфекционный, пострадиационный* – ‘после операции / гриппа / инфекции / радиации’. Лингвоментальный смысл приведённых образований с *post-* сводится к идее «благополучного преодоления» того, что названо мотивирующим (*инфекция, операция* и т.д.). Применительно к событиям / периодам истории эта идея тоже просматривается, но выступает как периферийная, а лингвоментальная семантическая доминанта соотносится с общим представлением о «дальнейшем движении от...» и с типовым словообразовательным значением «после», ср.: *постимпрессионизм, постромантический, постсталинский, постсоциалистический, постсоветский, посткоммунистический, постперестроечный (постперестройка, постперестройщик)* – ‘после романтизма / Сталина / социализма / советского периода истории / господства коммунистической идеологии / перестройки’.

Временное значение русского префикса *post-* основывается на семантике латинского этимона, в котором отчётливо просматривается семантическое развитие «от пространственных представлений – к временным»: лат. *post* ‘сзади, позади > затем, потом, после, позже, впоследствии’. Актуализованы представления о «горизонтали» – о пути / движении / развитии не «вверх» или «вниз», а «по плоскости» (пространственной или временной); при этом на линии временного движения отмеченной является исходная точка – в семантике мотивирующего (*откуда*), тогда как содержание настоящего / будущего (текущая или конечная точка) неясно, никак не опредмечено. Иными словами: конкретный денотативно-референциальный (субстанциальный, сущностный) смысл того, *что* именно наступило / наступает / наступит после того, что именуется мотивирующим, в приведённых дериватах на *post-* не просматривается. Поскольку, однако, коннотативный ореол мотивирующих связан с представлениями о чём-то «не весьма благоприятном», то итоговая эмоционально-оценочная аура дериватов с *post-* может быть охарактеризована как «(благополучное) преодоление того трудного / неприятного, что осталось / остаётся / останется в прошлом».

Тенденция вторая. Танатос: путь в неопределённость, в «ничто».

В рамках данной тенденции базовое лингвоментальное представление – «утрата / отказ от чего-либо значимого / важного» на пути в неопределённое будущее, которое, с одной стороны, этого значимого / важного оказывается лишённым, с другой стороны, нечто иное «на замену» не предлагается. Результат – лингвоментальный «семантический вакуум» (во внелингвистической проекции – «идеологическая неопределённость / пустота»): от старого отказались, оно осталось во времени «раньше», а новое лишь декларировано в формуле «пост...» – «после того, что было».

Показательные производные, широко распространяющиеся начиная со второй половины XX в. в целях характеристики каких-то (каких именно?) новых социально-политических реальностей: *постбуржуазное / постинформационное / постнефтяное общество, постколониализм, посткоммунизм* и т.д., – вплоть до *постцивилизация*, именованная

ния с явными признаками симулякра – либо игрового «семантического фантома», либо диагноза ментального цивилизационного самоубийства.

Особое место в рамках данной тенденции занимают лексемы с отсылкой к представлениям о конце естественной, биологической жизни, конце человека и человечества, ср.: *поствитализм, постчеловек, постчеловечество, постгуманизм, постмодернизм, постгендеризм...* От этих образований веет прогностической безнадёжностью: если бесприставочные *гуманизм* или *коммунизм* обещают «нечто», то добавление приставки *пост-* – не выражение ли бессилия перед беспросветностью будущего? Неспособность верно оценить настоящее и бессилие предвидеть – характерные приметы цивилизации, которая всё более зависит от всё менее управляемого технического прогресса. Об этом точно писали фантасты братья Стругацкие ещё в 1970–1980-е гг.: «...какие пророки в наше время? Я не знаю ни одного. Множество лжепророков, и ни одного пророка. В наше время нельзя предвидеть будущее – это насилие над языком. Что бы вы сказали, прочитав у Шекспира: предвидеть настоящее? Разве можно предвидеть шкаф в собственной комнате?..» [Стругацкие 1990, с. 38]. За отрицанием возможности предвидения – предвидение предсмертного отчаяния, приближения / наступления, по выражениям В.А. Кутырёва, «времени Мортидо», «самоубийства Homo genus» [Кутырёв 2018].

Ключевая лексема в морфосемантическом ряду с «синдромом мортидо» – существительное *поствитализм*, которое можно рассматривать как доминанту / дескриптор всего ряда / поля.

По внутренней морфемно-словообразовательной форме существительное *поствитализм* в прямом словообразовательно-семантическом калькировании (из лат. *post* ‘после’ + *vita* ‘жизнь’ + *-изм* ‘учение / идеология’) – это «идеология “послежизния”»; в расширенном прочтении: «учение о том / пропаганда того, что будет / может / должно быть *после* (обычной, привычной, естественной) биологический (и социальной? и психосоциальной? и т.д.) *жизни*».

Вопрос: какими лексемами опредмечивается конкретное содержание этого «послежизния»? Варианты ответа в современной профильной (прежде всего философской) литературе основываются на антонимических парах *бытие – небытие (жизнь – смерть), естественное – искусственное, реальное – виртуальное, биологическое – механическое (техническое, техноэлектронное)* и др. (см. наиболее, на наш взгляд, в этом отношении показательные работы В.А. Кутырёва: [Кутырёв 2018; Кутырёв 2016]).

Основываясь на данных противопоставлениях, существо поствитализма можно характеризовать как *смерть / небытие естественного, реального, биологического*, – которое замещается *искусственным, виртуальным, механическим (техническим, техноэлектронным)*. Однословная версия результата – *технобытие*. Иными словами, *поствитализм* = *технобытие*. Лингвогерменевтический подход к лексеме *технобытие* (прежде всего актуализация его внутренней морфемно-словообразовательной формы) даёт следующие варианты интерпретации:

1. *Технобытие* – это *бытие техники*, где человек, люди – её придаток, т.е. либо (1.1) «обслуживающий персонал» для техники, обеспечивающий её существование, либо (1.2) «обслуживаемые (техникой) существа», наличие / существование которых служит для техники обоснованием смысла её существования. В любом из этих вариантов человек оказывается в положении средства для *бытия техники* – средство, которое самостоятельной целесообразной бытийности лишено. Резюмирующее прочтение: «человек – для – техники».

2. *Технобытие* – это *бытие (человека) в технике*. В случае такой интерпретации, в отличие от предыдущего варианта, обобщающее прочтение обратное: «техника – для – человека». Пределы оптимистичности такого прочтения определяются границами целесообразности того комфорта, который обеспечивает человеку последовательно развивающаяся и совершенствующаяся техносреда.

Вопрос о границе – это вопрос о возможности существования человека в сугубо искусственной среде, «естественной» для технических (техноэлектронных) устройств, но имеющей весьма сомнительную приемлемость по отношению к человеку как биосоциодуховному существу. Человек принадлежит трём мирам: это природа (биологическое), душа (социальное) и дух, который часто понимается как сфера метапотребностей в Истине, Красоте, Цельности и др. – всё с большой буквы, – наконец, в богообщении. *Поствитализм* и смежные с ним дериваты на *пост-*, фиксирующие влечение к «послежизнию» (= смерти) редуцирует – скорее даже исключает все эти компоненты.

Что остаётся / останется? Цитируем В.А. Кутырёва: «Глобальное же условие дальнейшего развития цивилизации – *демонтаж человека* как естественного существа, его замена рациональным робототехническим устройством. Это тайна всех пост/транс/модернистских “деконструкций” и “смертей” – субъекта, творца, автора, человека. <...> Какое-то время люди будут <...> паразитами. Паразитами техногенного разума. Потом погибнут. Вы(пере)родятся. Жизнь без человека. Пост-жизнь. Бессмертие как абсолютная смерть. *Технос*. Тогда будут пойманы сигналы и найдены следы других мертвых цивилизаций» [Кутырёв 2016, с. 48]. Развиваемое в данном материале лингвокогнитивное / герменевтическое всматривание в образования с префиксом *пост-* подтверждают апокалиптичность этого прогноза.

В заключение – поэтическая цитата: «Словом можно убить, словом можно спасти, / Словом можно полки за собой повести», – писал В.С. Шефнер, поэт и фронтовой корреспондент. Куда ведут современные неологизмы на *пост-* типа *поствитализм*? К спасению? Едва ли. Скорее, пробуждая мортидо, повергая к стопам древнего языческого бога Гипноса, – толкают к забвению (само)созидательного человеческого призвания, а значит – к смерти.

Литература

1. Волков В.В., Волкова Н.В., Тогоева С.И. Лингвокогнитивная игра как средство манипулятивного программирования (на материале приставок *интер-* и *транс-*) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2018. № 3. С. 62–69.
2. Кутырёв В.А. Сова Минервы вылетает в сумерки (Избранные философские тексты XXI века). СПб.: Алетейя, 2018. 526 с.
3. Кутырёв В.А. Унесённые прогрессом: эсхатология жизни в техногенном мире. СПб.: Алетейя, 2016. 300 с.
4. Стругацкие А.Н., Б.Н. Хромая судьба. Хищные вещи века: фантастические повести. М.: Книга, 1990. 480 с.

Аксиологическое поле научной рецензии

Лариса Дмитриевна Гайдук
Белорусский государственный
экономический университет
gailarissa55@gmail.com

Данная статья посвящена исследованию рецензии как одного из вторичных жанров научно-критического дискурса. Особое внимание уделено аксиологическому полю текста рецензии, выступающего как совокупность эксплицитных и имплицитных оценочных структур в их положительном или отрицательном значениях с социальной позиции собственных ментальных установок, взглядов и убеждений критика.

Ключевые слова: научно-критический дискурс, рецензия, вторичный текст, аксиологическое поле, эксплицитный / имплицитный аспекты.

Axiological Field of Scientific Review

L.D. Gaiduk
Belarusian State
Economic University

This article is devoted to the study of reviews as one of the secondary genres of scientific and critical discourse. Particular attention is paid to the axiological field of the review text, which acts as a set of explicit and implicit evaluative structures in their positive or negative meanings from the social position of the critic's own mental attitudes, views and beliefs.

Keywords: scientific-critical discourse, review, secondary text, axiological field, explicit / implicit aspects.

Обширная проблематика филологической аксиологии стимулирует её как активно развивающееся направление современного гуманитарного знания. Высокая степень оценочности научного общения обусловлена аксиологическим аспектом всей научно-познавательной деятельности человека. Без аксиологичности невозможна обобщённая ценностная ориентация социума на любом этапе его развития. Окружающий нас мир богат и разнообразен в своих проявлениях, и поэтому человек находится в постоянном процессе открытия новых знаний, которые постигаются посредством оценочного восприятия действительности.

Аксиологическое поле текста научной рецензии имеет особую когнитивную и прагматическую значимость: оно передаёт преобразование старого знания в новый критический текст; выдвигает новые идеи и новые научные результаты; сопровождает познавательную деятельность на пути получения знания и его репрезентации в тексте [Баженова 2019, с. 13].

Лингвисты всех времён проявляли пристальное внимание к категории аксиологичности и критериям, лежащим в её основании (Н.Д. Арутюнова, Е.А. Баженова, Е.М. Вольф, М.Б. Воробьёва, Л.В. Лисоченко, В.Н. Телия и др.).

Оценка как сложная когнитивная процедура ориентирована на процесс принятия решения. Обладая собственным когнитивно-дискурсивным потенциалом, подлежащим выражению через язык в оценочных высказываниях, она располагает богатым арсеналом разноуровневых средств реализации – от лексических до дискурсивных.

Общепризнано, что аксиологическое поле любого текста представлено совокупностью оценочных значений, понятных реципиенту (*эксплицитная оценка*), и способов опосредованной характеристики явлений, действий и фактов через непосредственно экспли-

цируемое содержание, однозначно воспринимаемое адресатом (*имплицитная оценка*). Понимание читательской аудиторией эксплицитной информации, как правило, не создаёт сложностей, а «имплицитная информация требует осуществления реципиентом операций декодирования и расшифровки» [Коньшева 2017, с. 174].

Составляющими *эксплицитной оценки* исследуемых нами текстов выступают такие характеристики первичного текста, как актуальность, новизна, объективность, точность, ясность, логичность, последовательность, убедительность, непротиворечивость, экспрессивность и др., взятые в совокупности положительных и отрицательных сторон. *Имплицитная оценка* предполагает актуализацию тех же характеристик, что и эксплицитная. Но при этом выражается рецензентом в виде совета, рекомендации, пожелания, одобрения или отрицания высказанной оценки. Если реализуемая *эксплицитная* оценка формируется оценочными значениями, зафиксированными словарями, то *имплицитная* оценка понимается как совокупность способов опосредованной характеристики явлений, действий и фактов через непосредственно эксплицируемое содержание и однозначно воспринимаемое адресатом.

Имплицитная и эксплицитная информации неотделимы друг от друга, тесно переплетены между собой. Именно через эксплицитное в тексте реципиент способен «извлечь имплицитное, т.е. познать неявный смысл высказывания, постичь недосказанное, не вербализированное в языке» [Коньшева 2017, с. 175]. Подобного рода выявление подтекста, его скрытого смысла, актуально для текста научной рецензии, весьма аксиологичной по своему характеру. Для полного понимания экспертного заключения рецензента вторичного текста от читателя требуется осуществление сложных мыслительных операций.

В настоящем исследовании *оценка* определяется как умозаключение о ценности / неценности факта или явления окружающей действительности, формирующееся под воздействием желаний и потребностей индивида в соответствии с социально установленными нормами. К сущностным чертам научной рецензии можно отнести её адекватность содержанию первичных произведений, смену авторской интенции, вторичную информативность, ярко выраженный аксиологический характер, структурную компрессию и относительно небольшой объём [Гайдук 2020, с. 150–151].

Аксиологическое поле выступает неотъемлемой чертой любой речи, тем более научной, категориально характеризуя текстовое целое в любом её жанре. В пропозициях, связанных с реализацией оценочной функции в научной рецензии, явно обнаруживает себя индивидуальность критика. В текстовом пространстве научно-критической коммуникации всегда происходит своеобразный обмен мнениями и знаниями, в соприкосновение приходят различные точки зрения. Критичность и аксиологичность рождаются из сопоставления и столкновения разных исследовательских позиций, опровержения одних взглядов и утверждения других, что в принципе невозможно без эксплицитного выражения оценки.

В целом аксиологическое поле формируется как «объединение объективной меры оценки и субъективного отношения» к рассматриваемому первичному тексту [Кудасова 1983, с. 24]. Особенно это присуще научной рецензии, оценочной по своему смыслу и служащей основой для дальнейшего аксиологического вывода рецензента и убеждения в его оценке реципиента.

К *задачам* аксиологически ориентированного научного общения мы относим: 1) изложение знаний и представлений о предмете речи; 2) привлечение читателя к озна-

комлению / обсуждению публикации; 3) критический разбор и оценку научного произведения; 4) убеждение адресата в правильности точки зрения автора; 5) воздействие на адресата и создание у него определенного эмоционального настроения [Гайдук 2020, с. 148].

По сути, оценка зависит от духовной и ценностной картины мира автора высказывания и обладает аксиологической модальностью. Обычно в тексте научной рецензии аксиологичность реализуется посредством совокупности взаимосвязанных суждений, формирующих аргументативное тематическое развертывание авторского рассуждения с манифестацией выносимой оценки и доказательством её правомерности. Таким образом, аксиологическое поле научно-критического дискурса широкое и всегда включает оценочно-когнитивную составляющую, а сама оценка коррелирует с функционально-коммуникативной направленностью дискурса.

Важным источником аксиологического поля рецензии служит *метафора*, которая, обладая концептуальной природой, позволяет особым образом актуализировать оценочные признаки первичного текста. Она оказывается эффективным средством воздействия на читательскую аудиторию и установления контакта с ней благодаря тому, что способна облекать научную информацию в специфической сфере знания в более доступную для человеческого восприятия форму.

Метафора помогает осмыслить события, действия и идеи как некую субстанцию, как дискретные, чувственно воспринимаемые объекты и сущности. Иллюстрацией может служить *персонификация*, позволяющая конкретизировать физический объект с помощью придания ему человеческих качеств: *The author's theme, good policy and sound strategy go hand in hand; The book is courageous in spirit; The author goes forward in this discussion.*

Вторичные значения глаголов отражены в мысленном *уподоблении* одного действия другому: *The administration must confront the difficult task of switching from an attacking strategy to defensive activity; Such attacks against intelligence professionals hope to undermine the sources of expertise...* Стали клише для носителя языка такие словосочетания, часто используемые рецензентом, как: *an defense of ideas; take control over the author's principles; to advance into a new discussion; to surrender in arguments; to win in defending a thesis.*

Эксперт-критик избирателен при включении в свой текст заимствований и отдельных цитат из первичного текста. Он переосмысливает результаты научного познания и одновременно выдвигает на передний план лично его интересующие проблемы в научной сфере, ожидая на них отклика читателя, также специалиста-исследователя [Гайдук 2020, с. 150–151].

В ходе исследования текстов научной рецензии было выявлено, что ведущими стратегиями автора-критика выступают три стратегии: стратегия интерпретации, стратегия вежливости и, на наш взгляд, доминирующая *аксиологическая стратегия*. В широком смысле слова, под *речевой стратегией* мы понимаем определённую направленность речевого поведения коммуниканта в конкретной ситуации общения, ведущую к достижению той или иной коммуникативной цели. Аксиологическая стратегия эксплицируется в тактиках обоснования оценки, акцентирования важной информации, смягчения оценки, солидаризации и контрастирования. Приведём некоторые примеры вышесказанному.

Типичным языковым средством воплощения речевой тактики *солидаризации* является использование критиком личного местоимения *мы / we* в инклюзивной функции для демонстрации себя как непосредственного члена группы. Так, причисляя себя к народу своей страны, критик выражает собственное мнение от имени всей нации: *As Americans,*

we tend not to excel when we must function in distant places, among people whose language, history and culture we know little.

Владеющих соответствующим уровнем знания коммуникантов связывают отношения профессионального партнёрства и сотрудничества: *The book and its author deserve our attention as strategic theorists, practitioners and leaders... in this age of globalization, terrorism and, let us hope, an age of democracy as well.*

Для автора рецензии важно не только донести информацию до единомышленников, но и установить с ними обратную связь. Предвосхищая возможные вопросы, рецензент заранее даёт предполагаемым оппонентам уклончивый, но однозначный ответ: *Should the biology professionals read this book? I think, yes, it depends on what other choices are.*

Тактика *смягчения оценки* проявляется в интенсивном включении в языковую ткань рецензии многочисленных модально-оценочных замечаний. Направляя восприятие текста в русло собственного видения предмета, рецензент стремится придать объективное звучание предполагаемой им точки зрения, соблюдая при этом правила этикета научного общения. Так, отсутствие излишней категоричности достигается за счёт высказываний с модальными глаголами *may* и *might*: *A reader unfamiliar with the Korean language and culture might guess Millett is describing a sense of ... But that same reader might be mystified when...* Данная тактика особенно употребительна при экспликации отрицательной оценки.

Аксиологическая стратегия и тактика вежливости присутствует во всех композиционных частях научной рецензии (вступление, основная часть и заключение), что свидетельствует о традиционном использовании устойчивых форм и о соблюдении этики научного общения в межличностных отношениях исследователей в дискурсивном сообществе.

Реализация задач критической репрезентации научной работы осуществляется через экспликацию и импликацию оценочного мнения рецензента. Аксиологическое поле затрагивает непосредственно такие принципиальные характеристики, как актуальность, новизна, объективность, экспрессивность эксплицитных оценочных структур в их положительном или отрицательном значениях. Анализируя те же характеристики, имплицитная оценка рецензируемого текста выражается критиком в виде совета, рекомендации, пожелания, одобрения или отрицания высказанной оценки в контексте его собственных ментальных установок, взглядов, убеждений и социальной позиции в целом.

Литература

1. Баженова Е.А. Аксиологическое пространство научного текста // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. Междунар. науч. конф. (УрФУ, 15–17 октября 2019 г.) / отв. ред. Н.А. Купина. Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2019. С. 13–14.

2. Гайдук Л.Д. Оценочность и метафоричность военно-критического дискурса при подготовке военных специалистов // Язык. Общество. Образование: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. «Лингвистические и культурологические аспекты современного инженерного образования» / под ред. Ю.В. Кобенко. Томск: ТПИ, 2020. С. 147–151.

3. Коньшева А.В. К вопросу об имплицитной и эксплицитной информации при составлении реферата текста // Эксплицитное и имплицитное в языке и речи: тез. Междунар. науч. конф., Минск, 10–11 мая 2017 г. Минск: МГЛУ, 2017. С. 174–176.

4. Кудасова О.К. Роль стилистического приёма в организации научного оценочного текста // Язык и стиль научного изложения: лингво.- метод. исслед.: сб. ст. М., 1983. С. 23–33.

Нравственные императивы адыгов в современном обществе (на материале социологических исследований)

Зухра Хачмафовна Гучетль

Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований
zuchraguchetl@mail.ru

На материале социологических исследований автор анализирует современное состояние системы Адыгэ хабзэ, выражающее духовную самобытность народа. В статье отмечается, что в современном адыгском социуме возникла потребность в инициировании процесса реновации Адыгэ хабзэ.

Ключевые слова: императив, адыги, Адыгэ хабзэ, этнос, культура, традиции, нравственность.

Moral Imperatives of the Adygs in Modern Society (Based on the Material of Sociological Research)

Z.Kh. Guchetl

Adygea Republican Institute for Humanitarian Studies

On the basis of sociological research, the author analyzes the current state of the Adyghe Khabze system, which expresses the spiritual identity of the people. The article notes that in the modern Adyghe society there is a need to initiate the process of renovation of Adyghe Khabze.

Keywords: imperative, Circassians, Adyghe Khabze, ethnos, culture, traditions, morality.

Нравственный императив – это общий закон, высшее требование, важнейший принцип, которому надо следовать безоговорочно, без рассуждения, без сомнения. Это та нравственная максима, которая распространяется на всё человечество без исключения [Нравственный императив].

Основной нравственный императив адыгов – это система Адыгэ хабзэ. Адыгэ хабзэ – неписанный свод законов, норм и правил поведения адыгского народа, был и остаётся важнейшим средством сохранения нравственного и духовного здоровья этноса. Возможно, благодаря этикету, адыги смогли сохранить себя как этнос и через века пронести лучшие свои традиции, а в современных условиях продолжают поддерживать свою этническую и культурную идентичность.

Адыгэ хабзэ представляет собой уникальное этико-нормативное явление в кавказской и мировой цивилизации, которое выражает духовную самобытность адыгской культуры.

В начале XIX столетия Э. Спенсер высоко отзывался о нравственно-этических принципах адыгов: «Можем ли мы не восхищаться степенью цивилизации, которой достиг этот изолированный народ. И всё это без каких-либо писанных законов, без каких-либо других регуляторов, кроме традиций их предков и песен их бардов».

Современный этнограф Б.Х. Бгажноков, развивая мысль британского этнографа, отмечает, что «адыгская этика – это квинтэссенция нравственного опыта народа, выработавшийся веками механизм его культурной самоорганизации. Адыгская этика является эталоном общекавказской нравственной философии, её наиболее полным и детально разработанным выражением» [Бгажноков 1999, с. 3].

За последние два столетия в этнографической науке проведено множество исследований, подчёркивающих уникальность данной системы моральных ценностей. В этой свя-

зи представляется целесообразным смещение исследовательского фокуса в рассмотрении Адыгэ хабзэ с вопросов культурно-исторической ценности соционормативной системы адыгов в несколько иную плоскость – к анализу институционального потенциала и определению перспектив реновации адыгского этикета, совершенствованию механизмов его реконструкции без разрушения целостной структуры применительно к современным адыгским реалиям.

В целях оценки современного институционального потенциала Адыгэ хабзэ в марте 2021 г. отделом философии и социологии АРИГИ им. Т.М. Керашева было проведено социологическое исследование, в ходе которого было опрошено 540 человек в г. Майкопе и районах Адыгеи. Опрос, проведённый в рамках данного исследования, показал, что большинство респондентов (59%) имеет полное представление о его содержании. 39% опрошенных отметили, что знакомы с принципами адыгского этикета, но не представляют его специфику. Полученные результаты свидетельствуют о сохранении в этносоциальной памяти адыгов представлений о традиционных институтах народа.

В то же время подавляющее число адыгов уверено в том, что соблюдать нормы Адыгэ хабзэ в современной жизни вполне реально. 24% респондентов указали, что следование его этико-нормативным принципам не вызывает трудностей, 50% отметили, что сложности могут быть вызваны в зависимости от содержания конкретной нормы. При этом 19% респондентов убеждены в сложности выполнения предписаний Адыгэ хабзэ, а 7% рассматривают их имплементацию крайне затруднительной.

На вопрос социологического исследования 2000 г. отдела философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева: «Придерживаетесь ли Вы лично в своей повседневной жизни норм Адыгэ хабзэ?» – утвердительно ответили 55% опрошенных. В 2021 г. число респондентов, положительно ответивших на данный вопрос, составило 42%, т.е. снизилось на 13%.

Учитывая, что определённая часть респондентов стремится в своих ответах представить ситуацию лучше, чем она есть на самом деле, разница в показателях может быть и больше. Сравнительный анализ показал, что в начале третьего десятилетия XXI в. наблюдается уверенная тенденция снижения числа адыгов, придерживающихся Адыгэ хабзэ и даже просто знакомых с её нормами и правилами.

Сегодня в современном обществе адыгов нормы Адыгэ хабзэ претерпевают кризис, происходит унификация образа жизни народа, стирание культурных поведенческих стереотипов. В связи с этим возникает необходимость возрождения и развития национального самосознания адыгов, регуляции их поведения во всех областях общественной жизни по правилам, установленным Адыгэ хабзэ.

За последние десять лет наблюдается динамичная трансформация идентификации адыгского общества. Как показывают наши социологические исследования, в Республике Адыгее снижается функционирование родного языка, традиции и ценности, не трансформируясь, «растворяются» в современном обществе.

Например, возьмём один из уникальных видов Адыгэ хабзэ – *щылагъэ* (терпимость). Нравственный императив *щылагъэ* – латентная форма Адыгэ хабзэ, который должен был соблюдать каждый адыг. Адыгский народ к данному виду хабзэ относился очень строго. К терпению и сдержанности адыги приучали детей с малых лет. Прослыть в народе «мягкохарактерным» для адыгов считалось позором на всю жизнь, таких людей адыги призирали, их считали изгоями общества.

Терпимость (*щылагъэ*) – это качество со способностью отказаться от некоторых (неприличных, неуместных) действий, диктуемых витальными потребностями. В случае с толерантностью правильнее говорить о терпимости, сдержанности, снисходительности. Это несколько иная форма самоконтроля и самоорганизации личности. Толерантность – антипод импульсивности, способность не раздражаясь, не гневаясь оценивать и переносить неприятные, недружелюбные, порой оскорбительные воздействия. В общении с людьми необходимо, несмотря ни на что, оставаться спокойным, почтительным, даже кротким. Иногда это требует больших усилий воли, поэтому в адыгской культурной традиции толерантность предстаёт как мужество самой высокой пробы, и прежде всего как способность победить в гневе свой язык [Бгажноков 1999, с. 65–66].

К терпимости (*щылагъэ*) адыги приучали с детства. Разъясняя преимущества данного качества, говорят: *Шэным илъэкI щылагъ* – «Из всех добродетелей самая лучшая – сдержанность»; *Щылагъэр насытыгъ* – «Что может сравниться со счастьем быть сдержанным в гневе»; *Щылагъэ зилэр бэгъашI* – «Умеющий сдерживать гнев (проглотить обиду) доживает до старости». Воспитание в этом духе способствует формированию таких качеств, как спокойствие, терпимость, невозмутимость. Не зря на толерантность, как на примечательное и во многом неожиданное качество адыгского характера указывали бытописатели Черкесии. Их удивляло, что в стране, где каждый мужчина вооружён, царит непривычный покой и порядок, а ссоры, стычки, кровавые столкновения крайне редки [Longworth 1840, p. 240].

Если хвалят парня или девушку, присутствующие при этом родители считают своим долгом прервать говорящего: выслушивать такое приятно, но неприлично. Обычно это делается в шуточной форме; если, например, речь идёт о сыне, говорят: *А кIэлэжьщы цIыкIур ара зигугъу пшIырэр? Щыгъэт, ащ игугъу пшIынэу джери лыгъэ зэрхьагъэп* – «Ты говоришь про этого мальчишку? Перестань, пожалуйста, он ещё ничего не достиг». В таком же духе высказываются старшие братья о младших.

Сегодня под влиянием инокультурного вмешательства в современном обществе адыгов меняются нравственные императивы, об этом свидетельствуют наши социологические исследования. С 2019 г. отдел философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева проводил социологическое исследование по теме «Избегание». «Избегание» – это совокупность различных запретов, соблюдаемых супругами в отношении друг друга, своих детей и известных категорий родственников и свойственников. Адыгский этнограф Б.Х. Бгажноков пишет: «Обычай, согласно которым определённым членам семьи полагалось воздерживаться от всех или каких-либо прямых контактов, считалось важным и необходимым средством поддержания порядка в семье» [Бгажноков 2011, с. 376].

Обычай «избегания» делится на четыре классификации: 1) между супругами, 2) между родителями и детьми, 3) между женой и родственниками мужа, 4) между мужем и родственниками жены. Все перечисленные виды, кроме четвёртого, растворились в глобализирующемся обществе и практически не соблюдаются. Четвёртый вид обычая «избегания» между мужем (зятем) и родственниками жены на сегодняшний день на территории Адыгеи в большей степени сохранил свои полномочия и довольно прочно держится на социокультурной арене. Как показал наш опрос жителей аулов Республики Адыгея, обычай избегания между зятем и родителями жены в большей мере смогли сохранить. Из 100 человек опрошенных 79% заявили, что соблюдают этот древний обычай и не собираются «сходить с дистанции», а 16% признались, что не соблюдают его. По нашим прогнозам,

хоть обычай «избегания» и сдаёт свои былые позиции, но и через 30 лет у нас будут люди, которые будут соблюдать и уважать его.

Очевидно, что глобализация действительно приводит к исчезновению привычных традиционных форм жизни малых этносов.

Разрушается или почти на грани разрушения механизм передачи от поколения к поколению, от старших к младшим традиций и обычаев. Раньше в младших адыгских семьях адыгский этикет и язык усваивались посредством обращения к знаниям старших, осмысления их жизненного опыта как терминальной ценности народа. Сегодня молодые семьи предпочитают жить отдельно, а других каналов передачи обычаев от поколения к поколению в адыгской семье не найдено.

Адыгский язык, так же как элемент культурного ядра Адыгэ хабзэ, сам оказался на грани аналогичного кризиса. А ведь язык и этикет – это базовые, взаимосвязанные фундаментальные основы адыгской идентичности.

В настоящее время в условиях трансформации адыгское общество, как и любая другая этнокультурная система, утрачивает свой консолидационный потенциал, оказывается разобщённым и не может формировать единое общественное мнение относительно норм морали и права, заложенных в Адыгэ хабзэ.

Распад СССР, а затем и процессы глобализации в современном мире привели к размыванию, и даже в некоторой степени к уничтожению этнических рамок, определявших национальную культуру. Язык, семья, морально-этический кодекс как основные каналы воспроизводства адыгской традиционной культуры претерпели существенные видоизменения.

А. Ашхамаф отмечает тот факт, что «по адыгским понятиям принципы традиционной этики нельзя предать забвению без ощутимых негативных последствий для социума. Отказ от исполнения моральных правил ведёт к аномии, а аномия, в свою очередь, – к разрушению устоев личности и общества» [Ашхамахова 2006, с. 47].

На сегодняшний день адыгское общество нуждается в реновации культуры, необходим поиск путей для оптимизации традиционных морально-нравственных и этнических предписаний и соединения их с потребностями современного общества.

Литература

1. Ашхамахова А.А. Менталитеты народов мира. Методические материалы: учеб. пособие. Краснодар, 2006. 260 с.
2. Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. Нальчик: Издательский центр «Эль-фа», 1999. 97 с.
3. Бгажноков Б.Х. Этнография Адыгов. Нальчик: Эльбрус, 2011. 376 с.
4. Нравственный императив. URL: https://spiritual_culture.academic.ru/1477 (дата обращения: 31.03.2022).
5. Longworth J.A. A Year among the Circassians. London, 1840. 367 p.

Коммуникативные особенности фламенко: социокультурный аспект

Мария Викторовна Дашутина
независимый исследователь
stelaluna@yandex.ru

Танец является универсальным языком общения, посредством танца и движения можно быстрее и эффективнее установить контакт и найти верное решение тому, что трудно для понимания. Испанский танец фламенко рассматривается как знаковая система невербальной коммуникации, основу которой составляет образ, фиксируемый в пластике человеческого тела.

Ключевые слова: испанская культура, фламенко, невербальное общение, язык тела, телесность, межкультурная коммуникация.

Features Cross-Cultural Communication in Flamenco Dance: Sociocultural Aspect

M.V. Dashutina
Independent researcher

Dance is a universal language of communication, through dance and movement. You can quickly and efficiently establish contact and find the right solution to what is difficult to understand. Spanish flamenco dance is viewed as a symbolic system of non-verbal communication, the basis of which is the image captured in the plasticity of the human body.

Keywords: Spanish culture, flamenco, non-verbal communication, body language, corporeality, intercultural ties.

В настоящее время исследователи отмечают возникновение тенденции социокультурного единства, одновременно с этим акцентируются культурные различия, напрямую связанные с принадлежностью людей к той или иной культуре. И, как следствие, ведущая роль в современном обществе отводится эффективной межкультурной коммуникации.

Искусство фламенко, эта самобытная культура испанских цыган, объединившая в себе такие жанры, как танец, пение и гитарную музыку, является ярким примером интеграции национальной культуры в общемировую. Вобрав в себя традиционные черты арабской, испанской, еврейской культур, фламенко гармонично вписалось и в контекст российской культуры. Фестивали фламенко ежегодно проводятся по всему миру, а в нашей стране стремительно растёт число поклонников испанского искусства.

Танец – универсальный язык общения, наиболее эффективное средство инкультурации человека. Возникает он из потребности выразить эмоции, продемонстрировать чувство сопричастности окружающему миру. Именно танец даёт необходимую энергию для переживания жизненно важных событий. Полный темперамента и драматизма, танец фламенко позволяет отдельному индивиду реализовать потребность в творческом и эмоциональном выражении, что крайне важно в век информационных технологий. «Тело есть первый и наиболее естественный инструмент человека... техники тела, способы воздействия на него и его использования широко варьируются от сообщества к сообществу» [Мосс 1996, с. 242]. Общение с помощью языка телодвижений как средства невербальной коммуникации является универсальным и наиболее информативным. Согласно данным

психологических исследований, 70% всей получаемой человеком информации усваивается именно невербально. Испанская культура, по определению этолога М.Л. Бутовской, – культура высококинетическая [Бутовская 2004, с. 308]. Здесь самой естественной для испанца формой выражения своих чувств: любви и ненависти, скрытой страсти, решимости бросить вызов и победить, является танец. Фламенко демонстрирует не только испанский зной жестов, поз, ритмов, изящество тела танцовщицы, но главное – внутреннее напряжение, выражающее опыт жизни, драму встречи с горем и счастьем, этическую установку поведения человека в мире, который чаще жесток, чем приветлив. Пронизывающий взгляд, гордо поднятый подбородок, надменный поворот головы, исполненная достоинства стать и руки, как будто живущие своей собственной жизнью, совершающие то резкие, то плавные движения, гармонично согласующиеся с ритмом, который неустанно выбивают каблуки танцовщика, ритмом, создаваемым собственным телом. Танец – это основа мировосприятия испанцев, в нём и жгучий темперамент, страсть, знаменитая испанская гордость, открытость, уважение к риску, и любовь к празднику и наслаждению. «То, что станцовано, у меня никто никогда не отнимет», – говорит испанская пословица. В чём же особенность языка фламенко, каковы его базовые характеристики? Во фламенко присутствует древний ритуальный стержень с его архаическими кодами, которые через пение и танец воздействуют на исполнителя и зрителя как магия и шаманство. Архаика проявляется и на уровне глубинного содержания, заложенного во фламенко. Оно, по сути, всегда сопряжено с оппозициями человеческого бытия: жизнь – смерть, любовь – ненависть, верность – измена. Ритуальная пластика фламенко включает в себя характерные позы, круговые движения запястий и пальцев, «ворожбу» воздетых к небу рук, виртуозное отбивание сложнейших ритмов ногами, вращения корпуса, игру юбкой. Выражением тех неведомых внутренних вибраций, которые движут танцовщиком, является то, что испанцы называют *дуэнде* – дух танца, который заставляет чаще биться сердце зрителя, отражение внутреннего огня танцующего. Фламенко – глубоко индивидуальный танец. Это не просто эмоции, это страсть, это печаль на грани страдания, это буйное выражение жизни и любви, переживаемое не ради внешнего эффекта, а ради выражения некой глубинной сути человека. Одиночество на глазах у всех... Именно это и есть истинное искусство выражения внутреннего состояния и глубинного переживания.

В телесной коммуникации роль жестов рук, мимики, поз и телодвижений трудно переоценить. «Кинетические стороны поведения людей – жесты и позы, способы, как люди сидят или стоят, как располагаются по отношению друг к другу, меняют позы во время беседы, смотрят друг на друга, играют решающую роль в коммуникативном взаимодействии» [Крейдлин 2002, с. 27]. В испанском танце фламенко способы невербальной коммуникации выражены особенно ярко. Танец фламенко основывается на точных и выразительных движениях рук и кистей, головы и корпуса; на красноречивой игре глаз, движениях веера и шляпы; на игре манильской шалью и ударах ног (*canateado*), ритмических постукиваниях и ударах каблуком или ступнёй по подмосткам. Специфика и уникальность именно этого танца в том, что танцовщик вместе с музыкантами создаёт музыку с помощью собственного тела, выбивая непростой и быстро меняющийся ритм ногами (*canateados*) и хлопая ладонями (*пальмас*). Кроме этого, сложность исполнения фламенко в том, что при чётко обозначенной структуре нужно обязательно иметь способность к импровизации, без которой невозможно создать танец. Ещё один очень важный аспект заключается в понимании структуры танца и полном взаимодействии танцора, музыкантов

и певцов, умении слушать и слышать других участников действия [Guilet 2007, с. 35–36]. Именно импровизационный характер фламенко, сложный ритм и специфическая техника исполнения не предоставляют возможности для точной нотной записи его мелодий. Поэтому искусство гитариста, танцора и певца обычно передаётся от учителя к ученику и подразумевает большой объём самостоятельной работы. Таким образом, танец – пластическое выражение народной испанской души, магический сплав, комплекс, возникший на основе межкультурных заимствований фольклорных традиций испанцев, индийцев, цыган и арабов. Именно в танце ярче всего воплощается творческая сила народа, его эмоциональность, темперамент и энергетика.

В свете вышесказанного, наибольший интерес представляет исследование коммуникативных особенностей фламенко и отношение к феномену фламенко со стороны представителей других культур.

Одними из ключевых ценностей культуры фламенко являются понятия свободы и борьбы: народы, внёсшие наиболее весомый вклад в искусство фламенко, были гонимы. Арабы были изгнаны из Испании в 1492 г.; евреи, которых в V в. насчитывалось в Испании около 100 тыс., были вынуждены принять христианскую веру, чтобы не подвергнуться преследованиям; цыгане также подвергались гонениям. Каждый из этих народов в определённый момент истории утратил свою родину и был вынужден принять чужую веру, слиться с другой культурой. Их музыка и танец стали скрытым протестом против несправедливости, жалобой на судьбу, в их песнях говорилось о мрачной жизненной реальности. Нужно отметить духовные и человеческие качества андалузского народа, доброжелательно принявшего утомлённых вековыми скитаниями цыган, евреев и мавров, разделившего с ними свои верования, радость и страдание, ведь именно в Андалусии они встретили традиции и нравы, близкие по духу. Фламенко на сегодняшний день не столько танец, сколько явление культуры, в последние десятилетия широко распространившееся во всём мире. Чем же притягательно оно для представителей других культур? Что заставляет людей выбирать это сложную танцевальную форму, столь разительно отличающуюся от всех ранее известных? Фламенко предоставляет возможность не носителям данной культуры экспериментировать с новыми чувствами и эмоциями, получить телесную практику, полностью отличающуюся от ежедневной. Это своеобразный культурный исследовательский эксперимент, позволяющий оценить собственные ограничения в обыденной жизни, понять себя, осознать ценность свободы осуществлять свою собственную жизнь, свободы как разрешения себе быть Другим. Если в жизни накапливается слишком много ограничений, с которыми человек не может справиться, то опыт высвобождения, отпуская просто необходимо. Ритмично организованное движение – самый простой и безопасный способ выхода из напряжения, оно вовлекает всего человека – тело, чувства, мысли и образы. Перенасыщенная и размытая, текучая идентичность современного человека, сотканная из массмедийных и личных историй, требует определённости и проявленности. Танец фламенко – уникальная для личности возможность непризнанным, подавленным, нереализованным частям «Я» становиться реальными и принятыми. Свобода импровизации во фламенко при чётко структурированной основе даёт возможность оформить пластику самого перетекания потоковой идентичности, в контакте с собой, с другими людьми и миром. Танец позволяет признавать своё право проживать, действовать, осознавать свои желания и чувства, принимать решения. История происхождения фламенко – это история ассимиляции, симбиоз культур многих народов, в разные времена населявших Испанию, создание на основе

самобытного андалусского народного искусства единого культурного комплекса, танцевально-музыкально-певческого стиля, впитавшего в себя как традиционные европейские, так и восточные мотивы. Здесь фламенко демонстрирует образец чуткого и трепетного отношения к культуре других народов, каждая из которых удивительным образом находит во фламенко то, что более всего отвечает эстетическим и духовным потребностям. Что касается нашей страны, то «на всём протяжении истории отношений между Испанией и Россией мы стремились найти созвучное для себя, сопоставляя национальные обычаи и традиции, восхищаясь отчаянной решимостью испанцев, их бесстрашием перед лицом смерти... однако, испанский танец и русский пляс – это разные миры. Нежная печаль или буйство общей радости в русском народном танце и индивидуальный, всегда напряжённый, внутренний “монолог” танца испанского, особенно танца фламенко» [Балашова 2010, с. 15]. Актуальность заданной нами темы заключается в том, что важнейшим моментом взаимодействия культур является познание национальной самобытности другого народа через его традиции и, как следствие, более глубокое понимание себя в ином, «чужом» ракурсе восприятия. В связи с этим изучение символической телесной коммуникации имеет огромное значение, так как она присуща любой культуре, а описание специфических особенностей невербального поведения будет способствовать взаимопониманию и поможет увеличить эффективность межкультурного взаимодействия.

Литература

1. Балашова Т. Коррида-танец: аспекты мировосприятия в культурах Испании и России // Иберо-романистика в современном мире: научная парадигма и актуальные задачи: тез. конф. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, Филологический факультет, 25–26 ноября 2010 г. М.: МАКС Пресс, 2010. URL: <http://textarchive.ru/c-2893410-p2.html>. 43 (дата обращения: 31.03.2022).
2. Бутовская М.Л. Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека). М.: Научный мир, 2004. 440 с.
3. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. URL: <http://www.psyoffice.ru/473-krejddlingrigorijj-neverbalnaja-semiotika.-jazyk.html> (дата обращения: 31.03.2022).
4. Мосс М. Техники тела // Общества, обмен, личность. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1996. С. 242.
5. Guilet I. Learning to Become Dancing Musicians: Flamenco Dancers Going Global: A Thesis in the Department of Sociology and Anthropology. Montreal, Canada, 2007. P. 35–36. URL: <http://spectrum.library.concordia.ca/975430/1/MR34439.pdf> (дата обращения: 31.03.2022).

Взаимодействие традиций и новаций в современном российском православии

Вячеслав Александрович Долин
Белгородский юридический институт
МВД России им. И.Д. Путилина
v.a.dolin@mail.ru

В статье на основе представлений об «изобретённой традиции» Хобсбаума – Рейнджера рассматриваются нерадикальные новации современного российского православия. Сопоставление традиций современных крещенских купаний и празднования всероссийского Дня семьи, любви и верности позволяет сделать вывод, что новации в современном российском православии формируются как по инициативе людей («снизу»), так и в результате управленческих решений («сверху»).

Ключевые слова: православие, «изобретённая традиция», Крещение Господне, Пётр и Феврония Муромские, всероссийский День семьи, любви и верности.

Interaction of Traditions and Innovations in Contemporary Russian Orthodoxy

V.A. Dolin
Belgorod Law Institute of the Ministry of Interior
Affairs of Russia named after I.D. Putilin

The article examines non-radical innovations of contemporary Russian Orthodoxy based on the ideas of the “invented tradition” of Hobsbawm-Ranger. Comparing the traditions of contemporary Epiphany bathing and the celebration of the All-Russian Day of Family, Love and Fidelity allows us to conclude that innovations in modern Russian Orthodoxy are formed both on the initiative of people (“from below”) and as a result of management decisions (“from above”).

Keywords: Orthodoxy, “invented tradition”, Epiphany, Peter and Fevronia of Murom, All-Russian Day of Family, Love and Fidelity.

Динамика культуры в целом и любого из её элементов реализуется через сочетание традиций и новаций. Для динамики религии по причине специфики её мировоззрения характерно преобладание традиции над новациями, поскольку основанная на священном писании и текстах священного предания культово-обрядовая жизнь мало подвержена изменениям. Вместе с тем сказанное не означает полного отсутствия новаций в религиозной жизни. По отношению к изменяемой традиции названные новации возможно подразделить на радикальные и нерадикальные.

Радикальные новации вероучения и культа с точки зрения религиозной жизни представляют собой модернизм. Предельный результат радикальной новации – раскол и выделение секты, которая потенциально может стать деноминацией (в протестантизме) или даже церковью (католицизм по отношению к православию). Нерадикальные новации не затрагивают вероучительных и канонических особенностей конкретной религии и потому спустя некоторое время бесконфликтным способом обретают признаки традиционности.

Будет обоснованным утверждать, что приспособление сформировавшейся в конкретном социально-культурном ареале религии к новым социально-культурным условиям

происходит через интеграцию в её состав духовно-культурных элементов, совместимых или грубо не противоречащих исходным положениям религии. В качестве примера возможно привести русское православие, в котором достаточно быстро формируются два заметных отличия от «материнской» византийской версии православия:

– большее внимание к культу Богородицы Девы Марии, нежели к культу Иисуса Христа;

– преобладание эстетических идеалов над этическими, наиболее ярко проявившееся в эстетике русской иконы.

В качестве примера нерадикальных новаций в русском православии следует рассматривать синтез восходящих к языческим верованиям крестьянских обрядов и обычаев с христианскими представлениями. Первый пример подобного синтеза – языческий бог скота Велес на основании звуковой близости имён отождествляется со святым Власием Севастийским, который «отмыкает молоко» у коров в конце зимы и рассматривается в славянской традиции как «коровий бог». Второй пример – культ Параскевы Пятницы (Сербской и Иконийской), который вбирает в себя многие элементы культа языческой богини Мокоши – покровительницы семьи, женщин, прядения и ткачества [см. подробнее: Маторин 1931]. Наконец, третий, наиболее яркий пример – культ святого Николая Мирликийского Чудотворца, образ которого сближается не только с Велесом, но и Лешим (медведем) [Успенский 1982]. Отголоски подобного синтеза сохраняются и поныне.

В контексте рассмотрения проблемы традиций и инноваций в современном российском православии следует осознавать влияние на него двух тенденций. Первая из них – возрождение религиозности в СССР в 1980-е гг., в результате которого вчерашние атеисты (иногда даже «воинствующие») приходят к Богу и возвращаются в церковь. В настоящее время данная тенденция исчерпала свой потенциал, но количество активно верующих заметно выросло в сравнении с атеистическим советским прошлым. Вторая тенденция, характерная для современного российского православия, носит общемировой характер. Она связана с возникновением «постсекулярного состояния общества» (Ю. Хабермас) как общества, «...которое приспосабливается к дальнейшему существованию религиозных сообществ в продолжающем секуляризоваться окружении» [Habermas 2001, s. 13].

В свете тенденции формирования «постсекулярного состояния общества» (Ю. Хабермас) заслуживает рассмотрения феномен «народной религиозности». Он традиционно мирно сосуществует с канонической («книжной») религиозностью, поскольку не претендует на пересмотр вероучительных положений и канонов религиозной жизни. Вместе с тем в рамках «народной религиозности» возможны новации, которые могут принимать форму «изобретённой традиции» [Hobsbawm, Ranger 1983]. Согласно определению Э. Хобсбаума, понятие «изобретённая традиция» включает в себя «...как “традиции” действительно изобретённые, сконструированные и формально институционализированные, так и те, появление которых проследить труднее, но которые тем не менее быстро утвердились в течение короткого, поддающегося датировке периода времени, исчисляемого, пожалуй, всего несколькими годами» [Хобсбаум 2000, с. 48]. Представление об «изобретённой традиции» Хобсбаума – Рейнджера как социально-культурном конструкте является методологической основой данной статьи.

Объект рассмотрения в статье – традиции и новации в современном российском православии, её предмет – взаимодействие традиций и новаций в современном российском православии.

В качестве эмпирического материала в статье выступают две традиции «народного» православия, относительно недавно появившиеся в российском православии: современные крещенские купания (19 января) и празднование всероссийского Дня семьи, любви и верности (8 июля).

Традиция купаний на праздник Крещения Господнего (Богоявления) имеет библейские основания: в этот день Иисус Христос принял крещение от Иоанна Предтечи (Крестителя) в водах реки Иордан (Лк. 3:23; Ин. 1:28) [Библия, с. 1086, 1128], что определяет первое название праздника. Одновременно в этот день Бог явился перед людьми в трёх ипостасях (отсюда второе название праздника): во время крещения «отверзлось небо, и Дух Святой нисшёл на Него в телесном виде, как голубь, и был глас с небес, глаголющий: Ты Сын Мой Возлюбленный; в Тебе Моё благоволение!» (Лк. 3:21-22) [Библия, с. 1086].

Праздник Богоявления – один из древнейших, который празднуется в христианстве с IV в. (наряду с Пасхой и Пятидесятницей). С 1667 г. особенностью праздника в Русской православной церкви является совершение чина великого освящения воды: накануне праздника – в храме и в день праздника – под открытым небом на природных водоёмах («на Иордани»). Очень часто на водоёмах по мере сил и возможностей верующие устраивали подобие храма. После окончания богослужения в храме и под открытым небом вода становится священной. Ею наполняли сосуды и бережно хранили в доме как обладающую целебными и животворящими свойствами.

В народной традиции Древней Руси праздник назывался Водокреши, или Иордань. В этот день многие мужчины окунались в прорубь для очищения от грехов, о чём свидетельствуют иностранные писатели и путешественники XVI–XVIII вв. [Святая... 2007, с. 380]. Чаще всего окунались в специальную прорубь для стирки белья ниже по течению от иордани, где происходило водосвятие. Одна из причин возникновения народной традиции окунаться в прорубь – участие молодых парней в обряде изгнания нечистой силы, когда «...толпа молодых парней верхом на лошадях носилась по всем дворам, била метлами и кнутами по всем тёмным углам и закоулкам с заклинанием, криком и визгом» [Святая... 2007, с. 381]. После этого «...грешные и смелые люди считали своею святою, непременною обязанностью окунуться в прорубь возле “Иордани” и смыть с себя тяжкие грехи святочных игр, ряженья и маски» [Святая... 2007, с. 381].

К началу XX в. многие языческие традиции забываются, и мотивация крещенских купаний становится гораздо прозаичней: «некоторые молодые люди купались в проруби для здоровья и “от коросты”» [Карпова 1998, с. 23]. Одновременно в «Настольной книге священнослужителя» 1913 г. издания обычай купания в крещенской проруби отвергается, поскольку «...купаться зимой значит требовать от Бога чуда или же совершенно пренебрегать своей жизнью и здоровьем» [Рошин 2013].

В советские времена народная традиция была практически забыта как проявление мракобесия. Однако с 1970-х гг. набирает популярность система оздоровления П.К. Иванова (1898–1983), важными элементами которой являются постоянный контакт с природой и закаливание холодной водой. После публикации статьи о нём в журнале «Огонёк» [Власов 1982] и изложения самим П.К. Ивановым 12 советов в системе «Детка» [Иванов 1982] моржевание становится очень популярным в СССР. Однако возвращение купаний в проруби в данном случае не имеет связи с православием.

В 2000-е гг. интерес к религиозно мотивированным купаниям на праздник Крещения возрождается. Однако он, по определению современных священников, носит «около-

церковный» характер [Рощин 2013]. И действительно, среди окунающихся в прорубь на Крещение Господне возможно встретить, как минимум, три категории людей.

Первая категория – воцерковленные или культуральные представители православия, рассматривающие погружение как сакральное действо. Их можно узнать по троекратному погружению с головой и крестному знаменю перед каждым погружением, а женщин – ещё и по белым нательным рубашкам, порою на голое тело.

Вторая категория – сторонники оздоровления или здорового образа жизни. В эту категорию входят люди, систематически практикующие моржевание или занимающиеся зимним плаванием. Могут не окунаться троекратно с головой и не осенять себя крестным знаменем даже при осознании своей связи с православной культурой.

Третья категория – искатели приключений, готовые попробовать экстремальное удовольствие (с верой в получение Божьей благодати или без неё). Причины купания представителей данной группы разнообразны: «за компанию», опыт друзей и знакомых, влияние СМИ или социальных сетей, непосредственное впечатление от энтузиазма людей, купающихся в день праздника. Некоторые представители данной группы могут употреблять алкоголь до или после купания, а также в нецензурной форме выражать свои эмоции при погружении и (или) после него, дискредитируя обновлённую традицию.

Представители всех трёх категорий могут делать фотографии или видео на память или для размещения на своих страницах в социальных сетях.

Популярность традиции современного крещенского купания растёт с каждым годом. Хотя пандемия коронавируса, безусловно, сократила количество желающих стяжать благодать погружением в крещенскую купель. В 2022 г. 14% россиян планировали окунуться в прорубь [Крещение-2022], в 2021 г. их было 13%, что на 3% ниже доковидного праздника Крещения 2020 г. [Крещение-2021].

Всероссийский День семьи, любви и верности (8 июля) официально существует с 2008 г. и интересен тем, что светский праздник учреждён в день церковного поминания кончины святых Петра и Февронии Муромских в 1228 г. [Писаренко 2019].

Супруги канонизированы на Московском церковном соборе 1547 г. В связи с их канонизацией инок Ермолай (в монашестве – Еразм) пишет на старославянском языке их житие – «Повесть о Петре и Февронии» [Повесть... 1979]. Не претендующая на точность фактов, но написанная с заимствованием стилистических элементов народных преданий, повесть становится популярной и тиражируется во множестве списков, из которых только до наших дней дошло более 300 [Писаренко 2019]. Согласно православной традиции, святым Петру и Февронии Муромским молились о семейном благополучии и просили благословения на свадьбу.

Возможно, что день воспоминания кончины святых Петра и Февронии Муромских так и остался бы известным только воцерковленным и знатокам православной культуры. Но включение позднего СССР в процессы культурной глобализации становится предпосылкой утверждения почитания дня святых Петра и Февронии Муромских на новом уровне. Показанный по центральному телевидению в рамках недели канала CBS фильм «Корабль влюблённых» («The Love Boat: A Valentine Voyage») (1990) знакомит советских граждан с днём святого Валентина как днём всех влюблённых. О том, что данный праздник существует и празднуется ежегодно 14 февраля, автор данной статьи узнал именно из этого фильма. Позднее стало известно, что Валентин – католический священник, который тайно венчал влюблённых. Он был заключён в тюрьму, из которой тайно передавал запис-

ки дочери тюремщика, в которую был влюблён. Был казнён, а впоследствии – причислен к лику святых. В результате популяризации в СМИ (прежде всего на FM-радиостанциях), продажи открыток-«валентинок» и иных товаров в форме сердца, а также праздничных скидок в ювелирных магазинах праздник обретает всё большую популярность, особенно в городах и в молодёжной среде.

Неудивительно, что православные верующие сдержанно относятся к данному дню, рассматривая его в качестве «...несуществующего романтического праздника...»; по их мнению, он «...искусственно связан с христианским святым, который отдал свою жизнь за веру» [Фёдорова 2021]. Происхождение праздника православные историки связывают со средневековой романтической литературой, а также обычаями британцев и французов. После попадания в Новый свет праздник становится популярным и, восприняв «дух века нынешнего», приобретает современную форму [Фёдорова 2021]. Во время реформы Римско-католического календаря святых 1969 г. общецерковное поминовение св. Валентина, объединяющего образы трёх раннехристианских мучеников, отменено на основе скудости сведений о нём [Фёдорова 2021]. В православной же традиции 19 (6) июля почитается память Валентина Римлянина, а 12 августа (30 июля) – Валентина, епископа Интерамны.

Росту популярности западного праздника противопоставляется сконструированная традиция в виде утверждённого в 2008 г. праздника, получившего официальное название «всероссийский День семьи, любви и верности». Подобно возникновению традиции ныне уже международного шествия «Бессмертный полк», праздник в честь дня святых Петра и Февронии Муромских возникает сначала на региональном уровне, в г. Муром Владимирской области. В 2008 г. муромская инициатива находит поддержку на федеральном уровне. В качестве символа праздника выбрана ромашка. Хотя противники Петра и Февронии как покровителей семьи, любви и верности есть и среди православных [см., например: Данилова 2011].

К настоящему времени сформировалась традиция заключения в этот день браков (но одновременное венчание невозможно, поскольку день праздника приходится на Петровский пост в честь святых первоверховных апостолов Петра и Павла). К этому же дню приурочено вручение общественной награды – медали «За любовь и верность» супругам, прожившим в браке не менее 25 лет и получившим известность «...крепостью семейных устоев, основанных на взаимной любви и верности, а также добившиеся благополучия, обеспеченного совместным трудом, воспитавшие детей достойными членами общества» [цит. по: Павленко 2020]. Более чем в 60 населённых пунктах установлены памятники Петру и Февронии [Аннин 2022]. Многие из них располагаются возле загсов и становятся традиционным местом посещения молодых супругов.

Таким образом, на примере проведённого рассмотрения современных крещенских купаний и празднования всероссийского Дня семьи, любви и верности очевидно, что взаимодействие традиций и новаций в современном российском православии продолжается вплоть до настоящего времени. И представление Хобсбаума – Рейнджера об «изобретённой традиции» как социально-культурном конструкте является продуктивной основой понимания как рассмотренных в статье, так и аналогичных традиций.

Сопоставляя две «изобретённые традиции» современного российского православия, следует обратить внимание на разнонаправленность механизма их формирования. Традиция современных крещенских купаний формируется как результат инициативы людей («снизу»). В свою очередь, церковная традиция воспоминания дня кончины святых

Петра и Февронии Муромских хотя и формируется «снизу», но дополнительно утверждается на государственном уровне («сверху»), поскольку с 2008 г. подкрепляется учрежденным общенациональным праздником – всероссийским Днём семьи, любви и верности. Факт двойной направленности механизмов возникновения «изобретённой традиции» дополняет научные представления о формировании новаций в культуре в периоды модернизации [см., например: Мухамеджанова 2006].

Литература

1. Аннин А. День Петра и Февронии в 2022 году: история и традиции праздника // Комсомольская правда: календарь праздников. URL: <https://www.kp.ru/putevoditel/kalendar-prazdnikov/den-petra-i-fevronii/> (дата обращения: 10.02.2022).
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета. М.: Издание Московской Патриархии, 1992. 1372 с.
3. Власов С.М. Эксперимент длиной в полвека // Огонёк: журнал. 1982. 20 февраля (№ 8 (2849)). С. 30–31.
4. Данилова А. Необразцовая семья. 08.07.2011 // Правмир – Православие и Мир. URL: <https://www.pravmir.ru/neobrazcovaya-semya/> (дата обращения: 10.02.2022).
5. Иванов П.К. Детка // Поиски себя. URL: <http://poiski-s.narod.ru/soznanie/detka.htm> (дата обращения: 09.02.2022).
6. Карпова О.В. Крещенская Иордань на Украине // Живая старина. 1998. № 3 (19). С. 22–24.
7. Крещение-2021 // ВЦИОМ: официальный сайт. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kreshchenie-2021> (дата обращения: 09.02.2022).
8. Крещение-2022 // ВЦИОМ: официальный сайт. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kreshchenie-2022> (дата обращения: 09.02.2022).
9. Маторин Н. Женское божество в православном культе. Пятница-богородица. Очерк по сравнительной мифологии. М.: ОГИЗ; Московский рабочий, 1931. 155 с.
10. Мухамеджанова Н.М. Специфика взаимодействия традиций и новаций в российской культуре в периоды модернизационных преобразований // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 7 (57). С. 153–162.
11. Павленко С. Медаль «За любовь и верность» – награда общественная // Красноярский рабочий. 17.07.2020. URL: <https://krasrab.ru/news/pomozhem-razobratsya/9430> (дата обращения: 10.02.2020).
12. Писаренко М. Пётр и Февронья. 07.07.2019 // Православный журнал «Фома». URL: <https://foma.ru/petr-i-fevronya.html> (дата обращения: 04.02.2022).
13. Повесть о Петре и Февронии / под ред. Р.П. Дмитриевой. М.: Наука, 1979. 348 с.
14. Роцин Георгий, священник. На Крещение нырять в прорубь необязательно. 17.01.2013 // Благовест-инфо: новости о религии. URL: <http://www.blagovest-info.ru/?ss=2&s=3&id=50797> (дата обращения: 08.02.2022).
15. Святая Русь. Русский образ жизни: Большая энциклопедия русского народа / сост. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2007. 942 с.
16. Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М.: Изд-во Московского ун-та, 1982. 248 с.

17. Фёдорова Т. День святого Валентина: Именины без именинника. 14.02.2021 // Правмир – Православие и Мир. URL: <https://www.pravmir.ru/den-svyatogo-valentina-imeniny-bez-imeninnika/> (дата обращения: 10.02.2022).

18. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.

19. Habermas J. Glauben und Wissen (Friedenspreis des deutschen Buchhandels 2001). Frankfurt am Main, 2001. 60 s.

20. Hobsbawm E., Ranger T. The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 300 p.

УДК 304.2:664

Взаимодействие традиций с инновациями в японской культуре питания

Владимир Олегович Заболоцкий

Башкирский государственный аграрный университет

vova_zabolotskiy@mail.ru

Инновации влияют на социальную структуру и могут разрушать традиции, содержащие ритуальную часть, тесно связанную с нравственными и эстетическими ценностями и смыслами. В культуре питания удачным примером сочетания передовых технологий с традиционным укладом могут служить японские рестораны Kagurazaka Ishikawa и Narisawa. Такое сочетание способствует не только сохранению естественности продуктов и здоровому питанию, но и гармонизации внутреннего мира современного человека благодаря содержащимся в ритуалах смыслам.

Ключевые слова: традиции, инновации, ценности, культура питания, Япония.

Interaction between Tradition and Innovation in Japanese Food Culture

V.O. Zabolotskiy

Bashkir State Agrarian University

Innovation affects the social structure and can destroy traditions that contain a ritual part closely related to moral and aesthetic values and meanings. In food culture, Japanese restaurants Kagurazaka Ishikawa and Narisawa are a good example of combining high technology with traditional style. This combination contributes not only to the preservation of the naturalness of products and healthy food, but also to the harmonization of the inner world of a modern person due to the meanings contained in the rituals.

Keywords: traditions, innovations, values, food culture, Japan.

Сегодня наука и технологии идут семимильными шагами, развиваются все области: технические, естественные, медицинские, общественные, гуманитарные, сельскохозяйственные науки, изменяется структура образования в соответствии с современными условиями. Усложняются и модернизируются общественные институты. Преобразованию подверглись и пищевые технологии. Фермеры уже не приходится вручную собирать урожай, соляные бунты остались лишь на страницах истории, а ресторанам вовсе не обязательно иметь полный цикл

производства: пользуясь холодильниками, пищевыми добавками, пастеризацией продуктов и другими технологиями, мы во много раз увеличиваем их сроки хранения, сохраняем и улучшаем вкусовые качества, повышаем скорость приготовления.

Постиндустриальный мир представляет собой сверхтехнологичное экономическое чудо. Ещё никогда в истории не бывало такого разнообразия и доступности пищи, огромного количества необычных ресторанов, вплоть до самых абсурдных, с точки зрения среднестатистического современного человека. Люди едят на борту самолёта, на космических станциях, в исследовательских сверхглубоководных лодках. Самый «глубокий» из ресторанов, например, *Vudryk chamber* находится в Польше на глубине 125 м, а самый «высокий» – *At.Mosphere* в Дубае – на высоте почти 1,5 км. Биотехнологии, цифровизация позволяют достигать невероятных результатов в области пищевой индустрии [Тор 10...].

Обратной стороной инновационно-технологического прогресса является уничтожение традиционных элементов эстетики, выдержавших испытание временем. Эстетика становится функциональной, превращаясь в техногенном обществе в дизайн. Производство, организация и культура питания теряют смысловую основу, сводясь к автоматизации. Осознавая возникающие вследствие этого проблемы, постиндустриальные страны пытаются найти баланс между новым и старым, как отдавая дань прошлому, так и уважая новые ценности и технологии. Самый яркий пример тому – Страна восходящего солнца, феерично связавшая между собой науку и традиционную культуру, являясь при этом одной из ведущих сверхтехнологичных держав. Япония сумела сохранить вековые традиции в сочетании с самыми передовыми технологиями. Старые обычаи и этикет в Японии очень важны и определяют во многом социальное поведение японцев. Именно их мудрое отношение к проблеме взаимодействия традиций и новаций породило множество необычайно красивых и запоминающихся точек питания.

Традиции имеют значение

Традиции в питании всегда были неотъемлемой частью жизни человека. Ещё с детства мать учит своё дитя, как правильно держать ложку, что неприемлемо разговаривать при пережёвывании пищи, поскольку это опасно. Люди усваивают столовый этикет, учатся уважать пищу, а также людей, находящихся рядом в этот момент. Традиции питания в разных регионах отличаются. Например, в Японии каждый человек обязательно должен уметь пользоваться палочками, знать, как правильно с помощью них есть, на каких церемониях каким образом их класть и т.д. В некоторых культурах еда имеет даже сакральное значение. Как отмечает М.А. Беллон, «сакральные смыслы в культуре питания способны проявляться, во-первых, через продукты-символы, выражающие глубокий священный смысл и отражающие всеобщий порядок существования; во-вторых, в виде ритуальных практик, отражающих отношения человека с миром; и в-третьих, через практики воздержания от употребления в пищу продуктов, запрещённых той или иной конфессией, с целью усмирения плоти и совершенствования духа. В сакральных ценностных смыслах культуры питания можно найти нечто общее и с ценностями нравственной культуры, поскольку она так же стремится к идеалам добра как высшей ценности и очеловечивания личности и общества» [Беллон 2019, с. 106].

В наши дни в связи с отмеченными выше тенденциями культура питания претерпевает серьёзные изменения. Полный отказ от традиционной культуры рождает проблемы идентификации личности, гуманитарную катастрофу распада социального доверия и устойчивости, разрушает эстетическую составляющую процесса приёма пищи, а питание

часто сводится к утолению физиологических потребностей. Во многих странах выделяются деньги на стандартизированные, пусть и технологичные, но безликие проекты, целью которых является быстрое утоление человеком голода, максимально быстрое приготовление и реализация продукта, в идеале автоматическое. В результате могут страдать культура питания и даже гигиена. Обезличивается глубинный смысл приёма пищи, формировавшийся веками, что оказывает влияние и на культуру в целом.

Но традиция является «кристаллизацией коллективного опыта многих поколений, в том числе опыта адаптации людей к меняющимся обстоятельствам» [Вебер 2017, с. 50]. И не всегда отказ от традиций необходим для развития общества. Система традиций как способ трансляции социального опыта и этики предполагает тесную интеграцию традиций разных сфер жизни. Культура питания неотделима от более широкой культуры и этики, поддерживающих самовосприятие и позиционирование человека в социальном пространстве. Позиционирование личности в обществе возникает в процессе самоидентификации. Технологический прогресс наших дней, провоцируя «ускорение социального времени, порождает проблему идентификации личности, которая имеет прямое отношение к этическим нормам, поскольку идентичность подразумевает присвоение определённой системы ценностей, примыкание к традиции» [Столетов 2017]. В связи с этим соотносённость с определённой системой, традицией является необходимым элементом существования человека в обществе, несмотря на изменения социальной структуры и размывание традиционных форм, характерных для прошлых эпох.

Культурные атланты современной Японии

Японское общество решает проблему взаимодействия традиций и новаций, сохраняя уважение к прошлому, умело сочетая новейшие технологии с элементами традиционной культуры. Тайдзи Танака в своей книге о Японии отмечает, что «126 000 000 японцев имеют все основания для того, чтобы гордиться своей страной и многими моментами её истории» [Танака 2020, с. 325].

Ресторан Kagurazaka Ishikawa, в настоящее время имеющий три звезды Michelin, был открыт Хидеки Исикавой в 2003 г. в токийском районе Какурадзака. Современный интерьер заведения радует глаз и эффектно сочетается с традиционной японской кухней. «Готовка Хидеки Исикавы, повара-владельца, – тончайшая интерпретация классической кухни периода Эдо» [Иозефавичус 2015].

Рис. 1. Интерьер ресторана Kagurazaka Ishikawa

Рис. 2. Одно из блюд «четырёх сезонов»

Помимо традиционной кухни, ресторан предлагает посетителю блюда «четырёх сезонов», собравшие в себе всё культурное разнообразие периода не без использования современных ингредиентов, способов приготовления и оформления кулинарных изысков.

Занимаясь постоянным оттачиванием своего мастерства и навыков, развитием кулинарной философии и науки, персонал заведения остаётся очень добродушным и вежливым, что также является важной частью закрепления кристаллизации коллективного опыта и правильного отношения к миру современного человека, которое всячески препятствует ментальному истощению, «слиянию» с системой современного технического мира. Посетители заведения могут отведать не только блюда из меню, но и ощутить некоторые культурные особенности японского общества. «На прощание я получил остатки риса, завернутые в банановый лист, а трёхзвёздный повар вышел на улицу проводить меня и махал ручкой до тех пор, пока я не скрылся за углом», – пишет в своём отзыве один из посетителей [Иозефавичус 2015].

Ресторан Narisawa, имеющий 2 звезды Michelin, предстаёт перед нами результатом слияния лучших качеств европейской и восточной кухонь. Заведение выполнено в современном стиле, а грамотное слияние философии гармонии с природой и кулинарных новшеств, одним из которых является молекулярная кухня (при этом не вытесняющая все остальные), делает это заведение одним из лучших в мире.

Один из посетивших этот ресторан отмечает: «Владеет Нарисава и приёмами молекулярной кухни (и, к счастью, не сильно ей увлекается) – об этом свидетельствует эффектная перемена под названием “Пепел 2009. Сцена из морского залива” – японский кальмар с паприкой в “пепле” из лимонного сока и оливкового масла: под воздействием сверхнизкой температуры жидкости перешли в порошкообразное состояние, но прямо на наших тарелках начали, дымясь, вновь превращаться в жидкость; съесть нужно было успеть, пока это превращение не завершилось» [Губский 2015].

Рис. 3. Les Creations de Narisawa

Рис. 4. Одно из блюд с использованием технологий молекулярной кухни

Но несмотря на последние тенденции в области изысканного питания, оно имеет мало общего с молекулярной гастрономией. Нарисава не забывает о традиционных ценностях, отдаёт должное внимание также мировой культуре и культуре своей страны, охотно беря всё лучшее, чем наделило человечество наш мир за многие века. «На кухне я буду продолжать пытаться использовать наши традиционные продукты питания – рис, соевые бобы, японские ферментированные продукты – и выводить их на сцену изысканной кух-

ни», – прокомментировал Нарисава после церемонии награждения 50 лучших ресторанов мира в Лондоне в 2015 г. [Joe 2013].

В особой японской эстетике оформления блюд и ритуале принятия пищи сохраняется связь с древней японской религией – синтоизмом, а также с более поздним синтезом этой религии с буддизмом в учении дзэн. Эта эстетика и ритуалы дают возможность не только насладиться вкусом необычных и высокотехнологичных блюд, но и прочувствовать через ритуальный процесс свою взаимосвязь с прошлыми поколениями и окружающим миром.

Выводы

Научно-технологический прогресс, приводящий к трансформации нравственно-личностных качеств, исчезновению исторически сформировавшихся культурных норм и традиций, способствующих идентификации личности, необходимо привести в состояние гармонии с тем, что прогресс разрушает. Техногенный мир погружает человека в непрерывный поток изменений, препятствующих возможности остановиться и сформировать устойчивые связи с социальным и природным окружением. Отсутствие этих связей разрушает общество и природу, уничтожая или затрудняя способность воспринимать себя, другого человека как самоценную личность, а природу как сеть жизни, превращая их в детали технологической системы. Но человеческая цивилизация пытается найти этот баланс.

Японское общество представляет хороший пример взаимодействия традиционной культуры с технологическими инновациями. Этот симбиоз не только помогает достижению вершин в области кулинарного искусства и положительно влияет на общемировую репутацию японской культуры, но и оказывает положительное воздействие на самоощущение личности, погружённой в необычное культурное пространство смыслов, несущих в себе философию гармонии с самим собой, обществом и природой.

Литература

1. Беллон М.А. Культура питания как воплощение ценностных смыслов // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 1 (38). С. 103–108.
2. Вебер А.Б. Взаимосвязь традиций и инноваций в свете проблем современности // Социологическая наука и социальная практика. 2017. №2 (18). С. 47–62.
3. Губский А. Как токийский ресторан Narisawa стал одним из лучших в мире // Ведомости. 01.07.2015. URL: <https://www.vedomosti.ru/lifestyle/articles/2015/07/01/598479-kak-tokiiskii-restoran-narisawa-stal-odnim-iz-luchshih-v-mire> (дата обращения: 20.11.2021).
4. Иозефавичус Г. Три лучших токийских ресторана высокой японской кухни // GQ. 10.10.2015. URL: <https://www.gq.ru/travels/tri-luchshih-tokijskih-restorana-vysokoj-yaponskoj-kuhni> (дата обращения: 20.11.21).
5. Столетов А.И. Проблема нравственности в современном техногенном обществе // Философская мысль. 2017. № 9. С. 132–141. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23788 (дата обращения: 28.11.2021).
6. Танака Т. Япония. Полная история страны/ пер. Т.С. Баринава. М.: АСТ, 2020. 336 с.
7. Joe M. Why it Matters where our Food Comes from // Japan Times. 31.05.2013. URL: <https://www.japantimes.co.jp/life/2013/05/31/food/why-it-matters-where-our-food-comes-from/> (дата обращения: 20.11.2021).
8. Top 10 Food Technology Trends & Innovations in 2021. URL: <https://www.startus-insights.com/innovators-guide/top-10-food-technology-trends-innovations-in-2021/> (дата обращения: 25.11.2021).

Номинации российских продуктов питания в экспортном позиционировании России

Любовь Александровна Золотарёва
Дальневосточный федеральный университет
zolotareva.la@dvfu.ru

Ирина Григорьевна Андреева
Хулуьбуирский университет
airichka@yandrex.ru

В статье рассматриваются типы номинаций продуктов питания, представленные Россией на китайском рынке. Описываемые прагматонимы включают популярные собственные имена, прецедентные феномены, географические названия, зоонимы, различные символы России, оценочную лексику с положительной коннотацией, а также слова с ярко выраженным лексическим фоном.

Ключевые слова: прагматонимы, типология номинации продуктов, экспортное позиционирование продуктов.

Nominations of Russian Food Products in the Export Positioning of Russia

L.A. Zolotareva
Far Eastern Federal University
I.G. Andreeva
Hulunbuir University

The article discusses the types of food nominations presented by Russia in the Chinese market. The described pragmatonyms include popular proper names, precedent phenomena, geographical names, zoonyms, various symbols of Russia, evaluative vocabulary with a positive connotation, as well as words with a pronounced lexical background.

Keywords: pragmatonyms, typology of product nomination, export positioning of products.

Исследование названий созданных человеком продуктов питания (прагматонимов) приобретает особую актуальность в современной жизни, так как потребление товаров часто напрямую зависит от рекламы и маркетинговых ходов. На внешнем рынке это особенно актуально, поскольку отражает не только языковую картину производителей товара, но и способствует укреплению имиджа страны, её экспортному позиционированию.

Под экспортным позиционированием мы понимаем позиционирование товара за пределами страны-производителя. Россия является крупным поставщиком качественных продуктов питания на мировом рынке, российские продукты в 2020 г. закупили 150 стран. По объёму закупок российских продуктов лидирует Китай, куда ввезли 4,8 млн т товаров общей стоимостью \$4,02 млрд. На долю КНР приходится 13% всего дохода от агроэкспорта [Смирнова 2021].

Экспортирование на рынок Китая возможно как для крупных компаний, которые обладают ресурсами для продвижения своего продукта, так и для малых и средних производителей качественных товаров. По мнению Д. Таратуты, руководителя российской компании «АгроКлуб», у малых предприятий есть большие возможности экспортировать

продукты питания в Китае, особенно с учётом того, что рынок всё больше становится форматом онлайн. Почти каждый человек имеет доступ к интернету 24/7, поэтому такая информация распространяется крайне быстро [Рудич 2021].

Материалом для нашего исследования послужила картотека примеров, собранных на популярных китайских электронных торговых онлайн площадках (Taobao, Pinduoduo), также в магазинах в г. Хулунбуира (Китай).

Российская продукция, представленная на китайском рынке, отражает практически всю географию России, а также типы номинации продуктов, которые имеют идентичное наименование и на территории нашей страны.

В последние годы встречается довольно большое количество научных трудов, посвящённых рассмотрению прагматонимов. О.Ю. Лазарева в статье «Теоретические основы типологизации современных прагматонимов», выполненной на материале белорусского языка, предлагает классификацию по трём признакам: тематическому, структурному и мотивационному [Лазарева 2018].

В числе тематических типов автор выделяет географический, ингредиентный, эмоционально-перцептивный, персональный, событийно-темпоральный, антропонимический. Применительно к нашему материалу следует отметить, что **географический** тип непосредственно отражает отнесённость к территории России и поэтому рассматривается нами в первую очередь. Мороженое с такими названиями, как «Московское», «Ленинградское» легко узнаваемо китайским потребителем. Следует отметить, что самыми воспринимаемыми являются прагматонимы со словом *русский*: водка «Русский стандарт», «Русские дрозды», «Русская». Правда, «Русская колбаса с кукурузой» вызывает подозрения, что была произведена на территории Китая. В нашем материале встретились также такие названия, как конфеты «Россия», шоколад «Дон Батюшка», мука Алтайская «Алейка» (От щедрых полей Алтая), мука «Алтайские поля», Arctic Vodka, водка «Легенды Крыма», «Байкал», «Енисей», «Телецкие напевы», пиво «Балтика», сок «Сады Придонья», минеральная вода «Кука курортная» (источник в Читинской области), водка «Танай» (горнолыжный курорт в Кемеровской области), сельдь атлантическая и тихоокеанская, «Тихоокеанская сайра», различные наименования мёда: «Амурский липовый мёд (Тайга органика)», «Амурское разнотравье», «Восточный липовый мёд», «Арсеньев. Приморский край. Натуральный мёд (гречиха, подсолнечник, цветочный, колючий мёд)» и др.

Сложность восприятия номинаций данного типа связана с тем, что китайский потребитель с трудом может понять, что означает тот или иной отражённый в названии топоним. В зависимости от территории проживания покупателей данные названия могут быть известны или совсем неизвестны, особенно это касается региональных топонимов.

К **ингредиентному** типу относятся прагматонимы, которые указывают на способ приготовления данного продукта, его органолептические показатели, а также подчёркивают своеобразие рецептуры. К подобным названиям можно отнести «Кунцево. Пюре картофельное (с говядиной, с беконом)», сухое молоко, «Молоко цельное сгущённое с сахаром (Главпродукт)», «Варёнка Тяжин», ржаные, овсяные хлопья; из названий консервов встречаются «Килька в томатном соусе», «Скумбрия в томатном соусе», конфеты «Фундук в шоколаде», «Топлёное молоко», «Тушёная говядина (Войсковой резерв)», «Консервированная ветчина «Карты», «Кета натуральная», «Макаронь цельнозерновые (Алейка)»; самый популярный в Китае торт «Медовик» и др. Бесспорно, что перевод данных номинаций помогает иностранному покупателю сориентироваться в представленном многооб-

разии продуктов и остановить свой выбор либо на известных продуктах, либо предоставляет возможность ознакомиться с новыми экзотическими вкусами и методами обработки продукта. Например, конфеты «МонОлимп с кунжутом» (Акконд) неизменно пользуются спросом именно из-за содержания в их составе кунжута, который является очень популярным ингредиентом в Китае. С другой стороны, «Лукашинские соленья (томаты мало-солёные бочковые)» и «Шпроты в масле копчёные в дровяной печи» (Главпродукт) наиболее эксплицитно отражают русский гастрономический культурный код.

Эмоционально-перцептивный тип прагматонимов описывает различные чувства, эмоции и характеризуется использованием оценочной лексики. Этот тип представляют названия таких продуктов как хлебцы «Щедрые ржаные (с луком)», соки «Любимый», «Красавчик», «Добрый», мука «Добрый день», фруктовые консервы «Вечное счастье», конфеты «Маленькое чудо», шоколад «Вдохновение», водка «Почёт» и «Офицер (Доблесть, Честь)».

Последний прагматоним можно также отнести и к антропонимическому типу, который, на наш взгляд, можно объединить с персональным, так как они оба отражают названия лиц. К **антропонимическому** типу относятся следующие группировки названий, включающие:

1. **Собственные имена людей:** шоколад «Алёнка», «Аннушка», «Аксинья», конфеты «Муся», хлебцы «Елизавета», корнишоны «Дядя Ваня», джем «Махеев», лимонад «Калиновъ», сок «Миша»; заимствованные: масло «Алейна» (из французского), конфеты «Ариадна» (греческая богиня), конфеты «Фрея» (скандинавская богиня), вино «Сталин» (производство Грузии), водка «Kalashnikov». Представляют интерес такие наименования конфет производства кондитерского комбината «Озёрский сувенир» как «Фундук Петрович», «Миндаль Иванович», «Вишня Владимировна», «Кешью Глебович», «Клубника Николаевна», «Чернослив Михайлович», «Курага Петровна» и др. Китайцы, знакомые с русской культурой, могут легко узнать российский продукт, который в своей номинации содержит характерную черту полных русских имён – отчество. Названия колбасных изделий как «Соня», «Ксения», «Наталья», «Надежда», «Любовь», «Валентина», «Виктория» представляют продукты, созданные собственными силами китайских фирм по российским рецептурам.

«Россия для Китая поставщик дешёвого и качественного сырья. Они покупают курицу и свинину контейнерами, но не заказывают колбасы», что подтверждается в статье К. Рудич «Еда на вывоз». «Какие продукты Россия поставляет всему миру – и кто покупает больше всего» [Рудич 2021].

2. **Различные названия людей по роду деятельности и другим характеристикам имеют следующие прагматонимы:** колбасы «Дворянская», «Георгиевская», шоколад «Фамильный доктор», водка «Самопляс», коньяк «Старейшина», вино «Душа монаха», кофе «Жокей», пиво «Старый мельник», мука «От мельника», конфеты «Славяночка», пряники «Привереда», конфеты «Марсианка» и др.

Дополнительно следует выделить ещё один тип – **биоморфный**, который подразделяется на 2 подтипа: фитоморфный и зооморфный. К **фитоморфному** относятся названия растений, такие как «Лещина», «Ореховые», «Белая черёмуха» (конфеты), водка «Белая берёзка», «Хрен», молоко «Калинка», конфеты «Картошка» (по названию популярного пирожного в России), растительное масло «Золотая семечка», мука «Сибирский колосок». **Зооморфный** подтип содержит названия животных, птиц и насекомых: конфеты «Шмелькино брюшко», «Золотая стрекоза», мёд «Три пчёлки», пыльца «Пчёлкин выбор», печенье

и конфеты «Коровка», вафли «Весёлая тёлочка», водка «Beluga» и др. Как видно из приведённых выше примеров, слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами являются довольно частотными среди прагматонимов.

Важным в данной тематической классификации является **событийно-темпоральный** тип, который восходит к словам, объединяющим в своем составе понятия, определяющие различные культурные события и социальные явления, знакомые всем жителям России: вино «Монастырская трапеза», вино «Соборное», минеральная вода «Монастырская», хлеб «Бородинский».

При рассмотрении структуры анализируемых прагматонимов необходимо отметить, что в нашем материале встречаются как однословные, так и многословные наименования. Среди однословных представлены следующие типы: субстантивный (конфеты «Трамвайчик»), адъективный тип (пряники «Шоколадные») и адвербиальный тип (конфеты «Ярче!»). Многословные прагматонимы имеют различные структуры: частотны сочетания с предлогом *с* (водка «С колоском», конфеты «Нуга с арахисом», конфеты «Бабаевские трюфельный крем с цельным миндалём»), с прилагательным «Золотая долина», с зависимым существительным в роли несогласованного определения «Душа монаха», а также с числительным: шоколад «Два ореха», лапша пшеничная «Три пшеницы» и др.

Наибольший интерес, с нашей точки зрения, представляют случаи использования языковой игры при формировании названия продуктов питания. В нашем материале встречаются различные виды языковой игры: *фонетическая, графическая, словообразовательная*. К фонетической можно отнести пример прагматонима «Увелка», образованного от названия реки Увелька, данный факт упоминается в статье А.И. Вяткиной, Е.П. Иванян «К вопросу о девиациях в прагматонимах – названиях пищевых продуктов» [Вяткина, Иванян 2021, с. 23]. К этой же группе мы относим срифмованные названия жележных конфет в шоколаде «Вишенки для Мишеньки», «Апельсинки для Иринки», «Сливочки для Милочки».

Словообразовательная языковая игра представлена такими приемами как сложение основ «Самопляс», «Первогон» (по типу самогон), мука «Макфа» (макаронная фабрика), названия могут быть образованы приставочным, суффиксальным и другими способами: водка «Безпохмельная», сухарики «Хрустец», конфеты «Суперконтик». Графическая и словообразовательная игра отражены также в названиях бренда «DarVita» «ArtshAni» (соки), молочной продукции «ЛюбиМо», печенья «Coffeushka» (Кофеюшка), водки «Kremlin». Подражанием иностранному названию вызваны такие прагматонимы, как конфеты «Амбрель», «Сан Банэ» (форма похожа на банан), «Nugat».

Так как изначально мы рассматривали те товары, которые представлены на внешнем рынке, то нам встретились названия на английском языке: шоколад «Only for you», Vodka «Matrioshka», «Uzala», конфеты «Sweet Drop» (Roshen), «Crazy Bee» (fruit juice), Хлебцы «FitnessSlim» и др. Данные прагматонимы, на наш взгляд, способствуют продвижению товара на китайском рынке, так как надписи на английском языке легче считываются китайскими покупателями и часто не требуют обращения к словарю, особенно в среде молодёжи.

Исходя из личных наблюдений, можем отметить, что в точках продаж онлайн/офлайн упаковка и название продукции идентичны как на рынке России, так и на рынке Китая. Это говорит о том, что продукция, выходя за пределы внутреннего рынка, сохраняет свой упаковочный облик, и по приезде в Россию иностранцы могут легко её идентифицировать в магазинах.

Рассматривая прагматонимы с точки зрения позиционирования продукта на внешнем рынке, необходимо анализировать номинацию в контексте всей представленной информации о продукте. Именно поэтому важным в прагматическом плане является весь текст, имеющийся на упаковке продукта. Данный текст обладает высокой степенью креолизации и должен соответствовать определённым требованиям, предъявляемым к внешней оболочке продукта, т.е. он должен содержать информацию о производителе, названии товара, бренде, составе, количестве и прочие важные для потребителя сведения. В то же время данный текст приобретает определённые черты рекламного текста, так как в его функции входит заинтересовать покупателя и побудить его к приобретению данного продукта. Какие же средства способствуют привлечению внимания иностранного покупателя? Прежде всего, следует сказать об изображении самого продукта, который находится на упаковке, так как графика позволяет безошибочно идентифицировать товар. Как правило, данное изображение включает в себя самые популярные ассоциации, вызываемые данным продуктом в русской картине мира.

Коммуникативный дизайн доносит до потребителя информацию о продукте, учит пользоваться продукцией, кроме того, объёмная картинка более реалистична, а значит, быстрее воспринимается мозгом. Особенностью российской упаковки продукции является доминирование изображения самого продукта или его образного восприятия над текстом, как правило, соотношение составляет 70 к 30%.

Для мёда (одного из самых популярных российских продуктов) характерны изображения, включающие сам продукт (цветочный и липовый мёд), соты, пчёл и медведя, который его ест. Частотным является также изображение красивого горшочка или баночки с мёдом. Упаковка может включать различный растительный орнамент, цветы, деревья, поля и луга. Конечно, не во всех случаях креолизация наглядно демонстрирует сам продукт, но в целом она способствует созданию определённого образа, связанного с Россией и натуральностью продукта. Так, на упаковке мёда, произведённого в Арсеньеве (Приморский край), кроме традиционного изображения пчелы на сотах, есть ещё дополнительный пейзаж, который никак не отражает сорт мёда (подсолнечник, гречиха, цветочный и липовый мёд), а скорее ассоциируется с местом производства (изображение гор, бревенчатого деревенского дома, сельской местности, полей). Изображение овощных консервов также содержит основной продукт: этикетки с корнионами включают огурцы, их зелёные плети, цветы. Огурчики «Дядя Ваня» имеют изображение, ассоциируемое с самим брендом – стилизованный портрет мужчины с бородой и в картузе (вызывающий ассоциацию с русским купцом).

На упаковке с мукой часто встречаются рисунки колосков, полей, мельниц, мельников и женщин пожилого возраста (бабушек) с хлебом, а также различные виды выпечки. Если российский продукт предназначается на экспорт, то его упаковка может быть дополнена различными символами. Так, мука «Беляев» на российском рынке имеет очень простую упаковку, без рисунков, а вот её экспортный вариант уже включает матрёшку, которая держит каравай. Упаковка также содержит надпись «Из России с любовью».

Представление товара на внешнем рынке требует от производителей включения различных символов нашей страны, среди которых частотными являются российский флаг, карта России, матрёшка, медведь, русская красавица в кокошнике, балалайка, стилизация Кремля или русского храма. Как правило, информация о продукте дополняется описанием на китайском языке. Ориентируясь на целевого потребителя, рекламодатели вводят новые элементы. Интересным представляется тот факт, что реклама русской муки в

различных интернет-магазинах дополнительно сопровождается фотографиями китайских блюд, которые можно из неё приготовить. На рекламе печенья «Кофеюшка» есть ещё фотография самого печенья, которое имеет форму кофейного зерна, а также изображение кофейной чашки и надпись *coffee*. Может быть даже изменено название: конфеты «Пинчу» с изображением панды переведены на китайский язык как «Панда».

Влияние на привлекательность товара могут также оказывать определённые фразы, указывающие на его высокое качество или экологичность. Характеристика многих продуктов дополняется прилагательными *натуральный, превосходный, настоящий*; числительными *100% качества, 100процентный органик*; английскими маркерами *Natural tradition, Premium quality, Natural Product, Made in Russia, Russian style, Eco-product*. Например, на этикетке «Ветчины для гурманов» (Главпродукт) есть надпись «*Продукт изготовлен из качественного мяса, которое доставляется из лучших животноводческих хозяйств*». Часто само сочетание, включающее название продукта с прилагательным *российский/русский*, уже имеет значение «качественный». Именно поэтому те китайские компании, которые производят продукцию из российского сырья, обязательно указывают это на своих этикетках или упаковках, особенно это касается муки и лапши. То же самое можно сказать о таком продукте, как мороженое. Высокое качество российского мороженого известно ещё с времён СССР (советское – значит самое хорошее, лучшее). В те годы мороженое было очень вкусным и качественным, Россия до сих пор сохраняет традиции производства этого продукта. Самым популярным является сорт мороженого пломбир. Например, «Настоящий пломбир русский холод».

Желание продать товар как российский может приводить и к курьёзам, например, вместо надписи *Беляев/Беляевская* встречается *Белый заяц*, на пачке может быть написано *спагетти*, но продукт – типично китайская лапша.

Следует отметить, что азиатский рынок считается сложным с точки зрения продвижения. Как правило, популярны небольшие тексты в соцсетях, видео и анимации на стриминговых площадках. В китайском интернете самая большая онлайн-активность, что обусловлено лидерством электронной коммерции. При этом китайский рынок в отличие от западного тяготеет к традиционной рекламе и потребительское доверие намного выше. Также необходимо понимать, что адаптированный вкус и внешний вид продукта имеет большое значение для Китая.

Характерной чертой номинаций, исследуемых в данной работе, является их представленность на российском рынке, что позволяет китайским потребителям идентифицировать товары, которые продаются на торговых онлайн и офлайн площадках в Китае, с товарами в торговых сетях на территории России.

В заключение хотим привести результаты опроса «Мои любимые российские продукты», проведённого посольством КНР в России. Анкетирование граждан Китая проводилось в январе–феврале 2021 г. В исследовании приняли участие 1800 чел. Самыми любимыми российскими продуктами граждане КНР назвали: шоколад (75,61%), мёд (75,33%), молоко (73,78%), йогурт (70,7%), мороженое (70,6%), сок (67,17%), колбасу (64,33%), свежее мясо (59,6%). И вместе с тем эти же товары имеют наиболее высокий потенциал для экспорта в Китай. По результатам исследования был предложен ряд рекомендаций, в частности, чтобы «российские предприятия постепенно увеличивали научно-технический вклад, повышали производительность, изучали вариант улучшения рецептуры товаров, нацеленных на китайский рынок, или производство особого вида продуктов с

учётом китайской специфики, укрепление локализации российских продуктов на китайский рынок, укрепление обмена опытом с китайскими предприятиями на предмет расширения рынка и рекламы» [Названы популярные в Китае российские продукты 2021].

Таким образом, изучение прагматонимов является актуальным, востребованным и перспективным направлением. В ходе исследования был выявлен ряд проблем, которые при долгосрочных партнёрских отношениях необходимо учитывать поставщикам продукции на экспорт. При заключении контракта на поставку продукции в Китай необходимо согласовывать адаптивный перевод на китайский язык названия, ингредиентного состава способов употребления, приготовления, а также сопровождать продукцию дополнительной ассоциативной символикой России в целях повышения узнаваемости среди потребителей данных товаров. Эти данные могут быть использованы маркетологами, PR-щиками, производителями продукции и прочими лицами, участвующими в процессе продвижения товаров на экспорт.

Литература

1. Вяткина А.И., Иванян Е.П. К вопросу о девиациях в прагматонимах – названиях пищевых продуктов // Поволжский педагогический вестник. 2021. Т. 9. № 4 (33). С. 21–25.

2. Лазарева О.Ю. Теоретические основы типологизации современных прагматонимов (на материале названий белорусских продуктов питания) // Электронный научный журнал «APRIORI». Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 4. С. 1–9.

3. Названы популярные в Китае российские продукты. URL: <https://iz-ru.turbopages.org/turbo/iz.ru/s/1142765/2021-03-26/nazvany-populiarnye-v-kitae-rossiiskie-produkty> (дата обращения: 01.03.2022).

4. Рудич К. Еда на вывоз. Какие продукты Россия поставляет всему миру – и кто покупает больше всего. URL: <https://secretmag.ru/survival/export.htm> (дата обращения: 01.03.2022).

5. Смирнова С. Пришла еда, откуда не ждали: Россия увеличила экспорт продовольствия. URL: <https://iz-ru.turbopages.org/turbo/iz.ru/s/1135061/sofia-smirnova/prishla-eda-otkuda-ne-zhdali-rossiia-velichila-eksport-prodovolstviia> (дата обращения: 01.03.2022).

УДК 81-119

Интерпретация образа Китая в социальной сети «VK»

Элла Анатольевна Китанина,

Цзоу Тяньци

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

ella_kitanina@mail.ru; tianqizou@yandex.ru

Статья посвящена вербализации образа Китая в российской социальной сети «VK», выявлению и описанию лексических средств, прагмем с пейоративными и мелиоративными коннотациями, которые позволяют сформировать образ Китая в сознании адресата.

Ключевые слова: образ Китая, языковая личность, оценочность, имя прилагательное, положительный образ, отрицательный образ, социальная сеть «VK».

Interpretation of the Image of China in the Social Network “VK”

E. A. Kitannina,

Zou Tianqi

Pushkin State Russian Language Institute

The article is devoted to the verbalization of the image of China in the Russian social network “VK”, the identification and description of lexical means, pragmemes with peiorative and ameliorative connotations, which allow to form the image of China in the consciousness of the addressee.

Keywords: image of China, evaluation theory, positive image, negative image, social network “VK”.

Образ государства стал главным средством для политических игр великих держав, так как международный имидж является важным элементом демонстрации силы государства, хотя и достаточно абстрактен, с одной стороны, но, с другой стороны, включает конкретное содержание. При сложности междисциплинарного подхода к объяснению лингвокультурной специфики характера государства, который затрагивает историю, политику, экономику, идеологию, важность мультимодального изучения проблемы возрастает.

Ещё в 1922 г. американский писатель, журналист, политический обозреватель Липпман Уолтер в своей книге «Общественное мнение» упоминал о «радикальном расхождении между образом внешнего мира, существовавшим в головах людей, и им самим, каков он на самом деле» [Яковлева 2016, с. 622–625]. В конце 50-х гг. XX в. американский экономист, социолог Кеннет Боулдинг первым глубоко осмысливает понятие «имидж государства»: согласно его взглядам, «имидж» трактуется как тип «поведенческого стереотипа, основанного не на действительных фактах, а на престиже, мнениях, иллюзиях, которые люди создают о самих себе, на мифологическом представлении о прошлом, на воображаемом представлении о будущем, который способен влиять как на поступки отдельных личностей или групп, так и на поведение целых наций» [Boulding 1956]. В 90-е гг. XX в. образ государства стал одной важной частью теории «мягкой силы» [Nye 2004], которая была выдвинута американским учёным Джозефом Най. «Мягкая сила» – это «способность формировать симпатии, предпочтения других», это «таинственная химия притяжения, привлекательности» [Леонова 2018, с. 103].

По Э.А. Галумову, рассматривается такое определение: «Имидж страны представляет собой комплекс объективных взаимосвязанных между собой характеристик государственной системы (экономических, политических, географических, национальных, культурных и других образов), сформированных в сознании широких масс общественности в процессе развития государственности конкретной страны как сложной динамической подсистемы мирового устройства. Имидж страны может быть как позитивным, так и негативным. От его характеристик зависит отношение к стране как собственной, так и зарубежной общественности» [Галумов 2004, с. 17]. Следует обратить внимание на то, что российский социолог и политолог Д.П. Гавра понимает под имиджем государства «совокупность относительно устойчивых, знаково опосредованных, символически выраженных, когнитивно обоснованных и эмоционально окрашенных представлений о государстве (стране), её своеобразии и специфике, сложившихся в сознании определённых групп общественности» [Гавра 2010].

В китайской работе «Об образе государства» Гунь Вэньху и другие учёные определяют образ государства как комплекс, который представляет собой общую оценку и признание, данное внешней и внутренней государственной политике в самой стране, её дей-

ствиям, различным видам деятельности и достижениям. Образ страны имеет большое влияние, демонстрирует сплочённость и является проявлением общей силы страны. По определению авторов книги, «образ государства является выражением и символом национальной силы и национального духа, понимается как наиболее важный нематериальный актив суверенного государства и представляет собой концентрированное выражение общей государственной мощи» [Гунь Вэньху 1999, с. 23].

Сегодня возрастает интерес к Китаю в связи с экономическим подъёмом страны, усиливающейся ролью Китая на мировой политической арене и укреплением сотрудничества между Россией и Китаем. В современной международной обстановке Китай становится объектом внимания не только антропологов, культурологов, лингвистов, но и пользователей социальных сетей.

Существуют разные оценки образа Китая с позиций лингвокультурологического потенциала, современной аксиосферы и др. Существует поликультурная интерпретация образа Китая в современном российском цифровом пространстве. По определению Т.Б. Радбиля, в языковом менталитете по-разному воплощается мир ценностей. «Представления о ценностях могут эксплицироваться в разнообразном арсенале стилистических, оценочных, эмоционально экспрессивных оттенков смысла, закреплённых в слове (они обычно отражаются в словарях в системе словарных помет) – ср., к примеру, отрицательную оценочность слова *небезызвестный* в сравнении с нейтральным *известный*, выражающим примерно тот же смысл. Всё это называется оценочной сферой языка» [Радбиль 2013, с. 225].

Оценочность как универсальная категория, разделяемая всем человечеством, является одним из объектов исследования, часто вызывает интерес специалистов в области философии и логики. Без сомнения, оценка как языковая категория также привлекла внимание многих лингвистов. В последние годы, с появлением и развитием антропоцентрической парадигмы изучения языка, оценочность стала объектом исследования ряда зарождающихся междисциплинарных дисциплин, таких как психолингвистика, когнитивная лингвистика и лингвокультурология и т.д. В «Словаре лингвистических терминов» даётся следующее определение оценки: «Суждение говорящего, его отношение – одобрение или неодобрение, желание, поощрение и т.п. – одна из основных частей стилистической коннотации» [Ахманова 1966, с. 293]. Исследователь Е.М. Вольф отмечает сущность оценки, заключающуюся в том, что она «предполагает ориентацию и норму, и оценочные стереотипы, т.е. социальное представление о том, что такое хорошо и плохо для данного объекта» [Вольф 1986, с. 98].

А.Е. Петренко в своей работе отмечает, что «изучение способов репрезентации оценки в речевом акте является эффективным методом для выявления и описания характера отношений субъекта и объекта в конкретных историко-социальных условиях. Так, оценка, находящая отражение в тексте, даёт возможность сделать выводы относительно мировоззрения и менталитета создателей текста» [Петренко 2016, с. 27]. Известны такие языковые формы, как «молодцы китайцы» и «Китай – держава» и т.д., например: «*Молодцы китайцы! Идут семимильными шагами к вершинам цивилизации!*» * [https://vk.com/xinhuanews?w=wall-98443963_845393]; «*Вот так и надо бороться с бедностью! Всё для народа! Поэтому и становится Китай великой державой! Трудяги! Умницы! Есть чему поучиться и позавидовать!*» [https://vk.com/renminribao?w=wall-27360139_78123]. В российской социальной сети «VK» модель «*молодцы + китайцы*» и

* Примеры из текстов даны с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

«*Китай + держава*» – это языковые выражения, которые имеют высокую оценку за достигнутые успехи китайцев и одновременно отражают позитивное отношение к Китаю.

С другой стороны, модель «*Китай + угроза*» и «*Китай + тюрьма*» и т.д. тоже существуют в социальной сети, например: «*Китай позиционируется в качестве угрозы, сходной или стоящей в одном ряду с Россией*» [<https://www.kommersant.ru/doc/4838386>]; «*Китай, это тюрьма народов, как и совок в прошлом*» [https://vk.com/xinhuanews?w=wall-98443963_812306]. Слова *угроза* и *тюрьма* в основном значении имеют коннотации отрицательной оценки, поэтому «*Китай + угроза*» и «*Китай + тюрьма*» выражают отрицательное отношение к Китаю.

Таким образом, в русском языке основным средством выражения оценочности являются разного рода оценочная лексика. Оценочное значение предложений не зависит от определённой синтаксической формы (утвердительное или отрицательное предложение), а в основном от оценочной лексики. «Важным оценочным средством являются коннотации. Среди эмоционально-оценочной лексики можно выделить лексемы, обладающие собственно оценочным значением, и лексемы, способные приобретать оценочность в контексте. Лексемы, обладающие внутренней оценочностью, содержат и положительные, и отрицательные коннотации и представлены разными частями речи (глаголы, существительные, наречия), а по структуре – как отдельными словами, так и словосочетаниями» [Кузина 2017, с. 109].

Оценочность определяется на примерах употребления в текстах сети «VK» имён прилагательных, существительных, наречий с пейоративными и мелиоративными коннотациями по шкале хорошо/плохо, добро/зло и т.д. Известный лексикограф О.С. Ахманова определяет прилагательное как «часть речи, характеризующуюся категориальным значением признака, грамматическими категориями степеней сравнения, рода, числа, падежа, выражаемых в форме согласования, синтаксическим употреблением в функции определения (атрибутивная функция) и предикативного члена и развитой системой словообразовательных моделей» [Ахманова 1969, с. 607]. Необходимо добавить, что прилагательные, вербализуя положительный образ, могут выступать:

а) как атрибут

«*Китай вообще народ мне кажется **терпеливый** и **работающий** всё смогут браво молодцы*» [https://vk.com/xinhuanews?w=wall-98443963_786758]; «*Китайцы очень **дисциплинированные**, не факт, что это панacea, но шаг вправо – влево ...5G камеры, идеология. Не то что у нас, пока*» [https://vk.com/xinhuanews?w=wall-98443963_786169]; «***Трудолюбивый, дисциплинированный, организованный и жизнерадостный** народ! Молодцы!*» [https://vk.com/xinhuanews?w=wall-98443963_803246]; «*Я же говорю – супер нация! Все начинается с детства! Китай – страна **удивительная!** Мощная! Масштабная! Страна реформ! Правительство к молодёжи повернулось **ЛИЦОМ**, а не.....й, как у нас!*» [https://vk.com/renminribao?w=wall-27360139_79014]; «*В **благославенном** Китае, всё возможно. Труженники и умные люди*» [https://vk.com/xinhuanews?w=wall-98443963_811017]. Здесь употребляются прилагательные *терпеливый, работающий, дисциплинированный, трудолюбивый, организованный и жизнерадостный, удивительный и благословенный*, которые эксплицитно реализуют денотат с положительной оценкой;

б) как предикат

«*Скоро китайские автомобили станут **лучше** немецких*» [https://vk.com/xinhuanews?w=wall-98443963_802048]; «*кто тебе сказал, что все **МЫ** не любим китайское? Я **лучше** возьму **中国制造**, чем с какой-то гейропы, или вонючего **ша***»

[https://vk.com/renminribao?w=wall-27360139_78582]. Тут употребляемая форма выражена сравнительной степенью прилагательного *лучше*, отражает положительную оценку;

в) прилагательное выступает в функции наречия или употребляется с наречием

Ср.: *«Это обязательно будет, и это не наша слепая вера, а объективное развитие. Когда компания Chery только появилась на российском рынке в 2005 году, очень многие говорили: “Ну, вот и китайцы начали автомобили производить. Что они могут **хорошего** произвести?” Были те, кто откровенно смеялся над китайским автопромом. **Сейчас скептицизма и смеха заметно поубавилось**»* [<https://www.kommersant.ru/doc/4720379>]. Следовательно, отношение к китайскому производству изменилось. Анализируя тексты «VK», содержащие прилагательное *хороший* в вопросительном предложении, мы наблюдаем скептицизм по отношению к китайскому производству, но и в итоге адресанты сети дают положительную оценку: *«Сейчас скептицизма и смеха заметно поубавилось»*. Прилагательное с отрицательным значением может выражать положительную оценку: *«Уже достаточно давно китайские товары избавились от ассоциации со словом “некачественный”, и сейчас серьезно конкурируют с европейскими и американскими. И в том числе, конечно же, с российскими, причем часто побеждая в этой незримой войне за души и кошельки покупателей»* [<https://www.kommersant.ru/doc/4858713>]. Прилагательное *некачественный* имеет отрицательную оценку, но маркируется глаголом *избавиться*, словосочетание *«избавились от ассоциации со словом “некачественный”»* приобретает положительную оценку.

Говоря об образе Китая, нельзя не упомянуть об образе китайцев / китайского народа. Частотна модель *прилагательное + китаец / китайский народ*, при этом прилагательное обычно выражает значение качества характера человека. Отмечено много существительных, которые маркируются прилагательным *китайский*, такие как *китайское производство, китайские товары, китайские автомобили* и т.д., свойства которых приобретают изменение коннотации в положительную сторону, следовательно, постепенно «наращивают» положительные оценки в русском интернет-пространстве.

Во-первых, отрицательный образ Китая вербализуется посредством прилагательных с отрицательной оценкой. Ср.: *«Я прекрасно помню, как Китай экспортировал в СССР только **тряпичные** кеды, термосы и полотенца. И ещё выплавлял и накапливал в каждом сельском дворе десятки тонн “самогонного” низкосортного чугуна да отлавливал и умерщвлял миллионы воробьёв. А в 1969 пытался сделать “козу” нашим пограничникам на острове Даманском»* [https://vk.com/xinhuanews?w=wall-98443963_798690]; *«Китай больше не может конкурировать с соседями по Азии дешевой рабочей силой и **низкой** себестоимостью продукции. Памятные многим россиянам по 1990-м **разваливающиеся кроссовки, сомнительного качества верхняя одежда с логотипами западных брендов, хлипкая бытовая техника** – для китайских промышленников все это уходит в прошлое»* [<https://www.kommersant.ru/doc/4574624>]. В данных примерах возникает образ китайского производства, все употребляемые прилагательные описывают давние особенности китайского производства. По лексическому значению прилагательных *тряпичный, низкий, хлипкий, сомнительный* и словосочетаний *низкая себестоимость продукции, разваливающиеся кроссовки и одежда с логотипами западных брендов* можно проследить пейоративные коннотации текста социальной сети «VK». Ср.: *«Особенности есть, но главный прорыв последних лет – это то, что мы наблюдаем стабильный отход от стереотипа “китайское значит **ненадежное**”»* [<https://www.kommersant.ru/doc/4521387>].

В данном контексте употребляемое прилагательное *ненадёжный* сигнализирует о появлении стереотипного восприятия адресатами «VK» всего китайского.

Во-вторых, отрицательный образ Китая вербализуется посредством конструкции *прилагательное с отрицательной оценкой + прилагательное с положительной оценкой*. Ср.: «*Китайцы хитрый и умный народ!!! Свою природу охраняют, а природой других стран пользуются!!! Взять Беларусь – вырубается безбожно леса для Китая!!!!*» [https://vk.com/xinhuanews?w=wall-98443963_838498]. В данном примере употребляемое прилагательное *хитрый* приобретает отрицательное значение, без сомнения, субъект имеет отрицательные коннотации. Хотя прилагательное *умный* имеет положительное значение, модель *умный + хитрый* выражает отрицательные коннотации. Коннотации таких прилагательных могут быть выражены имплицитно.

В-третьих, отрицательный образ Китая также вербализуется посредством прилагательных с положительной оценкой, которые содержат отрицательную оценку. Ср.: «*Мне нравятся китайцы, они такие аккуратисты! Помню, занесла меня судьба на Крайний Север, а там местные власти сдали в аренду пару гектаров лесотундры китайцам. Так они за неделю так участок оприходовали, что даже слой земли до вечной мерзлоты вывезли. Осталась голая яма со льдом! Вот аккуратные какие!*» [https://vk.com/xinhuanews?w=wall-98443963_808203]; «*Какие “славные, просто милейшие люди” эти китайцы! Лес наш – игрушки их. Еще и всякой химией обработаны!*» [https://vk.com/xinhuanews?w=wall-98443963_809673]. Употребляемые прилагательные *аккуратный, славный, милейший* имеют положительное значение, но в результате действий положительно охарактеризованных людей появляются неожиданные последствия: «*осталась голая яма со льдом! Вот аккуратные какие!*»; «*Лес наш – игрушки их. Еще и всякой химией обработаны*», таким образом, прилагательные *аккуратный, славный, милейший* употребляются с оттенком иронии, субъект приобретает пейоративные коннотации. «*Как-то китайские эсминцы подозрительно похожи на американские*» [https://vk.com/xinhuanews?w=wall-98443963_817912]. В данном контексте употребляемое прилагательное *похожий* выражает низкую способность инновации, коннотация прилагательного *похожий* употребляется с отрицательной оценкой.

В заключение следует отметить, что на основе языкового материала социальной сети «VK» с помощью теории оценочности можно рассмотреть и сопоставить положительные и отрицательные характеристики образа Китая в российском цифровом пространстве. Проведённое исследование демонстрирует особую роль экспрессивных прилагательных, которые содержат оценочность, а денотат и коннотации таких прилагательных могут быть выражены как эксплицитно, так и имплицитно.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969. 607 с.
2. Вольф Е.М. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо/плохо» // Вопросы языкознания. 1986. № 5. С. 98–106.
3. Гавра Д.П. Имидж России: Интеграционная модель // Advertology. 2010. URL: <http://www.advertology.ru/article80701.htm> (дата обращения: 05.09.2021).
4. Галумов Э.А. Международный имидж современной России: Политологический анализ: автореф. дис. ... д-ра полит. наук / Дипломат. акад. МИД РФ. М., 2004. 50 с.
5. Гунь Вэньху. Об образе государства. [Б/м]: Изд-во Университета электронной науки и технологии, 1999.

6. Леонова О.Г. Джозеф Най и «мягкая сила»: попытка нового прочтения // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dzhozef-nay-i-myagkaya-sila-popytka-novogo-prochteniya> (дата обращения: 05.09.2021).

7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

8. Китанина Э.А. Динамика ценностной предметности в лексико-семантических группах заимствованных слов // Горизонты современной русистики: сб. ст. Междунар. науч. конф., посв. 90-летнему юбилею академика В.Г. Костомарова. М., 2020. С. 356–362.

9. Кузина О.А. Актуализация образа государства в медиадискурсе (на примере англоязычных СМИ) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7–1. С. 73–76.

10. Петренко А.Е. Оценочные прилагательные в старофранцузском языке (на материале романа «Вильгельм Английский») // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2015. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenochnye-prilagatelnye-v-starofrantsuzskom-yazyke-na-materiale-romana-vilgelm-angliyskiy> (дата обращения: 09.11.2021).

11. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2013. 328 с.

12. Яковлева Э.В. Теория Уолтера Липпмана и её отражение в современной медиареальности // Молодой учёный. 2016. № 14 (118). С. 622–625. URL: <https://moluch.ru/archive/118/32600/> (дата обращения: 04.07.2021).

13. Boulding K. The Image. Knowledge in Life and Society. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1956. 184 p.

14. Nye J.S., Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs, 2004. 191 p.

УДК 811.161.1

Аксиологическая специфика репрезентации модуса воспоминания в русском романсе

**Ольга Петровна Кормазина,
Дарина Юрьевна Карамышева**

Дальневосточный федеральный университет
olga.kormazina@mail.ru; darinazabaeva@mail.ru

Статья посвящена исследованию особого модуса воспоминания, специфика реализации которого является одной из ключевых жанровых характеристик русского романса. Анализ тематики воспоминаний, а также особенностей выражения оценочных значений позволяет сделать вывод о ключевых ценностях, свойственных русскому менталитету и нашедших отражение в текстах романсов, – любовь, время, Родина, странствия.

Ключевые слова: модус, воспоминание, русский романс, тематическая доминанта.

Axiological Specificity of the Representation of the Recollection Mode in the Russian Romance

**O.P. Kormazina,
D.Yu. Karamysheva**
Far Eastern Federal University

The article is devoted to the study of a special mode of recollection, the implementation of this phenomenon is one of the key genre characteristics of the Russian romance. The analysis of the themes of memories, as well as the features of the expression of estimated values, allows us to conclude about the key values inherent in the Russian mentality and reflected in the texts of romances – love, time, Motherland, wanderings.

Keywords: modus, memory, Russian romance, thematic dominant.

В настоящее время особенную актуальность в контексте антропоцентрической научной парадигмы приобретают исследования модусных смыслов, осуществляемые применительно к различным дискурсивным сферам. Принимая в качестве основы определение Т.В. Шмелёвой, характеризовавшей модус как «комплекс таких субъективных смыслов, который может и должен выражать говорящий, вступая в тот или иной вид общения и становясь автором высказываний, построенных по законам данного языка» [Шмелёва 1984, с. 79], в данной статье мы обратимся к рассмотрению особого модуса воспоминания и проследим специфику его реализации в жанре русского романа.

Проблемным оказывается вопрос о статусе воспоминания. В лингвистических исследованиях на первый план выходит его речевой природа. Традиционно жанр воспоминания рассматривался в контексте изучения речи диалектоносителей [Демешкина 2000; Гынгазова 2001; Волошина 2008; Лагута 2005; Мызникова 2014]; также можно отметить работы, посвящённые описанию воспоминания на материале устной разговорной речи [Кормазина 2016]. «Модусный характер» жанра воспоминания отмечает З.Р. Латфулина, исходя из концепции Т.В. Шмелёвой [Латфулина 2014]. Собственно «модус воспоминания» рассматривает Е.В. Падучева, указывая его в числе модусов, обеспечивающих «отступ назад во времени» [Падучева 1996, с. 397]. Т.И. Кораблина, исследуя взаимодействие модуса воспоминания с другими модусными категориями, отмечает, что «сочетания показателей модуса “воспоминание” со словами, обозначающими эмоциональное отношение говорящего к своим воспоминаниям, в некоторых контекстах эксплицируют взаимодействие модусных категорий “воспоминание” и “оценочность”» [Кораблина 2013, с. 144]. Соответственно, модусная рамка «воспоминание» информирует не только о точности/неточности воспоминаний, но и о степени значимости припоминаемых событий, если говорящий детально может воспроизвести происшедшее.

Значимую роль модус воспоминания играет для художественной, мемуарной, исповедальной литературы. В качестве ключевого (и даже жанрообразующего признака) его можно рассматривать и применительно к жанру русского романа. Е.Ю. Хорошко предлагает следующее определение данного жанра: «романс – небольшое по объёму музыкально-поэтическое произведение, посвящённое, как правило, воспоминаниям о встрече, любви, разлуке и характеризующееся комплексом таких жанрообразующих средств, как вопросительные и отрицательные конструкции, императивы, обращения, слова, называющие и выражающие эмоции» [Хорошко 2004, с. 4]. «Память» рассматривается исследователем в качестве базовой составляющей концептосферы русского романа наряду с концептами «Встреча», «Разлука» и «Судьба». Романс характеризуется ярко выраженным личностным

началом, диалогичностью, наличием портретных характеристик и природных зарисовок, а также богатством жизненных коллизий и переживаний, заставляющих обращаться в том числе и в прошлое. Из этого можно сделать вывод, что исследование специфики репрезентации модуса воспоминания в текстах русских романсов позволит определить и ключевые ценностные доминанты, находящие отражение в данном жанре. Рассмотрев тексты классических, городских (или бытовых), цыганских и жестоких русских романсов XIX–XX вв. [Каталог русских романсов], мы сделали следующие наблюдения.

К числу основных языковых средств репрезентации модуса воспоминания в текстах романсов в первую очередь относится лексика с ментальной семантикой: существительные **воспоминание, память**, глаголы **помнить, вспоминать/вспомнить, забыть**:

*Минувших дней очарованье, / Зачем опять воскресло ты, / Кто разбудил **воспоминанье** / И замолчавшие мечты* («Минувших дней очарованье», сл. В. Жуковского, муз. П. Булахова); *Весны утраченные дни, / Полуслова, полупризнанья, / Невольной прелестью они / Влекут к себе **воспоминанья**...* («Весны утраченные дни...», сл. М. Лохвицкой, муз. Р. Мервольфа); *И живы **в памяти** моей / Веселье, слёзы юных дней, / Вся прелесть, ложь любовных снов, / И тайных встреч, и нежных слов* («Бессонница», сл. И. Козлова, муз. И. Геништы); *Ветр налетит, завоюет снег, / И **в памяти** на миг возникнет / Тот край, тот отдалённый берег...* («Ветр налетит, завоюет снег», сл. А. Блока, муз. Н. Рославеца); *Я **помню** блеск вина в бокалах, / В тумане утра гасли фонари. / Мой гитарист брэнчал рукой усталой, / И пела я с полночи до зари* («Вольная», сл. и муз. Б. Фомина); *И с тоскою о родине **вспомнил** своей, / Об отчизне я **вспомнил** далёкой...* («Растворил я окно», сл. К. Романова, муз. П. Чайковского); *На ружьё опершись, я стоял одинок, / И лишь говор струи тишину прерывал, / И о прежних я грустно годах **вспоминал*** («Бор сосновый в стране одиноко стоит...», сл. А. Толстого, муз. П. Булахова); *Ах, **не забыть** мне вас, дивные очи...* («Как хороши те очи», сл. Н. Дулькевич, муз. П. Фальбинова).

К средствам репрезентации модуса воспоминания также относим лексику с временной семантикой: **былой (былое), прошедшее, прошлое, прежний, минувший**. Кроме того, на отнесённость к прошлому указывают и используемые наречия с временной семантикой, например **когда-то, давно**:

Былое вдали проступает всё резче, / И снова рассвет вдоль заборов течёт, / Осталось сказать, что люблю вас как прежде, / Повинную голову меч не сечёт («Признание», сл. К. Ваншенкина, муз. Э. Колмановского); *Утро туманное, утро седое, / Нивы печальные снегом покрытые, / Нехотя вспомнишь и **время былое**, / Вспомнишь и лица, давно позабытые* («Утро туманное», сл. И. Тургенева, муз. А. Абазы); *Годы, бегут, тебя нет уж со мною, / Грусть о **прошедшем** мне душу гнетёт, / Нет и следа от душистой сирени, / Счастье ушло, сердце **прошлым** живёт...* («Завяла сирень», сл. и муз. Л. Калишевского); *И мне всё чудится, чудится / **Город прежний**, тихая улица, голос нежный...* («Средь шумного бала», сл. А. Толстого, муз. А. Александрова-Кочетова); *Минувших дней очарованье, / Зачем опять воскресло ты...* («Минувших дней очарованье», сл. В. Жуковского, муз. П. Булахова); *Ах, как эта память светла и крылата, / Но если правдивым и вправду почёт, / Я вам признаюсь, что любил вас **когда-то**, / Повинную голову меч не сечёт* («Признание», сл. К. Ваншенкина, муз. Э. Колмановского).

Об аксиологической специфике репрезентации модуса воспоминания позволяют говорить основные тематические доминанты текстов романсов. Мы выделили четыре ос-

новые тематические направления, отражающие самые значимые моменты, волнующие душу лирического героя.

1. Былое (угасшее, возродившаяся или неизменное) чувство любви:

А из рощи, рощи тёмной / Песнь любви несётся, / И с какой-то болью тайной / В сердце отдаётся. / Будит эта песнь неволью / Светлое былое, / Молодым, горячим сердцем / Страстно прожитое («А из рощи, рощи тёмной», сл. А. Круглова, муз. С. Танеева, И. Гунке); *Вновь жажду встреч!.. / Я так молю в покрове душиной ночи / И вспоминаю прежнюю тебя* («Да, всё прошло!», сл. и муз. Л. Дризо); *Я вас забыть, я вас забыть, / Я вас забыть никак не мог...* («Я к вам пишу», сл. М. Лермонтова, муз. М. Таривердиева).

Обращает на себя внимание тот факт, что нередко любовные воспоминания подаются сквозь призму образов природы: *Глядя на луч пурпурного заката, / Стояли мы на берегу Невы, / Вы руку жали мне, промчался без возврата / Тот сладкий миг, его забыли вы* («Глядя на луч пурпурного заката», сл. П. Козлова, муз. А. Оппеля).

2. Размышления о времени (о молодости, былых эмоциях и мыслях):

Не течёт река обратно, / Что прошло – не будет; / Только сердце дней минувших / Не забудет («А из рощи, рощи тёмной», сл. А. Круглова, муз. С. Танеева, И. Гунке); *Стою один среди равнины голой, / А журавлей относит ветер в даль, / Я полон дум о юности весёлой, / Но ничего в прошедшем мне не жаль* («Отговорила роща золотая», сл. С. Есенина, муз. Г. Пономаренко); *Прошли, прошли вы, дни очарованья! / Подобных вам уж сердцу не нажить! / Ваш след в одной тоске вспоминанья; / Ах! лучше б вас совсем мне позабыть!* («Воспоминание», сл. В. Жуковского, муз. неизвестного автора).

3. Воспоминания/тоска по родине:

И с тоскою о родине вспомнил своей, / Об отчизне я вспомнил далёкой, / Где родной соловей песнь родную поёт / И, не зная земных огорчений... («Растворил я окно», сл. К. Романова, муз. П. Чайковского); *К себе он тянет / Неодолимо, / Зовёт и манит / Он в край родимый, / В край благодатный, / Забытый мною, – / И, непонятной / Томим тоскою...* («Благовест», сл. А. Толстого, муз. С. Рахманинова).

4. Воспоминания о путешествиях или местах, которые произвели неизгладимое впечатление на лирического героя. Тема странствий сопровождается обращениями к конкретным топонимам или к объектам природы:

Палермо! Забыть ли / Душе благодарной / Твой лик лучезарный, / Глядящий в залив! («Финский залив», сл. П. Ободовского, муз. М. Глинки); *Любуюсь, как солнце / Спускается в волны, / Как резвые челны / Скользят по волнам. / Я памятью сердца / Тогда оживаю, / В мечтах улетаю / В полуденный край* («Финский залив», сл. П. Ободовского, муз. М. Глинки).

Воспоминания сопровождаются проявлением эмоционального отношения лирического к тому, что является объектом его воспоминаний; эмоциональность свидетельствует об оценочной природе таких высказываний. В каждой из указанных выше тематических доминант можно проследить реализацию как положительной, так и отрицательной оценки.

В тематической группе, представляющей воспоминания о любви, положительно чаще всего описывается образ возлюбленной (возлюбленного): *Шли годы, бурь порыв мятежный / Рассеял прежние мечты, / И я забыл твой голос нежный, / Твои небесные черты* («Я помню чудное мгновенье», сл. А. Пушкина, муз. М. Глинки); *Вспоминаю очи ясные / Дальней страницы моей, / Повторяю стансы страстные, / Что сложил когда-то ей* («Бьётся сердце беспокойное...»), сл. Н. Некрасова, муз. С. Танеева), а отрицательно – эмоции или события,

приведшие к душевному томлению или несчастью: *Не отравляйте душу мне больную / Не вспоминайте о нём, вас молю!* («Все говорят», сл. В. Павлова, муз. Ф. Садовского).

В тематической группе, связанной с думами о времени, положительная оценка чаще всего связана с размышлениями о молодости: *Стою один среди равнины голой, / А журавлей относит ветер в даль, / Я полон дум о юности весёлой, / Но ничего в прошедшем мне не жаль* («Отговорила роща золотая», сл. С. Есенина, муз. Г. Пономаренко), отрицательная – с невозможностью забыть что-то или кого-то даже с течением времени: *Безумно ждать любви заочной? / В наш век все чувства лишь на срок / <...> Я вас забыть, я вас забыть, / Я вас забыть никак не мог* («Я к вам пишу», сл. М. Лермонтова, муз. М. Таривердиева).

Тема странствий представлена преимущественно положительной оценкой, что вполне объяснимо, поскольку воспоминания о путешествиях или местах чаще воспринимаются в позитивном ключе: *Палермо! Забыть ли... Твой воздух целебный, / Свод неба кристальный / На родине дальней / Забыть ли когда?* («Финский залив», сл. П. Ободовского, муз. М. Глинки). Положительной оценкой также представлена тема Родины, где воспоминания связаны с родными местами: *Я люблю тот ручей, я люблю ту страну, / Я люблю в том лесу вспоминать старину* («Бор сосновый в стране одиноко стоит...», сл. А. Толстого, муз. П. Булахова).

Таким образом, мы можем заключить, что модус воспоминания связан с формированием поля для передачи определённого спектра ценностей. Большое место отводится воспоминаниям о любви, времени, родине и странствиях. Из этого можно сделать вывод о довлеющей силе личностного начала в тематике русских романсов. Личные переживания, самоанализ и воспоминания событий из жизни составляют подавляющее большинство текстов, что предопределяет аксиологическую специфику жанра.

Литература

1. Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2000. 190 с.
2. Волошина С.В. Речевой жанр автобиографического рассказа в диалектной коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2008. 26 с.
3. Гынгазова Л.Г. О речевом жанре воспоминания (на материале языка личности) // Актуальные направления функциональной лингвистики. Материалы Всероссийской научной конференции «Языковая ситуация в России конца XX века» (г. Кемерово, 1–3 декабря 1997 года). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. С. 167–174.
4. Каталог русских романсов. URL: <http://a-pesni.org/romans/spisok.php> (дата обращения: 30.06.2021).
5. Кораблина Т.И. Модус «воспоминание»: статус и взаимодействие с другими модусными категориями (на материале рассказов Е. Гришковца) // Филология и человек. 2013. № 2. С. 139–144.
6. Кормазина О.П. Воспоминание как жанр разговорной речи (на материале речи дальневосточников): дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2016. 249 с.
7. Лагута Н.В. О речевом жанре воспоминания (на материале русских говоров Приамурья) // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Благовещенск: АмГУ, 2005. Вып. 3. С. 86–101.
8. Латфулина З.Р. Модусы авторизации и воспоминания в диалектном высказывании // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 22–27.

9. Мызникова Я.В. Коммуникативные особенности диалектного речевого жанра «рассказ-воспоминание» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 4 (28). С. 66–72.

10. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

11. Хорошко Е.Ю. Лингвостилистические особенности русского романса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2004. 24 с.

12. Шмелёва Т.В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса / под ред. К.В. Горшковой, Е.В. Клобуковой. М.: Изд-во Московского ун-та, 1984. Вып. 1. С. 78–100.

УДК 81-27

**Контент-анализ чата интернет-сообщества
(на материале интернет-сообщества «Байки лаовая»)**

Галина Петровна Корчевская
Хэйлунцзянский университет
chevskaya2015@yandex.ru

Статья посвящена контент-анализу языка интернет-сообщества «Байки лаовая». В качестве единицы анализа предлагаются лексико-семантические поля, прецедентные тексты, лейтмотивы. Устанавливаются ведущие темы и средства представления идей и мнений членов сообщества, черты коллективной языковой личности.

Ключевые слова: контент-анализ, интернет-сообщество, лексико-семантическое поле, языковая личность.

**Content-Analysis of the Chat of Internet Community
(on the Material of Internet Community “Tales of Laovay”)**

G.P. Korchevskaya
Heilongjiang University

The article is devoted to the content analysis of the language of Internet community “Tales of Laovay”. Lexico-semantic fields, precedent texts, leitmotifs are offered as a unit of analysis. The leading themes and means of presenting the ideas and opinions of community members, the features of the collective linguistic personality are established.

Keywords: content analysis, Internet community, lexico-semantic field, linguistic personality.

Изучение интернет-дискурса социальных сетей является актуальным, поскольку представляет собой новое направление в отечественной лингвистике (выделяется с начала XXI в.), а также поскольку оно рассматривает виртуальную коммуникацию – явление, приобретшее в настоящее время массовый характер. Изучение многонациональной группы представляет особый интерес, поскольку её участники – представители разных лингвокультурных сообществ.

Интернет-сообщество «Байки лаовая» (российская социальная сеть «ВКонтакте») – это открытый дискуссионный клуб, созданный для обсуждения актуальных тем и обмена мнениями. Общение производится на русском языке, однако допускаются высказывания на китайском, который является родным для некоторых участников и знакомым в разной степени для многих; большая часть участников – переводчики, бизнесмены, преподаватели, владеющие этим языком на высоком уровне. В группе декларируется, что «Байки лаовая» – это многонациональный клуб, где «пресекаются попытки посеять национальную рознь между участниками», где «рады адекватным людям любой национальности и гражданства». Правила прописаны здесь: https://vk.com/topic-57302136_30599665.

В данной статье предпринимается попытка контент-анализа чата в период 1 месяца (с 18.02.2022 по 18.03.2022) с целью установления тем, предметов, находящихся в центре внимания сообщества. Данный период выбран неслучайно: за это время в мире произошли события международного значения, которые не могли не повлиять на тематику чата; китайские и российские праздники, Олимпийские Игры – всё это, как и продолжающаяся пандемия коронавируса, отразились в общении «баешников». В непростой период как отдельного человека, так и группу поддерживает обращение к традиционным ценностям: личным, национальным, универсальным.

Под контент-анализом понимается количественно-качественный анализ лингвистической информации о характеристиках текста и его семантики; он является одним из основных методов междисциплинарных исследований, проводимых на стыке лингвистики и социологии, культурологии, истории. «Его идея очень проста и повторяет ту, что лежит в основе любого другого количественного метода в социологии, будь то анкетирование или наблюдение: нужно сосчитать наиболее часто повторяющиеся слова или темы, например, в газетном материале, и определить общую тенденцию» [Чернобровкина 2011, с. 125].

Традиционный алгоритм контент-анализа: 1) формирование совокупности текстов, объединённых по типу, автору или времени сообщения; 2) определение единицы исследования; 3) подсчёт единиц анализа (частоты, наличия или отсутствия тем); 4) обобщение и интерпретация результатов статистического анализа [Чернобровкина 2011, с. 125].

В качестве единиц контент-анализа выступают лексические или грамматические показатели, понятийно-тематические показатели, референциальные показатели (обозначения реальных личностей, городов, стран и т.д.), квазиреференциальные показатели (обозначения политических сил, партий), макроструктурные единицы (идеологемы, мифологемы, стереотипные модели развития, метафоры и другие поэтические единицы (средства художественной выразительности) [см.: Гаврилова 2008]; а с лингвистической точки зрения контент-анализ заключается в выведении особенностей плана содержания текста, авторского сознания и мышления, установок и ценностных ориентаций по словам и словосочетаниям (количественным характеристикам текста) [Гаврилова 2008].

В данной статье единицей контент-анализа на качественном (смысловом) уровне выступает семантическое поле (смысловая парадигма, объединяющая слова различных частей речи, значения которых имеют один общий семантический признак), на количественном уровне – пост, комментарий, которые могут представлять собой текст, фразу, фото, мем. За указанный период в сообществе опубликовано 154 поста с 15 434 комментариями. В некоторых случаях тема поста не поддерживалась в комментариях, которые становились площадкой обсуждения актуальных мировых и личных проблем.

Наиболее объёмным как по числу постов, так и комментариев является ЛСП «Ковид» – 28 постов с многочисленными комментариями в постах как по теме, так и не по данной теме. Сюда вошли сообщения по статистике заболевших, фото городов с отмеченными вспышками (фото «Самолёт над Уханем», «Пролетая над гнездом ковида», «Пустые улицы Чунцина»); характеристика китайских специалистов, борющихся с ковидом («Летка-енка специалистов в защитных костюмах», «Бойцы ковидимого фронта»), и описание их действий, реакция населения на антиковидные меры («Бунт в Суйфенхэ») и массовое тестирование («Лаоваи в очереди на сдачу тестов»); развёртывание мобильных пунктов тестирования и оборудование ковид-госпиталей; описание и характеристика средств защиты («Спортивная антиковидка» – защитная маска со спортивной символикой), проблемы воссоединения интернациональных семей, разлученных карантинном; реакция на qr-коды и на обязательную вакцинацию; неоднократно реакция на одну из самых серьёзных проблем современности сопровождается юмором: фото «Такси для ковид-пассажира», в том числе с прецедентными текстами: «Пролетая над гнездом ковида», «Бойцы ковидимого фронта».

ЛСП «Российско-украинский конфликт» (25 постов и многочисленные обращения к данной теме в комментариях к другим постам): реакция на спецоперацию и отзывы очевидцев, на действия украинских властей и боевиков; реакция на призывы запасаться продуктами, блокировку сайтов и интернет-каналов; эвакуация китайских студентов с Украины и заявления китайского посла на Украине; ссылки на китайские передачи по теме с цитатами из них («Мы сочувствуем украинскому народу, но против украинских властей»), закрытие иностранных брендов (532 комментария – один из самых активно комментируемых постов); о решении конфликта (469 комментариев); о присоединении Китая к переговорам по урегулированию конфликта (298 комментариев), также отмечаем юмор в комментариях: «Поеду к Агафье Лыковой на её таёжную заимку» (о перспективах «железного занавеса» и блокировке интернет-каналов), «Верните нам тот мир, где самая большая проблема – допинг Валиевой»); о закрытии ресторанов фаст-фуда («буржуйской быстрой еды»): «Меня на слабо брать не надо! Репа так репа!», «Пирог с сыром сама сделала и вместо Кока-колы – морс животворящий!»

Отмечаем соединение, пересечение ЛСП «Ковид» и «Российско-украинский конфликт» в комментариях: 1) при требовании к покупателю надеть маску его ответ «Сейчас надо каску [не маску] надевать»; 2) «Я не понял, с кем воюем: с Украиной или с ковидом?»

ЛСП «Олимпийские игры»: относительно реализации данного поля отмечаем тематический сдвиг, когда заявленная в посте-фото тема (фото олимпийских объектов) не нашла отражения в комментариях. Однако это сравнительно небольшое по представленности ЛСП реализовано в нескольких постах-фото и в комментариях «В этом мире ещё существуют Олимпийские игры?», «Верните нам тот мир, где самая большая проблема – допинг Валиевой!»

ЛСП «Китай» – наиболее разнообразное по числу и тематике входящих в него лексико-семантических/тематических подгрупп, выделяются следующие.

Политика и международные отношения: позиция КНР относительно российско-украинского конфликта (с привлечением официальных заявлений китайских властей: «Китай не критикует Россию за решение начать военную операцию»); характеристика позиции Китая «Бой тигров в долине» («Сидя на горе, наблюдать за борьбой тигров» – древнекитайская стратагема); проблема Тайваня.

«Культура»: китайские национальные праздники («Дракон поднимает голову» – о 2-м дне второго лунного месяца), литература (старинная и современная, русские переводы китайских сказок; древнекитайский трактат «Искусство войны» Сыма Тяня) и 2 поста о китайских стратагемах (серия публикаций частей древнекитайского военного трактата «36 стратагем», искусство (традиционная и современная живопись)).

«Красоты Китая»: фотографии парков, храмов, природных достопримечательностей, весеннего цветения садов.

«История Китая»: посты об открытиях в археологии, доказывающих более древний возраст китайской цивилизации («5 тыщ меняем на 40 тыщ»); переосмысление в контексте современной ситуации плакатов времен дружбы с СССР.

«Китайская кухня и продукты»: в основном представлены комментарии относительно самых популярных китайских блюд, сравнение с русскими (блины, пироги), негативно – о китайской молочной продукции («сладкое молоко»), спорные мнения о китайских экзотических блюдах («вонючий тофу»).

«Население Китая»; посты-фотографии «Китайские крестьяне занялись весенней вспашкой полей», борьба с опустыниванием, тибетские монахи, учения пожарных, прогулки в парках, студенты на экзамене (в условиях эпидемии); сюда же относим посты о контактах с китайцами: «Моя любовь к китайским бабушкам не имеет границ» – об активности китайских пенсионеров.

С данным ЛСП корреспондирует ЛСП, условно названное «Отношения полов»: в чате сообщества активно обсуждаются вопросы взаимоотношений в интернациональных парах, в поле зрения – знакомства в реальности и в интернете, языковой барьер, любовь, различные представления о красоте и стандартах поведения, интернациональные браки, разводы, воспитание детей, проблема гражданства детей.

«Наука и техника»: запуск ракеты-носителя, автовыставки, открытия на Луне, день числа π (с историческим экскурсом, рассказом о средневековом китайском математике).

Китайский язык: реклама курсов китайского и отзывы о них, проблема адаптации русских имён в китайском и китайских – в русском языке, проблема переводов.

Китайские обычаи: поддержка социальных связей («Гуаньси – сила!» – о родственно-дружеских связях в китайском обществе, в том числе кумовстве, круговой поруке); подарки от принимающей стороны в бизнесе; советы по поддержанию здоровья («пить горячую воду», комикс «По какой фразе узнать девушку, которая училась в Китае» – «Нужно пить больше воды!»); танцы на улице, или «танцы на площади» (традиция массовых танцев в китайских городах, которая не исчезла даже в условиях карантина); длинный ноготь на мизинце у мужчин (старинное китайское свидетельство достатка).

ЛСП, условно названное нами «Мультилингва». Многие участники чата связаны с китайским языком профессионально и/или в силу личных жизненных обстоятельств. Кроме того, состав участников интернационален: русские, китайцы, белорусы, украинцы, казахи, активно изучающие иностранные языки и использующие их в повседневной жизни.

Примеры языкового творчества и языковой игры: реакции на пост, в котором русский автор пишет об использовании китайскими сотрудниками выражения «под сурдинку»: «сурдинка – это маленькая женщина-сурдопереводчик внизу экрана»; «самсамэн – отличное слово!» (в посте о самса-баре); «Похоже, я один принял слово “чемодане” за обращение: “Расскажите о своей любимой сумке, чемодане!”», «И для объявления в аэропорту хорошо подойдёт: “Граждане-чемодане!”» – комментарий о путешественниках.

Имплицитное представление обценной лексики: «Китайская бабушка всяко лучше, чем япона мать». Отмечены случаи рефлексии – оценки сложности, функциональности, перспективности изучения различных языков: «А я за немецкий. Замечательный язык, латинская графика, увлекательная грамматика, интересная фонетика. Но вот очень сомневаюсь, что сейчас люди увлекутся европейскими языками»; о китайском языке: «Тот кто давно в байках знают не понаслышке, что знание китайского не всегда хорошо. Вот сколько историй было не знал бы, промолчал бы, не ответил бы и всё было бы намного проще и легче, а не вот это вот всё. Так что: **тимбудон!**»; «Да чо там изучать. Просто произносишь вместо звука “р” звук “л” и после каждого согласного вставляешь гласный звук. “Холосо”, “каласивай”, “маладеса”. И всё. Говоришь как носитель китайского языка (но правда только на русском, но как носитель китайского)». Частое соединение в одной фразе единиц различных языков: «Мой китайский лаоши», «Лаоваи в очереди на тестирование». Новый грамматический фразеологизм «что-то на каком [языке]»: «Это что-то на бизнесменском» (об ужесточении использования сервисов We chat и Alipay).

ЛСП «Путешествия» включает себя посты и комментарии о маршрутах, экипировке, гостиницах, особенностях транспорта и заказа билетов, поведение и контакты с местными жителями.

ЛСП «Россия»: члены чата – «баёшники» – живут как в Китае, так и в России, поэтому закономерно, что часть постов и много комментариев посвящены России прямо (фото красивых мест, рассказ о повседневных занятиях), а также включают российские реалии для сравнения с китайскими. Здесь наблюдается обыгрывание российской символики (GIF с двуглавым орлом и медведем); неоднократное описание, обсуждение бани («А я не парюсь! Вернее – парюсь! Ой, всё, запуталась! В бане я сегодня была целый день! // Очень рекомендую! Даже мысли в бане становятся чище! Баня – это не про помыться! Баня – это религия! Я заметила, что люди, которые ходят в баню – более оптимистичные и позитивные»); описание масленицы, блинов, пирогов; реакции на общественно-политические новости, ироническая поддержка стереотипов о России (фото китайскому другу с русским весенним заснеженным пейзажем).

Помимо выделенных ЛСП, в чате сообщества отчётливо прослеживаются следующие лейтмотивы (постоянные темы), реализуемые в виде фото, мемов, отдельных постов и многочисленных комментариев: пейзажи и красоты Китая и России, особенно часто – весеннее цветение; коты (о фото кошки: «Ох, боярыня, красотой лепа...»), пироги, сквозной коллективный образ «баба с пирогами» – некая идеальная женщина, хозяйка, кулинарка, устроительница.

Выводы.

1. Чат интернет-сообщества «Байки лаовая» представляет собой разнообразный по тематике, многоаспектный по обсуждению тем интернет-дискурс.

2. Контент-анализ чата показал наличие нескольких активно обсуждаемых тем, как остроактуальных современных, так и традиционных. Данное интернет-сообщество активно откликается на события современности и всесторонне их анализирует.

3. На основании контент-анализа можно выделить следующие черты коллективной языковой личности «баёшника» (самоназвание участников чата): грамотный, образованный, владеющий несколькими языками, эрудированный, знающий и уважающий культуру Китая и России, неравнодушный и открытый новому, обладающий развитым чувством юмора, оптимистичный, интеллигентный.

4. Представляется перспективным дальнейшее изучение дискурса чата данного сообщества с уточнением статистических данных, расширением контент-анализа, установлением системы ценностей участников.

Литература

1. Гаврилова М.В. Методы и методики исследования политической коммуникации. СПб.: Изд-во Невского института языка и культуры, 2008. 92 с.
2. Чернобровкина Е.П. Метод контент-анализа в лингвистических исследованиях // Вестник Бурятского университета. 2011. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontent-analiz-v-lingvisticheskikh-issledovaniyah/viewer> (дата обращения: 10.03.2022).

УДК 8

Лингвокультурологический аспект межкультурной коммуникации в испанском языке

Ксения Игоревна Кравцова
независимый исследователь
n-tg@mail.ru

Валентина Ивановна Демченко
Донской государственный технический университет
dvalintina2710@gmail.com

В данной статье рассматриваются особенности лингвокультурологического аспекта и его влияние на процесс межкультурной коммуникации между испаноговорящими представителями социума и иными народностями. Перечислены особенности и процессы возникновения богатого лексического фонда испанского языка, а также влияние менталитета и национальной картины мира на процесс межкультурного взаимодействия культур.

Ключевые слова: лингвокультурологический аспект, межкультурная коммуникация, менталитет, национальная картина мира, лексический фонд испанского языка.

Linguistic and Cultural Aspect of Intercultural Communication in Spanish

K.I. Kravtsova
Independent researcher

V.I. Demchenko
Don State Technical University

This article examines the features of the linguistic and cultural aspect and its impact on the process of intercultural communication between Spanish-speaking representatives of society and other nationalities. The features and processes of the emergence of a rich lexical fund of the Spanish language, as well as the influence of mentality and national worldview on the process of intercultural interaction of cultures are listed

Keywords: linguistic and cultural aspect, intercultural communication, mentality, national world picture, Spanish language fund.

В современном мире испанский язык – это один из самых распространённых, изучаемых и востребованных языков, на нём говорят более 495 миллионов человек. Таким образом, мы можем сделать вывод, что испанский язык сейчас находится на пике популярности. Именно поэтому история формирования и пополнения испанского языка, процесс его лексического обогащения, его особенности и языковая группа, к которой он принадлежит, являются очень интересными аспектами как для изучающих язык, так и для историков-лингвистов.

Испанский язык, наряду с португальским, французским и т.д. принадлежит к группе романских языков и входит в иберо-романскую подгруппу. Как известно, основой романских языков всегда являлась латынь, которая пришла на Иберийский полуостров вместе с римскими завоевателями. Именно поэтому в романских языках совпадает до 60–80% словарного состава, также наблюдается значительное сходство грамматических систем. Таким образом, все романские языки происходят от одного общего предка – латыни, или языка древнего Римского государства. Отсюда и их название – романские (Roma – латин. – Рим). Данные языки унаследовали от латыни подавляющую часть лексики, многие черты синтаксиса и особенно морфологию, тем самым во всех этих языках можно видеть основную, общероманскую часть лексики, «латинский» характер которой говорит об общности происхождения [Доза 2002, с. 20].

Как нам известно, язык любого народа не живёт изолированной, замкнутой жизнью, а является элементом системного единства, пёстрого содружества языков народов, живущих рядом, по соседству и в отдалении.

Тем самым благодаря взаимодействию культур, принадлежащих иберо-романской подгруппе, и их постепенной интеграции, было произведено расширение контактов между людьми различной национальности. Вследствие чего словарный состав испанского языка изменяется, обогащается, отражая в своём развитии условия определённого исторического периода в эволюции общества. Данные процессы изменения словарного состава языка и обогащения словаря осуществляются путём заимствования идей, понятий, предметов, что неизменно повлекло за собой изменение испанского языка на лексическом уровне.

В связи с тем, что история Испании богата языковыми контактами, многообразие её лексики является подлинным сокровищем. Богатые связи испанского языка с разными культурами обусловили обогащение его уникального лексического фонда.

Под лексическим фондом лингвист Н.В. Крушевский понимает «лексическую базу языка, наиболее устойчивый пласт его лексики, куда вошли в первую очередь первообразные, наиболее важные и необходимые, прочно вошедшие в жизнь народа и общеупотребительные наименования предметов, явлений, процессов, связанных с реальной действительностью определённой культуры» [Ким 1992, с. 56].

«Культура», в свою очередь, по мнению Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, – это общность результатов и процессов любой социальной деятельности человека, а также совокупность традиций, обычаев, норм, ценностей и правил поведения, общих для представителей одной нации, государства [Верещагин 2005, с. 518].

Как нам уже известно, язык любого народа не живёт изолированной, замкнутой жизнью, а представляет собой взаимодействие всевозможных элементов культур, как бы наслаивавшихся друг на друга в течение всей языковой истории. Между разными языками, в каких бы родственных отношениях они ни находились, происходят интенсивные процессы взаимовыгодного обмена, особенно в области лексики. Тем самым именно благодаря взаимодействию культур в силу определённых исторических событий происходило

обогащение ныне существующего необычайного вокабуляра испанского языка. Общеизвестным является тот факт, что культурные особенности той или иной страны отражаются в языке. Неразрывную взаимосвязь языка и культуры можно рассматривать как отношения целого и его части. В. фон Гумбольдт писал: «Язык – это промежуточный мир между внешним и внутренним миром человека» [Гумбольдт 1984, с. 124]. Из этого следует, что язык отражает сознание человека, менталитет, национальный характер, традиции, обычаи, нравы, культуру и быт разных народов. Согласно учёному В.В. Воробьеву, язык – это зеркало, которое отражает культурно-специфические особенности того или иного народа. Это человеческий феномен, результат отражения национального достояния, языковой картины мира и менталитета [Воробьев 2006, с. 59].

Кроме этого язык, выполняя функцию хранения информации, помогает человеку осваиваться в иной языковой среде путём адаптации к новым обычаям, традициям и менталитету иной культуры. Таким образом формируется языковая картина мира, своего рода зафиксированная информация определённого языкового коллектива. Постоянно развиваясь и изменяясь, языковая картина мира личности сталкивается с языковой картиной мира иных языков и народностей, вследствие чего происходит межкультурная корреляция языков и сопоставление разных картин мира, и впоследствии образуется новая картина мира. По мнению советского лингвиста А.А. Потебни, «языковая картина мира – это зафиксированные единицы языка, представляющие из себя элементы представлений народа о действительности на определенном этапе его развития».

Для того чтобы слово ассимилировалось языком-реципиентом, необходимо учитывать такой лингвокультурологический аспект, как «диалог культур», представляющий из себя национальный характер, языковую картину мира и менталитет. По мнению зарубежного лингвиста В. фон Гумбольдта, «менталитет – это система национально-культурных способов видения мира, тесно связанная с языковой картиной мира, и присуща лишь определённой этнической группе». Языковая картина мира неизбежно связана с национальным менталитетом. Именно в процессе межкультурного взаимодействия культур менталитет является важным аспектом в понимании и усвоении особенностей иноязычной лексики языком-реципиентом. Так, например, не зная испанский менталитет и любовь испанцев к корриде, невозможно интерпретировать испанский экзотизм *corrida* на русский язык в полной мере, поэтому необходимо разобраться в национальном менталитете страны.

Проблемой соотношения языкового и этнокультурного сознания при взаимодействии культур в межкультурной коммуникации занимается лингвокультурология. Важно отметить, что именно лингвокультурологический аспект позволяет выявить национальную специфику иной культуры путём анализа мыслительных, культурных и психических особенностей разных этносов [Аванесова 1986, с. 115].

На основе лингвокультурологического аспекта можно утверждать, что для успешного межкультурного общения и усвоения испанской лексики языком-реципиентом необходимо изучить особенности возникновения испанской лексики с учетом её межкультурного взаимодействия. Как нам известно, испанский язык богат языковыми связями вследствие богатой истории страны. В испанском языке имеется множество диалектов, каждый из которых имеет уникальную и неповторимую историю взаимодействия Испании с различными национальностями и народностями. Богатство современного испанского вокабуляра связано с культурными и социальными связями Испании с такими народами, как греки и римляне, арабы, немцы, французы, итальянцы, англичане, представители культур Ла-

тинской Америки. На протяжении столетий межкультурные контакты данных народностей не только повлияли на уклад жизни и мировоззрения испанцев, но и послужили изменениями, которые непременно отразились в испанском языке

Итак, в связи с тем, что испанский язык постоянно и интенсивно контактировал с французским, итальянским, английским, немецким и другими языками, неповторимое своеобразие лексического фонда испанского языка можно подразделить на несколько основных разрядов. Необходимо рассмотреть их подробнее с учётом необычайной истории Испании, богатой языковыми контактами и своеобразным взаимодействием различных народностей. Это, в свою очередь, позволит адекватно интерпретировать коммуникативное поведение испаноговорящих представителей социума в межкультурной коммуникации.

В 711 г. началось арабское владычество над Пиренейским полуостровом, которое продлилось 8 веков. И эти восемь веков стали поистине могущественной вехой в истории Испании. Долгие годы арабского владычества способствовали обогащению современного испанского вокабуляра за счёт арабских источников – *арабизмов*. Согласно испанскому лингвисту и историку Рафаэлю Лапеса, общее количество арабизмов, пришедших в испанский язык, превышает 4000 лексических единиц. Нужно сказать, что не все слова арабского происхождения быстро вошли в испанский язык, однако арабизмы буквально проникли во все сферы деятельности и, более того, большинство слов арабского происхождения до сих пор находятся в активном словаре современного испанского языка. Например, такие слова как *aceituna* – от арабского *الزيتون*, *аз-зайтун* – маслина; *albóndiga* – от арабского *البنديقة*, *аль-бундука* – мяч; *alcohol* – от арабского *الكحول*, *аль-кухул* – пудра, используемая для макияжа глаз; *ojalá* – «я надеюсь», «я хочу, чтобы...» – от арабского *إن شاء الله*, *иншалла* – «дай Бог».

В испанском также очень много арабизмов, принадлежащих к сфере науки и её различным областям знаний: *algoritmo* – алгоритм, *guarismo* – цифра, *cifra* – фигура, *álgebra* – алгебра, *redoma* – фляга, *alcohol* – алкоголь, *elixir* – эликсир, *jarabe* – сироп, *cénit* – зенит, названия созвездий *Aldebarán*.

Кроме того, существует много арабизмов, относящихся к сфере быта и домашнего хозяйства. Например, *ajedrez* – шахматы, *tarea* – задача, *taza* – чашка, *jarra* – кувшин, *albóndigas* – фрикадельки и т.д. [Виноградов 2001, с. 73].

Кроме арабских слов, которые проникли во все сферы жизни испанцев, от арабского у них остались названия городов и рек, которые находятся юге страны: *Axarquía*, *Andalucía*, *Albacete*, *Alcalá*, *Algarve*, *La Mancha*, *Murcia* и т.д. Таким образом, рассмотрев современную лексику испанского языка, состоящую из многочисленных заимствований из арабского, можно сделать вывод о том, что благодаря культурным и социальным связям вокабуляр испанского языка приобрёл свою уникальность.

Следующий лексический пласт испанского языка составляют *индехинизмы*. В результате того, что испанские завоеватели родом из Андалусии достигли берегов Латинской Америки в конце XV в., современный испанский язык стран Латинской Америки больше всего напоминает андалузский диалект. Индехинизмами принято называть слова, которые попали в обиход переселенцев от латиноамериканских индейцев. Это результат скрещивания местных наречий и диалектов с испанским языком.

В связи с тем, что завоеватели столкнулись с незнакомой флорой и фауной, которая отличалась от флоры и фауны в их родных краях, им пришлось придумать названия неизвестным словам-экзотизмам. Кроме того, уроженцы Кастилии, Эстремадуры и Андалусии

использовали и средства испанского языка, пытаясь найти сходство между новым и привычным. Поэтому индихенизмы – это слова, обозначающие местные растения или животных, которые были изменены в испанском языке. Примеры таких слов – *chocolate, tabaco, patata, maiz* (шоколад, табак, картошка, кукуруза). Таким образом, благодаря взаимодействию культур стран Латинской Америки с испанским языком, мы можем наблюдать слова, которые существуют и используются в испанской лексике на настоящий момент

На Пиренейском полуострове пытались закрепиться многие племена и народы, из них древнейшим населением были иберы и баски. Данные представители основали несколько колоний на побережье Средиземного моря, что несомненно повлияло на обогащение испанской лексики *баскизмами*. Кроме того, следует подчеркнуть, что баскский язык сохранился в испанском языке на настоящий момент. Среди баскизмов можно выделить следующие слова, сохранившиеся до наших дней: *perro* – собака, *izquierda* – налево, *manteca* – масло, *cerro* – холм, *barraca* – барак, *guijarro* – камешек, *balsa* – плот и др. [Виноградов 2001, с. 76].

По мнению В.С. Виноградова, поражения правителя Карфагена во II Пунической войне (218–201 гг. до н.э.) привело к постепенному завоеванию Иберийского полуострова римлянами и превращению его в колонию. Вследствие этого более шести столетий (со II в. до н.э. по V в. н.э.) длилось владычество римлян. Постепенно они внедрились на полуострове свой язык, свою культуру, свою цивилизацию, что неизменно отразилось в испанской лексике. Кроме того, лексика римлян состояла в основном из греческих заимствований, которые, в свою очередь, были заимствованы латинским языком из книжных источников. По этой причине множество данных заимствований вошло через латынь в испанский язык, например: *idea, matemáticas, filosofía, fantasía, música, poesía, escena, escuela, tragedia, comedia, dieta, átomo, planeta, cuerda, orégano, bodega, cámara, cesta, cuchara, linterna, piedra, torre, olivo* и др. [Виноградов 2001, с. 71].

Данные заимствования именуются *эллинизмами (helenismos)*. Под эллинизмами следует понимать слова-экзотизмы, возникшие благодаря непосредственным контактам между греками и римлянами. Также нам следует отметить, что значительное число эллинизмов закрепилось в испанском языке благодаря литературной деятельности таких авторов, как Хуан де Мена, Перес де Гусман и других писателей и учёных, которые использовали в своих работах латинские переводы греческих авторов.

Ещё одним ярчайшим примером взаимопроникновения и взаимодействия культур является взаимодействие испанского и английского языков. Вследствие бурного экономического и научно-технического развития англоязычных стран, а затем в результате глобального распространения массовой культуры США, английский язык в значительной мере проник в испанский язык, как и в другие языки мира. Королевская Академия испанского языка постоянно борется за чистоту испанской речи от иностранных заимствований, но противостоять данному процессу в последние десятилетия практически невозможно. Так, по мнению профессора Виноградова, испанский язык, так же как и другие языки, в настоящее время продолжает расширять свой уникальный лексический запас за счёт заимствований из английского языка, так называемых *англицизмов* [Виноградов 2001, с. 75]. В современном испанском языке можно обнаружить такие англицизмы, как *alfombra roja* – ковёр с английского языка, которая обозначает «красная дорожка»; испанское слово *sitio* – вслед за английским словом *site*; испанское *estrella* является калькой с английского *star*; испанское слово *mixto* от английского *mix* и т.д. [Виноградов 2001, с. 72].

Таким образом, изучив историю возникновения и пополнения уникальной испанской лексики, мы можем сделать вывод о том, что лексическое богатство языкового фонда испанского языка сформировалось за счёт разнообразных языковых контактов Испании с различными народами. Именно благодаря лингвокультурологическому аспекту мы можем наблюдать, как заимствуются слова из одного языка и ассимилируются в другом. Благодаря взаимодействию языков и культур испанский язык пополнялся и продолжает пополняться уникальными словами. Изучение данного своеобразия лексического пласта испанского языка помогает разобраться в межкультурном коммуникативном процессе с испаноговорящими представителями.

Литература

1. Аванесова Г.А. Философский словарь. М.: Политиздат, 1986. 588 с.
2. Верещагин Е.М., Костомаров Г.М. Язык и культура. М.: Индрик, 2005. 1038 с.
3. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во Института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
4. Виноградов В.С. К вопросу об англицизмах в современном испанском языке. М.: Филологические науки, 1987. 231 с.
5. Воробьёв В.В. Лингвокультурология: учеб. пособие. М.: РУДН, 2006. 112 с.
6. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества. М.: Прогресс, 1984. 297 с.
7. Доза А. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). М.: Изд. дом «Филология три», 2002. 525 с.
8. Ким О.М. Современный русский язык. Ташкент: Укитувчи, 1992. 328 с.
9. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
10. Комлев Н.Г. Иностранные слова и выражения. М.: Современник, 1997. 205 с.

УДК 394.262.5:159.9

Мужчина как ценность (по материалам пожеланий Владивостокского Новогоднего дерева желаний-2020 на русском языке)

Татьяна Владимировна Краюшкина
Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН
kvtbp@mail.ru

В статье на материале русскоязычных текстов Владивостокского Новогоднего дерева желаний-2020 исследован комплекс представлений о мужчине как ценности современного общества. Выявлены такие функции мужчины, как муж, любимый, ребёнок, отец, компаньон. Сделаны выводы о реализации представлений о мужчине как ценности в личной сфере, преимущественно в семье и личных отношениях.

Ключевые слова: новогодние пожелания, ценности современного общества, мужчина, мужчина как ценность, функции мужчины.

A Man as a Value (Based on the Wishes of the Vladivostok New Year Wish Tree-2020 in Russian)

T.V. Krayushkina

Institute of History, Archeology and Ethnology
of the Peoples of the Far-East, FEB RAS

In the article, based on the Russian-language texts of the Vladivostok New Year's Wish Tree-2020, a complex of ideas about a man as a value of modern society is studied. Such functions of a man as husband, beloved, child, father, companion are revealed. Conclusions are drawn about the realization of ideas about a man as a value in the personal sphere, mainly in the family and personal relationships.

Keywords: New Year's wishes, values of modern society, man, man as a value, functions of a man.

В настоящее время в российской науке растёт интерес к осмыслению ценностей как значимого феномена. Исследователи обращаются к изучению традиционных ценностей на материале фольклора, произведений художественной литературы и искусства, явлений традиционной культуры, археологических памятников. Малоисследованной и актуальной является проблема ценностей современного общества. В декабре 2019 г. – январе 2020 г. по инициативе администрации столицы Приморского края центральную площадь Владивостока украшало Новогоднее дерево желаний*. Автором статьи была сделана полная выборка (500 карточек), на которых выявлено 877 пожеланий, из них на русском языке – 755 (при цитировании орфография и пунктуация авторов сохранены).

Обозначенный материал даёт возможность вычленить комплекс представлений наших современников, связанный с одним из главных праздников года. В текстах пожеланий обнаруживаются как традиционные ценности (семья, любовь, здоровье, счастье), так и ценности, ставшие значимыми относительно недавно (деньги, престижная работа, собственное жильё, путешествия).

Ряд пожеланий позволяет выделить комплексы ценностей в зависимости от пола адресантов и адресатов. Распределение комплексов ценностей по половой принадлежности даёт возможность не только понять специфику ценностей современного мужчины или приписываемых им, но и описать мужчину как ценность современного общества. Цель данной статьи – выявить комплекс представлений о мужчине как ценности современного русскоязычного общества на материале Владивостокского новогоднего дерева желаний.

В исследованных текстах обнаружено 112 карточек со 116 пожеланиями (15,36% от общего числа карточек на русском языке), в которых мужчина заявляется ценностью. К сожалению, формулировки пожеланий лишь отчасти позволяют охарактеризовать адресанта или адресата, составить представление об образе мужчины, заявляемого ценностью. В 75 (64,65%) пожеланиях удалось идентифицировать пол адресанта. Адресантами 72 пожеланий оказались женщины, 3 – мужчины. В 41 (35,35%) пожеланиях тексты не позволяют идентифицировать пол адресанта.

Самой популярной характеристикой женщины-адресанта является наличие / отсутствие отношений или брачных отношений. Причём отсутствие мужа (18) или любимого мужчины (14) или же этих функций одновременно (6) количественно превосходит наличие мужа (8) или любимого (11), любимого, не являющегося мужем (3). Это разграничение – один из значимых показателей женской психологии. Важной для женщины целью

* Автор статьи выражает благодарность Управлению физической культуры и спорта администрации г. Владивостока за предоставленный материал.

становится получение мужа или любимого. При этом потребность в муже порой заявляется без указания присутствия любимого в жизни женщины.

Вторая по значимости характеристика – реализация женщины в материнстве. У неё есть дочь (3), дочь брачного возраста (1), сын (3), сыновья (2), дети (1), дочь и сын (1). Или, напротив, нет дочери (2), сына (2), дочери и сына (1), детей (3), ребёнка (1) или же есть потребность в них. Только 1 женщина не имеет внука или испытывает потребность в нём. Реже обозначаются другие связи: наличие семьи (2), родных (2), близких (3), родителей (4), отца (1), матери (1), брата (1), значимых социальных связей (1). Очевидна доминирующая самоидентификация женщины-адресанта через семейные отношения, чаще – представителей собственной семьи. Реже упоминаются другие характеристики: потребность в собственном жилье (8), лучшей работе (2). Конкретизация крайне редка: женщина-адресант – бизнесвумен (1), имеет воинское звание (предположительно, майора (1)), школьница выпускных классов (2), водит автомобиль (2), выплачивает ипотеку (1). Адресантку не устраивает её местожительство внутри страны (2) или, напротив, устраивает за рубежом (1).

При этом в пожеланиях, где адресант – мужчина, значимой характеристикой становится отцовство: в 2 текстах заявляется о бездетности или отсутствии желаемого количества детей, в 1 – о наличии взрослых детей брачного возраста. В 1 пожелании адресант указал свое имя и город (*Мехридин Бухара*).

В тех текстах, где не было возможности определить пол адресанта, обнаружены характеристики, которые преимущественно замыкаются на опосредованно обозначенный семейный статус. Выявлено наличие детей (3), сына (3), сына-абитуриента (1), дочери брачного возраста (3), сына брачного возраста (2), сына и дочери брачного возраста (1). Значимой характеристикой становится отсутствие или недостаточное количество детей (2), в том числе конкретного пола (3; сына). Адресант является или хочет стать бабушкой / дедушкой. В этих текстах заявляется о наличии внучки (1), внуков и внучек (1), о потребности иметь внука или внучку (1). Адресант сообщает в пожеланиях о наличии семьи (3), родителей (2), отца (2), брачных отношений (1). Вычленяется и наличие значимых для адресанта социальных связей: в текстах упоминаются имена, но тип взаимоотношений адресанта и адресанта не конкретизирован (14) (*Хотим, чтобы Дарий хорошо разговаривал*). Незначительное количество адресантов идентифицировали себя через социальные функции (является работником (1), студентом (1), абитуриентом (1)). Кроме того, 1 адресант заявляет о потребности поменять место жительства, 1 – о наличии долгов.

В пожеланиях встречается 7 видов адресатов: сам адресант – женщина или мужчина, а также другой мужчина или другая женщина, кроме того, 3 вариации адресата-пары. Поскольку выявлены пожелания, в которых упоминается от двух и более адресатов, то и типов адресатов больше, чем пожеланий. Преобладают пожелания, где адресант-женщина выступает адресатом (64), менее популярны пожелания, в которых адресат отличен от адресанта и является мужчиной (32). В 12 же пожеланиях адресат отличен от адресанта и оказывается женщиной. В 12 текстах пол адресата, совпадающего с адресантом, не вычленяется. Только в 2 посланиях адресант-мужчина является адресатом.

В случае, когда адресант-женщина оказывается и адресатом, чаще всего идентификация реализуется по шкале отношений с мужем / любимым. Она не имеет мужа (26) или любимого мужчины (16), имеет мужа (3) или любимого мужчину (9), у неё есть любимый мужчина, но в браке они не состоят (3). Речь об отсутствии желаемых отношений идёт чаще, чем о наличии. При этом иначе расставлены акценты во взаимоотношениях с род-

ственниками. У неё есть дети (1), сын (2), сыновья (1), дочь (2), дочь и сын (1), мать и дочь (1), отец (1), родители (1), брат (1), семья (2), родные (3), близкие (4), значимый человек (1). Об отсутствии родных упоминается редко, причём в этом случае говорится исключительно о потомках. Женщина не имеет детей (2), сына (2), сына и дочери (1), ребёнка (1). Значимым является отсутствие собственного жилья (8), желаемой работы (2). Адресат – школьница выпускных классов (2), абитуриентка (2), военнослужащая, предположительно, в звании майора (1), бизнесвумен (1), умеет водить автомобиль (2).

Если адресат – другой человек – мужчина, то в пожеланиях очевидны следующие его характеристики. Самой значимой из них являются семейные отношения. У него есть жена (1), жена и сыновья (1), жена и дочь (1), жена и дети (1), жена, дочь, сын, внук, зять (1), родители, дед, бабушка, дядя (1), родители, сестра, племянник, зять (1), жена, сын, тесть, тёща, шурин (1), мать (2), родитель неопределённого пола (7), родители (1), мать и сестра (2), дети (1), ребёнок (2), есть любимая женщина (1), он включён в значимые социальные связи другого человека (11).

При этом об отсутствии тех или иных социальных отношений говорится крайне редко: он не имеет жены (2), любимой женщины (3). Показательно, что о потребности мужчины в ребёнке не упоминается. У мужчины есть проблемы со здоровьем или же ему желают быть здоровым (10). Вычленяется и пара характеристик, связанных с благосостоянием: мужчина недостаточно обеспечен (1) и не имеет собственного жилья / собственного жилья в желаемом регионе (3). Кроме того, о социальном статусе адресата почти не говорится. Только в 1 случае становится ясно, что адресат – абитуриент.

Вычленяются следующие характеристики адресата, если речь идёт о другом человеке – женщине, причём внимание сосредоточено преимущественно на недостатке: мужа (6), отца (2), сына (1), семейного счастья (1), рассталась с мужем (1), не имеет достойной работы (1).

В случае если адресант и адресат – одно лицо и при этом его пол неясен, наличие и недостаток распределяются примерно в равных долях. Адресат имеет значимого для него человека (3), родителей (1), сына (1), дочь (1), внуков (1), близких (1). Не имеет сестры и брата (1), внуков (2), детей (1), ребёнка (1), сына (2). Является студентом (1), имеет долги (1).

Если же адресант-мужчина является адресатом, то вычленяются следующие его характеристики: для него актуальна проблема отцовства, он хочет иметь сына и дочь (1), имеет дочь брачного возраста и сына (1), из имени и города вычленяется его предположительная национальность – он узбек (1).

Было обнаружено 6 текстов, которые следует выделить особо. В них речь идёт о паре как едином адресате. В 4 пожеланиях женщина-адресант позиционирует себя и любимого как единого адресата. В этом случае адресат имеет и общие признаки (взаимные чувства (3), потребность иметь дочь (2) и собственный дом (1)), и индивидуальные (наличие близких (1) и родных (1)). В 1 пожелании адресантом выступает мужчина. В тексте упоминается о взаимной потребности иметь сына и дочь (1). Ещё одно пожелание не позволяет идентифицировать пол адресанта, в нём также говорится о потребности иметь детей.

Итак, с какими же ценностями связан образ мужчины в представлениях наших современников, реализованных в пожеланиях? На первом месте по частотности упоминания стоит собственная потребность в матримониальных отношениях (34). Причём чаще всего ценностью заявляется то муж (14), то замужество (13, в том числе 2 – с конкретизацией, 1 – упоминается термин *брак*). Единичны варианты, где ценностью становится семья (3), предложение

(2), свадьба (1). В 2 пожеланиях замужество заявлено промежуточной задачей, которая приведёт к желаемому результату (*Хочу в новом году выйти замуж и уйти в декрет*). И лишь в 1 пожелании речь идёт, предположительно, о существующих уже отношениях (*Чтобы любил очень муж!*). Так желание иметь мужа превалирует над потребностью сохранять любовь в уже имеющихся отношениях. Любопытно, что о повторном замужестве упоминается только в 1 пожелании (*Хочу получить звание под-ка службы + снова выйти замуж*).

При этом ценностные характеристики мужа / замужества / семьи (обобщая, всё то, что может дать мужчина) в этих пожеланиях встречаются лишь в половине пожеланий (17). Так ценность иметь мужа как такового в сознании наших современниц количественно идентична ценности иметь мужа с определённым набором характеристик. Ценной характеристикой мужа является взаимная любовь с ним (3; *У меня новая престижная работа. Любящий и любимый муж. Крепкое здоровье и большая любовь. Всех с Новым годом*), хотя иногда достаточно и любви к нему женщины (1). Но при этом и дружба может стать достаточным основанием для заключения брака (1). Вторая характеристика мужа – *быть хорошим* – и в части пожеланий, как следствие этого, возможность сделать женщину счастливой, хотя счастье может наступить и только от одного замужества (4; *В 2020 году я вышла замуж за самого лучшего мужчину и безмерно счастлива с ним*). Третья характеристика – богатство и успешность (5), впрочем, вторая и третья характеристики могут группироваться (*Хочу мужа богатого и самого лучшего!; Выйти замуж за хорошего состоятельного человека*). Показательно, что в сознании наших современниц взаимная любовь и финансовая состоятельность мужа в одну группу не объединяются. Более зрелыми, как видится, характеристиками наделяются представления о семье (она должна быть *полноценной с мужем и детьми; счастливая и крепкая семья; крепкую семью можно построить с мужчиной своей мечты*). Если к замужеству критерий постоянства не применяется, то для семьи он становится неременным условием.

В 7 случаях мужчина выступает ценностью в пожеланиях другому человеку. Речь идёт о желаемых брачных отношениях для дочери (3; *Выдать дочь замуж в 2020 г.*), названной по имени женщины (3), внучки (1).

Вторая по количеству пожеланий ценность мужчины – выполнять функцию любимого. Причём если муж упоминается чаще всего в будущем и редко в настоящем времени, то любимый мужчина – в будущем (т.е. его пока в жизни женщины нет (16), в настоящем (7), в прошлом (1)). Потенциальный любимый наделяется чертами, которые в целом перекликаются с характеристиками мужа, только при этом финансовая состоятельность для любимого менее важна и идёт в комплекте с другими качествами (1; *Быть с мужчиной моей мечты! Обеспеченным, умным, спортивным*). Мужчина должен быть *любящим, порядочным, любимым* (2), *любящим и любимым*, при этом любовь должна быть *навсегда* (2; 1), *любимым* (1), *любимым* и реализовать у женщины потребность быть счастливой (1), мужчиной мечты (1), заботливым и верным (1), хорошим (1), жить вместе (1). Впрочем, иногда достаточно *нормального парня* (1) или *мужика* (1).

Любимый мужчина в настоящем наделяется буквально одной характеристикой – он обязан быть с любимой: *быть вместе* (1), *всегда* (2; *быть с любимым всегда*), не бросит (1), отношения будут долгими (1), счастливыми (2). Если отношения завершились, то даётся совет не влюбляться больше в мужчину, наделённого негативными качествами. Нецензурная формулировка не позволяет привести пример.

Ещё одна особенность мужчины как ценности заключается в возможности дать женщине ребёнка (23), причём эта функция опосредована. Показательно для современного сознания вот что: для кого именно ребёнок заявляется ценностью. Чаще о своей необходимости иметь ребёнка говорит потенциальный родитель (18), чем бабушка / дедушка (4) или сиблинг (1), причём в 22 текстах адресант просит для себя ребёнка / внука / сиблингов и только в 1 тексте – для другого человека (мать для дочери – ребёнка). Так в очередной раз становится очевидной потребность реализации собственных интересов как более значимых.

Показательно, что если характеристики мужа или любимого мужчины довольно часто обозначаются, то ребёнку приписывается меньшее количество признаков. Основным является пол ребёнка (16): о девочке (дочери) мечтают 3 адресанта, о мальчике – 7 (сыне, внуке), девочке и мальчике – 5 (сыне и дочери, внуках и внучках, сестре и брате), девочке или мальчике (1; внуке или внучке). Вторым признаком является количество детей. Речь идёт об одном ребёнке (12), двух детях (4), от двух и более (6), количество детей не определено (1). Прочие характеристики единичны, они связаны со здоровьем ребёнка (2) или с проявлением любви к нему и наименованием (2): *Хочу чтоб сын родился здоровым крепким; Пусть в 2020 году мы с Ромой станем родителями нашей любимой дочурки Ульяшки!*

Пять текстов связано с функциями отцовства по отношению к уже рождённому ребёнку. В двух из них речь идёт о необходимости приёмного отца для девочки, при этом в одном из них говорится о характеристике отца (*Для моей Алисы заботливого папу*). В третьем тексте адресант-ребёнок делает акцент на финансовой состоятельности отца (*Хочу <...> чтобы папа был богатым*). Кроме того, значимыми для ребёнка-адресанта становится сохранение полной семьи и наличие отца рядом.

Другие функции мужчины встречаются редко, но их нельзя не отметить, поскольку они позволяют составить наиболее полное представление о мужчине как ценности. Значимыми заявляется совместный отдых с мужем (2) и совместное проживание с мужем / любимым или значимым мужчиной (3; *хочу чтобы у меня получилось приложить все усилия для переезда с Димой в Москву*). Ещё одна функция связана со встречей, общением, возвращением значимого мужчины (4; *Встретиться с Мариной, ее детьми и мужем!*). Все это указывает на ценность мужчины как компаньона, постоянного или временного.

25 пожеланий адресованы мужчине. Эти тексты могут быть расценены значимыми для адресанта, а благополучие мужчины, о котором идёт речь, – ресурсом для достижения душевного покоя адресанта. Чаще всего речь идет о пожелании здоровья: папе, сыну, мужу, брату (1), папе (1), мужу (1), брату (1), сыну (1), мужу и сыновьям (1), Хасану (1) (*Здоровья моим дорогим мужу и сыновьям <...>*). При этом в других текстах пожелания высказаны конкретно: в них говорится об успешной операции (1), о способности хорошо разговаривать, избавлении от заикания (2), иметь здоровые ноги (1) (*И пусть у Леши ножки станут одинаковыми!*).

Значимо и присутствие личного счастья у адресата, которое реализуется как в пожелании найти любимую (2), встретить будущую жену (3), так и в сохранении имеющихся отношений (1). Выявлен также ряд пожеланий, которые можно охарактеризовать как пожелания благополучия, счастья (5; *Счастья моим сыночкам!*). Жилищный вопрос (наличие собственной квартиры) поднимается в 2 пожеланиях, спортивные победы – в 1 (*Артем чемпион мира по лыжным гонкам 2020 г Германия*), упоминаются также удачная поездка (1), поступление сына в институт (1).

Таким образом, новогодние пожелания позволяют вычленить комплекс представлений о мужчине как ценности в современном обществе. Учитывая специфику текстов проанализированного жанра, следует говорить о мужчине как ценности в личной сфере. Речь идёт преимущественно о семье и личных отношениях. Мужчина прежде всего воспринимается как ресурс для улучшения условий жизни адресата: от него ожидается выполнение функций мужа, любимого, отца (причём здесь речь чаще идёт о репродуктивной функции, чем о выполнении родительских обязанностей по отношению к рожденному ребёнку, в том числе и приёмному), совместное проживание и времяпрепровождение.

Показательно, что самой популярной характеристикой мужчины как в официальном браке, так и в незарегистрированных отношениях, становится эмоциональная составляющая – способность к любви, чаще – взаимной. О других его характеристиках говорится реже. В исследованных текстах, если обозначается половая принадлежность ребёнка, предпочтение отдаётся мальчику. Так ценными оказываются функции, связанные с достижением адресатом желаемого социального статуса и получением мужа, любимого, ребёнка, отца. Причём их объединяет идея восполнения недостатка. Нельзя не отметить ещё одну функцию мужчины как ценности: благополучие мужчины, который уже присутствует в жизни адресата, напрямую коррелирует с душевным спокойствием или счастьем адресата.

УДК 316.7(470.62)

Проблемы культурной идентичности у современной городской молодёжи (на материале социологического исследования)

Ольга Ивановна Кускарова

Адыгейский республиканский
институт гуманитарных исследований
им. Т.М. Керашева
olga.kuskarova.81@mail.ru

В статье на основе результатов, полученных в ходе социологического исследования, говорится о проблеме культурной идентичности у современной городской молодёжи, а также анализируется влияние глобализации на этнические языки и национальную самобытность народов. Автор отмечает, что глобализация – сложный и противоречивый процесс, накладывающий исторический отпечаток на современные экономические и социокультурные процессы. Отмечается, что трансформация языка является одной из наиболее важных в ряде этнокультурных процессов, так как в языке в первую очередь отражаются все социальные, политические, экономические, культурные изменения, происходящие в обществе. Делается вывод о необходимости сохранения этнической самобытности адыгов и предлагаются некоторые неотложные меры, направленные на сохранение и развитие малочисленных языков.

Ключевые слова: культура, идентичность, этнические языки, глобализация, сельская и городская молодёжь.

Problems of Cultural Identity Among Modern Urban Youth (Based on the Material of a Sociological Study)

O.I. Kuskarova

Adygea Republican
Institute of Humanitarian Studies
named after T.M. Kerashev

The article, based on the results obtained in the course of a sociological study, talks about the problem of cultural identity among modern urban youth, and also analyzes the impact of globalization on ethnic languages and national identity of peoples. The author notes that globalization is a complex and contradictory process that leaves a historical imprint on modern economic and socio-cultural processes. It is noted that the transformation of language is one of the most important in a number of ethno-cultural processes, since language primarily reflects all social, political, economic, cultural changes taking place in society. The conclusion is made about the need to preserve the ethnic identity of the Adygs and some urgent measures are proposed aimed at preserving and developing small languages.

Keywords: culture, identity, ethnic languages, globalization, rural and urban youth.

Активизация процессов глобализации и урбанизации, в результате которых происходит размывание границ между своей и чужой культурой, поглощение и подмена национальных традиций традициями другой культуры, разрушение национальных особенностей, нивелировка этнокультурной специфики и т.д., приводит к значительным проблемам культурной самоидентификации личности. Эти процессы наиболее сильно затронули городскую молодёжь, доминирующими ценностями которой стали ценности западной потребительской культуры, ценности же, характерные духовной культуре своего народа, отошли на второй план, что подтверждается и различными социологическими исследованиями. В среде городской молодёжи наблюдаются тенденции культурной ассимиляции, выражающейся в плохом владении родным языком, национальной культурой и в слабом национальном самосознании.

Со второй половины XX в. наблюдается насаждение западного образца культуры, мышления, и под этим натиском гибнет национальное своеобразие культур многих народов. Национальная культура вырождается, унифицируется, подгоняется под западные стандарты. Молодое поколение начинает забывать родную культуру, обычаи и традиции. Многие представители молодого поколения не знают родного языка, а ведь именно язык, обычаи и традиции хранят в себе ту индивидуальную особенность, некую этническую самобытность, присущую именно этому народу. В новых социокультурных условиях происходит переоценка ценностей, активизируется этническое самосознание, приобретающее иной взгляд на свой этнос с учётом современных реалий.

Одним из объективных критериев принадлежности личности к конкретному этносу является степень владения национальным языком. По мнению учёных, языковая ассимиляция является решающим фактором этнокультурной ассимиляции, поскольку языку отводится одна из решающих ролей в формировании национального самосознания [Зарипов, Файзуллин 2000; Зинурова 2004; Костина 2005]. Язык в этих условиях играет особую роль. Именно язык является неизменным элементом, который присутствует во всех культурах. Поэтому процесс утраты родного языка, особенно среди горожан, не может нас не тревожить.

Известно, что Северный Кавказ является регионом уникальным своим полиэтничным и многоязычным составом населения, многообразием культур, вследствие чего он вызывает большой интерес многих кавказоведов. В условиях глобализации очень важно

национальным меньшинствам сохранить свою этническую и культурную самобытность, свой родной язык, сохранить ценности этнического образа жизни и менталитета.

Проблема сохранения и развития адыгейского языка в Республике Адыгея является актуальной. Адыгейский язык сегодня стал утрачивать силу в условиях глобализирующейся среды. К сожалению, этот печальный факт следует признать. Сегодня трудно найти современного молодого человека, владеющего как устной, так и письменной формой адыгейской речи, хотя многие из них просто не общаются с представителями своей же национальности на родном языке в силу каких-то обстоятельств, не поддающихся рациональному осмыслению.

Как показывают наши исследования последних лет (2015–2020), адыгейский язык функционирует и воспроизводится в основном лишь в сфере быта, в местах компактного проживания адыгов, в моноэтнических семьях, в других локальных моноэтнических группах. Таково было мнение 87% респондентов. Опрос студентов адыгской национальности вузов Республики Адыгея подтвердил, что знание родного языка выше у выходцев из села, чем у горожан. По данным этносоциологического опроса 2020 г., свободно говорят на родном языке лишь 42,8% молодых людей. Из них большую часть (66,2%) составляет сельская молодёжь, а городских адыгов всего 32,3%. А тех, кто родной язык знают отлично, т.е. владеют разговорной речью, литературным и научным языком, а также могут писать и читать на родном языке, всего 17,0% респондентов, из них 53,3% – выходцы из села. Все ответившие, что знают родной язык плохо, либо не знают вообще, являются горожанами.

Таким образом, среди сельских респондентов доля владеющих адыгейским языком удовлетворительно (т.е. понимают хорошо, однако испытывают затруднения в изложении своих мыслей), умеющих читать и писать, свободно владеющих литературным, научным языком заметно выше, чем среди горожан. Это может быть связано с тем, что на селе традиционно культурные ценности менее подвержены трансформации в силу малой динамичности социальных процессов и отсутствия необходимости принципиальных социальных и культурных изменений.

Как было отмечено выше и как ни печально это признавать, адыгейский язык в существенной мере вытеснен в семейно-бытовую сферу, т.е. в ту среду, в которой происходит его функционирование и которую нельзя назвать благоприятной для его сохранения и развития. В долгосрочной перспективе языку угрожает постепенное исчезновение. Проблема сохранения и развития адыгейского языка тревожит общественность, представителей органов власти, учёных.

Такая ситуация складывается и в связи с тем, что в процессе воспитания городской адыгской молодёжи сказывается влияние «русскоязычной» городской среды: даже родители – выходцы из сельской местности с высокой степенью знания родного языка со своими детьми, родившимися в городе, общаются уже на русском языке. Это подтверждают и результаты опроса: 58% респондентов подтвердили данный факт.

Нельзя не отметить, что утрата национального языка приводит к заметному снижению интереса и к народной культуре. При этом культура народа, его литература и искусство являются одними из специфических средств, которые формируют определённую идеологическую, нравственную основу этнического сознания и несут ключевую нагрузку в этом процессе. Национальная культура способствует жизнедеятельности этноса, прочности его социальных связей, способности развиваться в определённой направленности,

сохраняя устойчивость и жизнеспособность [Абузарова 2004, с. 128]. Она играет большую роль в формировании духовности членов этнической общности, их жизненных установок.

Как показывают проведённые нами исследования, большинство студентов адыгской национальности считают, что для формирования полноценного интеллигентного человека необходимо знание национальной культуры (85,2%), в то время как оценили своё знание национальной истории, культуры, литературы как плохое 31,4%, удовлетворительное – 43,2%, хорошее – 17,5%, отлично – 4,5%, не знают – 3,4% респондентов.

Однако, хотя важность знания национальной культуры и подчёркивается большинством студентов, среди сельчан их доля выше (91,7%), чем среди горожан. Кроме того, только среди горожан нашлись те, кого затруднил данный вопрос (6,25%). В дополнение к сказанному хотелось бы добавить, что 3,4% респондентов, не знающих свою культуру, историю, литературу, являются горожанами, а из 4,5% оценивающих свои знания как отличные 75,0% выходцев из села. Таким образом, городская молодёжь знает национальную культуру хуже, чем сельская.

Заслуживает внимания и тот факт, что хотя большая часть респондентов считает, что они неплохо знают адыгскую культуру, тем не менее назвать её представителей смогла лишь крайне малая доля студентов. То есть, даже понимая необходимость знания культуры своего народа, молодые люди мало внимания уделяют её изучению, что может быть обусловлено не только их личным индифферентным отношением к национальной культуре, но и пассивностью в вопросах приобщения молодёжи к культуре своего народа членами семьи, образовательных учреждений, СМИ и других активных агентов социализации. Н. Смелзер по этому поводу писал: «Поскольку культура не приобретается биологическим путём, каждое поколение воспроизводит её и передаёт следующему поколению. В результате усвоения ценностей, верований, норм и идеалов происходит формирование личности. Если бы процесс социализации прекратился, это бы привело к гибели культуры» [Смелзер 1994, с. 43].

Таким образом, можно отметить, что у городской адыгской молодёжи наблюдается тенденция, ведущая к утрате культурной идентичности, что связано, во-первых, с воздействием городской молодёжной субкультуры с её прозападными ценностями, во-вторых, с некорректным отношением к формированию у подрастающего поколения этнической идентификации со стороны семьи. Ведь именно семья издавна считается фундаментом, надёжной основой для подрастающего поколения. Именно здесь закладывается морально-этический «кодекс» поведения (*адыгагъэ*), раскрываются индивидуальные качества личности, её внутренний мир. Основная цель семейного воспитания – это передача молодому поколению информации, необходимой для сохранения родного языка и этнокультурной идентичности. Для нас важно сохранить свои ценности, свой язык, свою культуру, вступая в глобальный мир и живя в глобальном мире. Поэтому чрезвычайно актуальной в теоретическом и практическом аспектах является этнокультурная социализация молодёжи в условиях глобализации.

Литература

1. Абузарова Н.А. Влияние национальной культуры на формирование духовности // Материалы III Межрегиональной научно-практической конференции, посвящённой 250-летию со дня рождения Салавата Юлаева. Уфа, 2004.
2. Зарипов А.Я., Файзуллин Ф.С. Этническое сознание и этническое самосознание. Уфа, 2000. 174 с.
3. Зинурова Р.И. Этническая социализация молодёжи. Казань, 2004. 456 с.

4. Костина А.В. Глобализация и её социокультурные аспекты // Глобальное пространство культуры: Материалы международного научного форума. СПб., 2005.
5. Смелзер Н. Социология. М., 1994. 687 с.

УДК 39

Духовно-ценностные ориентиры в культуре народов Дальнего Востока в исследованиях представителей ориентализма

Александр Иванович Лойко

Белорусский национальный технический университет
alexander.loiko@tut.by

Осуществлён анализ результатов кросс-культурной коммуникации представителей ориентализма России с культурами народов Дальнего Востока. Предметом исследования стал исторический период XIX столетия. Особое внимание уделено роли уроженцев Беларуси в изучении культуры Китая и соседних с этим государством народов.

Ключевые слова: культура, духовно-ценностные ориентиры, Китай, Дальний Восток, ориентализм, Беларусь.

Spiritual and Value Orientations in the Culture of the Peoples of the Far East in the Studies of Representatives of Orientalism

A.I. Loiko

Belarusian National Technical University

The analysis of the results of cross-cultural communication of representatives of Russian orientalism with the cultures of the peoples of the Far East is carried out. The subject of the research is the historical period of the 19th century. Particular attention is paid to the role of the natives of Belarus in the study of the culture of China and neighboring peoples.

Keywords: culture, spiritual values, China, the Far East, orientalism, Belarus.

В Европе с XVIII столетия рос интерес к восточным культурам. Он оформился в ориентализм. Для этого уже существовала научная основа в виде языкознания, археологии, истории, источниковедения, этнографии, исторической географии, практического востоковедения. В Российской империи ориентализм был тесно связан с деятельностью дипломатических и духовных миссий. У уроженцев Беларуси увлечение ориентализмом было сформировано философией И. Канта и эпохой романтизма. Влияние философии И. Канта объяснялось географической близостью Кёнигсбергского университета, где преподавал великий немецкий мыслитель. Молодёжь из Беларуси отправлялась в Восточную Пруссию за образованием. В числе молодых людей оказался С. Маймон [Loiko 2021].

Немецкие профессора читали лекции в географически близком к Беларуси Виленском университете. В их числе был Гётфрид Эрнст Грődдек. С 1804 г. он работал на ка-

федре классической филологии. Преподавал древнегреческий и латинский языки, античную литературу. В лекциях советовал студентам изучать восточную культуру.

Во второй половине XIX столетия в обязанность высшей сибирской администрации была введена функция изучения Сибири с целью интеграции региона в российскую экономику. До открытия в 1878 г. Томского императорского университета основные исследовательские задачи в восточной части Российской империи решал Казанский университет. Здесь функционировала школа историко-сравнительного языкознания. В её работе активное участие принимали уроженцы Беларуси.

Основные интересы школы были сосредоточены на восточной периферии Российской империи, граничившей с Китаем, Монголией, Тибетом, Джунгарией, Средней Азией. Важную роль играли заграничные православные миссии, которые собрали уникальный материал о культуре Китая. В одной из таких миссий в Пекине участвовал уроженец Беларуси православный священник И.А. Гошкевич, а также уроженец белорусского города Слуцка К.И. Корсакин, имевший должность штатного художника 12-й духовной миссии в Пекине. И.А. Гошкевич был членом российской дипломатической миссии, совершившей плавание на корабле «Паллада» в 1852–1855 гг. В составе этой миссии был писатель И.А. Гончаров. И.А. Гошкевичем был составлен русско-японский словарь, что имело значение для установления культурных контактов в пространстве Дальнего Востока [Гошкевич 1899]. Издание словаря было отмечено специальной Демидовской премией.

Показательна роль Русской православной церкви в создании условий для осуществления исследовательской работы в рамках миссионерской деятельности. Этому способствовал институт Русской духовной миссии в Китае [Материалы... 1905]. Он актуализировал уже к тому времени сформировавшиеся отношения российских казаков с китайскими властями на территории Даурии. Здесь русскими был основан г. Албазин. К 1651 г. он имел завершённую архитектуру городского пространства. Формально территория города находилась в нейтральной зоне. Но в 1771 г. император Китая направил против города армию. По итогам военных действий жители вынуждены были его покинуть, а часть казаков в количестве 50 человек из общего числа плененных отправилась в Пекин. Их поселили у городской стены, обеспечили содержанием и дали возможность культивировать православную веру.

Опираясь на опыт кросс-культурной коммуникации русских казаков, Пётр I в 1700 г. указом инициировал задачу организации духовной миссии в Пекине. Руководителем миссии стал архимандрит Илларион. В его духовном подчинении было девять священников. Они должны были сохранить православную веру русских албазинцев.

Духовной миссии китайские власти предоставили земельный участок и зачислили её членов в социальный статус высших сословий. Архимандрит получил чин мандарина пятой степени. Членам духовной миссии было назначено денежное содержание. Нормативную основу её деятельности формулировал договор России и Китая от 1728 г., заключённый в Кяхте. Миссия была связана с посольством, в пределах которого была построена церковь имя Сретения Господня. В пределах посольства духовная миссия осуществляла свою деятельность до 1863 г. Каждые десять лет происходила ротация служителей православной церкви. Этот механизм выразился в работе более пятнадцати духовных миссий.

И.А. Гошкевич, которому принадлежит огромная заслуга в изучении китайского языка и культуры, в сороковых годах XIX в. находился в составе 12-й духовной миссии в Пекине. Он происходил родом из семьи священнослужителей тогдашней Минской губер-

нии. Духовное образование получил в духовной семинарии Минска. Продолжил обучение в духовной академии Петербурга. Источником информации о возможном участии в духовной миссии стал Азиатский департамент. Миссия была актуализирована в 1839 г. Ей предписывались и дипломатические задачи, поскольку в этот период Китай оказался в условиях Первой опиумной войны.

Руководителем духовной миссии стал архимандрит Поликарп. Члены духовной миссии встретились в Казани. Архимандрит знал И.А. Гошкевича по учёбе в духовной академии. В составе миссии были священники, студенты, в том числе И.А. Гошкевич, врач, востоковед и происходивший из белорусского г. Слуцка художник К.И. Корсалин. Он достаточно полно отразил на своих полотнах городские пейзажи Пекина.

Члены духовной миссии изучали китайский язык, историю и природу страны. В последующем они стали китаеоведами. Этому способствовали источники по буддологии. В библиотеке духовной миссии были тексты буддистских рукописей на китайском и маньчжурском языках.

И.А. Гошкевич занялся словарями и переводами. Он сочетал эту деятельность с написанием отчётов, собиранием ботанических и зоологических коллекций, метеорологическими наблюдениями. Свои исследования он представлял в виде коротких статей; одна из них называлась «Способ приготовления туши, белил и румян у китайцев» [Гошкевич 1852]. И.А. Гошкевич прочитал много китайских книг и провёл большое количество опытов. Он заметил, что в Китае появлялось много рукописей о производстве туши. Но их писали авторы, которые сами такой работой не занимались. Поэтому способы производства туши были просто красиво записаны, за её качество нельзя было поручиться.

Лишь одна рукопись, из которой И.А. Гошкевич заимствовал состав туши, оказалась полезной. Исследователь обнаружил оригинальную рукопись 1398 г. Шэнь-цзи-суня. Этот автор производил тушь тридцать лет. Молодой учёный заметил, что китайцы продолжали делать тушь по старинному способу. Она имела высокое качество. В дополнение к истории создания туши И.А. Гошкевич описал приборы, процесс и дозировку, необходимые для её производства. Подобный интерес был обусловлен тем, что китайская тушь славилась своим качеством и в европейском регионе. В Россию её поставляли сухими пластинками в форме лотоса. В процессе применения разводили водой. Состав её включал тринадцать компонентов, однако дозировка не приводилась. И.А. Гошкевич убедился, что для производства туши нужны хорошего качества сажа и клей. Последний является главной составляющей хорошей туши и чернил.

Предметом рассмотрения И.А. Гошкевича стали китайские белила. Он описал их сырьевую основу и технологию получения [Гошкевич 1852, с. 381]. Он также описал технологию добычи румян из сафлора и применение исходного сырья для производства румян, помады, краски для художников [Гошкевич 1852, с. 381]. Его заинтересовала китайская технология счёта [Гошкевич 1853]. Он описал вид китайских счётов. В статье «Императорское, или благовонное, пшено (скороспелое)» [Гошкевич 1857а] И.А. Гошкевич доказал, что производство этого зерна в России принесёт большую пользу. В статье «О шелководстве» [Гошкевич 1857в] им описан процесс создания шёлка. Его вывод гласит: «Известия о шёлке очень важны и получили всеобщий интерес и внимание производителей. Шелководство важная отрасль промышленности и нелишне будет представить перевод одного китайского сочинения по этому предмету» [Гошкевич 1857в, с. 414]. Уроженец Беларуси не мог оставить без внимания картофель [Гошкевич 1857б]. Он описал технологию его посадки подробно.

14 августа 1842 г. фамилия И. Гошкевича оказалась в документе «О производстве членов миссии коллежских секретарей Александра Татарина, Иосифа Гошкевича и Владимира Горского в титулярные советники». Это была заслуженная рекомендация, поскольку И.А. Гошкевич был уникальным лингвистом. Он изучил китайский, маньчжурский, корейский, монгольский языки. Он исследовал историю, литературу, искусство и философию, памятники архитектуры. Он занимался астрономическими наблюдениями. Он же собрал богатую коллекцию растений. После завершения деятельности в составе духовной миссии, в 1850 г. в Санкт-Петербурге он опубликовал в «Трудах членов Российской духовной миссии в Пекине» семь статей. Его пригласили на службу в Министерство иностранных дел Российской империи чиновником особых поручений в Азиатский департамент.

И.А. Гошкевич вернулся в Китай в составе миссии В.В. Путятина в 50-х гг. XIX в. Он был в Гонконге. Он подробно описал остров в статье «Хонкон (Гонконг), из записок русского путешественника». Им описано географическое расположение острова и бухта. Он заметил, что на острове отсутствовали лошади. Их заменяли люди. Он отметил способность китайцев довольствоваться минимумом потребностей; описал знакомство с англичанами и проводимые ими исследования флоры и фауны острова [Гошкевич 1857г].

В конце февраля 1866 г. И.А. Гошкевич был отправлен в отставку. Он вернулся в пределы Беларуси, где купил имение. Он посвятил время изданию в Вильно русско-японского словаря. Этот словарь стал итогом его участия в дипломатической миссии в Японии.

Литература

1. Гошкевич И. Императорское, или благовонное, пшено (скороспелое) юй-дао-ми или сень-дао-ми // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. В 4 т. СПб.: Типография Главного Штаба Его Императорского Высочества по Военно-Учебным Заведениям, 1857а. Т. 3. С. 127–129.

2. Гошкевич И. О китайских счётах // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. В 4 т. СПб.: Типография Главного Штаба Его Императорского Высочества по Военно-Учебным Заведениям, 1853. Т. 2. С. 169–194

3. Гошкевич И. О корнях японского языка. Вильно: Издатель Завадский, 1899. 109 с.

4. Гошкевич И. О разведении шань-яо. *Dioscoraca alata* l (картофель) // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. В 4 т. СПб.: Типография Главного Штаба Его Императорского Высочества по Военно-Учебным Заведениям, 1857б. Т. 3. С. 121–124.

5. Гошкевич И. О шелководстве (перевод с китайского) // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. В 4 т. СПб.: Типография Главного Штаба Его Императорского Высочества по Военно-Учебным Заведениям, 1857в. Т. 3. С. 413–450.

6. Гошкевич И. Способ приготовления туши, белил и румян у китайцев // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. В 4 т. СПб.: Типография Главного Штаба Его Императорского Высочества по Военно-Учебным Заведениям, 1852. Т. 1. С. 361–382.

7. Гошкевич И. Хонкон (Гонконг), из записок русского путешественника // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. В 4 т. СПб.: Типография Главного Штаба Его Императорского Высочества по Военно-Учебным Заведениям, 1857г. Т. 3. С. 393–409.

8. Материалы для истории Российской духовной миссии в Пекине / под ред. Н.И. Веселовского. СПб.: Типография Главного Управления Узлов, 1905. 16 с.

9. Loiko A.I. Intercultural Component of German Classical Philosophy in Eastern Europe // Socio Time. 2021. No. 2. P. 9–15.

**Культурно-коннотативный смысл
в некоторых глагольных фразеологических единицах
с субстантивом *мысль* в современном русском языке**

Лу Цзыи

Хэйлунцзянский университет;
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
luziyi2018@yandex.ru

Данная статья посвящена анализу ряда фразеологических единиц, включающих в себя абстрактное имя *мысль*, с точки зрения культурно-коннотативного компонента. В данной статье принят лингвокультурологический метод исследования фразеологизмов. В выбранных нами фразеологических единицах выполняет функцию субъекта действия абстрактный субстантив *мысль*.

Ключевые слова: мысль, фразеологическая единица, стереотипное представление.

**Cultural-Connotative Meaning in Some Verb Phraseological Units
with the Substantive *Thought* in Modern Russian**

Lu Ziyi

Heilongjiang University;
Lomonosov Moscow State University

This article is devoted to the analysis of a number of phraseological units, including the abstract name of *thought*, from the point of view of the cultural-connotative component. In this article, a linguoculturological method for the study of phraseological units is adopted. In the phraseological units the abstract substantive *thought* performs the function of the subject of action.

Keywords: thought, phraseological unit, stereotyped representation.

Исходя из общепринятого мнения, фразеологические единицы выступают как наиболее насыщенные культурными смыслами единицы языка, выступая в роли знаков «языка» культуры – иной знаковой системы, нежели естественный язык [Телия 2017, с. 6], другими словами, фразеологические единицы, возникающие в национальных языках, создаются на основе образного представления действительности, отображающего обиходно-эмпирический, культурный или исторический опыт носителя языка [Телия 1981, с. 13]. Таким образом, фразеологические единицы обладают самой яркой культурной особенностью языковых единиц [Телия 2017а, с. 782].

А.И. Фёдоров отмечает, что фразеологизмы создаются для того, чтобы конкретизировать образно-эмоциональную оценку явлений, предметов, действий, качеств, которые уже названы в языке [Фёдоров 1980, с. 13]. Учёный также выражает мнение о том, что в отличие от слов фразеологизмы обладают фразеологическим значением, которое включает в себя метафорическое, метонимическое или сравнительное образное представление, через которое выражается денотат и передается его коннотативный компонент в сигнификате [Фёдоров 1980, с. 15]. Кроме того, фразеологизмы выражают типовые представления, отображают эталоны, стереотипы культурно-национального мировоззрения или указывают на их символную специфику и при этом понимаются как языковые компоненты куль-

турных знаков [Телия 1996, с. 249–250]. В.А. Маслова отмечает, что фразеологизмы в денотате или через отношения между ассоциативно-образными основаниями и символами, эталонами, стереотипами культуры языкового коллектива показывают культурную информацию о мире, социуме. Таким образом, фразеологические единицы представляют собой своего рода «кладезь премудрости» народа, сохраняющий и воспроизводящий менталитет народа, его культуру от поколения к поколению [Маслова 2004, с. 75].

Элементы фразеологических единиц понимаются как знаки вторичной номинации, для них характерна образно-ситуативная мотивированность, непосредственно связывающаяся с мировоззрением носителя языка; средостением культурной коннотации, её основным компонентом называется образное основание [Телия 1996, с. 214].

Отметим, что, по мнению В.Н. Телия, культурная коннотация (или культурно-национальная коннотация) в самом общем виде представляется как интерпретация прямого (денотативного) или посредственного (образно мотивированного) аспектов значения в рамках культуры [Телия 1996, с. 214]. Культурная коннотация фразеологических единиц осознаётся, как представляется, через соотнесение базовой для них метафоры с интерпретирующим её содержание «языком» категорий и стереотипов культуры – национальной или общечеловеческой [Телия 1996, с. 258]. Она играет роль «звена», обеспечивающего диалогическую связь различных семиотических систем – языка и культуры [Телия 1999, с. 14].

М.Л. Ковшова считает, что культурная коннотация в семантике фразеологизмов связывается с символами, эталонами, стереотипами, мифологемами культуры, которые служат мотивационной основой фразеологизма, вновь отражаются в образе данного языкового знака, осуществляя передачу глобальных смыслов культуры [Ковшова 2016, с. 7].

Под фразеологической единицей понимается, вслед за В.Н. Телия, то, что не производится в речевой деятельности (как аналогические с ними по форме синтаксические структуры, т.е. словосочетания или предложения), а воспроизводится в ней в зафиксированных за ними устойчивых связях между смысловыми значениями и некоторыми лексико-грамматическими компонентами. Устойчивые и воспроизводимые характеристики являются взаимосвязанными универсальными признаками фразеологических единиц [Телия 1997, с. 605]. В данной статье центр внимания сосредоточен на анализе культурно-коннотативного компонента значения устойчиво воспроизводимых сочетаний слов, т.е. образного представления составляющего компонента, особенно именного, фразеологизма в сознании человека.

В данной статье мы анализируем ряд фразеологизмов в таких аспектах, как толкование фразеологизмов (описание семантизации единицы) и культурологический комментарий, которые представлены в «Большом фразеологическом словаре русского языка» (Значение, Употребление, Культурологический комментарий) под ред. В.Н. Телия [Большой... 2017].

Материалом для нашей работы послужили контексты, которые взяты из Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru/new/>) и из поисковой системы (<https://yandex.ru/>). Для нашего анализа мы выбрали фразеологизмы, состоящие из абстрактного имени *мысль*, которое воспринимается как субъект действия, и глагольных компонентов, выраженных глаголами движения *летать*, *вылететь*, *улетать* / *улететь*, *пролетать* / *пролететь*.

мысль летает

Идея легко и быстро перемещается. *Имеется в виду*, что соображение, суждение (X) находится вне мыслительного пространства человека, группы лиц (Y), дер-

жится в воздушном пространстве и свободно меняет своё местоположение в нём.
Х летает. Реч. стандарт.

В ноосфере мысль летает, выбирает себе крыши. [https://avtor.rudtih.ru/dimitrios/mysl-shustrye-letayut-01-03-2020/] Летает мысль, вот, кажется, поймал, не удержал, вспорхнула, улетела. [https://stihi.ru/2013/06/22/5141] Мысль – летает, парит или пронизывает пространства быстрее всего на свете. [https://zen.yandex.ru/media/id/5ddc279f576a853bcc85e006/mysl-ili-smyslovaia-energiia-dushi-5e430accd3f8624cf90dadf7?utm_source=serp] Хорошие мысли летают в воздухе! [https://www.chitalnya.ru/work/2453263/] Мысли летают, мысли витают, мысли ни сна, ни покоя не знают. [https://stihi.ru/2013/08/23/7729] Мысли летают над морем и сушией, и обретают новые души. [https://stihi.ru/2013/08/23/7729] Летают мысли хороводом, попробуй выловить одну. [http://samlib.ru/m/morenec_t_w/letayut_mysli.shtml]

Образ ФЕ восходит к одной из мифологических форм мироосознания – анимистической, которая одушевляет мысль и приписывает продукту мышления умение передвигаться самостоятельно.

Именной компонент ФЕ *мысль* соотносится с антропным кодом культуры, глагольный компонент *летать* – с зооморфным кодом культуры. ФЕ в целом соотносится с антропным кодом культуры.

Образ ФЕ в целом создаётся метафорой, которая уподобляет *мысль* живому существу, обладающему уникальной способностью – умению свободно передвигаться по воздуху. *Мысль* находится вне организма человека, не зависит от его сознания и осуществляет активное действие во внешнем по отношению к нему пространстве, она находится в воздухе и в силах перемещаться в нём, скорее при помощи крыльев, в разное время и в разных направлениях.

ФЕ в целом выступает в роли стереотипного представления о свободном перемещении идей, независимо от воли самого человека.

мысли вылетают / мысль вылетела из головы чей, у кого

Идея целиком и полностью исчезает. *Имеется в виду, что* соображение, суждение (X) мгновенно, неожиданно перестает быть частью сознания человека, группы лиц (Y). *X вылетела из головы [Y-a]. Неформ.*

Внезапный страшный грохот и звон разбитого стекла возвращают меня к суровым реалиям современного бытия, все «нужные» мысли мгновенно вылетают из головы... [Дмитрий Ярошевский. Перед высоким порогом // «Наука и религия», 2007]

Игорь подумал, что ему, возможно, опять чего-то недоговаривают, решил запомнить эту фразу Молодого, чтобы потом спросить его, но эта мысль тут же вылетела у него из головы, вытесненная мыслью, что они всё-таки не чёрные риэлторы. [А. Б. Сальников. Отдел // «Волга», 2015] Я так ничего и не придумал по этому поводу, а потом все эти мысли вылетели у меня из головы, когда совсем уже рядом с домом я поскользнулся по-настоящему, совершил фантастический пируэт и обрушился на бок, вдобавок сбив с ног подвернувшуюся даму с собачкой. [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Хромая судьба (1982)] Охота изумила Мэбэта – он не мог понять, что произошло с ним, все слова и мысли вылетели из его головы. [Александр Григоренко. Мэбэт // «Новый мир», 2011]

Образ ФЕ также восходит к одной из мифологических форм мироосознания – анимистической, которая олицетворяет продукт интеллектуальной деятельности человека, представляет мысль как живое существо и приписывает ей умение передвигаться само-

стоятельно. Кроме того, в основе создания образа лежит архетипическая оппозиция «внутри – снаружи».

Компонент ФЕ *мысль* соотносится с антропным, т.е. собственно человеческим, кодом культуры, глагольный компонент *вылетать / вылететь* – с зооморфным кодом культуры, компонент *голова* как локус мыслей / идей, замещающая самого человека в его интеллектуальной деятельности, метонимически отождествляясь с мышлением или интеллектуальным пространством сознания человека, соотносится с соматическим, т.е. телесным, кодом культуры, а в сочетании с предлогом *из* + род. пад. – с пространственным кодом культуры. ФЕ в целом соотносится с антропным, а с учётом оппозиций – с пространственным кодами культуры.

Образ ФЕ в целом создаётся метафорой, уподобляющей *мысль* летающему существу, способному стремительно покинуть внутреннее пространство с помощью крыльев. *Мысль* имеет силу в один миг самостоятельно покинуть интеллектуальную сферу человека, пересекая границу между его внутренней личной сферой и окружающим его миром, и перемещаться в какое-то внешнее, отделённое от человека пространство, переставая быть частью его сознания. Действие мысли также не контролируется человеком. Кроме того, в данной ФЕ присутствует оттенок интенсивности действия мысли.

В метафорически образном основании ФЕ в целом отображено стереотипное представление о неподконтрольном человеку процессе полного исчезновения из мыслительно-го пространства человека какой-либо мысли, идеи.

мысль улетает / улетела чья, куда-л. 1

Умственный взор направляется. *Имеется в виду, что* размышления, раздумья (X) отвлекают внимание человека, группы лиц (Y) от какой-л. темы, переносятся в другую точку, в другое место, в другое время. X [Y-a] *улетает / улетела*. **Реч. стандарт.**

Мысль улетает в скокманную даль. М. Гежинская. *Мысль* [<https://stihi.ru/2020/05/15/985>] *Ещё совсем недавно его мысль то улетала в прошлое, то возвращалась в настоящее.* [В.П. Катаев. *Уже написан Вертер* (1979)] *Надо заканчивать сверку протокола. Но мои мысли улетают в далёкое прошлое, туда, где начинается тропинка, приведшая меня в конце концов в эту маленькую комнату в Кремле.* [Валентин Бережков. *Рядом со Сталиным* (1971–1998)] *Настенька пожелала молодому человеку впредь беречь свою руку, а сама вернулась к исполнению обязанностей. Однако в продолжение всего дежурства мысли её то и дело улетали куда-то далеко, очень далеко за пределы травмопункта. Но всё вышеописанное можно считать только присказкой. А самая сказка началась утром, когда Настя закончила своё дежурство.* [Олег Зайончковский. *Счастье возможно: роман нашего времени* (2008)] *Он сел за стол, взялся одной рукой голову и явно в тот момент его мысли улетели куда-то далеко. Взгляд светился и сиял. Мечты, чувства и эмоции захлестнули с головой. Пару минут он не был в состоянии произнести ни слова.* [Эмилия Стоун, *Оргия с боссом*, 2020]

мысль улетела 2

Идея пропала. *Имеется в виду, что* соображение, суждение, убеждение (X) перестало существовать для человека, исчезло. X *улетела*. **Реч. стандарт.**

Он порезался о большой осколок, алые бусинки крови закапали на пол. Мысль улетела, а я побежала за йодом. Разумеется, в этот день никто уже не работал. Галерея была закрыта для посетителей. [Ирина Павская. «Джоконда» Мценского уезда (2006)] – *Подумал он об одной столовской девке, которая была в него страстно влюблена и жила неподалеку в землянке вместе с другими вольнонаемными девчонками, но мысль, вялая,*

ненаступательная, мелькнула и **улетела**, он уснул, не осуществив намерения, не утолив возжеленного позова. [Виктор Астафьев. Прокляты и убиты. Книга первая. Чертова яма (1995)] Все **мысли улетели**, остались чувства. [<https://qna.center/question/1704956>] Мужчина выпрямился и прижался к моим губам страстным, но таким нежным поцелуем, что все посторонние **мысли улетели**. [Ольга Рыжая, Идеальный секретарь, 2018] [<https://kartaslov.ru/предложения-со-словосочетанием/мужчина+выпрямился>]

Основной комментарий см. **мысль летает**.

Во ФЕ отражается метафорическое осмысление *мысли* как самостоятельного субъекта – летающего существа, которое обладает умением исчезать, пропадать из поля зрения, скрываться из виду. Действие *мысли* также не находится под контролем человека, а наоборот, интеллектуальная деятельность человека, группы лиц зависит от самой *мысли*, т.е. физическое лицо освобождается от происходящего вокруг или вообще забывает, что делал или о чём говорил, думал, берётся за другую тему. При этом в данном случае речь не идёт о покидании *мыслью* именно внутреннего пространства человека (ср. *мысль вылетела*).

ФЕ в целом отображает стереотипное представление о направлении неконтролируемого человеком мыслительного процесса, в результате которого размышления либо отдаляются от исходной темы и направляются в другую сторону, либо прекращаются.

мысль пролетает / пролетела [в голове <в сознании>] у кого

Идея возникает и сразу же исчезает. *Имеется в виду, что* соображение, суждение (X), независимо от желания человека, группы лиц (Y) на короткое время появляется в мыслительном пространстве. *При этом может подразумеваться, что* идея может быть неприятной, вызывать отрицательные эмоции. *X пролетает / пролетела [в голове, в сознании Y-а]*. Реч. стандарт.

Нейробиологи посчитали, сколько **мыслей пролетает** в голове ежедневно. [https://yandex.com/news/instory/Nejrobiologi_poschitali_skolko_myslej_proletaet_v_golove_ez_hednevno--c68fe9bb23e10f3fd54346f2f6f1210c?persistent_id=12015] – Без базара, – согласился я. «Немного яда не повредит», – **пролетела** в голове **мысль**, хотя я ей этого не разрешал. Дважды шумно отхлебнув чёрной жидкости. Толстяк крякнул. Его передёрнуло. [А. Рубанов. Сажайте, и вырастет (2005)] **Пролетела мысль**: не ошибся ли он, приняв едва видимые белые клочки за дыхание спящего зверя? [А. Григоренко. Мэбэт // «Новый мир», 2011] «А было ли оно, это признание? – **пролетела мысль**, злая, горячая. – А не пнуть ли его ногой прямо сейчас?» – У меня почти пятнадцать лет адвокатского опыта, – очень тихо, извиняющимся тоном, произнёс Гриша. [А. Рубанов. Сажайте, и вырастет (2005)] Эти **мысли пролетели**, когда мы с тобой разделись: я тогда увидел разом, до чего ты хороша! А добравшись до постели мои очи разглядели, что хотел увидеть разум, что позволила душа! [<https://www.inpearls.ru/1026627>] Такие **мысли пролетели**, пока я взглядом провожал, тот автозак с квадратной будкой, и знойный жаркий день стоял... [<https://poembook.ru/poem/163523>]

Образ ФЕ восходит к одной из древнейших форм осознания мира человека – анимистической, олицетворяющей **мысль** и приписывающей продукту мышления способность передвигаться самостоятельно, отражает оппозицию «внутри – снаружи», имеющую архетипический характер.

Именной компонент *мысль* соотносится с антропным, т.е. собственно человеческим, кодом культуры, глагольный компонент *пролетать / пролететь* – с деятельностью

ным кодом культуры, компоненты *голова, сознание* воспринимаются как локус мыслей / идей, по функциональной сопредельности метонимически отождествляются с телесной частью, которая замещает самого человека в осуществлении интеллектуальной деятельности, выступают в роли символов мыслительного пространства сознания человека и соотносятся с соматическим кодом культуры, а в сочетании *в + пред. пад.* – с пространственным кодом культуры. ФЕ в целом соотносится с антропным, а с учётом оппозиции – пространственным кодами культуры.

ФЕ содержит метафору, которая уподобляет МЫСЛЬ летающему существу, способному к быстрому передвижению, перемещению с помощью крыльев. Глагольный компонент *пролетать / пролететь*, в семантике которого заложено неожиданное появление и мгновенное исчезновение, придаёт ФЕ значение очень быстрого движения МЫСЛИ в интеллектуальном пространстве, что не позволяет человеку на ней сосредоточиться. Таким образом, действие МЫСЛИ оказывается также неконтролируемо человеком и неподвластно ему. При этом трудно однозначно сказать, откуда взялась и куда делась сама МЫСЛЬ: она либо «влетела извне – вылетела обратно», либо, изначально находясь в сознании, но вне светлого поля, «появилась – снова скрылась».

ФЕ в целом передаёт стереотипное представление о внезапности и непредсказуемости начала и конца краткой интеллектуальной активности, возможно, не доставляющей удовольствия человеку и в любом случае не зависящей от его воли.

Подводя некоторые итоги анализа данных фразеологических единиц, можно сделать четыре основных вывода.

1. В рассмотренных фразеологических единицах *мысль* движется очень активно, при этом её движение разнообразно. Она обитает либо внутри человека, в его мыслительном пространстве, либо вне его.

2. Проанализированные фразеологические единицы содержат метафору, уподобляющую *мысль* существу, способному свободно перемещаться по воздуху в любом направлении при помощи крыльев.

3. Фразеологические единицы, представленные в данной статье, отражают стереотипное представление о неподконтрольном, неподвластном человеку мыслительном процессе, который может протекать самостоятельно и развиваться независимо от воли самого человека.

Литература

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2017. 784 с. (Фундаментальные словари).

2. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. Изд. 3-е. М.: ЛЕНАНД, 2016. 456 с.

3. Маслова В.А. Культурно-национальная специфика русской фразеологии // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 69–76.

4. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13–24.

5. Телия В.Н. Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2017а. С. 776–782. (Фундаментальные словари).

6. Телия В.Н. Предисловие // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2017б. С. 6–14. (Фундаментальные словари).

7. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

8. Телия В.Н. Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке. М.: Наука, 1981. 269 с.

9. Телия В.Н. Фразеологизм // Русский язык: Энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 605–607.

10. Фёдоров А.И. Сибирская диалектная фразеология. Новосибирск: Наука; Сиб. отд-ние, 1980. 190 с.

УДК 81'25

К вопросу о репрезентации аксиологем в текстах Рунета

Марина Николаевна Ляшева
Южный федеральный университет
marina-lyasheva@mail.ru

В статье предпринимается попытка анализа аксиологем в развлекательных текстах русскоязычного интернет-пространства. Выявляется, какие смыслы получают статус ценностей и антиценностей. Рассматриваются языковые и стилистические средства создания и изменения оценки. Дается описание приемов достижения юмористического эффекта в интернет-текстах, репрезентирующих ценностные смыслы.

Ключевые слова: аксиологема, лингвонизм, язык Интернета, развлекательный интернет-дискурс.

On the Question of the Representation of Axiologemes in Runet Texts

M.N. Liasheva
Southern Federal University

The article attempts to analyze the axiologemes in the entertainment texts of the Russian Internet space. It is revealed what meanings receive the status of values and anti-values. The linguistic and stylistic means of creating and changing the assessment are considered. A description is given of methods for achieving a humorous effect in Internet texts representing value meanings.

Keywords: axiologeme, linguocynism, language of the Internet, entertainment internet discourse.

Внимание к ценностям и их отражению в культуре разных народов мира наблюдается со стороны многих наук, в том числе лингвистики. Возникло даже самостоятельное направление – аксиологическая лингвистика, которая активно развивается за счёт трудов

таких учёных, как В.И. Карасик, Т.Б. Радбиль, Т.В. Романова и др. В поле внимания этого лингвистического направления лежит языковое отражение ценностной картины мира и функционирование ценностных доминант в различного типа дискурсах. Языковые единицы, которые выражают ценностные смыслы, обозначают термином *аксиологемы* [Казыдуб 2009, с. 134]. Ценностное значение в них может быть выражено на номинативном или коннотативном уровне [Радбиль 2017, с. 100–101].

Не существует единой классификации аксиологем. По временному признаку их делят на постоянные (патриотизм, героизм, честь, любовь и пр.) и временные (те, что актуальны в определённый период). Н.Н. Казыдуб предлагает разграничивать аксиологемы по их структурной характеристике. Так, она различает аксиологему-слово, аксиологему-словосочетание, аксиологему-формульное высказывание, аксиологему-паремию, аксиологему-антропоним [Казыдуб 2009, с. 134].

Интернет-тексты в последние десятилетия вызывают большой интерес у лингвистов, поскольку демонстрируют языковые изменения. Кроме того, они выступают своеобразным отражением массового сознания. Именно в интернет-текстах, на наш взгляд, можно проследить, какие смыслы на данный момент получают положительную или отрицательную оценку со стороны пользователей и, соответственно, приобретают статус современных аксиологем. Для этого обратимся к развлекательному сегменту глобального пространства, под которым мы понимаем различные сайты развлекательной/юмористической направленности («Pikabu», «ЯПлакаль», «anekdotov.net» и др.) и многочисленные группы в социальных сетях «Вконтакте», «Twitter», «Facebook^{*}», «Instagram^{*}».

В Интернете очень многие шуточные тексты основаны на использовании в них аксиологем, представляющих универсальные ценности или такие смыслы, которые выступают значимыми для русской лингвокультуры. Развлекательность создается за счёт нивелирования ценностей и их осмеяния, тогда как антиценности и псевдоценности, наоборот, возводятся на более высокий уровень.

Одной из тенденций современного интернет-общения является использование цинизма по отношению к словам, заключающим в своём значении ценностный компонент (например, описание смерти, которая является сакральной для русской лингвокультуры). Продемонстрируем это примером из социальных сетей, который получил широкий негативный отклик:

А я ни разу не была в могилке

До этого дня, точнее до вечера [<https://vk.com/mudakoff>].

Данная шутка построена на строчке из песни умершей артистки Ж. Фриске. Игровой эффект достигается при помощи замены одного компонента на фонетически созвучный (*с в малинках* – на *в могилке*). Таким образом, получившееся высказывание как бы претендует на развлекательность и создание комического эффекта, но с учётом сложившейся ситуации (смерть артистки и грубое указание на это в тексте) оказывается не только этически неуместно и оскорбительно, но и противоречит сакральному отношению к смерти. Стоит также добавить, что для этого конкретного случая есть и другие схожие примеры, которые цинично описывают болезнь и уход из жизни артистки. Они сохранились в интернет-пространстве на различных ресурсах в виде креолизованных текстов (фото с различными текстовыми подкреплениями). Это ещё раз дока-

* Организация Meta, продуктом которой являются социальные сети Instagram и Facebook, признана экстремистской на территории РФ.

зывает циничное отношение и к самой теме смерти, и к страданиям человека от болезни, и к горю родственников и близких.

Отдельно стоит упомянуть тему пьянства, которая не является ценностной, однако выступает стереотипной в русской культуре. На эту тему всегда было много анекдотов и шуток. Сейчас она продолжает активно развиваться в развлекательном дискурсе. Однако алкогольное опьянение уже перестаёт быть простым подшучиванием и добрым смехом. Зачастую в контекстах пьянство выступает как нечто хорошее, противопоставляется истинно ценностным качествам, которые, наоборот, показаны с отрицательными коннотациями.

Рассмотрим на конкретных примерах. Во всех использованных контекстах сохраняются орфография и пунктуация автора.

Девушки, когда узнают, что парень – неработающий алкаш, у которого проблемы с башкой. Таких разбирают как горячие пирожки, пока нормальные остаются в стороне [https://vk.com/mudakoff?z=photo-57846937_460217502%2Falbum-57846937_00%2Frev].

Автор противопоставляет нормальным парням «неработающих алкашей». При этом указывает, что вторых «разбирают как горячие пирожки». С одной стороны, тут мы видим неприязнительность девушек, о которой прямо говорит автор. С другой стороны, отмечая высокий спрос на первый тип парней, автор косвенно даёт понять, что и присущий им образ жизни (алкоголизм, нежелание работать и прочие проблемы) оказываются одобряемыми и более ценными, чем противоположные качества.

Иногда в текстах встречается скрытая ирония на тему подменённых ценностей, что можно увидеть в примере ниже:

Это не ваши бэтмены и супермены, вот он настоящий супергерой которого мы заслужили. Картинка с текстом «Когда после месячного запоя не бухал два дня. Борьба с алкоголем» [https://vk.com/mudakoff?w=wall-57846937_40912397].

Как известно, Бэтмен и Супермен наделяются положительными качествами в массовой культуре, поскольку являются персонажами, спасающими мир от злодеев, борющимися за добро и помогающими людям. Здесь они противопоставлены другому типу героев – человеку, который не употреблял алкоголь пару дней. В тексте он назван супергероем, при помощи префикса *супер-* даётся более высокая оценка. Но также оценочным компонентом выступает фраза «которого мы заслужили». Зачастую она выступает своеобразным лингвистическим маркером отрицательной оценки и используется в контекстах, чтобы показать важность чего-то незначительного, и таким образом демонстрирует упадок и деградацию. Можно сделать вывод, что автор иронизирует над сложившейся ситуацией, где положительные качества отходят на второй план.

Прокомментируем также пример, отражающий другие ценности:

Не служил? Красава! [<https://twitter.com/mudakoff/status/892509608920711168>].

Мы видим отрицание такой ценности, как «отвага, служба Родине». Одобрение кроется в оценочном слове «красава», которое в разговорной речи молодёжи имеет значение, близкое к слову «хорошо», даже превосходит его в положительной оценке.

Так, мы можем сделать вывод, что в текстах Рунета находят отражение разные ценностные смыслы, однако зачастую то, что раньше было порицаемым (например, пьянство) находит одобрение, а истинные ценности подаются в саркастичной манере. Для создания наибольшего юмористического эффекта активно используются дополнительные визуальные компоненты (реже – музыкальный ряд), которые подкрепляют высказывание и усиливают его воздействующий потенциал.

Литература

1. Гибатова Г.Ф. Аксиология в языке // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 2 (121). С. 127–132.
2. Казыдуб Н.Н. Аксиологические системы в языке и речи // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2009. № 2. С. 132–137.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
4. Радбиль Т.Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. М.: Издательский дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. 592 с.
5. Сковородников А.П. К определению термина «лингвоцинизмы» // Мир русского слова. 2014. № 3. С. 49–54.

УДК 37

Духовно-ценностные ориентиры и культурная память общества в эпоху глобализации: вопросы изучения со студентами

Максим Русланович Москаленко

Филиал Удмуртского государственного университета в г. Нижняя Тура
max.rus.76@mail.ru

Евгения Геннадьевна Леоненко

Уральский федеральный университет
e.g.leonenko@urfu.ru

Иван Валерьевич Юдин

Национальный исследовательский университет «МЭИ»
ivanyudin@yandex.ru

В работе рассматриваются вопросы изучения со студентами духовно-ценностных ориентиров общества и трансляции его культурной памяти в эпоху глобализации. В условиях глобализации усилилось проникновение западных потребительских и культурно-правовых стандартов в другие регионы планеты, которые изначально имели традиционную цивилизацию. Это ведёт к усилению социокультурных противоречий в данных сообществах, поскольку способствует оценке их исторической традиции с западнцентристских позиций. Знакомство учащихся с данной проблематикой очень важно для выработки у них навыков комплексного анализа тенденций социокультурного развития общества.

Ключевые слова: духовно-ценностные ориентиры, культурная память, образование, подготовка студентов.

Spiritual and Value Guidelines and Cultural Memory of Society in the Era of Globalization: Issues of Studying with Students

M.R. Moskalenko

Branch of Udmurt State University in Nizhnyaya Tura

E.G. Leonenko

Ural Federal University

I.V. Yudin

National Research University

“Moscow Power Engineering Institute”

The paper deals with the issues of studying with students the spiritual and value orientations of society and the translation of its cultural memory in the era of globalization. In the context of globalization, the penetration of Western consumer and cultural and legal standards into other regions of the planet, which initially had a traditional civilization, has intensified. This leads to an increase in socio-cultural contradictions in these communities, as it contributes to the assessment of their historical tradition from a Western-centric position. Acquaintance of students with this issue is very important for developing their skills in a comprehensive analysis of trends in the socio-cultural development of society.

Keywords: spiritual and value orientations, cultural memory, education, student training.

Культурная память общества и её передача от поколения к поколению крайне важны для современной цивилизации. Глобализация во всех сферах жизни, широкое распространение «массовой» культуры (задающей западные стандарты потребления, мироощущения, моды как универсальные), появление среди молодёжи так называемого «клипового сознания» ведут к отчуждению человека от национальной культурно-исторической традиции и фрагментаризации её восприятия. Теряется целостная картина исторического прошлого и связь человека с пластами социальной памяти, что обедняет культуру и снижает способность к рефлексии как на индивидуальном, так и на коллективном уровне национального самосознания. Это делает индивида более податливым к манипуляциям со стороны экономических и политических акторов, которые могут навязывать как различные псевдоисторические мифологемы, так и потребительские стандарты. Такова, например, совокупность представлений об «отсталости» России перед Западом, которая широко популяризировалась в публицистике либерального направления конца 1980-х – начала 2000-х гг. и сыграла крайне деструктивную роль в годы перестройки. Данная мифологема проанализирована в литературе [Мединский 2017]. Все эти аспекты обуславливают актуальность и значимость изучения со студентами всего круга вопросов, связанных с трансляцией культурной памяти в обществе. Данная проблематика имеет широкий и многоаспектный характер и предполагает междисциплинарный подход в изучении, рассмотрении тех или иных её аспектов в курсах истории, политологии, философии и ряда других гуманитарных дисциплин.

Различные аспекты проблематики трансляции в обществе культурной памяти получили достаточно широкое отражение в научной литературе [Первушина 2019; Сабанчеев 2019]. В «цифровую» эпоху проблематика трансляции культурной памяти в обществе обострилась. Как отмечают исследователи М.Я. Музыченко и Е.В. Кораблева, современное общество не успевает сформировать своё собственное отношение к прошлому, в результате чего «история начинает восприниматься как нагромождение разнородных событий, доступных бесконечному количеству толкований и потому не имеющее ценности, а куль-

турное наследие воспринимается как нечто устаревшее и поэтому бесполезное и мешающее поступательному движению общества» [Музыченко, Кораблева 2018, с. 13].

В основе изучения трансляции культурной памяти лежит умение грамотно анализировать историко-культурные процессы в обществе, развитие навыков системного подхода к их видению, понимание взаимосвязи глобальных и локальных тенденций. Следует отметить ряд факторов, которые необходимо учитывать при объяснении материала.

Прежде всего, это достаточно высокая политизированность культурно-исторического знания. Использование исторических фактов в политической борьбе и формировании тех или иных идеологий и концепций национальной идентичности существует достаточно давно: яркий пример – борьба норманистов и антинорманистов в России XVII в., или споры западников и славянофилов в XIX в. об исторических судьбах и программе реформирования политических институтов Российской империи. У историко-культурного знания существует очень важная функция – формирование патриотического сознания, обеспечение преемственности лучших национальных традиций между поколениями. И особенно актуализировалось эта задача в современную «цифровую» эпоху в связи с резким увеличением потоков информации.

В годы перестройки и постперестройки достаточно часто отечественная культурно-историческая традиция оценивалась с западнцентристских позиций. Так, негативные черты советского периода выдвигались на первый план в изучении, а позитивные (построение советской модели социального государства, успешная модернизация, создание высокотехнологичных отраслей промышленности и т.д.) оттеснялись на второй план. При этом, естественно, идеализировался и мифологизировался образ Запада. Не вызывает сомнения, что при таком подходе выпускник вуза не будет понимать исторической и культурной специфики как российского общества в целом, так и особенностей эволюции системы образования, управления, экономики и т.д., и это будет серьезным упущением в его профессиональной подготовке.

На протяжении истории уважение к собственной культурно-исторической традиции было важным фактором, скрепляющим нацию и государство, и поэтому в официальной пропаганде всегда подчёркивались достижения и заслуги национальных учёных и деятелей культуры.

Естественно, что в основе передачи культурной памяти должно лежать знание основополагающих событий, процессов и явлений как отечественной, так и зарубежной истории. Причем в истории в широком её значении, включающем в себя знание ключевых политических, экономических, духовных, социокультурных явлений, видения их взаимосвязи и взаимообусловленности. Традиции классического высшего образования предполагали широкое знакомство студентов с данными аспектами. И здесь мы сталкиваемся со следующими проблемными моментами. *Во-первых*, снижающийся уровень эрудиции и начитанности современных студентов, распространение отношения к получению высшего образования как к узкопрофильной профессиональной подготовке (что в советское время лежало в основе концепции обучения в техникуме). У значительной части учащихся можно наблюдать скептическое отношение к вспомогательным учебным дисциплинам, которые в классическом высшем образовании во многом давали учащемуся тот необходимый кругозор и широту мышления, которая отличала выпускников лучших советских и мировых вузов и развивала их творческий потенциал. *Во-вторых*, это противоречивость и неоднозначность оценок тех или иных исторических процессов, явлений, событий. Студент, интересуясь в СМИ новостями политики и общественной жизни, выступлениями

общественных деятелей, может столкнуться сразу с несколькими трактовками тех или иных аспектов исторического развития России. Эти трактовки могут противоречить друг другу и совершенно по-разному интерпретировать исторические и культурные факты. Классический пример – оценка белого движения и большевизма в истории России: в СМИ, в научно-популярных программах, высказываниях политиков и учёных можно встретить диаметрально противоположные точки зрения на данный феномен. В постсоветский период в нескольких городах России были воздвигнуты памятники руководителям белого движения, и не утихают дискуссии между противниками и сторонниками их возведения. Всё это способствует эклектичному, фрагментарному взгляду на исторический процесс в массах людей, а также вызывает скепсис и недоверие к самому историческому знанию, которое начинает восприниматься как манипулятивный инструмент политтехнологов [Бондаревский 2018, с. 205]. В-третьих, в ряде СМИ имеет место широкая популяризация псевдонаучного и лженаучного исторического знания: спекуляции на тему якобы реализовавшихся предсказаниях Нострадамуса и других пророков; мифов о гиперборейцах, атлантах, лемурийцах и т.д. Адепты данных концепций иногда критикуют официальную историческую науку.

Для формирования у учащихся умений комплексного анализа культурно-исторических процессов и явлений необходимо использование сравнительно-исторического подхода, когда те или иные процессы и явления сравниваются с аналогичными в разных странах. Речь идёт о таких разносторонних и многоаспектных процессах, как развитие феодализма, модернизация, глобализация и др. Их всесторонний анализ требует междисциплинарного подхода и, поскольку данные процессы являются ключевыми в объяснении тенденций современного развития, то рассматривать их следует на занятиях по философии, политологии, истории и ряда других гуманитарных дисциплин. Например, при изучении истории акцент должен делаться не просто на заучивание каких-либо фактов и явлений, дат и событий, а на понимании динамики социокультурных процессов; в свою очередь, это предполагает достаточно высокую общую эрудицию и мотивацию к учёбе у студентов. Обучение учащихся комплексному анализу культурно-исторического процесса во всём его единстве и многообразии также способствует активизации трансляции культурной памяти в обществе и формированию у студентов активной гражданской позиции.

Литература

1. Бондаревский А.В. Психологическая предубеждённость современных студентов при изучении курса «История» // Современное образование: содержание, технологии, качество. 2018. Т. 1. С. 205–208.
2. Мединский В.Р. Мифы о России. М.: Абрис, 2017. 304 с.
3. Музыченко М.Я., Кораблева Е.В. К проблеме бытия культурной памяти в условиях глобализации // Цивилизация – Общество – Человек. 2018. № 6–7. С. 12–14.
4. Первушина О.В. Культурная память: проблемное поле исследования // Учёные записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2019. № 2 (20). С. 34–39.
5. Сабанчиев Р.Ю. Культурная память как нарративный феномен (герменевтические аспекты) // Вопросы философии. 2019. № 12. С. 10–14.

Об экологоцентризме диалектной картины мира

Цырена Цыщыковна Огдонова
Иркутский государственный университет
irk-tsyrena@mail.ru

В статье предпринята попытка раскрыть экологоцентризм диалектной картины мира на основе одного из её фрагментов – группы «Наименования продуктов и блюд из дикорастущих растений». Источником иллюстративного материала статьи является «Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири» Г.В. Афанасьевой-Медведевой. Рассматриваются традиции питания русских старожилов, обнаруживающие экологоцентричное отношение к окружающему миру.

Ключевые слова: диалектная картина мира, диалектоносители, русские старожилы, экологоцентризм, наименования пищи.

On the Ecological Centrism of the Dialectal Picture of the World

Ts.Ts. Ogdonova
Irkutsk State University

The article attempts to reveal the ecological centrism of the dialectal picture of the world on the basis of one of its fragments – the group “Names of products and dishes from wild plants”. The source of the illustrative material of the article is the “Dictionary of dialects of Russian old-timers of Baikal Siberia” by G.V. Afanasyeva-Medvedeva. The traditions of nutrition of Russian old-timers, which reveal an ecologically centric attitude to the surrounding world, are considered.

Keywords: dialect picture of the world, dialect carriers, Russian old-timers, ecological centrism, food names.

Региональное культурно-языковое пространство является одной из важнейших репрезентативных характеристик региона. В структуре данного феномена выделяется диалектный компонент, традиционно составляющий основу русскоязычной региональной коммуникации в исторически сложившихся социокультурных условиях. Именно по отношению к диалектам и говорам можно говорить о традиционной лингвокультуре, определяемой В.В. Красных как «воплощённая и закреплённая в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых/речевых процессах культура, явленная нам в языке и через язык» [Красных 2013, с. 123]. Традиционная лингвокультура, по мнению автора, имеет лингвокогнитивную природу и существенно отличается от языковой картины мира [Там же]. На наш взгляд, традиционная лингвокультура с точки зрения репрезентативности может рассматриваться и как диалектная картина мира (ДКМ) – совокупность оязыковлённых понятий и представлений, отражающая уникальные черты мировидения диалектоносителей. Так, в качестве особенностей мировидения носителей диалекта Л.Н. Овчинникова указывает следующие: «антропоцентризм (в центре – человек, он создаёт, разрушает, оценивает), образность, конкретность, привязанность к окружающей среде, слиянность с природой, бытом, субъективизм, высокая степень экспрессивности и эмоциональности, актуализация отрицательных явлений действительности (пессимизм), бескомпромиссность» [Овчинникова 2006, с. 171]. Особое место в традиционной лингвокультуре занимают «привязанность к окружающей среде и слиянность с природой», так как в совокуп-

ности они репрезентируют экологичность миромышления диалектоносителей: мир воспринимается и осознаётся через связь человека с природой, устанавливаются способы и механизмы взаимодействия человека с природными силами.

В ДКМ воплощён обобщённый опыт жизни крестьян – русских старожилов, отражённый во всём богатстве и разнообразии сюжетно-тематической организации диалектного дискурса, представленного, в частности, в «Словаре говоров русских старожилов Байкальской Сибири» Г.В. Афанасьевой-Медведевой в 23 т. (2007–2020 гг.) (СГРСБС). Текстовое пространство СГРСБС раскрывает культурно значимые смыслы мировосприятия носителей традиционной лингвокультуры и даёт наглядное представление об этносоциокоммуникативной среде их бытия.

Диалектная картина мира, по данным СГРСБС, фрагментарна: «человек», «природа», «географический макро- и микромир», «трудовая деятельность», «промыслы», «земледелие и животноводство», «строительство», «семья и семейные отношения», «жилище и хозяйственные постройки», «питание», «одежда и обувь», «обряды и обычаи» и др. Все фрагменты ДКМ организованы в концептосферы и имеют дискурсивную реализацию, с разной степенью обнаруживая единство в выражении экологического отношения диалектоносителей к миру.

Природные, климатические условия жизни обусловили быт, трудовую деятельность, промыслы, одежду и обувь, а также питание русских старожилов. Как отмечает И.В. Сохань, «...изначальное, первичное пространство национальной кухни – это продукты, возвращённые в данном национальном космосе, как результат всей совокупности природных условий – земли, климата, особенностей географического расположения, принятых способов возделывания земли (включающей и обычно сложную систему ритуалов, связанных с установлением баланса между человеком и природой)» [Сохань 2011, с. 61]. Русские старожилы в суровых таёжных условиях становились охотниками, рыбаками, собирателями. Многие крестьяне не полагались исключительно на земледелие, считавшееся довольно трудоёмким и непредсказуемым, и пополняли свои запасы продуктами леса: «...*Всё с лесу да с реки жили...*» [СГРСБС 2007, с. 97]; «*здесь же тайга хороша, звери ста. <...> Баушку мою нашёл здесь. А она-то чалдонка. И вот она жили <...>. Люди жили тайгой. Я вот и сам до девяти сохатых в зиму добывал. Добудешь, и всем раздашь помаленьки. Другой добудет кто-нибудь – мне даст. Друг дружку выручали, поддьярживали*» [СГРСБС 2007, с. 354].

У русских старожилов издревле было особое отношение к лесу как к кормильцу, к источнику ресурсов: «*<...> Болонь у дерева... Сохраняли природу... Знали, заботились. [– Собир.]. [– Они были неграмотны, а всё знали. Старики оне умны были. – Слуш.]. Но. Оне были умные, мудрые, так назвать надо. Оне чувствовали, что если каждый пойдёт, будет у речки друг за другом валить, не будет рожаться ягода. А не будет ягоды – не будет птицы. Всё от одного же зависит-то*» [СГРСБС 2012, с. 91].

Представления о лесе у старожилов носили мифопоэтический характер: лес люди олицетворяли, наделяли его демонической силой, верили в «хозяина (хозяина с хозяйской)» леса/тайги, поля: «*Вот счас заходишь в лес, надо всегда говорить: Хозяин полевой, Разреши нам ягод набрать или ведь даже грибов. Веники поломать пришёл. Надо всё спрашивать у полевого хозяина. Вот езли ты спросишь, ты прекрасно наломаешь и нарвёшь. <...> И тебе ничё не сделается*» [СГРСБС 2013, т. 11, с. 94]; «*А вихрь, он чё, это же сын хозяина леса <...>. Так этот хозяин леса и пришёл. Это же вихри, это же семья*

кака-то, лешая семья. Он же не один там. Полно же их» [СГРСБС 2012, с. 55]. Люди совершали различные ритуальные действия, чтобы задобрить хозяев леса, обычно это было угощение: «Мы все вместе в лес ходим. Мы там огонь разлаживаем, чай варим, а вот если так вот сюда пойдём, ну, там огонь угоишам и тоже так же садимся за стол: – Ну, хозяин с хозяйшккой... с нам... чай пить, обедать. А вот так вот, в лесу тоже так же говорим: – Хозяин с хозяйшккой, чай пить с нам. И мы угощаем, и хлебушек положим и там что есть, всё это положим» [СГРСБС 2010, с. 259]. У местного народа – бурят – русские старожилы заимствовали традицию завязывать лоскутки ткани (*алугáры*) на деревья в качестве дара хозяину леса: «Алугáр – это лоскуточек. Лоскуточки вешали раньше в тайге. Вот как подарки <...> Подарок хозяину тайги. Поверье было такое. Аха. Приезжаешь, и вплоть до час у нас это заведёно. Привозишь лоскутки, но провдольны'е только, а не поперёшны. Провдольны'е. И вешаешь на деревья» [СГРСБС 2007, с. 293].

Примером влияния на русскую старожильческую кухню природных условий/ресурсов является использование «природной пищи» – ягод, грибов, орехов, диких растений (крапивы, черемши, лебеды и т.п.). Для крестьян-сибиряков, живущих в окружении мощных лесных массивов, большим подспорьем в питании являлись дары леса, поэтому собирательство наряду с охотой и рыболовством сыграло важную роль в формировании лингвокультуры русских старожил Байкальской Сибири. Лексика собирательства номинативно представлена в одной из групп концептосферы питания в СГРСБС – «Наименования продуктов и блюд из дикорастущих растений», насчитывающей более 40 наименований.

Диалектоносители охотно собирали и заготавливали грибы: рыжики, грузди (*мокрые*), волнушки (*волвята*), маслята (*масленки*), подосиновики, белянки и др. В говорах существует обобщённое наименование – *губки*, обозначающее «любой пластинчатый или трубчатый съедобный гриб» [СГРСБС 2013, т. 12, с. 289]: «Каких только грибов там не было! Машонда... Ну и белые, и рыжики, и грузди. Остальные не собирали, называли губки. <...> Не собирали никакие белянки, никакие волнушки – это губки. Так, грузди, рыжики, белые грибы. Но белые сушили только. Сушили всё на постегонках.» [Там же].

Грибы солили, мариновали, сушили, жарили с ними картофель, варили супы, готовили начинки для пирогов (*жаренина, губни́ца/бубни́ца, грибовни́ца, грибу́ница* и др.): «А губница, её с грибов же варили. Обеданье! Грибы помоешь, порежешь ножиком мельче, а потом они закипят, сварятся когда, потом картошку опускай, порежешь помельче. И луком заправишь. Вот и губница» [СГРСБС 2013, т. 12, с. 291].

Ягоды были и остаются для русских старожил ценным источником пищи, при этом сбор ягод был связан с праздничной обрядностью сибиряков и природными циклами. Жители рассказывают о том, как сообща определяли сроки сбора (*боя*) ягод (*августовские запрета и распрета*): «На ягоду запрёта была всегда. Запрёта. Ягода поспевала, никто не ходили, вот до такого-то числа. Собирают заседанне, ранче называли заседанне.

– Идите на заседанне, решать будут, когда августовскую запрету делать.

Вот сперва в августе голубицу, чернику до такого-то числа, никто никуда. А еслиф вот так вот стоят хорошие дни, не отпускали – сенокос, косить надо было. Вот еслиф дожж, то иди, собирай. Дадут тебе. А чё ты в дожж-то соберёшь?! Ну, ладно, это далеко не бегали, что близко это всё было. Лес-то живой был, собирали. Побежишь где-нибудь на болото, наберёшься. Ой, бочками ягоду ставили! Яма, а там лёд. Лёд до сентяб-

ря лежит в подвале. Такой холод (...)! Двадцать пятого августа распрёта...» [СГРСБС 2007, с. 381]. «*А раньше каждой ягоде свой бой. Вот дадут два дня идти по бруснику, значит, все идут в этот день. До этого дня нельзя было брать – никто не ходил. А раньше если тебя скараулят, все ягоды у тебя высыпаят, истопчат. Чем спелее ягода, тем слашше она. Её сладкой брали. Сахару-то не было. Рано не брали. Ягод всем хватало, её навалом было»* [СГРСБС 2019, с. 318].

Ягоды (*голубица, кислица, боярка, землянка* (земляника), *черемуха, черника, брусница* и др.) заготавливались на зиму в виде варенья или повидла, замораживались с сахаром или без (*зо́морозки*). Из них варили настойки, кисель, морс, делали из них муку, с ними пекли пироги и варили каши. Важное место в рационе питания русских старожиллов занимала черёмуха (*сама гла́мна ягода*), из неё мололи муку, варили кисель, готовили *су́сло* и замораживали. Из черёмуховой муки готовили лепёшки, стряпали пироги и делали *взби́тки* – домашнее мороженое на основе взбитой сметаны и черёмуховой муки.

В русской старожильческой кухне широко представлены блюда из конопли и конопляного семени: *дя́вно* (кушанье из толчёной конопли), *выжим/выжимки/макуха* (жмых), *семену́ха* (кушанье из жмыха с добавлением молока), *се́менный сок, стряпушки* (конопляные пирожки) и др.

Жители Байкальской Сибири традиционно занимались кедровым промыслом, поэтому в СГРСБС зафиксированы также наименования блюд и продуктов из кедрового ореха (*роде́ма, кедровое молоко, орешник* и др.). Главным образом это *орешинное масло* – очень ценный питательный продукт, для получения которого у диалектоносителей существует уникальная технология.

Таким образом, растительная (природная) пища, традиции её сбора, обработки и приготовления имеют культурно значимый смысл для интерпретации особенностей ДКМ. Русские крестьяне-старожиллы близки к природе, они чувствуют её и очень бережно к ней относятся. Это бережное отношение к окружающему миру, экологичность наблюдается и в других группах глоттонии диалектоносителей, в целом пронизывает весь текстовый корпус «Словаря говоров русских старожиллов Байкальской Сибири» Г.В. Афанасьевой-Медведевой.

Литература

1. Красных В.В. Грамматика лингвокультуры, или что держит языковую картину мира? // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 122–130.
2. Овчинникова Л.Н. Диалектная языковая картина мира в социально-культурном аспекте (на примере глагольных метафор русских народных говоров Среднего Урала) // Политическая лингвистика. 2006. № 18. С. 170–180.
3. СГРСБС: Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожиллов Байкальской Сибири: в 23 т. / науч. ред. Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2007. Т. 1. 576 с.
4. СГРСБС: Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожиллов Байкальской Сибири: в 23 т. / науч. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2010. Т. 5. 544 с.
5. СГРСБС: Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожиллов Байкальской Сибири: в 23 т. / науч. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2012. Т. 9. 528 с.
6. СГРСБС: Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожиллов Байкальской Сибири: в 23 т. / науч. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2013. Т. 11. 480 с.

7. СГРСБС: Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 23 т. / науч. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2013. Т. 12. 480 с.

8. СГРСБС: Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 23 т. Иркутск, 2019. Т. 21. 480 с.

9. Сохань И.В. Особенности русской гастрономической культуры // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 347. С. 61–68.

УДК 81'23

Аксиологический аспект речевого поведения дошкольников

Анастасия Александровна Осипова

Дальневосточный федеральный университет
osipova.aa@dvfu.ru

В статье рассматриваются цели речевого воздействия русскоязычных детей дошкольного возраста, описываются способы и приёмы их достижения в рамках коммуникации взрослых – ребёнок. Приводится составленная на основе анализа эмпирического материала классификация ценностных ориентиров дошкольников, которые обуславливают появление в детской речи попыток воздействия на сознание собеседника. Делается вывод о том, что круг желаемых явлений и объектов в дошкольном возрасте в целом ограничен витальными потребностями.

Ключевые слова: аксиология, ценности, речевое поведение, речевое воздействие, дошкольники.

Axiological Aspect of Speech Behavior of Preschoolers

A.A. Osipova

Far East Federal University

The article discusses the purpose of speech impact on Russian-speaking children of preschool age, to take part and get their achievements in the framework of communication between an adult and a child. Based on the analysis of empirical material, a classification of the value orientations of preschoolers is given, which determine the appearance in the child's characteristics of the impact on the consciousness of the interlocutor. Things are deduced from the fact that the circles of desired objects and objects in preschool age are generally limited to vital manifestations.

Keywords: axiology, values, speech behavior, speech impact, preschoolers.

В соответствии с основными теоретическими позициями лингвистической прагматики – науки, изучающей язык как средство, которое человек использует в своей деятельности [Маслова 2007, с. 29], – высказаться нейтрально невозможно. Любое вербальное выражение мысли представляет собой определённое действие, совершаемое в конкретных условиях и направленное на адресата. Это действие определяется целью (мотивом, интенцией, намерением) говорящего, в соответствии с которой он формирует план будущего высказывания, производит отбор языковых средств, реализует готовое речевое действие, а затем анализирует произведённый словами эффект и продумывает следующий шаг. Иначе говоря, коммуникация в рамках такого подхода понимается как деятельность, а язык – как

средство коммуникативного взаимодействия, осуществляющегося в социальном контексте, обусловленного некоторыми мотивами и подчинённого конкретной цели. Отметим, что часто отождествляемые в литературе понятия «цель», «мотив» и «интенция» мы разделяем. Под мотивом мы понимаем такое положение дел, которое побудило человека к высказыванию (например, чувство голода, усталости, скука и т.п.); цель, как нам представляется, это проявление конкретного желания что-то получить, чем-то обладать (пища, внимание, личное пространство и т.д.), т.е. конечная, глобальная задача речевых усилий; интенция (коммуникативная) представляет собой планируемый результат высказывания (выразить просьбу, уговорить, действовать с помощью приёмов вербальной агрессии и др.).

Рассматривая стратегическую организацию речи, можно ограничиться описанием речевых актов, вербальной составляющей реализации высказывания, анализом экстралингвистических компонентов коммуникативной ситуации. Однако без погружения в сознание автора конкретного речевого продукта, без понимания системы установок и ценностей говорящего, а также имеющегося у него опыта картина будет неполной. Особое значение в этом отношении приобретают, на наш взгляд, именно ценности, так как их система является «атрибутом человеческого сознания и определяет его (человека. – А.О.) деятельность» [Гибатова 2011, с. 127]. В широком смысле ценность понимается как «всякий предмет любого интереса, желания, стремления и т.п.» [Ивин 1970, с. 12]. Соответственно, объекты или явления реального мира, представляющиеся для конкретной личности ценными, значимыми, оказывают прямое влияние и на речевую деятельность человека, что может проявляться в специфике языковой организации высказываний. Выявление и анализ системы ценностей индивидуума, различных социальных групп, целых этносов являются задачами аксиологии – учения о ценностях, базирующегося на философских началах. Отражением ценностных ориентиров человека является вербальный продукт – речь, и именно с помощью анализа речи (и шире – речевого поведения) можно проследить, что представляется значимым для конкретного лица или группы людей. Так, в лингвистике анализ ценностных предпочтений открывает широкие возможности для исследования национального языкового сознания, построения модели языковой личности. Язык как феномен культуры фиксирует и отражает некоторым опосредованным образом как систему ценностей, настроения, оценки, существующие на данный момент в данном социуме, так и ценности, являющиеся вечными для данной культуры. Более того, язык, непрерывно взаимодействуя с культурой и мышлением, формирует носителя языка как личность, принадлежащую к данному социокультурному сообществу, навязывая и развивая систему ценностей, мораль, поведение, отношение к людям [Гибатова 2011, с. 129].

В рамках настоящей работы мы попытались определить круг ценностных ориентиров детей дошкольного возраста, обуславливающих специфику их речевого поведения. Материалом для анализа послужили собранные методами включённого, скрытого наблюдения и сплошной выборки факты применения дошкольниками средств и приёмов речевого воздействия в условиях диалога взрослый – ребёнок. Возраст детей – от трёх до семи лет. В связи с выбором в качестве объекта исследования фактов детской речи необходимо на основе имеющихся исследований психики ребёнка кратко охарактеризовать и систему его ценностей.

Известно, что в процессе онтогенеза человек проходит путь от желания обладать витальными ценностями до потребности в самоактуализации. В.С. Мухина в качестве впервые проявляющихся в дошкольном возрасте аксиологических ориентиров называла

притязание на признание со стороны взрослого и со стороны сверстников, притязание на победу и лидерство [Мухина 1985, с. 180, 185–186]. С.Н. Цейтлин предлагает типологию событий, которые ребёнок хотел бы видеть осуществленными: «чаще всего дети хотят, чтобы кто-то обратил внимание на какой-либо предмет или явление, дал требуемый предмет, совершил определенное физическое действие с помощью предмета, изменил положение ребёнка в пространстве, пришёл или ушёл и т.д.» [Цейтлин 2008, с. 318]. Результаты экспериментального исследования Е.Е. Клопотовой продемонстрировали, что ведущими в системе ценностных ориентиров современных детей-дошкольников являются желание обладать чем-либо (84%), пожелание личного комфорта (4,5%), желание саморазвития (7,5%) [Клопотова 2017, с. 100]. По наблюдениям автора, современные дошкольники хотят иметь игрушки однотипные, конкретные (главное – «много» и «новые»); сенсорный телефон, планшет; личные деньги; велосипед, скутер, роликовые коньки; красивую одежду (девочки). Желания саморазвития (7,5%) заключались в том, что дети хотели научиться тому, чего не умеют (читать, кататься на роликах, ездить на лошади, плавать). Пожелания личного комфорта (4,5%) представлены тем, что дети хотели иметь отдельную комнату, чтобы их не будили по утрам или в тихий час, чтобы папа не ругался и др. Кроме того, в среде указанного контингента сильна потребность в самоутверждении (4%): хочу стать самым сильным, самой красивой, хочу быстрее всех бегать в салках, быть главным в игре и др. [Клопотова 2017, с. 101]. Таким образом, заметно, что среди ценностных ориентаций современных дошкольников основное место занимает удовлетворение собственных материальных потребностей.

Выполняя первичный анализ собранного материала, мы прежде всего устанавливали конечный результат речевых усилий говорящего, на основании чего выделили 4 магистральные цели: достижение желаемого, избегание наказания, избегание нежелательного для себя действия и защита личного пространства. Отметим, что наибольшее количество примеров относится к цели «достижение желаемого». Это коррелирует с выводами Е.Е. Клопотовой: ценностные ориентиры дошкольника действительно сосредоточены в нём самом. Лишь по достижении 7-летнего возраста (после перестройки личности вследствие психологического кризиса) такой «эгоизм», совершенно естественный для дошкольника, будет преодолен. Обратимся к языковым примерам, которые иллюстрируют попытки дошкольников достичь поставленной цели (получить желаемое) и доказывают существование специфичной системы детских ценностных ориентиров.

Получение желаемого, согласно нашим наблюдениям, является основной целью применения средств речевого воздействия в среде дошкольников. Объектом желания могут являться различные блага: предметные (пища, в большинстве случаев – сладости; игрушки; гаджеты; домашние питомцы) и абстрактные (внимание и признание взрослого; похвала; совместные с родителями и сверстниками развлечения; стремление к победе, лидерству, доминированию). Список значимых для дошкольников объектов и явлений не является закрытым, хотя и обнаруживает указанные общие тенденции.

В попытках получить желаемое в условиях диалога со взрослым дошкольники чаще всего склонны прибегать к таким приёмам речевого воздействия, как уговаривание, подчёркивание положительных характеристик родителей, апелляция к чувствам и отношениям между говорящими, изображение жертвы, угроза, сознательное преуменьшение желаемого.

Уговаривание – специфичный для детей дошкольного возраста приём – проявляется, как правило, в наличии интенции просьбы (в языковом отношении выраженной кон-

струкциями *можно+инфинитив/императив/гортатив*, дополняемыми частицей *ну*), нескольких реализующих этот приём высказываний (в данном случае – трёх), специфичной «жалобной» интонации говорящего.

- (1) **Можно купить телефон?**

- Нет, телефон не продаётся!

- (2) **Ну вот вам денежка!**

- Нет!

- (3) **Ну держите, ну продайте мне телефон!**

Подчёркивая положительные характеристики родителя, дети стараются заставить взрослых соответствовать идеальному эталону, что не оставит возможности отказать ребёнку в просьбе (в первом примере – присоединиться к уборке в нише; во втором – посмотреть мультфильмы).

- Папочка, ты у меня **такой любимый, хороший**. Папа, **такой любимый-прелюбимый, хороший**. Можно мне тоже в нишу?

- Мамочка, **милочка ты моя золотая**, как мне с тобой повезло – включи мультики.

Апелляция к чувствам и отношениям, существующим между коммуникантами призвана, по замыслу говорящего, способствовать получению желаемого (в данных примерах – сладостей), так как на первое место ставит наивысшую ценность семьи – любовь. Для этого дети активно используют единицы лексико-семантической группы «любовь».

- Мам, ты меня **любишь?** Дай конфету.

- Мамочка, у тебя **такой хороший сынок, он тебя так любит!** (в попытках получить печенье)

- Да, мама, это лучший способ **доказать** свою **любовь!** (о покупке киндер-сюрприза)

Наиболее специфичным для дошкольников приёмом речевого воздействия наряду с уговариванием является изображение жертвы. Как правило, дети имитируют болезнь, утомлённое состояние или отсутствие физической возможности сделать что-либо. Ребёнок, стремясь получить желаемое, либо изображает больного (в большинстве случаев простудными заболеваниями), либо жалуется на несуществующую боль (в животе, голове или горле). Языковыми маркерами такого приёма являются снижение темпа и громкости речи, паузация, слова тематической группы «болезнь», «части тела», междометия, интенция сообщения о плохом самочувствии.

- Мам, мне нужно съесть ложку малинового джема, у меня **болит рот** и, кажется, **поднялась температура**.

- Бабуль, дай конфетку, может, она поможет с **депрессией** справиться...

- Мамочка-а-а, у меня **очень животик боли-ит**... (просит пирожное)

- **Ой, папа, горло болит!** Вот тут... **Надо полечить... Шоколадом.**

Угроза, т.е. сообщение о возможных негативных для собеседника последствиях, также может применяться с целью получения значимых для ребёнка результатов. Этому подчинены отбор лексем, изображающих негативные последствия (*истерика, беспорядок, голод, умереть, уйти, выгнать* и др.); включение синтаксических конструкций с условными союзами *если/если... то* и разделительным *а то*.

- Папа! Почитай мне книжку, **а то** у меня сейчас случится **истерика**.

- Мама, дай мне ещё апельсин. Нет, я не заболею. Я **устрою** здесь **беспорядок** и до сих пор не буду убирать.

- *Вот я помер бы, и у тебя не было бы сына* (на отказ матери уделить внимание)
- *А если не будете меня слушаться, я останусь у бабушки!*
- *Купи, а то я тебя доставать буду* (хочет новую игрушку)

Приём сознательного преуменьшения желаемого применяется с целью продемонстрировать собеседнику незначительность своей просьбы, что должно способствовать получению положительной реакции со стороны взрослого (удовлетворения желания ребёнка). Для маркирования несущественности запроса дошкольники используют наречия меры и степени *немножко, чуть-чуть*; диминутивы с количественным значением *капелька, ложечка*; частицы *хоть, хотя бы, только*.

- *Соску так пососать хочется, я чуть-чуть. Можно?*
- *Мама, можно ещё тортика, ложечку-у-у.*
- *Не хотите давать сока, так хоть воды налейте!*
- *Можно я его только пооблизываю?* (о торте)

Приведённые примеры реализации дошкольниками приёмов речевого воздействия и краткий анализ их языковой составляющей доказывают, что магистральная цель «получение желаемого» является доминирующей в данном возрасте. Стремление обладать чем-то, получить определённые блага особенно сильно в среде детей. Кроме того, обнаруживаются и попытки дошкольников занять доминирующее, лидирующее положение в ситуации, несмотря на вертикальный характер коммуникации в диалоге взрослый – ребёнок, где последний изначально занимает позицию подчиняющегося. Высказывания детей, содержащие приёмы речевого воздействия, способствуют уточнению картины их ценностных ориентиров. Так, на первом месте среди значимых для дошкольников материальных объектов оказываются сладости (конфеты, шоколад, печенье, торты, киндер-сюрпризы, сладкие фрукты, варенье, джем и т.д.); ценными для них являются также предметы как «взрослого» мира (телефоны, планшеты), так и «детского» – новые игрушки. Нематериальные блага представлены желанием осуществлять некоторую деятельность вместе со взрослым (наводить порядок в нише, играть вместе, читать книги и пр.) и стремлением занять в семье позицию лидера (контролировать членов семьи, направлять их деятельность в нужном для говорящего направлении).

Таким образом, мы можем говорить о сформированности у детей особого круга аксиологических ориентиров, что обусловлено возрастными и психическими особенностями личности в период дошкольного детства.

Литература

1. Гибатова Г.Ф. Аксиология в языке // Вестник ОГУ. 2011. № 2 (121). С. 127–132.
2. Ивин А.А. Основания логики оценок. М.: Изд-во Московского ун-та, 1970. 231 с.
3. Клопотова Е.Е. Особенности ценностных ориентаций современных дошкольников // Психологическая наука и образование. 2017. Т. 9. № 1. С. 96–105.
4. Маслова А.Ю. Введение в прагмалингвистику: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 152 с.
5. Матвеева Г.Г., Ленец А.В., Петрова Е.И. Основы прагмалингвистики: монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 232 с.
6. Мухина В.С. Детская психология: учеб. для студентов пед. институтов. М.: Просвещение, 1985. 272 с.
7. Цейтлин С.Н. Выражение побуждения в детской речи // Проблемы функциональной грамматики: Категоризация семантики. СПб.: Наука, 2008. С. 309–330.

Название произведений искусства в языковой картине мира русской и китайской молодёжи

Мария Владиславовна Пигалева

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
pigaleva-m@yandex.ru

В статье представлены данные направленного лингвистического эксперимента, проведённого в 2020 г., в рамках которого русским и китайским информантам до 35 лет предлагалось назвать 3–5 произведений искусства. Реакции, называющие произведения искусства, анализируются по виду искусства, стране и времени возникновения. Сопоставляются реакции русской и китайской групп информантов, делаются выводы об их сходствах и различиях.

Ключевые слова: искусство, языковая картина мира, эксперимент, Россия, Китай.

The Name of Works of Art in the Linguistic Picture of the World of Russian and Chinese Youth

M.V. Pigaleva

Perm State University

The article presents data from a directed linguistic experiment conducted in 2020, while Russian and Chinese informants under 35 were asked to name 3–5 works of art. Reactions to naming works of art are analyzed by type of art, country and time of origin. The reactions of the Russian and Chinese groups of informants are compared, conclusions about their similarities and differences are drawn.

Keywords: art, linguistic picture of the world, experiment, Russia, China.

Искусство является одной из форм общественного сознания и важной составляющей духовной культуры народа. В связи с этим концепт «искусство» представляется одним из наиболее значимых концептов в языковой картине мира, находя отражение во множестве языковых фактов. Под языковой картиной мира подразумеваются «особенности членения и категоризации внешнего мира, закреплённые в языке, которые оказывают влияние на носителя языка в процессе познания и освоения этого мира» [Словарь... 2006, с. 259]. Языковая картина «лингво- и этноспецифична» [Апресян 2006, с. 35], и её реконструкция путём комплексного анализа – это важный ключ к пониманию культуры.

Произведения искусства отражают как индивидуальный опыт творца, так и коллективный опыт и традиции народа, что делает искусство важным источником изучения культурных особенностей, свойственных народу на разных исторических этапах. Ряд произведений искусств приобретает мировую славу за счёт высокой эстетической ценности, и их названия многократно воспроизводятся в различных текстах, порой приобретая дополнительные значения у носителей разных национальностей. Обращение к названиям произведений искусств, функционирующих в сознании представителей разных национальностей, позволит выявить схожее и различное в восприятии искусства в целом и очертить ряд культурно значимых произведений в частности.

Для явлений, известных широкому кругу лиц и отражающих определённым образом языковое сознание носителей разных культур, существует специальный термин – прецедентные феномены. Прецедентные феномены – это факты, известные большинству

представителей лингвокультурного сообщества, к которым часто апеллируют и которые актуальны в эмоциональном и/или познавательном плане [Словарь... 2018, с. 116]. По степени известности прецедентные феномены делятся на: 1) социумно-прецедентные феномены, известные среднестатистическому представителю различных социумов; 2) национально-прецедентные феномены, известные среднестатистическому представителю лингвокогнитивного сообщества (этот тип прецедентных феноменов формирует национальную когнитивную базу); 3) универсально-прецедентные феномены, входящие в «универсальную» когнитивную базу, т.е. известные любому среднестатистическому образованному человеку любой национальности [Красных 2003, с. 50]. Прецедентные феномены могут быть как вербальными, так и невербальными: так, произведения искусства и их элементы могут считаться такими же прецедентными феноменами, как и вербальные тексты [Красных 2003, с. 46]. За прецедентным феноменом стоит определённое представление, знание которого делает реципиента причастным к лингвокультурному сообществу и позволяет правильным образом отреагировать на ту или иную «крылатую фразу», применяемую носителями языка. Однако в данной статье мы намеренно не используем этот термин по отношению к указанным в результате эксперимента названиям произведений искусства, так как по ним не представляется возможным отследить важный признак прецедентного феномена – общность восприятия для представителей одного лингвокультурного сообщества.

Материал исследования представляет собой результаты лингвистического эксперимента, выполненного в формате анкетирования, и включает в себя ответы 50 китайских и 70 русских информантов возрастом от 18 до 35 лет, выборка сбалансирована по полу. В рамках эксперимента участники объясняли слово «искусство», указывали признаки искусства и 3–4 произведения искусства. Китайские информанты назвали 141 произведение искусства, русские – 275 произведений искусства. В статье реакции русских респондентов приведены без орфографических или пунктуационных правок, китайские даны с переводом на русский язык.

Анализ контекстов осуществлялся с использованием системы графосемантического моделирования «Семограф», где реакции, называющие произведения искусства, анализировались по следующим параметрам:

1. Вид искусства;
2. Время создания произведения;
3. Страна создания.

Начнём с указанных информантами видов искусства. Ответы китайских респондентов называют следующие виды искусств (далее в порядке убывания реакций): живопись (72 реакции), скульптура (16 реакций), архитектура, литература и музыка (по 9 реакций), театр (5 реакций), кино (3 реакции). Видно, что в ответах преобладают произведения изобразительных видов искусств (живопись, скульптура), затем следуют произведения выразительного и словесного искусства (музыка, литература), а в конце список замыкают произведения смешанных видов искусств (кино, театр). Такую же тенденцию в целом сохраняют и ответы русских информантов: больше всего реакций называют произведения живописи (93 реакции), а самые малочисленные категории – это цирковое искусство и фотография (по 2 реакции). Помимо уже указанных видов искусства, в ответах русских фигурируют дизайн (6 реакций), цирковое искусство и фотография (по 2 реакции), перформанс и инсталляция (19 реакций) – виды искусства, возникшие в XIX–XX вв.

Некоторые реакции информантов не называют конкретного произведения искусства и, хотя они и не включены в общую выборку, считаем необходимым их упомянуть. К этим реакциям относятся упоминаемые китайцами произведения декоративно-прикладного искусства: 唐三彩, *Танская трёхцветная керамика*; 剪纸, *вырезки из бумаги*; 青花瓷, *фарфор Цинхуа*. Русские информанты не указали ни одно произведение декоративно-прикладного искусства, однако несколько информантов называли произведения, отталкиваясь от понимания искусства как всего созданного человеком: *красиво оформленное блюдо шеф-повара; сделанная работа швеи и так далее; моё творчество; одежда, которую шьёт моя мама*.

Обратимся к списку стран, к которым относятся указанные произведения искусства. Китайские информанты указали произведения искусств 11 стран, среди которых упоминаются страны-соседи Россия и Япония (12 и 1 реакция соответственно), а также ряд европейских стран, известных своим вкладом в развитие мировой художественной культуры – Италия (30 реакций), Нидерланды (18 реакций), Франция (14 реакций), Австрия и Греция (по 3 реакции). Первое место по упоминаемым произведениям искусства предсказуемо занял Китай – 37 реакций. В реакциях русских информантов упоминаются произведения искусства 23 стран – кроме России и ряда уже указанных европейских стран, так же упоминаются США (22 реакции), Великобритания и Ирландия (11 реакций), Сербия (4 реакции). Единичные реакции представляют ОАЭ, Азербайджан, Египет и Турцию, называя архитектурные произведения этих стран – *Бурдж Халифа, центр Гейдара Алиева, Карнакский храм, Айя-София*. Как и китайские информанты, русские чаще всего вспоминали русское искусство – 80 реакций называют произведения русской живописи, литературы, музыки и театра.

Список стран, названных двумя группами информантов, во многом совпадает, однако видны существенные различия в разнообразии реакций. Так, и китайские, и русские информанты указали произведения искусства США, однако в первом случае это единичное упоминание кинофильма 泰坦尼克号, *Титаник*, а во втором участники эксперимента вспомнили различные произведения американского искусства: *Титаник, «Криминальное чтиво», Дж. Селинджер «Над пропастью во ржи», Andy Warhol's «Marilyn Diptych»*. Другим примером является упоминание японских произведений: несмотря на современное взаимодействие японской и китайской культур, только один китайский информант упомянул песни японской певицы Мики Накасимы, в то время как русские информанты вспомнили японские мультипликационные фильмы «Могила светлячков» и «Ведьмина служба доставки».

Если посмотреть на время создания произведений искусства, указанных информантами, то можно заметить определённую закономерность. И русские, и китайские информанты упоминают произведения XX–XXI вв., однако китайские информанты называют всего 17 произведений преимущественно национальной культуры, в то время как 132 реакции русских информантов включают в себя произведения российской, европейской и американской культуры: «*Чёрный квадрат*» Малевича, М. Булгаков «*Мастер и Маргарита*», Дж. Селинджер «*Над пропастью во ржи*», «*Фонтан*» Дюшана, Густав Климт – *Аллегория музыки*. Обратная тенденция наблюдается при анализе реакций, обозначающих произведения XIX в. Из 60 реакций русских информантов 31 реакция – это классические произведения русского искусства, изучаемые в рамках школьной программы: *Девятый вал Айвазовского, «Преступление и наказание», композиции Чайковского, К. Брюлов «Последний день Помпеи»*. Реакции китайских информантов, называющие произведения

XIX в, связаны с европейским искусством, причём преимущественно с творчеством нидерландского художника Ван Гога и французского художника Клода Моне: *梵高的向日葵*, «Подсолнухи» Ван Гога; *星空*, *Звёздное небо*; *奈的日出印象*, «Восход солнца» Моне; *莫奈的睡莲*, «Кувшинки» Моне. Стоит отметить упоминание информантами произведений русского искусства – *尔加河上的纤夫*, «Бурлаки на Волге»; *天鹅湖*, балет «Лебединое озеро». Присутствие реакций, называющих произведения русских деятелей искусства, обосновано тем, что многие из китайских информантов – студенты подготовительных групп или бакалавриата российских вузов, и за время учёбы они изучают русский язык и культуру.

Несмотря на большую разницу реакций русских и китайских информантов, стоит отметить важный факт: и в той, и в другой группе реакций произведения Италии стоят на втором месте по упоминаемости после произведений национальной культуры. Указанные произведения относятся преимущественно к периоду Возрождения (2-я половина XV – начало XVI в.). И русские, и китайские информанты упоминают произведения Леонардо да Винчи, Микеланджело Буонарроти, Рафаэля Санти: «Мона Лиза» Леонардо да Винчи; *蒙娜丽莎/蒙娜丽莎的微笑*, Мона Лиза / Улыбка Моны Лизы; *最后的晚餐*, Тайная вечеря; «Мадонна во гроте» да Винчи; «Давид» Микеланджело; «Сотворение Адама» Микеланджело; *大卫*, Давид; «Пьета» Микеланджело Буонарроти; *哀悼基督*, Пьета; *Сикстинская Мадонна Рафаэля*. Примечательно то, что из упоминавших работу Леонардо да Винчи «Мона Лиза» часть китайских информантов назвало название картины, а часть упомянуло улыбку – важную деталь, сделавшую картину узнаваемой во всём мире.

Если национальное искусство России в реакциях русских информантов представлено преимущественно работами XIX–XX вв., то большая часть реакций китайских информантов, называющих национальное искусство Китая, представлено произведениями, выполненными в период до XII в. Среди них чаще всего упоминались *清明上河图*, *По реке в День поминовения усопших* (живописная панорама Чжан Цзэдуаня, выполненная в XII в.); *兰亭集序*, *Предисловие из Павильона орхидей* (каллиграфическая работа Ван Сичжи, выполненная в IV в.); *五牛图*, *Пять быков* (картина Хань Хуана, датируемая VIII в.). Упоминание классических древних произведений искусства демонстрирует традиционность китайцев и более обширное знание древней истории своей страны, чем её других исторических периодов. Искусство древнего мира представлено в реакциях русских информантов названиями произведений древнейших цивилизаций Греции, Египта и Китая: *Парфенон в афинском Акрополе*, *Карнакский храм*, *Диалоги Платона*, *Венера Виллендорфская*, *Китайская стена*.

Реакции китайских информантов отличаются меньшим разнообразием, и в них гораздо меньше единичных реакций, чем у русских информантов. Это позволяет делать вывод об общем источнике знаний – например, школьная или университетская образовательная программа. Всего лишь несколько реакций китайских информантов назвали декоративно-прикладное искусство без указания названий отдельных произведений, что подтверждает в очередной раз традиционность китайского общества и его эстетичность. Русские информанты назвали больше единичных реакций, и подобное разнообразие свидетельствует о личной заинтересованности информантов в восприятии искусства (в том числе и современного – достаточно обратить внимание, как много было указано названий кинофиль-

мов). Ответы китайских информантов отражают периоды истории преимущественно до XX в., тогда как большая часть реакций русских информантов называет национальные и зарубежные произведения XIX–XXI вв. Обе группы информантов многократно упоминали произведения эпохи Возрождения – значимого этапа развития мировой культуры.

Литература

1. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
2. Словарь лингвокультурологических терминов / сост. М.Л. Ковшова, Д.Б. Гудков; отв. ред. М.Л. Ковшова. М: Гнозис, 2018. 192 с.
3. Словарь социолингвистических терминов / сост. В.А. Кожемякина, Н.Г. Колесник, Т.Б. Крючкова и др.; отв. ред. В.Ю. Михальченко. М., 2006. 312 с.
4. Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2006. 912 с.

УДК 791.3

Эстетические особенности творческого наследия В.М. Шукшина

Светлана Петровна Сагатчук

Центр культуры и творчества «Родники»
svetasagatchuk@mail.ru

В статье предпринята попытка рассмотрения творчества В.М. Шукшина с позиции его жизненного и художественного кредо «Нравственность есть правда». В связи с этим автор обращается к литературным, режиссёрским и актёрским работам В.М. Шукшина. Среди главных нравственных критериев Шукшин выделяет: любовь к родине, любовь к людям, честность, сопереживание, доброту, великодушие, готовность прощения. Для Шукшина коренное русло русской жизни связано с обострённым чувством справедливости, которая не может существовать без правды, и не просто правды, а Правды.

Ключевые слова: отечественное киноискусство, художественное творчество, нравственные ценности, нравственно-эстетическая триада «писатель – режиссёр – актёр».

Aesthetic Features of V.M. Shukshin's Creative Heritage

S.P. Sagatchuk

Center of Culture and Creativity “Rodniki”

The article attempts to examine the work of V.M. Shukshin from the perspective of his life and artistic credo “Morality is truth”. In this regard, the author refers to the literary, directorial and acting works of V.M. Shukshin. Among the main moral criteria, Shukshin highlights: love for the motherland, love for people, honesty, empathy, kindness, generosity, willingness to forgive. For Shukshin, the root channel of Russian life is connected with an acute sense of justice, which cannot exist without the truth, and not just the truth, but the Truth.

Keywords: domestic cinematography, artistic creativity, moral values, moral and aesthetic triad “writer – director – actor”.

Сегодня Шукшин известен как писатель, который при жизни опубликовал пять сборников рассказов и два романа, как актёр, который сыграл более 20 ролей и как режиссёр, который снял шесть авторских фильмов, включая дипломную работу – фильм «Из Лебяжьего сообщают...», которую он, кстати, снимал в подмосковном Волоколамске.

В сущности, ни в литературе, ни в кино В.М. Шукшина не с кем сравнивать. Чтобы не делал Василий Макарович, он всегда оставался самим собой. Ему было 25 лет, когда он поступил во Всесоюзный государственный институт кинематографии, в 30 – его окончил (мастерская М.И. Ромма), а уже в 46 лет Василия Шукшина не стало...

Но как много он успел сделать за этот короткий срок, отведённый ему судьбой. Любовь народа к Шукшину – это ответ на его любовь к Родине, большой и «малой», людям... Как же надо было любить Россию, чтобы знать её знанием Василия Шукшина!..

Духовная жизнь народа требует памяти о прошлом и сохранение памяти на будущее. А.С. Пушкин в «Наброске статьи о русской литературе» пишет: «Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости». Будто продолжая эту мысль, вспоминаются слова великого русского мыслителя, учёного, подвижника земли русской, академика Д.С. Лихачёва: «Россия будет жива до тех пор, пока смысл её существования в настоящем, прошлом и будущем будет оставаться загадкой, и люди будут ломать себе голову: зачем Бог создал Россию?..»

Сегодня книжные лавки полны, а стоящей, умной высоконравственной литературы мало. Но, думается, – это временное явление. Человечество скоро почувствует голод по высоким истинам. Да, сейчас влияние литературы на общество заметно слабее, чем было в прошлом. Россия всегда была литературно-центристской страной, *слово* здесь значило очень много. Литература создавала некий духовный «парламент» страны, который правил сердцами и умами. То, что недодавалось политической системой, компенсировалось творениями Пушкина, Толстого, Достоевского, Лескова...

У каждой из известных стран – свой исторический путь. Таким же своим и только своим путём проходит и каждый художник.

Таким, прошедшим только свой собственный путь, путь ошибок и сомнений, радости и огорчений, поиска ответа на самый главный, пожалуй, философский вопрос – что есть правда, предстаёт перед нами светлый образ русского человека *Василия Макаровича Шукшина*...

Если бы Василий Шукшин был только актёром, только режиссёром, только сценаристом и драматургом и, наконец, только прозаиком, то и тогда, в этом каждом отдельном случае, мы имели бы перед собой выдающееся дарование.

Но все эти дарования принадлежат одному человеку.

Наше искусство ещё не знало такого поразительного сочетания.

Казалось бы, этот человек должен был обладать искусством перевоплощения из одной своей ипостаси в другую, но так только казалось, в действительности же самым высоким искусством его натуры было умение и внутренняя необходимость оставаться самим собою неизменно.

И даже когда мы смотрели его фильмы или фильмы с его участием, мы всё равно встречались не с актёром, а с ним самим, с тем человеком, который был Шукшиным. И вот уже нам кажется, будто снимается не Шукшин, а кто-то другой снимает Шукшина закрытой камерой, чтобы затем он увидел себя сам.

Шукшин всегда показывает такую человеческую простоту, за которой вставала огромная сложность, непростота бытия и самого человека, и всего того, что его окружает, что сделало его таким, какой он есть.

Он предьявлял экрану своих крестьянских героев как носителей непреходящих нравственных ценностей, которые сам разделял и исповедовал. Конфликт между патриархальными и коллективистскими началами крестьянской жизни и сознания, как генеральный, он решал по-своему. В экранной прозе, через обыденность, в философско-драматическом жанре, с неоднозначной авторской оценкой патриархальных основ, с большим вниманием к нравственным сторонам конфликта, к современным его особенностям.

У Шукшина прежде всего и во всём – доверие реальности, с годами крепнущее убеждение, что только полнотой правды, как бы горька ни была она порой, можно звать вперёд, оптимизм, вырастающий из пережитого, обострённого чувства глубокого понимания и положительных, и негативных явлений национальной психологии и быта. Чувства, владевшие Шукшиным, были незащищёнными, но трезвыми, сознающими сложность многих современных ситуаций.

Вечное и современное, земное и духовное, социальное и нравственное опираются одно на другое, переплетаются неразрывно – таков проблемный мир шукшинских произведений.

В мгновения драматические, напряжённые Шукшин как бы стеснялся слова, понимая, что не всё уместно выражать через него, и тогда чисто кинематографическая, пластическая деталь, жест актёра вмещали целые страницы диалогов, описаний. Незабываемы в фильме «Калина красная» эти жесты-монологи натруженных тяжёлых рук Егора, то судорожно вцепившихся в траву на пригорке, то нежно глядящих белые стволы берёз...

Вопросы, над которыми он бился, редко были ясны ему до конца, и он это, не таясь, выкладывал. Более того, им владела какая-то тяга к раздумью именно о трудных, нерешённых, не решаемых легко вещах.

Ни один известный в истории мировой мысли философ не ответил бы (да это и не нужно!) на какой-нибудь сиюминутный вопрос, каждый мыслитель ищет ответы на общечеловеческие проблемы... Так и Шукшин. С лёгких, ясных вопросов, ему иногда предлагавшихся, он немедленно соскальзывал в мучительные бездны.

Его суждения полны открытых и осознанных противоречий (легко узнаваемы здесь антиномии великого гуманиста И. Канта), и оттого может показаться, что в работах его нет главного, что делает творчество творчеством, – системности. На самом деле это не так, но сам Шукшин, пожалуй, легко согласился бы с такой оценкой – и по его всегдашней склонности сосредотачиваться на собственных слабостях, и по тому, что его публицистика *внешними* признаками действительно напоминает мозаику: это либо статьи, написанные по заказам редакций, а значит, каждый раз по новому, извне продиктованному поводу; либо беседы, где вопросы интервьюеров тоже попадают к тебе извне. Высказывания Шукшина исходят не из системы изучения того или иного вопроса, как это принято у публицистов, а именно из ситуации: обсуждается фильм, попалась книжка, пришёл корреспондент, прислали письмо или записку...

«... В пёстрой мозаике шукшинского публицистического и кинематографического наследия сокрыта последовательная и глубокая система воззрений. И вот ведь какая странность: сунься к нему при жизни с таким определением – прикрыл бы неловкость

злой издевкой: ещё не хватало! система воззрений! да оставьте вы меня с системами... у меня болит – я пишу, нет у меня никакой системы!..» [Коробов 1977, с. 53].

Более того, Шукшин был, конечно, – по нравственному отношению к вещам – настоящим, прирождённым философом. Но не в западной учёной традиции, когда философ непременно профессионал, и создаёт учение, и даёт своей системе рациональный строй. Шукшин был философ в русской традиции, когда система воззрений выявляется в «окраске» самого жизненного пути, когда она растворена в творчестве и изнутри насыщает, пропитывает его, не кристаллизуясь в «профессорскую» систему. Все крупные русские писатели были философами, не строя систем... Можно даже сказать, что они до той поры и были настоящими философами, пока не строили систем. И уж точно: без глубокого философского переживания подлинное писательство и творчество вообще в России, в сущности своей, было невозможно – оно просто не оставляло заметных следов.

В записках Ф.М. Достоевского находим такую глубокую, и по-библейски, мудрую мысль: «Не люби ты меня, а полюби ты *моё*» – вот что вам скажет народ, если захочет увериться в искренности вашей любви к нему.

Нужны ли комментарии к этим словам, когда другой русский гений М.А. Шолохов говорит так о Шукшине: «Не пропустил он момент, когда народу захотелось сокровенного. И он рассказал о простом, негероическом, близком каждому так же просто, негромким голосом, очень доверительно. Отсюда взлёт и тот широкий отклик, какой нашло творчество Шукшина в сердцах многих тысяч людей...» [О Шукшине... 1979, с. 65].

Впервые как актёр Василий Шукшин выступил в крошечном эпизоде во второй серии «Тихого Дона» у С.А. Герасимова. Он изобразил выглянувшего из-за плетня матроса. Роль микроскопическая. Символично, что Шукшин-актёр начался и завершился Шолоховым.

Пытаясь очертить здесь систему взглядов Василия Макаровича Шукшина, автор, конечно, не собирается исчерпать предмет, но надеется к нему приблизиться. И более всего нам импонирует рассматривать всё творчество художника не просто как произведения различных жанров искусства, а как плод работы ума, последовательно и цепко искавшего ответов на коренные вопросы нашего бытия.

Коренной вопрос Шукшина к реальности: как сохранить, защитить, укрепить достоинство человека?

В меняющемся, текучем, подвижном современном мире.

В ситуации, когда вековые традиции отмирают, а новые ещё не укрепились, как сейчас! В ситуации информационного взрыва, когда человек чуть ли не оглушён воздействием массовых коммуникаций, когда само Искусство, сама русская Литература превращаются во что-то совершенно новое и невиданное.

В этом динамичном, стремительно обновляющемся мире, на что опереться человеку внутри себя?

И Шукшин делает именно то, что должен делать писатель своего народа, прирождённый философ его и искатель правды, – он делится своей болью.

Да, это не ответ на вопрос. Смешно вообще ожидать, что одному человеку, будь он семи пядей во лбу, – посильно ответить на извечно русские вопросы.

Имя Шукшина-публициста, знатока человеческого характера, останется в истории нашей общественной мысли 60–70-х гг. Каково его место в ней? Его вклад? Его тема?

А вот то самое: боль. Нет боли душевной – значит, и живого нет в людях. Кто-то же должен всё время говорить об этой боли, напоминать о ней.

Он размышляет о социальной ориентации человека в изменившемся мире.

Можно определить эту тему и под углом зрения нравственности: речь идёт об этическом обеспечении личности на очередном этапе нашего общественно-исторического развития.

Вся наша литература думает над этим. Шукшин стоял на главном направлении.

Наконец, последнее: его взгляды на роль литературы и искусства в этическом воспитании современного человека.

Работая на стыке литературы и кино (в самые последние годы, когда Шукшин начал писать для сцены, сюда прибавился и театр), он всё время сопоставлял эти сферы, сравнивал их возможности. Драматизм его раздумий имел источником отнюдь не теоретические балансы, равновесие которых часто позволяет строить искусствоведческие модели, где каждому жанру бесстрастно отдаётся должное, – здесь диктовало другое: практические решения, которые Шукшин пытался принимать со страстью максималиста.

«... Литература или кино? Он не разделял обычной для кинематографистов уверенности во всеилии экрана, прекрасно понимая, к примеру, что никакая экранизация никогда в принципе не достигнет духовной глубины и тонкости классического подлинника. Не в силах отказаться ни от того, ни от другого, Шукшин терзался чуть ли не гамлетовскими сомнениями и всё же не решался сделать окончательный выбор, потому что не терял надежды “убить двух зайцев”: соединить беспредельную глубину духовной правды с мощью воздействия этой правды на огромное количество людей, коей обладает кинематограф. Шукшин так и не сделал выбора. Он не решил для себя “жанровой проблемы”; его крайние идеи на этот счёт не могут быть признаны бесспорными (например, заведомое отрицание экранизаций классики). Однако своими раздумьями Шукшин обозначил некий “жанровый идеал”, который – в соединении с его собственной художественной практикой, получившей, как известно, признание и у знатоков, и в широких кругах народа, – может стать существенным ориентиром для современной теоретической эстетики...» [Сагатчук 2009, с. 103].

Но жанровая проблема для Шукшина – не самое существенное.

Самое главное – соотношение этических целей и эстетических средств в искусстве.

Шукшин и эту проблему решал со страстью максималиста и решал в одну сторону: в пользу целей.

Шукшин не хочет думать о зрителе как о зрителе. Ракурс, нажим, приём, форсаж – он отрицает всё это, ибо рассуждает не по логике зрелища, а по логике прямой нравственной исповеди. Нажимать на зрителя нельзя потому, что это нечестно... Позиция Шукшина глубоко понятна и достойна уважения, но она опять-таки не универсальна. Шукшин верит, что если не кривить душой, то всё, что касается эстетики и профессиональности, делается как бы само собой. Эта последовательно отстаиваемая позиция приводит Шукшина к формуле, в которой решающие для него понятия замыкаются сами на себе в простом и самодостаточном тождестве: «Нравственность есть Правда».

Спорить с этой формулой невозможно – она бесспорна, потому что во многом отвлечённа. Можно поменять понятия местами, и опять получится бесспорно. «Минующая эстетику» система воззрений вряд ли может сработать за пределами творческой практики самого Шукшина: он эту систему вырабатывал, исходя из своих возможностей. Так ведь нужно обладать врождённым чувством формы, нужно, подобно Шукшину, быть природным художником, нужно «от Бога» иметь интуицию мастера, чтобы позволить себе не заботиться обо всём этом и сразу же ориентироваться на такое высокое светило, как Правда! Но если убрать из этой формулы шукшинский нерв, – получим расслабленные исповеди «ли-

рических героев», которые как раз в ту пору – в конце 60-х гг. – разговорились в нашей прозе: в этих разговорах было полно слов и о Нравственности, и о Правде, и было даже искреннейшее желание постичь и то, и другое, – но не было духовного сюжета, не было драматизма судьбы, не было проблемной резкости. Здесь с готовностью «утонули» в лирическом «половодье» и «мастерство», и «профессиональные секреты»... [Фомин 1976, с. 51].

Так что в эстетических его воззрениях ни в коем случае не следует видеть универсальную истину. Эти воззрения есть версия конкретной практики, и роль их в нашей эстетической теории может быть конкретно-практическая: высечь истину в столкновении с другими версиями.

Какова же эта роль? Каково может быть место шукшинской апологии Правды – Нравственности в сложном организме нашего искусствоведения?

Есть такое правило: дальше уходишь – чаще оглядываться.

Усложняется реальность – усложняется искусство. Никто не остановит развитие эстетики, которая всё дальше и дальше будет забираться в тонкости «профессиональных секретов», «завязок-развязок», систем стилистических, знаковых и иных ещё неведомых – систем воздействия на читателя-зрителя вплоть до продуманного манипулирования им. Однако по мере дифференциации эстетических знаний, в сфере которых человек предстаёт лишь как индивид, растёт и нужда в непрерывном осознании человека как личности. Когда он осознаётся не как объект воздействия, а как субъект, не как «воспринимающий механизм», а как целостный микрокосм, не как частица в круговороте жизни, а как средоточие её смысла: её Правды, её Нравственности.

На каждом новом этапе своего усложнения эстетика должна находить новые слова для этого непрерывного возврата к личности, к целостному духовному плану в человеке. Именно так нашёл эти слова Василий Шукшин.

Да, он не хотел думать о зрителе, который усаживается перед экраном в ожидании «шедевра», но именно потому не хотел, что постоянно думал об этом зрителе как о человеке, жизнь которого решается отнюдь не во время киносеансов.

Вот поразительный, ежесекундно осязаемый нерв шукшинских раздумий: а вдруг слово его не достигнет в человеке того личностного ядра, к которому адресовано?

Не о впечатлении читательском или зрительском думает, не о потрясении от увиденного или прочитанного, а туда, в корень устремлён, в суть бытийную, в реальность, которая за текстом, за сценой, за пленкой, за писательством, за художеством... [Толчёнова 1982, с. 47].

И от этой устремлённости в корень души человеческой – уникальность Шукшина – художника, у которого деловое обсуждение жгучих проблем современности преобразуется в исповедь о смысле бытия и окрашивается страстью большого мастера.

Как окрашивается этим исканием смысла всякая книга его. Всякая роль. Всякая лента. Это и есть Василий Шукшин.

«... Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвёл в степень уважения такие человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совесть, доброту...

Мы из всех исторических катастроф вынесли и сохранили в чистоте великий русский язык... Уверуй, что всё было не зря: наши песни, наши сказки, наши невероятной тяжести победы, наши страдания – не отдавай всего этого за понюх табаку... Мы умели жить. Помни это. Будь человеком...» [Сагатчук 2009, с. 117].

Шукшин оказал не только эстетическое, замкнутое в границах профессиональных интересов, влияние на современных ему художников, например, приход в кинорежиссуру

актёров Н. Губенко и С. Никоненко, а ещё явился нравственным, этическим эталоном для многих, кто связал свою судьбу с искусством. Здесь шукшинская жизнь, его творческое самосожжение – ради выражения правды о людях – отразили одну из существеннейших традиций, свойств русского искусства, особенно русской классической литературы.

Прозаик Шукшин не скрывает своего отношения к выведенным им героям. Кинорежиссёр и актёр Шукшин поступает точно так же. Его картины пристрастны, они всякий раз провоцируют зрительскую реакцию. Эти фильмы рассчитаны на живой контакт с аудиторией. Этот кинематограф – изначально национален. Шукшин – подлинно национальный творец.

Шукшин рос как художник вместе с видеоизменениями, обновлением языка искусства, в том числе и киноискусства.

Кинематограф Шукшина сумел постичь существенные стороны правды жизни. В этом его универсальность. В этом его новаторство.

Есть ли сегодня в вопросах искусства кино свой путь у России? Думается, всегда был и должен быть: оставаясь мировой кинематографической державой, наша страна, как и во многом другом, шла собственным путём, и очень часто именно он приводил к великим победам – история тому подтверждение!

Литература

1. Коробов В.И. Василий Шукшин. Творчество. Личность. М.: Сов. Россия, 1977. 192 с.
2. О Шукшине: Экран и жизнь / сост. Л. Федосеева-Шукшина, Р. Черненко; предисл. С. Герасимова. М.: Искусство, 1979. 335 с., ил.
3. Сагатчук С.П. Феномен художественной правды в советском киноискусстве второй половины XX века (на примере творчества В.М. Шукшина): дис. ... канд. филос. наук. М., 2009. 179 с.
4. Толчёнова Н.Т. Слово о Шукшине. М.: Современник, 1982. 160 с.
5. Фомин В.И. Пересечение параллельных. М.: Искусство, 1976. 375 с., ил.

УДК 391

Актуальные проблемы сохранения и репрезентаций традиционного костюма как транслятора этнокультурных традиций украинских и белорусских переселенцев в Приморье

Ирина Владимировна Стрельцова

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН
i-strel@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы сохранения и репрезентаций традиционного костюма украинцев и белорусов Приморья на современном этапе. Исследуются формы функционирования народного костюма в современном обществе, методы и технологии его реконструкции, способы моделирования этногра-

фических костюмов, варианты сценических костюмов участников фольклорных коллективов, конструирование современной одежды на основе народных традиций.

Ключевые слова: традиционный костюм, украинцы, белорусы, этнокультурные традиции, Приморье.

Actual Problems of Preservation and Representation of the Traditional Costume as a Translator of the Ethno-Cultural Traditions of Ukrainian and Belarusian Settlers in Primorye

I.V. Strel'tsova

Institute of History, Archaeology and Ethnology
of the Peoples of the Far East, FEB RAS

The article deals with the problems of preservation and representation of the traditional costume of Ukrainians and Belarusians of Primorye at the present stage. The author analyzes the forms of functioning of the folk costume in modern society, highlighting technologies for the reconstruction of the traditional costume, methods for modeling ethnographic costumes, variants of stage costumes for members of folklore groups, as well as the design of modern clothes based on the folk costume.

Keywords: traditional costume, Ukrainians, Belarusians, ethno-cultural traditions, Primorye region.

В формировании восточнославянского населения юга Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в. особое место принадлежало украинским и белорусским переселенцам. Именно они составляли основу крестьянской колонизации региона. В начале освоения дальневосточных земель традиционная одежда, привнесённая из мест выхода, была неотъемлемой частью народно-бытовой культуры украинцев и белорусов, которую они по возможности старались воссоздать на новом месте. Претерпев различные трансформации на протяжении XX в., традиционный костюм получил новый виток развития на фоне этнического ренессанса в конце XX – начале XXI в. Выступая транслятором этнокультурных традиций украинцев и белорусов, аккумулирующим в себе разнообразные национальные, этнические, социокультурные реалии, традиционный костюм не утратил своей актуальности и в настоящее время. На волне возросшего интереса к народной культуре, всплеска этнической самоидентификации, традиционный костюм стал активно использоваться участниками фольклорных коллективов и национально-культурных общественных организаций. На современном этапе к теме народной одежды постоянно обращаются в контексте музейной и выставочной практики, декоративно-прикладного искусства, в сфере туризма и моды.

Несмотря на многообразие форм традиционного костюма, проблема его использования и репрезентаций в современном мире стоит достаточно остро. Это, прежде всего, связано со сменой культурной парадигмы и утратой естественной среды бытования народного костюма. Не последнюю роль в этом вопросе играет недостаточная информированность общественности о региональной и локальной специфике традиционной одежды, что зачастую приводит к её упрощённому восприятию и в конечном счете формирует ложное представление о ней. В решении данной проблемы большое значение имеет научно-просветительская работа, реализация которой предполагает проведение научно-практических конференций, семинаров, круглых столов, освещающих широкий спектр вопросов, связанных с этнорегиональными особенностями традиционной культуры.

Важную роль в вопросах сохранения и популяризации традиционного костюма играет музей. Обладая научно-исследовательским, культурологическим и просветительским потенциалом, эта организация способна выступать не только в роли хранителя, но и в качестве

транслятора этнокультурного наследия. Этнографические коллекции, отражающие традиционный уклад отдельных этнических групп, представляют особую культурную, историческую и информационную ценность. Это в полной мере относится к аутентичному костюму восточнославянских народов в его региональном и локальном многообразии. Современные музеи используют разнообразные формы репрезентации этнографических коллекций, в частности традиционной одежды, включая экспозиционно-выставочные проекты, художественные инсталляции, интерактивные способы показа с привлечением мультимедийных средств, издание каталогов. На территории Приморского края этнографические коллекции наиболее полно представлены в фондах Музея истории Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева. Интересные экспонаты, посвящённые одежде переселенцев, встречаются и в небольших краеведческих музеях Приморья, сотрудники которых стараются по возможности разнообразить экспозиции и способы подачи материала. Вместе с тем многие музеи сталкиваются с комплексом проблем, связанных с комплектованием, атрибуцией и экспонированием коллекций, что в конечном счёте сказывается на качестве репрезентации памятников культуры.

Одним из способов сохранения и популяризации различных граней традиционной культуры на базе музея является функционирование специализированных лабораторий, этно клубов, ремесленных центров, работающих в сотрудничестве с музейными структурами. В основу такой формы деятельности положен «принцип этнокультурного пространства», реализующийся посредством включения предметного мира традиционной культуры в современную систему ценностей [Комарова 2002, с. 360]. Из местных музейных подразделений подобного профиля следует отметить лабораторию славянского фольклора и этнографии, долгое время существовавшую на базе Музея истории Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева, сотрудники которой занимались изучением и популяризацией восточнославянской традиционной культуры в Приморье, в том числе исследовали и пропагандировали песенную и инструментальную традиции, календарно-обрядовый фольклор, народный костюм украинцев и белорусов. К сожалению, на сегодняшний день данное музейное подразделение не функционирует.

В настоящее время в Приморском крае представлены многочисленные национально-культурные общественные организации, центры, творческие коллективы, нацеленные на сохранение украинской и белорусской культуры и этнической самобытности. Среди них – Центр украинской культуры им. А. Криля «Горлиця» (г. Владивосток), Приморская краевая национально-культурная общественная организация «Белорусы Приморья» (г. Уссурийск), Спасская украинская национально-культурная автономия «Джерела України» (г. Спасск-Дальний), общественная организация «Сябры Беларусі» (г. Партизанск), Приморский украинский народный хор «Горлиця» (г. Владивосток), народный ансамбль «Свой стиль» (г. Фокино) и др. Немаловажным компонентом работы вышеперечисленных организаций прямо или косвенно является пропагандирование традиционного украинского и белорусского костюма как маркера этнической идентичности.

Перспективным направлением в контексте популяризации традиционного костюма является проектно-выставочная деятельность. Будучи яркой составляющей самобытной культуры украинцев и белорусов Приморья, народная одежда всё чаще становится объектом фестивалей, специальных показов, выставок. Традиционно в конце сентября во Владивостоке проходит фестиваль украинской культуры, организуемый Центром украинской культуры Анатолия Криля «Горлиця». В рамках фестиваля с 2010 г. ежегодно устраивается Дальневосточная Сорочинская ярмарка, где собираются мастера народного творчества

со всего Приморья. Одним из ярких событий мероприятия является театрализованный парад национальной одежды, участники которого с удовольствием демонстрируют традиционный украинский костюм и современные наряды с элементами украинской вышивки. Так, в 2018 г. значимым акцентом фестиваля стал показ национальных костюмов. Запоминающимся событием Юбилейной X Дальневосточной Сорочинской ярмарки в 2020 г. был мастер-класс «Головной убор украинки», который провела О.С. Савчук, ведущий специалист швейной промышленности Хабаровского края, педагог декоративно-прикладного искусства. Активисты украинских и белорусских национально-культурных организаций надевают свои национальные костюмы во время проведения таких значимых мероприятий, как ежегодный Конгресс Ассамблеи народов Приморья, традиционный краевой фестиваль «Хоровод дружбы», День единения народов России и Беларуси и др.

В 2019 г. в музейно-выставочном комплексе Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (ВГУЭС) состоялась выставка «Этно-образ», на которой были представлены традиционные костюмы народов России и стран АТР, различные виды проектной графики, зарисовки элементов костюма и орнамента, коллажи и т.д. Основу экспозиции составили этнографические комплексы восточнославянской одежды конца XIX – начала XX в. из личной коллекции автора данной статьи. На базе выставки были проведены тематические занятия, в том числе лекция, посвящённая восточнославянскому костюму, и мастер-класс по ткачеству поясов. Выставка получила большой отклик как среди студентов-дизайнеров одежды, так и среди широкого круга посетителей.

В моделировании традиционного костюма на современном этапе широко используются различные методы конструирования, в том числе реконструкция, копия, реплика. Данные методы успешно применяются как в научных, так и в практических целях для реализации музейно-выставочных проектов, разработки сценической и дизайнерской одежды на основе этнографических образцов.

Реконструкция достаточно давно и плодотворно используется как один из методов этнологии, нацеленный на воссоздание конкретных объектов материальной и духовной культуры различных этносов [Фольклор... 1990]. Кроме того, метод реконструкции традиционного костюма может эффективно использоваться в экспозиционно-выставочной деятельности. Как справедливо отмечает М.Н. Винникова, для достойной демонстрации народной одежды в музейном и выставочном пространстве необходимы не только полные комплексы костюма, но и знания о способах ношения его отдельных компонентов в той или иной локальной местности [Винникова 2013, с. 327].

Реконструкция утраченных вариантов традиционной одежды и способов ношения её компонентов может быть востребована и при создании сценических и представительских вариантов этнических костюмов, а также в практике «ревитализации, т.е. возвращения в аутентичную среду забытых знаний и умений по технологии изготовления различных предметов одежды и способам ношения женских головных уборов» [Винникова 2013, с. 328].

Метод реконструкции активно используется участниками отдельных фольклорных коллективов, различных студий, этнографических лабораторий, работающих в области изучения и воссоздания этнографических реалий. В основе такой работы, как правило, лежит комплексное исследование музейных, фольклорных и полевых материалов, что позволяет создать костюм определённой локальной традиции, максимально приближенный к оригиналу. В процессе изготовления образцов этнографической одежды не только воспроизводится традиционный крой, возрождаются забытые техники вышивки, ткачества, но и зачастую воссоздается основа костюма – домотканое полотно. Среди учёных не

сложилось единого мнения по поводу определения данного способа моделирования традиционной одежды. Некоторые исследователи склонны относить такие работы к копиям, т.е. точным повторениям оригинала [Лобачевская, Зимина 2009, с. 186]. Другие полагают, что создание аналога аутентичного костюма в современных условиях невозможно, поскольку даже при ручном производстве ткани на современном этапе неизбежны несоответствия в качестве исходного материала (нитей, красителей и пр.) [Калашникова 2009, с. 98]. Последнее мнение представляется более убедительным, в связи с чем, на наш взгляд, в данном случае уместнее использование термина «реплика», подразумевающего *«воспроизведение оригинального изделия с возможным изменением материала, размера или рисунка»* [Калашникова 2009, с. 99]. Реплики традиционной одежды, выполненные с большой степенью достоверности и исключительным мастерством, являются ценными образцами возрождения традиционных ремёсел и используются для демонстрации на различных выставках и фестивалях традиционного костюма, проводимых в России и за рубежом.

Одним из способов репрезентации традиционной одежды на современном этапе является создание народного сценического костюма. На сегодняшний день можно отметить две основные тенденции в репрезентации восточнославянского костюма, которые напрямую связаны с определённым жанром сценической деятельности. Первая предполагает создание этнографического костюма в соответствии с особенностями локальной традиции. Такого пути придерживаются участники фольклорно-этнографических коллективов, которые занимаются комплексным исследованием местной традиционной культуры, включая изучение локальной песенной, инструментальной и танцевальной традиции, а также регионального костюма. Среди подобных коллективов в Приморье можно назвать ансамбль народной музыки «Традиция», который долгое время базировался при лаборатории Славянского фольклора и этнографии Музея истории Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева. Костюмы в таких коллективах, как правило, изготавливают сами участники, используя традиционные приёмы кроя, вышивки, ткачества и т.п. Выступление фольклорно-этнографических коллективов зачастую строится на живом общении с публикой, вовлечении зрителей в праздничное действие. Такой подход воссоздаёт атмосферу праздничного гуляния, в котором все присутствующие становятся полноправными участниками праздника. Особенность костюма участников подобных коллективов заключается в максимальной достоверности и соответствии аутентичным образцам местной традиции.

Вторая тенденция заключается в стилизации традиционного костюма, которая предполагает разработку сценического костюма по народным мотивам. Данному направлению следует большинство сценических коллективов в Приморье, среди которых можно назвать украинский ансамбль «Горлица» (г. Владивосток), ансамбль «Свой стиль» (г. Фокино), вокальную группу «Экипаж» (г. Находка) и др. В сценической стилистике обычно происходит значительная трансформация традиционного костюма. При создании стилизованных версий, как правило, не учитывается традиционный крой, искажается композиция, декор, утрачиваются этнорегиональные и социо-возрастные особенности. В результате такой стилизации зачастую получается усреднённый вариант костюма, который можно обозначить как *“a synthetic folk costume of unknown region”* («искусственный народный костюм неизвестной местности») [Ignas 2013, с. 206].

Приходится констатировать, что эта тенденция в настоящее время получила повсеместное распространение. Отчасти это связано с тем, что сценический костюм подчиняется законам сцены и требует иного подхода для реализации авторской идеи. Так, для лучшего восприятия сценического костюма на расстоянии, как правило, используется укруп-

нение орнаментальных элементов, придание им большей яркости, контрастности, декоративности. Костюмы танцевальных коллективов, исполняющих народные танцы, согласно сценическим законам, не должны стеснять движений, содержать мелких деталей, тусклых цветов. Вместе с тем большую роль в восприятии сценического образа играет художественная целостность этнического костюма и аксессуаров (пояс, головной убор, украшения), а также их соответствие конкретной ситуации и определённой возрастной категории. Таким образом, в разработке сценического народного костюма следует учитывать большое количество нюансов, руководствуясь не только эстетическим вкусом, жанровой и сценической стилистикой, но и знанием этнокультурной специфики.

Одним из перспективных направлений работы с традиционным костюмом в наши дни является дизайнерская разработка современных видов одежды на основе старинных форм и технологий. Неслучайно Ф.М. Пармон призывал художников-конструкторов современной одежды в своей творческой деятельности использовать в качестве первоисточника традиционный костюм, видя в нём «богатейший художественно-конструкторский источник творчества» [Пармон 2012, с. 8]. Современные дизайнеры нередко обращаются к этническому компоненту, черпая в нём новые идеи для творчества. Дизайнерская разработка отличается отсутствием каких-либо догм, стереотипов, строгих правил. Напротив, такой подход предполагает переосмысление традиционных приёмов работы с текстилем, авторские эксперименты, создание новых художественных образов. При использовании данного метода допускается замена материала, ниток, поиск новых фактур, цветовых и конструктивных решений.

Важную роль в подготовке специалистов, работающих в данном направлении в Приморском крае, играет ВГУЭС. В профессиональном образовании дизайнеров действует программа по изучению истории костюма, в процессе реализации которой студенты разрабатывают авторские модели одежды в этническом стиле. В 2018 г. в рамках проекта «Этностиль Приморья» прошёл одноимённый фестиваль в г. Находка, на котором были представлены конкурсные работы в номинациях «Этнографика», «Этнодекор», «Этномотивы в аксессуарах и элементах повседневного костюма», «Этностиль в промышленном дизайне». Важно отметить, что, помимо широкого круга любителей, в конкурсе приняли активное участие опытные модельеры, мастера декоративно-прикладного творчества, студенты университета под руководством доцента кафедры дизайна и технологий ВГУЭС, члена Приморского отделения Союза дизайнеров РФ О.Н. Даниловой.

Приведённые данные свидетельствуют о большом потенциале традиционного украинского и белорусского костюма в его использовании на современном этапе. Сферы применения разновидностей традиционного костюма с учётом общественного интереса варьируются от реконструкций и разработок реплик аутентичной одежды до создания разнообразных вариантов сценического костюма и проектирования современной одежды в этническом стиле. Для изучения, сохранения и популяризации традиционного костюма украинских и белорусских переселенцев как объекта культурно-исторического наследия наиболее эффективной представляется скоординированная деятельность научно-исследовательских, культурно-просветительных, музейно-выставочных и образовательных центров.

Литература

1. Винникова М.Н. Реконструкция локальных вариантов традиционного белорусского костюма с использованием материалов из собраний музеев России и

Беларуси // Сб. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Рос. акад. наук / отв. ред. А.А. Новик. СПб.: Наука, 2013. Т. 58. С. 325–359.

2. Калашникова Н.М. К вопросу о дефинициях: реконструкция – копия – реплика костюма // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2009. Т. 186. С. 97–100.

3. Комарова С.В. Этноклуб «Параскева» в Российском этнографическом музее: 10 лет сотрудничества // Музей. Традиции. Этничность. XX – XXI вв. СПб.; Кишинёв: Nestor-Historia, 2002. С. 359–367.

4. Лобачевская О.А., Зимица З.И. Белорусский народный костюм. Минск: Беларус. навука, 2009. 279 с.

5. Пармон Ф.М. Русский народный костюм как художественно-конструкторский источник творчества. М.: Изд-во В. Шевчук, 2012. 272 с.

6. Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры: сб. науч. тр. Л.: Наука, 1990. 232 с.

7. Ignas K. The Przeworsk Traditional Costume in the Folk Costume Exhibition in the Przeworsk Museum vs. 'Przeworsk dress' as a Stage Costume Used by Local Folk Performers // Folk Dress as a Cultural Phenomenon. Wrocław: Polish ethnological society, 2013. P. 191–208.

УДК 378.147

**Духовное развитие личности студентов
педагогических учебных заведений
в ходе проектной деятельности**

Надежда Александровна Тимошкина

Московский педагогический государственный университет
nad-timoshkina@yandex.ru

В статье рассматривается актуальность духовного развития школьников и студентов педагогических учебных заведений средствами театральной деятельности. Показана роль учебных исследовательских проектов в духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения. Раскрыта основная задача театрального искусства в связи с проблемой трансляции культурного наследия.

Ключевые слова: духовное развитие, театр, театральное искусство, проектная деятельность, учебный исследовательский проект.

**Spiritual Development of the Personality of Students
of Pedagogical Educational Institutions
in the Course of Project Activities**

N.A. Timoshkina

Moscow Pedagogical State University

The article considers the relevance of the spiritual development of schoolchildren and students of pedagogical educational institutions by means of theatrical activity. The role of educational research projects in the spiritual

and moral education of the younger generation is shown. The main task of theatrical art in connection with the problem of broadcasting cultural heritage is revealed.

Keywords: spiritual development, theater, theatrical art, project activity, educational research project.

Одним из основополагающих вопросов, с которым сталкивается любое современное общество, является проблема духовного развития личности. Духовное развитие человека, обогащение его внутреннего мира невозможно представить без знакомства с культурным наследием разных народов, с творческими достижениями известных людей в разных областях искусства, с художественной деятельностью талантливых личностей и коллективов. В поисках духовной пищи люди посещают музеи, галереи, читают книги, смотрят познавательные передачи и ходят в театры [Колычева 2020].

Многие считают посещение театра развлечением, которое отвлекает человека от повседневных забот и даёт ему мощный эмоциональный заряд, однако театр также влияет на образ мышления личности и способствует расширению её кругозора. Театральное искусство предполагает передачу чувств и мыслей при помощи движений актёров, посредством слов, пения, жестов, танца и мн. др. Театр – это вид искусства, который имеет очень сложную историю.

Театр – это то искусство, которое в первую очередь учит быть человеком, чувствовать и сопереживать. Ничто так, как театр, не оказывает на людей сильное эмоциональное влияние. И только театр может дать заинтересованному человеку живое восприятие действительности. Он одаривает своих зрителей истинными ощущениями и эмоциями [Иванов 2020].

К сожалению, современный человек всё реже посещает театры. И дело здесь даже не в сложной эпидемиологической ситуации. Проблема, на наш взгляд, заключается в утрате театральной культуры молодёжью. Дети и подростки искренне не понимают, что может быть интересного в театре. На примере учебного проекта «Мир театра» рассмотрим, как можно организовать работу по духовному развитию подрастающего поколения.

Целью учебного исследовательского проекта «Мир театра» является развитие заинтересованности студентов педагогических учебных заведений в изучении основ театрального искусства. Ведь от того, насколько будет любить театр учитель, во многом зависит, полюбят ли его ученики.

Задачи проекта:

- узнать, как часто посещают театры студенты, выяснить, что они знают о театре;
- познакомить с видами театров;
- более подробно рассказать о кукольном театре;
- создать кукол для школьного театра.

Проектная работа проводилась в три этапа.

На подготовительном этапе авторы проекта изучали теоретический материал по теме исследования, а также вопросы организации посещения театров и проведения экскурсий в них.

После того, как была собрана необходимая информация, в учебной группе был проведён опрос. В опросе приняли участие 20 человек.

Студентам были заданы следующие вопросы:

1. Вам нравится ходить в театры?
2. Какие театры Вам известны?

Анализ опроса показал, что большей части группы (15 чел.) нравится посещать театр. Но в основном студенты называют самые известные Большой (20 чел.) и Малый (18 чел.) театры.

В ходе основного этапа проекта было запланировано посетить с экскурсией театр им. Е. Вахтангова для воспитания и привития любви к искусству, провести внеклассное мероприятие и мастер-класс для расширения и обогащения знаний студентов о волшебном мире театра.

Задачи:

1. Расширить знания студентов о разновидностях театров.
2. Познакомить с историей театра кукол.
3. Рассказать о разновидностях театральных кукол.

На внеклассном мероприятии, проведённом авторами проекта, студенты узнали, что театр является формой исполнительского искусства. Он включает в себя музыку, архитектуру, живопись, кинематограф, фотографию и т.д. Основным средством выразительности является актёр, который через действие, используя разные театральные приёмы и формы существования, доносит до зрителя суть происходящего на сцене.

Российский театр далеко не сразу стал считаться одним из лучших в мире. В России театральное искусство в обычном понимании возникло позже, чем в большинстве европейских и азиатских стран. Но зато известно, что по Древней Руси путешествовали скomorохи и уличные музыканты. Они давали комедийные представления, рассказывали сказки и былины за вознаграждение [Романова 2020].

Существуют самые разные виды театра:

- драматический театр,
- оперный театр,
- театр зверей,
- театр абсурда,
- театр кукол,
- уличный театр и др.

Для более детального изучения специфики театральной жизни была организована экскурсия в театр им. Е. Вахтангова. Экскурсия по театру называлась «Прошлое и настоящее». Экскурсовод рассказала студентам об истории театра, как театр существовал во времена Великой Отечественной войны. Ребятам показали платья и наряды, в которых выступали актёры театра, рассказали, как проходят репетиции, а также о некоторых произведениях, которые ставятся в театре. Участники экскурсии побывали в гримёрных и даже смогли выйти на сцену Малого зала. Это было просто потрясающая и незабываемая экскурсия.

Одним из наиболее ярких видов театра можно назвать театр кукол. Поэтому дальнейшее знакомство будущих учителей с особенностями театра включало в себя рассказ о специфике театра кукол и мастер-класс по их изготовлению.

Со времён своего появления театр кукол был народным зрелищем. Спектакли разыгрывались на ярмарках, площадях и в других местах скопления простых людей. За сотни лет существования кукольных театров в них произошли перемены, появились новые герои.

Сегодня даже не самый просвещённый зритель однозначно понимает, что успешность кукольного театра обеспечивает в первую очередь кукла. Куклы и сами по себе ин-

тересное явление в человеческой жизни. А куклы, которые двигаются и говорят, можно смело отнести к разряду чудес. Вместе с тем, куклы – это ещё и актерский инструмент, управляемый разными способами. Это и есть главный отличительный признак театральной куклы.

Различают следующие виды театральных кукол: теневая, верховая (делится на перчаточную, тростевую и пальчиковую), марионетка, великан, кукла-автомат.

Самым известным театром кукол в нашей стране можно назвать Государственный академический Центральный театр кукол им. С.В. Образцова. Он был создан при Центральном Доме художественного воспитания детей 16 сентября 1931 г. Великолепные металлические часы, украшающие фасад театра, стали его «визитной карточкой».

В ходе мастер-класса студенты учились изготавливать игрушки на конусной основе.

Авторы мастер-класса подготовили для своих товарищей следующее оборудование: цветную бумагу, картон, фломастеры, циркуль, линейки, ножницы.

Этапы выполнения:

1. Циркулем рисуем на картоне круг диаметром 16 см.
2. Круг делим пополам.
3. Из половины круга сворачиваем конус, концы склеиваем клеем.
4. Рисуем следующий круг диаметром 8 см.
5. Делим его пополам, сворачиваем конус.
6. Приклеиваем маленький конус поверх большого.
7. Вырезаем из цветной бумаги полоску 2х10 см.
8. От края отступаем 1 см, проводим линию на полоски, и вниз делаем маленькие частые разрезы.
9. Кладём полоску перед собой (не цветной стороной к себе) и с помощью карандаша начинаем накручивать маленькие разрезанные полоски, помогая руками.
10. Приклеиваем получившиеся волосы вокруг маленького конуса, отрезаем лишнее.
11. Рисуем лицо нашей кукле фломастерами.
12. Берём цветную бумагу, вырезаем квадрат размером 4х4, из него вырезаем полуoval – это фартук нашей кукле.
13. Приклеиваем его.
14. Делаем веревочки к фартуку, вырезаем 2 полоски, размером 5х0,5. Приклеиваем их к фартуку
15. Украшаем фартук по своему усмотрению.

В итоге получились яркие и необычные куклы.

Целью заключительного этапа проекта стало выявление знаний, полученных на более ранних этапах проекта. Для этого был проведён опрос, в котором участвовали все студенты учебной группы.

Студентам были заданы следующие вопросы:

- Какой театр вам больше всего понравился?
- Какие куклы вам больше запомнились?
- Вам понравился наш мастер-класс?
- Использовали бы вы этот мастер-класс в работе с детьми?

Результаты опроса показали, что большинству студентов группы понравился театр теней (его выбрали 16 чел. из 20). Из кукол, о которых рассказывали авторы проекта, сту-

денты выбрали куклы-автоматы (18 чел.). Практически всем (19 чел.) понравился мастер-класс, который в дальнейшем ребята хотели бы использовать в своей работе.

Обобщая результаты исследовательского проекта «Мир театра», следует отметить, что такая работа, организованная в учебной группе, несомненно, способствует духовному развитию будущих учителей. Студенты – авторы проекта с удовольствием искали информацию о различных видах театра, самостоятельно организовывали мероприятия. Та часть студентов, которая была в роли слушателей и участников проекта, включилась в творческий процесс и почерпнула для себя много нового и интересного. Каждый из студентов, участвовавших в данной работе, сможет в своей будущей педагогической деятельности применить полученные знания и опыт.

Так, для детей младшего возраста, начинающих заниматься театральной деятельностью, наиболее эффективны различные игры. Например, можно провести игры-импровизации по народным сказкам, детским стихам, басням. Работа со сказочным материалом способствует активизации внимания, воображения, терпения, смекалки, сопереживания и является источником вдохновения для театрализованной игры. Во время театрализованной игры педагог направляет детей, обращает их внимание на проявления товарищества, доброжелательности, справедливости, толерантности [Садреева 2015].

В последние годы очень популярными в образовании и социокультурном проектировании являются интерактивные методы. Важной и востребованной новой образовательной интерактивной технологией является квест. Квест оказывает неоценимую помощь педагогу, создателю проектов, предоставляет разнообразить образовательный и социокультурный процесс, сделать его необычным, запоминающимся, увлекательным, весёлым, игровым для всех участников.

Использование интеллектуально-познавательных игр, таких как квест, является эффективным средством активизации познавательного интереса к истории и традициям своего города. Квесты могут быть образовательными, с различными вариациями сюжета:

- Квесты по театрам, например квест-игра «История Большого театра». Данный квест может быть использован в образовательных целях на уроках как в начальной, так и старшей школе.

- Квест «Театральные прогулки», в ходе которого участники знакомятся с основными датами, памятными местами, зданиями в родном крае.

- Квест «Былое. Только на фотографиях» знакомит участников со зданиями, которые не сохранились до нашего времени, их культурной ценностью.

В ходе прохождения игры участники квеста смогут узнать важную и интересную информацию о культуре родного края и именах актёров, которые прославили его далеко за пределами не только своей малой Родины, но и России [Шикарева 2021].

В заключение следует отметить, что воспитание театром или воспитание средствами театрального искусства начинается со знакомства с разнообразными элементами театральности и заканчивается формированием живого, непрестанного интереса к ценностям театральной культуры, к её традициям, раскрывающимся в той или иной степени в текущем состоянии театрального процесса.

Литература

1. Иванов М.Ю. Православные ценности и современное театральное искусство // Государство. Общество. Церковь: материалы междунар. науч. конф., Владимир, 18 ноября 2020 г. Владимир: Аркаим, 2020. С. 149–154.
2. Колычева Г.Ю. Духовно-нравственное воспитание и личностное развитие младшего школьника // Актуальные проблемы организации образовательного процесса в начальной школе: сб. науч. ст. Чебоксары: Чувашский гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева, 2020. С. 154–158.
3. Романова К.К. История, теория и практика художественно-творческой и музыкальной деятельности в России и за рубежом. История музея театра в Великобритании и России // Традиции и инновации в сфере художественного образования и культуры: материалы межвузовской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных (с международным участием), Москва, 15 апреля 2019 г. М.: Московский пед. гос. ун-т, 2020. С. 277–280.
4. Садреева Ф.И. Художественное образование детей и подростков в детских театральных коллективах // Государственная культурная политика и образование как часть стратегии национальной безопасности Российской Федерации: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Казань, 15–16 октября 2015 г. Казань: Казанский гос. ин-т культуры, 2015. С. 160–162.
5. Шикарева М.Р. Квест-игра «театральное искусство в Курске» // Художественное и художественно-педагогическое образование: анализ прошлого, оценка современного и вызовы будущего: Международная научно-практическая конференция, посвящённая памяти учёного, педагога, художника – Н.К. Шабанова, Курск, 27–28 апреля 2021 г. Курск: Курский гос. ун-т, 2021. С. 507–512.

УДК 738.1(510)

Проблемы терминологии при исследовании традиционного фарфора Цзиндэчжэнь

Чжан Цзин

Белорусская государственная академия искусств
k475884741@gmail.com

В статье проводится сравнительный анализ китайской и европейской искусствоведческой терминологии по фарфору. Из-за существенных лингвистических и культурных различий термины, используемые в Китае и в странах Запада, как правило, не имеют между собой прямых соответствий. Терминологический аппарат европейских исследователей не отражает технико-технологическую специфику производства фарфора на родине этого искусства – в Цзиндэчжэне. Система терминов, исторически сложившаяся в процессе коллекционирования и изучения традиционного фарфора Цзиндэчжэнь, требует научного анализа и корректировки.

Ключевые слова: Цзиндэчжэнь, терминология, фарфор, традиционная культура.

Problems of Terminology in the Study of Traditional Jingdezhen Porcelain

Zhang Jing

Belarusian State Academy of Arts

The article provides a comparative analysis of Chinese and European terminology on porcelain used in art history. Due to significant linguistic and cultural differences, the terms used in China and in Western countries usually have no direct correspondence between them. The terminological apparatus of European researchers does not reflect the technical and technological specificity of porcelain production in the homeland of this art – Jingdezhen. The system of terms, historically developed in the process of collecting and studying of traditional Jingdezhen porcelain, requires scientific analysis and correction.

Keywords: Jingdezhen, terminology, porcelain, traditional culture.

История формирования терминологии фарфора в китайском языке уходит корнями в глубокую древность. В древнем трактате «Као Гун Цзи» («Записки об исследовании ремёсел»), восходящем к периоду Чуньцю (середина 1 тысячелетия до н.э.) зафиксирован ряд понятий, связанных с керамическим производством [Чжан 2017]. Например, существовал специальный термин для обозначения формы «керамический котёл-треножник» *янь* (甗, *yǎn*). Этот предмет, древняя разновидность современной пароварки, имел два отделения (внизу – для варки на огне, вверху – для варки на пару), а дно сосуда имело множество отверстий для прохождения пара. Особым словом называет трактат и «керамический треножник» *зе* (甑, *gè*) – кастрюлю для приготовления пищи или жарки и др. Эти термины очень поучительны: исследуя терминологию фарфора, следует прежде всего учитывать её древность и тесную связь с традиционной китайской культурой.

Научную базу для развития специальной современной терминологии по фарфору составляют разработки китайских учёных-лингвистов. Фэн Чживэй во «Введении в современную терминологию» даёт терминам следующее определение: «согласованные символы, которые выражают или определяют профессиональные концепции посредством речи или текста» [Фэн 2011, с. 29]. Множество профессиональных терминов, снабжённых точными определениями и охватывающих многие дисциплины и области, такие как искусство, философия, история, медицина, наука, религия и др., содержится в двух важнейших толковых словарях китайского языка: «Ци Юань» («Источники слов») [Лу 1915] – первом крупномасштабном китайском словаре, который составил в 1908–1915 гг. Лу Эркуй, и в классическом энциклопедическом словаре Шу Синьчэна «Ци Хай» («Море слов») [Шу 1936].

С 1950 г. в Китае действует Рабочий комитет по унификации академических терминов, который состоит из пяти групп: группа по искусству, группа по естественным наукам, группа по медицине и здравоохранению, группа по социальным наукам и группа по текущим вопросам и литературе. Кроме того, в 1980-х гг. в Китае был создан Национальный технический комитет по стандартизации терминологии. В 2017 г. была разработана «Стандартизованная терминологическая база для перевода с китайского на иностранный язык», которая обеспечивает стандарты для иностранного перевода терминов с китайской спецификой.

Тем не менее совершенно разные языковые системы и огромные культурные различия между Китаем и Европой привели к множеству терминологических проблем при изучении традиционных видов фарфора Цзиндэчжэнь. Например, узор *лун* (龍, *lóng*) является важным декоративным узором в традиционном фарфоре Цзиндэчжэня. Для описания это-

го мотива европейские коллекционеры используют слово «дракон». Однако здесь возникает несоответствие из-за несовпадения самих понятий «лун» и «дракон». Эти фантастические существа мало похожи друг на друга, ведь у китайских драконов нет крыльев, а у европейских драконов крылья есть. Более существенна разница в культурном значении этих традиционных образов. В Китае дракон всегда считался священным и благоприятным существом, китайцы даже называют себя «потомками дракона». А в европейской культуре драконы, как правило, олицетворяют злую силу и в конечном итоге, по сюжетам многочисленных легенд и преданий, должны быть повержены праведными и храбрыми героями. Эти два понятия не эквивалентны по смыслу, религии, культурному происхождению и другим аспектам.

Ещё один источник несовпадений в терминологии кроется в сложности и уникальности технологий изготовления фарфора. В Цзиндэчжэне, столице фарфорового искусства, профессиональные термины зачастую были связаны с технико-технологическим аспектом – химическим составом материалов, температурным режимом обжига и др. Эта информация составляла профессиональный секрет мастеров и просто не могла быть понята покупателями фарфора в далёкой Западной Европе. Поэтому на Западе часто возникали другие слова, обозначающие внешний вид изделий. Во второй половине XIX в. Альбер Жакмар установил широко известную систему классификации фарфора Цзиндэчжэнь династии Цин по «семействам» [Jacquemart 1873]. Жакмар классифицировал фарфор Цзиндэчжэнь по цветовым оттенкам: «чёрное семейство» (*famille noire*), «розовое семейство» (*famille rose*), «зелёное семейство» (*famille verte*).

Несмотря на то, что современные западные знатоки китайского фарфора осознают терминологическую проблему, ситуация продолжает оставаться сложной. Например, авторитетный «Справочник по китайскому фарфору», изданный американским музеем Метрополитен, объясняет: «Китайцы именуют низкотемпературные техники с палитрой *famille rose fencai* (бледные цвета), *guancai* (мягкие цвета), *yangcai* (иностранные цвета) или *falangcai* (эмалевые цвета)» [Valenstein 1989, p. 244]. Таким образом, понятие «розовое семейство» неправомерно применяется к целому ряду традиционных типов фарфора Цзиндэчжэня. Упомянутые в справочнике *фенцай* (粉彩, *fěn cǎi*) и *фалангцай* (珐琅彩, *fà láng cǎi*) – это разные типы. Несмотря на то, что внешне изделия этих типов похожи, у них также есть много различий. Прежде всего, следует отметить, что фарфор типа *фенцай* происходит непосредственно из гончарен Цзиндэчжэня, тогда как география производства *фалангцай* была более сложной: сначала мастера императорских печей Цзиндэчжэня изготавливали изделия с белой глазурью, а затем отправляли фарфор в Пекин, где его расписывали эмалевыми красками придворные художники. Там же, во дворце, повторно обжигали законченные изделия. *Фалангцай* по сравнению с *фенцай* более тонкий и лёгкий, так как первый тип содержит много бора, в то время как второй не содержит бора вообще, но имеет в своём составе свинец стекло и небольшое количество калия.

Фарфор «чёрного семейства» – ещё один европейский термин для фарфора, не отражающий специфику технологии производства. Принято считать, что фарфор «чёрного семейства» является отдельным типом, в то время как на самом деле речь идёт о группе изделий с росписью на чёрном фоне, принадлежащих к типу *сусанцай* (素三彩, *sù sān cǎi*). Наряду с чернофонными, к *сусанцай* следует относить также выполненные в такой же технике изделия с росписью на белом фоне, на жёлтом, на зелёном, на фоне, имитирующем тигриную шкуру и т. д.

И, наконец, наиболее известный тип фарфора – бело-голубой – также требует уточнения терминологии. Распространённый на Западе термин отмечает характерную особенность этого типа – сочетание в росписи синего цвета и белого фона (или наоборот, если декор сделан с резервированием белой поверхности фарфора), но не отражает содержание традиционного китайского названия цин хуа цы (青花瓷, *qīng huā cí*).

В китайском понятии 青花瓷 иероглиф 青 (*qīng*) определяет цвет. Это одно из самых сложных слов для определения цвета в китайском языке. Согласно «Современному китайскому словарю» под редакцией Института языкознания Китайской академии социальных наук, 青 обозначает синий, зелёный и чёрный. [Современный китайский словарь 1996, с. 1028]. Тан Ин в «Иллюстрированном пояснении об обжиге и выплавке» отмечает, что цвет кобальтовой глазури будет иметь разные оттенки, от тёмно-синего до сине-зелёного или голубого, в зависимости от температуры обжига, происхождения кобальтовых пигментов и различных техник окраски [Тан 1993, с. 8–9].

Как показывают рассмотренные нами примеры, при изучении традиционного фарфора Цзиндэчжэнь из-за различий лингвистического, социокультурного и технологического плана в Китае и в странах Запада сформировался целый ряд терминологических несоответствий. Очевидно, что китайская терминология традиционных типов фарфора Цзиндэчжэня в большей мере отражает специфику, технологию и уникальность этого древнего искусства. Европейские исследователи применяют некоторые термины, которые не могут точно отразить суть и особенности произведений. Возникает необходимость плодотворного взаимодействия искусствоведов разных стран. Непрерывно обобщая процесс изучения фарфора Цзиндэчжэнь, объединяя две терминологические системы в единый удобный и научно обоснованный терминологический аппарат, учёные смогут активизировать исследования в этой области, тем самым способствуя культурному обмену между Китаем и Западом.

Литература

1. Jacquemart J. Histoire de la Céramique: Étude Descriptive et Raisonnée des Poteries de Tous les Temps et de Tous les Peuples. Paris: Hachette, 1873. 750 p.
2. Valenstein S.A Handbook of Chinese Ceramics. New York: Metropolitan Museum of Art, 1989. 331 p.
3. 冯志伟. 现代术语学引论. –北京: 商务印书馆, 2011. 599页。 = Фэн Чживэй. Введение в современную терминологию. Пекин: Коммерческое издательство, 2011. 599 с.
4. 陆尔奎. 辞源. –北京: 商务印书馆, 1915. 436页。 = Лу Эркуй. Источники слов. Пекин: Коммерческая пресса, 1915. 436 с.
5. 舒新城. 辞海. –上海: 中华书局, 1936. 1903页。 = Шу Синьчэн. Море слов. Шанхай: Китайское книгоиздательство, 1936. 1903 с.
6. 唐英. 陶冶图说. –北京: 中国书店, 1993. 32页。 = Тан Ин. Иллюстрированное пояснение об обжиге и выплавке. Пекин: Китайский книжный магазин, 1993. 32 с.
7. 现代汉语词典. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. –北京: 商务印书馆, 1996. 1722页。 = Современный китайский словарь / Институт языкознания Китайской академии общественных наук. Пекин: Коммерческая пресса, 1996. 1722 с.
8. 张青松. 巧工造物 考工记 白话图解. –长沙市: 岳麓书社, 2017. 102页。 = Чжан Цинсун. Иллюстрации к беседам о Записках об исследовании ремесел. Чанша: Книжный магазин Юэлу, 2017. 102 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

УДК 811.161.1

Роль «Учебного русско-китайского фразеологического словаря» в формировании коммуникативной и культурной компетенций у китайских студентов

Нина Васильевна Баско

Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова
ninabasko@mail.ru

Словарь представляет собой справочное лексикографическое пособие учебного типа по русской фразеологии. Его можно использовать как средство обучения русскому языку как иностранному с целью формирования коммуникативной и культурной компетенций у студентов из Китая. Опыт использования Словаря в китайской аудитории свидетельствует о его эффективности и практической значимости.

Ключевые слова: учебный словарь, фразеологическая единица, коммуникативная и культурная компетенция.

The Role of the “Educational Russian-Chinese Phraseological Dictionary” in the Formation of Communicative and Cultural Competences of Chinese Students

N.V. Basko

Lomonosov Moscow State University

The dictionary is a reference lexicographic textbook of educational type on Russian phraseology. It can be used as a means of teaching Russian as a foreign language for developing communicative and cultural competences of students from China. The experience of using the Dictionary in the Chinese audience testifies to its effectiveness and practical significance.

Keywords: educational dictionary, phraseological unit, communicative and cultural competence.

«Учебный русско-китайский фразеологический словарь» [Баско, Лай Инчуань, Чанг Джуй Ченг 2016] представляет собой справочное пособие по русской фразеологии учебного типа, что предполагает его использование при обучении русскому языку как иностранному. Словарь содержит свыше 500 фразеологических оборотов русского языка, широко употребительных в материалах современных российских СМИ. Словарь рассматривается как средство, обеспечивающее межкультурную коммуникацию и как источник культурологической информации о России.

Фразеологический оборот, по определению академика Н.М. Шанского, – это «устойчивая и неделимая единица языка, которая используется в готовом виде, которая состоит из двух или более компонентов словного характера, фиксированная (постоянная) по своему значению, составу и структуре. Основным свойством фразеологического оборота является возможность использовать сочетание в готовом виде, которая ограничива-

ет фразеологический оборот от свободного сочетания слов и в то же время сближает его со словом» [Шанский 1985, с. 19–20].

Незнание фразеологизмов, непонимание их значений иностранцами создаёт предпосылки для коммуникативных ошибок и неудач, поэтому обучение русской фразеологии в общем курсе РКИ необходимо для овладения полноценной коммуникацией иностранных студентов на русском языке.

Учебный характер Словаря проявляется в принципах отбора и лексикографического описания фразеологических единиц, в построении словарной статьи и структуре словаря.

Источником для отбора единиц в словник стали материалы современных российских СМИ, отражающие события политической, экономической и социально-культурной жизни. Словник Словаря содержит как исконно русские фразеологические единицы, так и единицы, заимствованные из английского языка (американского варианта). Например, *дорóжная кáрта* – англ. *road map*; *утечка мозгов* – англ. *brain drain*; *хромáя утка* – англ. *lame duck*. Новые фразеологизмы в словаре сопровождаются пометой (нов.): *визитная кáрточка, белый и пушистый, сидеть на нефтяной игле, перекрывать/перекрыть кислород*.

Словарная статья включает следующие компоненты: 1) русский фразеологизм с указанием его лексической и синтаксической сочетаемости: *в шты́ки* принимать, встречать; *бо́к о́бок* работать, трудиться; *идти́ на поводу́ у кого*; *вставля́ть па́лки в коле́са кому*; 2) буквальный (пословный) перевод русского фразеологизма на китайский язык; 3) толкование значения русского фразеологизма на русском языке, сопровождающееся эмоционально-оценочными и стилистическими пометами *ка́мень преткнове́ния (книжн.)*, *идти́ на поводу́ (разг.)*, *вклады́вать ду́шу (одобр.)*, *отклады́вать в долги́й ящи́к (неодобр.)*, и перевод этого толкования на китайский язык; 4) иллюстративный пример из российских СМИ и его перевод на китайский язык; 5) китайский фразеологизм или китайское устойчивое словосочетание, близкое по значению русскому фразеологизму, и его буквальный перевод на русский язык.

Структура словарной статьи и её содержание нацелены на развитие коммуникативных навыков у китайских студентов, на развитие речи в обиходно-бытовой и профессиональной сферах на русском языке, на формирование коммуникативной компетенции у учащихся.

Известно, что фразеологический оборот как особая языковая единица, обеспечивающая коммуникацию, вызывает большие трудности у иностранцев. Эти трудности обусловлены самой лингвистической природой фразеологизмов, их спецификой как коммуникативных единиц. Известный российский фразеолог В.Н. Телия указывала на три характерные особенности фразеологического оборота, вызывающие трудности при использовании их в речи, нарушающие коммуникацию: идиоматичность значения фразеологизма, закреплённость его за определённой ситуацией, оценочность значения фразеологизма [Телия 1993, с. 14].

Рассмотрим последовательно указанные особенности фразеологизмов как коммуникативных единиц, вызывающие трудности у всех иностранцев, изучающих русский язык, включая китайских студентов.

Во-первых, это семантика фразеологического оборота, идиоматичность его значения. Ведь смысл фразеологизма как особой значимой единицы языка не представляет собой сумму значений составляющих его слов-компонентов, поэтому «фразеологический оборот – это всегда секрет, загадка языка. Носители языка знают этот секрет, а для ино-

странцев – это трудная задача» [Баско 2016, с. 43]. Сравните, например, значения таких фразеологизмов, как *бежать впереди паровоза* – опережать естественный ход событий, *закручивать гайки* – ужесточать порядок, требования, правила, *белый и пушистый* – идеальный, совершенный, лишённый недостатков, *ниже плинтуса* – самого низкого уровня, качества.

Другой важной особенностью фразеологизмов как коммуникативных единиц является закреплённость их за определённой ситуацией, в которой фразеологизм обычно употребляется в речи. Например, фразеологический оборот *бежать впереди паровоза*, имеющий значение «опережать естественный ход событий», подразумевает следующую ситуацию: все участники какого-либо процесса действуют одновременно, равномерно, а один из них старается опередить всех, нарушая общий ритм совместных действий. И это вызывает неодобрение или иронию у окружающих.

Ситуация, в которой обычно используется тот или иной фразеологический оборот, как бы предусматривает возможность или невозможность, уместность или неуместность употребления фразеологизма в определённых социальных условиях коммуникации с учётом социального статуса участников коммуникации: их положения в обществе, занимаемой должности, разницы в возрасте или социальных ролей, выполняемых одним и тем же человеком (руководитель, деловой партнёр, друг, глава семьи и др.). Фразеологизмы не просто характеризуют поведение человека, описывают ту или иную ситуацию реальной действительности, а изображают её образно, ярко, наглядно. Опираясь на пометы в Словаре (на лексическую и синтаксическую сочетаемость, на стилистическую характеристику фразеологизма), преподаватель должен объяснять иностранным студентам особенность конкретной ситуации общения и статус участников общения, чтобы правильно употребить тот или иной фразеологический оборот в речи.

И, наконец, следующей особенностью фразеологических оборотов как особых единиц коммуникации является оценочный характер их значения: фразеологические обороты не только обозначают какой-либо фрагмент действительности, но и выражают положительное или отрицательное мнение говорящего о том, что обозначается, дают обозначаемому свою оценку. Оценка – это рационально-логическое суждение о ценности того, что отражено в содержании фразеологизма. Оценка выявляется в контексте мнения членов всего лингвокультурного сообщества («считай, что это хорошо – или плохо»). Например, фразеологизм *держат удар* характеризует человека, который мужественно преодолевает все жизненные трудности, – оценка «и это хорошо», а фразеологизм *сидеть на нефтяной игле* имеет значение «находиться в зависимости от добычи и экспорта нефти» – оценка «и это плохо».

Оценочный компонент семантической структуры есть у большинства фразеологизмов. Опыт работы с иностранными студентами по обучению русской фразеологии показывает, что коммуникативные неудачи иностранцев бывают связаны не только с лексико-грамматическими ошибками, но и с незнанием иностранцами культурных сведений, сложившихся в российском обществе представлений и стереотипов, сформировавшихся оценочных мнений, известных каждому члену русскоязычного коллектива. Например, большое удивление у иностранных учащихся из стран Юго-Восточной Азии вызывает высокая, положительная оценка, заключённая в семантике разговорного шуточного фразеологического оборота *собаку съест* (в чём), имеющего значение «иметь большой опыт, знания, навык в каком-либо деле, хорошо разбираться в чём-либо». Ср.: *Этот студент собаку съел в компьютерах.*

Заметим, что все компоненты словарной статьи учебного фразеологического словаря и имеющиеся пометы – указание на лексическую и синтаксическую сочетаемость фразеологизма, на его эмоционально-оценочную и стилистическую характеристику – ориентируют учащихся на правильное использование русского фразеологического оборота в речи, тем самым способствуя формированию у китайских студентов коммуникативных навыков на русском языке.

Стоит обратить внимание на роль учебного фразеологического словаря в обучении и развитии профессиональной коммуникации иностранных учащихся на русском языке. Не случайно в словарной статье в качестве иллюстративного материала выбраны цитаты из современных российских СМИ, отражающие актуальные проблемы для всего мирового сообщества: политики, экономического сотрудничества, социальной сферы. Не зная русских фразеологических оборотов и их специфики как коммуникативных единиц, китайским специалистам бывает трудно понять российских коллег, бизнес-партнёров, общаясь с ними в профессиональной сфере. На наш взгляд, изучение наиболее значимых для определённых профессий и частотных фразеологизмов должно входить в содержание программы по РКИ для студентов разных специальностей.

Например, среди фразеологизмов, регулярно употребляемых в профессиональном общении в сфере экономики, бизнеса и финансов, выделяется группа фразеологических оборотов терминологического характера, таких, как *голубые фишки*, *золотой парашют*, *потребительская корзина*, *чёрный рынок*, *деловые круги*, *ножницы цен*, *внешняя тара*, *мёртвый капитал*, а также фразеологические обороты разговорного характера, которые используются при общении деловых партнёров в неофициальной обстановке: *ударить по рукам*, *затянуть пояс(а)*, *бить (ударить) по карману*, *вылететь в трубу*, *прибираться к рукам*, *наступить на пятки*, *приказать долго жить*. Разговорные фразеологизмы отличаются экспрессивностью и оценочным характером. Приведём другой пример. В политическом дискурсе широко употребительны фразеологизмы книжного характера: *вступить в силу*, *заложить фундамент*, *камень преткновения*, *вносить вклад*, *пальма первенства*, *хромая утка* и др. Стоит также отметить, что в наше время фразеологические обороты – излюбленный материал для торговой, коммерческой рекламы продукции и услуг фирм и компаний, которые заинтересованы в привлечении покупателей и клиентов.

Важно понимать следующее обстоятельство – использование фразеологических оборотов в речи рассчитано на то, что собеседник также их знает и понимает. Но иностранец не проходит того процесса социализации, что и носитель языка, он получает знания в процессе изучения русского языка как иностранного. В связи с этим важной задачей преподавателя русского языка как иностранного является знакомство учащихся с самыми употребительными фразеологизмами русского языка в обиходно-бытовой и профессиональной сферах, объяснение учащимся правил использования фразеологизмов в речи – указание на лексическую и синтаксическую сочетаемость фразеологизма, на ситуацию употребления фразеологизма, на оценочную характеристику, содержащуюся в семантике фразеологизма. В решении этой задачи помогает информация, содержащаяся в словарной статье учебного фразеологического словаря.

Переходя к вопросу о роли «Учебного русско-китайского фразеологического словаря» в формировании у китайских студентов культурной компетенции, важно вновь подчеркнуть специфику этих языковых единиц.

Уникальность фразеологизмов состоит в том, что, с одной стороны, они являются языковым средством, обеспечивающим в обществе полноценную коммуникацию, с другой стороны, они являются яркими выразителями национально-культурной семантики, отражая стереотипы национально-культурного видения мира: национальные обычаи, традиции народа, детали быта, исторические события. Иначе говоря, фразеологические обороты обладают как коммуникативной, так и культурологической ценностью. Эта особенность фразеологизмов играет важную культурно-познавательную роль в практике преподавания русского языка иностранным учащимся, обогащает их знания о России и русской культуре.

В лингвистике основными признаками фразеологизма считаются идиоматичность значения, устойчивость его структуры и его регулярная воспроизводимость в речи. Однако чрезвычайно важен и культурный компонент, который лежит в основе семантики фразеологизма, и оценка, содержащаяся во фразеологическом обороте. Ведь фразеологизмы в коммуникации выполняют экспрессивную функцию, воздействуя на эмоциональную сферу человека. Развивая речь китайских студентов на русском языке с использованием фразеологических оборотов, преподаватель одновременно приобщает учащихся к русской культуре и включает их в межкультурную коммуникацию на неродном языке.

Впервые в отечественной лингводидактике определение термина «межкультурная коммуникация» было сформулировано академиком В.Г. Костомаровым: «Межкультурная коммуникация – это адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [Верещагин, Костомаров 1990, с. 26].

Словарь даёт возможность китайским учащимся познакомиться с языковой картиной мира русских людей, составной частью которой является фразеологическая картина мира. Фразеологическая картина мира – это совокупность образов, буквально понимаемых словосочетаний, с помощью которых посредством метафорического или метонимического переосмысления формируются новые переносные значения. Образ фразеологизма выступает одновременно фактором, мотивирующим реальное значение и обуславливающим культурный компонент в семантике фразеологизма.

Указание в Словаре буквального (пословного) перевода русского фразеологизма на китайский язык, показ межъязыковых фразеологических соответствий русского и китайского языков даёт возможность китайским учащимся познакомиться с национально-культурной спецификой русских фразеологических оборотов и сравнить образы, лежащие в основе близких по значению (в идеале – семантических эквивалентов) русских и китайских фразеологизмов, отражающих картину мира двух народов.

В качестве примера разных образов, лежащих в основе значения фразеологизмов, можно привести семантически близкие фразеологизмы русского и китайского языков. Так, в русском языковом сознании стремительность какого-либо процесса связывается с быстрым ростом грибов после дождя (*как грибы после дождя*), а в китайском языковом сознании она ассоциируется с быстрым ростом бамбуковых побегов (букв. *как бамбуковые побеги после дождя*). В русском языке очень малое, недостаточное количество чего-либо связывается с каплей (*капля в море*), а в китайском языке – с зёрнышком (букв. *одно зёрнышко в море*). В русском языке таить злобу, коварство ассоциируется со спрятанным камнем (*держат камень за пазухой*), а в китайском языке тайная злоба и коварство связываются со спрятанным ножом (букв. *улыбаясь, прятать нож*). В русском языке досадное повторение человеком ошибки ассоциируется с ситуацией, когда человек повторно наступает на одни и те же грабли (*наступить на одни и те же грабли*), а в языковом со-

знании китайцев – с повторным проездом по плохой дороге, где однажды случилась неудача (букв. *снова ехать по той же дороге, где опрокинулась повозка*). В русском языке стремление человека достигнуть одновременно несколько целей ассоциируется с погоней за двумя зайцами (*погнаться за двумя зайцами*), а в китайском языке – с попыткой стрелять одновременно в двух птиц (букв. *стрелять одной стрелой в двух орлов*). В.Н. Телия, известный российский фразеолог, пишет об этом так: «Фразеологизмы в большинстве – образно мотивированные словосочетания, то есть их значение мотивировано тем образом, который осознаётся при буквальном восприятии идиом. Это восприятие ассоциируется с каким-либо свойством, состоянием, действием, чувством, ситуацией и осознаётся как их подобие» [Телия 1993, с. 12]. Знакомство с помощью Словаря с образами, лежащими в основе семантики русских фразеологизмов, сравнение их с образами, лежащими в семантике близких по значению китайских фразеологизмов, открывает для студентов языковую картину мира русских людей, русскую культуру. В результате учебных занятий с использованием Словаря у студентов вырабатываются навыки межкультурной коммуникации и одновременно формируется как коммуникативная, так и культурная компетенция на русском языке.

Переходя к методическому аспекту проблемы, отметим, что традиционно обучение иностранных студентов фразеологии происходит на спецкурсах и спецсеминарах по фразеологии, лингвокультурологии, практической стилистике и медийной коммуникации.

В процессе обучения китайские студенты с помощью заданий на основе материалов Словаря знакомятся с семантикой, грамматическими и стилистическими свойствами фразеологизмов, синтаксическими связями фразеологических единиц, уточняют значение русских фразеологизмов, их оценочную характеристику, особенности их функционирования, учатся правильно употреблять их в речи, тем самым предупреждая возможные нарушения и сбои в межкультурной коммуникации. На основе материалов Словаря китайским учащимся могут быть предложены задания на нахождение и объединение фразеологизмов русского языка в тематические группы, связанные с экономикой, политикой, социальной жизнью. В качестве примера можно привести фразеологизмы, объединённые общей темой «Конкурентная борьба на рынке»: *вставлять палки в колёса, наступать на пятки, брать верх, пальма первенства, львиная доля, быть на коне* и др. Или, например, фразеологические обороты, объединённые темой «Финансово-экономический кризис»: *затянуть пояса, бить по карману, держаться на плаву, вылететь в трубу, приказать долго жить*. Популярны у студентов и задания на составление ситуативных диалогов с использованием фразеологических оборотов. Общеизвестно, что умелое использование фразеологического оборота в подходящей ситуации помогает создать в студенческой аудитории, в обиходном и профессиональном общении особую психологическую атмосферу доверия между участниками коммуникации, а это во многом определяет успех контактов представителей разных стран, дружеских и профессиональных.

Подводя итоги наблюдениям над ролью «Учебного русско-китайского фразеологического словаря» в обучении китайских студентов фразеологии русского языка, в формировании у них коммуникативной и культурной компетенций, можно сделать следующий вывод. Опыт использования Словаря в китайской аудитории (на практических занятиях по русскому языку и культуре речи, на спецсеминарах по русской фразеологии и изучению языка российских массмедиа) свидетельствует о его эффективности и практической значимости как учебного лексикографического пособия по РКИ.

Литература

1. Баско Н.В. Русская фразеология и межкультурная коммуникация // Актуальные проблемы обучения русскому языку как иностранному и русскому как неродному: сб. ст. / отв. ред. Л.С. Крючкова. М.: ИИУ МГОУ, 2016. С. 41–46.
2. Баско Н.В., Лай Инчуань, Чанг Джуй Ченг. Учебный русско-китайский фразеологический словарь (на материале российских средств массовой информации). СПб.: Златоуст, 2016. 192 с.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М.: Русский язык, 1990. 269 с.
4. Телия В.Н. Основные особенности значения идиом как единиц фразеологического состава языка // Словарь образных выражений русского языка / под ред. В.Н. Телия. М.: Отечество, 1995. 368 с.
5. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: Учебное пособие для вузов по специальности «Русский язык и литература». М.: Высшая школа, 1985. 160 с.

УДК 81

Проектная деятельность в иностранной аудитории при обучении русскому языку

Ольга Матвеевна Батраева

Дальневосточный федеральный университет
batraeva.om@dvfu.ru

Автором статьи рассматриваются особенности современной вузовской проектной методики. На примере проекта по созданию электронного ресурса автор статьи показывает, как эти особенности могут быть использованы при реализации проектов в обучении иностранных студентов вузов грамматике русского языка. В статье представлен опыт работы над проектом в иностранной аудитории. Работа проектами позволяет учитывать профессиональные интересы и уровень коммуникативной компетенции иностранных студентов, открывает возможность реализации иностранными студентами учебно-профессиональной деятельности.

Ключевые слова: проектная методика, проектная технология обучения, русский язык как иностранный, информационные технологии, интерактивные методы обучения.

Project Activity in a Foreign Audience When Teaching the Russian Language

O.M. Batraeva

Far Eastern Federal University

The article considers the peculiarities of contemporary project methods in higher school. The author gives an example of an electronic resource project creation and shows how these peculiarities can be used in teaching Russian grammar for foreign students in technical higher education institutions. The work on such projects allows to take into account professional interests and the foreign communicative competence

Keywords: project, project methodology, project methods, project teaching technology, project education, Russian as a foreign language, information technology, interactive teaching methods.

В отечественной методике преподавания иностранных языков наблюдается возросший интерес к проектной методике, позволяющей строить обучение на личностно-деятельностной основе. Прежде всего, проектная деятельность используется в качестве различных компонентов процесса обучения:

- в качестве встроенного компонента в различные модули;
- в качестве самостоятельного модуля;
- в качестве технологии всего процесса обучения, через которую в отдельных вузах планируется осуществлять приблизительно половину учебной программы.

Характерной особенностью лингводидактических инноваций обучения русскому языку как иностранному следует считать их тесную взаимосвязь с последними научно-техническими и технологическими достижениями интеллектуальной деятельности человека [Батраева 2020]. За последние годы мир образования кардинально изменил систему своих координат. Специфика обучения русскому языку как иностранному состоит в том, что это процесс овладения не знаниями (как при обучении иным дисциплинам), а *навыками и умениями*. Главная задача – обучение всем видам речевой деятельности (слушанию, говорению, чтению, письму). И эта задача, безусловно, требует использования мультимедийности, интерактивности, в отличие от обучения дисциплинам «знаниеведческого» цикла. Новые ценности и ориентиры образования (индивидуально-личностный подход в обучении, субъект-субъектные отношения преподавателя и студентов и т.д.), а также современные достижения науки и техники во многом определяют выбор методов обучения, в котором преподаватели на данном этапе развития образования всё чаще отдают предпочтение активным и интерактивным педагогическим технологиям. Ярким примером может служить *метод проектов*. Под *проектом* понимают самостоятельно планируемую и реализуемую на русском языке работу, например выпуск газеты или журнала, сборника статей, подготовку выставки, спектакля, концерта, доклада и др. [Полат 2003].

Приобретая всё большую популярность, метод проектов получил широкое применение в педагогике XX в., был и продолжает оставаться предметом исследований многих учёных и научных деятелей.

В работах Е. Евдокимовой, Т.В. Березиной, О.А. Гребенниковой, Е.С. Полат большое внимание уделено использованию информационных технологий в реализации метода проектов. Необходимо отметить, что значительное количество исследований посвящено использованию метода проектов в обучении иностранным языкам. Среди них – научные работы Н.Ю. Абышевой, Т.В. Березиной, Е.С. Полат и других исследователей.

В методике русского языка как иностранного учёные-практики опирались на работы Е.С. Полат, А.Н. Щукина, Л.В. Московкина.

Под проектной деятельностью мы понимаем инновационную творческую деятельность, которая направлена на преобразование реальности и базируется на диалоге участников учебного процесса [Московкин, Шамонина 2017]. Проект в основе своей имеет идею направленности деятельности студентов-иностранцев на достижение результата, который характеризуется решением какой-либо теоретической или практически значимой проблемы. При этом достигается внешний результат, который можно *увидеть, осмыслить или применить* на практике, а также внутренний результат, выражающийся в приобретении опыта деятельности, где соединяются знания и умения, компетенции и ценности. Проектная методика призвана реализовать цели творческого участия студентов:

- повышение мотивации обучения, самовыражение, формирование познавательного характера;

- реализация на практике иностранными учащимися приобретённых умений и навыков, развитие речи, умение грамотно и аргументированно презентовать исследуемый материал, вести дискуссию;

- демонстрация уровня культуры, образованности, социальной значимости.

Проекты классифицируются по разным уровням. Например, по тематическим областям, по масштабам деятельности, по срокам реализации, по количеству исполнителей, по важности результатов и т.д. Но независимо от типа все они носят, как правило, индивидуальный авторский характер. В соответствии с указанными определениями и различными описаниями метода проектов выделим его характерные черты:

- сотрудничество и сотворчество всех субъектов педагогического процесса при ориентации на самостоятельность учеников;

- использование комплекса знаний и навыков из различных областей;

- соответствие поставленных проблем реальным интересам и потребностям воспитанников;

- чёткая последовательность этапов реализации проекта и работы над ним;

- творческая направленность, стимулирование самореализации и самоактуализации личности;

- ориентация на практический, социально-значимый результат;

- анализ и обобщение различных подходов к структурированию проектной деятельности [Щукин 2008].

Необходимо отметить, что в учебной деятельности перечисленные виды проектов не существуют в чистом виде, поэтому приходится иметь дело со смешанными типами проектов. Любой проект имеет тот или иной вид координации, сроки и этапы исполнения, большее или меньшее количество участников. Проектная деятельность развивает познавательную, исследовательскую и творческую деятельность студентов-иностранцев. Работа над проектом включала следующие этапы [Батраева 2020]:

- подготовка к проекту (определение темы, цели проекта и сроков выполнения проекта, формирование группы);

- организация проекта (постановка задач, распределение ролей в группе, определение источников информации, планирование работы);

- осуществление проекта (создание модулей, их объединение на основе программного обеспечения, анализ и обсуждение результатов, пробная презентация);

- презентация проекта (выступление с докладом на студенческой конференции с презентацией);

- подведение итогов (анализ приобретённого опыта для работы над будущими проектами).

На первом этапе совместно со студентами определялась цель проекта и пути его реализации. С самого начала работы интерес к проекту формировался на основе широких возможностей для его участников использовать их формирующуюся профессиональную компетенцию. Основой для такого подхода стали высокий уровень сформированности иноязычной коммуникативной и профессиональной компетенций, психологическая совместимость и автономный стиль учебной деятельности участников проекта. Исходя из

этого для руководства проектом была выбрана скрытая, неявная координация, при которой преподаватель выступал в роли одного из участников проекта. Совместно со студентами составлялся и корректировался план проектной деятельности, постоянно подчёркивалась роль их профессиональных знаний и умений.

Иностранные студенты-лингвисты подготовили проекты «Владивосток моими глазами». На защите проектов иностранных учащихся Восточного института – Школы региональных и международных исследований (ВИ-ШРМИ) ДВФУ в онлайн-формате [Московкин, Шамонина 2017] мы убедились в том, что презентации достопримечательностей города стали хорошей школой использования русского языка. Выполненный на русском языке продукт проекта помогает повысить мотивацию иностранных учащихся и предполагает неоднократное осознанное использование полученных теоретических знаний в практической деятельности [Полат 2003]. Благодаря многогранности и многоаспектности проектное обучение является средством развития и саморазвития личности. В рамках реализации проекта «Владивосток глазами иностранных студентов» совершенствовались навыки публичного выступления, ораторского искусства, коммуникации. Необходимо отметить, что обучение через творческие проекты (с защитой собственного продукта на русском языке) развивает когнитивные навыки и умения, что является полезным для студентов, каким бы видом деятельности они ни занимались. Студенты-иностранцы обучаются навыкам и умениям планирования, исследования, анализа полученных результатов. При выполнении проектов у иностранных студентов расширяется сфера интересов, они учатся анализировать собственные результаты и результаты одноклассников.

Проектная методика развивает творческие способности студентов-иностранцев, формирует навыки работы с мультимедиа, другими программными и техническими средствами. В 2021 г. иностранные учащиеся ВИ-ШРМИ ДВФУ подготовили проекты на тему творчества классических и современных поэтов. Они рассказали о творчестве любимых поэтов, записали видео, на которых читают стихотворения, подготовили презентации. Онлайн-формат позволяет организовать интересную совместную работу учащихся и преподавателя. Проектная деятельность в данном случае направлена на достижение поставленной цели – поиска самостоятельного решения конечной проблемы, значимой для обучающихся и оформленной в виде конечного продукта (презентация, видеорепортаж).

Кроме того, в группах иностранных студентов Школы экономики и менеджмента (ШЭМ) ДВФУ используется проектная деятельность для защиты творческой работы «Приглашаем к нам в гости» (туризм). Студентам-иностранцам начального этапа обучения ШЭМ ДВФУ был предложен проект «Мой обед». Это творческий конкурс, благодаря которому студенты знакомят с приготовлением любимого обеда, развивают навыки публичного выступления в онлайн-формате. При выполнении проекта иностранные студенты должны были не только показать, как необходимо приготовить любимое блюдо, но и доказать, почему выбор пал на него. Некоторые студенты оформили проект как видеорассказ, в котором представили семью в ресторане.

Как показывает практика, в результате реализации проектов иностранных студентов экономических направлений учащиеся смогли овладеть навыками самостоятельной поисковой работы. При этом студенты осваивают новый вид деятельности в условиях открытого доступа к информации, знакомятся с современными технологиями в онлайн-формате. В результате выполнения проекта «Один пояс, один путь» (направление подготовки иностранных студентов «Экономика») были подготовлены презентации, которые

сопровождались устным докладом. Конечный продукт проекта реализуется в различных образовательных технологиях. Необходимо отметить, что форма деятельности иностранных студентов в проекте меняется на квазипрофессиональную, что, безусловно, обеспечивает становление и развитие профессиональной компетенции.

Кроме того, как показала практика, проектом может стать организация больших конкурсов творчества. В сентябре 2021 г. мы впервые организовали и провели Международный фестиваль «Русское слово на Тихом океане». В двух номинациях «С любовью к России» и «Дальневосточный вектор: дальневосточный характер» приняли участие иностранные студенты и школьники из 15 стран мира. Видео на онлайн-фестиваль представлено 81 участником из 22 вузов. Проведение Международного онлайн-фестиваля «Русское слово на Тихом океане» мы планируем сделать ежегодным. Одной из эффективных форм стимулирования и развития креативных способностей студентов-лингвистов являются фестиваль-конкурс, фестиваль-проект. В 2022 г. запускается межкафедральный проект «Читаем произведения В.К. Арсеньева на разных языках мира!» Одной из главных характеристик будущего профессионала является его способность к самореализации и саморазвитию. Творчески активный человек способен добиваться профессиональных успехов, отличается высоким интеллектом, умением отстаивать свою точку зрения, самостоятельно разрабатывать и реализовывать новые идеи.

Совершенно очевидно, что применение современных методов обучения РКИ, разработка дидактического материала, учитывающего особенности обучения в онлайн-формате – это необходимая задача современности. Студент-иностранец, участвующий в онлайн-взаимодействии с интерактивным материалом обучения (мультимедийные презентации проект, рабочие листы, слайд-шоу и т.д.) реализует свои творческие возможности и в проектах. Важная роль в этом отводится преподавателю РКИ. Весь дидактический материал, разработанный преподавателем, – это полноправное средство обучения, позволяющее оптимально организовать самостоятельную работу студента, а также его эффективное онлайн-взаимодействие со всеми участниками урока.

Таким образом, растущее сегодня в геометрической прогрессии многообразие форм, моделей и технологий онлайн-обучения предоставляет иностранным учащимся огромный спектр вариантов получения знаний. Отметим, что проектный метод обучения русскому языку как иностранному предоставляет возможности для выражения собственных идей в удобной для иностранного бакалавра творческой форме.

Литература

1. Батраева О.М. Информационные технологии обучения русскому языку как иностранному: проблемы, опыт, перспективы // Высшее образование сегодня. 2020. № 5. С. 51–53.
2. Московкин Л.В., Шамонина Г.Н. Продуктивные инновационные технологии в обучении русскому языку как иностранному. М.: Русский язык. Курсы, 2017. 144 с.
3. Полат Е.С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 272 с.
4. Щукин А.Н. Современные интенсивные методы и технологии обучения иностранным языкам. М.: Филоматис, 2008. 188 с.

**Управленческие решения
при построении модели поликультурного образования мигрантов
в мультинациональном Приморском крае**

Лилиана Вячеславовна Воронова
Дальневосточный федеральный университет
voronova.lv@dvfu.ru

В статье рассматриваются и анализируются проблемы социокультурной адаптации мигрантов из бывших союзных республик и их детей в принимающем сообществе Приморского края. Предлагаются управленческие решения при построении модели социально-гражданской интеграции мигрантов и их детей в российское образовательное пространство и иносоциум.

Ключевые слова: мигранты, социокультурная адаптация, поликультурное образование, русский язык как неродной, Приморский край.

**Management Decisions in Building a Model
of Multicultural Education of Migrants
in the Multinational Primorsky Krai**

L.V. Voronova
Far Eastern Federal University

This article examines and analyzes the problems of the socio-cultural adaptation of migrants from former Soviet republics and their children in the host community of Primorsky Krai. It offers management solutions for building a model for the socio-cultural integration of migrants and their children into the Russian educational space and the foreign society.

Keywords: migrants, sociocultural adaptation, multicultural education, Russian as a non-native language, Primorsky Krai.

В XXI в. Россия активно включилась в мировые миграционные процессы. Приморье является полиэтническим регионом, в котором проживает 111 национальностей. Кроме коренных народов, относящихся к тунгусо-маньчжурской и палеоазиатской семьям (удэгейцы, нанайцы, орочи, тазы), наиболее крупные этнические группы представлены русскими, украинцами, корейцами, татарами, узбеками, белорусами, армянами, азербайджанцами, китайцами, мордвой, немцами, чувашами, таджиками.

За последние 5 лет в Приморском крае значительно вырос поток мигрантов из стран СНГ, желающих найти работу или остаться на постоянное место жительства – получить гражданство РФ. В основном это граждане из Центральной Азии (63%), а также КНДР, Китая, Турции, Азербайджана, Армении, Украины. 30,5% заняты в регионе в строительстве, 21% – в сельском хозяйстве, 11% – в промышленности, а также в оптовой и розничной торговле и общественном питании. По официальным данным на 2021 г. в крае зарегистрировано 102 тыс. мигрантов.

Приморский край, несмотря на существенные культурно-психологические и социальные различия в населяющих его этносах, проявляющиеся в вероисповедании, обычаях, традициях, жизненном укладе, восприятии окружающего мира, ценностных ориентирах, идеалах, эмоциях, темпераменте и т.д., отличается этнической толерантностью. Но в то же время мигранты и их дети, оказываясь в новой социокультурной среде, испытывают меж-

культурный и психологический дискомфорт. Кроме того, дети мигрантов из бывших союзных республик попадают в русскоязычные школы. Такие дети не владеют русским языком вообще или владеют им очень слабо, что негативно сказывается на процессе обучения – наблюдаются проблемы в изучении русского языка и, следовательно, в усвоении общеобразовательных дисциплин.

Анализ специальной литературы показывает, что социально-гражданская интеграция, включение мигрантов в принимающее сообщество является одной из наиболее актуальных проблем в современном обществе.

В связи с этим, полагаем, возникает необходимость создания эффективных адаптационных программ для социализации таких детей и взрослых в российском образовательном пространстве и иносоциуме. Считаем, что в новой геополитической ситуации необходимым является переосмысление педагогических и методических задач в иноязычном образовании – больше внимания следует уделить развитию методики преподавания русского языка как неродного (далее – РКН) в мультинациональном регионе.

Важным является и поиск новых путей формирования основ межнационального согласия в мультикультурных сообществах, и разработка новых моделей формирования, контроля способности и готовности мигрантов к успешной интеграции в принимающее сообщество.

Своевременной задачей в полиэтнической образовательной индустрии становится развитие института семьи по модели: семья – детский сад – начальная школа – средняя школа – вуз – семья; организация, например, системы курсов по русскому языку и русскому страноведению для мигрантов-родителей и их детей; интеграция детей мигрантов в дошкольные и школьные образовательные учреждения; актуализация проблематики межкультурного диалога; оказание методической помощи школам, работающим с семьями мигрантов.

В целом все эти обстоятельства приводят к пониманию необходимости создания и функционирования в Приморском крае современного научно-методического центра социокультурной и образовательной адаптации и интеграции мигрантов, в котором будут применяться передовые практики обучения мигрантов – взрослых и детей – русскому языку, культуре, страноведению России, основам законодательства РФ при одновременном развитии и совершенствовании методики преподавания РКН в трансграничном мультинациональном регионе.

Работа центра, на наш взгляд, будет способствовать:

– с одной стороны, преодолению мигрантами своей этнокультурной изоляции, лучшему пониманию ими общества, в котором они живут; возможности социального продвижения посредством образования и высокой трудоспособности, что в свою очередь сформирует у мигрантов толерантное отношение к российским реалиям и местному населению;

– с другой стороны, повышению культурного уровня трудовых мигрантов, улучшению их имиджа в глазах российского общества, что, бесспорно, приведёт к установлению межэтнического и межконфессионального согласия.

В то же время хорошее владение русским языком позволит мигрантам получать полную и достоверную информацию из русскоязычных источников для более объективного анализа происходящих в мире событий.

Считаем необходимым также включение в работу научно-методического центра деятельности по подготовке/переподготовке учителей русского языка и учителей-предметников из школ Приморского края, обучающихся детей мигрантов; по разработке и апробации инновационных проектов и программ, направленных на культурно-диалогическое развитие школьников с учётом ресурсов билингвального образовательного пространства. Весьма актуальным является и развитие системы дистанционной методической поддержки образовательно-интеграционных процедур для разных категорий мигрантов.

Реализация программ подготовки/переподготовки учителей поможет, на наш взгляд:

– преодолеть у учителей страх, неумение, а отсюда и нежелание обучать детей мигрантов школьным предметам на русском языке путём методической подготовки школьных учителей-предметников к работе в классах с полиэтническим составом и с родителями детей при сохранении уважения к культурной самобытности трудящихся-мигрантов и членам их семей;

– найти ответы на вопросы: «Как организовать учебный процесс в поликультурных классах?», «С чего начать?», «Как вписать в учебный процесс работу с детьми мигрантов?», «Как правильно составить программу социальной и психологической адаптации ученика к новой культуре (включая и региональный компонент), новым ценностным ориентирам и идеалам, новым отношениям в коллективе?», «Как подготовить таких учащихся к успешной сдаче ОГЭ и ЕГЭ по всем предметам?»;

– решить в регионе проблему «учитель – учебник – ученик» для мигрантов, подготовив к публикации национально-ориентированные учебные пособия по русскому языку и по нескольким общеобразовательным дисциплинам, например, математике и физике.

Таким образом, создание и работа научно-методического центра социокультурной и образовательной адаптации и интеграции мигрантов будет способствовать позиционированию русского языка как языка межнационального общения, как фактора безопасности лингвокультурной среды России в целом и Приморского края в частности.

УДК 8

Положение русского языка во Вьетнаме в условиях многоязычия

**Ву Тхи Тху Тхюи,
Татьяна Николаевна Попова**
Дальневосточный федеральный университет
Vu.tkh@students.dvfu.ru; popova_tni@dvfu.ru

Спустя два десятилетия после распада Советского Союза количество преподавателей русского языка, имевших формальную и методическую подготовку, сократилось и «постарело». Низкие зарплаты не привлекают молодых российских выпускников факультета русского языкознания к преподавательской работе. Целью данного исследования является выявление положения русского языка и реальность изучения русского языка во Вьетнаме.

Ключевые слова: русский язык, Вьетнам.

The Reality of Learning the Russian Language in Vietnam in the Context of Multilingualism

**Vu Thi Thu Thuy,
T.N. Popova**

Far Eastern Federal University

Two decades after the collapse of the Soviet Union, the number of Russian language teachers with formal and methodological training has dwindled and “aged”. Low salaries do not attract young Russian graduates of the Faculty of Russian Linguistics to teaching. The purpose of this study is to identify the position of the Russian language and the reality of studying the Russian language in Vietnam.

Keywords: Russian language, Vietnam.

Введение

После того, как Вьетнам открыл свои двери для других капиталистических стран, использование русского языка стало не столь распространённым, как раньше. Кроме того, положение английского, китайского, японского и корейского языков выше. За последние десятилетия Вьетнам подготовил десятки тысяч специалистов по русскому языку. Раньше русский язык преподавался в большинстве школ и университетов Вьетнама. Десятки тысяч человек получили высшее образование в Советском Союзе и России. Однако в последнее время произошли радикальные изменения: во Вьетнаме широко доступен английский язык. Выпускники университетов в Советском Союзе и России, желающие найти работу, должны знать английский язык, поэтому они постепенно забыли язык Пушкина.

Методы исследования

Эта статья написана, исходя из нашей собственной ситуации обучения со своими друзьями в годы изучения русского языка во Вьетнаме. Кроме того, мы создали гайд-интервью, собрали ответы студентов, изучающих русский язык, и проконсультировались с русскими преподавателями и лекторами во Вьетнаме.

По проведённому нами опросу до 100% студентов считают русский язык хорошим и красивым: 85% из них начинают любить русский язык после длительного обучения (1 год), остальные 15% не очень интересующихся этим языком, относительно уровня сложности, 75% студентов считают русский язык слишком сложным. На вопрос, стоит ли искать работу, связанную с русским языком, 90% ответили, что стали бы, если бы представилась возможность. Остальные думают, что английский поможет им получать более высокую зарплату. Реальность показывает, что, кроме студентов, вернувшихся из России, у большинства оставшихся студентов есть большая проблема: они не могут общаться или общаются очень плохо, плохо произносят звуки, большинство из них неправильные. Что ещё хуже, у них нет сознания, чтобы исправить их, в старшей школе они изучают практически только грамматику, но аудирования и говорения очень мало, если вы не хотите говорить, навыки аудирования и говорения в основном такие, как нет, но на самом деле поступление в университет – это приобретение навыков, изучение языка во всех его аспектах и применение их в реальной жизни.

Положение русского языка во Вьетнаме

Преподаватель вуза сказал нам: «Студенты, изучающие русский язык со школы, овладели самыми элементарными грамматическими знаниями, выполняли упражнения от

простого к сложному». Именно поэтому отсюда возникают проблемы и несоответствия и для студентов, и для учителей. Большинство студентов, изучавших русский язык в средней школе, склонны к субъективизму. Они думают, что это информация, которую они уже знают, уже существует. У некоторых детей развивается ленивая психика, некоторым скучно, потому что в классе нет ничего нового, полно старых знаний. Но они не понимают, что учёба в университете – это навыки обучения, если они не разовьют в полной мере все 4 навыка аудирования, говорения, чтения и письма, овладение иностранным языком и его применение всегда будут отдалённой целью. Хороши в грамматике и словах, но делают много серьёзных ошибок. Это неправильное произношение, медленные рефлексии, плохие навыки понимания на слух, неспособность произнести целое предложение навсегда, задаваясь вопросом, правильно ли оно грамматически или нет. Именно эти вещи незримо убивают врождённую языковую способность детей.

Если языку нужен только один человек, чтобы любить и лелеять его, он всё равно будет существовать. Многие семьи имеют давнюю традицию привязанности к России, хотят отправить своих детей учить русский язык, а ещё лучше – учиться в России. Кроме того, в процессе «завоевания» рынков друг друга вьетнамские и российские предприниматели, особенно малые и средние предприятия, столкнулись на пути с языковым барьером [Нгуен 2016, с. 602]. Не все предприятия могут общаться и вести деловые переговоры на английском языке (не говоря уже о вьетнамском), особенно в провинциях. Остаётся только одно решение – использовать русский язык в качестве инструмента [Динь 2019, с. 9]. За 65 лет дружбы между Вьетнамом и Россией область русского языкознания во Вьетнаме достаточно развита, русский язык помог многим вьетнамцам понять богатую душу и культуру России. Это основа не только для развития торгово-экономического сотрудничества, но и для умножения дружбы и доверия между людьми.

На юге Вьетнама для нефтяной и атомной энергетики, приносящей огромную прибыль, очень нужны люди, знающие русский язык. Это отрасли, которые ставят Россию перед другими мировыми державами. Даже на атомной электростанции в Ниньтхуане предлагается, чтобы сотрудники, работающие здесь, использовали русский язык. На Севере расположены административные учреждения, участвующие в реализации программ вьетнамо-российского сотрудничества, такие как Институт русского языка имени А.С. Пушкина, Центр российской науки и культуры, специализированные школы и университеты, которые учатся преподавать русский язык. В настоящее время Российская Федерация реализует политику содействия популяризации русского языка, культуры и науки в мире. Во Вьетнаме российская сторона спонсирует программы изучения и преподавания русского языка, организует Русский центр, открывает фонд «Русский мир» при Аппарате президента, предоставляет долгосрочные стипендии студентам, аспирантам, создаёт условия для вьетнамцев, которые хотят приехать в Россию учиться [Нгуен 2021, с. 176].

Всё это справедливо доказывает, что русский язык во Вьетнаме не исчез, а вернулся после периода отсутствия, развился в важных и популярных сегодня областях профессии и производства.

Заключение

Выше приведены некоторые из наших исследований о положении изучения русского языка. Как было сказано выше, возможности развития русского языка во Вьетнаме увеличиваются день ото дня в связи с присоединением Вьетнама к зоне

свободной торговли Евразийского экономического союза. Кроме того, возможность найти работу на русском языке не является низкой. Однако его положение невысоко, его выбирают немногие. Решение этих проблем требует много времени и усилий. Необходимо создать у учащихся, изучающих русский язык, любовь и доверие, а также способность к самообучению. Надеемся, что это исследование будет чем-то полезно как тем, кто преподаёт, так и изучающим русский язык во Вьетнаме.

Литература

1. Динь Т.Т.Х. История становления и развития обучения русскому языку во Вьетнаме // Вестник Северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2019. № 3 (15). С. 5–13.

2. Золкина.Н.Б. Проблемы и перспективы изучения русского языка во Вьетнаме // Вестник Азиатско-Тихоокеанской ассоциации преподавателей русского языка и литературы. 2010. № 1. С. 73–78.

3. Нгуен Т.К.В. Русский язык во Вьетнаме: сферы функционирования и преподавание // Молодой учёный. 2021. № 20 (362). С. 174–177.

4. Нгуен Т.Х. Трудности при обучении вьетнамских студентов аудированию русской речи // Молодой учёный. 2016. № 19. С. 600–603.

УДК 81

Экскурсия как фактор формирования социокультурной компетенции иностранных студентов

Наталья Ильинична Гладун

Дальневосточный государственный институт искусств
Gladnnata66@gmail.com

Представленная автором статья посвящена рассмотрению процесса развития социокультурной компетенции через экскурсию у иностранных учащихся, изучающих русский язык как иностранный. Автором подчёркивается значимость приобретения студентами-иностранцами знаний социокультурного характера для адаптации в новой языковой и социальной среде. В статье отражён практический опыт формирования социокультурной компетенции иностранных студентов.

Ключевые слова: иностранные студенты, социокультурная компетенция, адаптация, экскурсия.

Excursion as a Factor in the Formation of Socio-Cultural Competence of Foreign Students

N.I. Gladun

Far Eastern State Institute of Arts

The article presented by the author is devoted to the process of development of socio-cultural competence through an excursion among foreign students studying RCTS. The author emphasizes the importance of acquiring

socio-cultural knowledge by foreign students for adaptation in a new linguistic and social environment. The article reflects the practical experience of forming the socio-cultural competence of foreign students.

Keywords: foreign students, socio-cultural competence, adaptation, excursion.

Иностранные студенты, прибывая на учёбу в российские вузы, как правило, сталкиваются с определёнными трудностями своей адаптации. Попадая в нашу страну, студенты включаются в межэтнические отношения, и у них постепенно начинает формироваться определённый образ россиян и России в целом. Действительно, проблема адаптации иностранных студентов к обучению представляется достаточно острой, поскольку подразумевает учёт и социальных, и культурных аспектов. Как отмечает в своих исследованиях Т.Н. Язвинская, «успеваемость иностранного студента, процесс профессионального становления во многом зависят от успешной адаптации к новой культуре и языку» [Язвинская 2009, с. 3]. Задачи подготовки иностранных студентов к культурному, профессиональному и личному общению в российском культурном пространстве, которые имеют иные социальные традиции, общественное устройство и языковую культуру, занимает важное место в обучении русскому языку как иностранному (РКИ). От этого, мы считаем, зависит и адаптация иностранных учащихся к новым условиям жизни, к новой языковой среде.

Необходимо отметить, что образовательные программы по РКИ, реализуемые в Дальневосточном государственном институте искусств, предполагают наряду с приобретением коммуникативных навыков в учебно-профессиональной и повседневной сфере общения также овладение навыками коммуникации в социально-культурной сфере. Мы уверены, что формирование социокультурной компетенции на занятиях по РКИ представляет собой обогащение культурных, лингвистических, эстетических и этических знаний иностранных учащихся о Владивостоке. Знакомство с историей города, его культурными центрами, музеями – всё это помогает иностранным студентам, получающим образование в Институте искусств, достигать высокого уровня не только языковой и социокультурной подготовки, но и успешно адаптироваться к новой языковой среде. Поэтому на иностранном отделении с целью знакомства студентов-иностранцев, изучающих русский язык, организуются экскурсии в музеи Владивостока, в театры, на выставки известных и молодых художников.

Формирование социокультурной компетенции иностранных учащихся – сложный процесс, который требует от преподавателя РКИ определённой «дорожной карты»: от прибытия во Владивосток, знакомства с институтом, с графиком работы библиотеки, до обретения ими профессиональных навыков в специальности (музыка, живопись).

Прежде всего, для иностранных студентов, начавших обучение русскому языку как иностранному, организуется экскурсия по институту. На практических занятиях прорабатывается лексика, необходимая для этой экскурсии. Студенты знакомятся с нумерацией аудиторий, учатся пользоваться библиотекой, читают и переводят текст о своём институте, отрабатывают умение составлять первые диалоги, которые помогут им ориентироваться в новой для них обстановке. Также на основе опорных вопросов они учатся составлять монолог об экскурсии по институту.

Тексты для чтения об экскурсиях, задания к ним, примеры диалогов, лексико-грамматические задания автор статьи составила и собрала в учебном пособии для иностранных студентов начального этапа обучения (курс адаптации) «А пойдём на экскурсию?!» (A2–B1). Данное учебное пособие создано с целью преодоления проблем адаптации студентов-иностранцев и формирования у них социокультурной компетенции.

Следующим этапом в достижении цели формирования социокультурной компетенции учащихся и лучшей адаптации иностранных студентов является организация экскур-

сий по Владивостоку. Экскурсии по центру Владивостока пешие, что обусловлено локацией Института искусств, который находится в центре города. Во время пеших экскурсий преподаватель имеет возможность более детально познакомить иностранных студентов с городскими объектами, которые имеют культурную и историческую значимость. На экскурсии преподаватель отрабатывает со студентами лексику, речевой этикет знакомства с жителями города (приветствие/прощание и т.д.). На практических занятиях, которые проводятся перед каждой экскурсией, нами прорабатывается лексика: названия улиц, площадей, музеев, выставок, культурных и образовательных центров. Овладение соответствующей лексикой помогает новым иностранным студентам хорошо ориентироваться в окружающей городской обстановке, что, несомненно, положительно влияет на адаптацию к новым условиям жизни иностранных учащихся.

Работа, организованная иностранным отделением Дальневосточного института искусств, предоставляет прекрасные возможности изучить традиции, узнать обычаи русского народа, его историю, увидеть образцы русского искусства, посетив музеи Владивостока. Считаем, что учебная экскурсия в музеи может не только вызвать у студентов-иностранцев большой интерес, но и способствовать формированию лингвострановедческой компетенции и повышению мотивации к изучению русского языка. Для иностранных учащихся организуются экскурсии в музей им. В.К. Арсеньева, Приморскую картинную галерею, в музей народного творчества. В музее им. В.К. Арсеньева студенты из стран АТР с огромным интересом изучают историю развития и становления Приморского края. Экскурсия на выставку работ замечательного русского художника И.К. Айвазовского имела большой успех у студентов-иностранцев. Некоторые студенты, помимо создания обязательной письменной работы по итогам экскурсии, сделали рисунки на тему этой уникальной выставки. В музее народного творчества иностранные учащиеся имеют возможность познакомиться с прекрасными работами из камня, металла и других материалов, выполненными не только профессиональными мастерами, но и умельцами-самоучками.

Для того чтобы вызвать интерес иностранных студентов к местным музеям, преподавателем должна быть проведена определённая работа. На занятии перед экскурсией необходимо представить наглядный материал по теме экскурсии и ознакомить студентов с соответствующей лексикой. Например, перед посещением выставки работ замечательного русского художника на практических занятиях иностранные студенты познакомились с его биографией и с его художественными работами.

Следующий этап формирования социокультурной компетенции иностранных учащихся – это посещение спектаклей в филиале Мариинского театра оперы и балета. Перед посещением балетов на практических занятиях студенты-иностранцы знакомятся с либретто. По итогам таких творческих походов студенты пишут на русском языке эссе, делятся своими впечатлениями.

Ещё один шаг к достижению наших целей – это знакомство с Приморским краем, его людьми. Экскурсии в Ботанический сад, на молочную ферму в с. Суражевка, Приморский сафари-парк, океанариум.

После каждой новой встречи с объектами города и края иностранные студенты создают письменные и устные продукты на русском языке. Такое новое «погружение» в языковую среду позволяет совершенствовать навыки и умения общения.

Мы уверены, что именно в процессе изучения русского языка иностранным учащимся предоставляются прекрасные возможности усвоить русскую культуру через язык, узнать об историческом прошлом России, познакомиться с ценнейшими образцами рус-

ского культурного наследия, а также получить информацию об истории, традициях и людях Владивостока и Приморского края.

Литература

1. Беккер И.Л., Иванчин С.А. Проблемы адаптации иностранных студентов к образовательном процессе российского вуза (на примере Пензенского государственного университета) // Известия Высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2015. № 4 (36). С. 247–257.
2. Гладун Н.И. Формирование образа России в восприятии иностранных студентов, обучающихся в ДВГИИ // Культура Дальнего Востока России и стран АТР: Восток – Запад. Материалы XXIV науч. конф. с междунар. участием 28–29 ноября 2018 г. Владивосток: ДВГИИ, 2019. Вып. 24. С. 15–20.
3. Гладун Н.И. Формирование образа России через знакомство с Владивостоком: учебное пособие как инструмент адаптации иностранных студентов // Русский язык в современном Китае: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. Чита: Забайкальский государственный университет, 2021. С. 205–207.
4. Гладун Н.И. Формирование социокультурной компетенции иностранных студентов творческого вуза (из опыта работы) // Высшее образование сегодня. 2021. № 1. С. 48–50.
5. Петров В.Н., Ракачев В.Н., Ракачев Я.В., Ващенко А.В. Особенности адаптации иностранных студентов // Социологические исследования. 2009. № 2. С. 117–121.
6. Самчик Н.Н. Формирование социокультурной компетенции как фактор личностного развития студентов // Региональный вестник. 2019. № 11. С. 38–39.
7. Шамонина Г.Н., Московкин Л.В. Продуктивные и инновационные технологии в обучении русскому языку как иностранному. М.: Русский язык; Курсы, 2017. 144 с.
8. Язвинская Т.Н. Социокультурная поддержка иностранных студентов в процессе адаптации к российскому образованию: дис. ... канд. пед. наук. Чита, 2009. 234 с.

УДК 811.161.1

Изучение аббревиатур как способ формирования социокультурной компетенции иностранных студентов при обучении русскому языку (на примере аббревиатур Владивостока)

Татьяна Алексеевна Жукова
Университет китайской культуры
tatianazhkv@gmail.com

В статье рассматриваются аббревиатуры, используемые в качестве наименований Владивостокских компаний, – аббревиатуры. Делается вывод о том, что изучение аббревиатур способствует не только пониманию продуктивных способов русского словообразования, но и успешной интеграции иностранных учащихся в языковую среду вследствие формирования у них социокультурной компетенции. Представлены основные результаты типологического описания Владивостокских аббревиатур.

Ключевые слова: аббревиатура, аббревиатуры, русский язык как иностранный.

Studying Abbreviated Ergonyms as a Way to Form Foreign Students' Socio-Cultural Competence When Teaching Russian (on the Example of the Abbreviated Ergonyms in Vladivostok)

T.A. Zhukova

Chinese Culture University

The article deals with the abbreviations used as the names of Vladivostok companies – abro-ergonyms (abbreviated ergonyms). The conclusion is made that the study of abbreviated ergonyms contributes not only to the understanding of productive ways of Russian word formation, but also to successful integration of foreign students into the language environment due to the formation of their socio-cultural competence. The main results of the typological description of Vladivostok abbreviated ergonyms are presented.

Keywords: abbreviation, abbreviated ergonyms, Russian as foreign language.

Понимание аббревиатур иностранными студентами и последующее использование в речи аббревиатур как оптимальных (экономных) способов наименований различных объектов в коммуникационном процессе способствует тому, что иностранные студенты (и китайские, в частности) активнее изучают различные способы словообразования (не только аббревиацию) русского языка. Кроме того, осмысление аббревиатур и использование их в речи формирует социокультурную компетенцию учащихся, что позволяет им лучше адаптироваться в языковой среде.

Аббревиация как языковое явление получила распространение во многих национальных языках. Основная функция аббревиации заключается в более экономном выражении мысли. Аббревиатуры и сокращения способствуют экономии не только в устной, но и в письменной речи. Соответственно, имеет смысл сначала дать учащимся основные сведения о явлении аббревиации в русском языке.

При трактовке аббревиации как способа словообразования возникают сложности, поскольку это разноаспектное и неоднородное языковое явление. Распространение аббревиатур связано с появлением во внеязыковой реальности сложных денотатов, которые требуют для своего обозначения или словосочетаний, или сложных слов.

В русском языке существуют традиционные способы словообразования – словообразование и основосложение, но в настоящее время большое распространение получили такие способы расширения лексического состава языка, как семантическая конверсия, заимствование из разных языков (во многом – из английского языка) и аббревиация. Именно аббревиация имеет некоторое превосходство над другими способами, так как предполагает возможность образовывать новые корневые слова и их элементы. Одним из ведущих внутриязыковых факторов, которые обеспечивают пополнение словарного запаса русского языка новыми лексическими единицами, является также тенденция, которая получила название «закона экономии языковых усилий» [Земская 2000, с. 112].

Аббревиатуры (от лат. *abbrevio* – сокращаю) – «существительные, состоящие из усечённых отрезков слов, входящих в синонимичное словосочетание, последний из которых (опорный компонент) может быть целым, неусечённым словом» [Русская грамматика 1980, с. 252].

Аббревиатуры традиционно делятся на два типа: сложносокращённые слова и инициальные аббревиатуры [Ахманова 1969, с. 25–27]:

1) сложносокращённые слова – это слова, которые составлены из сокращённых начальных компонентов (морфем) словосочетания;

2) инициальные типы сложносокращённых слов – это слова, которые образованы посредством сложения начальных букв слов или начальных звуков, они в свою очередь подразделяются на аббревиатуры буквенные, звуковые и буквенно-звуковые.

Многие исследователи отмечают тот факт, что в последние десятилетия в современных европейских языках происходит увеличение количества аббревиатур и во многом повышается частотность их использования [Бирюкова 2007]. Аббревиацию можно считать одним из самых распространённых способов словообразования. Некоторые лингвисты убеждены в том, что явление аббревиации нельзя считать характерной чертой какой-либо нации, какого-либо национального языка. Действительно, этот языковой процесс получил распространение не только в русском, в английском, но и во многих других языках, и факторы, вызвавшие его, необходимо искать в общих тенденциях развития человеческой цивилизации, в свойствах человеческой памяти и особенностях восприятия.

В свете концепций словообразования аббревиация создаёт много теоретических проблем. До настоящего момента дискуссионным остаётся вопрос о том, можно ли причислять аббревиацию к одному из способов словообразования. Однозначного ответа на этот вопрос в современном языкознании нет. Подавляющее большинство исследователей всё-таки сходятся во мнении, что аббревиация – это один из способов словообразования, но при этом существует много допущений. Существуют концепции, согласно которым аббревиацию как способ образования новых слов определяют термином «словотворчество».

А.В. Стахеева называет аббревиатурный способ словообразования «самым субъективным, самым искусственным среди всех способов, известных языку» [Стахеева 2008, с. 26].

Таким образом, аббревиатуры, с одной стороны, представляют собой ёмкие по форме образования (они сокращают объём письменного текста и время устных сообщений), однако с другой стороны, сокращения избыточны, так как они требуют расшифровки (то есть наличия полной несокращённой номинации).

В словообразовательном смысле аббревиатура – это существительное, которое может быть образовано:

- 1) из усечённых отрезков слов (*главбух*);
- 2) из усечённых отрезков в соединении с целым словом (*запчасти*);
- 3) из начальных звуков слов или названий их начальных букв (*АТС*).

Существует термин «инициальная аббревиатура» – это слово, которое образовано из начальных букв или из начальных звуков слов исходного словосочетания.

Аббревиатуры, использующиеся в качестве названий компаний и организаций, получили в лингвистической литературе определение «абброэргонимы». Этот термин используется как в узком, так и в широком значении, включая в свой состав только инициальные аббревиатуры (при узком понимании) или не только инициальные аббревиатуры, но и сложносокращённые слова (при широком понимании термина).

Как правило, эргонимы представляют собой имена собственные, не имеющие непосредственной связи с понятием, но вызывающие различные ассоциации. Эргонимы делятся на инициальные абброэргонимы и неинициальные абброэргонимы.

Ф.Ф. Алистанова предлагает следующую словообразовательную классификацию абброэргонимов [Алистанова 2017, с. 57–58]. Все аббревиатурные неологизмы были разделены в зависимости от способа образования на две группы: инициальные и неинициальные аббревиатуры, каждая из которых имеет свои подгруппы. А в зависимости от синтаксических отношений – на простые и синтаксически усложнённые.

Анализ владивостокских абброэргонимов подтверждает тот факт, что широкое употребление в качестве эргонимов аббревиатур и сложносокращённых слов, а также их структурное своеобразие характеризуется наличием двух тенденций речевой экспликации данных языковых единиц.

С одной стороны, аббревиатуры часто являются объектами критики, в силу их непонятности, особенно если это специальные термины или сокращения местного характера, которые не вошли в общелитературный язык. Абброэргонимы считают не самым эффективным способом наименования компаний, так как набор букв не может эффективно осуществлять функцию наименования, практически любое название может быть лучше аббревиатуры. Кроме того, излишнее увлечение, злоупотребление аббревиатурами и сокращениями может затруднить их понимание.

С другой стороны, аббревиатуры и сокращения помогают избегать длинных, многословных конструкций, экономить речевые усилия и добиваться краткости в коммуникации.

Предлагаем следующее описание системы владивостокских абброэргонимов.

Инициальные владивостокские абброэргонимы могут быть представлены следующими типами:

1. Простые:

а) буквенная подгруппа (образованы путём сокращения сочетаний слов по начальным буквам):

ВТБ – Внешторгбанк,

МТС – ОАО «Мобильные ТелеСистемы»;

б) звуковая подгруппа (состоят из начальных звуков слов исходного словосочетания и читаются как обычное слово):

ВОВА – Всероссийское Общество Автомобилистов,

ЮКА – Юридическая Коллегия Адвокатов.

2. Синтаксически усложнённые:

а) сложно-составные:

Трак-РФ – торговая компания,

FE-IT – компания, занимающаяся разработкой программного обеспечения;

б) в синтаксическом комплексе:

EFI-центр – автосервис,

AB-Studio – салон красоты,

СК-studio – салон красоты;

в) собственно синтаксически усложнённые:

ПФК ДВ 25 – кредитная организация,

ИИАЭ ДВО РАН – Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук.

Все аббревиатурные владивостокские эргонимы делятся на две группы – русские наименования и заимствованные.

В состав русских аббревиатурных эргонимов входят:

1) аббревиатуры, имеющие полные названия (подверженные раскодированию или расшифровке);

2) аббревиатуры, не имеющие полные названия (не подверженные раскодированию).

1. Абброэргонимы, имеющие полные названия:

а) полное название – сочетание имени прилагательного (прилагательных) и имени существительного:

ПРК – Прибрежная Рыбодобывающая Компания,
СВТЭК – Северо-Восточная Транспортно-экспедиторская Компания,
ВТЭК – Восточная Транспортно-экспедиционная Компания,
БМК – Британская Медицинская Компания,
РТК – Региональный Технический Колледж;

б) полное название – сложносокращённое слово:

СМА – Спецмонтажавтоматика,
СТС – Спецтехстрой,
ВСК – Востокснабконтракт;

в) полное название – сочетание русских и заимствованных слов:

ВТЛ – Восток-транс Лайн,

АС – Альфа Страхование (в данном случае создаётся языковая игра за счёт того, что аббревиатура омонимична полному слову «ас» – тот, кто достиг высокого мастерства в каком-либо деле).

г) полное название – сочетание слов, реализующее не только номинативную, но и экспрессивную функцию:

ТК НСК – Транспортная компания Надёжность Скорость Качество,
ДКМ – Дизайн Комфорт Мебель.

2. Аббревиатуры, не имеющие полные названия:

ВУСТОК, *ДМС*, *МВТ*, *АМТ*, *ЮКА*, *ДИМАКС*, *СТР*, *ТМС*, *РЭМ*, *ИНТЭКО*, *АРТ-ТН*, *ПКП*, *НТСК*, *АСУ-РИФ*, *АИВ* и др.

Аббревиатуры, являясь названиями компаний или организаций, часто используются как в письменной, так и в устной речи. Произносительные варианты некоторых аббревиатурных эргонимов являются труднопроизносимыми. В ряде случаев в речи допускаются ошибки при произношении этих аббревиатур.

С точки зрения произношения можно выделить три вида аббревиатурных названий:

1. Буквенные аббревиатуры (составлены из алфавитных названий начальных букв слов, которые образуют исходные словосочетания):

ЦРТ – Центр Репутационных Технологий,
ДКМ – Дизайн Комфорт Мебель,
БМК – Британская Медицинская Компания,
СТС – Спецтехстрой.

2. Звуковые аббревиатуры – акрофонетические (составлены из начальных букв элементов исходного словосочетания, но читаются не по алфавитным названиям букв, а как обычные слова):

ДВИЦ – Дальневосточный Ипотечный Центр,
ЗАКС – Запись Актов Гражданского Состояния,
ВГУЭС – Владивостокский Государственный Университет Экономики и Сервиса.

3. Буквенно-звуковые аббревиатуры (составлены частично из названий начальных букв, частично – из начальных звуков слов исходного словосочетания):

ГИБДД – Государственная инспекция безопасности дорожного движения,
ДВФУ – Дальневосточный федеральный университет,
ДВНИГМИ – Дальневосточный региональный научно-исследовательский гидрометеорологический институт,
ДВГАИ – Дальневосточная государственная академия искусств.

Внимание иностранных учащихся также необходимо обратить на морфологические особенности аббревиатур.

В зависимости от рода стречного компонента аббревиатурные наименования могут быть:

а) мужского рода:

ВМК – Владивостокский морской колледж,

ДНК – Дом народных ремёсел;

б) женского рода:

ВТЭК – Восточная Транспортно-экспедиционная компания,

ПСК – Промышленно-строительная компания;

в) среднего рода:

ВОА – Всероссийское общество автомобилистов,

ДМС – Добровольное медицинское страхование.

Аббревиатуры, встречающиеся в названиях владивостокских компаний, можно классифицировать на основе морфологических характеристик:

1) аббревиатуры, сохраняющие родовую принадлежность первого сокращаемого слова:

ДНР – Дом народных ремёсел,

ЦРТ – Центр репутационных технологий;

2) аббревиатуры, сохраняющие родовую принадлежность последнего сокращаемого слова:

ДМС – Дорожно-Мостовое Строительство,

ВГКК – Владивостокский Гуманитарно-коммерческий Колледж,

ДВИЦ – Дальневосточный Ипотечный Центр;

3) аббревиатуры, сохраняющие родовую принадлежность стречного слова, которое находится в середине аббревиатуры:

ВГУЭС – Владивостокский Государственный Университет Экономики и Сервиса,

ВЦРТО – Владивостокский Центр Ремонта Технологического Оборудования.

Зафиксирована перестановка инициальных букв в аббревиатуре. Так, аббревиатура ВТЛ расшифровывается как «Лаборатория Водных Технологий». Такая перестановка может быть связана либо с попыткой создать благозвучие в произношении аббревиатуры, либо с наличием одноимённой компании.

Некоторые аббревиатуры, имеющие ведущий компонент среднего рода, в сочетаемости с прилагательными и глаголами употребляются как слова мужского рода. Например, вуз – Высшее Учебное Заведение. По правилу эта аббревиатура должна относиться к среднему роду, так как главное слово в этом сочетании (заведение) среднего рода. Но по формальной близости с существительными мужского рода с нулевым окончанием такие аббревиатуры приобретают мужской род.

Таким образом, в большинстве своём все аббревиатуры – это несклоняемые существительные, которые относятся к тому же грамматическому роду, что и стречное слово соответствующего полного наименования.

Заемствования в аббревиатурах Владивостока, как правило, из английского языка. Английские аббревиатуры можно разделить на две группы:

1) аббревиатуры, имеющие полное наименование;

2) аббревиатуры, не имеющие полного наименования.

1. Названия компаний, которые имеют полные наименования:

CBS – Customs Business Support,

Atv – Aktuel Televizyonu,

KFC – Kentucky Fried Chicken,

IT-VDK – Information Technology Visual DSP+ Kernel,

DNK – Destructively Nefarious Kids,

FEBS – Far Eastern Business Society,

AG – Absolute Games,

DNS – Digital Network System.

2. Названия компаний, которые не имеют полные наименования: *ABC, KZ, TFM, KFE, ATP1, NRG Fit, ZTV, USA, SBT*.

Заимствованные абброэргонимы встречаются в названиях владивостокских компаний разных сфер деятельности.

Анализ неинициальных абброэргонимов позволил сделать следующие выводы об основных тенденциях в неинициальных владивостокских абброэргонимах.

1. Наличие абброморфемы «прим» или «прима», отсылающей к названию региона – Приморский край:

Приммелиоводхоз – Управление мелиорации земель и хозяйственного водоснабжения по приморскому и хабаровскому краям.

Примэксперт – Экспертно-оценочная компания.

Примамед – Медицинский центр.

В данном случае гласная «а» помогает избежать двойной согласной – Приммед (такой абброэргоним труднее произносить, нежели Примамед).

2. Наличие абброморфемы «влад» / *vlad*, отсылающей к названию города – Владивосток:

а) на русском языке:

ВладСтар – хостел. Этот абброэргоним существует в двух вариантах: название на русском – ВладСтар и на английском – *VladStar*.

Владхлеб – компания по производству хлебобулочных и кондитерских изделий.

Владснэк – оптовая компания.

Владторгимпорт – торговая компания.

б) на английском языке:

Vladkids – Центр детского развития.

3. Наличие абброморфемы «восток», отсылающей к названию региона – Дальний Восток:

Востоктелеком – телекоммуникационная компания.

ВостокПроектСтрой – Строительная экспертиза от осмотра до заключения.

4. Наличие абброморфемы «даль», отсылающей к названию региона – Дальний Восток:

Далькомпас – Магазин навигационного оборудования и средств связи.

ДальМясТорг – Оптовая компания.

5. Наличие абброморфемы «порт», указывающей на близость к морю, на локализацию в портовом городе:

Порт Экспресс ДВ – транспортная компания.

ВладПортбункер – нефтеперевалочное предприятие.

Работа с абброэргонимами на занятиях РКИ с иностранными студентами осуществляется так же, как и с обычными словами. Сначала происходит знакомство с графическим и звуковым обликом вводимой лексической единицы. Кроме того, преподавателю необходимо показать иностранным студентам, как данная аббревиатура выглядит графически, причём можно демонстрировать логотип компании (или организации), в состав которого, как правило, входит абброэргоним. Затем даётся расшифровка абброэргонима, поясняется и запоминается звучание и написание. Если уровень владения студента русским языком не даёт ему возможность понимания всех компонентов того словосочетания, которое является итогом расшифровки аббревиатуры, то можно использовать один из приёмов семантизации лексики. В зависимости от уровня освоения русского языка и от направления подготовки студента необходимо выбрать способ интеграции заданий с использованием абброэргонимов в учебный процесс.

Таким образом, мы предлагаем вариант описания абброэргонимов Владивостока для эффективного освоения иностранными студентами той языковой среды, в которой студенты могут находиться, обучаясь в Дальневосточном федеральном университете.

Такое подробное описание абброэргонимов на занятиях и последующее использование их в речи в качестве более экономных и живых разновидностей развёрнутых наименований в рамках процесса коммуникации способствует тому, что иностранные студенты более активно вовлекаются не только в городскую коммуникацию, но и в изучение системы словообразования русского языка.

Литература

1. Алистанова Ф.Ф. Особенности образования современных эргонимов лексико-синтаксическим способом и аббревиацией // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5 (71). С. 56–58.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов М.: Советская энциклопедия, 1969. 608 с.
3. Бирюкова Е.А. Функционирование аббревиатур в современной речи: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 309 с.
4. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 90–141.
5. Русская грамматика. В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1980. 792 с.
6. Стахеева А.В. Аббревиация: словопроизводство и словотворчество (на материале русского языка конца XX – начала XXI века): дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2008. 251 с.

Социальные сети как инструмент обучения русской грамматике иностранных студентов медицинского вуза

Анастасия Викторовна Завадская

Оренбургский государственный медицинский университет

Минздрава России

a.v.zavadskaya@gmail.ru

В статье представлены возможности использования социальных сетей в образовательном процессе. Автор демонстрирует собственный опыт включения ресурсов социальных сетей в практику преподавания русского языка как иностранного студентам медицинского вуза. Использование возможностей социальных сетей в учебных целях способствует повышению мотивации студентов к изучению русской грамматики.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, грамматика, грамматическая компетенция, медицинский вуз, социальные сети.

Social Networks as a Tool for Teaching Russian Grammar to Foreign Medical Students

A.V. Zavadskaya

Orenburg State Medical University

of the Ministry of Health of Russia

The article presents the possibilities of using social networks in the educational process. The author demonstrates his own experience of including social media resources in the practice of teaching Russian as a foreign language to medical university students. Using the possibilities of social networks for educational purposes helps to increase the motivation of students to study Russian grammar.

Keywords: Russian as a foreign language, grammar, grammatical competence, medical university, social networks.

Формирование коммуникативной компетенции занимает важное место в подготовке специалиста медицинского профиля. Профессия врача помимо основной, лечебной, деятельности включает в себя и выполнение работ, связанных с использованием языка: заполнение медкарты, выстраивание диалогов с пациентом, участие в диалогах/полилогах на профессиональную тематику с коллегами. Несформированность коммуникативной компетенции усложняет профессиональную коммуникацию на всех этапах её реализации.

Одним из компонентов коммуникативной компетенции является грамматическая компетенция, проявляющаяся в умении употреблять грамматические средства языка для достижения задач коммуникации. Именно поэтому работе над грамматикой уделяется значительное внимание при обучении русскому языку иностранных студентов-медиков.

Как правило, грамматическая работа включает в себя комплекс упражнений, направленных на отработку изученной грамматической конструкции. Дидактический материал не отличается богатством и разнообразием, поэтому зачастую у студентов данный вид работы не вызывает интереса. Именно поэтому преподавателям приходится искать альтернативные формы работы и способы демонстрации грамматического материала.

Одним из таких альтернативных путей является использование социальных сетей в учебном процессе. Под социальной сетью понимают «специальные онлайн-сервисы с возможностью виртуального общения и контакта посредством письменных или видео-

сообщений» [Ивкина 2019, с. 205]. Так, Ю.Б. Киняшева отмечает, что «применение сетевых ресурсов в образовательном процессе продиктовано современными условиями жизни, но при этом должно быть дозировано, являясь вспомогательным инструментом преподавателей и студентов» [Киняшева 2021, с. 127].

Работы последних лет демонстрируют возможности включения в образовательный процесс таких социальных сетей, как Вконтакте, Инстаграм*, видеохостинга YouTube и др. Главной причиной использования ресурсов вышеперечисленных платформ, в первую очередь, называется повышение мотивации студентов к изучению иностранного языка. Об этом говорят Н.А. Авдеева, А.Г. Соломатина, А.Н. Кислов, Г.Б. Сайфутдинова и др.

Чаще всего учёными-исследователями и практикующими преподавателями описывается опыт внедрения социальных сетей в практику обучения английскому языку. Он представлен в работах Ю.В. Наволочной, И.В. Грубина, Р.Э. Насыбуллина и др. Что касается русского языка как иностранного, то исследования в этой области немногочисленны. Среди них следует отметить диссертацию Бен Ромдан Сами «Методика использования социальных сетей в обучении русскому языку как иностранному туниских студентов-филологов: уровень В1», статьи Е.В. Огрызко, И.О. Трофимова, М.И. Ивкиной.

Цель данной статьи – показать собственный опыт привлечения ресурсов социальных сетей в образовательный процесс. При этом основное внимание мы сосредоточим на возможностях работы с грамматикой РКИ, составляющей основу медико-биологического профиля.

Н.А. Авдеева указывает на то, что при помощи преподавательских блогов «можно эффективно управлять самостоятельной внеаудиторной работой обучаемых, а также создавать задания, направленные на совершенствование навыков речевой деятельности. Обучению разным видам письма (поискового, просмотрового, ознакомительного и изучающего) способствует неограниченная возможность размещать ссылки в любом количестве на отличные друг от друга материалы. Также блоги ничем не уступают в возможности приобретения навыков говорения и аудирования» [Авдеева 2016, с. 97].

Прежде чем приступить к созданию преподавательского блога и наполнению его контентом, мы выделили круг ключевых грамматических тем, составляющих основу профессиональной коммуникации будущего врача (например, обозначение компонентного состава объекта, выражение причины и др.). Объяснение данного материала всегда происходит при контактной работе с преподавателем (при этом неважно, проводится урок в аудитории или онлайн). На уроке проводится и первичное закрепление новой темы.

Привлечение ресурсов социальных сетей мы осуществляли во время самостоятельной работы студента (повторение изученного материала, выполнение домашнего задания). Многолетний опыт работы показывает, что именно на этапе самостоятельной работы студенты сталкиваются с трудностями, вызванными тем, что ими не был усвоен (или не в полной мере усвоен) изученный на занятии материал. Учебного материала в учебнике зачастую оказывается недостаточно. В этом случае студентам могут помочь посты в социальной сети, подготовленные преподавателем. Платформы Вконтакте и Инстаграм* позволяют выкладывать небольшие видео, которые могут дублировать материал урока. Особенно удобно это оказывается для тех студентов, которые не присутствовали на занятии.

* Организация Meta, продуктом которой является социальная сеть Инстаграм, признана экстремистской на территории РФ.

Посты хранятся в аккаунте без ограничения по времени. Поэтому обучающиеся могут возвращаться к их просмотру столько раз, сколько им необходимо.

М.И. Ивкина предлагает использовать формат постов и при отработке грамматического материала: «Грамматические упражнения выполняются в комментариях: под каждой публикацией участник микрокурса читает текст для ознакомления с новой информацией» [Ивкина 2019, с. 39]. Однако мы считаем, что такой формат неудобен, поскольку комментарии видны всем пользователям. А это может привести к тому, что слабые студенты будут просто дублировать ответы более сильных товарищей, студенты с хорошей зрительной памятью могут запомнить неправильный ответ и в дальнейшем использовать данный вариант в речи. Представляет трудность и обработка ответов, представленных в комментариях.

Закрепление материала, на наш взгляд, гораздо удобнее проводить в формате так называемых сториз. В отличие от постов они размещаются в профиле всего на 24 часа. Сториз возможно размещать и в социальной сети Вконтакте, и в сети Инстаграм*. По возможностям оформления они практически идентичны. Покажем на примере, как мы используем формат сториз при работе над грамматикой.

Из богатого набора опций самыми удобными для образовательного процесса, на наш взгляд, являются сториз типа «тест», «опрос», «запись». Из самого названия «тест» становится ясно, что в данном типе сториз необходимо задать какой-нибудь вопрос, к которому должны быть представлены варианты ответа. При проверке грамматического материала можно предложить студентам такие задания:

- закончите предложение;
- вставьте пропущенный предлог;
- выберите подходящий по смыслу глагол;
- выберите необходимую падежную форму существительного/прилагательного.

Второй тип сториз, который может успешно применяться для закрепления грамматического материала, это «опрос». По своему характеру он также представляет собой тест. Но количество вариантов ответа ограничивается лишь двумя позициями. Также в данном типе имеются ограничения и по количеству символов, которое может быть использовано в предъявляемых вариантах ответа: до 10 знаков. Поэтому в опросе удобно предлагать варианты с падежным окончанием именной части речи, временным окончанием глаголов, выбором предлога в рамках именного или глагольного управления. Мы предлагали студентам задания следующего характера:

- выберите окончание прилагательного/существительного/глагола;
- определите пропущенный предлог;
- выберите пропущенный глагол (только для слов, количество букв в которых не превышает 10 знаков);
- укажите правильную родовую форму.

Тип сториз «вопросы» предполагает самостоятельную запись ответа на поставленный вопрос в специальное окошечко. Задания, представленные на основе данного типа, представляют наибольшую сложность, так как студенты должны сами записать правильный ответ, а не выбрать из предложенных, как это было в предыдущих заданиях. Например: напишите пропущенный глагол/предлог; закончите предложение. Примеры заданий в формате сториз представлены на рис. 1.

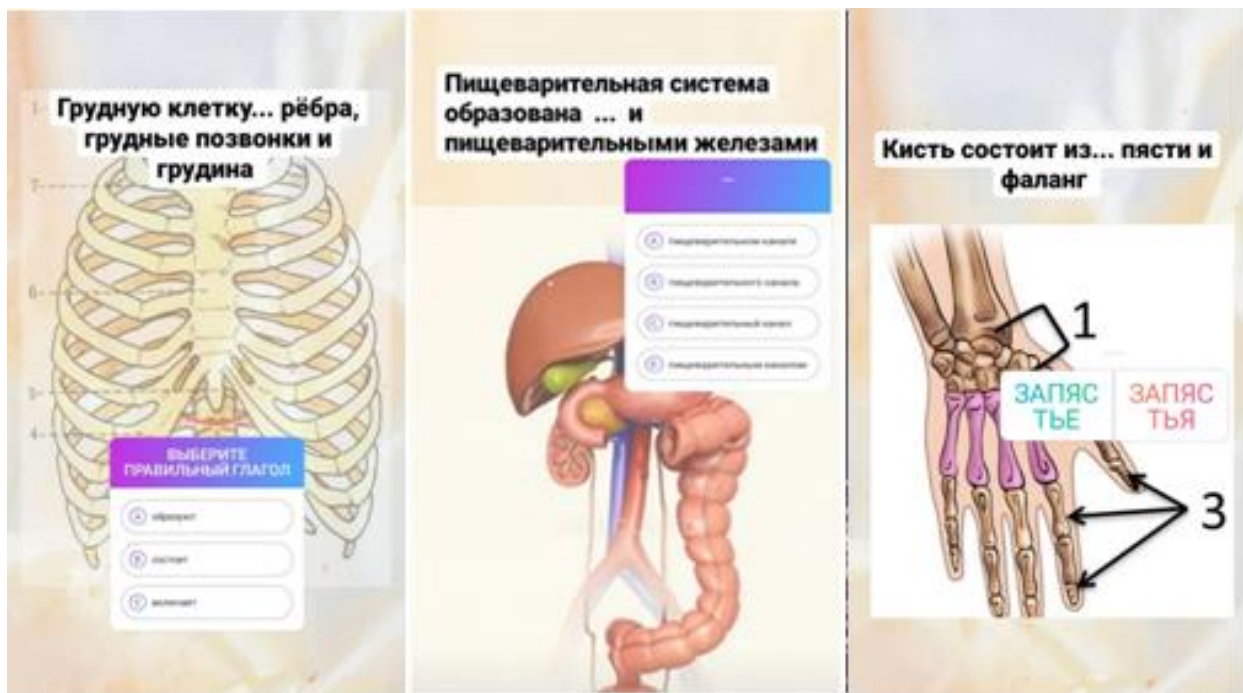

Рис. 1. Использование сториз при закреплении грамматического материала

Использование заданий такого формата вызывает неподдельный интерес со стороны студентов. Они с большим удовольствием выполняют задания, просматривая сториз. Для преподавателя данный формат даёт возможность оперативного контроля уровня сформированного грамматических знаний. Так, преподаватель может посмотреть статистику ответов, что даёт общее представление об усвоенности того или иного материала, может посмотреть ответы конкретного студента и т.д. В том случае, если ошибка была допущена большим количеством студентов, преподаватель сразу же может дать комментарий к материалу, вызвавшему трудность. Это можно сделать в формате сториз или опубликовать пост. Таким образом, студенты сразу же будут видеть, почему у них возникла ошибка, им не нужно ждать следующего аудиторного занятия, чтобы задать вопрос непосредственно преподавателю.

Что касается видеохостингов YouTube, Rutube, ЯндексДзен, то их тоже можно использовать в образовательных целях. Так, преподаватель может готовить специальные видеоролики с объяснением того или иного грамматического материала. Например, объяснение темы «Обозначение компонентного состава предмета» можно продемонстрировать на примере следующего текста: «Скелет человека состоит из осевого скелета и добавочного скелета. Осевой скелет включает в себя позвоночный столб, череп и грудную клетку. В состав добавочного скелета входят скелет верхних конечностей и скелет нижних конечностей». На сегодняшний день существует большое количество приложений, позволяющих без проблем создать видеоролик из набора фотографий, небольших видео, наложить на него аудиозапись. При размещении видео преподаватель может ограничить доступ к его просмотру, если не хочет, чтобы видео находилось в свободном доступе.

Конечно же, социальные сети не могут заменить живого урока, проводимого преподавателем. Однако они могут стать дополнительным элементом внеаудиторной работы при обучении русскому языку как иностранному, средством закрепления изученного материала. Использование возможностей социальных сетей в обучающих целях повышает мотивацию студентов к изучению русского языка как иностранного.

Литература

1. Авдеева Н.А. Использование социальных сетей в процессе обучения как средство повышения мотивации обучающихся // Материалы научно-практической конференции «Педагогика и психология современного образования: теория и практика». Ярославль, 2016. С. 96–100.
2. Бен Ромдан Сами. Методика использования социальных сетей в обучении русскому языку как иностранному туниских студентов-филологов: уровень В1: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2014. 23 с.
3. Грубин И.В. Использование медиа-ресурсов, социальных сетей и блогов в обучении иностранным языкам // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: Материалы XXXIV междунар. науч.-практ. конф. М., 2017. С. 123–132.
4. Ивкина М.И. Микрокурсы в социальных сетях // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 3. С. 38–39.
5. Киняшева Ю.Б. Особенности использования социальных сетей в процессе обучения в вузе // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2021. № 2. С. 126–133.
6. Кислов А. Н. Использование социальной сети «ВКонтакте» в образовательном процессе // Мастерство online. 2015. № 3. URL: <https://docplayer.com/37965970-Ispolzovanie-socialnoy-seti-vkontakte-v-obrazovatelnom-processe.html> (дата обращения: 31.03.2022).
7. Наволочная Ю.В. Применение социальных сетей в практике обучения иностранному языку // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 2. С. 267–272.
8. Насыбуллин Р.Э. Блоги как инструмент обучения английскому языку // Вестник науки и образования. 2019. № 6 (60). Ч. 1. С. 69–73.
9. Огрызко Е.В. Социальная сеть как одна из форм дистанционного обучения русскому языку как иностранному // Проблемы непрерывного профессионального образования в России: состояние и перспективы. Ростов н/Д, 2015. С. 250–264.
10. Сайфутдинова Г.Б., Мироненко А.С. Возможности использования информационно-коммуникативных технологий и социальных сетей в самостоятельной работе студентов вузов // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 54-7. С. 183–189.
11. Соломатина А.Г. Социальные сети как инструмент повышения мотивации к изучению иностранных языков студентов вузов // Перспективы науки и образования. 2018. № 2 (32) С. 230–235.
12. Трофимов И.О. Методический ресурс электронных текстов в обучении русскому языку (на материале социальной сети Инстаграм) // Пермский педагогический журнал. 2021. № 12. С. 150–155.

Организация проектной деятельности в многоязычной аудитории

Екатерина Анатольевна Зубанова
Дальневосточный федеральный университет
zubanova.ea@dvfu.ru

Статья посвящена актуальному вопросу организации проектной деятельности в многоязычной аудитории и особенностям каждого этапа проекта при использовании на уроках русского языка как иностранного. Для реализации технологии проектной деятельности был разработан ряд проектных заданий по развитию речевых компетенций, успешно внедрённых в учебный процесс в многоязычной аудитории.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, РКИ, метод проектов, проектная деятельность, проект.

Project Activities in a Multilingual Audience

E.A. Zubanova
Far Eastern Federal University

This article is devoted to the topical issue of the organization of project activities of foreign students from different countries and the peculiarities of each stage of the project when using Russian as a foreign language in lessons. To implement the technology of the project method, a few project tasks were developed for the development of speech competencies that were successfully implemented in the educational process.

Keywords: Russian as a foreign language, project method, project activity, project.

На современном этапе проекты всё чаще используются для реализации целей в разных сферах деятельности человека. Это и производственная (промышленность, сельское хозяйство и др.), и интеллектуальная сфера (наука, искусство, образование и др.), и сфера услуг (торговля, транспорт, медицина, туризм и др.).

В сфере образования проект – это «конечный продукт, получаемый в результате планирования и выполнения комплекса учебных и исследовательских заданий. Позволяет оценить умения обучающихся самостоятельно конструировать свои знания в процессе решения практических задач и проблем, ориентироваться в информационном пространстве и уровень сформированности аналитических, исследовательских навыков, навыков практического и творческого мышления. Может выполняться в индивидуальном порядке или группой обучающихся» [Положение... 2015, с. 12], т.е. цель каждого проекта – получение реального, конкретного результата, достигнутого студентом самостоятельно и/или в коллективе.

Проект является одним из интерактивных методов, успешно формирующих коммуникативную и социокультурную компетенции, повышающих качество преподавания и мотивацию студентов к изучению русского языка как иностранного в частности и в общем – к обучению в вузе. Данная инновационная педагогическая технология способствует ещё более активному взаимодействию студентов с преподавателем и друг с другом (трёхчастная система: «студент – преподаватель – группа») как на занятиях, так и вне учебной деятельности, что показывает актуальность и значимость данного вида работы.

Проектная технология в России возникла в начале XX в., когда была организована небольшая группа преподавателей под руководством С.Т. Шацкого, которая впервые внедрила эту методику в практику обучения. Несмотря на столь долгий срок применения,

данный метод не утратил актуальности, а лишь доказал свою инновационность и эффективность. Кроме того, бесспорным преимуществом использования метода проектов в свете компетентностного подхода является именно деятельностный подход к совместному решению образовательных задач. Метод проектов способствует созданию атмосферы непрерывного обучения, организации самостоятельной работы учащихся, прививает им навыков самоанализа, самооценивания и рефлексии [Ахренова 2020, с. 47].

В настоящее время идея проектного обучения стала одной из основных в деятельности современных российских вузов, что объясняет интерес к ней преподавателей.

Актуальной потребностью практики преподавания русского языка как иностранного является применение проектного обучения на занятиях.

Новизна же проектного обучения сегодня заключается в его активном применении в образовательном процессе, проходящем в онлайн-формате с использованием в ходе его реализации информационно-коммуникационных технологий и электронных средств обучения.

При организации проектной деятельности следует учитывать требования, на которых основывается проектирование: определение актуальной проблемы, теоретическая и практическая значимость результатов, самостоятельное решение проблемы обучающимися, разделение проекта на этапы, применение исследовательских методов с использованием методов активного обучения [Полат 2005, с. 58–59].

Перед учебными проектами ставятся следующие цели: закрепить и расширить знания студентов-иностранцев по изученной тематике, обобщить пройденный лексический и грамматический материал, развить навыки всех видов речевой деятельности, создать условия для формирования коммуникативных навыков, сформировать умения коллективной работы.

Выполнение проекта предполагает самостоятельную и аудиторную работу студентов.

В рамках данной статьи особое внимание хотелось бы уделить организации проектной деятельности на уроках русского языка как иностранного в многоязычной аудитории. В такой многоязычной среде русский язык будет выступать в роли языка-посредника.

Во-первых, проектная деятельность на уроках русского языка как иностранного может быть организована на любом этапе обучения с учётом уровня владения русским языком, а также следует учитывать национальные особенности обучаемого контингента при подборе учебного материала по русскому языку.

Во-вторых, в условиях многоязычия работу над учебным проектом необходимо организовать небольшими группами студентов из разных стран с целью повышения их речевой активности, развитию коммуникативной компетенции, мотивации студентов к творчеству и коллективной работе.

В-третьих, необходимо использовать удобные и доступные средства электронного обучения, так как участники одной группы работают на расстоянии, используя разные устройства, и им сложно взаимодействовать друг с другом. Снять трудности технического плана, например, можно посредством корпоративной платформы Microsoft Teams, которая включает чат и онлайн-собрания с возможностью видеосвязи, записную книжку, различные приложения, обмен и совместную работу над файлами.

В-четвёртых, организовывая проектную работу на уроках русского языка как иностранного, преподаватель должен помнить, что его задача – заинтересовать и направить студента, скоординировать его работу в проекте, что позволит студенту применить свои

знания на практике. Основным требованиям преподавателя к обучающимся должно быть осмысление, пересказ, интерпретация изученных фактов, их авторское изложение на том уровне и с теми языковыми средствами, которые соответствуют уровню владения языком в группе. Таким образом, обучающиеся создают свой продукт, а не получают его готовым от преподавателя. В подобных условиях происходит изменение роли преподавателя: от роли инструктора, источника знаний он переходит к роли наставника, координатора проекта [Великанова 2002, с. 92].

В-пятых, обучающиеся, опираясь на изложенную в разных источниках информацию, делясь ею с другими, открывают новые для себя факты и осмысливают новые понятия, что положительно сказывается на развитии их коммуникативной и социокультурной компетенций, также в условиях многоязычия они знакомятся с культурой, обычаями и традициями не только страны изучаемого языка – России, но и родных стран студентов-одногруппников.

Наконец, крайне важно во время завершающего этапа работы над проектом на стадии рефлексии сформировать у студентов навык профессионального самоанализа и самооценки, т.е. дать возможность самостоятельно оценить себя и свою работу. Данный навык помогает личностно-профессиональному становлению студента, даёт возможность разобраться в своих знаниях и умениях, понять свои слабые и сильные стороны.

Приведём примеры проектной работы на уроках русского языка как иностранного в многоязычных группах, прошедших базовый курс русского языка.

Примером подобного учебного проектирования могут стать тематические монопроекты в рамках актуальных для данного уровня тем, входящих в требования к первому уровню общего владения русским языком: 1. Биография: детство, учёба и работа, интересы. Семья. 2. Выбор места учёбы или работы, профессии и др.; выражение отношения к ним. 3. Система образования: школы, колледжи, институты и университеты в России и в родной стране. 4. Роль иностранных языков в жизни человека. Изучение русского языка. 5. Образ жизни (режим работы, отдых, традиции, общение с коллегами и друзьями). 6. Свободное время. Отдых, интересы, увлечения (искусство, спорт, путешествия и т.п.). 7. Город. Столица страны. Родной город. Город как центр культуры и туризма. Проблемы современного города. Жизнь в городе и деревне. 8. Страна. Россия. Её регионы. Родная страна: география, экономика, культура, история и т.п. 9. Известные деятели науки и культуры России и родной страны. 10. Природа. Природа и человек. Экология [Требования... 2009, с. 8]. Результаты проектов могут быть представлены в виде презентаций, документов в формате .doc, .pdf и/или публичного выступления или дискуссии в многоязычной аудитории.

Проект «Семья в современном мире».

Студенты должны реализовать информационный коллективный монопроект на тему «Семья в современном мире: родители и дети», результатом которого станет презентация и текст выступления. До работы над проектом на уроках русского языка как иностранного студенты знакомятся с новыми словами по теме, слушают и читают тексты (монологи и диалоги), выполняют задания, т.е. работа над проектом начинается непосредственно с началом новой темы. Далее преподаватель делит общую группу на подгруппы, учитывая уровень владения русским языком и этнический состав студентов, и представляет «дорожную карту» с последовательностью шагов для реализации проекта. Хочется отметить, что студенты в ходе реализации и защиты проекта, говоря только на русском языке

ке, узнают больше друг о друге, о культуре, семейных обычаях и традициях других стран, повышают свою речевую активность, развивают коммуникативную и социокультурную компетенции. По окончании работы над проектом студенты выступают перед аудиторией с презентацией и кратким описанием проекта, что и является результатом данного образовательного продукта. После защиты проекта студентам предоставляется возможность рефлексии и самоанализа с целью выявления преимуществ и недостатков своего проекта, выяснения трудностей и путей их преодоления в будущем.

Проект «Путешествие в городе».

Студенты должны реализовать практико-ориентированный индивидуальный монопроект на тему «Путешествие в городе», результатом которого станет создание «виртуального тура» по родному городу обучающихся с описанием достопримечательностей на русском языке. Студенты, используя интернет-ресурсы, например, Яндекс.Карты или национальные поисковые системы, подбирают материал, иллюстрации, отбирают достопримечательности, интересные места и здания в родном городе, выстраивают городской маршрут туриста, пишут текст выступления и паспорт проекта, готовят презентацию и в финальной части работы над проектом предъявляют на уроке собственный текст с целью знакомства студентов из других стран со своим родным городом с его культурой и архитектурой. На стадии рефлексии студенты оценивают себя, свой проект и его результаты.

Таким образом, в конце каждой темы с помощью проектного задания обобщается изученный материал, закрепляются знания учащихся по лексико-грамматической теме, развиваются навыки письма и говорения, расширяется словарный запас, формируется социокультурная компетенция, а также навык самооценивания и самоанализа.

Итак, в результате правильно организованной проектной деятельности на уроках русского языка как иностранного в многоязычной аудитории студенты применяют полученные знания на практике, проявляют самостоятельность и креативность, совершенствуют свои коммуникативную и социокультурную компетенции, развивают исследовательские и познавательные способности, учатся работать в коллективе, а включение национально-культурного компонента, диалога культур в содержание обучения русскому языку способствует воспитанию положительного отношения к культуре другого народа.

Литература

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М., 2009. 446 с.
2. Ахренова Н.А. Использование технологий дополненной реальности в процессе преподавания русского языка как иностранного // Проблемы преподавания русского языка как иностранного в современном вузе: сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. М.В. Беляков; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, кафедра русского языка. М.: МГИМО – Университет, 2020. С. 45–51.
3. Великанова А.В., Мокраусов И.В., Севостьянова О.В. и др. Технология развития критического мышления через чтение и письмо. Дебаты. Портфолио. Самара: Профи, 2002. Вып. 2. Компетентностноориентированный подход к образованию. 92 с.
4. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учебное пособие / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева, А.Е. Петров / под ред. Е.С. Полат. М.: Издательский центр «Академия», 1999–2005. 224 с.

5. Положение о фондах оценочных средств образовательных программ высшего образования – программ бакалавриата, специалитета, магистратуры ДВФУ. ПД-ДВФУ-03-293-2015 от 20.04.2015. Владивосток, 2015. 37 с.

6. Требования по русскому языку как иностранному. Первый уровень. Общее владение. Второй вариант / Н.П. Андрияшина и др. [Электронный ресурс]: электронный аналог печатного издания. 2-е изд. М.–СПб.: Златоуст, 2009. 32 с. URL: <http://www.zlat.spb.ru> (дата обращения: 31.03.2022).

УДК 372.881.161.1

Методика работы с учебным художественным текстом в китайской аудитории: лингвокультурный аспект

Кан Инань,

Александр Степанович Мамонтов

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
kangyn521@mail.ru; ASMamontov@pushkin.institute

Статья посвящена особенностям работы с учебным художественным текстом в практике преподавания русского языка как иностранного китайским студентам (уровень В1–С1). В целях развития лингвокультурной компетенции автор предлагает знакомить обучающихся с лексикой, содержащей культурный компонент семантики, в частности с наименованиями предметов и явлений традиционного русского быта. Подчёркивается важность лингвокультуроведческого комментария.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, лингвокультурная компетенция, культурный компонент семантики, наименования предметов и явлений традиционного русского быта, лингвокультуроведческий комментарий.

Methods of Working with Educational Fiction Text in the Chinese Audience: Linguistic and Cultural Aspect

Kang Yinan,

A.S. Mamontov

Pushkin State Russian Language Institute

The article is devoted to the peculiarities of working with an academic fiction text in the practice of teaching Russian as a foreign language to Chinese students (B1–C1 level). In order to develop linguocultural competence, the author proposes to introduce students to the vocabulary that contains a cultural component of semantics, in particular the names of objects and phenomena of traditional Russian life. The importance of linguocultural commentary is emphasized.

Keywords: Russian as a foreign language, linguocultural competence, cultural component of semantics, names of objects and phenomena of traditional Russian way of life, linguocultural commentary.

Одна из целей изучения иностранного языка – развитие лингвокультурной компетенции, которая характеризует наличие навыков и умений в области коммуникативного поведения человека в условиях определённой лингвокультуры. Их формирование – неотъ-

емлемая часть изучения русского языка как иностранного (РКИ), в особенности на продвинутом уровне. Чтобы этот процесс был эффективным, необходимо знакомить обучающихся с лексикой, содержащей культурный компонент семантики, – лексическими единицами, несущими лингвокультурную информацию, т.е. называющими исключительно российские феномены. Следует отметить, что такая лексика наиболее идентично отображает ментальные черты русских людей, передаёт национальный колорит, нюансы материальной и духовной культуры и др. Факты окружающей действительности, осмысливаясь в сознании носителя языка, находят вербальный эквивалент в виде лексемы.

Таким образом, лексика с национально-культурным семантическим компонентом выступает, с одной стороны, специфическим языковым материалом для лингвострановедческой работы с иностранной аудиторией, а с другой – становится частью так называемого потенциального словаря (термин А.Н. Щукина), куда входит лексика узкой сферы употребления (термины, историзмы, архаизмы, неологизмы и др.).

Обширную группу лексики с культурным компонентом семантики составляют наименования предметов и явлений традиционного русского быта (НПЯТРБ). Эти лексемы впервые объединили в отдельный разряд и разносторонне исследовали Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров. Они отнесли к НПЯТРБ слова, передающие русские национальные особенности и касающиеся повседневной жизни в самом широком смысле (например: *амбар, каравай, клеть, печь, плуг, рубль, свирель, тарантас*) [Верещагин, Костомаров 2005, с. 87–88]. НПЯТРБ относятся к безэквивалентной или неполноэквивалентной лексике, поскольку обозначают неизвестные за пределами России реалии.

Все НПЯТРБ подразделяются на несколько частей в зависимости от того, что они обозначают: 1) названия еды и напитков (*каша, сбитень, щи* и др.); 2) названия, связанные с жилыми помещениями (*крыльцо, светёлка, сени* и др.); 3) названия утвари (*бадья, ендова, полати* и др.); 4) названия предметов одежды и обуви (*кафтан, онучи, сарафан* и др.); 5) названия предметов труда (*грабли, иголка, коклюшки* и др.); 6) названия, связанные с общественными местами, хозяйственными постройками (*амбар, рига, чайная* и др.); 7) названия, связанные с транспортными средствами (*лодка, уключина, упряжь* и др.); 8) названия, связанные с играми и развлечениями (*гусли, колыбельная, кисет* и др.); 9) традиционные русские меры (*золотник, полушка, пуд* и др.).

НПЯТРБ в основном составляют устаревший пласт лексики. Тем не менее они довольно активно используются в речи современных носителей языка, поскольку часто встречаются в произведениях русской классической литературы и фольклоре (поговорах, загадках, сказках и т.д.). Этим объясняется интерес к НПЯТРБ как к объекту освоения студентов китайского происхождения, изучающих РКИ.

Между русской и китайской культурой существуют глубокие различия, обусловленные несовпадением мировоззрения, религии, своеобразием исторического пути двух государств, их географического положения и т.д. НПЯТРБ, называющие каждый элемент того комплекса, который именуется обиходом, т.е. условий существования, жизненного уклада социума, повседневной жизнедеятельности человека в её привычных проявлениях, установившегося порядка, домашней обстановки, ведения хозяйства, – всесторонне характеризуют всё, что связано с вещественным миром русских людей. Его постижение играет важную роль в освоении РКИ и совершенствовании коммуникативных навыков, поскольку позволяет погрузиться в культуру изучаемого языка и выстроить китайско-русское межъязыковое взаимодействие.

Исследование методики работы с учебным художественным текстом в китайской аудитории на примере изучения НПЯТРБ представляется нам актуальным в связи с тем, что методическое обеспечение для студентов уровней В2–С1 разработано недостаточно. В частности, в настоящий момент отсутствуют пособия национально ориентированного характера. Мы полагаем, что лингвокультурологический подход к изучению НПЯТРБ позволит выявить общее и различное в русской и китайской культуре, даст обширный материал для преодоления тех различий, которые препятствуют коммуникации носителей этих языков.

Действенным способом погружения в культуру русского народа являются чтение и анализ художественной литературы, в частности использование в качестве учебных текстов фольклорных произведений и творческого наследия русских писателей-классиков, обращавшихся к теме сельской жизни (А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, И.А. Бунина, И.С. Шмелева, В.М. Шукшина, В.Г. Распутина и др.). Такая форма работы станет, во-первых, существенной информационной поддержкой при освоении НПЯТРБ, позволив почувствовать функционирование этих языковых единиц в речи, во-вторых, знание НПЯТРБ даст возможность более глубоко понять весь комплекс смыслов, который представляет собой каждое из избранных для анализа литературных произведений. Читая их, студенты не только достигают учебных целей, но и воспитывают у себя способность чувствовать красоту изучаемого языка, развивают свою лингвострановедческую компетенцию, повышают общий уровень культуры.

Прибегая в качестве методического пособия к художественной литературе, важно придерживаться принципа «от простого к сложному». Чтение оригинальных, неадаптированных текстов всегда представляет особую трудность для изучающих иностранные языки, поскольку знания студентов даже на продвинутом уровне довольно схематичны и ограничены. Иностранцы, изучающие язык в основном по учебникам, могут не знать, например, всех лексических значений даже знакомых слов (а здесь, как правило, скрывается смысл метафор и метонимий, каламбуров и т.п.); в рамках учебной программы они знакомятся преимущественно с синтаксисом, свойственным литературной речи, тогда как художественные тексты часто передают живую разговорную речь – с непривычным порядком слов, пропусками членов предложения и т.д.

В связи с этим мы рекомендуем начинать чтение оригинальной литературы с миниатюр – коротких сказок, небольших рассказов. Так, наиболее простыми для восприятия иностранными обучающимися, на наш взгляд, являются циклы произведений Л.Н. Толстого «Новая азбука», четыре «Русские книги для чтения», «Народные рассказы». Они объединяют элементарные по сюжету и языку тексты, содержащие монологическую и диалогическую речь. Писатель создавал их с целью обучения грамоте крестьянских детей. Этим объясняется нарочитая простота изложения, стилевая приближённость к устному сказу. И герои рассказов, и описываемые события были понятны читателю, которому изначально адресованы эти книги, – детям, начинающим осваивать грамоту, – и, на наш взгляд, будут успешно восприняты современными читателями-иностранцами, тем более что в этих циклах рассказов есть настоящие жемчужины, такие как миниатюра «Филипок», вот уже более века входящая во все хрестоматии для детского чтения.

По мере развития навыка чтения оригинальных текстов у китайских студентов можно переходить к более значительным произведениям и с точки зрения их объёма, и с точки зрения комплекса смыслов, которые они несут.

Перед началом чтения каждого рассказа преподавателю необходимо кратко представить автора и познакомить аудиторию с социокультурными реалиями, описанными в произведении. Прочитав заглавие, можно предложить студентам подумать, о чём может быть данный текст. Также до чтения рассказа важно познакомить обучающихся с новыми лексическими единицами – теми из них, которые несут смысловую нагрузку, без знания которых студенты не смогут понять смысл произведения.

Чтобы преодолеть трудности перевода НПЯТРБ на китайский язык, важно использовать в качестве приёма семантизации лингвокультуроведческий комментарий. В идеале этот комментарий должен носить кросс-культурный характер, т.е. учитывать историю и культуру как России, так и Китая.

Например, представляя обучающимся слово *самовар* 俄式茶炊 (встречается в рассказе-были Л.Н. Толстого «Бог правду видит, да не скоро скажет»), помимо ознакомления со значением слова и его этимологией, целесообразно рассказать об устройстве этого предмета и истории его распространения на Руси. В самоварах старинного образца вода нагревалась внутренней топкой, представляющей собой высокую трубку, наполняемую древесными углями. Позже появились другие виды самоваров – керосиновые, электрические и пр.

Студентам из Китая будет интересно узнать, что прообразом самовара, скорее всего, выступили приборы такого типа, издавна известные на Востоке. Китайские и японские сосуды для кипячения воды и приготовления пищи (хого, цибати) имели все основные конструктивные признаки русского самовара: объединённые в одной конструкции сосуд для воды и продуктов, жаровню для углей и трубу, проходящую через сосуд. По всей вероятности, идея самовара зародилась в России вместе с распространением традиции пить чай, которая тоже пришла в Европу из Китая.

Далее работу над словом *самовар* можно продолжить в кросс-культурном ключе: в разговоре о предмете традиционного русского быта переключить внимание студентов на восточные культурные традиции. Здесь интересно будет сравнить конструкции хого, цибати и самовара; проследить, одинаково ли использовались эти приборы; были ли они сугубо утилитарными предметами или служили для украшения интерьера (известно, что самовары с самого начала их бытования в России славились богатой внешней отделкой).

Хорошим дополнением к данному комментарию станет визуальный ряд. Преподаватель может представить изображения русских самоваров – от XVII в. до наших дней, а также их восточных прототипов. Подтверждением того, как тесно самовар вошёл в русскую культуру, станут репродукции картин Б. Кустодиева («Купчиха за чаем», «На террасе», «Купчиха на балконе» и др.).

В некоторых случаях лингвокультуроведческий комментарий необходим, поскольку НПЯТРБ употреблено не в привычном значении, а в диалектном или индивидуально-авторском. Так, разбирая комический рассказ В.М. Шукшина «Сельские жители», обучающиеся встретят слова *хмелина* и *солонинка*, перевод которых может вызвать затруднение или ошибку. Согласно толковым словарям, *хмелина* – это стебель хмеля (葎草茎). Однако в тексте *хмелина* упоминается, когда героиня, бабка Маланья, делится с гостем, Егором, секретом изготовления вкусного домашнего пива: «Сахару побольше кладите в *хмелину*-то, вот и будет пиво» [Шукшин 1993, с. 398–399 (далее рассказ цитируется по этому изданию)]. Отсюда следует, что *хмелина* здесь выступает синонимом слова *хмель* – 啤酒花, а точнее, даже слова *сус-*

ло – 麦芽汁 (酿啤酒和克瓦斯的为充分发酵的原料稠汁). Разобраться в этом вопросе поможет лингвокультуроведческий комментарий преподавателя, в котором можно рассказать о технологии изготовления традиционных хмельных напитков в России, а также провести параллель с особенностями выработки аналогичных напитков в Китае.

Что касается слова *солонинка*, то, по всей вероятности, это не солёное мясо, а разного рода соленья из грибов и овощей, поскольку героиня произносит это слово в таком контексте: «Поближе туда к осени поедем. Там и грибки пойдут, *солонинки* какой-нибудь можно успеть приготовить...». Чтобы прояснить этот вопрос, также понадобится лингвокультуроведческий комментарий. Китайские обучающиеся узнают, что крестьяне скотину всегда резали в холодное время года, ближе к празднику Рождества, иначе большое количество мяса могло испортиться. Во второй половине лета можно было успеть засолить огурцы и грибы, о которых героиня рассказа Маланья и упоминает. Такой экскурс в историю быта России поспособствует правильному переводу: слово *солонинка* нужно переводить не как 腌肉, 咸肉 (主要指牛肉) – «засоленное мясо, солёное мясо (главным образом говядина)», а как <口语> 咸菜, 腌菜; 咸腌食品 – «солёные помидоры, огурцы, грибы и другие овощи и плоды, которые солят на зиму».

Как уже упоминалось выше, лингвокультуроведческий комментарий целесообразно сопровождать визуальным рядом. Особенно полезным нам представляется просмотр анимационных и игровых фильмов, в основе сценария которых изучаемые литературные произведения. В таком случае происходит одновременное восприятие зрительного и звукового образов. Так, чтение миниатюр Л.Н. Толстого, вошедших в указанные сборники, можно сопроводить демонстрацией следующих экранизаций: «Прыжок» (мультфильм 1980 г., режиссёр Г. Тургенева); «Три медведя» (мультфильм 1958 г., режиссёр Р. Давыдов, и мультфильм 1984 г., режиссёр А. Зябликова); «Филипок» (мультфильм 1982 г., режиссёр Р. Зельма); «Чем люди живы» (короткометражный фильм 2008 г., режиссёр А. Кушнир).

В целях успешного освоения новой лексики, в частности НПЯТРБ, рекомендуется ведение словаря для фиксации орфографическо-фонетического облика лексических единиц, а также их значений. Кроме того, для продуктивной работы с художественным произведением целесообразно нацеливать студентов на написание плана (краткого и развёрнутого), тезисов, вопросов; на подбор ключевых слов. В дальнейшем это пригодится для пересказа текста, который может происходить в разных формах: сжатой, подробной; передача диалога в виде монолога, составление диалога на основе монолога; пересказ от лица разных героев, инсценировка диалога и т.д.

Эффективным методическим приёмом формирования навыков работы с текстом выступает написание творческих работ. Погружение в русскую лингвокультурную среду, происходящее под воздействием художественной литературы, даёт возможность выйти за рамки предмета, расширить круг тем для свободного высказывания. Итогом изучения литературного произведения должны стать сочинения в жанре рассказа, эссе, репортажа, очерка: *Карнавальные мотивы в повести А.С. Пушкина «Барышня-крестьянка»*, *Можно ли назвать героиню сказки Л.Н. Толстого «Три медведя» прототипом Маши из анимационного сериала «Маша и Медведь»?* , *Картины традиционного русского быта в произведениях И. Шмелева*, *Поедет ли бабка Маланья к сыну в Москву? (По рассказу В. Шукина «Сельские жители»)* и др.

Таким образом, работа над лексикой с культурным компонентом семантики в целом и НПЯТРБ в частности, несомненно, способствует формированию лингвокультурной компетенции. Обозначая всё, что связано с вещественным миром русского человека, НПЯТРБ, погружённые к тому же в контекст художественного произведения, позволяют сделать выводы о русском менталитете, то есть через повседневный, привычный уклад, образ жизни выразить представления о справедливом мироустройстве, эстетическом чувстве, этическом императиве. Мы согласны с мнением, что «наиболее продуктивной следует считать сентенцию, согласно которой именно ценности представляют собой основу любой лингвокультуры. Следовательно, овладение любым без исключения языком как средством межкультурной коммуникации требует от инофона обязательного овладения сопряжённой с языком системой ценностей, составляющей часть содержания изучаемой им культуры» [Мамонтов и др. 2021, с. 103].

В связи с вышесказанным работа с учебным художественным текстом должна быть национально ориентированной и опираться на родную культуру адресата. Соблюдение этого условия позволит включить лексику с культурным компонентом семантики в активный словарь обучающихся, расширит их речевые возможности и создаст почву для восприятия иноязычной культуры.

Литература

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. Москва: Индрик, 2005. 1040 с.
2. Мамонтов А.С., Богуславская В.В., Будник Е.А. и др. Аксиологическая лингвистика и национально ориентированная лексикография: опыт взаимодействия (на материале русско-вьетнамских сопоставлений) / А.С. Мамонтов, В.В. Богуславская, Е.А. Будник, А.Г. Ратникова, Чинь Тхи Ким Нгок // Вестник ВолГУ. Сер. 2. Языкознание. 2021. Т. 20. № 1. С. 102–113.
3. Шукшин В.М. Сельские жители // Собрание сочинений: в 5 т. Екатеринбург, 1993. Т. 3. С. 395–402.

УДК 81

К вопросу о трудности восприятия синтаксических фразеологизмов китайскими учащимися

Светлана Александровна Капицына

Дальневосточный федеральный университет
guangming8888@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы отличия синтаксических фразеологизмов от других фразеологических единиц, особенности их восприятия китайскими учащимися в процессе обучения коммуникативному аспекту русского языка. Автор статьи делает акцент на отдельных трудностях, предлагает некоторые варианты решения лингводидактических задач.

Ключевые слова: синтаксические фразеологизмы, различия языковых систем, китайские учащиеся, лингводидактика.

To the Question of Perception Difficulty of Syntactic Phraseological Units by Chinese Students

S.A. Kapitsyna

Far Eastern Federal University

The article deals with the difference between syntactic phraseological units from other phraseological units, perception difficulties for Chinese students in the process of teaching them communicative aspect of Russian language. The author proposes some variants of solving linguodidactic problems.

Keywords: syntactic phraseological units, differences in language systems, Chinese students, linguodidactics.

Русский язык, один из самых древних и сложных языков в мире, богат разнообразными фразеологическими оборотами. Они украшают разговорную речь, делают её особенно выразительной. Интерес к изучению многообразия фразеологических единиц в русском языке не ослабевает в течение нескольких сотен лет. Ещё М.В. Ломоносов в XVIII в. активно исследовал и описывал «фразесы» русского языка (Словарь Академии Российской, 1789–1794). Многие известные учёные-русисты, такие как Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов, А.М. Пешковский, В.Л. Архангельский, В.В. Виноградов, Н.Ю. Шведова и др., изучали вопросы функционирования фразеологических единиц (ФЕ). Однако следует отметить, что до сих пор в отечественной лингвистике так и не сформирована единая научная концепция описания ФЕ, отсутствует чёткая система критериев и терминологии.

В своих работах В.Ю. Меликян отмечал, что языковые единицы, относящиеся к фразеологической системе языка, неоднородны по своему составу, так как фразеологизации могут подвергаться единицы практически любого языкового уровня (за исключением фонетического) [Меликян 2013, с. 52–53]. В русском языке существует огромное количество различных типов ФЕ, в настоящее время наблюдается определённая неравномерность их изучения. Как справедливо считают многие русисты (В.Ю. Меликян, Л.М. Салмина, Л.А. Пиотровская, И.Н. Кайгородова, М.В. Всеволодова, Лим Су Ён, А.В. Величко Л.А. Золотарёва, А.П. Ушакова и др.), лексические фразеологизмы описаны более полно, в отличие от синтаксических (СФ). По мнению Л.А. Пиотровской, последние характеризуются нетрадиционными с точки зрения современного русского языка синтаксическими связями слов, структурно-семантической целостностью, признаками которой являются особая сочетаемость словоформ, строгий порядок слов, отрыв ряда словоформ от обычного для них грамматического и/или лексического значения [Пиотровская 2019, с. 139].

По мнению Л.А. Золотарёвой, в отличие от лексической фразеологической системы, к началу XXI в. в российской лингвистике ещё не описаны все единицы СФ, спорным является даже их количественный состав [Золотарёва 2019, с. 89]. Однако синтаксические фразеологизмы представляют обширное поле для лингвистических исследований, так как они используются практически во всех сферах коммуникации: бытовой, образовательной, политической, учебно-практической, спортивной, в сфере интернет-коммуникации, рекламы и др. Фразеосхемы составляют огромный пласт разговорной речи русскоговорящей аудитории, и значит, лингводидактические вопросы в практике РКИ требуют от преподавателей решения многоаспектных задач обучения иноязычных учащихся успешному использованию этих единиц в речевой коммуникации.

Общими чертами синтаксических и лексических фразеологизмов являются *воспроизводимость, идиоматичность, устойчивость*. Однако синтаксические фразеологизмы отличаются от лексических по целому ряду признаков: по структуре, предназначению,

лексическому наполнению, а главное – по грамматическим признакам. СФ, которые называют ещё предложениями фразеологизированной структуры, фразеосхемами, синтаксическими единствами, фраземами, синтаксическими идиомами, синтаксическими сращениями, синтаксическими сочетаниями и т.д., имеют в своей структуре как постоянные, так и свободные (лексические) компоненты. В этом главное отличие синтаксических фразеологизмов от лексических. Постоянными компонентами СФ являются неизменные структурные правила построения – порядок слов, наличие строго определённых, достаточно ограниченных в варьировании грамматических форм. Однако в СФ можно использовать разные лексические компоненты, от этого фразеосхема не разрушится, но приобретёт дополнительную смысловую коннотацию. А вот лексические фразеологизмы при замене лексической единицы просто теряют свой смысл и перестают быть идиомами. Например: *прикусить язык* означает «замолчать», «не болтать лишнего», а фраза *прикусить палец* абсолютно не имеет переносного, метафорического смысла, хотя в данном случае просто изменена лексическая единица. Подобная замена в синтаксическом фразеологизме не приведёт к разрушению структуры: 1) *Ай да красотка!* 2) *Ай да девица!* 3) *Вот так красотка!* 4) *Вот так девица!* Проанализируем две пары фраз. В первой паре при лексической замене *красотка – девица* структура фразеологизированного предложения остаётся неизменной, не меняется и коннотация, передающая оттенок восхищения за счёт использования сочетания междометия и частицы *ай да*, стоящих в строго фиксированной синтаксической позиции – в начале фразы. Во второй паре при грамматической замене междометия и частицы *ай да* на *вот так* (указательную частицу и наречие) появляется дополнительная коннотация – оттенок неодобрения, хотя используются те же, что и в предыдущей паре, лексические единицы *красотка – девица*. Но и в первом, и во втором случае структура построения синтаксического фразеологизма, порядок слов не нарушаются, поэтому фразеосхема сохраняется, лишь получает дополнительную эмоциональную коннотацию. При изучении СФ иноязычным учащимся важно знать правила синтаксического построения фразы и ни в коем случае не менять порядок слов в определённой модели. Также следует помнить, что не только замена грамматических форм, но и изменение определённых служебных слов в рамках одной модели синтаксического фразеологизма обязательно приведёт к изменению смысла.

Следует отметить тот факт, что в китайской лингвистике понятие *синтаксические фразеологизмы* совершенно не разработано. Есть отдельные исследования по данной тематике, но это лишь первые попытки объяснения некоторых моделей СФ для аудитории китайских учащихся. Сам термин *синтаксические фразеологизмы* часто переводится китайскими исследователями как *成语性句法单位* – «синтаксические единицы по типу чэньюй». Однако, по мнению автора данной статьи, такой перевод термина совершенно не соответствует грамматической природе СФ. Китайские идиоматические выражения *чэньюй* не могут иметь в своем составе свободного лексического компонента, т.е. замена любой лексической единицы *чэньюй* ведёт к его разрушению, абсолютной потере смысла. Именно поэтому нам представляется возможным сравнивать структуру китайских фразеологизмов строго фиксированной лексико-грамматической структуры – *чэньюй* – лишь с лексическими фразеологизмами русского языка. А для обозначения понятия *синтаксические фразеологизмы* в китайском языке, с нашей точки зрения, лучше использовать тер-

мин 熟语化句 или 熟语性句法单位 – буквально «фразеологизмы», «синтаксические единицы по типу фразеологизмов».

В силу специфики построения и функционирования СФ представляют немало трудностей для освоения иностранной аудиторией. При решении конкретных задач по овладению речевой коммуникацией важно сформировать у иноязычных студентов основные навыки: понимать значения, интенции, коннотации фразеосхем, выявлять и анализировать структуру фразеологизма, определять лексическое наполнение переменных компонентов и их грамматическую природу; понимать роль эмоциональных оттенков интонации в формировании фразеологичности различных моделей СФ; грамотно использовать фразеосхемы в речи [Золотарёва 2020, с. 149–152].

Сложности восприятия иноязычными студентами многочисленных моделей СФ состоят в серьёзных различиях лексической, грамматической и синтаксической систем изучаемого и родного языков. Русский язык – флективный, т.е. изменения окончаний слов сигнализируют об изменении морфологической формы, а вот слова китайского языка в силу его иероглифической природы внешне никак не изменяют своей формы. Иными словами, иероглиф, его написание и произношение остаются неизменными по своей форме, но при этом один и тот же иероглиф, слово, не меняя своей внешней формы, может быть и различным членом предложения, и различной частью речи. Для русскоговорящих учащихся эта особенность представляет немалую трудность в восприятии (перцепции) китайской речи. Всё дело в синтаксическом порядке слов китайских предложений. Он грамматически строго определён жёсткими рамками позиций членов предложения. Если структура фразеологизма близка построению предложения в родном китайском языке, учащиеся достаточно успешно её осваивают; им легче понять значение всей идиомы, которое просто выводится из аналогичной фразы китайского языка. Это такие модели, как:

1) Модель «*суц. как суц.*» – констатация факта.

Человек как человек 人像个人 (человек похож на человека)

Друг как друг 朋友像个朋友 (друг похож на (то, что значит) друг)

В китайских фразах передаётся ярко выраженная положительная коннотация. Однако, если перед предикативом 像 (быть похожим, походить на...) употребить отрицание 不, то вся фраза приобретёт яркую отрицательную коннотацию. В русском языке при подобных грамматических трансформациях произойдёт аналогичное изменение смысла:

2) *Мать не (как) мать* 妈不像个妈 (мать не похожа на мать)

Сын не (как) сын 子不像个子 (сын не похож на сына)

В данном случае структура идиомы близка по форме синтаксической структуре китайской фразы, а значит, это китайский аналог синтаксического фразеологизма.

3) Модель *Ах, (Ох, Ой) как (какая) + (нар.; суц.)* в значении восхищения или недовольства:

Ах, какой умный! 哎呀, 多么聪明呀! (Ах, как умно!)

Ох, какая дорогая! 哎呀, 多么贵呀! (Ох и дорого!)

Ой, какой ты неотвязный! – 哎呀, 你多么讨厌! (Ох, как ты надоедлив!)

4) **Ну ты (он, она, вы) + суц.!** В данном случае передается значение восхищения или иронического неодобрения, насмешки, что зависит от эмотивных коннотаций лексического компонента.

Ну вы такие молодцы! 嗯, 你们人真好! (Ну вы такие замечательные люди!)

Ну ты (и) дурачок! 唉! 你可真傻啊! (Ай-яй-яй, ну ты и дурень!)

Ну ты мастак! 嗯, 你真厉害! (Ну ты лихой (лихая)!)

Заметим, что слово *мастак*, *лихой* 厉害 по-китайски произносится «лйхай», что не просто близко по звучанию русскому слову, но сопоставление смысловых коннотаций данной лексической единицы в обоих языках выявляет схожесть значений от восхищения до иронии с оттенком недовольства и даже зависти.

Во втором предложении при переводе на китайский в структуру фразы добавляется **可** для лёгкого смягчения отрицательной коннотации слова. Иначе данная фраза в китайском языке (в отличие от русского) будет иметь смысл ругательства.

В приведённых моделях фразеосхем перевод на китайский язык не искажает общего смысла фразы, однако передаёт значение разных частей речи с одинаковым лексическим смыслом. Как было отмечено выше, данное явление наблюдается из-за специфики китайского языка, его иероглифического письма, полифункциональности и многозначности китайских слов, графически передаваемых одними и теми же иероглифами.

5) **«Как (ему, ей, мне) не + инф.!»** Структура данной модели с использованием отрицательной формы инфинитива передаёт значение необходимости выполнения действия:

Как мне не верить! – в значении надо, следует верить, невозможно не верить.

Как мне не плакать! 我怎么能不哭啊! (Как (же) я могу не плакать!) в значении не могу не плакать

Как ему не пить! 他怎么会不喝啊! (Как (же) он может не пить?) – т.е. не может не пить.

Как нам не работать! 我们怎么能不工作呀! (Как (же) мы можем не работать? – то есть не можем не работать.

При переводе разных моделей СФ на китайский язык можно использовать не только способ фразеологического эквивалента, но и другие способы: описательный перевод фразеологизмов, дословный перевод (подстрочник). Тем не менее в вышеуказанных примерах возможен перевод методом фразеологического эквивалента, за счёт чего наиболее близко передаются не только смысл, но и дополнительные модальные и эмоциональные коннотации. Два других способа перевода представляются наиболее применимыми в случае невозможности найти фразеологический эквивалент. В частности, это касается фразеологизмов, имеющих отрицательную эмоциональную окраску:

6) **Хоть убейте, не понимаю!** 就是打死我, 我也不明白 (Даже если убьёте (убиваете) меня, я также не понимаю)

Хоть убей его, не скажет! 就是打死他, 他也不会说 (Даже если убьёте (убиваете) его, он также не говорит)

Хоть убей – не знаю! 逼我的命也不知道! – в данном случае изменён выше употреблённый вариант дословного перевода фразеологизма *хоть убей 就是打死* на более орфоэпический *逼我的命 (хоть) закончи мою жизнь*.

Хоть убейте, не вернусь! 就是打死我, 我也不回来! Однако данная фраза в переводе литературного произведения звучит совсем по-другому: *Я ни за что не вернусь. 无论如何我都不回来!* Но в таком варианте перевода теряется и эмоциональная окраска, и дополнительное значение решительности говорящего.

Из приведённых нами выше примеров перевода фразеоструктур видно, что имеются определённые трудности передачи всех оттенков лексических значений, эмотивных коннотаций в разных моделях СФ. Эти вопросы должны систематически решаться в диалоге *учитель – ученик* для ясного понимания иностранными учащимися.

Очевидным является тот факт, что перевод синтаксических фразеологизмов в произведениях классиков русской литературы выполняется переводчиками в первую очередь на основе орфоэпических норм языка. При этом часто не передаётся особая специфика фразеологизма, так как переводятся не его богатые эмотивные коннотации, а лишь общий смысл абзаца текста, в котором употреблен данный СФ. Это приводит к потере особой «изюминки» живого разговорного языка. В силу системных различий китайского и русского языков не всегда возможно передать точный смысл фразеологизированных конструкций, а также интонационные оттенки, важные особенности фразеологизмов. Однако мы полагаем, что преподаватель, особенно если он владеет родным языком учащихся, должен стремиться подробно и доходчиво объяснить особенности использования в каждой конкретной модели СФ его синтаксической структуры, вариантов значения, роли интонации в изменении значения фразеологизма. В противном случае богатство синтаксических фразеосхем, сращений, единств и т.д. так и останется за рамками восприятия национальной специфики изучаемого языка.

С целью минимизации дополнительных трудностей при решении лингводидактических задач важно акцентировать внимание педагогов на необходимости использования родного языка учащихся. Качественный, точный перевод СФ – не только литературный, но и дословный, подстрочный – способствует доступному разъяснению всех дополнительных коннотаций многообразных моделей фразеосхем. Кроме того, следует систематически выполнять сопоставительный анализ значений синтаксических единиц в изучаемом и родном языках. Это является важным условием адекватного восприятия (перцепции), смысловозначения (сигнификации), освоения и последующего успешного использования синтаксических фразеологизмов в речевой коммуникации иностранных учащихся.

Литература

1. Алексахин А.Н. Начальный курс разговорного китайского языка. М.: Восток-Запад, 2007. 154 с.
2. Балобанова Л.А. Семантико-прагматический потенциал синтаксических фразеологизмов и их лексикографическое представление: дис. ... канд. пед. наук. М., 2004. 318 с.
3. Величко А.В. Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев: Учебное пособие. М.: МГУ, 1996. 96 с.
4. Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1970. 767 с.

5. Золотарёва Л.А. Потенциал синтаксической фразеологии для развития речевой деятельности иностранных учащихся // Человек в языковом пространстве. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2020. С. 146–155.

6. Золотарёва Л.А. Русистика в России и Китае: инновационные практики // Сборник материалов II Международного форума. Якутск, 2019. С. 89–94.

7. Лим Су Ён. Принципы лингвистического описания синтаксических фразеологизмов: на материале синтаксических фразеологизмов с общим значением оценки: дис. ... канд. фил. наук. М., 2001. 215 с.

8. Люй Шусян. Очерк грамматики китайского языка. М.: Наука, 1965. 48 с.

9. Меликян В.Ю. Синтаксическая фразеология русского языка. М.: Флинта, 2013. С. 51–56.

10. Пиотровская Л.А. Эмотивный синтаксис: типология фразеологизированных синтаксических моделей // Известия ВГПУ. 2019. № 1. С. 138–143.

11. Ушакова А.П. Синтаксические фразеологизмы с семантикой иронического неодобрения в современном русском языке: дис. ... канд. фил. наук. Ярославль, 2018. 227 с.

12. Шведова Н.Ю. О некоторых типах фразеологизированных конструкций в строе русской разговорной речи // Вопросы языкознания. 1958. № 2. С. 94–100.

УДК 372.881.161.1

Лексический аспект обучения русскому языку в условиях отсутствия языковой среды

**Людмила Федоровна Крапивник,
Ло Янъян**

Тихоокеанский государственный университет
000607@pnu.edu.ru; uoyang0104@gmail.com

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме дистанционного образования. В ней рассматриваются вопросы дистанционного обучения иностранных студентов вне языковой среды. По мнению авторов, в условиях отсутствия языковой среды особенно важное значение приобретает лексический аспект обучения русскому языку, в связи с чем возникает вопрос о выборе наиболее эффективных форм обучения.

Ключевые слова: дистанционное обучение, иностранные студенты, разговорная речь.

Lexical Aspect of Russian Language Teaching Outside the Linguistic Environment

**L.F. Krapivnik,
Luj Yangyang**
Pacific National University

The article is devoted to the current problem of distance education. The article discusses the issues of distance learning foreign students outside the linguistic environment. According to the authors, in the absence of a lan-

guage environment, lexical aspect of Russian spoken language teaching becomes especially important, and therefore the question arises of choosing the most effective forms of distance education.

Keywords: distance teaching, foreign students, spoken language.

Активное обсуждение образовательных возможностей информационно-коммуникационных средств и технологий началось в русистике во второй половине XX в., а в последние десятилетия методическое осмысление цифровой реальности обеспечило «растущее в геометрической прогрессии многообразие форм, моделей и ... вариантов конфигураций учебной среды, в том числе и для дистанционного получения знаний» [Виноградова 2018, с. 196]. Однако, как известно, до пандемии дистанционными образовательными технологиями свободно владели лишь немногие преподаватели-русисты, так как дистанционное обучение не получило широкого распространения в повседневной педагогической практике русистики.

Пандемия, ставшая катализатором стремительной повсеместной цифровизации образования, поставила преподавателей-русистов (как и всех преподавателей) перед необходимостью «не только доносить программное содержание дисциплины студентам, но и уметь на достаточно хорошем уровне владеть компьютером и новыми интернет-технологиями» [Танцура 2020, с. 356], что стимулировало активное изучение цифровых технологий, апробацию и использование их образовательных возможностей в повседневной практике дистанционного обучения. Свидетельством стремительного повышения цифровой компетентности преподавателей-русистов является, в частности, рост научных публикаций, отличительной особенностью которых является анализ личного (или коллективного) опыта использования цифровых технологий в условиях дистанционного обучения студентов-иностранцев в 2020–2022 гг., на основании которого предлагаются эмпирически осмысленные решения конкретных проблем, возникающих при переходе на дистанционное обучение иностранных студентов.

О широком круге проблем, возникших перед русистами в период вынужденного перехода на дистанционный формат обучения, со всей убедительностью свидетельствует тематика публикаций, посвящённых обучению иностранных студентов в период связанных с пандемией ограничений. Например, весной 2020 г. наиболее актуальными из этих проблем для русистики стали осмысление дидактических возможностей новых технологий передачи учебной информации в контексте поставленных ранее (до пандемии) целей обучения, а также поиск способов адаптации традиционно используемого учебного материала к новым – дистанционным – формам обучения и т.п. Публикации русистов, посвящённые опыту дистанционного обучения в 2021–2022 гг., как показывают наблюдения, больше ориентированы на долгосрочную перспективу и прогнозируемый научно-педагогическим сообществом смешанный формат обучения, так как в них в контексте полученного в условиях удалённого обучения опыта конкретизируются преимущества и основные проблемы дистанционно реализуемого учебного процесса и формулируются методически значимые выводы и рекомендации по выстраиванию методической тактики в условиях внедрения в учебный процесс цифровых технологий, организационных форм и методов дистанционного обучения.

Анализ этих публикаций показывает, что в качестве одной из наиболее актуальных для дистанционного обучения иностранных студентов проблем, требующих в настоящее время своего методического осмысления, в русистике называется отсутствие естественной языковой среды и минимизация общения с носителями русского языка. Суть проблемы заключается в том, что при очном обучении на неродном языке в условиях языковой сре-

ды к её функциям «по умолчанию» относят формирование значительного объёма лингвокультурных знаний (особенно фоновых), а также речевых навыков и умений, имеющих абсолютную коммуникативно-прагматическую значимость в пространстве естественного функционирования изучаемого языка (в связи с чем, в частности, многие методисты и исследователи относят наличие языковой среды к наиболее ощутимым факторам результативности процесса овладения неродным языком). Соответственно, в очном учебном процессе обучение русскому языку как иностранному организовано с учётом того факта, что значительный объём коммуникативно значимых языковых знаний и речевых умений иностранные граждане получают в результате «реального общения в непредсказуемых жизненных ситуациях, с которыми иностранец сталкивается на протяжении всего обучения в российском вузе, начиная с факультета довузовского обучения» [Дунаева 2020, с. 7], поэтому традиционно особое внимание уделяется языку специальности и развитию речевых навыков и умений учебно-профессионального общения.

Например, как известно, такие «атрибуты-характеристики» естественной языковой среды, как насыщенность фоновыми знаниями, естественная ситуативность, национально специфическое речевое поведение, социокультурные стереотипы общения [Орехова 2007, с. 36] в концентрированном виде наиболее чётко представлены в разговорной речи «в условиях непосредственного общения при неофициальных отношениях между говорящими и отсутствии установки на сообщение, имеющее официальный характер» [Земская 1973, с. 17]. Специфические особенности разговорной речи проявляются на различных языковых уровнях, при этом наиболее ярко национальная специфика «непосредственного общения при неофициальных отношениях» проявляется на лексическом уровне, так как лексика разговорного стиля речи отличается дополнительными оттенками выразительности, которые «как бы наслаиваются на номинативное значение слова, на предметно-логическую основу его семантики» [Бельчиков 2005, с. 29], обозначая переживаемые говорящими чувства и эмоции, субъективные квалифицирующие оценки и т.п. Известно, что подвижность и изменчивость значения разговорной лексики в соответствии с условиями конкретного коммуникативного акта существенно затрудняет её восприятие и понимание носителями иного языка, однако в условиях изучения иностранного языка в языковой среде особого целенаправленного внимания изучению лексики разговорной речи тем не менее не уделяется, так как практика показывает, что наиболее влиятельным фактором в решении коммуникативных задач повседневного бытового общения на изучаемом языке является сама среда, которая «обучает, просвещает, стимулирует лингвистическую активность» [Орехова 2007, с. 36]. В этом смысле, действительно, «переоценить влияние языковой среды на процесс изучения РКИ, особенно на начальном этапе, невозможно» [Дунаева 2020, с. 7].

Как известно, в условиях очного обучения в родной стране отсутствие иноязычной языковой среды в значительной степени может быть компенсировано общением с преподавателем-носителем языка, особым культурно насыщенным содержанием обучения, а также использованием ориентированных на формирование лингвокультурной компетенции дидактических средств и приёмов обучения (учебных видеосюжетов на бытовые темы, фильмов, аудио- и видеоресурсов из Интернета и т.п.). Однако, как показала практика, в условиях дистанционного обучения вне языковой среды, используя только «классические» приёмы и способы оптимизации обучения вне языковой среды, невозможно обеспечить формирование прочных речевых навыков и умений, а также качество и результативность учебного процесса, что вызывает необходимость обновления подходов, принципов

и методов образовательной деятельности со студентами-иностранцами в ориентации на компенсацию отсутствия «реального общения» и активных речевых контактов с носителями русского языка.

Анализ информации, полученной в ходе сбора эмпирических данных (бесед со студентами-иностранцами Тихоокеанского государственного университета и их опросов), показывает, что для многих студентов из стран Азиатско-Тихоокеанского региона, проживших два года в дистанционном формате, понимание разговорной русской речи, особенно её эмоциональной окрашенности, представляет серьёзную проблему. Это объясняется тем, что за два года дистанционного обучения в условиях отсутствия языковой среды иностранные студенты фактически не получили чёткого представления о тех языковых средствах, с помощью которых в русском языке могут выражаться эмоции и оценки говорящего, практически не встречались с насыщенными эмоционально-оценочной информацией фонетическими и словообразовательными средствами и ресурсами русского языка, не имеют навыков смысловой интерпретации и перевода русских номинативно-оценочных эмоциональных слов и метафорических эмоционально-оценочных слов, которые широко распространены в разговорной речи и, как правило, усваиваются и понимаются иностранцами при регулярном непосредственном общении с носителями русского языка (благодаря сильному в семантическом отношении контексту речевой ситуации). В связи с тем, что в настоящее время сферы функционирования разговорной речи значительно расширились, умение правильно понять живую речь носителя русского языка (и особенно её эмоциональную окрашенность) востребовано не только в ситуациях повседневного бытового и неофициального общения, но и при просмотре телепередач и фильмов на русском языке, чтении российской прессы, прослушивании русских песен и других аудиоматериалов, что вызывает необходимость целенаправленного изучения с иностранными студентами наряду с «базовыми языками» академического обучения (литературным языком и языком специальности) и особенностей русской разговорной речи, являющейся неотъемлемым компонентом русской речевой культуры и имеющей свою национальную специфику.

Например, по сравнению с китайским языком национальная специфика выражения эмоциональной оценочности в русском языке проявляется, в первую очередь, в уникальном разнообразии системы средств (фонетических, морфологических, лексических, грамматических, синтаксических и др.), позволяющих передавать чувства говорящего, его отношение к объекту речи и личную (субъективную) оценку объекта речи. Кроме этого, как показывает анализ стилистических помет в толковых словарях русского и китайского языков, система средств выражения эмоциональной оценочности в русском языке отличается богатством своей семантики, в связи с чем позволяет фиксировать тончайшие смысловые оттенки и нюансы положительных (шутливых, ласкательных, почтительных) и отрицательных (иронических, неодобрительных, презрительных) эмоциональных оценок говорящего. Как свидетельствует опыт перевода русской эмоционально оценочной лексики на китайский язык, экспликация эмоционально-оценочной коннотации представляет собой достаточно сложный и многомерный феномен, так как формированию эмоционально-оценочного смысла предшествует взаимодействие разнообразных явлений как языкового, так и неязыкового плана (в связи с чем, например, при понимании выраженной на лексическом уровне эмоциональной оценки необходимо принимать во внимание не столько значение самого слова, сколько ситуацию оценки, предшествующий этой ситуации кон-

текст или иные обстоятельства, не имеющие прямого отношения к значению слова, но изменяющие его эмоционально-оценочную окрашенность). Национальная специфика проявляется и в подвижности состава эмоционально-оценочных средств русского языка, объём которого регулярно обновляется в том числе и за счёт языковых единиц разного уровня, эмоционально-оценочное значение которых формируется под воздействием социальных факторов на язык и отражает особенности осмысления человеком окружающего его мира (в связи с чем активный словарь носителя языка пополняется новыми устойчивыми воспроизводимыми единицами, сохраняющими в себе информацию о своеобразии национального менталитета, национальной культуры и истории и др.).

В условиях жёсткого распределения учебного времени между дисциплинами учебной программы, естественно, достаточно сложно найти возможность для последовательного целенаправленного изучения со студентами-иностранцами национальной специфики русской разговорной речи. В связи с этим в условиях дистанционного обучения целесообразным представляется разработка учебных материалов для самостоятельного знакомства иностранных студентов с особенностями русского речевого общения (словарей современной разговорной лексики, наиболее типичных для современного бытового общения ситуативных диалогов, аудио- и видеоматериалов, знакомящих с типичными особенностями современной русскоязычной языковой среды и национальными стереотипами речевого поведения и т.п.), проведение внеучебных мероприятий, воссоздающих условия неофициального русскоязычного общения и направленных на компенсацию отсутствия регулярных речевых контактов с носителями русского языка. Кроме того, весь учебный процесс должна пронизывать «точечная» работа преподавателя-русиста по развитию у иностранных студентов навыков разговорной русской речи (приведение примеров и их комментирование, использование в речи интересных и информативных в теоретическом плане разговорных конструкций и разъяснение их эмоционально-оценочного потенциала и т.п.), которая может сливаться с отработкой языкового материала в рамках различных учебных дисциплин или становиться непременной составной частью комплексного усвоения русского языка и практического курса русского речевого общения.

Таким образом, проблема воссоздания языковой среды в условиях дистанционного обучения иностранных студентов приобретает особую актуальность, но до сих пор в русистике не получила своего адекватного решения, поэтому предполагает своё теоретическое осмысление и педагогическое экспериментирование. Однако, с точки зрения практического опыта, можно говорить о том, что в том случае, если при дистанционном обучении русская разговорная речь теснейшим образом связана с учебным процессом и пронизывает собою весь подлежащий усвоению языковой материал и систему коммуникативно направленных учебных заданий, то негативные последствия отсутствия языковой среды могут быть в определённой степени минимизированы.

Литература

1. Бельчиков Ю.А. Лексическая стилистика: проблемы изучения и обучения. М.: Ком Книга, 2005. 176 с.
2. Виноградова Е.Н., Клобукова Л.П. В поисках золотой середины: дистанционное обучение онлайн и офлайн // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2018. Т. 15. № 2. С. 195–209.

3. Дунаева Л.А., Левина Г.М., Богомолов А.Н., Васильева Т.В. Цифровизация области преподавания РКИ: первые итоги и перспективы // Русский язык за рубежом. 2020. № 5 (282). С. 4–9.

4. Орехова И.А. Языковая среда есть. Языковой среды нет // Русский язык за рубежом. 2007. № 3. С. 35–38.

5. Русская разговорная речь / отв. ред. Е.А. Земская. М.: Наука, 1973. 485 с.

6. Танцура Т.А. Аспекты дистанционного обучения в современных условиях // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 2 (81). С. 355–358.

УДК 811.161.1

Особенности перевода русских лингвистических терминов на китайский язык

**Елена Владимировна Крапивник,
Сюй Хуань**

Тихоокеанский государственный университет
004712@pnu.edu.ru; 1002599747@qq.com

Лингвистические термины китайского и русского языков имеют особенности формирования и исторического развития, характеризуются подверженностью иностранному влиянию и неоднородностью функционирующих в этих языках терминов. Исследование особенностей перевода терминов с русского языка на китайский язык является актуальной задачей современной лингвистики. В настоящее время существует ряд проблем перевода русской лингвистической терминологии на китайский язык, перевод некоторых лингвистических терминов не унифицирован, что приводит к отсутствию упорядоченности в их переводе.

Ключевые слова: русские лингвистические термины, русский язык как иностранный, перевод терминов.

Peculiarities of Russian Linguistic Terms Translation into Chinese

**E.V. Krapivnik,
Xu Huan**

Pacific National University

Chinese and Russian linguistic terms have features of formation and historical development, characterized by susceptibility to foreign influence and heterogeneity of terms functioning in these languages. The linguistic study of the peculiarities of terms translation from Russian into Chinese is an urgent task of modern linguistics. Currently, there are a several problems in Russian linguistic terms translating into Chinese, the translation of some linguistic terms is not unified, which leads to a lack of order in their translation.

Keywords: Russian linguistic terms, Russian as a foreign language, terms translating.

Китайский и русский языки являются одними из самых распространённых в мире, входят в перечень официальных языков ООН, на этих языках создаются важные научные открытия и значимые научные исследования. Научные терминологии китайского и русско-

го языков имеют особенности формирования и исторического развития, отражая не только состояние и уровень развития той или иной научной сферы и характеристики человеческого мышления, но и национальные лингвокультурные и ментальные особенности. Русская и китайская научная речь, помимо общих для всех языков науки стилистических характеристик (таких, как информативность, точность, объективность, доказательность, логичность, последовательность и пр.), имеют национальную специфику, которая продуцирует трудности в усвоении языка специальности иностранными учащимися.

Лингвистическая терминология как часть национальной научной терминологии складывается на протяжении всей истории науки о языке и отражает смену воззрений на язык, разницу лингвистического словоупотребления в различных школах и направлениях языкознания, различные национальные языковедческие традиции. Как показывает анализ, русская и китайская лингвистические терминологии значительно различаются, что затрудняет обучение китайских студентов-филологов русскому языку специальности и провоцирует трудности в переводе ими учебно-научных текстов.

Современная русская лингвистическая терминология, рассматриваемая как совокупность лингвистических терминов, представляет собой сложную систему, сложившуюся в процессе описания разными лингвистическими парадигмами языковых явлений. Корпус русских лингвистических терминов, состоящий из совокупности терминов, обслуживающих все разделы и направления науки о языке, отражает как лингвистические традиции прошлого, так и современные представления о языке.

В настоящее время существует ряд проблем перевода русской лингвистической терминологии на китайский язык: перевод некоторых лингвистических терминов не унифицирован, что приводит к отсутствию упорядоченности в их переводе. Ситуация неупорядоченности лингвистической терминологии появляется в ряде случаев. Например, если заимствуется целая теоретическая концепция, различные переводчики могут использовать разные слова для перевода одного и того же термина. Из-за этого возникает ситуация, при которой некоторые термины обозначают одно и то же понятие или близкие понятия, т.е. в целевом языке возникают термины-синонимы и термины, близкие по смыслу (квазисинонимы). Трудности в переводе характерны для терминов-дублетов, образованных при помощи разных аффиксов: например, следующие терминологические пары могут восприниматься китайскими студентами-филологами как разные лексемы: *топонимия* – *топонимика*, *формообразующий* – *формообразовательный*, *разнокоренной* – *разнокорневой* и пр. Термины-синонимы в русском языке могут быть и разнокорневыми, например: *лингвистика* – *языкознание*, *приставка* – *префикс*, *сослагательное наклонение* – *условное наклонение*, *императив* – *повелительное наклонение* и пр. [Иванова 2011, с. 199–200]. Китайские студенты могут испытывать трудности при переводе терминов-синонимов, не понимать особенности их использования и причины появления нескольких номинаций для одного и того же лингвистического явления.

Термины-синонимы могут характеризовать терминологическую систему китайского языка, например, русский термин *текст* переводится как *篇章* и *语篇*; термин *фонология* переводится как *音系学* и *音位学*; термин *предикат* переводится как *述词*, *谓词* и *谓语*; термин *иллокутивный акт* переводится как *施为性言语行为*, *言外行为* и *以言施事行为*; термин *нейтрализация* переводится как *中和* и *对立消失*; термин *референт* переводится как *所指*, *指称*, *指称对象*, *指涉对象* и *指涉物*.

В китайской аудитории могут возникнуть проблемы с различением терминов *язык* и *речь*. Русско-китайские словари предлагают три варианта перевода термина *речь*, что не способствует пониманию студентами этого понятия, под которым в европейской лингвистике вслед за Ф. де Соссюром принято понимать реализацию языка в конкретной речевой деятельности индивида, индивидуальный акт (в отличие от языка как социального продукта в виде системы лингвистических единиц и отношений): термин 言语 встречается в словосочетании 语言与言语, где часть 语言 переводится как «язык», а часть 言语 для носителя китайского языка не имеет смысла, так как представляет собой слово 语言 («язык»), в котором иероглифы поменяли местами; термином 言语能力 обозначают способность к произнесению звуков, говорению; термин 演讲 можно определить как «выступление с докладом».

Русская лингвистическая терминология складывается на протяжении всей истории языкознания и характеризуется заимствованиями классической греко-римских терминов, тогда как китайская лингвистика заимствует термины из английского и японского языков. В этой связи китайским студентам, как правило, неясна внутренняя форма русских терминов, образованных путём заимствования. Так, русскому термину «морфология», заимствованному через немецкий язык из латинского языка («morpho» обозначает «форма», «logos» – «наука») соответствуют китайские термины 形态学 (дословно: «наука формы», т.е. калька древнегреческого термина) и 词法 (дословно: «наука о лексике», «наука о слове», «наука о словосочетании»). Внутренняя форма как русского, так и китайских терминов не будет ясна китайским студентам, а термин 词法 вообще может ввести их в заблуждение, так как может быть ошибочно соотнесен с русским термином «лексикология».

Китайские студенты испытывают затруднения при переводе русских терминов, относящихся к лингвистическим традициям, парадигмам, школам, направлениям, недостаточно распространённым в китайской лингвистике. Так, китайские студенты-филологи отмечают, что в китайской лингвистической литературе редко используются термины, способные выступать эквивалентами русскому термину когнитивной лингвистики «картина мира». Дословный перевод этого термина – 世界图景 – встречается в основном в китайских научных исследованиях, проводимых русскими лингвистами и китайскими русистами. Предполагается, что аналогичные затруднения в поиске китайского эквивалентного термина испытывают китайские студенты и при лексической работе с термином «эмоционально-оценочная лексика». По утверждению китайских студентов, дословный перевод русского термина – 感情评价词汇 – используют китайские авторы, выполняющие сравнительно-сопоставительные исследования китайского и русского языков. Для китайской лингвистики характерно использование других терминов – 褒义词 («слово с положительной оценкой») и 贬义词 («слово с отрицательной оценкой»).

Помимо синонимии, перевод русских лингвистических терминов могут затруднять такие явления, как полисемия и омонимия терминов. Полисемия отражает сложность и многообразие лингвистических явлений и отношений в сфере научных понятий. Причиной многозначности, как представляется, могут быть влияние греко-римской традиции, малая разработанность конкретных языковых понятий, быстрое развитие лингвистической науки и наличие разных лингвистических концепций, направлений и школ (например: *фразеология* – 1) раздел лингвистики, изучающий фразеологизмы, 2) совокупность фразеологических единиц языка; *лексика* – 1) словарный состав языка, 2) совокупность слов, связанных со сферой их использования, 3) совокупность слов, характерных для какого-

либо литературного направления, словарный состав отдельного художественного произведения, словарь языка того или иного писателя). Омонимия терминов, когда два (или более) значения термина представляются никак не связанными между собой, а значения и/или способы перевода указываются в разных словарных статьях лингвистических энциклопедий и двуязычных словарей, может отражать междисциплинарный характер русской лингвистики и наличие внутри метаязыка нескольких «метадиалектов» (например: *парафраза 1* – троп, синонимическое преобразование, *парафраза 2* – результат трансформации; *словарь 1* – лексика, словарный состав языка, диалекта, какой-либо социальной группы, отдельного писателя и т. п., *словарь 2* – справочная книга или любой другой источник, информация в котором упорядочена (систематизирована) с помощью разбивки на небольшие статьи, отсортированные по названию или тематике).

Таким образом, вопреки традиционному взгляду на терминологические единицы, лингвистические термины оказываются многозначными и синонимичными, а их перевод на другой язык может вызывать существенные трудности, вызванные несколькими факторами: различием научных парадигм и направлений лингвистических исследований, научных школ и идиолектов отдельных исследователей, функционированием в языке лингвистики современного и устаревшего терминов, полного и краткого вариантов термина и пр. Перечисленные трудности перевода русских лингвистических терминов на китайский язык во многом определяются, как представляется, особенностями русской и китайской научной речи и спецификой целей, методов, объектов и предметов научных исследований, проводимых русскими и китайскими лингвистами. Следовательно, обучение русскому языку специальности китайских студентов-филологов должно сопровождаться освещением особенностей русской и китайской научной речи и метаязыка русской и китайской лингвистик.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 607 с.
2. Иванова Г.А. Синонимы в терминологической системе метаязыка лингвистики // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. №6 (2). С. 199–203.

УДК 811.161.1

Особенности изучения русских глаголов движения в китайской аудитории

**Елена Владимировна Крапивник,
Чжу Цзыцзя**

Тихоокеанский государственный университет
004712@pnu.edu.ru; 2028243338@qq.com

Глаголы движения являются традиционным объектом лингводидактических исследований в сравнительно-сопоставительном аспекте. Как известно, представления различных народов о пространстве существенно различаются, а значит и способы выражения перемещения предметов в пространстве в разных язы-

ках будут отличаться. В частности, межкультурные и ментальные барьеры, возникающие у носителей китайского языка при изучении русских глаголов движения, продуцируют существенные трудности в освоении этой сферы русской грамматики, которые представляется возможным снимать, опираясь на национальные особенности лексико-семантической группы «глаголы движения» в русском и китайском языках.

Ключевые слова: глаголы движения, русский язык как иностранный.

The Features of Learning Russian Verbs of Motion to Chinese Students

**E.V. Krapivnik,
Zhu Zijia**

Pacific National University

Verbs of motion are a traditional object of linguodidactic research in a comparative-contrastive aspect. The ideas of different peoples about space differ significantly, which means that the ways of expressing the movement of objects in space in different languages will differ. In particular, intercultural and mental barriers that arise among Chinese students who learn Russian verbs of motion produce significant difficulties in mastering this part of Russian grammar which it seems possible to remove based on the national features of this semantic group in Russian and Chinese.

Keywords: verbs of motion, Russian as a foreign language.

Глаголы движения традиционно представляют собой объект лингвистических и методических исследований, что объясняется, в том числе, тем фактом, что в данной лексике отражаются национальные особенности восприятия пространства как универсальной категории и формы отражения действительности представителями разных языковых культур. Следовательно, в лингводидактике возникает необходимость сопоставительного изучения лексико-семантической группы «глаголы движения» в неродственных языках с целью выявления общих свойств языковых систем и их существенных семантических и грамматических различий.

Как известно, лексико-семантическая группа «глаголы движения» в русском языке формируется глаголами несовершенного вида, которые образуются от одного корня (кроме *идти – ходить*) и группируются в пары (двучленные соотношения), члены которых противопоставлены по значениям кратности/некратности и однонаправленности/неоднонаправленности.

Первая методическая трудность может возникнуть при описании количественного состава группы глаголов движения в современном русском языке: исследователи выделяют 17 пар глаголов (А.В. Исаченко «Современный русский язык» под ред. В.А. Белошапковой), 27 пар (Н.И. Греч), 13 пар (А.Х. Востоков), 11 пар (А.А. Шахматов), 14 пар (Ф.Ю. Ахмадуллина), 13 пар (Л.Д. Умаровой, А.М. Ломова) [Ахмадуллина 2002, 25 с.]. Ряд исследователей (Н.С. Авилова, Г.А. Багдасарова, Ю.М. Гордеев, В.Л. Ибрагимов, Л.А. Телегин и др.) расширяют данную лексико-семантическую группу, включая «глаголы, означающие перемещение, но не входящие в группу соотносительных парных глаголов движения типа *идти – ходить* (например, *гулять, блуждать, рысать, семенить* и др.)» [Авилова 1976, с. 107].

Русские глаголы движения характеризуются грамматическими и семантическими особенностями, отличающими данную группу от других русских глаголов, что обуславливает необходимость выделения отдельной темы «Глаголы движения» в обучении русскому языку как иностранному.

Среди русских глаголов, обозначающих перемещение субъекта в пространстве, есть глаголы движения, специфическая особенность которых состоит в том, что они образуют пару, обозначающую один и тот же способ перемещения в пространстве (*идти* – *ходить* = «передвигаться по земле при помощи ног без усиления скорости»; *бегать* – *бежать* = «передвигаться по земле при помощи ног с усиленной скоростью»; *лететь* – *летать* = «передвигаться по воздуху, используя крылья или какой-либо летательный аппарат» и др.). Основное значение глаголов типа *идти* – перемещаться в одном направлении, а типа *ходить* – перемещаться в различных направлениях. Указанные глаголы движения, являясь глаголами несовершенного вида, не составляют между собой видовых пар и в плане видообразования характеризуются рядом особенностей. Бесприставочные глаголы движения не образуют видовых пар, поскольку в результате перфективации меняется лексическое значение глагола. Приставочные глаголы движения образуют видовые пары двух типов: 1) *выйти* – *выходить* – результат параллельного образования дериватов от глаголов типа *идти* – *ходить* при помощи одной и той же приставки; 2) *заплыть* – *заплывать* – результат вторичной имперфективации приставочного глагола движения (*плыть* → *заплыть* → *заплывать*).

В китайском языке также есть глаголы, обозначающие направленное движение в пространстве, обладающие своими грамматическими особенностями. В китайском языке глагол обозначает действие или состояние предмета, может указывать цель действия или обозначать образ (способ) совершения действия [Горелов 1984, с. 23]. С точки зрения морфемной структуры, китайские глаголы могут быть простыми (односложными) и сложными. Как отмечает М.Б. Рукодельникова, «весьма продуктивным классом китайской глагольной лексики являются сложные лексемы, одним из компонентов которых стал глагол направления движения» [Рукодельникова 2007, с. 597]. Описание семантики глаголов движения в китайском языке связано с описанием способов языкового выражения компонентов ситуации движения: фигуры (объекта, перемещающегося или локализованного относительно другого объекта – опорного объекта или фона), фона (опорного объекта, относительно которого осуществляется перемещение или определяется местонахождение объекта, названного фигурой), пути (маршрута, по которому перемещается фигура, или местонахождение фигуры относительно фона) и движения (компонента, характеризующего наличие в событии собственно движения или статической локализации) [Talmy 1985, с. 61].

В китайском языке выделяют два базовых глагола движения, которые обозначают ситуации движения, в которых есть говорящий, субъект движения – фигура, фон (ориентир движения) и маршрут: 来 (*lai*) – обозначает движение, направленное к фону относительно говорящего (оно обозначает «движение к говорящему», «сюда»); 去 (*qu*) – обозначает движение, направленное от фона относительно говорящего (оно обозначает «движение от говорящего», «туда»).

Можно выделить следующие китайские «простые» глаголы движения: 进 (*jin*) – движение внутрь фона; 出 (*chu*) – движение изнутри фона; 上 (*shang*) – движение вверх к фону; 下 (*xia*) – движение вниз от фона; 回 (*hui*) – движение обратно к фону; 过 (*guo*) – движение минуя фон; 起 (*qi*) – движение, направленное вверх (отрываясь от поверхности) от фона (сесть из положения лежа, встать из положения сидя); 开 (*kai*) – движение, расходящееся в разные стороны от фона.

Указанные глаголы, входящие в лексико-семантическую группу глаголов направления движения, обладают полифункциональными свойствами, т.е. имеют способность функционировать как самостоятельный глагол в предложении, а также выступать в функции вспомогательного компонента для образования составных глаголов (или сложных глаголов) в соединении с другими глаголами. Специфика семантики сложных глаголов направления движения в китайском языке характеризуется совмещением значений простых глаголов, входящих в их состав: первый глагол содержит сему движения, ориентированного в пространстве по отношению к фону (вверх, вниз, обратно и пр.), а второй глагол – это базовый глагол, который содержит сему субъектной ориентации в пространстве, т.е. отражает субъективную ориентированность движения, выраженного первым глаголом, по отношению к фону, который определяется как субъективно, так и объективно. Таким образом, глаголы движения в русском и китайском языках имеют существенные различия, что может вызывать сложности при изучении данной темы в китайской аудитории. Частично снять эти трудности можно, представив в китайской аудитории следующие таблицы, с одной стороны, семантизирующие традиционными приёмами значение глаголов движения (разъяснение значения, разъяснение функции, контекстуальное объяснение, наглядность и пр.), с другой стороны, – сопоставляющие лексические единицы данной семантической группы в двух языках.

Глаголы движения и их значения
运动动词和运动动词的涵义

Глаголы движения 运动动词	Значения 运动动词的涵义
идти / ходить 行走	двигаться, ступая ногами 用脚走
ехать / ездить 乘坐	двигаться, перемещаться при помощи каких-нибудь средств передвижения 利用交通工具走 (或来往)
бежать / бегать 跑	быстро двигаться, ступая ногами 跑步
плыть / плавать 游	передвигаться по поверхности воды или в воде 在水表面或水中移动
лететь / летать 飞	передвигаться, перемещаться по воздуху 空中移动, 飞行
брести / бродить 漫步, 徘徊	медленно ходить 慢步, 徘徊
ползти / ползать 爬行	передвигаться по поверхности всем телом или на коротких ножках в определённом направлении/в разных направлениях 用全身或短腿在某物表面上朝某个方向 (或不同的方向) 爬行 (移动)
лезть / лазить 爬	карабкаясь, цепляясь, передвигаться по чему-либо, взбираться куда-либо 攀爬, 攀登某处
нести / носить 随身携带某物去	взяв в руки, подняв, нагрузив на себя, доставлять куда-либо вместе с собою 提起、抬起、或随身携带某物去某个地方
везти / возить 运送	перемещать, доставлять куда-нибудь на себе 随身携带某物乘坐交通工具去

вести / водить 带领	идя рядом с кем-либо, сопровождая кого-либо, направлять движение, помогать или заставлять идти 走在某人旁边, 陪同某人走, 帮助或强迫某人走路
тащить / таскать 拖, 携带	переносить на себе (обычно что-либо тяжёлое) 随携带/拖 (通常指的是携带很重的东西)
катить / катать 使滚动, 翻滚, 推	двигать, передвигать округлый предмет или предмет на колёсах, на полозьях 滚动, 推或移动圆形的物体 (或者有轮子/滑轨的物体)
гнать / гонять 赶走	заставлять кого-либо, что-либо идти, двигаться куда-либо 强迫某人或某物去某地
гнаться / гоняться 追赶	ходить, бегать и т.п. за кем-либо, чем-либо, стараясь догнать; преследовать с целью настичь 卖力地走着或者跑着追赶某人或某物; 有目标地追赶
катиться / кататься 滚动, 滑行, 行驶	двигаться, передвигаться в каком-либо одном направлении/в разное время и в разных направлениях (об округлом предмете или о предмете на колёсах, на полозьях) 向某一个方向移动/在不同时间向不同的方向移动 (通常指圆形物体或者有轮子/滑轨的物体)
несть / носиться 疾驰	двигаться с большой скоростью 飞快地移动
тащиться / таскаться 拖着步子走	перемещаться, не отрываясь от поверхности; волочиться 在不从地面离开的情况下移动; 慢腾腾地走

Группы глаголов движения

Группа I 动词第一变位法 движение в одном направлении 单向 НСВ 未完成体动词	Группа II 动词第二变位法 движение вообще 通常地移动 НСВ 未完成体动词
идти 步	ходить
ехать 乘	ездить
бежать 跑	бегать
лететь 飞	летать
плыть 游	плавать
нести 携	носить
везти 运送	возить
вести 带	водить

Глаголы движения с приставками и их значения

Приставка в русском языке	Значение приставки	Глагольная направленная морфема китайского языка	Примеры
в- (во-)	направление движения внутрь предмета	进来 / 进去	<i>войти в дом</i>
вы-	направление движения изнутри предмета	出来 / 出去	<i>выйти из дома</i>
в-	направление движения вверх на поверхности	上来 / 上去	<i>въехать на гору</i>
с- (со-)	1) направление движения вниз с поверхности 2) движение с разных сторон в одно место	下来 / 下去	<i>съехать с горы</i> <i>сойтись на стадионе</i>
вз- (вс-)	направление движения вверх	上来 / 上去	<i>взбежать на лестницу</i>
при-	достижение цели движения, нахождение в месте	到来 / 到去	<i>прийти в школу</i>
у-	удаление с места нахождения, пребывания	走出来 / 走出去; 离开 (离开)	<i>уйти из школы</i>
от-	удаление от предмета	离开 离开	<i>отойти от доски</i>
под-	приближение к предмету на близкое расстояние	靠近	<i>подойти к доске</i>
до-	достижение границы предмета	到达	<i>дойти до реки</i>
на-	столкновение с предметом	到达 (碰到)	<i>наехать на столб</i>

Необходимо подчеркнуть, что китайские глаголы движения существенно отличаются от русских глаголов данной лексико-семантической группы. В этой связи при использовании различных приёмов семантизации русских глаголов движения в китайской аудитории нужно учитывать ряд факторов: слова должны представляться не изолированно, а в грамматических и лексических связях; существуют явления, мотивированные и немотивированные с точки зрения современного языка, т.е. объясняемые в языке определёнными правилами или являющиеся исключениями; работа над лексическим материалом проводится в тесной работе с усвоением грамматической структуры. При этом желательно новые глаголы движения объяснять на примере знакомых синтаксических конструкций. В противном случае нарушается правило об одной трудности при изучении нового материала, вследствие чего учащиеся не могут сфокусировать свое внимание на чём-то одном. При семантизации русских глаголов движения в китайской аудитории эффективно использование разнообразных таблиц, объединяющих несколько способов семантизации – пере-

вод, разъяснение значения, разъяснение функции, контекстуальное объяснение, наглядность. Системная и регулярная работа по семантизации глаголов движения на основе таблиц и схем способствует расширению словарного запаса студентов, развитию у них языковой догадки, учит учащихся догадываться о значении слов по контексту и повышает мотивацию китайских студентов к изучению русского языка.

Литература

1. Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М.: Наука, 1976. 288 с.
2. Ахмадуллина С.В. Системно-функциональный подход к изучению глаголов движения студентами-мари в практическом курсе русского языка: дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2002. 251 с.
3. Горелов В.И. Лексикология китайского языка. М.: Просвещение, 1984. 216 с.
4. Рукодельникова М.Б. Глаголы перемещения в воде в китайском языке // Глаголы движения в воде: лексическая типология. М.: Индрик, 2007. С. 595–616.
5. Talmy L. Lexicalization Patterns: Semantic Structure in Lexical Forms // Language Typology and Syntactic Description. 2nd edition. Vol. III. Grammatical Categories and the Lexicon. Cambridge: Cambridge University press, 1985. P. 57–149.
6. 马庆株. 汉语动词和动词性结构. 北京: 北京大学出版社, 2005. 233 页面。 = Ма Цинчжу. Китайские глаголы и структура глагола. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2005. 233 с.
7. 朱蓓. 现代汉语移位动词研究综述上海. - 上海: 上海工程技术大学高职学院, 牡丹江师范学院学报/哲社版, 2005. 57–61 页面。 = Чжу Бэй. Обзор исследований глаголов движения в современной шанхайской речи // Журнал Муданьцзянского педагогического университета: философия и социальные науки, 2005. С. 57–61.

УДК 81

Применение компьютерных технологий в процессе обучения иностранному языку на начальном этапе

Ольга Игоревна Кудрявцева

Донской государственный технологический университет
olyaworo@mail.ru

В статье рассматривается использование современных компьютерных технологий в процессе обучения иностранному языку, даётся характеристика преимуществ и недостатков их внедрения в образовательный процесс. Использование компьютерных технологий на начальном этапе обучения иностранному языку способствует более эффективному усвоению речевого материала, повышает языковую компетентность обучаемых. Рассматривается возможность использования компьютерных технологий не только в образовательном процессе, но и при выполнении самостоятельной работы. Акцентируется внимание на значимости контроля за умением применять современные компьютерные технологии обучаемыми при подготовке различных заданий.

Ключевые слова: компьютерные технологии, образовательный процесс, языковая культура, ролевая игра, Интернет, коммуникативные задачи, личностно-ориентированный подход.

The Use of Computer Technology in the Process of Learning Foreign Language at the Initial Stage

O.I. Kudryavtseva

Don State Technological University

The article discusses the use of modern computer technologies in the process of teaching a foreign language, gives a description of the advantages and disadvantages of their introduction into the educational process. The use of computer technologies at the initial stage of teaching a foreign language contributes to a more effective assimilation of speech material, increases the language competence of students. The article considers the possibility of using computer technologies not only in the educational process, but also when performing independent work. Attention is focused on the importance of control over the ability to apply modern computer technologies by students in the preparation of various tasks.

Keywords: computer technologies, educational process, language culture, role-playing game, Internet, communicative tasks, student-centered approach.

В настоящее время актуальной тенденцией, которая наметилась в системе высшего образования в России, является переориентация её на новые ценности. Так, современный выпускник высшего учебного заведения должен обладать высоким уровнем конкурентоспособности на трудовом рынке, что предполагает его разносторонний и качественный уровень профессиональной подготовки. В связи с этим образовательный процесс в вузе должен носить инновационный, комплексный характер, отличающийся эффективностью и использованием современных технических средств, в частности компьютерных технологий в формировании профессиональных умений и навыков будущего специалиста. Вос требованность в повышении уровня владения иностранным языком обусловлена тем, что Россия принимает активное участие в международном разделении труда. При этом всё более распространёнными становятся иностранные организации [Тринадцатко 2020, с. 109].

Невозможно отрицать, что изучение иностранных языков является довольно сложным процессом, который требует упорства и личной заинтересованности обучающегося. Довольно часто возникает ситуация, когда мотивация к изучению падает вследствие того, что должный результат длительное время не наступает. На это также оказывают влияние различные личностные качества студентов. В этом случае важно, чтобы преподаватель раскрыл творческий потенциал обучающегося, повысил его интерес к изучению иностранного языка, оперируя при этом тем, что в современном мире молодёжь испытывает повышенную тягу к электронным устройствам. Поэтому большое значение для преподавателей имеет владение технологиями, используемыми в ходе обучения и дающими возможность вести данную деятельность интенсивно для студентов с различным уровнем подготовки.

Компьютерные технологии стали проникать в разные сферы деятельности человека, в том числе в систему образования ещё в конце XX в. Это коснулось и сферы обучения иностранным языкам. В настоящее время возрастает значимость языкового образования, что обуславливает повышенные требования к профессиональным качествам преподавателей, поскольку владение современными компьютерными технологиями способствует повышению уровня подготовки обучающихся.

В качестве одного из доступных элементов процесса обучения выступает учебная литература на электронных носителях, использование которых становится всё более расширенным, в то время как тенденция к использованию традиционных учебных пособий снижает свою актуальность в связи с направленностью на пассивное восприятие материала и заучивание его без учёта склонностей и интересов обучающегося.

Поиски новых подходов к преподаванию иностранного языка связаны с требованием к его итоговой цели изучения: практическое владение иностранным языком во всех видах речевой деятельности.

В ходе обучения иностранному языку довольно часто возникает проблема закономерности познавательных процессов. Применение компьютерных технологий в данном процессе создаёт привычную для обучающихся среду, а мультимедийные устройства выносят изучение за рамки аудитории, делая обучение непрерывным.

Действенным стимулирующим средством является организация общения студентов с носителями иностранного языка в сети Интернет, что особенно актуально на начальном этапе обучения иностранному языку в вузах, поскольку вовлекает обучающихся в процесс общения даже на той стадии, когда владение языком далеко от совершенства. Усиливается данный положительный эффект за счёт просмотра программ и фильмов на языке, а также использование студентами разных сайтов, которые предполагают знание иностранного языка. В таких условиях весьма оправдано стремление педагогов к использованию в ходе обучения современных технологий и мультимедиа-средств вместе с новыми моделями обучения, отличающимися от традиционной модели.

Следует отметить, что на сегодняшний день обучающимся рекомендуется осваивать иностранные языки путем использования компьютерных технологий, что составляет до ½ от общего объёма учебной нагрузки. Такая новая система обучения перекликается с идеей о главенствующей роли обучающегося, для которого компьютерные технологии открывают доступ к отличающейся комфортностью форме обучения. Однако вместе с этим компьютерные технологии могут отвлекать студентов от процесса познания. Чтобы этого не происходило, в программу должен быть заложен систематический последовательный курс обучения, а преподаватель обучиться навыкам работы с компьютером и подаче материала с его использованием. В этом случае будет обеспечен высокий показатель успеваемости обучающихся [Гойкочева 2017, с. 5].

Практическая реализация системы применения в процессе обучения иностранному языку компьютерных технологий показывает ряд преимуществ. Прежде всего, это то, что при таком подходе обеспечивается индивидуализация в обучении, а также повышенная мотивация обучающихся к изучению иностранного языка посредством пробуждения их интереса к занятию за компьютером. Помимо этого обучение, выстроенное с применением компьютерных технологий, гарантирует получение объективной оценки знаний, что исключает получение обучающимся негативных эмоций.

Компьютерные технологии доступны для применения обучающимися не только в пределах учебной аудитории, но и за пределами учебного заведения. Такая доступность позволяет осуществлять самостоятельную работу в то время, когда удобно, играя роль тренинга полученных знаний. Однако важную роль имеет адаптация компьютерных программ к существующей системе обучения, поскольку в них нет тех компетенций, которые заложены в стандарте образования. Обучающая программа включает в себя такие компоненты, как платформа, тема и знания для освоения, технический уровень знаний обучающихся и преподавательский контроль. Такие электронные программы позволяют выполнять обучающимся задания более быстро, тем самым ускоряя понимание полученного в ходе обучения материала. В числе отрицательных характеристик их использования – опасность повышенного увлечения обучающимися эффектами, прочими техническими возможностями персонального компьютера, что отвлекает от процесса обучения. Однако

это скорее относится к тем студентам, которые не отличаются дисциплинированностью и организованностью. В иных случаях компьютерные технологии выступают в качестве фактора инноватики и привлекают студентов к обучению.

Важно отметить, что использование компьютеров и их технологий при обучении иностранному языку исключает отрицательное напряжение психологического характера, что особенно актуально на первых курсах обучения. Обучение осуществляется увлекательно, повышая эмоциональность и принося удовлетворение на современном уровне технологизаций.

На сегодняшний день использование компьютерных технологий в процессе обучения иностранным языкам выступает как обязательное, поскольку реализация данных технологий составляет основу достижения целей образовательной программы, которая в рамках обучения иностранному языку должна быть последовательной и полной. Например, стандартный мультимедиа-курс обучения иностранному языку направлен на развитие всех главных навыков. Это письмо, восприятие на слух, чтение и речь. Такой курс обучения охватывает собой каждый из шести уровней подготовки студента в соответствии с общепринятой классификацией. При этом должна роль отводиться самостоятельной работе обучающегося, что развивает речевые способности и формирует навыки самообразования. В качестве самостоятельной работы для обучающихся довольно часто применяется такой способ, как использование в этих целях Интернет-ресурсов. Большим преимуществом является то, что в настоящее время доступ к сети Интернет оснащены все учебные заведения и дома, что позволяет пользоваться ими повсеместно. Развивая тему самостоятельности в изучении иностранного языка, следует отметить то, что это неотъемлемая часть обучения в связи с тем, что главная его цель заключается в формировании межкультурной профессиональной компетенции и её развитии, которая ориентирована на улучшение коммуникативных навыков. Кроме того, важной проблемой в преподавании иностранного языка выступает недостаточное количество часов для обучения. Поэтому самообразование в изучении иностранного языка является объективной необходимостью в закреплении, тренировке изученного материала, и предполагает не только выполнение студентами работ, заданных на дом, но и развитие умения самим искать информацию, анализировать и систематизировать её, выделяя основное из огромного числа источников, и применять это на практике. Именно таким образом осуществляется формирование у студентов языковых навыков и умений. Важную роль при этом играет применение современных компьютерных технологий, поскольку они активизируют мыслительный процесс, способствуют росту стремления к получению знаний и решению лингвистических, а также речевых задач самостоятельно, формированию контроля самими студентами полученных ими знаний [Банкожитенко 2017, с. 3].

Если рассматривать применение компьютерных технологий с точки зрения преподавательской деятельности в обучении иностранным языкам, следует отметить, что для педагога сочетание традиционной методологии преподавания вместе с использованием компьютерных технологий является довольно сложной задачей. Другими словами, сложность заключается именно в выборе формы их сочетания. Так, при традиционной форме обучения компьютерные технологии используются в основном для выполнения самостоятельной домашней работы студентами с целью закрепления материала. При технологизированной форме компьютер используется прямо во время занятий, внедряясь в традиционное обучение, что приносит большую эффективность. Кроме того, на первых курсах языковых высших учебных заведений использование компьютера во время лекций и практических заданий служит своего рода подготовкой студентов к самостоятельной работе и

формирует представление о компьютерных технологиях не только как о средстве для проведения досуга, а прежде всего как средстве достижения достойного уровня знаний. Помимо этого, их применение позволяет привлечь пассивных студентов к наглядным практическим занятиям, в которых можно проявить собственные творческие способности, реализовать личностно-ориентированный подход к изучению языка, развить такие механизмы, как память, внимание, а также искоренить полностью либо свести к минимуму проявление психологического фактора, состоящего в боязни дачи ответа, что особенно значимо на первых курсах обучения.

Таким образом, в настоящее время невозможно недооценивать значение компьютерных технологий при изучении иностранных языков. Компьютеры отличаются высоким уровнем быстродействия и имеют большой объём памяти, что определяет их эффективность использования в рамках образовательного процесса. Не обладая особыми навыками, студент может использовать любые электронные учебники и словари, создавать красочные наглядные презентации к изучаемым темам, получить перевод отдельных слов, а также целых фраз и текстов. Следует отметить, что в числе популярных заданий для выполнения обучающимися выступают различные игры, связанные с историей языка, традициями и культурой народов, говорящих на нём, что вызывает у студентов живой интерес, а применение для их реализации компьютерных технологий делает процесс игры более увлекательным. Ролевые игры – ещё один способ развития способности выбора языковых средств через форму поведения путём исполнения ролей. Такие игры довольно часто используются в обучении иностранному языку как самостоятельная работа. В рамках такой игры в соответствии с предложенной технической программой, темой или речевой ситуацией согласно уровню подготовки обучающиеся могут выбрать правильный ответ, погружаясь в свою роль. Например, это может быть такая ситуация как пребывание в гостинице, в аэропорту, в столице изучаемой страны и т.д.

Практика показывает, что такие игры могут быть самыми разнообразными: от попытки получить у прохожих какую-либо информацию до разных коммуникативных ситуаций в магазине, метро, музее, в аэропорту, в принимающей иностранной семье и другие.

Использование ряда сайтов, например <http://learninggapps.org>, <http://www.akademiaiberia:Ru/> и др. даёт возможность выполнять задания по исправлению фонетических, грамматических и прочих ошибок в предложениях, что схоже с разгадыванием кроссвордов [Сельвесюк 2018, с. 5].

Таким образом, в изучении иностранного языка компьютерные технологии приносят значительные результаты в развитии языковых компетенций, диалогической речи, мотивируют обучающихся к процессу изучения языка при условии их рационального применения. Современное развитие общества предъявляет всё более высокие требования к уровню владения иностранными языками на практике, поэтому использование в обучении компьютерных технологий является необходимостью и даёт большие возможности для обеспечения высокой результативности в получении знаний. Безусловно, не следует игнорировать факт использования студентами компьютерных технологий как средства лёгкого получения информации, которая не всегда является качественной, а также средства неоправданного упрощения работы с учебным материалом. Это обуславливает необходимость систематического ненавязчивого контроля со стороны преподавателей, умеющих сочетать разнообразные формы обучения и устанавливать личностный контакт с обучающимися, что важно в рамках преподавания иностранных языков.

Литература

1. Банкожитенко Е.В., Власова С.В., Зубанова С.Г. Особенности научно-педагогических подходов при обучении иностранному языку студентов технических факультетов МАИ (НИУ) // Мир науки. 2017. Т. 5. № 2. С. 3.
2. Гойкочеа Моралес Лоренсо Бенхамин. Применение компьютерных технологий при изучении испанского языка // Интернет-журнал «Мир науки». 2017. Том 5. № 2. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/41PDMN217.pdf> (дата обращения: 31.03.2022).
3. Сельвесюк Н.Л. Использование инновационных технологий в процессе обучения иностранным языкам на примере обучения испанскому языку // Интернет-журнал «Мир науки». 2018. № 3. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/27PDMN318.pdf> (дата обращения: 31.03.2022).
4. Тринадцатко О.А. Средства информационно-компьютерных технологий в системе образования // Наука, образование, инновации: актуальные вопросы и современные аспекты: сборник статей Международной научно-практической конференции, Пенза, 23 марта 2020 года. Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2020. С. 109–111.

УДК 811.161.1

Художественный текст в аспекте диалога культур как объект лингводидактики

Алексей Алексеевич Лебедев,

Александр Степанович Мамонтов

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
alexeylebedev97@mail.ru; as-mamontov2@yandex.ru

В данной статье рассмотрены с разных сторон особенности процесса понимания художественного текста в рамках диалога культур, а также предложено оригинальное решение проблемы герменевтического круга в свете методики обучения чтению на русском как иностранном. Статья может быть полезна широкому кругу методистов и преподавателей РКИ.

Ключевые слова: РКИ, методика преподавания РКИ, лингводидактика, диалог культур, художественный текст.

Literary Text in the Aspect of the Dialogue of Cultures as an Object of Language Teaching

A.A. Lebedev,

A.S. Mamontov

Pushkin State Russian Language Institute

This article examines from different sides the particularities of the process of understanding a literary text as part of the dialogue of cultures, and also offers an original solution to the problem of the hermeneutic circle in the light of the methodology of teaching reading in Russian as a foreign language. The article can be useful to a wide range of RFL methodologists and teachers.

Keywords: RFL, RFL teaching methods, language teaching, dialogue of cultures, literary text.

Понимание текста, тем более художественного, отличающегося от текстов других типов как минимум *всеобщей образностью* и *информационной насыщенностью*, само по себе является крайне сложным *речемыслительным* процессом, имеющим, по мнению разных учёных, разные уровни: от двух [Мамонтов 1984, с. 40–41] или трёх [Кулибина 2021, с. 85–88] до семи [Клычникова 1983, с. 135–139]. Необходимо подчеркнуть, что протекание данного процесса в рамках диалога культур значительно усложняет его.

Можно по-разному и с разных сторон подходить к изучению процесса понимания художественного текста (ХТ), но в рамках настоящей статьи наиболее перспективными представляются психолингвистические и лингвометодические аспекты, изучением которых занимались и занимаются один из авторов данной статьи (в основном в теоретическом плане) и его коллега проф. Н.В. Кулибина (преимущественно в прикладном ключе). Особенно плодотворным авторы статьи склонны считать соединение указанных аспектов с проблематикой такой науки, как герменевтика. Это, по нашему мнению, позволит сделать важные для преподавателя РКИ методические выводы.

Так, в одной из своих работ мы попытались обосновать следующие релевантные для нашей исследовательской парадигмы положения: *«Национально-культурная специфика текста... манифестируется в номинативных единицах..., являющихся национально-культурными компонентами текста. Поскольку значение складывается на основе языковых единиц, составляющих текст, роль слова, особенно если оно несёт ключевую смысловую нагрузку, трудно переоценить. Коррелятами номинативных единиц... являются эталоны – ...результаты обобщающей деятельности сознания, существующие в форме значений»* [Мамонтов 1984, с. 190]. Важно отметить, что именно те или иные языковые знаки служат материальной базой для концептов национальной культуры и для понимания ХТ.

В своей монографии Н.В. Кулибина отмечает, что для понимания ХТ важно понимание его *ключевых единиц* – *основных словесных образов* (СО). Под ними мы вслед за автором понимаем *лингвистически оформленные проявления категории образности, материальные воплощения эстетической функции языка художественной литературы* [Кулибина 2021, с. 40]. Словесные образы служат *единицами* текста, т.е. в известной мере *самодостаточными* образованиями, которые, являясь частями целого, подобны ему во всех основных характеристиках. Не все СО одинаково важны в рамках ХТ: некоторые из них являются основными, служа *ключевыми единицами текста* (КЕТ), а некоторые находятся как бы на периферии ХТ и несколько менее важны для его понимания. Примерное описание КЕТ и работы с ними см. в [Кулибина 2021, с. 137–180].

Предлагаемые выше подходы ни в коей мере не вступают в противоречие, поскольку множества *«слова с национально-культурной спецификой (НКС)»* (и соответствующие им эталоны) и *«основные словесные образы ХТ»* (КЕТ) в значительной мере *пересекаются*, в отдельных случаях почти накладываясь друг на друга. Обосновать этот тезис можно обратившись для большей объективности доказательства к другим источникам, например, к монографии О.Е. Фроловой, где перечислены основные *локусы* (точки или зоны пространства, см. [Фролова 2000, с. 63]) русских повествовательных ХТ первой половины XIX в. (см. [Фролова 2000, с. 115–119]). Анализ выражающих эти локусы слов и словосочетаний показывает, что абсолютное большинство их относится к *словам с НКС* [Мамонтов 1984, с. 53–88], о чём свидетельствует и сама О.Е. Фролова, помещая данные лексемы в Приложение I к своей работе, содержащее трудные для понимания иностранцами номинативные единицы (см. [Фролова 2000, с. 218–239]). Более того, перечисляемые

О.Е. Фроловой локусы обычно представляют собой *KET*, указывая на *место* действия того или иного ХТ (см. [Кулибина 2021, с. 140–144]).

На наш взгляд, одним из самых сложных моментов в понимании иноязычного ХТ является то, что инолингвокультурные образы могут скрываться за *внешне знакомыми* словами. Например, в качестве специфически русского локуса (а значит, и особого национально-окрашенного словесного образа) может выступать *дорога*, хотя бы слово «дорога» формально похоже на соответствующие иноязычные лексемы (*road, đường* и под.). На занятиях по РКИ с подобными номинативными единицами следует работать особо, к примеру, задавая специальные вопросы по тексту и его ключевым единицам.

Следовательно, можно заключить, что целесообразно уделять внимание основным словесным образам как выразителям национально-культурного содержания. Теперь попробуем рассмотреть эту проблему непосредственно в русле герменевтики.

Поскольку, как мы показали выше, понимание смысла ХТ и «переживание» его идейного содержания возможны только на базе понимания основных слов и словосочетаний текста, часто относящихся к лексике с НКС, мы полагаем, что проблема «герменевтического круга» может быть развёрнута в несколько иной плоскости, чем ранее, и решена особым способом.

Во-первых, в силу того, что понимание ХТ начинается с осмысления его составляющих (это происходит во многом ввиду *линейности* текста, постепенного развёртывания его в пространстве и времени по мере прочтения), которые лишь после понимания ХТ как целого обрастают и окрашиваются новыми смыслами, мы можем утверждать, что герменевтического круга *не существует*. В реальности имеется, по нашему мнению, лишь герменевтическая *спираль*, являющая собой обычный диалектический путь движения познания, наложенный на конкретику постижения смысла и идейного содержания ХТ. Это по-своему решает проблему герменевтического круга. Важно также понимать, что поскольку идейное содержание ХТ *многослойно* и раскрывается *не одномоментно*, количество витков герменевтической спирали практически не ограничено и стремится к бесконечности, особенно если учесть, что один и тот же читатель может совершенно по-разному понимать один и тот же ХТ в разные моменты жизни. В силу этого задача преподавателя сводится к тому, чтобы помочь учащимся сформировать *первичное* понимание ХТ, *начать* усваивать его содержание.

Во-вторых, в случае чтения ХТ в инолингвокультурной аудитории, что имеет место на занятиях по РКИ, герменевтическая спираль *усложняется*, дополняясь как минимум одним важным витком. Данный особый виток представляет собой первичное восприятие иноязычного (в нашем случае русского) ХТ и его ключевых единиц *через призму национальных эталонов*, происходящее порой даже и помимо воли учащихся, а чаще всего случающееся неосознанно. В этом прочтении и осмыслении ХТ в рамках иной лингвокультуры нет ничего неестественного или однозначно плохого: любого рода интерференция при изучении иностранного языка (ИЯ) и связанной с ним культуры вполне закономерна, задача преподавателя ИЯ (РКИ) состоит в данном случае в *минимизации интерференции*, в том числе и путём перевода её в *транспозицию*. Важной представляется такая работа с учащимися, которая помогает им увидеть неадекватный перенос знаний и навыков (а также единиц и конструкций) из родных языка и культуры и по возможности избежать его либо обратить в перенос *полезный*, позволяющий найти и запомнить то, что *действительно общо* обоим языкам и обоим лингвокультурам. Подобного рода работа с учащимися

инофонами полезна ещё и в том плане, что она способствует *более осознанному* усвоению изучаемых языка и лингвокультуры, а также *более активному* вовлечению обучаемых в процесс овладения ИЯ и *общения* на нём.

Это подводит нас к выводу о том, что особый виток в герменевтической спирали при прочтении ХТ в инолингвокультурной аудитории *неизбежен*, но его не стоит опасаться, а следует использовать в целях улучшения обучения ИЯ (РКИ) и чтению ХТ на нём. Этому во многом и посвящена методика, предлагаемая Н.В. Кулибиной, в особенности применительно к аудитории инофонов.

Таким образом, одной из приоритетных задач преподавателя РКИ (а точнее – русского языка как средства межкультурной коммуникации) при обучении чтению ХТ является создание и обеспечение такой модели обучения, которая была бы способна оказывать содействие инофонам в адекватном осознании различий (которые, как мы показали, не всегда эксплицированы) и сходств языков и лингвокультур, а также в формировании у них новых эталонов, без чего невозможны ни адекватное с точки зрения русской лингвокультуры понимание ХТ, ни связанная с подобным пониманием реальная коммуникация с носителями русского языка.

Литература

1. Клычникова З.И. Психологические особенности обучения чтению на иностранном языке. Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1983. 207 с.
2. Кулибина Н.В. Методика обучения чтению художественной литературы. М.: Флинта, 2021. 304 с.
3. Малахов В.С. Герменевтика. URL: <https://bigenc.ru/philosophy/text/2355543> (дата обращения: 31.03.2022).
4. Мамонтов А.С. Проблемы восприятия и понимания текста (психолингвистический анализ семантики номинативных единиц текста): дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. 218 с.
5. Фролова О.Е. Организация пространства русского повествовательного художественного текста первой половины XIX века. М., 2000. 304 с.

УДК 378.811

Активизация металингвистического (фонологического) сознания у билингвов: стратегии развития билингвальной грамотности

Аида Рустамовна Нурутдинова
Казанский федеральный университет
AiRNurutdinova@kpfu.ru

Среди преподавателей распространено мнение, что билингвам в обучении труднее, чем монолингвам. Однако билингвизм связан со многими другими когнитивными преимуществами, такими как многозадачность, креативность и память. В данной статье представлены научные основы развития и преимущества билингвальной грамотности и стратегии развития билингвальной грамотности.

Ключевые слова: билингвальная грамотность, билингвальные студенты, когнитивные навыки, языковые навыки, монолингвизм.

Accelerated Metalinguistic (Phonological) Awareness in Bilingual: Strategies to Help Bilingual Students Use Their Strengths to Develop Biliteracy

A.R. Nurutdinova
Kazan Federal University

A common belief among teachers is that bilingual students have a harder time learning to read than their monolingual classmates. In fact, bilingualism is associated with many other cognitive benefits like stronger multitasking skills, creativity, and working memory. This article will focus on literacy development and why it puts bilingual students at an advantage and learn strategies to help bilingual students use their strengths to develop biliteracy.

Keywords: biliteracy, bilingual students, cognitive skills, language proficiency, monolingualism.

В действительности число билингвов достигло исторического максимума: 64,7 млн чел. в возрасте от пяти лет свободно говорят на нескольких языках. Следовательно, важно не только знать, как работать с этими учениками, но и избавиться от стереотипов, связанных с билингвальным образованием [Вишневецкий 1997, с. 36]. К примеру, среди учителей распространено мнение, что билингвам труднее научиться читать, чем тем, кто знает только один язык. Между тем исследования указывают на прямо противоположное, но и на то, что билингвы овладевают определёнными навыками чтения быстрее, чем их одноязычные одноклассники. Более того, двуязычие связано со многими другими когнитивными преимуществами, такими как более сильные навыки многозадачности, креативность и память.

Как правило, школьников не учат читать до детского сада, однако их путь к грамотности начинается гораздо раньше. Развитие языковой грамотности может начаться ещё до рождения ребенка – чтение младенцам в утробе матери *«вызывает некую... положительную память или ассоциацию»* с чтением. В младенчестве дети начинают экспериментировать с языком, издавая нелепые звуки и в конечном итоге образуя слова. И несмотря на то, что обучение разговору может не иметь прямого отношения к чтению, устная речь является ключевым этапом раннего развития грамотности. Исследователи в области образования выделили несколько навыков, которые дети могут и часто должны развить до того, как начнут читать в четыре или пять лет, в том числе:

- изучение новых словарных слов;
- фонологическое понимание, или способность отличать звуки друг от друга;
- понимание на слух;
- знание того, что такое книги и как их держать в руках;
- смешивание звуков в сложные слова.

Об этих навыках готовности к чтению можно думать как о строительных блоках грамотности, или металингвистических навыках. Металингвистика – это понимание структуры языка на устном и, в конечном итоге, письменном уровне. Не обладая глубоким пониманием того, как говорить и понимать язык на этом уровне, учащиеся не смогут научиться читать. Представители традиционных взглядов часто не рекомендуют родителям маленьких детей учить своих детей чему-либо, связанному с чтением до детского сада. В то же время ученики уже самостоятельно осваивают навыки, предшествующие чтению, и обучение может принести им большую пользу. При этом родители и учителя могут помочь детям развить эти навыки различными способами, соответствующими возрасту, начиная с чтения вслух и заканчивая ежедневным обучением новому слову.

Для полного понимания преимуществ важно понять, о чём идет речь, когда мы говорим «билингв». Билингв – это человек, свободно владеющий двумя или более языками [Гальскова и др. 2019, с. 18]. В соответствии с этим билингвы делятся на две категории: одновременные и последовательные. Одновременные билингвы начинают изучать два языка с рождения или до трёх лет, а последовательные билингвы изучают второй язык позже. Представители обеих категорий заблуждаются, что знание двух языков затрудняет обучение чтению.

Скутнаб-Канга, теоретик билингвального образования, отмечает, что противники обучения на двух языках определяют билингвальную учебную среду как этнически центрированную, ассимилирующую, навязанную, тормозящую, вспомогательную, усеченную и несистематическую [Skutnabb-Kangas 1981, с. 122]. Сторонники, напротив, пользуются такими обозначениями как разнообразная, плюралистическая, добровольная, обогащающая, развивающая, дополняющая, непрерывная [Выготский 1934, с. 164]. Мак-Кей считает, что «ни одна билингвальная модель не является совершенной и не обладает свойством универсального применения, равно как и не следует пытаться приспособить к потребностям противоположного контекста» [Мак-Кей 1993, с. 50].

В действительности одним из ключевых преимуществ билингвального обучения является овладение грамотностью, и причина этого связана с металингвистикой. Билингвы развивают металингвистические навыки в более раннем возрасте, чем большинство других детей. Специалисты по лингвистике считают, что поскольку в раннем возрасте они знакомятся с несколькими языками, они лучше воспринимают структуру слов. В результате у билингвов быстрее развиваются навыки фонологического восприятия – важная способность, предшествующая чтению.

Несомненно, основой в билингвальном обучении должен быть родной язык. По Л.С. Выготскому, «освоение иностранных языков представляет собой своеобразный процесс, основанный на продолжительном осознании семантики родного языка» [Выготский 1934, с. 167]. Кроме того, он указывает, что овладение родным языком требует определённого объёма знаний о мире. Иностранные языки ребёнок должен осваивать или параллельно с родным, или с временным сдвигом – в более позднем онтогенезе.

Увеличение словарного запаса – ещё одно преимущество билингвизма, которое влияет на развитие грамотности. Учащиеся-билингвы обычно знакомятся с большим количеством слов на обоих языках, чем дети, говорящие только на родном языке. Следовательно, у них больше шансов выучить эквивалент любого слова на другом языке. Благодаря тому, что они уже знакомы с большим количеством слов из своего словарного запаса, правописание слов и изучение алфавита происходит естественно. Более того, они будут предрасположены к написанию более сложных словарных слов в последующих классах.

Эффективность этих преимуществ в чтении зависит от нескольких факторов, особенно от того, насколько схожи языки, на которых говорит билингв. К примеру, ученик, говорящий на испанском и португальском языках, быстрее овладеет грамотой на любом из них, чем ученик, говорящий на китайском и английском языках. Как правило, эти преимущества будут заметны, если ученик хорошо (хотя и не обязательно одинаково) владеет обоими языками. Несмотря на это, любой уровень билингвизма может расширить словарный запас и укрепить метаязыковые способности.

Некоторые лингвисты считали, что изучение второго языка приводит к задержкам в развитии, однако современные исследования показывают, что это не так уж далеко от истины. В процессе обучения в школе и за её пределами билингвы обладают многими

уникальными преимуществами, к примеру, билингвы обладают более сильной памятью и вниманием; и эти навыки сами по себе могут привести к успехам в учебе, а также к созданию благоприятной учебной среды в классе.

Билингвальные ученики превосходят монолингвов в заданиях, требующих исполнительного контроля, то есть речь идёт о самодисциплине, настойчивости и других навыках, которые помогают ученикам достигать своих целей. В комплексе с более высокими навыками абстрактного мышления, которые развиваются у этих учеников, билингвальные ученики часто обладают интеллектом и мотивацией для выполнения сложных заданий [Varas, Bialystok 2011, с. 37]. И их преимущества не ограничиваются академической успеваемостью. Билингвы проявляют больше творчества, чем монолингвы. Они также лучше справляются с многозадачностью и разрешением конфликтов [Bialystok 2011, с. 32]. Самое главное – билингвизм связан со снижением вероятности когнитивного спада в дальнейшем [Bialystok 2004, с. 587]. Когнитивные преимущества билингвизма помогают учащимся на протяжении всей их жизни, от рождения до старости. В двух словах, преимущества двуязычия заключаются в следующем:

- навыки образного мышления;
- навыки рабочего запоминания и внимания;
- навыки абстрактного мышления;
- работоспособность в режиме многозадачности;
- навыки разрешения конфликтов.

Если рассматривать одновременный и последовательный билингвизм, то оба варианта имеют схожие эффекты. В то время как одновременные билингвы получают эти преимущества дольше, последовательные билингвы быстро овладевают ими в процессе изучения второго языка. Когнитивные преимущества выходят за рамки социально-экономического статуса или других культурных факторов, что говорит о том, что любой уровень билингвизма является глубоко положительным.

«Грамотность и язык всегда развиваются в культурном пространстве» [Hartano, Yang 2016, с. 15]. Двуязычные учащиеся смогут развить навыки грамотности, если научатся читать на обоих языках, на которых они говорят. В сравнительном метаанализе обучения билингвов чтению ни одно исследование не выявило преимуществ обучения грамоте только на английском языке, а в большинстве случаев наблюдались большие успехи в двуязычных классах.

Причина этого лучше всего объясняется при определении понятия «билингвальная грамотность» (билитерация). Билитерация – это способность читать и писать на двух или более языках. Это может показаться странным, но вполне возможно, что ученик может быть двуязычным, но не быть билингвом. Хотя развитие языка у маленьких детей даёт им метаязыковые навыки, они могут не усвоить орфографию или грамматические правила языка самостоятельно [Dörke 1992, с. 55].

Но поскольку многие навыки чтения являются переносимыми, учащиеся, которые учатся читать на обоих языках, быстрее овладевают грамотой. Если в процессе обучения они получают больше уроков фонологической грамотности, запоминания словарного запаса и других металингвистических навыков на обоих языках, тем быстрее они научатся читать. Однако без надлежащего обучения их грамотность на одном языке может оказаться заторможенной или вообще отсутствовать. Тем не менее обычному учителю, не преподающему в классе с двойным погружением, трудно понять, какое место билингвальность занимает в вашей учебной программе. Но монолингвальные учителя могут найти способы

развития грамотности у своих многоязычных учеников. Даже такие мелочи, как обучение билингвов словарным словам или выдача книг на обоих языках, на которых они говорят, могут помочь им стать билингвами.

Билингвы могут не только научиться читать так же хорошо, как монолингвы, но даже превзойти их. Вы как педагог можете предпринять шаги, чтобы помочь им развить навыки предварительного чтения, особенно если вы преподаёте в преимущественно билингвальном классе. Предлагаем вашему вниманию несколько интересных занятий и советов по чтению, разработанных с учётом особенностей билингвов:

– тематические орфографические разделы могут быть особенно полезны для билингвов. Например, вы можете провести тематический блок по животным, чтобы помочь билингвам контекстуализировать новые словарные слова;

– в дополнение к занятиям в классе предлагайте индивидуальные занятия и книги из библиотеки, чтобы укрепить слабые места и способствовать вовлечению родителей;

– по возможности давайте задания по чтению на родном и втором языке. Билингвы учатся читать быстрее, если у них есть возможность развивать билингвальную грамотность;

– обратите внимание на любые существенные различия между родным языком и языком, на котором говорят в классе, если они разные. Например, если родной язык вашего ученика – русский, вы можете потратить дополнительное время на то, чтобы помочь ему освоить английский алфавит;

– после того как ваши ученики овладеют основными навыками грамотности, попросите их потренироваться в чтении вслух с партнёром. Они не только смогут исправлять ошибки друг друга, но и почувствуют себя увереннее, читая со сверстником.

Литература

1. Вишневская Г.М. Билингвизм и его аспекты. Учеб. пособие. Иваново: ИвГУ, 1997. 98 с.

2. Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1934. 352 с.

3. Гальскова Н.Д., Коряковцева Н.Ф., Мусницкая Е.В., Нечаев Н.Н. Обучение на билингвальной основе как компонент углублённого языкового образования // Иностранные языки в школе. 2003. № 2. С. 12–16.

4. Мак-Кей У.Ф. Значение языков в современном мире // Перспектива. 1993. № 1. С. 49–63.

5. Barac R., Bialystok E. Cognitive Development of Bilingual Children // Language Teaching Journal. 2011. No. 44 (1). P. 36–54.

6. Bialystok E., McBride-Chang C., Luk G. Bilingualism, Language Proficiency, and Learning to Read in Two Writing Systems // Journal of Educational Psychology. 2004. No. 97 (4). P. 580–590.

7. Bialystok E. Reshaping the Mind: The Benefits of Bilingualism // Canadian Journal of Experimental Psychology. 2011. No. 65 (4). P. 29–35.

8. Döpke S. One Parent – One Language: An Interactional Approach. Amsterdam: John Benjamins, 1992. 231 p.

9. Hartano A., Yang H. Disparate Bilingual Experiences Modulate Task-Switching Advantages: A Diffusion-Model Analysis of the Effects of Interactional Context on Switch Costs // Cognition. 2016. No. 150. P. 10–19.

10. Skutnabb-Kangas T. Bilingualism or Not. The Education of Minorities. Multilingual Matters. England, 1981. 378p.

Обучение иностранных студентов-лингвистов основам морфологического анализа глагольных форм

Юлия Анатольевна Павлова
Дальневосточный федеральный университет
yuliya.pavlova.1970@mail.ru

Данная статья посвящена работе над морфологическим анализом глагольных форм в иностранной аудитории. Обосновывается необходимость формирования у иностранных учащихся навыка определения грамматических признаков глаголов, определяется минимум глагольных категорий, используемых в разборе, а также даются методические рекомендации по работе над глагольными формами.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, морфологический анализ, глагольные формы.

Teaching Foreign Language Students the Basics Morphological Analysis of Verb Forms

Y.A. Pavlova
Far Eastern Federal University

This article is devoted to the work on the morphological analysis of verb forms in a foreign audience. The necessity of developing the skill of determining the grammatical features of verbs among foreign students is substantiated, the minimum of verb categories used in the analysis is determined, and methodological recommendations are given for working on different verb forms.

Keywords: Russian as a foreign language, morphological analysis, verb forms.

Формирование навыков лингвистического анализа занимает особое место в обучении иностранных студентов-филологов. Во-первых, лингвистическая компетенция входит в профессиональную компетенцию преподавателя русского языка как иностранного, включающую в том числе «умение анализировать языковые единицы различных уровней ... сравнивать, сопоставлять, группировать факты языка» [Молчановский, Шипелевич 2002, с. 201]. Во-вторых, «сопоставление и разграничение языковых явлений следует рассматривать как один из путей активного овладения грамматической системой при обучении русскому языку как иностранному» [Шаклеин 2008, с. 145]. В-третьих, овладение лингвистическим анализом, относящимся к продуктивным видам речевой деятельности, повышает коммуникативную компетенцию в целом.

Важность и необходимость овладения иностранными учащимися навыком анализа глагольных форм связаны прежде всего с центральным местом этой части речи в структуре предложения. Сложность системы форм русского глагола, в том числе их образование аналитическим и синтетическим способами, приводят к типичным ошибкам, которые делают даже студенты-лингвисты старших курсов: *был взять, буду посмотреть* и т.д. Неслучайно именно глаголу посвящено большое количество пособий по грамматике РКИ [Белякова 2006; Будай 2012; Слабухо 2016; Шустикова, Атабекова 2008].

Овладение навыками лингвистического анализа глагольных форм необходимо, на наш взгляд, студентам разных специальностей: нефилологических направлений – с целью овладения практической грамматикой русского языка. Студенты же лингвистических специальностей в процессе проведения такого анализа не только получают

представление о системе форм глагола и их практическом использовании, но и овладевают лингвистической терминологией.

Данная статья посвящена обучению основам морфологического анализа глагольных форм на занятиях по дисциплине «Лингвистический практикум», в ходе изучения которой иностранные студенты-лингвисты первого года обучения знакомятся с морфемным, словообразовательным, морфологическим и синтаксическим строем русского языка в структурно-семантическом аспекте. Отметим, что предлагаемые для изучения темы по глаголу, не являясь сокращённым вариантом вузовского курса, знакомят студентов только с основными понятиями морфологии и формируют начальные навыки лингвистического анализа.

Обучение основам морфологического анализа глагольных форм начинается с определения минимума грамматических категорий и соответствующих им лингвистических терминов, которые должны знать обучающиеся: вид, залог, переходность, наклонение, время, число, род, лицо. Причём если понятия залога и переходности следует отнести к пассивному терминологическому словарю, то все остальные должны не только пониматься учащимися, но активно использоваться. Семантизация всех терминов даётся при помощи перевода на родной язык. Кроме того, необходимо выделить группы глагольных форм по значимости для основ морфологического анализа и актуальности использования в практической грамматике. Разбор глагольных форм, на наш взгляд, надо начинать с форм времени, затем переходить к формам повелительного наклонения, инфинитива и причастия, в последнюю очередь анализировать формы условного наклонения и деепричастия.

В работах по практической грамматике русского языка отмечается, что «в силу сложности грамматического материала, иностранца необходимо научить вычленять глаголы по формальным признакам» [Слабухо 2016, с. 4]. Одной из главных задач при обучении основам морфологического анализа глагольных форм является выработка навыка нахождения формообразующих аффиксов. Для достижения этой задачи необходимо включать в порядок разбора указание на соответствующий аффикс, например:

Взяла – глагол, совершенный вид, изъявительное наклонение, прошедшее время (показывает суффикс -л-), единственное число, женский род (показывает окончание -а).

Глагол в русском языке обладает самой разветвлённой из всех частей речи системой форм. В практической грамматике РКИ существуют различные варианты классификаций русских глаголов [Белякова 2006; Будай 2012; Слабухо 2016; Шустикова, Атабекова 2008]. При работе над анализом глагольных форм, на наш взгляд, надо также опираться на образцы разбора. Так, для анализа спрягаемых форм глагола и инфинитива мы предлагаем следующие 7 образцов:

Образец 1. *Отдыхаешь – что делаешь? Несовершенный вид, изъявительное наклонение настоящее время, 2-е лицо, единственное число (число и лицо показывает окончание -ешь), инфинитив – отдыхать.*

Образец 2. *Ходила – что делала? Несовершенный вид, изъявительное наклонение, прошедшее время (показывает суффикс -л), единственное число, женский род (число и род показывает окончание -а), лицо определить нельзя, инфинитив – ходить.*

Образец 3. *Скажу – что сделаю? Совершенный вид, изъявительное наклонение, будущее время, простая форма, 1 (первое лицо), единственное число (число и лицо показывает окончание -у), инфинитив – сказать.*

Образец 4. Будешь звонить – что будешь делать? *Несовершенный вид, изъявительное наклонение, будущее время, составная форма, 2 (второе лицо), единственное число (лицо и число показывает окончание -ешь), инфинитив – звонить.*

Образец 5. Скажите – что сделайте? *Совершенный вид, повелительное наклонение (показывает суффикс -и), время определить нельзя, 2 (второе лицо), множественное число (показывает суффикс -те), инфинитив – сказать.*

Образец 6. Сказал бы – что сделал бы? *Совершенный вид, условное наклонение (показывает суффикс-л и частица бы), время и лицо определить нельзя, единственное число, мужской род (число и род показывает нулевое окончание), инфинитив – сказать.*

Образец 7. Купить – что сделать? *Совершенный вид, инфинитив (показывает суффикс -ть), наклонение, время, число, лицо и род определить нельзя.*

Считаем необходимым обязательно включить в эти образцы указания на признаки, которые отсутствуют у данной глагольной формы, например наклонение, время, число, лицо и род у инфинитива, с целью закрепления знаний о парадигме глагола.

Система заданий по выработке навыка морфологического анализа глагольных форм должна строиться от простых к сложным. Первый этап заключается в отработке каждого образца отдельно. После знакомства с образцом 1 предлагается задание на разбор форм только настоящего времени, после образца 2 – форм прошедшего времени и т.д. Отметим, что при выполнении подобных заданий лингвистические термины многократно проговариваются, что способствует их запоминанию. На втором этапе работы учащимся предлагаются уже разные формы глагола. Сначала в каждой форме необходимо выделить формообразующий аффикс, а затем найти соответствующий ему образец разбора. Третий этап уже включает задания на полный морфологический анализ разных глагольных форм. Здесь можно предложить и задания поискового характера:

1. Найдите в тексте все глаголы настоящего времени.
2. Найдите в тексте все глаголы в форме прошедшего времени женского рода и т.п.

В качестве задания на четвертом этапе учащимся предлагается самостоятельно найти в предложенном тексте все глагольные формы и выполнить их морфологический анализ.

Причастие как особая форма глагола изучается отдельной темой. Образование форм причастий даётся в виде следующей таблицы:

Действительное (=активное)		Страдательное (=пассивное)	
Настоящее время	Прошедшее время	Настоящее время	Прошедшее время
основа настоящего времени глаголов НСВ + суффиксы -ущ- (-ющ-) или -ащ- (-ящ-): <i>читают – читающий</i> <i>говорят – говорящий</i>	основа инфинитива (или прошедшего времени) глаголов НСВ и СВ + суффикс -вш- или -ш-: <i>читал – читавший</i> <i>смог – смогший</i>	основа настоящего времени переходных глаголов НСВ + суффикс -ем- или -им-: <i>любим – любимый</i> <i>читаем – читаемый</i>	основа инфинитива переходных глаголов НСВ и СВ + суффикс -н-(-нн-), -енн- или -т-: <i>построить – построенный</i> <i>прочитать – прочитанный</i> <i>открыть – открытый</i>

Работа по анализу форм причастий строится аналогично работе по анализу спрягаемых форм глагола. Необходимо обратить внимание учащихся на то, что суффикс причастия является показателем двух грамматических категорий – залога и времени, а окончание – трёх: числа, рода и падежа.

Отметим, что в качестве примеров в текстах, таблицах и схемах, а также в упражнениях и заданиях даются достаточно простые для понимания слова, словосочетания и предложения, чтобы внимание в данном случае концентрировалось на осмыслении нового лингвистического материала. При изучении глагольных форм, особенно в онлайн-формате, на наш взгляд, целесообразно использовать тестовые задания как в роли тренировочных, так и как средство промежуточного контроля. Предлагаемые нами тестовые вопросы начинаются с самых простых (с выбором ответа ДА/НЕТ):

ОТДЫХАЙТЕ – это форма настоящего времени

А. Да

Б. Нет

Итоговые же вопросы требуют развёрнутого анализа:

Найдите правильный разбор формы **БЕГУЩУЮ**:

А. Страдательное причастие настоящего времени, ед. ч., ж. р., В. п.

Б. Действительное причастие настоящего времени, ед. ч., ж. р., В. п.

В. Действительное причастие прошедшего времени, ед. ч., ж. р., В. п.

В качестве итоговой проверки сформированности навыка морфологического анализа глагольных форм целесообразно, на наш взгляд, дать контрольную работу с индивидуальным текстом для каждого студента.

Таким образом, обучение анализу глагольных форм иностранных студентов-лингвистов строится на выполнении системы заданий, цель которых – усвоение образцов разбора определённой формы с обязательным выделением грамматических аффиксов.

Литература

1. Белякова Н.Н. Как строится русский глагол? Особенности формообразования: морфология, ударение. СПб.: Златоуст, 2006. 97 с.
2. Будаев В.Г. Алгоритм словоизменения русских глаголов. СПб.: Златоуст, 2012. 105 с.
3. Молчановский В.В., Шипелевич Л. Преподаватель русского языка как иностранного. Введение в специальность. М.: Русский язык, 2002. 320 с.
4. Русские глаголы. Формы и контекстное употребление / Т.В. Шустикова, А. А. Атабекова, Н.М. Курмаева и др. М.: Флинта–Наука, 2018. 391 с.
5. Слабухо О.А. Спряжение глаголов на занятиях по русскому языку как иностранному: концепция и модель обучения // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=24337> (дата обращения: 20.03.2022).
6. Шаклеин В.М. Русская лингводидактика: история и современность. М.: РУДН, 2008. 209 с.

Анимационный фильм «Алёша Попович и Тугарин Змей» на уроках РКИ

Полина Васильевна Семёшина

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
semeshina.PV@rea.ru

В данной статье представлен учебный материал по анимационному фильму «Алёша Попович и Тугарин Змей», этапы работы с видеофрагментами, приведены возможные типы заданий. Автор статьи обосновывает целесообразность использования данного видеоматериала на занятиях по РКИ со слушателями гуманитарного профиля подготовительной программы, которые достигли продвинутого уровня владения языком.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, лингвокультура, аутентичные видеоматериалы, современные анимационные фильмы.

Animated Film “Alyosha Popovich and Tugarin the Serpent” at the Lessons of the Russian as a Second Language

P.V. Semeshina

Plekhanov Russian University of Economics

This article presents educational material on the animated film “Alyosha Popovich and the Tugarin the Serpent”, the stages of working with video clips, possible types of tasks are given. The author of the article substantiates the expediency of using this video material in Russian classes with students of the humanitarian profile of the preparatory program who have reached an advanced level of language proficiency.

Keywords: Russian as a foreign language, linguoculture, authentic video materials, modern animated films.

Овладение иностранными учащимися русским языком предполагает не только уверенное знание лексики и грамматики, но и глубокое погружение в культуру изучаемого языка. Нельзя не согласиться с тем, что «всё чаще предметом обучения выступает не иностранный язык как таковой, а так называемая “лингвокультура”. Поэтому актуальным становится использование на занятиях аутентичного материала, который демонстрирует “живое”, реальное функционирование языка в естественных для него социокультурных условиях» [Самчик 2019, с. 244].

Таким материалом могут служить тексты художественной литературы и публицистики, а также фильмы и мультфильмы. «С. Стемплески и Б. Томалин подчёркивают, что видео является лучшим средством для презентации языкового и неязыкового материала в ситуативном контексте на занятиях после реальных жизненных ситуаций» [Самчик 2019, с. 244]. Среди целевого ряда преимуществ «использования различных аутентичных видеоматериалов в процессе обучения иностранным языкам» [Самчик 2019, с. 244], выделяемых Н.Н. Самчик, согласимся с тем, что видеоматериалы «эффективно развивают социокультурную компетенцию, расширяют фоновые знания о стране изучаемого языка» [Самчик 2019, с. 244].

Широкий лингвокультурологический и лингвострановедческий потенциал, на наш взгляд, имеет мультфильм «Алёша Попович и Тугарин Змей». В нём ярко, красочно и с юмором показана жизнь русских людей разных сословий и профессий (крестьян, церковнослужителей, бояр и князей) эпохи монголо-татарского ига: их быт, образ жизни и мышления. Согласимся с мнением И.С. Харитоновой, что в кино «вербально и через поведен-

ческие стереотипы транслируются ценности современного общества. Диалог героев часто построен на прецедентных высказываниях: пословицах, фразеологизмах, афоризмах» [Харитоновна 2017, с. 63].

Герои мультфильма говорят на живом современном литературном языке. Местами встречаются конструкции типа «*не затмить им солнце наше красное, не топтать им землю нашу русскую*», «*силушка богатырская*», «*люди ростовский*» и т.д., в которых определяемое слово стоит перед определяющим, что придаёт поэтический стиль и помогает «состарить» язык, так как мультфильм рассказывает о событиях, происходивших на Руси давно. На такие конструкции обязательно нужно обратить внимание на предпросмотровом этапе. Темп речи героев быстрый, они часто говорят с иронией, которая выражается через тонкий юмор. Например, один персонаж обращается к другому, любящему читать книги: «*Иди уже, библиотекарь!*» Этот юмор будет понятен зрителю, который хорошо владеет русским языком.

В связи с этим, а также учитывая контекст (мультфильм об исторических событиях), рекомендуем проводить работу над фильмом в иностранной аудитории с продвинутым уровнем владения русским языком, в частности для слушателей гуманитарного профиля подготовительных программ.

Являясь первым анимационным фильмом из серии, он знакомит зрителей с богатырём – бесстрашным защитником, готовым на все ради благополучия родины. Мы считаем логичным и целесообразным приурочить проведение занятий по мультфильму к празднику 23 февраля. По нашему опыту, материал предназначен на 4–5 академических часов (время варьируется в зависимости от состава группы и её активности).

Предлагаем учебный материал для уроков по мультфильму «Алёша Попович и Тугарин Змей» для слушателей подготовительных отделений гуманитарного профиля продвинутого уровня владения языком. Работа с данным мультфильмом на уроках РКИ в преддверии Дня защитника Отечества будет особенно актуальна, поскольку иностранные учащиеся гуманитарного профиля уже начали изучать русскую историю и литературу, и им понятен контекст той эпохи, которая показана в мультфильме: Русь, иго, дань.

В статье представлены примеры лексико-грамматических и творческих заданий по этапам работы с видеоматериалом.

Этап 1. Предпросмотровая работа:

Задание. Сделайте задания по инструкциям. А. Прочитайте следующие предложения. Как вы их понимаете? И как вы думаете, почему эти слова были сказаны?

«А и сильные, могучие богатыри на славной Руси! Не скакать врагам по нашей земле! Не топтать их коням землю Русскую! Не затмить им солнце наше красное! Век стоит Русь – не шатается! И века простоит – не ...»

Б. Скажите следующие фразы другими словами/другими конструкциями.

Не скакать врагам по нашей земле! Не топтать их коням... Не затмить им солнце...

В. Какой оттенок привносит использование определений после главного слова? Какому стилю это характерно?

Например: солнце наше красное/землю русскую

Задание. Обратите внимание на следующие слова и объясните их значение: хитрость/оброк/пещера/ловушка

Задание. Подумайте над следующими вопросами:

1. Какие атрибуты есть у солдат/воинов/защитников?
2. Они сражаются в одиночку или нет?
3. Какую роль играли лошади (кони) в жизни солдат?
4. Посмотрите на картину и опишите её. Что есть у богатыря?
5. Какое героическое дело совершают солдаты, когда уходят защищать Отечество?

Задание. Соедините фразу с её значением.

Пробил час	Достало
Право голоса	Близко
Без слёз не взгля- нешь	О чём-либо некачественном, плохом; когда жаль кого- либо
Рука не поднимается	Возможность обсуждать
Надоело	Пора
Рукой подать	Не решается сделать

**Задание. Составьте все возможные словосочетания, используя глаголы дер-
жать, уставиться, взяться, связаться, принять, придётся, смешить, делить.**

Этап 2. Просмотровая работа:

Фрагмент 19. 1:07:39–1:10:49. Смотрите эпизод и следите по тексту, обращая внимание на выделенные слова. Перескажите эпизод современным языком, используя синонимичные конструкции.

Алёша: *Здрав будь*, Княже киевский!

Князь: Здравствуй-здравствуй, богатырь ростовский! Проходи, присаживайся за стол, будь моим гостем званым.

Алёша: Не прими за дерзость, ясный *Княже*! Только некогда мне *пировать*. Ждут меня люди ростовские. Ждут со *скарбом* своим, Тугариным подлым отобранным!

Князь: Ну, что ж, как знаешь, надо, так надо! *Ступай* себе с богом! Так что, вы говорите, дальше-то было?

Алёша: Не *серчай*, Князь Великий, да только ты, верно, *запоматовал*, что золото ростовское у тебя на сохранении находится.

Князь: А, да-да, припоминаю. Эй там, принесите богатырю его золото.

Алёша: *Негоже*, Князь, людей простых обижать.

Князь: Так *нежели* я обидел кого? Только за хранение свою дольку взял!

Алёша: Что ж, Князюшка, *вдоволь* ты надо мною *потешился*! Чай мой черёд пришёл шутки шутить! Отведай-ка силушки богатырской!

Князь: Постой, постой, богатырь ростовский! Не горячись! Вижу я, как норов у тебя крут! Мне как раз такие дружинники нужны. Оставайся, Алёш! Будешь сыт, одет, да ласкою княжескою одарен.

Алёша: Не *гневайся*, Князь киевский! Да только ждут нас дома, в Ростове, а без золота нет нам пути обратного!

Этап 3. Постпросмотровая работа:

Фрагмент 1. 00:00–03:34. Прочитайте следующие фразы, которые были в одной из первых сцен: В славном городе Ростове у ростовского попа соборного был единственный сын. Звали его Алёшей, по отцу Поповичем.

А. Кто такой поп? Найдите другие синонимы этому слову.

Б. Объясните имя «Алёша Попович». Какое полное имя от Алёши? Как вы понимаете фразу «по отцу»?

В. Приведите примеры по модели.

Например: Александр – Александрович; например: Алексей – Алёша

Задание. Найдите синоним.

<i>Не по дням, а по часам</i>	<i>Ставить в угол</i>	<i>Снять шкуру/голову</i>
А. Быстро	А. Радовать	А. Одеть
Б. Медленно	Б. Наказывать	Б. Раздеть
В. Интересно	В. Поощрять	В. Злиться/наказывать/угрожать/ убить

<i>Не дать спуску</i>	<i>Силушка богатырская</i>	<i>Сердце разрывается</i>	<i>Настоять на своём</i>
А. Не прощать	А. Сильный человек	А. Радоваться	А. Убедить в своей позиции
Б. Не спускаться по лестнице	Б. Слабый человек	Б. Переживать	Б. Обмануть
В. Не ускоряться	В. Умный человек	В. Встречаться	В. Предать

Фрагмент 2. 3:35–3:48. А. Посмотрите эпизод и ответьте на вопросы:

1. Как вы понимаете слово *тугарский* и как оно пересекается с названием данного мультфильма «Алёша Попович и Тугарин Змей»?
2. Почему враги прибыли на Русь?
3. Что такое *дань* и от какого слова оно образовано?

Б. Опишите маршрут тугарского войска (басурман) из их лагеря до Ростова, используя глаголы движения. Например: Они *выехали* из своего лагеря на конях и *по-скакали* (поехали) ...

Фрагмент 4. 6:10–7:55. Посмотрите следующий фрагмент и ответьте на вопросы:

1. В чём заключался план Алёши и почему он был ему нужен?
2. Почему план Алёши не сработал? Какие были последствия и как к этому отнеслись люди? Они обрадовались или расстроились?

Поговорим! Расскажите, чему Вы радуетесь, кто обрадовал Вас недавно? Из-за чего или из-за кого Вы можете расстроиться?

Фрагмент 5. 7:55–10:26. Работа в парах. Посмотрите следующий фрагмент. Задайте минимум 5 вопросов по сюжету и спросите своих одноклассников.

Фрагмент 6. 10:27–16:59. Посмотрите эпизод. Ответьте на вопросы:

1. Как вы думаете, отвечают ли Алёша и конь Юлий вышеупомянутым требованиям?
2. Можно ли назвать Юлия богатырским конём? Почему да/нет?
3. Что вы можете сказать об их компании?
4. Смогут ли они таким составом победить Тугарина Змея?

Фрагмент 9. 23:20–25:55. Посмотрите эпизод и выполните задания. А. Что хочет Юлий? Какие синонимы у данного глагола вы знаете? Какие прозвучали в эпизоде?

Б. Помогите Юлию дать инструкции. Допишите, используя формы глагола в императиве.

Боже мой, кто меня окружает! Ты же богатырь в конце концов! _____ (взять) лук, _____ (пойти) в лес и _____ (убить) кого-нибудь!

Моисей, _____ (собрать) дров!

Тихон, _____ (развести) огонь!

Любава с бабулей, _____ (приготовить) поесть!

Фрагмент 13. 45:24–48:11. А. Как вы понимаете фразу «Один в поле не воин»?

Посмотрите эпизод. Можно ли дать такое название данному эпизоду?

Б. Выберите правильную форму глагола.

Не _____ (обращать/обратить внимание) на него!

Тихон, _____ (брать/взять) мне меч, пожалуйста!

Не _____ (переживать/пережить) по пустякам!

Юлий: – А ты мне в рот не _____ (заглядывать/заглянуть)!

Тихон: – А ты мне не _____ (указывать/указать), понял?

Алёша, _____ (сходить/идти) в лес, нам нечего есть!

Никуда не _____ (сходить/идти), уже поздно!

Алёша: – А ну _____ (вставать/встать), басурмане, на бой честный!
_____ (отведать) силушки богатырской!

Фрагмент 17. 57:53–59:27. Посмотрите эпизод. Выполните задания. Напишите правильную форму прилагательных. Ответьте, где необходимо, на вопросы.

Ну ничего, зато народ ростовский _____ будет (довольный).

В Моисее я, конечно, _____ (уверенный), он _____ (нормальный) парень!

Просто они такие _____ (беззащитный).

Почему герои так _____ (злые) на Тугарина?

Как вы думаете, поход за золотом для героев слишком _____ (трудный)?

Алёша очень _____ (сильный).

«Спасибо, Алёша! Ты очень _____ (добрый) ко мне!»

Для шестнадцати лет Любава слишком _____ (серьёзная). Почему?

Алёше повезло, что Любава такая _____ (красивая).

Для коня Юлий слишком _____ (умный).

Герои были _____ (рад) встретить такого _____ (великий, храбрый) богатыря, как Святогор!

Киевский князь не понимает, почему люди ростовские так _____ (богатые)!

В качестве домашнего задания слушателям предлагается ответить на следующие задания. **Ответьте на вопросы: Кто такой русский богатырь? Что он совершает? Кого он защищает и от кого?**

Выполните задания: А. Напишите всё, что вы помните об Алеше Поповиче (кто, откуда, его характер, его противник, его подвиг, его помощники). Подумайте, что стало с героями после этого приключения? Как сложилась их жизнь? В. А в вашей литературе есть такие герои – защитники Родины? Расскажите о них.

Как мы видим, анимационный фильм «Алеша Попович и Тугарин Змей» обладает «разноплановой страноведческой информацией, представленной в яркой наглядной форме» [Харитоновна 2017, с. 71]. Работа с мультфильмом на уроках РКИ позволяет не только приобщить иностранных слушателей к русской культуре, провести большую работу по актуализации и закреплению языковых и речевых навыков, повторить грамматику по темам «Глаголы движения», «Краткое прилагательное», «Императив», выполнить различные упражнения на лексику и словообразование, но и, конечно, повысить мотивацию учащихся.

Литература

1. Самчик Н.Н. Применение аутентичных видеоматериалов на занятиях по русскому языку как иностранному: практический аспект // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 244–246.
2. Харитонова И. С. Лингвострановедческие уроки русского языка как иностранного с использованием фрагментов современных анимационных фильмов // Пятый этаж: Сборник научных статей молодых учёных, Барнаул, 21–22 апреля 2017 года. Барнаул: Алтайский гос. пед. ун-т, 2017. С. 62–72.

УДК 161.81.1

Лексикология русского языка как иностранного в аспекте обучения активной коммуникации

Татьяна Александровна Сироткина

Сургутский государственный педагогический университет
sirotkina71@mail.ru

В статье рассматриваются особенности изучения лексикологии при обучении русскому языку как иностранному. Делается вывод о том, что при обучении студентов-переводчиков русской лексикологии необходимо обращать внимание на работу с многозначными словами, формирование умения работать с разными типами лингвистических словарей, присутствие на каждом из занятий упражнений, связанных с переводом русского текста на словацкий язык. Вместе с тем в курсе лексикологии, как и в других курсах РКИ, важна коммуникативная составляющая, работа по развитию всех видов речевой деятельности, наличие выхода из устной в письменную речь.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, лексикология, коммуникативная составляющая, речевая деятельность.

Lexicology of Russian as a Foreign Language in the Aspect of Teaching Active Communication

T.A. Sirotkina

Surgut State Pedagogical University

The article discusses the features of the study of lexicology in teaching Russian as a foreign language. It is concluded that when teaching students-translators of Russian lexicology, it is necessary to pay attention to working with polysemantic words, the formation of the ability to work with different types of linguistic dictionaries, the presence at each of the lessons of exercises related to the translation of the Russian text into Slovak. At the same time, in the lexicology course, as in other courses in RFL, the communicative component is important, work on the development of all types of speech activity, the presence of a way out of oral speech into written speech.

Keywords: Russian language as a foreign language, lexicology, communicative component, speech activity.

Одним из важных курсов для будущих переводчиков, изучающих русский язык, является курс лексикологии. При изучении его иностранным студентам важно не только предста-

вить русскую лексику в определённой системе, с учётом процессов её возникновения и изменения, но и понять, каким образом соотносить соответствующие лексемы в русском и словацком языках. Именно для словацких студентов-переводчиков в 2021 г. подготовлен к печати учебник «Русская лексикология: Активная коммуникация» [Ляшук 2021].

Рассмотрим, какие типы упражнений авторы посчитали необходимыми использовать для успешного освоения студентами данного курса.

Часть заданий, представленных в учебнике, направлена на работу с терминологией. К ним относятся, например, следующие:

– Прочитайте термины, использованные в Лекции 1. Укажите, какие из терминов называют разделы лексикологии. Что изучают отдельные разделы лексикологии?

– Прочитайте определение лексикологии. Какие слова необходимо добавить, чтобы оно было полным? *Лексикология* (от древнегреческих слов *lexikós* – что значит *относящийся к слову* и *lógos* – что значит *учение, суждение*) – раздел языкознания, _____ лексику – словарный _____ языка – по разным признакам.

– Найдите среди терминов, указанных в Задании № 1, однокоренные слова. Запишите их отдельными группами с общим корнем.

Особенности студенческой аудитории (будущие переводчики с русского языка) обусловили включение в учебник заданий, направленных на развитие профессиональных навыков. Это такие задания, как:

– Переведите русские термины из Задания № 1 на словацкий язык. Сравните русские и словацкие термины и укажите: а) чем они похожи (*общий корень; одинаковое слово* и др.); б) чем они отличаются (*разные слова; разный морфемный состав; разные морфемы; разный род; разное число* и др.).

– Прочитайте аннотацию к 4-томному «Словарю русского языка» (1981). Найдите в ней термины: а) однословные; б) описательные (состоящие из нескольких слов). Подберите к ним словацкие эквиваленты.

– По тексту Задания № 10 составьте словарик обозначений природных и культурных реалий. Можно ли перевести их на словацкий язык? Почему?

– Какие словацкие слова, на ваш взгляд, могут передать природные и культурные реалии Словакии? В каком тексте и какой автор их упоминает? Составьте словацко-русский подручный словарик таких реалий. Все ли словацкие слова вы смогли перевести? Почему?

– Прочитайте. Переведите текст на русский язык. К какой по происхождению лексике принадлежат словацкие примеры? Какие из словацких примеров имеют другие русские соответствия? Чем это можно объяснить?

При выполнении ряда заданий студенты должны учитывать динамические процессы, происходящие в русском языке, знать особенности семантики культурно маркированных слов:

– Сравните объяснение значения слова *ельник* в словарях, изданных с интервалом около 55 лет. Какие семантические изменения вы заметили? Как изменился тип слова по количеству значений? Мотивируйте свой ответ.

Особенно важным представляется лингвокультурный аспект изучения лексики русского языка, формирование представления о том, что идиолексикон человека отражает его картину мира, создаёт его образ. Поэтому авторы посчитали необходимым включить в учебник упражнения следующего типа:

– Из художественного произведения современного русского автора (на выбор) выпишите слова ограниченного употребления (10–15 слов). Дайте краткую письменную характеристику их использованию. Какие из групп указанной лексики и в каких контекстах использованы? Образ какого носителя русского языка (носителей русского языка) с помощью такой лексики создаётся?

Немаловажным аспектом изучения лексикологии является для переводчиков умение разграничивать лексику нейтральную, книжную и разговорную, а также лексику, относящуюся к разным сферам употребления. Поэтому при изучении соответствующей темы курса им предлагаются следующие задания:

– Распределите все слова на три столбика – лексика межстилевая, книжная, разговорная. Для справки используйте словарь.

– Выпишите из толкового словаря 5–7 примеров разговорных слов разных частей речи. Проанализируйте их иллюстративный контекст и определите, с какой целью использована разговорная лексика.

– Прочитайте текст. Отметьте слова, относящиеся к официально-деловой лексике.

– Прочитайте текст о Западной Сибири. Найдите термины. Какую роль они играют в данном тексте?

– Прочитайте текст. Выпишите религиозную лексику. Опираясь на неё, расскажите о сфере использования и особенностях использования религиозной лексики.

– Прочитайте лексику и её семантизацию из словаря «Народное слово в рассказах и повестях Валентина Распутина» Г.В. Афанасьевой-Медведевой. Определите разновидности диалектизмов.

Особое внимание в процессе подготовки переводчиков должно уделяться анализу художественного текста. Поэтому в курсе лексикологии при изучении соответствующих тем они выполняют такие, например, задания:

– Прочитайте текст. О каких особенностях языка поэзии и словах С.А. Есенина в нём говорится?

С учётом планов развития международного сотрудничества вузов Банской Быстрицы и Сургута, в частности студенческой мобильности, авторы не обошли вниманием региональный компонент обучения русскому языку как иностранному, включив в учебник для анализа студентами тексты югорских авторов, в том числе национальных, например:

– Прочитайте стихотворение «Мужчина проехал» хантыйской поэтессы Марии Вагатовой. Какая лексика отражает природу и культуру севера? Какие слова передают представление о счастливой жизни человека? Какие ещё лексические особенности вы заметили?

– Прочитайте отрывок из романа Юрия Казакова «Хождения в Югру». Есть ли в тексте слова, которые вам непонятны? В каком словаре вы можете выяснить лексическое значение этих слов? К какому пласту русской лексики относятся эти слова?

Важным для будущих переводчиков является знакомство с актуальными словарями русского языка. Поэтому большое внимание уделяется в учебнике теме «Лексикография». Обучающиеся знакомятся с различными бумажными и электронными словарями, выполняют задания, направленные на умение пользоваться лексикографическими источниками:

– Прочитайте описание словаря. К какому типу словарей он принадлежит? Какие функции связаны с его компьютерной формой?

– Прочитайте словарные статьи из Словаря языка А.С. Пушкина. Какие особенности авторского стиля и авторского художественного мира мы можем проследить?

– Прочитайте текст. В чём заключается специфика обратного словаря? С исследованием каких языковых единиц и каких языковых особенностей может помочь специалистам обратный словарь?

– Прочитайте словарные статьи и определите, какая из них принадлежит Большому универсальному словарю русского языка, а какая толковому Словарю русского языка (МАС). Мотивируйте свой ответ.

– Прочитайте фрагмент из Введения к книге «Иллюстрированный словарь забытых и трудных слов из произведений русской литературы XVIII–XIX веков» (1998). Какие его особенности подчёркивает составитель?

– Прочитайте фрагмент из вступительной статьи «Объяснение» к «Русскому словарю языкового расширения» А. И. Солженицына. Как предлагается обогащать русский язык? Как бы вы охарактеризовали отношение писателя к заимствованиям? Используются ли названные англицизмы в вашем родном языке? Приведите лексические соответствия.

Естественно, что задания, содержащиеся в учебнике, направлены на развитие всех видов речевой деятельности, и после устной работы обязательно следует выход каждой темы в письменную речь. Студенты работают, в частности, над выполнением следующих упражнений:

– Какой из предметов лексикологии вам было бы интересно исследовать? Почему? Дайте письменный ответ.

– Прочитайте текст. Письменно в 2–4 предложениях ответьте на вопрос: чем метонимия отличается от метафоры?

Таким образом, при обучении студентов-переводчиков русской лексикологии необходимо обращать внимание на работу с многозначными словами, формирование умения работать с разными типами лингвистических словарей, присутствие на каждом из занятий упражнений, связанных с переводом русского текста на словацкий язык. Вместе с тем в курсе лексикологии, как и в других курсах РКИ, важна коммуникативная составляющая, работа по развитию всех видов речевой деятельности, наличие выхода из устной в письменную речь.

Литература

1. Ляшук В.М., Сироткина Т.А. Русская лексикология: активная коммуникация. Учебник для словацких студентов. Сургут: РИО СурГПУ, 2021. 186 с.

Обогащение словарного запаса студентов посредством использования идиом

Содномтүнрэв Бархас
Монгольский государственный
университет науки и технологии
Barhas@must.edu.mn

Язык – это инструмент, с помощью которого люди могут общаться между собой и выражать свои мысли. С помощью языка люди сохранили свои богатые исторические и культурные традиции и передали их будущим поколениям. Именно поэтому каждый народ должен не только гордиться своим родным языком, являющимся неотъемлемой частью его собственных национальных традиций, но и уважать и обогащать свой язык. Одна из вещей, которую должен знать каждый, кто изучает язык, – это идиома. Научиться бегло использовать идиому – это ключевой показатель того, насколько хорошо человек выучил иностранный язык. Изучая идиомы, можно не только пополнить свой словарный запас, но и узнать историю, культуру и традиции изучаемого языка.

Ключевые слова: идиома, история, культура, обычай, менталитет.

Enriching Student's Vocabulary Using Idioms

Sodnomtunrev Barkhas
Mongolian University of Science and Technology

Language is a tool with which people can communicate with each other and express their thoughts. With the help of language, people have preserved their rich historical and cultural traditions and pass them on to future generations. That is why every nation should be proud of its native language, which is an integral part of its own national traditions and respect and enrich its language. One of the things that anyone who learns a language should know is the idioms. Learning to fluently use an idiom is a key indicator of how well a person has learned a foreign language. By studying idioms, you can not only enrich your vocabulary, but also learn the history, culture and traditions of the target language.

Keywords: idiom, history, culture, custom, mentality.

Мы, преподаватели, знаем следующие методы обучения иностранным языкам:

- Обучение формированию фонетических навыков;
- Обучение лексике;
- Обучение грамматике;
- Обучение чтению;
- Обучение аудированию;
- Обучение говорению;
- Обучение письму;
- Обучение переводу.

С помощью лексики передаётся и воспринимается содержательная сторона речи. Лексика – это основной строительный материал нашей речи, поэтому роль лексики для овладения иностранным языком настолько же важна, как и роль фонетики и грамматики. Под лексической единицей подразумевается отдельное слово, устойчивое словосочетание и идиома.

Слова в любом языке являются средством, через которое передаются мысли, идеи, пожелания, просьбы и любые другие смысловые единицы информации. Очевидно, что даже если бы кто-то и обладал безупречной грамматикой и прекрасно владел красотой произношения любого языка, но при этом не знал бы слов этого языка, то это всё (и грамматика, и произношение) было бы напрасным.

На каждом уроке должно происходить знакомство с новыми словами и работа по их усвоению. У студентов необходимо пробудить интерес к постоянному расширению словарного запаса, и немалое внимание на наших уроках уделяется постоянному расширению и закреплению словарного запаса у учащихся.

Учёные дали свои определения значению словарного запаса в изучении иностранного языка.

Британский лингвист Д.А. Уилкинз отмечает: «Не зная грамматики сообщить можно очень мало. Не зная лексики сообщить нельзя вообще ничего» [цит. по: Лувсанжав 1974, с. 25]. Американско-новозеландский ведущий исследователь-лингвист П. Нэйшн пишет: «Словарный запас – не самоцель. Благодаря обширному словарному запасу легче формируются навыки слушания, говорения, чтения и письма» [цит. по: Бадамдорж 2003, с. 48].

Многие студенты считают изучение словарного запаса утомительной работой. Они пытаются изучать и запоминать новые слова – их написание, произношение, значение, синонимы – и внимательно читают примеры, данные в словарях. Но через несколько часов они понимают, что это бесполезно и что слова просто так не запоминаются. Студенты начинают винить в этом свою плохую память и устают от этого.

Учителя иностранного языка всегда ищут способы найти более эффективные методы и сделать изучение словарного запаса более лёгким и приятным для студентов, поэтому разрабатывают различные стратегии и действия для преодоления этой проблемы.

С этой целью мы хотели бы показать свой опыт преподавания лексики в более практическом ключе на наших уроках русского языка, чтобы помочь студентам овладеть словарным запасом. Чтобы наши уроки русского языка были более стимулирующими и интересными для наших студентов, мы стараемся использовать идиомы.

Сегодня студенты, изучая иностранный язык, идут в ногу со временем и внешним миром, получают информацию, постоянно совершенствуют свои знания и образование, а некоторые даже живут и работают за границей. Чтобы свободно говорить на иностранном языке, необходимо ознакомиться с историей, культурой и обычаями тех, кто говорит на этом языке. Чтобы познакомиться с ними, нужно изучить и использовать идиомы, отражающие быт, традиции, культуру и менталитет народа. Умение бегло использовать конкретные идиомы в речи считается ключевым показателем того, насколько человек хорошо владеет иностранным языком.

Когда наши студенты читают фразу *Делать из мухи слона*, многим непонятен смысл фразы, хотя они знают все слова: *муха* – название насекомого *ялаа*, *слон* – название животного *заан*, *делать* – глагол *хийх*, а *из* – приставка, которая соответствует *аас* в монгольском языке.

Студенты должны знать, что идиома – это оборот речи, употребляющийся как некоторое целое, не подлежащий дальнейшему разложению и обычно не допускающий внутри себя перестановки.

У всех народов разная жизнь, разная культура, и идиомы, пословицы являются важной частью повседневного языка. Изучение идиом доставляет удовольствие, особенно когда сравнивают русские идиомы с идиомами своего родного языка. Если студенты научатся

использовать наиболее распространённые идиомы русского языка, русский язык будет звучать более естественно, поэтому рекомендуется усвоить некоторые из этих особых выражений. Иногда нам кажется, что нам не нужно учить идиомы, потому что мы всегда можем заменить их другими словами, перефразировать предложение. Однако на практике оказывается, что без идиом довольно сложно обойтись. Иногда сложно понять чужое, а иногда и вовсе невозможно, если не знать таких выражений. Дело в том, что идиомы часто используются не только в художественных произведениях, но и в обычной устной речи русских. Эти выражения делают речь живой, яркой и точной. Поэтому если студенты хотят знать иностранный язык на достаточно высоком уровне и говорить как носитель языка, им необходимо уделить время изучению фразеологизмов, в том числе идиом.

В этой статье мы хотели бы поделиться своим опытом использования идиом русского языка, чтобы сделать урок более интересным и расширить словарный запас студентов. Вот несколько упражнений на использование идиом:

1. Изучать идиомы, разбивая их на темы. Например:

Животные: *Голодный как волк /их өлсөх/*

Жить как кошка с собакой /зөрчилдө/

Как рыба в воде /өөрийгөө чөлөөтэйг мэдрэх/

Органы человека:

Взять себя в руки /тэвчээртэй байх/

Вставить с левой ноги /уруу царайлах/

Делать большие глаза /нүдээ бүлтийлгэн гайхах, мэл гайхах/

Держать язык за зубами /амаа хамхих/ – длинный язык /урт хошуутай/

2. Понять уникальную русскую идиому в сравнении с монгольской. Студенты легко запоминают похожие идиомы на русском и монгольском языках.

– Некоторые идиомы эквивалентны монгольским (слова, значения):

Два зайца одним выстрелом – Нэг сумаар хоёр туулай буудах

Третий лишний – Гурав дахь нь илүү

– Некоторые идиомы напрямую не эквивалентны монгольским и не похожи на монгольские. Такие идиомы учат с помощью мнемонического метода:

– *чушь собачья – утгагүй, худал зүйл*

– *белая ворона – бусадтай адилгүй*

2. Для пояснения значения идиом можно использовать иллюстрации. Показ учащимся картинок и угадывание значения идиом делают урок интересным и активизируют класс (рис. 1):

Рис. 1. Иллюстрации идиом

4. Угадывать значение идиомы с помощью контекста. Есть способ: вставить в текст идиомы и угадывать их значения. Начните с диалога и постепенно переходите к чтению большого текста (от простого к сложному). Например:

– *Даша: Боже, научиться кататься на роликах непросто. Я всё время падаю.*

Коля: Я знаю, это тяжело! Ты чувствуешь себя как не в своей тарелке.

Как не в своей тарелке означает «чувствовать себя некомфортно, обычно в новой ситуации».

– *Никто никуда не спешил, потому что идти было некуда, покупать нечего, денег ни гроша, и ничто не влекло за пределами округа Мейкомб.*

Денег ни гроша означает «нет одной копейки».

5. Придумать свои примеры с идиомами.

После использования идиомы в контексте придумайте свои собственные примеры её использования. Например:

– составить диалог, используя идиомы;

– составить предложения, используя идиомы;

– называть все ситуации, в которых может употребляться данная идиома.

Моя мама всегда помогает мне. Она моя правая рука.

Правая рука – үнэнч нөхөр, найз, туслагч

Туяа и Болд всегда ссорятся. Они живут как кошка с собакой.

6. Показываются интересные записи, видеоролики и фильмы и спрашивается, какие идиомы использовались в них. При этом для студентов можно организовать соревнования, в которых могут участвовать индивидуально или в группах.

Несмотря на трудности в обучении студентов идиомам, если преподаватель не преподаёт идиомы, студентам будет сложно овладеть иностранным языком и свободно понимать других. Это связано с тем, что через идиомы можно не только пополнить свой словарный запас, но и узнать историю, культуру и традиции изучаемого языка. Идиомы следует преподавать ученикам со знаниями выше среднего и продвинутого уровня.

Хотите научиться говорить гладко, чётко, уверенно и бегло? Используйте в речи русские идиомы.

Литература

1. Аким Г. Монгол хэлц хэллэгийн товч толь. Улан-Батор, 1982.
2. Бадамдорж Д. Монгол хэлний үгийн сангийн утгазүй. Улан-Батор, 2003.
3. Дамдинсүрэн Ц., Лувсанцэрэн А. Орос монгол толь. Улан-Батор, 1969.
4. Идиома. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%B8%D0%B4%D0%B8%D0%BE%D0%BC%D0%B0> (дата обращения: 31.03.2022).
5. Лувсанжав Чой. Хэл шинжлэлийн нэр томьёо. Улан-Батор, 1974.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: «Азъ», 1992. 960 с.
7. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.
8. Curry D. English in Color. English Language Programs Division. 1993.
9. Longman Language Activator. 1999.

Методы и приёмы работы с текстом в практике обучения русскому языку в Республике Казахстан

Салтанат Ризабековна Сугирбекова

Алматы менеджмент университет

Saltanatik1000@mail.ru

В статье рассматриваются методы и приёмы работы с текстом на основе раздаточного материала для студентов неязыковых вузов.

Ключевые слова: текст, раздаточный материал, методы, приёмы, язык.

Methods and Techniques of Working with Text in the Practice of Teaching the Russian Language in the Republic of Kazakhstan

S.R. Sugirbekova

Almaty Management University

The article deals with the methods and techniques of working with the text on the basis of handouts for students of non-language universities.

Keywords: text, handouts, methods, techniques, language.

Предмет изучения курса «Русский язык» в Республике Казахстан включён в обязательный компонент цикла общеобразовательных дисциплин современного высшего образования. Как учебная дисциплина в структуре профессиональной подготовки будущих специалистов она предназначена для студентов, окончивших школу с нерусским языком обучения. Для успешного обучения дисциплине упор делается на дальнейшее совершенствование приобретённых в довузовской подготовке знаний и умений.

Курс русского языка рассматривается в программе как дисциплина, призванная научить будущего специалиста практическому владению русским языком в условиях новых информационных технологий, что подразумевает:

- осуществление устной и письменной коммуникативной деятельности на русском языке;
- формирование речевой культуры и навыков составления научных текстов и деловой документации по специальности.

На занятиях по русскому языку формируются знания и навыки:

- языковой и коммуникативной компетенции, способствующей совершенствованию профессиональной подготовки, самостоятельной подготовки к различным видам речевой деятельности (говорения, аудирования, чтения, письма);
- логики мышления на основе текстов различных стилей;
- способности решать лингвистическими средствами реальные коммуникативные задачи в конкретных речевых ситуациях, составлять тексты основных учебно-научных, научно-профессиональных жанров;
- конспектирования, реферирования, аннотирования и тезирования общественно-политической и научно-профессиональной литературы на русском языке;

– навыки подготовки докладов, сообщений, оформления деловых бумаг – заявления, автобиографии, резюме, расписки, доверенности, протокола.

Работа с текстом на уроках русского языка является эффективной формой развития творческого потенциала студентов, пополнения их словарного запаса, улучшения качества речи, формирования навыков орфографической зоркости. Именно через текст реализуются все цели обучения в их комплексе: коммуникативная, образовательная, развивающая, воспитательная [Александрович 2016, с. 35].

В работе с текстом учитываются его специфические категории: смысловая завершённость, структурная целостность и коммуникативная направленность, стилистическая и жанровая особенность, разные типы связи между элементами текста, композиционная оформленность [Антамошкина 2014, с. 16].

Раздаточный материал во многом помогает при анализе текста, разборе предложения, написании творческих работ и других видов деятельности, направленных на совершенствование лингвистической компетенции [Бабенко 2004, с. 25].

Приведём примеры раздаточного материала и заданий по работе с текстом.

Предтекстовые задания:

Прочитайте и перескажите текст.

Как изучать специальную литературу?

В процессе работы над специальной литературой необходимо вести различного рода записи – делать выписки, составлять план, тезисы, конспект. Это не только мобилизует внимание, но и даёт возможность неоднократно использовать прочитанный материал в дальнейшей работе.

Умение делать выписки – основа работ над любой книгой: учебной, научной, художественной. *Выписки* – «помощники памяти». Они могут быть дословными и свободными. Дословные выписки – точные выдержки из какого-либо текста – называются *цитатами*. Цитаты нужно заключать в кавычки и не забывать о ссылках на источник, где указываются: автор – фамилия и инициалы, название цитируемого произведения, место издания, издательство, год издания и страница. *Свободные выписки* представляют запись содержания какого-либо отрывка из текста своими словами.

Выписки – наиболее употребительный вид записи при изучении специальной литературы. Если для выписок используется тетрадь, то в ней рекомендуется оставлять широкие поля для заметок, последующих вставок и дополнений и вести записи только на одной стороне страницы. Но более рационально делать выписки на карточках или листах, нумеруя по порядку. Выписки могут быть затем применены при подготовке научного сообщения (доклада). Широкое распространение при изучении специальной литературы получило *конспектирование*. При конспектировании специальной литературы необходимо, чтобы текст был хорошо понят. Следует выделить содержащиеся в нем основные положения.

Самая краткая запись – это план. План позволяет отразить наиболее существенное, главное в содержании.

План может быть простым, развёрнутым и сложным.

Формулировка пунктов плана может быть в *назывной форме*, а также в виде *вопросительных и повествовательно-утвердительных предложений*. При подготовке докладов, сообщений, выступлений, а также курсовой работы составлению плана должно быть уделено самое серьёзное внимание.

Наиболее сложный вид записи – тезисы (от греческого – положения, утверждения). В тезисах материал представлен в виде обобщённых формулировок, содержащих определённое утверждение и его обоснование. Это позволяет сконцентрировать внимание на главных положениях и выводах.

Послетекстовые задания:

1) Назовите основные виды записей, применяемых при изучении специальной литературы; 2) Расскажите, как вы записываете прочитанный материал.

Или другой пример работы с текстом:

Предтекстовые задания:

Прочитайте, озаглавьте и перескажите текст. Найдите в тексте СПП с придаточными образа действия, меры и степени. Составьте их схемы.

Жизнь, общественная деятельность великого казахского учёного, первого президента Академии наук Республики Казахстан, академика К.И. Сатпаева (1894–1964) были напрямую связаны с важнейшими событиями и переменами в экономике, науке и культуре страны в XX столетии.

Академик М.В. Келдыш подчёркивал: «Громадные заслуги принадлежат Сатпаеву в области организации науки в Казахстане: на протяжении ряда лет он являлся президентом Академии наук Казахской республики и создал крупный научный центр, содействовал развитию многих отраслей науки. Каныш Имантаевич играл большую роль в развитии науки всей нашей страны. Ему была свойственна глубокая вера в жизнь, в силу нашего народа».

Каныш Имантаевич Сатпаев родился 12 апреля 1899 года в Баянаульском районе Павлодарской области Казахстана. Окончил горный факультет Сибирского технологического института в Томске, где его педагогами были академики М.А. Усов, В.А. Обручев и другие представители легендарной сибирской геологической школы, которую отличали классическая методика комплексных геологических исследований и теснейшая связь результатов теоретических и практических изысканий с конкретными задачами промышленного производства. Являясь воспитанником и последовательным продолжателем научно-практических идей сибирской геологической школы, академик К.И. Сатпаев благодарно воспринял и на протяжении всей трудовой научной жизни творчески развивал её лучшие традиции.

На долю Каныша Имантаевича выпала огромная честь возглавить коллектив казахстанских учёных – стать первым президентом Академии наук Казахской ССР.

Благодаря широкой коллективности и организационной целеустремленности, участию решительно всех геологических организаций Казахстана и централизованности научного руководства ими в стенах единого научно-методического центра – Института геологических наук АН Каз ССР – к началу 1953 г. удалось выполнить в основном весь объём работ по сбору и обработке обширного фактического геологического материала по Центральному Казахстану. К началу 1954 г. были завершены работы по составлению рабочих макетов и самих систематизированных прогнозных металлогенических карт этого региона. Основные принципы составления прогнозно-металлогенических карт были разработаны лично Канышем Имантаевичем.

К.И. Сатпаев умер 31 января 1964 г. после тяжёлой и продолжительной болезни на 65-м году жизни.

Предтекстовые задания:

№ 1. Из двух прилагательных образуйте сложные и согласуйте их с существительными, стоящими в скобках. Образец: *научный и технический (революция) – научно-техническая революция*. Национальный и освободительный (движение), культурный и технический (уровень), казахский и российский (сотрудничество), народный и демократический (республика), общественный и правительственный (делегация), социальный и классовый (структура общества).

№ 2. Составьте словосочетание по образцу. Следите за формой слов. Образец: народы (развивающиеся страны) – народы развивающихся стран. Представители (различные государства), прокат (чёрные металлы), федерация (породнённые города), выставка (продукция иностранных фирм).

№ 3. Поставьте в нужной форме слова, данные в скобках. Практически во (все уголки планеты) работают посланцы (промышленные предприятия и строительные организации, учреждение культуры, здравоохранения, просвещения) – представители Содружества независимых государств. Они способствуют укреплению их (экономическая и культурно-социальная база), развитию (дружба и деловое сотрудничество). Столь благородную и почётную миссию выполняют и казахстанцы в (Ирак, Индия, Монголия).

№ 4. Составьте предложения из данных слов и словосочетаний, не меняя порядка их расположения. Индийские друзья, обратиться, к, казахстанцы, с, просьба, дать, квалифицированный, рекомендация, модернизация, энергооборудование, и, продление, тем, самым, сроки, исполнения.

Прочитайте текст.

Международные связи

Значительные успехи во многих областях экономики, науки и культуры, решение национального вопроса привлекают к Республике Казахстан внимание официальных представителей различных государств, широкой общественности многих стран. Казахстан щедро делится своим опытом и учится у других, активно участвуя в экономическом, научно-техническом и культурном обмене. Промышленность Казахстана экспортирует более 300 видов продукции; со многими странами мира Казахстан поддерживает экономические, культурные и научно-технические связи. Благоприятные условия для этого создают развитая промышленность, строительная индустрия и многоотраслевое сельское хозяйство, связь, транспорт. Большим спросом за рубежом пользуются цветные и редкоземельные металлы, хромовая руда, ферросплавы, прокат чёрных металлов, жёлтый фосфор, асбест, продукция машиностроения, сельского хозяйства и других отраслей. Казахстан является крупным экспортером каракуля, который получает на международных аукционах высокую оценку. На международной Лейпцигской ярмарке (1979) казахстанский каракуль удостоен золотой медали.

Республика неоднократно участвовала в крупных международных выставках и ярмарках в Лейпциге, Познани, Дамаске, Эль Джазире, Измире. Экспозиции были удостоены золотых медалей и дипломов. Торгово-промышленная палата Казахстана удостоена международной премии «Золотой Меркурий».

Постоянно в Алматы проводятся выставки продукции иностранных фирм и организаций. Наиболее крупные из них: «Чехословакия», «Сделано в Польше», «Дни экономики и техники» (Венгрия), «Мебель» (Германия), «Сельхозмашины» японской фирмы «Токио, Боеки, ЛТД», «Машины и оборудование для строительства и содержания дорог».

Послетекстовые задания

№ 1. Опираясь на текст, закончите данные предложения.

В тексте, который мы прочитали, рассказывается о том, что... В нём показывается...

Таким образом, практические занятия по русскому языку значительно расширят знание языковой системы, помогут приобщиться к шедеврам русской и мировой культуры, повысить общий уровень интеллектуального развития, и этому способствует раздаточный материал с текстами.

Литература

1. Александрович Н.В. Стилистический анализ художественного текста: Теория и практика. М.: Флинта, 2016. 112 с.

2. Антамошкина З.С. Формы работы с текстом // Психология, социология и педагогика. 2014. № 2. URL: <http://psychology.snauka.ru/2014/02/2842> (дата обращения 31.03.2022).

3. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. М.: Академический проект, 2004. 462 с.

УДК 398.91

Мотивационный потенциал паремиологического фонда русского языка в условиях современной многоязычной узбекской школы

Елизавета Игоревна Трофимова

МЦО «Интердом» им. Е.Д. Стасовой;
средняя общеобразовательная школа №10 г. Карши
liza_trofimova_72@mail.ru

Данная статья рассматривает возможности использования пословиц русского языка с целью повышения мотивации к учебной деятельности и изучению русского языка как иностранного (далее – РКИ) учениками общеобразовательной узбекской школы. В статье представлен результат тематического анализа паремий, отражающих ценностное отношение к образованию носителей русского языка.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, паремии, пословицы и поговорки, мотивирование учеников.

Motivational Potential of the Paremiological Fund of the Russian Language in the Conditions of a Modern Multilingual Uzbek School

E.I. Trofimova

Interdom named after E. D. Stasova;
Secondary School № 10, Karshi

This article considers the possibilities of using Russian proverbs in order to increase motivation for educational activities and learning Russian as a foreign language by students of a secondary Uzbek school. The article

presents the result of a thematic analysis of the paroemias reflecting the value attitude to the education of native speakers of the Russian language.

Keywords: Russian as a foreign language, paroemias, proverbs and sayings, motivating students.

В XX в. русский язык вошёл в число мировых языков, в том числе вследствие включения в состав СССР большого количества союзных республик, в которых он получил официальный статус. Однако после распада СССР перевод делопроизводства и образования на национальные языки стал инструментом утверждения независимости бывших союзных республик. Так, в 1989 г. в новом законе «О государственном языке Республики Узбекистан» государственным был объявлен только узбекский язык, а русскому языку отводилась роль языка межнационального общения. Долгое время в Узбекистане сохранялась ситуация билингвизма, в настоящий момент русский язык переживает забвение за пределами крупных городов. В узбекской провинции современные школьники не имеют русской языковой среды, общение со старшими родственниками, владеющими русским языком, обычно не выходит за рамки бытовой коммуникации. Просторечный (зачастую грубый и нецензурный) вариант языка дети также слышат от трудовых мигрантов, вернувшихся из России. В рамках школьного образования русский язык занимает позицию иностранного языка наравне с английским. В национальных узбекских классах на изучение русского языка и литературы отводится 2 академических часа в неделю. В силу вышеперечисленных и ряда других причин в типичной школьной среде ярко выражено отсутствие заинтересованности в русском языке, непонимание его выразительной силы и социальной важности, недостаточная вовлечённость в учебный процесс, доминанта поведения многих провинциальных школьников – обесценивание образования как социального института.

Повышению уровня мотивации учеников к учёбе в целом и изучению русского языка в частности, на наш взгляд, способствует систематическое включение в урок лингвокультурных единиц. Подробная типизация таких единиц представлена в работе В.А. Масловой [Маслова 2001, с. 36–40]. Трудность восприятия обучающимися этих единиц определяется их уровнем владения русским языком. Так, например, изучение безэквивалентной лексики и мифологизированных языковых единиц, по нашему мнению, становится возможным только на базовом уровне владения русским языком. На элементарном уровне владения русским языком формирование лингвокультурной компетенции может осуществляться через знакомство с паремиями русского языка. Изучение паремиологического фонда раскрывает национально-культурную специфику, имеет большое значение в процессе комплексного овладения русским языком как иностранным. Обучающиеся «смогут понять, в чём заключается богатство русского языка, если будут обращать внимание на то, что делает речь русских людей яркой, образной, выразительной» [Чепкова 2013, с. 4].

В процессе преподавания русского языка в узбекской школе эффективным показало себя использование паремий на первом этапе урока – «Мотивирование к учебной деятельности». Опираясь на данные «Словаря-тезауруса современной русской идиоматики» (2007), словаря «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии)» (2017), а также на другие лексикографические источники, нами был проведён анализ пословиц и поговорок. В процессе отбора учитывались простота синтаксической конструкции, актуальность и словообразовательная активность слов, входящих в состав паремий. Но главным критерием отбора стало значение паремий, способствующее повышению уровня мотивации и отражающее главные ценности русской культуры. По результатам анализа нами были выде-

лены следующие тематические группы пословиц и поговорок, которые могут быть использованы с целью мотивации учеников к работе на уроке:

Ценность языка. *Язык царствами ворочает. Птица поёт – сама себя продаёт. Не ножа бойся, а языка! От языка не уйдёшь. Язык хлебом кормит и дело портит. Язык до Киева доведёт. Горе в чужой земле безъязыковому. Лучшие недоговорить, чем переговорить. Доброе слово и кошке приятно. Без русского языка не победишь самого опасного врага.*

Важность учёбы. *Учить – ум точить. Без наук – как без рук. В русских пословицах данный семантический компонент нередко передаётся с использованием метафор «знания – сила»: Знание — сила. Рука победит одного, знания поборют тысячи. Сильный победит одного, знающий тысячу. И сила уму уступает; «знания – богатство»: Знание дороже богатства. Ученье лучше богатства.*

Сложность процесса обучения. *Грызть гранит науки. Тяжело в учении, легко в бою. В науку нет коротких путей. Без терпенья нет ученья. Ученье и труд всё перетрут. Корень ученья горек, а плод сладок. Больше знать, так меньше спать.*

Приоритет образованности. *Учёному везде дорога. Не гордись званьем, а гордись знаньем. По одежке встречают, по уму провожают. Голова – всему начало.*

Порицание необразованности. *Неграмотный – что слепой. Неразумного учить – что в бездонную бочку воду лить. За неуменье по головке не гладят. От знаний уйдёшь – в хвосте пойдёшь. Кто не учится, тот не знает. Человек неучёный – что топор неточёный [можно и таким дерево срубить, да трудов много]. Не бойся, что не знаешь, бойся, что не учишься. Не стыдно не знать, стыдно не учиться.*

Антиномия «умный – глупый». *Ученье – свет, [а] неученье – тьма. За учёного трех неучёных дают [да и то не берут]. Знайка всё с полуслова понимает, а незнайка на всё только рот разевает. Знайка по дорожке бежит, [а] незнайка на печи лежит. Незнайка лежит, а знайка далеко бежит. Учёный водит, а неучёный следом ходит. Учёный идёт, а неучёный спотыкается.*

Средствами паремиологии мы транслируем иностранным обучающимся ценности, отражённые в нашей культуре, подчёркиваем важность овладения знаниями, значимость русского языка, сообщаем о готовности русских проявлять упорство и настойчивость в процессе обучения. Обучающиеся понимают, что в русской культуре человек, прикладывающий усилия к получению знаний, умений и навыков, широко одобряется обществом, имеет преимущество, в то время как неучёный получает общественное порицание. Подобный аксиологический компонент имеет большое значение в условиях кросскультурного и межэтнического взаимодействия разных стран, поскольку «ценности служат важным фактором социальной регуляции поведения людей и их отношений» [Современный философский словарь 2004, с. 609].

Отбор конкретной паремии для урока зависит не только от мотивационного потенциала её значения, но и актуальности грамматического оформления содержания урока. Будучи предложениями, то есть единицами с замкнутой структурой, пословицы и поговорки обладают смысловой и интонационной завершенностью, категориями предикативности и модальности, что отличает их от фразеологических единиц, которые чаще всего выражены словом или словосочетанием [Еремеева, Мацук 2018, с. 24], следовательно, в работу с паремией может быть включён грамматический компонент. Так, например, поговорка «ученье – свет, неученье – тьма» актуальна для повторения категории рода; «не

бойся, что не знаешь, бойся, что не учишься» – выражение отрицания; *«учение – лучшее богатство»* – сравнительная степень прилагательного; *«тяжело в учении, легко в бою»*, *«больше знать, так меньше спать»* и др. – антонимия.

Деятельностный подход к организации образовательного процесса предполагает, что выбранная паремия не просто служит «немым» эпиграфом к уроку, а является «живым» материалом, с которым в течение нескольких минут работают школьники. Среди заданий, которые показали свою эффективность на практике, отметим следующие (в порядке возрастания трудности): восстановить верный порядок слов; установить соответствие: картинка – пословица; написать пропущенное слово (*Кто не учится, тот не ...*); придумать своё продолжение пословицы, объяснить значение (*Знание дороже ...; От знаний уйдёшь – ...*); найти пословицу, которая похожа на узбекскую пословицу; в парах придумать и разыграть ситуацию, в которой можно использовать эту пословицу; спрогнозировать кому и в какой ситуации можно сказать эту пословицу.

Таким образом, систематическая работа с русскими паремиями как с культурно и общественно значимым участком семантического пространства русского языка способствует повышению уровня мотивации учащихся, вовлечённости в учебный процесс с первых минут урока, а также знакомству иноязычных учеников с ценностями русского общества, созданию позитивного образа России в сознании учащихся, расширению и обогащению их словарного запаса. Качественное обучение русскому языку за рубежом невозможно без создания широкого культурного фона, паремии, будучи отражением народно-бытовой мудрости русского народа, должны включаться в учебный процесс, стимулируя учеников к познанию нашей культуры, активизируя их учебную деятельность. Данный опыт может быть обобщён и использован не только в условиях преподавания РКИ в Средней Азии, но и в иных регионах, где наблюдается спад интереса учеников к учебному процессу и русскому языку.

Литература

1. Еремеева М., Мацук А. Трудности разграничения паремиологии и фразеологии // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития: материалы II Международной научно-практической конференции, Минск, 01–02 марта 2018 года. Минск: Белорусский государственный университет, 2018. С. 20–25.
2. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): словарь / под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2017. 1020 с.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2010. 255 с.
4. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007. 1135 с.
5. Современный философский словарь / под общей ред. профессора В.Е. Кемерова. М.: Академический Проект, 2004. 864 с.
6. Чепкова Т.П., Мартыненко Ю.Б., Степанян Е.В. Русские фразеологизмы. Узнаём и учим: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА, 2013. 107 с.

**Речевой этикет как составляющая
педагогического дискурса преподавателя русского языка
как иностранного в новых образовательных условиях**

Ольга Викторовна Харитоновна

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
irkutsk4@yandex.ru

Статья посвящена правилам соблюдения русского речевого этикета в условиях дистанционного обучения как в речи преподавателя, так и в речи иностранных учащихся. Потенциал русского речевого этикета позволяет в полной мере сформулировать коммуникативную и межкультурную компетенции иностранных учащихся на всех этапах обучения.

Ключевые слова: русский речевой этикет, коммуникативная компетенция, межкультурная компетенция, культура речи, дискурс.

**Speech Etiquette as a Component of Pedagogical Discourse
of a Teacher of Russian as a Foreign Language
in New Educational Conditions**

O.V. Kharitonova

Plekhanov Russian University of Economics

The article is devoted to the rules of observance of Russian speech etiquette in the conditions of distance learning both in the speech of a teacher and in the speech of foreign students. The potential of Russian speech etiquette allows to fully formulate the communicative competence of foreign students at all stages of learning.

Keywords: Russian speech etiquette, communicative competence, intercultural competence, speech culture, discourse.

В процессе обучения русского языка как иностранного (РКИ) овладение иностранными учащимися правилами русского речевого этикета (РРЭ) представляется важным фактором формирования их коммуникативной и межкультурной компетенций. Нарушения в области РРЭ могут послужить причиной коммуникативного сбоя и низким уровнем речевой культуры изучаемого языка [Меламуд и др. 2014, с. 49]. На начальном этапе обучения (НЭО) образцом речевого поведения служит в первую очередь речь преподавателя-русиста, соответственно, одним из важных элементов педагогической культуры в иностранной аудитории является соблюдение всех языковых и речевых норм русского языка. Неоправданные отступления от принятых норм употребления этикетных форм в ситуациях знакомства, прощания, благодарности или извинения искажают систему нравственных ценностей русской культуры и русской речевой культуры.

Важным инструментом в русском сознании выражения отношения к адресату от вежливого и почтительного до бесстрастного формально-делового, от неформального дружеского до официально-делового является существующая система перехода с регистров «Ты» и «Вы». В современных учебных пособиях по РКИ предлагается множество соответствующих диалогов и монологов, участники которых находятся в различных отношениях друг с другом, например: разговор друзей, разговор с незнакомым человеком (ровесником, возрастным собеседником, маленьким ребёнком), разговор по телефону с другом, с его родителями (родственниками), со своими родителями (родственниками), со-

трудником деканата, гостиницы, поликлиники, фитнес-центра и т.д. Маркеры того или иного регистра общения на НЭО многочисленны и чётко определены, что, без сомнения, методически целесообразно. Например:

		«ТЫ»	«ВЫ»
1	Ситуация приветствия, прощания	«Привет!», «Здравствуй!», «Пока!», «До встречи!», «Чао!»*, «Бай!»*, «Увидимся!» и т.д.	«Здравствуйте!», «До свидания!», «До (скорой) встречи!» и т.д.
2	Обращение	– Краткие формы собственных имён существительных в ж. и м. р.: <i>Катя, Оля, Марина, Саша, Юра, Паша</i> и т.д. – Извини, (как тебя зовут?).	– Имя +отчество; – господин/госпожа + фамилия; – «уважаемый/уважаемая» + имя+ отчество; – «уважаемый/ уважаемая» + господин/госпожа + фамилия; – Извините, (как Вас зовут?).
3	Местоимение	<i>Ты, твой, твоя, твои; у тебя</i>	<i>Вы, Ваш, Ваша, Ваши; у Вас</i>
4	Запрос, как обстоят дела у адресата/ответ	– <i>Как дела? Как у тебя дела? Как твои дела? Как ты?*</i> – <i>Спасибо! Спасибо, хорошо. Хорошо/ Нормально/ Не очень/ Всё хорошо/Супер!*</i> – <i>А как твои дела? А у тебя? и т.д.</i>	– <i>Как Ваши дела? Как у Вас дела?</i> – <i>Спасибо, хорошо. Спасибо.</i> – <i>А у Вас? А как Ваши дела? и т.д.</i>
5	Глаголы в повелительном наклонении	Единственное число (без частицы -ТЕ): <i>скажи, покажи, знаешь</i> и т.д.	Множественное число (с частицей -ТЕ): <i>скажите, покажите, знаете</i> и т.д.
6	Указание на время суток общения		<i>Доброе утро!</i> <i>Добрый день!</i> <i>Добрый вечер!</i>

Как показывает наш опыт работы с иностранной аудиторией, студенты НЭО быстро осваивают правило обращения к преподавателям или сотрудникам администрации вуза на Вы, но при этом избегают обращения по имени и отчеству, заменяя его словами, типа: «мисс» («мисс» + имя), «мистер» («мистер» + имя), «учитель» («учительница»), «преподаватель» и т.д. В некоторых случаях фамилия преподавателя трансформируется учащимися в отчество: *Ольга Викторовна Харитонова – Ольга Харитоновна* и т.п. Очевидно, что ошибки, которые допускает учащийся при использовании формул РРЭ, являются результатом механического переноса правил речевого этикета родного языка на изучаемый язык, т.е. в основе нарушения этикетных норм лежат межкультурные аспекты. Учащиеся компенсируют недостаточное знание норм РРЭ за счёт норм родного языка, не учитывая того, что эти нормы не всегда совпадают. Например, обращение к русскому преподавателю по возрасту или по рангу, неуместные вопросы с точки зрения русской лингвокультуры, смешение имени, отчества или фамилии и т.д. Знание русистом культурных традиций родных стран иностранных учащихся представляется той основой межкультурного взаимодействия на уроках РКИ, без которого невозможно обучение языку как средству обще-

ния [Лаврушина и др. 2018]. Так, западноевропейские или американские студенты легко ориентируются в возрасте, социальном статусе собеседника, поэтому не ошибаются или почти не ошибаются в использовании маркированных единиц РРЭ. При этом, обращаясь к преподавателю, студенты обычно не используют его отчество. Таким образом, можно говорить о влиянии регистра «Ты» на регистр «Вы», а значит, о сокращении социальной дистанции между преподавателем и студентом. Отказ от дополнительных маркеров вежливости и уважения (в аспекте РРЭ), конечно, не является критическим с точки зрения коммуникации, но в определённой степени сужает возможности учащегося для выражения искреннего дружеского неформального отношения к преподавателю средствами русского языка: *Ольга вместо Ольга Викторовна, дорогая Ольга Викторовна; у тебя на уроке – у вас на уроке; с тобой – с вами; благодарю тебя – благодарю вас.*

Студенты из азиатских стран (Китая, Вьетнама, Лаоса, Кореи, Афганистана и др.) при обращении к преподавателю или любому официальному лицу выбирают обращение, которое указывает на социальный статус или профессиональную деятельность собеседника. Почётное место учителя/преподавателя в восточной культуре предполагает максимально уважительное отношение к людям этой специальности [Воронова 2019, с. 62]. Азиатские студенты внимательно относятся к маркерам «Вы» в РРЭ, но не в части обращения по имени и отчеству. Эти формулы им не близки, поэтому переход с привычных обращений «преподаватель» или «учитель» на русское обращение по имени и отчеству им очень труден и требует дополнительных усилий. Также студенты очень часто ошибаются в обращении друг к другу – вместо обращения-ты они выбирают обращение-вы, которое используется в учебниках и учебно-методических пособиях по РКИ в качестве обращения к неопределённому лицу или кругу лиц [Как писать...]. Таким образом, можно говорить о влиянии регистра Вы (вы) в речи студентов Азии на регистр Ты, что приводит к сужению его функций.

Очевидно, что в условиях обучения в формате онлайн корректировать речевое поведение иностранных учащихся в соответствии с нормами русской лингвокультуры легче, чем в условиях оффлайн-обучения [Гвоздева 2017, с. 27]. У студентов есть возможность соотнести невербальные средства общения с определёнными формулами РРЭ, стать свидетелями общения преподавателя с коллегами, руководством, сотрудниками охраны или администрации вуза и оценить выбор того или иного средства по степени дружеского расположения, социального статуса, возраста коммуникантов [Мартынова 2021, с. 56]. В формате оффлайн у учащихся таких возможностей нет. К сожалению, даже межличностное общение (регистр «Ты») сведено к минимуму – студенты при выполнении учебных заданий называют друг друга по именам. В этом случае китайские студенты, к примеру, автоматически повторяют формы-вы, представленные в учебных пособиях; обращаются к преподавателю исключительно по его социальному статусу: «Преподаватель», «Учитель», «Профессор» и т.д.; прощаются при окончании первого урока, зная, что после десятиминутного перерыва начнётся второй урок или здороваются в начале второго урока и интересуются, как дела у преподавателя. Очевидно, что подобные нарушения в области употребления РРЭ не способствуют формированию коммуникативной компетенции в полном объёме [Асонова и др. 2020, с. 28]. Помочь студентам, которые изучают русский язык в дистанционной форме (в отсутствие языковой среды или в языковой среде), можно через систему дополнительных заданий, например:

1) изучить сайт кафедры, на котором представлен список преподавателей с указанием их имён, отчеств и фамилий, и назвать преподавателей, которые работают на факультете (<https://www.rea.ru/ru/org/cathedries/Pages/ruskaf.aspx>);

2) изучить расписание учебных занятий, в нашем случае подготовительного факультета, где также указаны имена и должности преподавателей, и рассказать, какие преподаватели и когда работают в различных группах;

3) вступить в коммуникацию с членами семьи (друзьями, соседями) преподавателя;

4) прослушать аудиозаписи преподавателя, сделанные им дома, в парикмахерской, в поликлинике, в магазине и т.п.;

5) выполнить игровые коммуникативные задания [Куйдини].

Цель подобных упражнений – научить иностранных учащихся следовать русской речевой культуре в ситуациях знакомства, встречи, просьбы, совета, отказа, извинения, прощания, поздравления и т.д., показать ценностный потенциал формул РРЭ как средства межкультурной коммуникации и средства межличностного взаимодействия [Зозуля и др. 2019, с. 16]. Анализ предложенных речевых образцов путём наблюдения и их комментирования вырабатывает у иностранных учащихся необходимую рефлексивность, вследствие чего они начинают понимать разницу между формулами речевого этикета на родном языке и русском языке, отказываться от предвзятого, прямолинейного заключения о наблюдаемых явлениях, формирующегося на основе стереотипов, и избегают ошибок, которые могут деструктивно повлиять на общение.

С другой стороны, переход современной модели образования в дистанционный формат стимулирует учащихся к письменной коммуникации – студенты отправляют домашние задания с сопроводительным письмом, просят преподавателя отправить ссылку на занятие, сообщают о проблемах с работой интернета или компьютера, объясняют своё отсутствие в зум-уроке и т.д. Все подобные ситуации требуют от учащихся знания правил написания просьб, сообщений и информационных писем, а также правил так называемого сетевого этикета. Научить студентов правильно писать сообщения преподавателю и одногруппникам можно путём выполнения следующих упражнений:

1) попросите отправить ссылку на зум-урок преподавателя (*Ольга Викторовна*) и вашего друга/вашу подругу;

2) вас не было на уроке. Узнайте домашнее задание у преподавателя (*Ольга Викторовна*) и у вашего друга/вашей подруги;

3) вы не можете присутствовать на уроке, но, к сожалению, потеряли e-mail преподавателя. Попросите вашего друга/вашу подругу дать вам электронный адрес преподавателя;

4) поблагодарите преподавателя (*Ольга Викторовна*) и вашего друга/подругу за отправленную ссылку на урок;

5) предупредите преподавателя (*Ольга Викторовна*) о том, что вы не сможете присутствовать на занятии и т.д.

При выполнении подобных занятий у студентов формируется и совершенствуется навык письменной речи и навык употребления регистров «Ты» и «Вы». Так, например, в современной интернет-коммуникации развивается употребление вы-общения в противопоставлении Вы-общению, ареал употребления которого сужается до официально-деловой переписки. Письменные формы коммуникации в зум-формате между преподавателем и учащимся нельзя отнести к строгому жанру официально-делового письма, поэтому в деловой переписке педагога и студента предпочтительнее форма «вы» с маленькой буквы. Постепенно у студентов формируется концепт РРЭ следующим образом:

«Ты»	«Вы»	«вы»	вы
Обозначает единственное число	Обозначает единственное число	Обозначает единственное число	Обозначает множественное числа
Регистр «Ты» для выражения неформальных, равнопартнёрских, дружеских отношений между коммуникантами	Регистр «Вы» для выражения официально-деловых отношений	Регистр «вы» для выражения официально-деловых отношений на дружеской основе	
<i>Антон, ты идёшь в библиотеку?</i>	<i>Антон Иванович, разрешите Вам позвонить?</i>	<i>Ольга Викторовна, когда вы будете на кафедре?</i>	<i>Друзья, вы идёте в библиотеку?</i>

Таким образом, овладение иностранными учащимися системой РРЭ на уроках РКИ в онлайн- и офлайн-формате обучения способствует формированию их коммуникативной и межкультурной компетенций, а значит, требует систематического выполнения соответствующих упражнений и внимательного отношения со стороны преподавателя к собственной речи и к речи учащихся.

Литература

1. Асонова Г.А., Гугурова Д.Г., Капшукова Т.В. Особенности достижений ключевых задач при работе с текстом для развития коммуникативной компетенции на уроках русского языка как иностранного // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8. № 4. С. 28.
2. Воронова Л.В., Юй Л. Технология отбора содержания обучения русской деловой письменной коммуникации китайских учащихся // Русский язык в современном Китае. Материалы VII Международной научно-практической конференции. Чита, 2019. С. 61–64.
3. Гвоздева Е.В. Оптимизация учебного процесса посредством создания электронного образовательного комплекса // Теоретические и методологические проблемы обучения современному русскому языку, сборник материалов Межрегиональной конференции. 2017. С. 25–29.
4. Зозуля Е.А., Лошакова Е.Л. Панова Л.В. Место и роль аутентичных материалов в обучении русскому языку как иностранному в формате летней языковой школы // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. Т. 7. № 6. С. 16.
5. Как писать Вы и Ваш – с прописной или со строчной буквы? URL: <http://new.gramota.ru/spravka/letters/51-rubric-88> (дата обращения: 07.03.2022).
6. Куйдини Е.П. Коммуникативные задания на занятиях по «Русскому речевому этикету» для иностранных обучающихся. URL: <https://www.eduneo.ru/igry-na-zanyatiyah-russkij-rechevoj-etiket-dlya-inostrannykh-obuchayushhixsya> (дата обращения: 09.03.2022).
7. Лаврушина Е.В., Болдина О.О., Корнилова Т.В., Журавлёва Н.С., Герасимова В.Г., Меламуд М.Р. Русский язык и лингвострановедение для иностранных студентов российских вузов: система тренировочных тестов и творческих заданий. Свидетельство о ре-

гистрации программы для ЭВМ RU 29186615840, 17.05.2018. Заявка №2018613097 от 30.03.2018.

8. Меламуд М.Р., Бондарь И.В., Буйских Т.М., Карпухина Н.М. Культура устной речи делового человека: Общаемся на работе и на работе // Хроники объединённого фонда электронных ресурсов Наука и образование. 2014. № 11 (66). С. 49.

9. Мартынова М.А. Роль преподавателя РКИ в формировании эмоциональной культуры зарубежных учащихся на этапе довузовской подготовки в условиях новой образовательной реальности // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2021. Т. 10. № 2. С. 54–61.

УДК 372.881.161.1

Использование произведений русской драматургии в преподавании русского языка как иностранного

Нелли Александровна Шульман

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
nashulmans@mail.ru

Использование русской классики на уроках русского как иностранного зачастую ограничивается работой с адаптированными прозаическими произведениями. Произведения русской драматургии оказываются более лёгкими для понимания учащихся. В статье рассматриваются варианты использования различных драматургических произведений на уроках РКИ и даются методические рекомендации по их введению в курс обучения иностранных студентов.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, русская драматургия, лингвострановедение, коммуникативное обучение.

The Use of Works of Russian Dramaturgy in Teaching Russian as a Foreign Language

N.A. Shulman

The Pushkin State Russian Language Institute

The use of Russian classics in the lessons of Russian as a foreign language is often limited to working with the examples of an adapted prose. However, the works of Russian dramaturgy are often more comprehensive for students. The article discusses the options for using various dramatic works in lessons of Russian as a foreign language and provides methodological recommendations for their introduction into the course of study for foreign students.

Keywords: Russian as a foreign language, Russian dramaturgy, linguistic and cultural studies, communicative learning.

Вопросы использования произведений русской классической литературы в курсе обучения русскому языку как иностранному давно привлекают внимание исследователей, дискутирующих о достоинствах и недостатках работы учащихся с адаптированными и неадаптированными произведениями. Н.В. Кулибина считает, что адаптация текстов необ-

ходима для решения конкретных учебных задач, в особенности на первом этапе обучения РКИ [Кулибина 2012, с. 6].

Однако практический курс РКИ призван в первую очередь помочь студентам решить коммуникативную задачу, т.е. обеспечить их актуальными инструментами речевого общения. В данной ситуации возрастает значение текста как главной единицы обучения, несущей в себе отпечаток аутентичной русской языковой личности.

В связи с этим Н.В. Кулибина, обсуждая вопросы работы с текстами на в курсе РКИ, замечает, что «в этой роли может выступать только аутентичный текст, то есть созданный носителем языка для носителей языка в условиях естественного речевого общения» [Кулибина 2012, с. 6].

С другой стороны, К.А. Деменева, считая, что русская культура для иностранца во многом начинается с литературы, тоже поддерживает введение в курс обучения не аутентичных, а адаптированных (или упрощённых) текстов [Деменева 2014, с. 41]. Возвращаясь к точке зрения Н.В. Кулибиной, необходимо отметить, что она обсуждает и такую важную составляющую использования аутентичных текстов, как их влияние на развитие мотивации студентов к изучению русского языка.

Н.В. Кулибина отмечает: «Как правило, учащийся-инофон, овладевший основами русской грамматики и накопивший определённый запас слов, с нетерпением ждёт, когда же, наконец, он сможет реализовать всё это на практике и прочесть не только текст из учебника или учебный текст по специальности, но и стихотворение, рассказ или журнальную статью, то есть то, что читают современные русские люди» [Кулибина 2012, с. 7].

В данном случае Н.В. Кулибина перечисляет обычные разновидности художественных текстов, предлагаемых в курсе изучения РКИ, а именно прозу, поэзию и публицистику. Вопросы работы с драматургией на занятиях РКИ стали предметом изучения исследователей сравнительно недавно, хотя в преподавании английского языка как иностранного работа с драматическими произведениями является общепризнанным и действенным инструментом обучения.

С. Wessels пишет: «Основными преимуществами введения драматических произведений в курс обучения являются: взаимодействие на целевом языке, усвоение его фонетических особенностей через участие в контекстуализированном полилоге, овладение новыми словами и грамматическими структурами, а также повышение мотивации студентов к изучению целевого языка» [Wessels 1987, с. 10].

А.В. Стабровская, рассматривая особенности изучения драматических произведений иностранными студентами, отмечает, что «...не менее эффективным методом обучения является чтение по ролям драматического произведения. В процессе осуществления данного метода происходит погружение учащихся в атмосферу эпохи...» [Стабровская 2015, с. 117].

Как отмечает Лю Бо, «преподавание драмы интересно тем, что эти материалы позволяют студентам жить в разных эпохах и в разных социальных слоях и помогают им погрузиться в русскую национальную культуру, историю и мысль» [Лю Бо 2021, с. 513]. Использование драматических произведений в курсе русского языка как иностранного позволяет усилить в последнем лингвострановедческий аспект, что важно для формирования у изучающих русский язык новой языковой личности.

Отбор драматургических произведений для использования на уроках русского как иностранного должен отвечать определённым требованиям, внимание к соблюдению которых важно для эффективной работы студентов с отрывками из той или иной пьесы.

Во-первых, согласно К.А. Деменевой [Деменева 2014, с. 41–46], для многих учащихся мотивацией к изучению русского языка является именно стремление к чтению и пониманию великих произведений русской классической литературы. Следовательно, использование отрывков из произведений таких драматургов, как А.С. Грибоедов, Н.В. Гоголь, А.Н. Островский и А.П. Чехов не только познакомит учащихся с аутентичными текстами, обеспечит получение лингвострановедческой информации, но и создаст дополнительный толчок для повышения мотивации к учёбе.

Во-вторых, работа с драматургическим произведением позволяет тренировать функционально-речевые компетенции учащихся, потому что в пьесах содержатся примеры диалогической и монологической речи, а также авторские ремарки. Работа с последними способствует развитию у учащихся навыков описания, а использование диалогов и монологов из пьес помогает преодолению речевого барьера и созданию навыков публичной речи.

В-третьих, лингвострановедческая информация, содержащаяся в пьесах, представляет собой уникальный источник для знакомства с историей России, с различными аспектами её культуры и бытовыми подробностями. Кроме того, выбирая произведения для занятия, следует обратить внимание на существующие визуальные репрезентации данных пьес, такие как запись спектакля, экранизация, сериал или опера.

Рассмотрим для примера отрывок занятия, посвящённого исторической драме Л.А. Мей «Царская невеста». Одноимённая опера Н.А. Римского-Корсакова является одним из шедевров не только русской, но и мировой музыкальной культуры. Цикл занятий по этой опере познакомит учащихся с биографией и творчеством композитора, с историей Российского государства времён царя Ивана Грозного, а также с жизнью и произведениями замечательного русского поэта и драматурга Л.А. Мей.

В ходе работы с отрывком из монолога главной героини пьесы, Марфы Собакиной, учащиеся получают возможность расширить свой словарный запас, познакомиться с уменьшительно-ласкательными формами слов, а также с использованием несовершенных и совершенных глаголов.

Ах, посмотри – какой же колокольчик
Я сорвала! Лазоревый, а жилки
Как шелковинка аленькая... Правда,
Что он звенит в Ивановскую ночь?
(Покачав головою)
Про эту ночь Петровна говорила
Мне чудеса...
(Указывает рукою налево.)
Вот этот куст зори
Мне подарила Дунюшкина мать.
И славная зоря, чудесный запах!
(Будто срывает ветку и мнёт её в руках.)
Я ею мою руки по утрам.
(Идёт дальше.)
А какова смородина, Ванюша?
(Будто поднимает ветку.) [Мей 1972, с. 414].

В качестве предтекстового задания учащихся необходимо познакомить с культурно-исторической концепцией Ивановской (или Купальской) ночи, считающейся магическим временем в традиционной русской культуре. Учащиеся получают короткий текст о традициях праздника Ивана Купалы и серию фотографий, иллюстрирующих эти традиции. Выполнив подбор фотографий к текстам, учащиеся переходят к знакомству с отрывком из монолога.

Преподаватель обращает их внимание на названия растений, перечисленные в отрывке, и демонстрирует их фотографии. Затем учащиеся переходят к выполнению грамматических заданий.

Задание 1.

Запишите в таблицу полную форму имени собственного, существительного или прилагательного.

Уменьшительно-ласкательная форма	Полная форма
жилка	
аленькая	
Дунюшка	
Ванюша	

Задание 2.

Запишите в таблицу пары глаголов несовершенного и совершенного вида.

Несовершенный вид	Совершенный вид
	сорвать
звенеть	
говорить	
	покачать
указывать	
	подарить
мять	
мыть	
идти	
поднимать	

После выполнения грамматических заданий учащиеся читают монолог по очереди, одновременно выполняя сценические ремарки автора. Подобное занятие раскрепощает учащихся, прививает им навыки публичной речи, а также знакомит с лингвострановедческой и грамматической информацией. Таким образом, можно уверенно рекомендовать использование отрывков из драматических произведений на уроках русского языка как иностранного в качестве источника лингвострановедческих и языковых знаний и средства повышения мотивации учащихся.

Литература

1. Деменева К.А. Адаптация классических произведений при подготовке урока по русскому языку как иностранному // Вестник ЦМО МГУ. 2014. № 4. С. 41–46.
2. Лю Бо. Классическая драматургия как идейно-политическое воспитание в процессе обучения русскому языку как иностранному // Довузовский этап обучения в России и мире: язык, адаптация, социум, специальность. Актуальные вопросы реализации образо-

вательных программ на подготовительных факультетах для иностранных граждан: Сборник статей IV Международного конгресса преподавателей и руководителей подготовительных факультетов (отделений) вузов РФ и V Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 14–16 октября 2020 года. М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 2021. С. 512–516.

3. Мей Л.А. Избранные произведения. Ленинград: Советский писатель, 1972. 687 с.

4. Стабровская А.В. Особенности изучения русской драматургии иностранными учащимися в высшей школе // IN SITU. 2015. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-izucheniya-russkoy-dramaturgii-inostrannymi-uchaschimisya-v-vysshey-shkole> (дата обращения: 16.02.2022).

5. Тексты лекций и образцы уроков (для преподавателей русского языка как иностранного). Выпуск 1 / сост. Н.В. Кулибина. М., 2012. 372 с.

6. Wessels C. Drama. Oxford: Oxford University Press, 1987. 137 с.